

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИРЯ

ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

F. B. Uspenskij

The Editorial Board

I. Hristova-Shomova, A. Nikolov
(*Bulgaria*); M. Mihaljević, M. Kapović
(*Croatia*); V. Čermák (*Czech
Republic*); R. Marti, B. Wiemer
(*Germany*); A. Zoltán (*Hungary*);
M. Garzaniti (*Italy*); J. Schaecken
(*Netherlands*); E. I. Kislova,
R. N. Krivko, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major,
T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake,
W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

Главный редактор

Ф. Б. Успенский

Редакционная коллегия

А. Николов, И. Христова-Шомова
(*Болгария*); А. Золтан (*Венгрия*);
Б. Вимер, Р. Марти (*Германия*);
М. Гардзанити (*Италия*); Й. Схакен
(*Нидерланды*); свящ. Михаил Желтов,
Е. И. Кислова, Р. Н. Кривко, М. М. Ма-
карцев, Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. В. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев (*Рос-
сия*); Я. Грекович-Мейджор, Т. Субо-
тин-Голубович (*Сербия*); А. Жолков-
ский, Р. Романчук, А. Тимберлейк,
У. Федер (*США*); М. Михалевич,
М. Капович (*Хорватия*); В. Чермак
(*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 10

№ 2

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

PKP Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>
PUBLIC KNOWLEDGE PROJECT

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
Moscow

E. I. Kislova, Lomonosov Moscow State University

R. Marti, Saarland University, Saarbrücken

D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

M. N. Saenko, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

Managing Editors

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, R. Marti, D. G. Polonski,
M. N. Saenko, A. E. Soboleva

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, U. V. Kononova, K. V. Sarycheva,
A. A. Troitskaya, M. S. Yakovleva

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, U. V. Kononova,
M. S. Yakovleva

English Language Copy Editors, Proofreaders

N. S. Berseneva, M. A. Borun, D. I. Glass

Layout Editor M. N. Tolstaya

Design (2012)

I. N. Ermolaev

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва

Е. И. Кислова, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен

Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва

М. Н. Саенко, Институт славяноведения
РАН, Москва

Редакторы выпуска

А. О. Бурцева, Е. И. Кислова, Р. Марти,
Д. Г. Полонский, М. Н. Саенко, А. Е. Соболева

Технические редакторы

А. О. Бурцева, У. В. Кононова, К. В. Сарычева,
А. А. Троицкая, М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры

(русский язык) А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
У. В. Кононова, М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры

(английский язык) Н. С. Берсенева, М. А. Борун,
Д. И. Гласс

Верстка М. Н. Толстая

Дизайн (2012)

И. Н. Ермолаев

Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 10. № 2. — Москва: Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. — 368 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
“Современное Естествознание” и “Лаборатории ненужных вещей”.

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons “Attribution-NoDerivatives”
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2021

© Authors, 2021

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

Статьи / Articles

- 7 V. Boček (Brno). *Old Czech anděl 'angel': a Loanword from Old Church Slavonic or from Latin?*
В. Бочек (Брно). *Старочешское anděl 'ангел': заимствование из старославянского языка или из латыни?*
- 22 M. A. Bobrik, V. K. Singh (Moscow). *Документ древненовгородского сваддебного ритуала. Костяная грамота XIII века из раскопок 2020 года*
M. A. Bobrik, V. K. Singh (Moscow). *A Witness of the Matrimonial Rituals from Old Novgorod. Inscription on the Bone from the 13th Century Excavated 2020*
- 41 K. Džunková (Prague). *Новый Завет в переводе Мартина Лупача (ок. 1450): Вопросы авторства и стиля*
K. Džunková (Prague). *The New Testament Translation by Martin Lupáč (ca. 1450): Questions of Language and Authorship*
- 76 V. V. Lytvynenko (Prague). *Slavonic Quotations from Athanasius' Orations against the Arians in Joseph Volotsky and Metropolitan Daniil*
В. В. Литвиненко (Прага). *Цитаты из славянского перевода Афанасиевых слов против ариан у Иосифа Волоцкого и митрополита Даниила*
- 97 A. A. Pletneva (Moscow). *Кого хоронят мыши? К интерпретации лубочной картинки «Мыши коту погребают»*
A. A. Pletneva (Moscow). *Who are the Mice Burying? The Interpretation of the Lubok Print The Mice are Burying the Cat*
- 124 † В. Г. Безрогов, О. Е. Кошелева (Москва), Е. Ю. Ромашина (Тула). *«Свет видимый»: Лейденская рукопись среди русских переводов Orbis Pictus*
† V. G. Bezrogov, O. E. Kosheleva (Moscow), E. Yu. Romashina (Tula). *“The Visible World”: The Leiden Manuscript and Its Place Among the Russian Translations of Orbis Pictus*
- 163 Д. Я. Калугин (С.-Петербург). *Живые и мертвые, или Политическое визионерство Александра Радищева*
D. Y. Kalugin (St. Petersburg). *The Living and the Dead: Visionary Political Ideas of Alexander Radishchev*
- 193 Ю. И. Красносельская (Москва). *«1866 год» в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: сцена созыва народного ополчения и ее социально-политические источники*
Yu. I. Krasnoselskaya (Moscow). *“1866” in Leo Tolstoy's War and Peace: The Depiction of Militia Gathering in the Socio-Political Context of the 1860s*
- 217 I. Šimko (Zurich). *Standardization in Balkan Slavic Diachronic Research*
И. Шимко (Цюрих). *Стандартизация в историческом исследовании балкано-славянских языков*
- 252 S. Nedelcheva (Shumen), L. Šarić (Oslo). *The Semantic Profile of the Verbal Prefix do- in Bulgarian and Croatian*
С. Неделчева (Шумен), Л. Шарич (Осло). *Семантический профиль глагольного префикса до- в болгарском и хорватском языках*

- 277 Р. В. Ронько (Москва). *Конструкция с предложом на и винительным падежом в значении адресата при глаголах говорить и сказать в некоторых южнорусских и западнорусских говорах*
R. V. Ronko (Moscow). *Na with the Accusative: Marking the Addressee of Speech in some Western and Southern Russian Dialects*
- 297 С. В. Князев (Москва). *Три стратегии коартикуляции по голосу в русском языке*
S. V. Knyazev (Moscow). *Three Different Strategies of Voice Coarticulation in Modern Standard Russian*

Публикации / Publications

- 321 М. В. Корогодина (С.-Петербург). *Грамота патриарха Константинопольского Дионисия Новгороду (1467): судьба славянского перевода*
M. V. Korogodina (Moscow). *The Letter of Patriarch Dionysius of Constantinople to Novgorod (1467): Fate of the Slavic Translation*

Заметки / Notes

- 338 Е. И. Кислова (Москва). *Латынь vs русский: языки класса риторики в русских семинариях XVIII века*
E. I. Kislova (St. Petersburg). *Latin vs. Russian: the Languages of Rhetoric Classes in 18th Century Russian Seminaries*

Рецензии / Reviews

- 353 К. Ю. Лаппо-Данилевский (С.-Петербург). *Литературный трансфер Н. М. Карамзина*
[Рец.: Кафанова О. Б. *Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум*. С.-Петербург: Алетейя, 2020. 356 с.]
K. Iu. Lappo-Danilevskii (St. Petersburg). *N. M. Karamzin's Literary Transfer*
[Rev. of: Kafanova O. B., *Perevody N. M. Karamzina kak kul'turnyj universum*. St. Petersburg: Aleteiia, 2020. 356 p. (in Russian)]

Old Czech *anděl* 'angel': a Loanword from Old Church Slavonic or from Latin?

Vít Boček

Czech Language Institute, Czech
Academy of Sciences,
Brno, Czech Republic

Старочешское *anděl* 'ангел': заимствование из старославянского языка или из латыни?

Вит Бочек

Институт чешского языка,
Академия наук Чешской Республики,
Брно, Чешская Республика

Abstract

The aim of this paper is to discuss the existing theories of the origin of the Old Czech word *anděl* 'angel', whose *-d-* may be explained as reflecting influence from Old Church Slavonic *ангѣль*, containing a palatalised sound, or from Medieval Latin *angelus* [anjelus]. New supporting arguments in favour of the latter view are presented, and, in particular, further evidence of Old Czech [d'] in place of earlier [j], the possible secondary influence of antonymous Old Czech *diábel/dábel* 'devil' in the modification of original Old Czech *anjel* to *anděl*, and the form of words for 'angel' in other West and western South Slavonic languages. Also considered is the possibility that the origin of *anděl* is to be found in a spoken Early Romance dialect.

Keywords

etymology, language contact, Czech, Old Church Slavonic, Latin, 'angel', 'devil'

Citation: Boček V. (2021) Old Czech *anděl* 'angel': a Loanword from Old Church Slavonic or from Latin? *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 7–21.

Цитирование: Бочек В. Старочешское *anděl* 'ангел': заимствование из старославянского языка или из латыни? // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 7–21.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.1

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Резюме

Цель статьи — обсудить существующие гипотезы относительно происхождения старочешского слова *anděl* 'ангел': -d- в этом слове можно объяснить как отражение влияния либо старославянского *ангѣль*, содержащего палатализованный согласный, либо среднелатинского *angelus* [anjelus]. В статье приведены новые аргументы в пользу второго толкования, а именно иные случаи появления старочешского [d] на месте более раннего [j], возможное вторичное влияние старочешского антонима *diábel* / *d'ábel* 'дьявол' на изменение первоначального старочешского *anjel* в *anděl* и форма слов со значением 'ангел' в других западнославянских и в западных южнославянских языках. Обсуждается также возможность возведения старочешского *anděl* к устному раннероманскому диалекту.

Ключевые слова

этимология, языковой контакт, чешский язык, старославянский язык, латинский язык, 'ангел', 'дьявол'

In the Old Czech language, two different forms with the meaning 'angel' are attested: *anjel* and *anděl* [see Gebauer 1970, 1: 12–13]. The variation between -j- and -d- is also reflected in other pairs of Old Czech words. First, there are derivatives of the mentioned forms: the diminutives *anjelík* : *andělík* [Ibid.: 13], the adjectives *anjelský* : *andělský* [Ibid.], the possessive adjectives *anjelův* : *andělův* [AStčS], and the adverbs *anjelsky* : *andělsky* [ESStč]. Second, there is the borrowing of Latin *angelica* 'garden angelica, *Archangelica officinalis*': Old Czech *anjelika* : *andělika* (and their diminutives *anjelička* : *andělička* [Gebauer 1970, 1: 13]). Third, there are other Old Czech words containing the segment -*anjel* / -*anděl*-, and corresponding to Latin and Greek words with the same meanings: Old Czech *archanjel* : *archanděl* (and their derivatives: the adjectives *archanjelský* : *archandělský* and the possessive adjectives *archanjelův* : *archandělův* [Ibid.: 16]) ~ Latin *archangelus* 'archangel', Greek ἀρχάγγελος 'archangel, a chief angel'; Old Czech *evanjelium* : *evandělum* [ESStč] ~ Latin *euangelium* 'gospel', Greek εὐαγγέλιον 'gospel; good news'; Old Czech *evanjelista* : *evandělita* [Gebauer 1970, 1: 377] ~ Latin *euangelista*, Greek εὐαγγελιστής 'evangelist; a bringer of good news'.¹

In reference to the Old Czech *anjel* (and, *mutatis mutandis*, for the other mentioned forms with -j-), it is generally agreed that its source was a Medieval Latin word, in which written <g> before <e> was, at the time, pronounced as

¹ The symmetry of forms with -j- and -d- is not absolute. Only *andělíček* and *andělův* are attested, but not **anjelíček* and **anjelův* [ESStč], and, inversely, *evanjelista* and *evanjelistský* are attested, but not **evandělita* and **evandělistský* [ESStč]. In addition, the words for 'gospel' and 'evangelist' also have variants with -g-: *evangelium*, *evangelista* (on these forms, cf. also below).

[j] [see Gebauer 1894: 406, 458; Machek 1968: 36; Holub, Kopečný 1952: 61; cf. Klich 1927: 125; Urbańczyk 1952: 127–129]; in the Czech lands, the Latin forms *angelus*, *angellus* ‘angel’ are attested [cf. SSLČ s.v. *angelus*]. The Latin word is a borrowing of Greek ἄγγελος ‘angel’, originally ‘messenger’.

By contrast, the Old Czech form *anděl* with *-d-*, that is, the voiced palatal plosive [j], has been treated differently by various scholars. Essentially, two explanations exist.

There is, firstly, the assumption of an Old Church Slavonic source for Old Czech *anděl*. Jagić [1913: 275–276] was the first to pose the question of whether *-d-* in Old Czech *anděl* could be a result of a “southern”, Old Church Slavonic pronunciation of the word for ‘angel’, that is, ἀγγελъ (recorded also as ἀγγέλъ, ἀνγγελъ and ἀνγγελъ), in Glagolitic script ꙗꙗꙗꙗꙗꙗ ‘angel’ [cf. SJS 1: 36–37], a borrowing of Greek ἄγγελος [ESJS 1: 49]. Cyrillic ꙗ and Glagolitic ꙗ (the letter whose name is generally spelled as *đerv*, *ǵerv* or *djerv* [cf. Lunt 2000: 280; Idem 2001: 20]) were used to record the Slavonic reflex of Greek [j], which was a palatal allophone of the velar voiced fricative [ɣ], occurring before the front vowels *e*, *i* [cf. Holton et al. 2019: 115–116, 193–194].²

Jagić’s reference to the possible Old Church Slavonic origin of Old Czech *anděl* was taken for granted and further developed by Frinta [1918: 1–2, 22], who interpreted Czech *archanděl* and *evandĕlium* as borrowings of Church Slavonic ἀρχανγγελъ and εβανγγελιѡ as well, cf.: [SJS 1: 54, 557–558; ESJS 1: 50; 3: 168] for these words and their written variants. According to Frinta, the Old Czech forms with *-d-* are the earliest attested and most archaic ones, whereas those with *-j-* occur only later and reflect the above-mentioned Medieval Latin pronunciation. This view was accepted without further discussion by Младенова [1999: 123], who, however, cited only Old Czech *anděl* and *evandĕlium*, but not *archanděl*. In later works, only Czech *anděl* was listed as an Old Church Slavonic borrowing: by Klich [1927: 125], again by Frinta

² Basically, there are two approaches to how exactly the Old Church Slavonic reflex of borrowed Greek [j] might have been pronounced, or, seen from the graphophonemic point of view, what sound might have been transcribed by Glagolitic ꙗ. Some scholars [cf. Margulíes 1927: 90–91; Diels 1963: 22, 48–49; Trunte 2003: 18] assume a Slavonic palatal fricative [j], that is, the precise equivalent of the Greek sound. Others [cf. Vasmer 1927: 163–164; Kurz 1969: 22; Mareš 2000: 95–96; Večerka 2006: 124] postulate a Slavonic palatal plosive [j], using *g*’ and/or *d*’ to express this sound graphically. It is very difficult to reconcile these views, above all due to the possibility that *djerv* may have been used to record different sounds in different periods of development of the (Old) Church Slavonic language and the Glagolitic script (the original Thessalonian, the Great Moravian, or the Bulgarian variant and so on, cf. also footnote 9 below). I tend to prefer the second alternative, which tacitly presumes a substitution or adaptation of the foreign sound from a fricative to a plosive. After all, the same substitution/adaptation most likely took place in the analogical case of the Greek velar fricative [ɣ], which was present in positions other than before *e*, *i* and yielded an Old Church Slavonic plosive [g] in such words as πηγανъ ‘true, Ruta graveolens’ < πηγανον, λογοφетъ ‘logothete (administrative title)’ < λογοθέτης, ηγουμενъ ‘master; head of the monastery’ < ηγουμένος, δογματѡ ‘doctrine, dogma’ < δόγμα, -τος, etc. Having a velar counterpart [g], the palatal plosive [j] would also have a more stable position in the Slavonic sound system than the palatal fricative [j], which would not be paired with an exact velar counterpart (the velar fricative [x] was voiceless).

[1959: 190], by Machek [1968: 36], and more recently by Bańkowski [2000, 1: 12].

However, other researchers think that the Old Czech form *anděl* is a secondary, later modification of *anjel*, an original Old Czech borrowing from Latin (cf. above): consequently, *d'* would be the result of a sporadic change of the approximant *j*, independent of the source-language form of the word. The cause of such a change was most often seen to lie in the preceding *-n-*, whose plosive pronunciation would be prolonged in speech and transmitted onto the following sound [cf. Kořínek 1885; Gebauer 1894: 529; Janko 1926: 225; Trávníček 1935: 136; Holub, Kopečný 1952: 61]. A similar case – occurring even across a word boundary – may be attested in solitary Old Czech *wen dyety* < **ven jěti* 'go out'. Besides that, there may be instances, although again isolated, of a change of *j* to *d'* in positions other than after *-n-*: Old Czech *y dednoho* < **i jednoho* 'also one (gen./acc.)'; *ti, deřto* < **ti, jeřto* 'those who'; *deřtu* (< **jest*) *bliz Eufrates řěka* 'the river Euphrates is near' [Gebauer 1894: 529; 1970, 1: 637, 639].

Reconciling these two explanations seems to be a difficult task, but I would like to discuss at least some points and offer some new observations that can eventually lead to the conclusion that the scenario of a secondary origin of *-d'* is more plausible.

First of all, Frinta's assertion that the forms with *-d'* are earlier than those with *-j-* is not accurate. In ESStč, it is correctly, although, unfortunately, too laconically, stated that the forms with *-d'* are later (cf. the records given by Gebauer [1970, 1: 12–13] and the excerpts in Astčs). On the other hand, it is not quite clear whether the age of the attestations should play a significant role in reconciling the two theories of the origin of *anděl*, since for both of them the time of borrowing (and adaptation) can be conceived of as being much earlier than the appearance of the first attestations.

Second, it is difficult to explain Old Czech *andělíka* 'garden angelica' other than as a borrowing from Latin, because there is no known (Old) Church Slavonic source for it, and the word is not a part of Christian vocabulary. Thus, here we have a clearer piece of evidence for a change of *j* > *d'*. The only argument against the possibility of a more broadly occurring change of *j* > *d'* would be that in *anjelíka* > *andělíka* it can have occurred simply under the influence of the formally similar word *anděl*, that is, by analogy. It is true that the additional, solitary examples of a *j* > *d'* change mentioned in the previous paragraph are not convincing enough to posit this change as a systemic tendency (cf. also: [Gebauer 1894: 529], who reckoned with the possibility that some of these instances could simply be the result of errors). However, there is another Czech loanword from Medieval Latin, which seems to have undergone the sporadic change under consideration: Old Czech *majorán* m., *majorána* f. [Idem 1970,

2: 303; ESStč], a borrowing of Medieval Latin *maiorana* ‘amaracus, marjoram’ [cf. SSLČ s.v. *maiorana]; cf. also the later forms *majoránka* f. (now standard Czech), *majoránek* m., and the *-e*-forms³ *majeránka* f., *majerán(ek)* m. These *-e*-forms further developed into *maděránka* f., *maděrán(ek)* m. [Machek 1954: 201; Kott 1890: 912]. Machek [1968: 348] even states that the sound development in this word, namely, *-j-* > *-dʰ-*, is the very same as in *anděl* and *evandělík*. At the same time (!), he is inclined to explain the forms *maděránka*, *maděrán(ek)* as being derived from a German form, without, however, mentioning which one that might be [Idem 1954: 201; 1968: 348]. All this can be interpreted as inconsistency on the part of this author, with respect to his interpretation of the origin of *anděl*, because he otherwise aligns with the first tradition, assuming an Old Church Slavonic influence on the Czech word (cf. above). In any case, it seems that the development of *-j-* into *-dʰ-* in *majerán-* > *maděrán-* was in fact language-internal. This example, together with the other Old Czech instances of *j* > *dʰ*, also shows that the sporadic change was more likely triggered by a following front vowel than by a preceding sound (the latter view being maintained by the advocates of this change as a general tendency, cf. above).

Furthermore, I wish to supplement the theory of the secondary development of *dʰ* in Old Czech *anděl* with another supporting argument. I believe that the development of *anjel* into *anděl* might have been affected by the initial sound in the first syllable of the Old Czech word *diábel*, *dábel* ‘devil’, a borrowing of Medieval Latin *diabolus* ‘devil’ [cf. SSLČ s.v. diabolus].⁴ The main rationale for the possible influence of *díábel*/*dábel* on *anjel*/*anděl* relates to the fact that ‘angel’ and ‘devil’ can be understood as opposite or complementary notions.⁵ It is known that an association between opposites sometimes results in formal (phonological, morphological, or word-formational) rapproche-

³ Cf. also *maieranus* in Polish Medieval Latin: [ŚlSP 6: 43].

⁴ Orthographic variants of this word led Gebauer [1970, 1: 240] to propose several possible pronunciations of the initial syllable: [dya-], [dija-], [djá-], [diá-], [diá-], and [dá-], which eventually prevailed.

⁵ Both words — *anjel*/*anděl* and *diábel*/*dábel* — are very often found close to each other in Old Czech texts. In the Old Czech Text Bank (a part of the web portal *Vokabulář webový*), I found 2574 instances of the segment *-anjel-* and 1678 instances of the segment *-anděl-*. In very close proximity — 50 positions to the left and 50 positions to the right —, the segments *diáb-* or *dáb-* were present many times; to be specific, *-anjel-* was close to *diáb-/dáb-* in 221 instances, while *-anděl-* was close in 90 instances. In sum, instances of close proximity of *-anjel-/anděl-* to *diáb-/dáb-* amount to 311 out of 4252 records, which is more than 7.3%. Unfortunately, the data do not allow us to confirm a specific tendency for the form *-anjel-* to be replaced by *-anděl-* over the course of time, if only instances with close proximity to *diáb-/dáb-* are taken into account. Given that the Old Czech Text Bank contains only a limited subset of Old Czech texts and that the search engine is seemingly not quite reliable (surprisingly, 1778 instances of *anděl-* were found by the search engine, which is a hundred more than in the case of *-anděl-*, even though logically the category *-anděl-* should be more extensive than its subcategory *anděl-*), I am inclined to see the contextual proximity of these forms as an *ex post* empirical corroboration of their close relation in the Old Czech lexical system rather than the very cause of the influence. Besides, the onset of the possible influence might have been considerably earlier than are the first Old Czech attestations.

ment of the members of a given pair in one or the other direction, cf. the following examples: Common Slavonic **glybokъ* 'deep' (as a secondary variant of original **glōbokъ*), developed under the influence of its opposite **vysokъ* 'high' [Hujer 1961: 83; ESJS 3: 179–180]; Old Czech *poslé* 'lately, after', abbreviated from primary *posléz(e)* on analogy to *dřeve* 'once (before)' and *prvé* 'formerly' [Němec 1962; Idem 1966: 76–77]; Czech dialectal *těchce* 'heavily' (instead of standard *těžce*) on analogy to *lehce* 'easily' [Hujer 1961: 163]; Slovak *lahký* 'light; easy' with *-a-* (instead of expected *-e-* from Common Slavonic **lbgъkъ*) under the influence of its antonym *ťažký* 'heavy; difficult' [Ibid.: 60–61]. For further Slavonic examples, see: [Němec 1995]; for examples from various Indo-European languages, cf.: [Ducháček 1953: 124–125; e.g. Latin *voster* < *vester* 'your', the 2nd person pl. possessive pronoun, under the influence of *noster* 'our', 1st person; or Old English *māst* > *māst* adv. 'most' owing to *lāest* 'least'). All of these are examples of sporadic changes.

I am aware that the examples mentioned above show the shift of a sound in one member of an antonymous pair at precisely the same place in the word as that of the corresponding, 'governing' sound in the other member, whereas in *anjel/anděl* and *diábel/dábel* the respective sounds are in different syllables. However, there is further possible evidence for a close association of Old Czech *diábel/dábel* and *anjel/anděl*. In fact, the influence might not have been merely unidirectional, but rather bidirectional. The *-e-* in the second syllable of Old Czech *diábel/dábel* is difficult to explain as a direct substitution for the *-o-* in its source Latin *diabolus*; consequently, it must be considered secondary. Interestingly, Klich [1927: 128–129], and after him Brückner [1927: 146] and Karpluk [2001: 27–28], maintained that there was a change of *-o-* to *-e-* in Proto-Czech **diabol* > *diábel* under the influence of *anjel* with its *-e-*. This would be a classic case of the formal influence of a word on its antonym, since the position of the 'governing' sound and the 'changing' sound in these antonyms is the very same. Klich [1927: 128–129] and Brückner [1927: 146] also assumed — in order to explain the loss of *-e-* in indirect cases of *diábel* — the further influence of Common Slavic **posъlъ* > Old Czech *posel* 'messenger', gen./acc. *posla* on Old Czech *diábel*: gen./acc. Proto-Czech **diábela* > Old Czech *diábla*. Later, Schuster-Šewc [1978–1996, 1: 151] explained *-e-* in West Slavonic *-e-*-forms of the word for 'devil' as possibly being the result of influence from continuants of Common Slavonic suffix **-ъlъ*, and mentioned **posъlъ* > Polish *posel* as an example. The old assumption of the influence of *anjel* on *diábel* now seems to have been forgotten, at least to the extent that no Czech etymological dictionary even mentions it.⁶ Nevertheless, the influence

⁶ The authors were much more interested in later developments of Czech *dábel*, giving rise to such forms as Old Czech *dias* > *das*, or Czech *d'ach*, *d'ách*, probably for taboo reasons [cf. Holub 1937: 39; Holub, Kopečný 1952: 96; Machek 1957: 79; Idem 1968:

of the word for ‘angel’ on the word for ‘devil’ would be strong evidence for their closeness. In general, two processes can be posited, either as two chronological stages or as two simultaneous components of a single process:

- 1) *anjel* → **diábol*/**ďábol* > *diábel*/*ďábel*
 2) *diábel*/*ďábel* → *anjel* > *anděl*

In the final analysis, I suggest the influence of the antonym *diábel*/*ďábel* at least as an additional or supporting factor if not as the very cause of the change of *-j-* > *-ď-* in *anjel*/*anděl*. In assuming this influence, one can also readily explain why in other Czech words the change of *j* > *ď* did not occur, though the necessary conditions (being positioned before a front vowel) were met. More importantly, it could help us explain why in the words in which the change *-j-* > *-ď-* did occur, the *-ď-*variants gradually gave way to the original *-j-*variants or, more often, to the variants with <g>, now pronounced [g], reflecting the so-called restored pronunciation of Latin [on this, cf. Urbańczyk 1952]. The latter would seem to be the case for Old Czech *evandělum* ‘gospel’ and *evandělita* ‘evangelist’: they did not receive any reinforcement through the presence of antonyms and hence were slowly replaced by *evangelium*/*evangelium*, *evangelista*/*evangelista*.⁷

Turning back to the general problem of the origin of *-ď-* in Old Czech *anděl*, a broader context should also be discussed, that is, the origin of words for ‘angel’ in other Slavonic languages, because some of these forms also contain a palatal plosive or a similar sound in the position in question. West Slavonic, western South Slavonic and dialectal Russian words are especially significant here.

Slovak *anjel* was taken from Medieval Latin [Králík 2015: 46], but the older forms *andel*, *andzel* [HSSJ 1: 89] can be explained differently: they are either borrowings from Czech or serve as evidence of an independent change of *-j-* to *-ď-* in the Slovak word that did not persist (for another possibility, see below).⁸

109; Holub, Lyer 1967: 120; Rejzek 2015: 131]. — The origin of other West Slavonic forms for ‘devil’ can be sketched as follows: Slovak *diabol* and Upper and Lower Sorbian *djabol* were probably borrowed directly from Latin *diabolus* [Klich 1927: 128; Králík 2015: 120; Schuster-Šewc 1978–1996, 1: 151], whereas eastern Lower Sorbian *diabel* might have been mediated by Czech [Ibid.; Frinta 1954: 7]. The Old Slovak forms *diabel*, *ďábel* [HSSJ 1: 249–250] are probably borrowings from Czech. Old Polish *diabel* is a borrowing from Czech [Borys 2005: 113; Basaj, Siatkowski 2006: 47–48], but Old Polish *diabol* was probably taken directly from Latin. A parallel influence of antonymous Slovak *anjel*, earlier also *andel*, *andzel*, on Slovak *diabol* > *diabel*/*ďábel*, and of antonymous Old Polish *aniel*/*angiel* on Old Polish *diabol* > *diabel* cannot be excluded but is not very probable [cf. Klich 1927: 129 for Polish].

⁷ The forms *evandělum*, *evandělita*, and also *evandělík* ‘a confessorist’ and the adjective *evandělický* are now attested only in Czech dialects [cf. Frinta 1918: 22–23; PSJČ 1: 673–674].

⁸ Analogically, both of these explanations are possible also for dialectal Slovak *maderan*, *maderán*, *maderánek*, *maderánik*, *maďaránka*, attested by Kálal, Kálal [1923: 318] and SSN [2: 112]. Standard Slovak is *majorán* < Latin *maiorana* [Králík 2015: 340].

Old Polish *anjel* [SS 1: 38–39] is most probably a borrowing of Old Czech *anjel* [cf. Klich 1927: 124–127; Boryś 2005: 18; Basaj, Siatkowski 2006: 22], while Old Polish *anjoł*, *anioł* with *-o-* are secondary modifications of *anjel* reflecting Old Polish metaphony [cf. Stieber 1973: 37–38; Siatkowski 1996: 16, 55, 65, 125, 220, 222]. Only Bańkowski [2000: 1, 12] maintains, quite vaguely, that all the Old Polish forms just mentioned are borrowings from Old Church Slavonic. Old Polish forms with *-g-* – *angiel* and *angioł* [SS 1: 38–39] – reflect a restored Latin pronunciation.

Upper Sorbian *janžel* and Lower Sorbian *janžel* were explained by Frinta [1954: 7] as borrowings from Old Church Slavonic, perhaps via Old Czech. Their origin being in Czech is now accepted by most scholars apart from Schuster-Šewc. He, at first, proposed that the Sorbian – and in parallel also Old Czech (!) – words might have been borrowed from Old High German [Schuster-Šewc 1957: 267], and later, in his etymological dictionary, considered two possibilities: their origin being either in Latin *angelus* or in Old High German *angil* [Idem 1978–1996, 1: 426]. For West Slavonic forms, he assumed either a somewhat enigmatic change of *-ng-* > *-nd-* or a change of *-j-* > *-d'-* triggered by the preceding *-n-*. Thus, in the case of the latter possibility, Schuster-Šewc would be in agreement with those aforementioned scholars who have posited a prolongation of the plosive pronunciation of *-n-*, or, in other words, he would be counted among those advocating the hypothesis of a secondary origin of *-d'-*. The same development would then probably also apply to another, early Lower Sorbian word for 'angel' with *-e-* in the first syllable, which is, according to Schuster-Šewc, a borrowing of Middle or New High German *Engel* 'angel'. The precise form of this early Lower Sorbian word is not entirely clear, since when declaring its German origin, the author introduces *jendžel*, but earlier in the entry he refers to *jenžel*. The correct form is probably *jenžel*, recorded in a Lower Sorbian source as *jensel*, *jenschel*.⁹

As for the Polabian word for 'angel', Lehr-Splawiński and Polański [2: 145] as well as Polański and Sehnert [1967: 60] refer to *end'eł*, a borrowing from German *Engel*. Thus, *-d'-* would be secondary here. However, Olesch [1983, 1: 236] warns that *end'eł* is only a conjecture of the mentioned authors, whereas the only recorded form in the sources is <Engill>. It is, therefore, by no means clear whether *-g-* actually changed to *-d'-* in this word.¹⁰

Standard Slovenian *ánel* is a borrowing of Latin *angelus* [Snoj 2016: 46–47], but several Slovenian dialectal forms have different origins. Furlan [2019: 12–13 and in NESSJ, s.vv. *angel*, *anjel*, *anjul*, *anžel*, *anžul*] offers the following explanation: 1) *ánjel* < Romance **ān'elū*; 2) *ánuł*, *ànjul* < Friulian

⁹ I am indebted to Roland Marti for this interpretation in his editorial comment. He considers *jendžel* to be a typo.

¹⁰ I thank Roland Marti for calling attention to Olesch's view.

agnul; 3) *àndžel*, *àngel* < Italian *angelo*; 4) *àngjul* < Friulian *ànzul*. The author considers the reconstructed Romance form **ān'elǔ* to be the source also for Old Czech *anjel* and Polish *anioł*. Thus, it seems that she does not assume a literary Medieval Latin source for these words, but rather a spoken Romance vernacular variant, whose *-n'-* could be reconstructed on the basis of Friulian *agnul*. Interestingly, Ramovš [1927], as well as Šturm [1927: 65] posited that Romance **ān'elǔ* had developed from an earlier **ānd'elu* with *-d'-*.

Croatian and Serbian *āndeo*, dialectal *āndel*, is usually considered to be borrowed directly from Greek ἄγγελος [Skok 1: 43]. Moreover, the authors of ERSJ [1: 165] and ERHJ [1: 17] mention that in Western dialectal forms some influence from Italian *angelo* is possible. Quite surprisingly, they do not consider any possible influence from Church Slavonic. Kajkavian *angel* with *-g-* is probably borrowed from Latin *angelus* [Ibid.], whereas *-j-* in Čakavian *ōnjel* remains unexplained. I would not exclude its Romance origin (cf. the interpretation of Slovenian *j*-forms in the previous paragraph).

Dialectal Russian *áндель*, attested over a vast territory [CPHG 1: 256–257; cf. also diminutive *áнделёнок*, Ibid.: 258, and Russian dialectal *áндел* in the function of an affectionate salutation, Аникин 1: 213–214], exhibits [d'], which is probably a result of the secondary development of original [g'] [see Касаткин 1999: 119–120] present in standard Russian *áнгел*.

This survey of Slavonic forms and their potential sources allows us to reach two conclusions: (1) some West Slavonic forms (Old Slovak *andel*, *andzel*, Sorbian *jan(d)žel*, Lower Sorbian *jenžel*) and Russian dialectal *áндель* can be regarded as evidence for the secondary nature of *-d'-*, independent of the source language form; (2) the western South Slavonic words bring us to the possibility of considering reconstructed Early Romance forms for 'angel' as possible sources for the Slavonic words, specifically Romance **ān'elǔ* as a source for Slavonic forms containing *-j-* and Romance **ānd'elu* as a source for Slavonic forms containing *-d'-* or *-dž-*. Ramovš's and Šturm's reconstruction of Romance **ānd'elu* is basically correct, except that by *-d'-* they must have had in mind a sound which is usually represented as *ǵ* in standard works of Romance historical linguistics and is considered a voiced palatal semi-plosive (in IPA it is [j̞]). It was a continuant of Latin *g* before front vowels and later developed into various sounds in different Romance areas, mostly into *dž*, *ž*, *dz*, *z*, and *j* [cf. Rohlfs 1949: 264–265, 423–424; Lausberg 1967: 14–15, 17, 26, 40–41]. Given that there is no commonly accepted chronology of Romance sound changes in the various Romance areas (and therefore the form **ānd'elu* might have survived in some territories for quite a long time) and that our knowledge of the sound development of Medieval Latin is mostly inferred from the historical phonetics of Vulgar Latin (cf. the approach practiced by [Stotz 1996]), it is safe to conclude that Romance/Latin **ān'gelu* could represent a source for

Slavonic forms with *-d-* or *-dž-* to at least the same extent as Greek ἄγγελος can for Croatian and Serbian *ânđeo*, or as Old Church Slavonic ан҃гелъ can for Old Czech *anděl*. It seems likely that the Greek, Latin, and Old Church Slavonic words for 'angel' contained very similar sounds.¹¹ To continue along this line of thinking, the Romance/Latin word could have spread from western South Slavonic areas to the North, possibly reaching the Czech and Slovak territories. Thus, the difference between Old Czech *anjel* and *anděl* (and between Slovak *anjel* and *andel*, *andzel*) could be interpreted as a result of variation in the pronunciation of the Latin word for 'angel': Old Czech (and Slovak) *anjel* would reflect a 'Western' pronunciation of Latin, whereas Old Czech *anděl* (and Slovak *andel*, *andzel*) would represent a trace of 'Eastern' (or 'Balkan') Latin influence.¹² Thus, concerning the origin of *anděl*, a third scenario is at our disposal.

To conclude, I hope to have shown, firstly, that the origin of Old Czech *anděl* in Balkan Latin/Romance can be at least as well substantiated as can the often-maintained assumption of its origin being in Old Church Slavonic, and, secondly, that the most probable scenario may still remain the interpretation that *anděl* was a secondary form developed from *anjel*, possibly under the influence of its conceptually opposed counterpart *diábel*/*dábel*.

Acknowledgement

This paper was written with the support of the grant *Old Church Slavonic heritage in Old Czech*, financed by the Czech Science Foundation (No. 18-02702S). I thank Kateřina Bočková Loudová, Bohumil Výkypěl, Aleš Bičan (all from Brno), and Nicolas Jansens (Heidelberg) for useful comments on earlier drafts of the paper, the latter two also for improving my English. Special thanks go to Roman Krivko (Moscow) and Roland Marti (Saarbrücken) for their editorial suggestions.

Bibliography

ASTčS

Archive of the Old Czech Dictionary of the Czech Language Institute of CAS in Prague (<http://bara.ujc.cas.cz>).

Bańkowski 2000

Bańkowski A., *Etymologiczny słownik języka polskiego*, 1–2 (A–P), Warszawa, 2000.

¹¹ Roman Krivko, in an editor's comment, posed the question of whether the Glagolitic letter *djerv* might not have been used to record the Romance voiced semi-plosive *dž* [dʒ] (cf. Italian *angelo* 'angel', (*e*) *vangelo* 'gospel') during the Pannonian-Moravian period of Old Church Slavonic, given that Slavonic-Romance contact occurred, especially due to the activity of the Patriarchate of Aquileia. This possibility cannot be excluded. Note that the voiced semi-plosive *dž* [dʒ] would also be a good candidate to fill a gap in the Old Church Slavonic subsystem of postalveolar semi-plosives, which otherwise had only the voiceless member *č* [tʃ]. For the sound system of Old Church Slavonic, see e.g. Večerka [2006: 126–131].

¹² On the question of the dissemination of Romance borrowings in Slavonic languages, see: [Boček 2010: 19–20, 24–25] with more references.

- Basaj, Siatkowski 2006
Basaj M., Siatkowski J., *Bohemizmy w języku polskim. Słownik*, Warszawa, 2006.
- Boček 2010
Boček V., *Studie k nejstarším romanismům ve slovanských jazycích*, Praha, 2010.
- Boryś 2005
Boryś W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 2005.
- Brückner 1927
Brückner A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 1927.
- Diels 1963
Diels P., *Altkirchenslavische Grammatik*, 1–2, Heidelberg, 1963.
- Ducháček 1953
Ducháček O., *O vzájemném vlivu tvaru a významu slov*, Praha, 1953.
- ERHJ
Matasović R., Pronk T., Ivšić D., Brozović Rončević D., *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*, 1. svezak (A–Nj), Zagreb, 2016.
- ERSJ 1–3–
Etimološki rečnik srpskog jezika, 1–3–, Beograd, 2003.
- ESJS 1–19–
Etymologický slovník jazyka staroslověnského, 1–19–, Praha, Brno 1989–2018–.
- ESStč
Elektronický slovník staré češtiny (<http://vokabular.ujc.cas.cz>).
- Frinta 1918
Frinta A., *Náboženské názvosloví československé*, Praha, 1918.
- 1954
Frinta A., *Bohemismy a paleoslovenismy v lužickosrbské terminologii křesťanské a jejich dějepisný význam*, Praha, 1954.
- 1959
Frinta A., Zur Frage der Bohemismen und Paläoslavismen in der lausitz-sorbischen christlichen Terminologie, *Die Welt der Slaven*, 4, 1959, 181–196.
- Furlan 2019
Furlan M., Novi etimološki slovar slovenskega jezika kot rastoči spletni slovar 2017–: dodatek 2019, *Jezikoslovni zapiski*, 25/2, 2019, 7–32.
- Gebauer 1894
Gebauer J., *Historická mluvnice jazyka českého*, I, Praha, Vídeň, 1894.
- 1970
Gebauer J., *Slovník staročeský*, I–II, Praha, 1970.
- Holton et al. 2019
Holton D., Horrocks G., Janssen M., Lendari T., Manolissou I., Toufexis N., *The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek. Vol. 1. General Introduction and Phonology*, Cambridge, 2019.
- Holub 1937
Holub J., *Stručný slovník etymologický jazyka československého*, Praha, 1937.
- Holub, Kopečný 1952
Holub J., Kopečný F., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1952.
- Holub, Lyer 1967
Holub J., Lyer S., *Stručný etymologický slovník jazyka českého se zvláštním zřetelem k slovům kulturním a cizím*, Praha, 1967.

HSSJ 1–7

Historický slovník slovenského jazyka, 1–7, Bratislava, 1991–2008.

Hujer 1961

Hujer O., *Příspěvky k historii a dialektologii českého jazyka*, Praha, 1961.

Jagić 1913

Jagić V., *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*, Berlin, 1913.

Janko 1926

Janko J., Poznámky a příspěvky k českému slovníku etymologickému (Řada IV., 16. pokrač.), *Časopis pro moderní filologii*, 12, 1926, 222–231.

Kálal, Kálal 1923

Kálal K., Kálal M., *Slovenský slovník z literatury aj nářečí*, Banská Bystrica, 1923.

Karpluk 2001

Karpluk M., *Słownik staropolskiej terminologii chrześcijańskiej*, Kraków, 2001.

Klich 1927

Klich E., *Polska terminologia chrześcijańska*, Poznań, 1927.

Kořínek 1885

Kořínek A., Příspěvky ke kritice a výkladu textů staročeských (Alexandreidy): AlxB 7, 31, *Listy filologické*, 12, 1885, 284–285.

Kott 1890

Kott F. Š., *Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. Díl šestý. Dodatky. D–N*, Praha, 1890.

Králik 2015

Králik L., *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava, 2015.

Kurz 1969

Kurz J., *Učebnice jazyka staroslověnského*, Praha, 1969.

Lausberg 1967

Lausberg H., *Romanische Sprachwissenschaft. II. Konsonantismus*, Berlin, 1967.

Lehr-Splawiński, Polański 1–2

Lehr-Splawiński T., Polański K., *Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich*, 1–2, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1962–1994.

Lunt 2000

Lunt H. G., Thoughts, Suggestions, and Questions about the Earliest Slavic Writing Systems, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 46, 2000, 271–286.

——— 2001

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York, 2001.

Machek 1954

Machek V., *Česká a slovenská jména rostlin*, Praha, 1954.

——— 1957

Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha, 1957.

——— 1968

Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.

Mareš 2000

Mareš F. V., *Cyrlometodějská tradice a slavistika*, Praha, 2000.

Marguliés 1927

Marguliés A., Zum Lautwert der Glagolica, *Archiv für slavische Philologie*, 41, 1927, 87–115.

Němec 1962

Němec I., Staročeský příspěvek k výkladu slovanského adverbia *poslě*, *Listy filologické*, 85, 1962, 330–333.

- 1966
Němec I., Antonymní vztah jako činitel lexikálních změn, *Listy filologické*, 89, 1966, 75–81.
- 1995
Němec I., Systémovost antonymie jako vývojový faktor, *Naše řeč*, 78, 1995, 136–137.
- NESSJ
Furlan M., *Novi etimološki slovar slovenskega jezika 2017–* (www.fran.si).
- Olesch 1–4
Olesch R., *Thesaurus Linguae Dravaenopolabicae*, 1–4, Köln, Wien, 1983–1987.
- Polański, Sehnert 1967
Polański K., Sehnert J. A., *Polabian–English Dictionary*, The Hague, Paris, 1967.
- PSJČ 1–8
Příruční slovník jazyka českého, 1–8, Praha, 1937–1957.
- Ramovš 1927
Ramovš F., O kajk.-čak. prehodu *d' > j*, *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino*, 6, 1927, 86–90.
- Rejzek 2015
Rejzek J., *Český etymologický slovník*, Praha, 2015.
- Rohlf s 1949
Rohlf s G., *Historische Grammatik der Italienischen Sprache. I. Lautlehre*, Bern, 1949.
- Schuster-Šewc 1957
Schuster-Šewc H., Antonín Frinta: „Bohemismy a paleoslovenismy v lužickosrbské terminologii křesťanské a jejich dějepisný význam“. *Acta Universitatis carolinae*, 5. Philologica, Praha 1954, *Zeitschrift für Slawistik*, 2, 1957, 263–270.
- 1978–1996
Schuster-Šewc H., *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, 1–5, Bautzen, 1978–1996.
- Siatkowski 1996
Siatkowski J., *Czesko-polskie kontakty językowe*, Warszawa, 1996.
- SJS 1–4
Slovník jazyka staroslověnského, 1–4, Praha, 1966–1997.
- Skok 1–4
Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 1–4, Zagreb, 1971–1974.
- SŁŚP 1–14–
Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce, 1–14–, Warszawa, 1953–2014–.
- Snoj 2016
Snoj M., *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana, 2016.
- SS 1–11
Słownik staropolski, 1–11, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1953–2002.
- SSLČ
Slovník středověké latiny v českých zemích (<http://lb.ics.cas.cz>).
- SSN 1–2
Slovník slovenských nářečí, 1–2, Bratislava, 1994–2006.
- Stieber 1973
Stieber Z., *A historical phonology of the Polish language*, Heidelberg, 1973.
- Stotz 1996
Stotz P., *Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters*, 3, Lautlehre, München, 1996.

Šturm 1927

Šturm F., Refleksi romanskih palataliziranih konzonantov v slovenskih izposojenkah, *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino*, 6, 1927, 45–85.

Trávníček 1935

Trávníček F., *Historická mluvnice československá*, Praha, 1935.

Trunte 2003

Trunte N. H., *Slovjan'sk''i jazyk. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie, 1: Altkirchenslavisch*, München, 2003.

Urbańczyk 1952

Urbańczyk S., Z zagadnień staropolskich, *Język Polski*, 32, 1952, 119–129.

Vasmer 1927

Vasmer M., *Altbulgarisches, Zeitschrift für Slavische Philologie*, 1, 1925, 156–164.

Večerka 2006

Večerka R., *Staroslověňština v kontextu slovanských jazyků*, Olomouc, Praha, 2006.

Vokabulář webový

Vokabulář webový: Webové hnízdo k poznání pramenů historické češtiny (<https://vokabular.ujc.cas.cz/default.aspx>).

Аникин 1–13–

Аникин А. Е., *Русский этимологический словарь*, 1–13–, Москва, 2007–2019–.

Касаткин 1999

Касаткин Л. Л., *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*, Москва, 1999.

Младенова 1999

Младенова М., *Кирило-Методиева география и езикова история или западните славяни, Кирил и Методий и какво е (о)станало после*, София, 1999.

СРНГ 1–51–

Словарь русских народных говоров, 1–51–, Москва, Ленинград/Санкт-Петербург, 1966–2019–.

References

Boček V., *Studie k nejstarším romanismům ve slovanských jazycích*, Praha, 2010.

Ducháček O., *O vzájemném vlivu tvaru a významu slov*, Praha, 1953.

Frinta A., *Bohemismy a paleoslovenismy v lužicko-srbské terminologii křesťanské a jejich dějepisný význam*, Praha, 1954.

Frinta A., *Náboženské názvosloví československé*, Praha, 1918.

Frinta A., Zur Frage der Bohemismen und Paläoslavismen in der lausitz-sorbischen christlichen Terminologie, *Die Welt der Slaven*, 4, 1959, 181–196.

Furlan M., Novi etimološki slovar slovenskega jezika kot rastoči spletni slovar 2017–: dodatek 2019, *Jezikoslovni zapiski*, 25/2, 2019, 7–32.

Holton D., Horrocks G., Janssen M., Lendari T., Manolessou I., Toufexis N., *The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek. Vol. 1. General Introduction and Phonology*, Cambridge, 2019.

Hujer O., *Příspěvky k historii a dialektologii českého jazyka*, Praha, 1961.

Janko J., Poznámky a příspěvky k českému slovníku etymologickému (Řada IV., 16. pokrač.), *Časopis pro moderní filologii*, 12, 1926, 222–231.

Kasatkin L. L., *Sovremennaja russkaja dialektnaia i literaturnaia fonetika kak istočnik dlia istorii russkogo iazyka*, Moscow, 1999.

Kurz J., *Učebnice jazyka staroslověnského*, Praha, 1969.

Lausberg H., *Romanische Sprachwissenschaft. II. Konsonantismus*, Berlin, 1967.

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York, 2001.

Lunt H. G., Thoughts, Suggestions, and Questions about the Earliest Slavic Writing Systems, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 46, 2000, 271–286.

Machek V., *Česká a slovenská jména rostlin*, Praha, 1954.

- Mareš F. V., *Cyrlometodějská tradice a slavistika*, Praha, 2000.
- Marguliés A., Zum Lautwert der Glagolica, *Archiv für slavische Philologie*, 41, 1927, 87–115.
- Mladenova M., *Kirilo-Metodieva geografiâ i ezikova istoriâ ili zapadnite slavâni, Kiril i Metodij i kakvo e (o)stanalo posle*, Sofia, 1999.
- Němec I., Antonymní vztah jako činitel lexikálních změn, *Listy filologické*, 89, 1966, 75–81.
- Němec I., Staročeský příspěvek k výkladu slovanského adverbia *poslě*, *Listy filologické*, 85, 1962, 330–333.
- Němec I., Systémovost antonymie jako vývojový faktor, *Naše řeč*, 78, 1995, 136–137.
- Ramovš F., O kajk.-čak. prechodu *d' > j*, *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino*, 6, 1927, 86–90.
- Rohlf G., *Historische Grammatik der Italienischen Sprache. I. Lautlehre*, Bern, 1949.
- Schuster-Šewc H., Antonín Frinta: „Bohemismy a paleoslovenismy v lužickosrbské terminologii křesťanské a jejich dějepisný význam“. *Acta Universitatis carolinae*, 5. Philologica, Praha 1954, *Zeitschrift für Slawistik*, 2, 1957, 263–270.
- Stieber Z., *A historical phonology of the Polish language*, Heidelberg, 1973.
- Stötz P., *Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters*, 3, *Lautlehre*, München, 1996.
- Šturm F., Refleksi romanskih palataliziranih konzonantov v slovenskih izposojenkah, *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino*, 6, 1927, 45–85.
- Trávníček F., *Historická mluvnice československá*, Praha, 1935.
- Trunte N. H., *Slovjan'sk'i jazyk. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie*, 1: *Altkirchenslavisch*, München, 2003.
- Urbańczyk S., Z zagadnień staropolskich, *Język Polski*, 32, 1952, 119–129.
- Vasmer M., Altbulgarisches, *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 1, 1925, 156–164.
- Večerka R., *Staroslověňština v kontextu slovanských jazyků*, Olomouc, Praha, 2006.

Vít Boček, doc.

Ústav pro jazyk český AV ČR

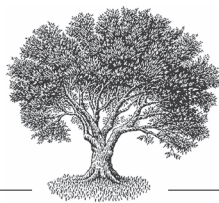
Etymologické oddělení

60200, Brno, Veveří 97,

Česká republika / Czech Republic

vitbocek@gmail.com

Received April 4, 2020

Документ древненовгородского свадебного ритуала

Костяная грамота XIII века
из раскопок 2020 года*

**Марина Анатольевна
Бобрик**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук,
Москва, Россия

Виктор Кашмирович Сингх

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

A Witness of the Matrimonial Rituals from Old Novgorod

Inscription on a Bone
from the 13th Century
Excavated 2020

Marina A. Bobrik

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences,
Moscow, Russia

Viktor K. Singkh

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, предоставленного через Институт славяноведения РАН, проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования».

Цитирование: Бобрик М. А., Сингх В. К. Документ древненовгородского свадебного ритуала. Костяная грамота XIII века из раскопок 2020 года // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 22–40.

Citation: Bobrik M., Singkh V. (2021) A Witness of the Matrimonial Rituals from Old Novgorod: Inscription on a Bone from the 13th Century Excavated 2020. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 22–40.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.2

Резюме

Летом 2020 г. на раскопках в Новгороде был найден фрагмент коровьего ребра с кириллической надписью. Место находки — одна из богатых боярских усадеб в Людином конце средневекового Новгорода. Время попадания документа в землю — последняя четверть XIII — первое двадцатилетие XIV века. Впервые в Новгороде найдена надпись на кости, которая представляет собой цельное, читаемое сообщение. Историко-культурная ценность находки состоит в содержании надписи: это уникальное свидетельство договора о выкупе невесты. Ценность представляет терминология обрядовых ролей: невеста, от имени которой написан текст, и жених (адресат) обозначаются не собственными именами (христианскими или дохристианскими), а образами обрядового фольклора свадьбы — *куна* 'куница' и *соболя* 'соболь'. Не менее интересен и размер выкупа. Структура и содержание текста заставляют думать о диалоге между двумя группами участников брачного ритуала — со стороны жениха и со стороны невесты. Новое свидетельство брачного обряда и связанной с ними устно-письменной коммуникации расширяет наши представления об этой сфере средневековой культуры и позволяет откорректировать некоторые интерпретации немногочисленных берестяных грамот на темы брака.

Ключевые слова

письменность Средневековья, древнерусская эпиграфика, надпись на кости, древнерусская брачная обрядность, выкуп невесты

Abstract

In the summer of 2020, a fragment of a cow's rib with a Cyrillic inscription was found at excavations in Novgorod. The place of the find is one of the richest boyar estates in the Lyudin quarter of medieval Novgorod. The time of the document hitting the ground is the last quarter of the 13th—the first twenty years of the 14th century. The inscription is fully preserved, it contains a whole readable message. The historical and cultural value of the find lies in the content of its compact inscription: it is unique evidence of a bride-price agreement. The terminology is of value: the bride, on whose behalf the text is written, and the groom (addressee) are designated not by their own names (Christian or pre-Christian), but by the images of the ritual folklore of the wedding—*kuna* 'marten' (she) and *sobol'a* 'sable' (he). The bride-price is no less interesting. The text communicates an idea of a dialogue between the two sides of the marriage ritual. The new evidence of the matrimonial rites and the associated oral-written communication expands our understanding of this sphere of medieval culture and allows us to correct some interpretations of the few birch bark letters on the topic of marriage.

Keywords

Medieval Literacy, Old Russian inscriptions, inscription on a bone, Old Russian matrimonial rituals, bride price

1. Археологический контекст находки¹

В полевом сезоне 2020 г. в Великом Новгороде на раскопе Троицкий XVI была обнаружена необычная находка — фрагмент ребра коровы с процарапанным на нем текстом. Надпись нанесена на центральной или дистальной части тела ребра крупного рогатого скота. Поперечные следы на внешней и внутренней стороне предмета были оставлены острым орудием, возможно, мясным ножом при кухонной разделке реберного отдела туши. Для нанесения надписи был использован фрагмент ребра после приготовления мясного блюда и образовавшегося кухонного отхода. О размере самого ребра сказать ничего нельзя, поскольку неизвестно, какое это ребро по счету, завершен ростовой процесс или нет, неясен возраст животного².

Находка обнаружена в Людином конце средневекового Новгорода (южная часть Софийской стороны) при исследовании усадьбы, открытой на раскопе Троицкий XVI, который находится к юго-западу от перекрестка Троицкой-Пробойной и Редятиной улиц, непосредственно напротив церкви Св. Троицы, и отделен от основного массива Троицких раскопов Редятиной улицей. Изучаемая усадьба, как и сам раскоп, также располагалась на перекрестке средневековых Пробойной и Редятиной улиц и имела въезд со стороны последней.

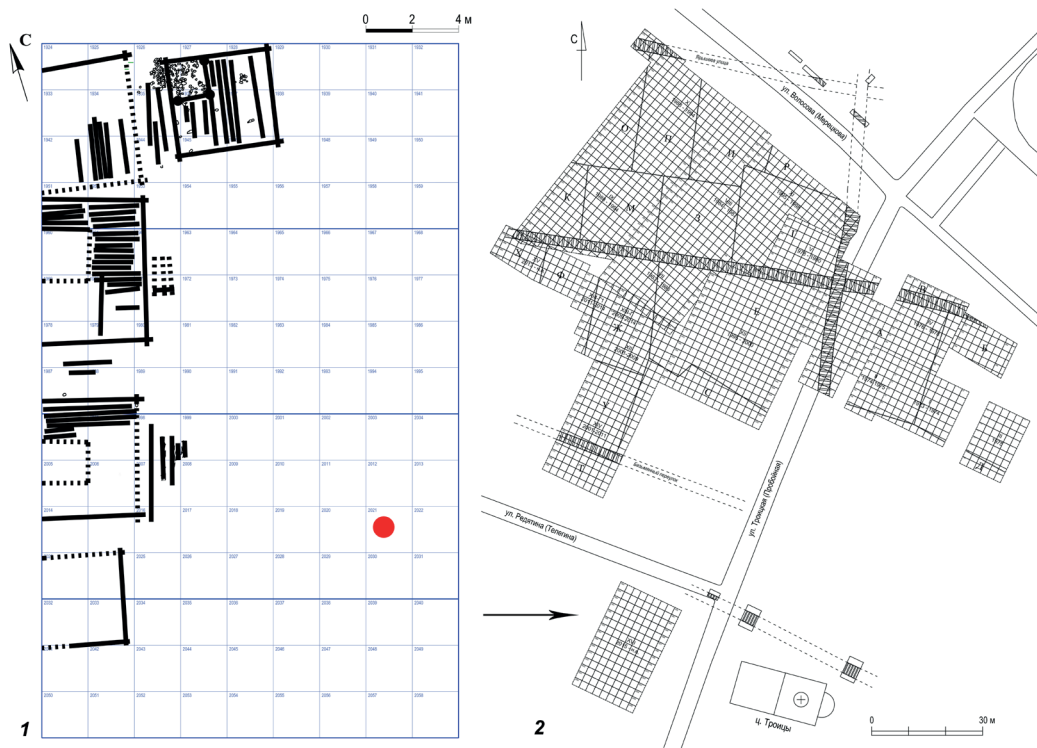
Фрагмент ребра с надписью был найден в темно-коричневом слое с большим количеством навоза и не связан с какими-либо постройками на усадьбе (см. ил. 1)³. Вероятно, его стоит относить к горизонту застройки седьмого яруса, формирование которого относится к 1280–1290-м гг. Находка перекрыта срубом XVI-3 яруса 6, который являлся основной жилой постройкой этого строительного горизонта. На основе образцов, отобранных для дендрохронологического анализа, датой строительства этого сруба можно считать 1319 г. Таким образом, время попадания находки в культурный слой относится к последней четверти XIII — первому десятилетию XIV вв.⁴ Застройка этого периода (как и последующих) сосредоточена вдоль западной границы усадьбы и представлена четырьмя небольшими и средних размеров четырехстенными срубами жилого, хозяйственного или производственного характера.

¹ Раздел 1 написан В. К. Сингхом, автор раздела 2 — М. А. Бобрин.

² Археозоологическое определение фрагмента выполнено специалистом кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова О. С. Лебедевой.

³ Паспортные данные находки: пласт 7, квадрат 2021, полевой № 16, глубина залегания — 127 см.

⁴ Дендрохронологический анализ проведен в. н. с., руководителем Центра по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника, к. и. н. О. А. Тарабардиной.

1 - план раскопа Троицкий XVI на уровне яруса 7 усадьбы застройки с указанием места находки

2 - ситуационный план Троицкого раскопа в Людином конце Новгорода

Ил. 1. Место находки «костяной грамоты»

В некоторых из них сохранились остатки отопительных сооружений. Застройка в восточной части усадьбы на данном этапе исследований не прослежена. Вероятно, она будет открыта при исследовании нижележащих пластов, учитывая довольно значительное понижение средневековой дневной поверхности с запада на восток.

Совершенно очевидно, что ребро с надписью обнаружено на дворовой территории усадьбы, о чем свидетельствует характер культурного слоя (темно-коричневый органический слой с примесью большого количества навоза), малое количество массового материала (фрагменты керамики, кости животных, обрезки и обрывки кожи, береста, войлок и др.) и индивидуальных находок. Среди предметов, зафиксированных в комплексе с «костяной грамотой», — рядовые бытовые вещи: железные ножи и их фрагменты, обломки игл, ластильная (корабельная) скоба, детали кожаной обуви (подошвы, задник сапога). Определенный

интерес представляет деревянный двухсторонний гребень, с вырезанными на обеих сторонах геометрическими знаками.

В целом стоит отметить, что набор обнаруженных на усадьбе находок обладает достаточно престижным характером и, вкуче с данными берестяных грамот и сфрагистического материала, а также анализом топографического контекста двора, позволяет говорить о высоком социальном статусе владельцев усадьбы, которые, вероятно, принадлежали к боярской верхушке средневекового Новгорода.

Основным материалом для письма, который использовали в Древней Руси для повседневной переписки, была береста. Одиночные надписи встречаются на деревянных, каменных и глиняных изделиях. Кость для этих целей использовалась крайне редко.

До сих пор при раскопках в Новгороде было обнаружено четыре фрагмента костей животных с нанесенными на них надписями. Два из них были найдены на Неревском раскопе в 1956 и 1958 гг. в слоях первой четверти XI в. на территории одной усадьбы.

Одна из записей была сделана на ребре коровы и состояла из 35 знаков, расположенных в две с половиной строки. Слева от надписи процарапана геометрическая фигура в виде двух треугольников, соприкасающихся вершинами [Рыбина, Хвошинская 2010: 71]. А. Ф. Медведев, опубликовавший эту находку, отмечает, что среди процарапанных знаков есть буквы рунического алфавита, а также знаки, схожие с тюркским и древнеславянским алфавитами [Медведев 1968: 437].

По мнению Е. А. Мельниковой, проанализировавшей этот предмет, содержание надписи непонятно, но почти половину знаков можно отождествить с младшими рунами шестнадцатизначного алфавита в его «обычной» (датской) разновидности, характерной для XI в. [Мельникова 1977: 157–158].

Вторая надпись была нанесена на обломок левой локтевой кости домашней свиньи. Данная надпись представляет собой часть рунического алфавита (не сохранились первые пять рун), выполненная младшими рунами или так называемым «датским» футарком [Макаев 1962: 309–310]⁵.

⁵ В 2017 г. подобная находка, датируемая началом VII в., была сделана чешскими исследователями во время раскопок раннеславянского поселения Ланы близ города Бржецлав в южной Моравии [Macháček et al. 2021]. Надпись, нанесенная на обломок коровьего ребра, содержала семь последних букв алфавитного ряда старшего футарка, состоящего из 24 знаков. Еще два фрагмента коровьих ребер с руническими надписями были обнаружены в 1982 г. при раскопках в Золотом квартале Сигтуны (Швеция). По найденным вместе с ними предметам они были датированы XIII в. [Gustavson et al. 1983 [в библио только 2001]; Мельникова 2001: 177]. На лицевой стороне одного фрагмента (предположительно магическо-религиозного предназначения) написана молитва с призывом к

Все вышеописанные находки, обнаруженные при раскопках в Новгороде, очевидно связаны со скандинавским присутствием на его территории в X–XI вв., и относятся к теме данной статьи лишь опосредованно. Любопытно, что и здесь для нанесения одной из надписей использован фрагмент коровьего ребра.

В Новгороде кость как носитель текста встречается в ранних культурных слоях, в которых немало скандинавских находок, и это дает основание связывать саму практику письма на кости с о скандинавскими традициями в Новгороде.

В 2005 г. на раскопе Троицкий XIII в слое первой половины XII в. был найден фрагмент биты для игры в бабки (астрал) с владельческой надписью ЛАЗОРЕВЪ [Янин et al. 2006: 11, рис. 3.1].

Отдельные кириллические и глаголические буквы были процарапаны на кости, найденной на раскопе Троицкий XIII (участок Г-1) в 2013 г. [Михеев, Сингх 2016]. Кость происходит с усадьбы «Ж» и датируется второй половиной XI в. На одной стороне фрагмента тазовой кости мелкого домашнего скота хаотически расположены не менее семи кириллических надписей, содержащих от одной до четырех букв. На оборотной стороне читается глаголическая надпись.

2. Надпись и филологический комментарий к ней

Текст записан в две строки, двумя почерками, последние пять буквенных позиций сопровождаются разделителями (см. ил. 2). Большая часть надписи прочерчена отчетливо, с нажимом, в то время как две последние буквы написаны иначе: нажим тут меньше, штрихи тоньше, элементы букв смыкаются неплотно. Различны и начерки разделительных знаков: в первом почерке это отчетливые косые черты на всю высоту строки, во втором же почерке разделители неясны: или короткие штрихи, или неловкие точки.

Первые три слова — цельная фраза — читаются ясно:

1 **молвила куна собо=**

2 **ли**⁶...

‘сказала куница соболю...’

Христу, а на оборотной стороне вырезаны 12 так называемых «ветвистых» рун. На другом фрагменте ребра коровы процарапана надпись, напоминающая греческое слово ‘*kyrios*’ (господин), впоследствии перечеркнутое [Gustavson et al. 1983: 232].

⁶ Вместо начального *с* в *соболи* поначалу было написано *о* (предвосхищение следующего гласного — нередкая описка и в берестяных грамотах, и в книжном письме). Типологические аналогии такой ошибке — *ОО* вместо *СО* — известны и в греческо-византийской эпиграфике; один из примеров — в унциальной надписи апсиды церкви св. Ирины в Константинополе [Felle 2020: 197].

Ил. 2. Надпись на кости. Фото и прорись (выполнена Варварой Солдатенковой)

Прочтение завершающей «костяную грамоту» последовательности знаков неоднозначно. Из пяти буквенных позиций (при счете с конца, разделительные штрихи не в счет) в первом почерке отчетливо читаются буквы Р (в 5-й позиции) и В (4-я позиция), во втором — Н (2-я позиция). Неясен написанный первым почерком знак в 3-й позиции (неудавшаяся, исправленная, зачеркнутая буква?); неоднозначна и самая последняя, написанная вторым почерком буква (Л или зеркально повернутое А).

Проблему, кроме того, составляют несколько горизонтальных штрихов, по глубине сопоставимых с начерками первого почерка. Два из этих штрихов — между М и О в *молвила* и проходящий через И и Л в том же слове — несомненно (по смысловым соображениям) посторонни письму и относятся к фактуре материала; иными словами, они того же рода, что и черты на обороте кости, где никакого текста нет (см. фото оборотной стороны на ил. 2). С меньшей уверенностью то же можно утверждать в

Ил. 3. Лигатура ГР (?)

Ил. 4. Последняя буква надписи

отношении штрихов между первой и второй строками — над Р, над В и еще одного длинного, идущего до конца строки, так как все три теоретически можно понять как титла.

В самом деле, поначалу в этой части надписи читали последовательность числовых обозначений под титлами: $\bar{p} / \bar{v} / \bar{i} / \bar{n.l.}$ '112, 50, 30'. Первым это чтение предложил А. А. Гиппиус⁷; в одном из докладов⁸ держалась этой версии и я, однако дополнительное изучение памятника заставило искать другое решение. Добавились два наблюдения:

— комбинация Р и штриха над ним может быть понята как лигатура ГР (см. ил. 3)⁹; штрих проведен в том же направлении, что и верх следующей буквы В и может быть покрытием (соединенной с Р) буквы Г; кроме того, петля Р начата не из верхней точки штанги, а заметно ниже, как это характерно для лигатурных написаний; вероятность промашки на этом месте, в отчетливом первом почерке, сравнительно низка;

— в последней позиции виден наклонный соединительный штрих, превращающий Л в зеркально повернутое А (см. ил. 4)¹⁰; штрих этот слаб, но относительно неглубоко прочерчена и вся буква, о чем уже шла речь в связи с дуктусом второго почерка.

⁷ В докладе на Новгородском семинаре кафедры археологии исторического факультета МГУ (ноябрь 2020 г.). Текст понимался им тогда как запись о торговой сделке: некая Куна торговала соболями, за которые было заплачено 112 гривен, а было этих соболей 50 плюс 30, то есть два сорочка; в публичной лекции в МГУ о письменных находках археологического сезона (декабрь 2020 г.) А. А. Гиппиус от этой интерпретации сюжета отказался, признав, что все числовые обозначения относятся к суммам денег (гривен).

⁸ На XXXV конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» (Великий Новгород, 26–28 января 2021 г.).

⁹ Среди лигатур, которые иногда употребляются в берестяных грамотах (*оу, ив, ни, ию* и некоторых других), лигатура *gr* до сих пор не встречалась, но в книжном письме она хорошо известна.

¹⁰ Зеркальное А как нечастый вариант отмечено в берестяных грамотах периода от середины XII до конца XIV в. [Зализняк 2000: 152–153]; по начертанию ближайший аналог есть дважды (союз *a* и в слове *даи*) в грамоте № 191 того же времени (стратиграфическая дата — вторая половина XIII в., уточненная дата 1300-е — нач. 1310-х гг.) [Ibid.: 153; Idem 2004: 566]; прорись см.: [НГБ IV: 74].

Возможность того, что отмеченные особенности начертаний случайно возникли при затрудненном письме по кости, сохраняется. Если же они не случайность, то в финале надписи можно читать слово **гр/в/-/·н·а** ‘гривна’, где ГР — лигатура, а на месте прочерка неясные штрихи (возможно, не удавшееся и зачеркнутое Н)¹¹.

Стопроцентной уверенности нет ни в одном из двух предложенных чтений, но в настоящее время чтение ‘гривна’ представляется мне предпочтительным как с графической, так и с содержательной стороны, к которой и перехожу.

Кто говорит, к кому обращена речь, в какой ситуации?

Слово *куна* в (древне)русском может служить не только нарицательным названием зверька — куницы, не только собственным именем или прозвищем женщины (*Куна*), но и метафорическим именованием, так сказать, маской невесты. В пару ей традиционной маской жениха в восточнославянской свадьбе является (наряду с горностаем и бобром) соболев.

Невеста именуется куней, куницей в фольклорных обрядовых текстах:

Особенно часто образ к<уницы> встречается в свадебном обряде: обряд выкупа невесты называется *куница* (чернигов., Лис.: 110); **во время оплакивания невесты** накануне свадьбы **молодежь ходит кунами** (поет так наз. **кунные песни**), в «кунах» иногда участвует и жених (архангел.); **подкунными называют родственников невесты, отвозящих приданое** (вологод., СРНГ 28: 51). Многочисленны примеры, когда в свадебных песнях **невесту называют к<уницей>**. Повсеместно в России, а также на Украине и в Белоруссии распространены приговоры дружки или свата, в которых **поезжане жениха называют себя охотниками на куниц** <...>, говорят, что они по куньему следу пришли в дом невесты. <...> Чаше всего в в.-слав. песенном фольклоре, прежде всего в свадебном, молодец и девица или жених и невеста изображаются как соболев и к<уница>, горностаи и к<уница>, режее — бобров и к<уница> [Гура 2004: 46].

Эротическая и брачная символика куницы проявляется и в диалектных именовании женских гениталий: рус. *куна*, *кунка*, *куница* [СРНГ, 16: 98, 93; Даль, 2: 561; Фасмер, 2: 417].

В текстах того же круга — обрядовых фольклорных песнях — жених может именоваться соболев [СРНГ, 39: 171]. В обширном фольклорно-этнографическом материале, собранном А. В. Гуруй [1997: 212], нам в особенности интересны севернорусские примеры:

¹¹ Такое чтение было изложено мною в докладе о «костяной грамоте» на конференции «Вопросы славянской лингвистики и филологии» в Лингвистическом центре Сорбонны (Sorbonne Université, Centre de linguistique en Sorbonne, UFR d'études slaves, Journée d'études «Questions de linguistique et de philologie slaves», 12 мая 2021 г.)

«Не **собо́ль по улице похаживает**, — <...> / Добрый молодец по горенке похаживает» (Карелия, Яндом-озеро); «Что не **собо́ль по улице дыблется**, <...> Да еще дыблет-подыблет-от молод князь (Да еще дыблет, подыбливает наш молод князь)» (Архангельская обл., Мезень).

Форма *собо́ли* в костяной грамоте — это дательный падеж единственного числа мужского рода от *собо́ля*. В фольклорных текстах формы *собо́ль* (по древнему **j*o-склонению, с вариантами, в частности, в творительном множественного, по **i*-склонению *собо́льми*) и *собо́ля* (по **j*a-склонению) варьируют, ср., например, в западнорусском примере из работы А. В. Гуры [1997: 212]:

В Ельнинском уезде> Смоленской губ<ернии> на свадьбе поют песню, построенную на параллелизме: куница просит собо́ля вывести ее из бора — молодая просит жениха забрать ее из родительского дома: «Хадила конухна пу бару, / Ина малилася **саба́лю**: / — Такей жа, сякей, **сабо́ля**, / Вывидь мяне с бору!»

Ударение на *о* (*сабо́ля*), очевидно, параллельно старому ударению (по акцентной парадигме *b*) в *собо́ль* [Зализняк 2014: 551]. С учетом старого ударения в слове *куна* — на последний слог [Ibid.: 184] фраза на кости может читаться в ритмике фольклорного тактовика: *мо́лвила кунá собо́ли*.

Какой этап свадьбы отражен в костяной грамоте? Полагаю, тот, который, как мы теперь знаем, в некоторых областях так и называется — *куница* (см. выше цит. из [Гура 2004]), а именно *выкуп невесты*¹².

По данным, собранным в XIX в., название выкупа прямо связано с именованьем невесты *куной*. В словаре В. И. Даля [2: 218] свадебной теме посвящена половина статьи о слове *куна*; согласно Далю, значение терминов *куна*, *кунное*, *куничное* — «окуп за невесту владельцу, подать с новоженев; выводное, плата за невесту, выходявшую в чужую вотчину; княжее». О возрасте этих обозначений мы ничего не знаем. Средневековая брачная терминология варьировала, можно полагать, не только в зависимости от региона, но и в зависимости от юридической сферы — книжного церковного права (на церковнославянском языке) или обычного права (на стандартизованном диалекте). В древнерусской книжной письменности выкуп жениха за невесту, как и приданое отца, обозначался словом *вѣно*, которое в более широком смысле значит

¹² В традиционной славянской свадьбе много ритуалов выкупа: выкупаются символ девичества (коса невесты, лента, венки), приданое, свадебное знамя, право на проезд свадебного поезда, право войти в дом за невестой, место возле невесты за столом, брачный каравай, право брачной ночи. Во главе этого перечня стоит выкуп невесты [Плотникова 1995: 475].

вообще ‘плата’, этимологически же связано с продажей и торговлей, ср. лат. *vendere* [Фасмер, 1: 291]. Термин *въно* известен в переводах библейских текстов, в кормчей и некоторых других книжных юридических памятниках, в летописи [Срезневский, 1: 487; СДРЯ XI–XIV вв., 2: 294].

Итак, посредством костяной грамоты кто-то, кто представлял стан невесты, передает в стан жениха сообщение о выкупе — вене, или кунном.

Круг «брачных» берестяных грамот, которыми мы располагаем, не велик (БГ № 377, 731, 955 и Ст.Р. 40), тем не менее они дают некоторый фон для костяной грамоты. На этом фоне отчетливее видны свойства вновь найденного документа — его тип, формуляр, коммуникативное устройство, функция; в свою очередь, надпись на кости бросает свет на некоторые дискуссионные вопросы брачных берестяных грамот.

Нельзя не отметить, что по крайней мере некоторые такие грамоты исполнены с особой тщательностью. Новгородская грамота № 955 XII в. (письмо от старшей представительницы невесты к старшей представительнице жениха¹³) оформлена абсолютно чрезвычайными для берестяного корпуса инициалами книжного типа и снабжена тонко исполненным рисунком (прорись см.: [НГБ XII: 54–55]). Нет сомнений, что эти декоративные элементы говорят о высоком, небудничном статусе документа¹⁴. Письмо Ст.Р. 40 XIV в. (приглашение родственнице от родителей невесты на свадьбу) «написано очень уверенной рукой, устойчивым почерком. Буквы глубоко врезаны в бересту, так что документ внешне напоминает надписи, вырезанные на медных пластинах» [НГБ XII: 170–171]. В случае костяной грамоты материал избран более прочный и долговечный; буквы основного текста прорезаны четко и глубоко; в обозначении суммы, на которую в надписи приходится главное смысловое ударение, записано «разрядкой»: между буквами стоят разделители; неудивительно в этом контексте и появление книжного элемента графики — лигатуры ГР (если принять вариант с чтением ‘гривна’).

Писано сообщение в 3-м лице — *молвила куна*, как если бы посланник невесты, передавая написанное, сообщал ее слова. Коммуникативная модель такого типа в брачных грамотах встретила впервые. В берестяной грамоте № 377 того же времени, XIII века, о своей готовности жениться на некоей Малании заявляет от 1-го лица сам жених Микита; при этом присутствие упомянутого в тексте по имени свидетеля

¹³ Иное распределение ролей принято в комментарии А. А. Зализняка [НГБ XII] и в специальной работе Д. Коллинза об этой грамоте [Collins 2011]. Частичная реинтерпретация грамоты № 955 заслуживает отдельного разговора.

¹⁴ В формулировке Д. Коллинза [Collins 2011: 40], “the format serves as a signal of the ritualized solemnity of the marriage negotiations conducted in the document”.

(«послуха»), по-видимому, придает акту обещания юридическую силу [НГБ XII: 232–233], ср. комментарий в: [Зализняк 2004: 494–495]. В других грамотах (№ 731, 955, Ст.Р. 40) о брачующихся и браке говорят и пишут старшие представители обеих сторон (некоторые конкретные роли остаются предметом дискуссии).

Близкая к костяной грамоте конструкция есть в уже упомянутой берестяной грамоте № 955, написанной от лица некой Милуши к Марене. Каждая из названных женщин, очевидно, представляет один из свадебных станов — невесты «косы великой» и жениха Сновида. В письме три части, каждая из которых открывается фигурным инициалом. Сначала речь идет о сговоре («От Милуши к Марене. Большой косе — пойти бы ей замуж за Сновида»), потом — поздравление ритуальной формулой («Маренка! Пей пизда и секры!») и, наконец, заключение, которое нас сейчас интересует в первую очередь:

Рѣкла ти такъ **Милоуша**: Вѣдаи 2 гривене вецѣрашенеи [НГБ XII: 55, 59]

‘Говорит тебе Милуша: дай две гривны, о которых договорились вчера’.

В обоих случаях — и в костяной, и в берестяной грамоте — начальный глагол фразы вводит речь от 3-го лица — важного актера свадебного действия; в костяной грамоте это невеста, в грамоте № 955 — старшая ее представительница. Создается впечатление, что перформативное употребление глагола речи (*молвила*, *рѣкла*) в брачном контексте приобретает формулярный характер, подобно тому, как глагол *хотѣти* (в брачных грамотах № 377 и 731) приобретал «специальное значение ‘быть согласным на брак’, ‘желать жениться’» [Зализняк 2004: 495].

Замечательно, что центральные персонажи — невеста и жених — именуются в тексте на кости не их собственными именами, а условно-фольклорными *куна* (она) и *соболя* (он). Первый пример непрямого именования невесты встретился ранее в берестяной грамоте № 955 — *коса великая*. А. А. Зализняк [НГБ XII: 58] и следом за ним Р. Факкани [Faccani 2006: 11] видят в этом сочетании «домашнее» прозвище, относящееся скорее к старшинству среди дочерей в семье, в то время как Д. Коллинз [Collins 2011: 41] понимает *коса* скорее как метонимию вступающей в брак невесты (“rather a pars pro toto metonym for a potential bride”). Более вероятным представляется теперь, в соотнесении с именованием *куна* костяной грамоты, видеть и в сочетании *коса великая* цитату из обрядового языка. В песнях и причитаниях невесты (после сговора и рукобיתья) фигурирует мотив упрека родителям, что рано выдают замуж, не дали дорастить косу до пояса, ср. из фольклорных материалов, собранных в Новгородской области:

Как у вас, мои голубушки, / Жалостливы отцы-матери, / Вам дают, сестрицы милые, / До любя да насидетися, / До охоты нагулятися, / Цветного платья наноситися, / Вам **доростить да русу косыньку** / До единого до волоса, / До шелкового **до пояса** [ФНО 2005: 98].

В таком контексте *коса великая* о невесте может значить то же, что зрелая, на выданье. Свадебный термин *косу продавать* [Усачева 1999: 617], по сути, синонимичен выкупанию невесты.

Вернусь теперь к вопросу о **размере выкупа**. Исторический материал, который позволил бы укрепиться в одной из двух предложенных интерпретаций чтения, очень скуден.

Упоминания выкупа за невесту в летописи (Повести временных лет по Лаврентьевскому списку) не дают материала для сопоставления, так как там говорится об особенном — княжеском или королевском — выкупе, и размеры его, конечно, чрезвычайны, ср.:

(988:) Вдасть же за вѣно грекомъ Курсунъ вѣпять црѣѣ дѣла, а самъ прїде Киеву [ЛЛ 1997: 116];

(1043:) В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людии .нѣ. [вар.: осмь] сотъ [Ibid.: 154–155].

По другой причине не может служить опорой и фольклорная формулировка, которую приводит в своем словаре В. И. Даль [2: 218]: «Куницу, лисицу, **золотую гривну** да стакан вина».

Наконец, этнографические данные XIX–XX вв., если и могут быть полезны как свидетельство об обряде, ничего не дают в вопросе о денежном содержании выкупа невесты¹⁵.

Особую ценность в этой связи вновь, как кажется, может иметь берестяная грамота № 955. Интерпретация некоторых элементов ее содержания остается дискуссионной. В частности, две разные точки зрения были высказаны в отношении того, что такое ‘две гривны вчерашние’ — гонорар ли это свахи Милуши, как предполагал А. А. Зализняк [НГБ XII: 59], или, как предлагает думать Д. Коллинз, не что иное, как выкуп (bride-price), о котором представители жениха и невесты договаривались накануне [Collins 2011: 47–50]. С появлением из земли костяной грамоты версия Д. Коллинза, пожалуй, приобретает в весе. Суммы в две и в одну гривну, названные, соответственно, в берестяной и в костяной грамоте, соизмеримы; разница вдвое могла объясняться социально-финансовыми различиями не только семей, но и эпох в жизни

¹⁵ По данным тенишевского «Этнографического бюро», собранным в 1890-е гг., в частности, в Костромской губернии, размер выкупа колебался между тремя и пятнадцатью рублями [Материалы Тенишева, 2004: 36] (за указание на этот источник я благодарна А. Каменской).

одного и того же ареала в Людином конце города¹⁶. Напротив, суммы в 112 и в 80 гривен, которые предполагает альтернативное чтение надписи на кости, представляются странно высокими.

Исходя из сказанного, можно попытаться объяснить неоднородность костяной грамоты в почерке. Так как перебой дуктуса приходится именно на финальное обозначение суммы выкупа, о каждом из двух предложенных чтений этой части документа нужно говорить отдельно.

В первоначальной версии объяснение можно видеть в самой ситуации торга, в диалоге договаривающихся сторон: представитель невесты назначает 112 гривен, а сторона жениха называет 50, а потом набавляет еще 30.

При чтении 'гривна' можно было бы предположить, что финаль *-на* дописана поспешно после неудачи с буквой Н. Более правдоподобным представляется другой сценарий: заранее был заготовлен «бланк» договора — тщательно написанный основной текст, в котором оставалось только дописать сумму выкупа¹⁷. А в момент ритуального договора между сторонами представитель невесты, сообщая ее ответ («молвила куна»), при свидетелях дописывает *-на*: документ готов.

Итак, перед нами ритуальный документ о торге невесты и уплате выкупа (вена, кунного). Значение этой находки трудно переоценить. Прямых аналогий надписи такого содержания в рамках славянского мира и северной Европы пока нет. О некоторых параллелях в берестяных грамотах шла речь выше. Если говорить о надписях на кости, то ближе других — некоторые рунические надписи, обнаруженные в Скандинавии, откуда практика письма на кости, по-видимому, и пришла на Русь. Аналогию можно усматривать прежде всего в текстах костяных грамот сходной, а именно договорной прагматики, так как брак в средневековом обществе рассматривается как определенного рода контрактные отношения¹⁸.

¹⁶ Грамота № 955 была найдена на Троицком раскопе (усадьба Т), в ареале, застроенном дворами богатых боярских родов, новгородской элиты эпохи расцвета республики. Марена, известная по нескольким берестяным документам, «обладала значительной хозяйственной властью, к ней обращался сам князь, она ведала выдачей денег, поступлением зерна и т. п.» [НГБ XII: 56]. Согласно исследованию А. А. Гиппиуса, Марена была женой боярина Петра Михалковича (Петрока), которому принадлежала важная роль в новгородской администрации эпохи [НГБ XI: 169–170]. Сновид, жених из грамоты № 955, вероятно, — сын Марены. В более поздних грамотах № 1007, 1009, 1045, 1047 с соседней усадьбы Ж Троицкого раскопа он действует уже как вполне самостоятельное лицо (о предположительном отождествлении этих персонажей см.: [НГБ XII: 56, 108].

¹⁷ Для берестяных грамот сокращенное написание слова гривна без окончания в целом нехарактерно; иногда сокращение может соответствовать форме единственного числа слова, например, в именительном падеже дважды в грамоте № 905 (XI в.) и в винительном падеже — в грамоте № 739 (XII в.).

¹⁸ Ср. утверждение историка брачных отношений в раннесредневековой Ирландии: "All three main types of marriage [брак, основанный на внесении собственности

Яркий пример такого рода находится в комплексе рунических надписей на кости из шведской Сигтуны, города, служившего временной резиденцией короля [Gustavson et al. 2001: 197]. Самая пространная и ясная по содержанию из этих надписей (XII в.) найдена в ареале пиршественного зала. Начертанная, как и новгородская, на коровьем ребре, эта двусторонняя «грамота» являлась, как полагают скандинависты, ритуальным актом вассальной верности королю. На одной стороне кости написано: 'Король угощает щедро. Он дал в преизбытке. Он благоволит', на обороте: 'Мари дал кость. Он самый богатый'. Мари, вероятно, был на пиру у короля, и кость скрепляет ритуальный диалог между королем и его вассалом [Sundqvist 2011: 200]. Сходным образом новгородская костяная грамота несет в себе реплику ритуального диалога и скрепляет имущественный договор между невестой и женихом. Перед нами своеобразный пример диалогической устно-письменной коммуникации на пересечении обряда и юридической практики¹⁹.

Сообщение о выкупе невесты расширяет круг текстов, связанных с брачными отношениями и свадебной обрядностью, и тем самым наши представления об этой сфере древненовгородской культуры. Теперь мы знаем, что кость в Новгороде, как и в северной Европе, могла использоваться для ритуальных сообщений. Предпринятый в данной работе филологический разбор текста позволяет составить представление о формуляре и коммуникативном устройстве сообщения о выкупе невесты. Ценно сообщение о размере выкупа. Немаловажно и содержащееся в костяной грамоте свидетельство о терминологии свадьбы и именовании невесты и жениха куницей и сободем. Для дальнейших исследований важно, что образный язык этих свадебных «масок», известных до сих пор по записям XIX–XX вв., может, как оказывается, восходить к очень старой терминологии древненовгородской свадьбы.

Библиография

Гиппиус 2004

Гиппиус А. А., К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот, В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус, *Новгородские грамоты на бересте*, 11: (Из раскопок 1997–2000 гг.), Москва, 2004, 183–232.

обоими партнерами, на вкладе мужчины, на вкладе женщины. — М. Б.] are considered by the lawyers as special contractual relationships between the spouses in regard to property, which are similar [здесь пропуск: in some important aspects] to that of a lord and his vassal, a father and his daughter, a student and his teacher, an abbot and his lay-tenant — other pairs that hold property in common and, on occasion at least, run a common household" [Ó Corráin 1985: 6]. В берестяных грамотах о семейных отношениях свидетельств такого юридического сознания немало.

¹⁹ О других примерах такого рода см.: [Гиппиус 2004].

Гура 1997

Гура А. В., *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва, 1997.

——— 2004

Гура А. В., Куница, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Н. И. Толстого, 3, Москва, 2004, 46–47.

Даль, 2

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 2-е изд., 2, С.-Петербург, Москва, 1880–1882. [репр.: Москва, 1979].

Зализняк 2000

Зализняк А. А., Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте*, 10: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование), Москва, 2000, 134–429.

——— 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва, 2004.

——— 2014

Зализняк А. А., *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*, Москва, 2014.

ЛЛ 1997

Лаврентьевская летопись, *Полное собрание русских летописей*, 1, Москва, 1997.

Макаев 1962

Макаев Э. А., Руническая надпись из Новгорода, *Советская археология*, 3, 1962, 309–311.

Материалы Тенишева 2004

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева, 1: Костромская и Тверская губернии, С.-Петербург, 2004.

Медведев 1968

Медведев А. Ф., Загадочная надпись начала XI в. из Новгорода, Е. И. Крупнов, ред., *Славяне и Русь. Сборник статей к 60-летию академика Б. А. Рыбакова*, Москва, 1968, 437–439.

Мельникова 1977

Мельникова Е. А., *Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарии*, Москва, 1977.

——— 2001

Мельникова Е. А., *Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации*, Москва, 2001.

Михеев, Сингх 2016

Михеев С. М., Сингх В. К., Глаголические и кириллические буквы на кости второй половины XI века из Новгорода, *Российская археология*, 1, 2016, 99–105.

НГБ, 4

Арциховский А. В., Борковский В. И., *Новгородские грамоты на бересте*, 4: Из раскопок 1955 г., Москва, 1958.

НГБ, 9

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 9: (Из раскопок 1984–1989 гг.), Москва, 1993.

НГБ, 10

Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 10: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Москва, 2000.

НГБ, 11

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 11: (Из раскопок 1997–2000 гг.), Москва, 2004.

НГБ, 12

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 12: (Из раскопок 2001–2014 гг.), Москва, 2015.

Плотникова 1995

Плотникова А. А., Выкуп, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Н. И. Толстого, 1, Москва, 1995, 475–477.

Рыбина, Хвошинская 2010

Рыбина Е. А., Хвошинская Н. В., Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода, А. Е. Мусин, Н. В. Хвошинская, ред., *Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова*, С.-Петербург, 2010, 66–78.

СРНГ, 16

Словарь русских народных говоров, 16: Куделя – Лесной, Ленинград, 1980.

СРНГ, 28

Словарь русских народных говоров, 28: Подель – Покороче, С.-Петербург, 1994.

СРНГ, 39

Словарь русских народных говоров, 39: Сметушка – Сопочить, С.-Петербург, 2005.

СДРЯ XI–XIV вв., 2

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 2: възалкати – добродѣтельникъ, Москва, 1989.

Срезневский, 1–3

Срезневский И. И., *Словарь древнерусского языка*: репринтное изд., 1–3, Москва, 1989.

Усачева 1999

Усачева В. В., Коса, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Н. И. Толстого, 2, Москва, 1999, 615–618.

Фасмер, 2

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, перев. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, 1–4, Москва, 1986.

ФНО 2005

Фольклор Новгородской области: история и современность, сост. О. С. Бердяева, Москва, 2005.

Янин et al. 2006

Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В., Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы), *Новгород и Новгородская земля. История и археология*, 20, Великий Новгород, 2006, 5–14.

Collins 2011

Collins D. E., Reconstructing the pragmatics of a medieval marriage negotiation (Novgorod 955), *Russian Linguistics*, 35, 2011, 33–61.

Faccani 2006

Faccani R., Malefici e matrimoni. A proposito di due testi novgorodiani su corteccia di betulla scoperti nel 2005, *Studi Slavistici*, 3, 2006, 7–17.

Felle 2020

Felle A. E., Epigrafi e cattedrali. Alcune note sulla Hagia Eirene di Costantinopoli, F. Bisconti et al., eds., *Legite, tenete, in corde habete. Miscellanea in onore di Giuseppe Cuscito*, Trieste, 2020, 189–204.

Gustavson et al. 1983

Gustavson H., Snicdal Brink T., Strid J. P., Runfynd 1982. (Rune finds in 1982), *Fornvännen*, 78, 1984, 224–243.

——— 2001

Gustavson H. et al., Diskussion zum Thema Handelssprachen und Runeninschriften in Haithabu und vergleichbaren Handelszentren, K. Düwel, ed., et al., *Von Thorsberg nach Schleswig* (= Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 25), Berlin, New York, 2001, 179–200.

Macháček et al. 2021

Macháček J. et al., Runes from Lány (Czech Republic) – The oldest inscription among Slavs. A new standard for multidisciplinary analysis of runic bones, *Journal of Archaeological Science*, 127, 2021, 1–8.

Ó Corráin 1985

Ó Corráin D., Marriage in early Ireland, A. Cosgrove, ed., *Marriage in Ireland*, Dublin, 1985, 5–24.

Sundqvist 2011

Sundqvist O., An Arena for Higher Powers. Cult Buildings and Rulers in the Late Iron Age and the Early Medieval Period in the Mälär Region, G. Steinsland et al., eds., *Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney and the Faeroes*, Leiden, Boston, 2011, 163–210.

References

Artsikhovskiy A. V., Borkovskii V. I., *Novgorodskie gramoty, na bereste*, 4: *Iz raskopok 1955 g.*, Moscow, 1958.

Berdyayeva O. S., ed., *Fol'klor Novgorodskoi oblasti: istoriia i sovremennost'*, Moscow, 2005.

Collins D. E., Reconstructing the pragmatics of a medieval marriage negotiation (Novgorod 955), *Russian Linguistics*, 35, 2011, 33–61.

Faccani R., Malefici e matrimoni. A proposito di due testi novgorodiani su corteccia di betulla scoperti nel 2005, *Studi Slavistici*, 3, 2006, 7–17.

Felle A. E., Epigrafi e cattedrali. Alcune note sulla Hagia Eirene di Costantinopoli, F. Bisconti et al., eds., *Legite, tenete, in corde habete. Miscellanea in onore di Giuseppe Cuscito*, Trieste, 2020, 189–204.

Gippius A. A., K pragmatike i kommunikativnoi organizatsii berestianykh gramot, V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 11: (*Iz raskopok 1997–2000 gg.*), Moscow, 2004, 183–232.

Gura A. V., Kunitsa, *Slavianskie drevnosti: Etno-lingvisticheskii slovar'*, N. I. Tolstoy, ed., 3, Moscow, 2004, 46–47.

Gura A. V., *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii*, Moscow, 1997.

Gustavson H. et al., Diskussion zum Thema Handelssprachen und Runeninschriften in Haithabu und vergleichbaren Handelszentren, K. Düwel, ed., et al., *Von Thorsberg nach Schleswig* (= Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, 25), Berlin, New York, 2001, 179–200.

Gustavson H., Snicdal Brink T., Strid J. P., Runfynd 1982. (Rune finds in 1982), *Fornvännen*, 78, 1984, 224–243.

Macháček J. et al., Runes from Lány (Czech Republic) – The oldest inscription among Slavs. A new standard for multidisciplinary analysis of runic bones, *Journal of Archaeological Science*, 127, 2021, 1–8.

Makaev E. A., L'inscription runique de Novgorod, *Sovetskaya arkheologiya*, 3, 1962, 309–311.

Medvedev A. F., Zagadochnaia nadpis' nachala XI v. iz Novgoroda, E. I. Krupnov, ed., *Slaviane i Rus'. Sbornik statei k 60-letiiu akademika B. A. Rybakova*, Moscow, 1968, 437–439.

Melnikova E. A., *Skandinavskie runicheskie nadpisi. Teksty, perevod, kommentarii*, Moscow, 1977.

Melnikova E. A., *Skandinavskie runicheskie nadpisi: novye nakhodki i interpretatsii*, Moscow, 2001.

Mikheev S. M., Singh V. K., Glagolitic and cyrillic characters on an eleventh century bone fragment from Novgorod, *Russian Archaeology*, 1, 2016, 99–105.

Ó Corráin D., Marriage in early Ireland, A. Cosgrove, ed., *Marriage in Ireland*, Dublin, 1985, 5–24.

Plotnikova A. A., Vykup, *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary in 5 volumes*, N. I. Tolstoy, ed., 1, Moscow, 1995, 475–477.

Rybina E. A., Khvoshchinskaya N. V., Eshche raz o skandinavskikh nakhodkakh iz raskopok Novgoroda, A. E. Musin, N. V. Khvoshchinskaya, eds., *Dialogue of cultures and peoples in medieval Europe*, St. Petersburg, 2010, 66–78.

Sundqvist O., An Arena for Higher Powers. Cult Buildings and Rulers in the Late Iron Age and the Early Medieval Period in the Mälär Region, G. Steinsland et al., eds., *Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney and the Faeroes*, Leiden, Boston, 2011, 163–210.

Usacheva V. V., Kosa, *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary in 5 volumes*, N. I. Tolstoy, ed., 2, Moscow, 1999, 615–618.

Yanin V. L., Khoroshev A. S., Rybina E. A., Sorokin A. N., Stepanov A. M., Pokrovskaya L. V., *Raboty v Liudinom kontse Velikogo Novgoroda (Troitskie XIII i XIV raskopy)*, *Novgorod and the Novgorod Region. History and Archaeology*, 20, Veliky Novgorod, 2006, 5–14.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: (Iz raskopok 1990–1996 gg.). *Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*, Moscow, 2000.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 9: (Iz raskopok 1984–1989 gg.), Moscow, 1993.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 11: (Iz raskopok 1997–2000 gg.), Moscow, 2004.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 12: (Iz raskopok 2001–2014 gg.), Moscow, 2015.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt, 2-e izd, pererab. s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg.*, Moscow, 2004.

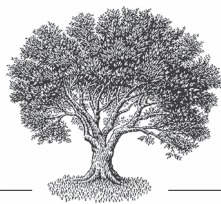
Zaliznyak A. A., *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*, Moscow, 2014.

Zaliznyak A. A., *Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*, V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: (Iz raskopok 1990–1996 gg.). *Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*, Moscow, 2000, 134–429.

Марина Анатольевна Бобрик, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института русского языка РАН
Россия, 119019 Москва, ул. Волхонка 12/2
marina.bobrik@online.de

Виктор Кашмирович Сингх, кандидат исторических наук,
научный сотрудник
кафедры археологии
исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4
arxeolog@gmail.com

Received March 15, 2021

Новый Завет в переводе Мартина Лупача (ок. 1450): Вопросы авторства и стиля

Катарина Джункова

Карлов Университет,
Прага, Чехия

The New Testament Translation by Martin Lupáč (ca. 1450): Questions of Language and Authorship

Katarína Džunková

Charles University,
Prague, Czech Republic

Резюме

Редакция древнечешского перевода Нового Завета середины XV в., приписываемая уtrakвистскому священнику и дипломату Мартину Лупачу, представляет собой первую фазу четвертой редакции древнечешского библейского перевода, которая послужила источником Библии Пражской 1488 г. — первой печатной Библии на славянском языке. В статье рассматриваются лексические и стилистические нововведения перевода Лупача в сопоставлении с примерами всех редакций древнечешского библейского перевода и текстом Вульгаты с целью установления особенностей переводческого подхода. Так называемая лупачевская обработка содержит ряд грамматических нововведений (употребление итеративных глаголов вместо исчезающей категории имперфекта, использование сложных предложений с финитной формой глагола вместо латинских именных конструкций), которые свидетельствуют о сознательном переводческом подходе, стремлении приблизить текст реципиенту данной эпохи. Более подробную картину языка «лупачевско-го» перевода дает исследование лексическо-стилистических нововведений.

Цитирование: Джункова К. Новый Завет в переводе Мартина Лупача (ок. 1450): Вопросы авторства и стиля // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 41–75.

Citation: Džunková K. (2021) The New Testament Translation by Martin Lupáč (ca. 1450): Questions of Language and Authorship. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 41–75.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.3

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

В языке Лупача находим черты актуализации лексики (денежные единицы, праздники, социальные отношения), дополнительные поясняющие выражения, уточняющий перевод латинских лексем в контексте конкретного действия, а также совсем новый стилистический прием — стилистическую диссимилиацию (замена однокоренных слов в одном предложении), употребление германизмов и употребление новых богемизированных латинизмов для абстрактных понятий. Более того, только в лупачевском переводе Посланий апостола Павла видны следы радикального утраквистского богословия, которое считало, что и священники могут рукополагать новых священников. Языковые особенности лупачевского перевода были подвергнуты сравнению с двумя трактатами Лупача на чешском языке, но степень сходств оказалась недостаточной для подтверждения идентичности их автора и переводчика Нового Завета. Так или иначе, язык Нового Завета Лупача можно считать переводом живым и пояснительным, с уникальными стилистическими решениями. Некоторые нововведения оказались настолько необычными, что через несколько десятилетий их не приняла первая печатная Библия Пражская, созданная также среди утраквистов.

Ключевые слова

древнечешский библейский перевод, Мартин Лупач, утраквизм, Библия Пражская, германизмы

Abstract

The New Testament translation from the mid-15th century attributed to the Utraquist priest and diplomat Martin Lupáč represents the first phase of the 4th redaction of the Old Czech Bible translation. It served as a model for the Prague Bible (1488) — the first printed Slavic Bible. The aim of the present work is to detect specific features of Lupáč's translation method by comparing his texts with four editions of the Old Czech Bible translation. In addition we aim to verify Lupáč's authorship of the translation, previously attributed to him on the basis of insufficient evidence, by comparing it with two Czech texts written by him. Our results show that Lupáč's translation contains a number of grammatical innovations that were consciously used to make the Bible content more accessible to the contemporary recipients, e.g., using iterative verbs instead of disappearing imperfect tense, using compound sentences with a finite verb instead of Latin nominal constructions. We detected vocabulary specific for the 15th century (currency, units of measurement, names of feasts), additional explanatory notes, precise translations of non-specific Latin verbs, stylistic dissimilation, and German and new bohemicized Latin loanwords. In addition, in Lupáč's translation of the Pauline Epistles we found traces of Utraquist theology. We compare the language of two Czech tractates written by Lupáč with the New Testament translation attributed to him, but the degree of similarity is not sufficient to confirm the attribution. In conclusion, Lupáč's New Testament is a vivid and explanatory translation with unique stylistic figures. Some innovations were so unusual that they were omitted in the Prague Bible created by Utraquists 40 years later.

Keywords

Old Czech Bible translation, Martin Lupáč, utraqism, Prague Bible, German loanwords

Четвертая редакция¹ древнечешской Библии все еще недостаточно изучена. Недавнее издание древнечешских библейских предисловий, опубликованное Академией наук Чешской республики, вновь подтверждает, что при создании четвертой редакции был осуществлен новый перевод выбранных прологов св. Иеронима и написан собственный пролог к псалтыри, в котором среди достоинств перевода названа его понятность «ten, ktož řeči vykládá, ne vděcky slovo od slova, ale od rozumu rozum mŏž vyložiti»² [Voleková, Svobodová 2019A: 78]. Библия Пражская 1488 г. содержит полный библейский перевод четвертой редакции, одновременно это первый полный печатный библейский текст на славянском языке и четвертое по времени своего появления печатное издание на живом европейском языке. Библия 1488 г. создана в кругу пражских утраквистов позднего готического времени эпохи ягеллонской династии в Чехии и включает в себе множество особенностей. Несколько исследователей [Kyas 1997, Souček 1967, Freitinger 1989] на примере выбранных отрывков уже показывали, что образцом Нового Завета Пражской Библии служил рукописный Новый Завет приблизительно середины XV в., принадлежащий, вероятно, утраквистскому священнику Мартину Лупачу († 1468), однако подробный анализ этого перевода отсутствует.

В настоящей статье представлено описание работы Мартина Лупача при выборе лексических средств, при этом принимается во внимание полный текст четырех евангелий и отдельные пассажи прочих новозаветных книг, производится сравнение с тремя предшествующими древнечешскими редакциями. Выбранные лексические данные сопоставлены также с материалами текстов на чешском языке, автором которых считается Мартин Лупач.

1. Мартин Лупач как историческая личность и проблема определения так называемой «лупачевской» библейской редакции

Священник Мартин Лупач³ родился в чешском поселении Уезд или Уезд в 80–90-х гг. XIV в. [Bartoš 1967], он стал одним из главных действующих лиц формирующейся утраквистской церкви. Рукоположен в

¹ Об истории и причине деления древнечешских библейских переводов на четыре редакции на основе исследования Й. Добровского пишет подробнее В. Киас [Kyas 1953].

² «[Т] от, кто переводит с чужих языков, не всегда должен слово словом толковать, но может и смысл смыслом изложить» (перевод с древнечешского В. П. Захарова).

³ В большинстве сохранившихся источников имя Мартина Лупача не снабжено титулом доктора или магистра. Это заставляет сомневаться в наличии у него законченного университетского образования. В названиях произведений Лупач указан как священник [см. Pálka 2014: 14; личные консультации с автором].

католическое священство в Роуднице-над-Лабем, где был приходским священником. Был участником уtrakвистского движения не только как духовное лицо, но и как политик и дипломат. В 1433 г. был в Базеле в составе чешского посольства и стал одним из главных сторонников так называемых «базельских компактатов», которые разрешили чешским уtrakвистам причастие под двумя видами. В январе 1434 г. талантливый дипломат Лупач выступил единственным представителем чешской стороны на заседании Базельского собора [Pálka 2014: 18] и участвовал в последующих публичных собраниях и манифестациях уtrakвистского движения в Чешском королевстве. В 1435 г. он вместе с Ванеком из Мита был избран суффраганом (вспомогательным епископом⁴) при первом пражском уtrakвистском архиепископе Я. Рокицане. Сохранились сведения о том, что в 1452 г. Лупач был приходским священником в чешских городах Хрудим и Клаторовы, откуда письменно полемизировал с известным католическим философом Николаем Кузанским [Pálka 2014: 21]. До конца жизни он непреклонно следовал своим взглядам и поддерживал возникновение новой церкви Чешских Братьев (Jednota bratrská) [Bartoš 1965], формировавшейся в 1457–1467 гг. Из его литературного наследия сохранились прежде всего трактаты об организации христианских церквей и о смысле таинств, а также яркая полемика с представителями римо-католической церкви. Большинство его произведений написано на латыни, из произведений на чешском языке дошли всего два трактата *O přijímání dítek* и *O kropení* (в рукописи D 118 в Архиве Пражского града) и два послания *List o svátosti oltářní* [Bidlo 1915: 491–492] и *List o kropáči* [Truhlář 1888: 147–149]. В письменных документах свидетельств о его переводческой деятельности не сохранилось [Pálka 2014: 25–34].

Причиной того, что новую редакцию чешского библейского перевода называли «лупачевской редакцией» [Svobodová, Voleková 2019A: 73], является колофон в конце новозаветной рукописи *Cod. 3304*, сохранившейся в Австрийской национальной библиотеке в Вене: «*Tak se skonává Zákon nový a jest výkladu kněze Martina Lupáče, v naději boží věrného a svatého muže, i s jinými poctivými a múdrymi kněžími. Budiž bohu chvála na věky věkův. Amen*»⁵ [л. 275ra]. Эта рукопись содержит евангельский текст новой правки третьей редакции, а текст Деяний апостолов, Посланий

⁴ Роль Лупача как вспомогательного епископа с атрибутом *suffraganus* (а не *auxiliarius*) заключалась, по всей вероятности, в том, чтобы помогать в управлении епископствами, подчиненными пражскому архиепископству [Pálka 2020: 63].

⁵ «Так кончается Новый Завет, а переложил его священник Мартин Лупач, в уповании Божиим верный и святой муж, с иными почтенными и мудрыми священниками. Да будет слава Господу во веки веков. Аминь» (перевод с древнечешского С. С. Скорвида).

и Откровения дается в четвертой редакции. Эта рукопись почти совпадает с рукописью Страговского Нового Завета [DB II 1] [Kreisingerová 2018: 14]. Но полный текст Нового Завета так называемой «лупачевской редакции», который послужил образцом первой печатной Пражской Библии 1488 г., содержат только две почти одинаковые рукописи: Музейный Новый Завет младший 1485 г. [ID 13], хранящийся в Библиотеке Национального музея в Праге, и Библия Лобковицкая 1479/1480 г. [G 10], хранящаяся в Моравском земском архиве — при этом ее Ветхий Завет соответствует тексту второй редакции, а Новый Завет — тексту четвертой редакции⁶. Именно этот новозаветный текст представляет собой первый этап четвертой редакции. Так называемый «лупачевский» перевод затрагивает только Новый Завет. Через несколько десятилетий в среде пражских утравкистских магистров появляется Пражская Библия (1488 г.), которая содержит также перевод Ветхого Завета четвертой редакции. Текст Псалтири был с небольшими изменениями перенят из Псалтири 1487 г., напечатанной в той же типографии. Далее к памятникам четвертой редакции относятся также отдельно изданный Новый Завет (почти совпадающий с текстом Пражской Библии), напечатанный на рубеже 80-х и 90-х гг. XV в., две рукописные копии этих первопечатных изданий того же времени, а также Кутногорская Библия, изданная с небольшими исправлениями текста Пражской Библии и гравюрами немецкого происхождения в 1489 г. в типографии в Кутной Горе [Svobodová, Voleková 2019A: 75–77].

В данной работе был сопоставлен новозаветный текст лупачевского перевода с образцами первых трех редакций древнечешских рукописных переводов. Из подробного сопоставления полного текста евангелий и отрывков прочих новозаветных книг следует, что создателем перевода является талантливый переводчик, имевший явное намерение дать по возможности наиболее доступный для восприятия священный текст. Индивидуальные лексические особенности перевода были сопоставлены с двумя сохранившимися трудами М. Лупача на чешском языке: о причастии детей *O přijímání dítek* и о кроплениях верующих *O kropení* в рукописи D 118. Это позволило установить личность переводчика. Грамматические особенности перевода, такие как использование глаголов многократного действия вместо уходящей категории имперфекта, использование финитных глаголов вместо причастий в латинском оригинале или сравнение, образуемое при помощи вспомогательного союза *než, nežli* ‘чем’ вместо сравнительного родительного

⁶ На родство печатной Библии Пражской с Библией Лобковицкой впервые обратил внимание Й. Добровский во время своей научной командировки в библиотеку в Стокгольме в 1792 г.

падажа, уже были рассмотрены прежде [Джункова 2019]. Данная статья посвящена исключительно лексическим особенностям перевода. В качестве представителей редакции древнечешского библейского перевода мы пользовались следующими рукописями:

1-я редакция: *Bible drážďanská* (Дрезденская Библия), 60-е гг. XIV в. [*Bibl-Drážď*] — *Bible olomoucká* (Оломоуцкая Библия), 1417 [*BiblOl*]

2-я редакция: *Nový zákon těšínský* (Тешинский Новый Завет), 1418 [*BiblTěš-NZ*] — *Bible litoměřická* (Литомержицкая Библия), 1429 [*BiblLit*]⁷ — *Bible Bočkova* («Библия Бочека»), 1430–1450 [*BiblBoč*] — *Bible mikulovská* (Микуловская Библия), 1440–1460 [*BiblMik*] — *Bible mlynářčina/Bible tábořská* («Библия мельничихи»/Таборская Библия), 1475 [*BiblMlyn*]

3-я редакция: *Bible padeřovská* (Падержовская Библия), 1432–1435 [*BiblPad*] — *Bible cisterciácká* (Цистерцианская Библия), 1456 [*BiblCist*] — *Nový zákon Lupáčův, vídeňský* (Новый Завет Лупача/Венский Новый Завет), после 1468 [*BiblLupNZ*], евангелия 3-й редакции, следующие новозаветные книги 4-й редакции — *Bible Kladrubská* (Кладрубская Библия), 1471 [*BiblKladr*]

4-я редакция: *Nový zákon muzejní mladší* (Музейный Новый Завет младший), 1485 [*BiblMuzMLNZ*] — *Bible lobkovická* (Лобковицкая Библия), 1479/1480 [*BiblLobk*] — *Bible pražská* (Пражская Библия), 1488 [*BiblPraž*] — *Bible kutnohorská* (Кутногорская Библия), 1489 [*BiblKutn*]

Для сравнения привлекается также иногда материал Кралицкой Библии 1579–1594 гг. [*BiblKral*], представляющей собой новый перевод высокого стилистического уровня, созданный и напечатанный в среде церкви Чешских Братьев.

После цитирования латинского оригинала НЗ Вульгаты *Nouum Testamentum Domini nostri Jesu Christi latine...* [Wordsworth, White 1889–1954] приводятся выписки из русского Синодального перевода, далее следует переводческое решение лупачевских рукописей *BiblMuzMLNZ*, *BiblLobk* и после них — *BiblPraž*, чтобы показать, насколько нововведения Лупача были восприняты в тексте первой печатной Библии 1488 г. Выбранные языковые явления подчеркнуты. Следуют примеры первых трех редакций. Рукопись *BiblLupNZ* с колофоном, в котором упоминается Лупач, занимает здесь специфическое положение, так как она включает тексты Евангелий в третьей редакции, а следующие новозаветные книги — в четвертой редакции. В сопровождающем тексте может также использоваться пример из средневековых толковых переводческих словарей или других источников, например греческого текста НЗ [Nestle-Aland 2011]. Цитированные отрывки приводим либо в виде транскрипции, в каком

⁷ В настоящее время рукопись *BiblLit* утрачена. Цитируется по фотокопии, хранящейся в Институте чешского языка Академии Наук Чешской Республики.

они приведены в опубликованных источниках, либо в системе транскрипции, используемой в базе электронного издания древнечешских библейских текстов diabible.com⁸. В случаях, когда тексты недоступны ни в одном научном издании (в 2021 г. издания Евангелия от Матфея и Евангелия от Марка были доступны только в электронном виде, при этом только по отдельным источникам), мы действуем, основываясь на нашей собственной работе с рукописями и инкунабулами в соответствии с одними и теми же принципами транскрипции текстов⁹. В сопровождающем тексте мы приводим лексемы в виде транскрипции, как они приведены на словарном веб-портале Института чешского языка АНЧР, содержащем различные источники для исследования древнечешского языка [*Vokabulář webový*].

2. Стремление к более понятному переводу

После третьей редакции, старающейся создать точный, дословный перевод Св. Писания по образцу латинской Вульгаты, в конце первой половины XV в. в уtrakвистской среде, по-видимому, появляется четвертая редакция, которая старается сделать текст более понятным реципиенту. Этот перевод (как мы считаем, Мартина Лупача) нередко носит столь новаторский характер, что сами уtrakвисты, когда дело дошло до публикации его в 1488 г., отказывались от нововведений «лупачевской» редакции, заменяя их новыми решениями или возвращаясь к вариантам предыдущих редакций. Гуситское движение высоко ценило авторитет Св. Писания, и некоторые части гуситского богослужения исполнялись на чешском языке [см. Voleková, Svobodová 2019], тогда как ни один из уtrakвистских синодов не занимается распространением Библии среди народа [см. Zilynská 1985], что представляло бы собой толчок для нового перевода и распространения рукописей. Именно поэтому мы приводим примеры новых переводческих решений М. Лупача и их последующее отражение в тексте *BiblPraž*.

Следует задаться вопросом, на кого был рассчитан этот более понятный перевод? Вероятно, имелось в виду духовенство, которому предстояло распространять тексты Св. Писания среди народа. Можно думать, что доминирующий тип читателя на территории Чешского королевства до середины XVI в. был представлен городскими чиновниками и духовными лицами. Первые тексты чешской читательской аудитории в эпоху раннего книгопечатания были Библия, проповеди, нравственные и воспитательные трактаты, молитвословия. Чтение

⁸ <https://vokabular.ujc.cas.cz/moduly/edicni/edicni-zasady>.

⁹ За консультации благодарю К. Волекову и А. Свободову.

беллетристики, а также литературы на иностранных языках в печатных изданиях из-за рубежа становится обычным гораздо позже [Voit 2018: 15].

Именно потому «лупачевская обработка» новозаветного текста отказывается от буквального перевода и старается достичь понятности текста несколькими способами: актуализацией лексики; включением дополнительных, разъяснительных слов; уточнением значения — например в случае глагольного действия.

2.1. Актуализация лексики

В переводе Лупача наблюдается определенная актуализация библейской лексики по сравнению с предыдущими редакциями. Это касается, например, названий денежных единиц, предметов быта или праздников в Священном Писании. Говоря об «актуальности» тех или иных наименований, следует трактовать ее в широком смысле — актуализация сама по себе связана с уточнением значения. Например, лат. *denarius* в более старых переводах Библии переводилось как *peniez* — эта лексема использовалась для различных названий денежных единиц. Но уже в начале XIV в. появляется название денежной единицы *groš* [*Slovník staročeský*]. И здесь переводчики четвертой редакции применяют именно *groš* с целью конкретизировать значение. Нам кажется, Лупач различает перевод отдельных денежных единиц более системно. Латинское *aes* ‘медь’ он переводит как *peniez*, вместо терминов *měd* или *stříebro* в более старых переводах; термин *drachma* переводит как *zlatý* (иногда как *potáč zlatý*) вместо *peniez* или *čtvrtec stříebra* в более старых переводах; термин *didrachma* он переводит в зависимости от контекста как *clo* (свн. *zol*)¹⁰, вместо *penieze*, *mýto* или *daň* в более старых переводах. Рассмотрим более подробно перевод лексемы *denarius* словом *groš*, вместо выражения *peniez* в более старых переводах. Акцент перевода Лупача на приближение текста к современному читателю особенно очевиден в стихе Лк 20:24, где в чтении о монете с изображением кесаря по-новому передано не только название монеты, но и ее облик: *inscriptio* ‘надпись’ переводится словом *ráz* ‘клеймо, оттиск чекана’, что точнее отражает вид чеканной монеты, в отличие от употребляемых в предыдущих редакциях лексем *nápis*, *napsání*.

Мк 14:5 *plus quam trecentis denariis* — более нежели чем за триста динариев
BiblMuzMLNZ, BiblLobk: *viace než za tři sta grošův* — BiblPraž: *viace než za tři sta grošuov* — другие ркп.: *viace než za tři sta peněz*

¹⁰ О заимствованиях из немецкого см. 4.1.

Лк 20:24 Ostendite mihi denarium. Cujus habet imaginem et inscriptionem? — Покажите Мне динарий, чье на нем изображение и надпись?

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *Ukažte mi **groš**. Čí má obraz a **ráz**?*

BiblPraž: *Ukažte mi **groš**. Čí má obraz a **ráz**?*

BiblDrážď, BiblOl: *Pokažte mi peniez. Čí má obraz a napsanie?*

BiblMlyn, BiblMik, BiblPad, BiblCist, BiblLupNZ: *Ukažte mi peniez. Čí má obraz a nápis?*

В переводе Лупача наблюдается уточнение названий библейских праздников с целью сделать их более понятными современному чешскому читателю. Этого пытались достичь уже создатели первой редакции, прибегая к помощи добавочных разъясняющих слов. Например, Деян. 11:15 cecidit Spiritus Sanctus super eos, sicut et in nos in initio — *BiblDrážď: spadl duch svatý na ně jakžto i na ny na počátče **točís na letnicě***¹¹ [Pytlíková 2013: 128] — сошел на них Дух Святой, как и на нас вначале. В переводе Лупача встречаем выражение *veliký pátek* 'Великая Пятница' в соответствии с лат. *parasceve*. Аналогично *parasceve* толкуется в словарях того времени, например *tag der furbereitung des osterlichen spisz* [*Vocabularius praedicantium* 1479/82].

Лк 23:54 Et dies erat parasceves, et sabbatum illucescebat. — День тот был пятница, и наступала суббота.

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *A ten den bieše **veliký pátek** a sobota se začínala.*

BiblPraž: *A ten den bieše **veliký pátek** a sobota se začínáše.*¹²

BiblDrážď, BiblOl: *A ten den bieše u pátek a na sobotu sě chýlěše.*

BiblMlyn, BiblPad: *A ten den bieše pátek a na sobotu sě chýlěše.*

BiblMik: *A den bieše páteční a sobota prosvěcováše se.*

BiblLupNZ, BiblCist: *A den ten bieše pátek a sobota se zasvěcováše.*

С актуализацией лексики тесно связано также стремление уточнить значение выражения, упомянутого в Св. Писании, чтобы приблизить его реалиям, которые известны реципиенту середины XV в. Это видим на примере лексемы *clibanus* 'печь', переведенной как *kupa* 'куча', в отличие от лексемы *pes*, использованной в предыдущих переводах. Толкование *clibanus* в качестве кучи (сена) предлагают также средневековые словари немецкого происхождения, сохранившиеся в чешских библиотеках. Новозаветный образ печи, в которую бросают

¹¹ *Letnice* — праздник сошествия Духа Святого.

¹² Особого внимания в этом примере заслуживает форма имперфекта, примененная в Пражской Библии. В ее тексте наблюдается тенденция архаизации текста — некоторые нововведения Лупача в ней не принимаются, хотя ее текст появился на несколько десятилетий позже. Пражская Библия употребляет глагол *začínati se* из перевода Лупача, но используемый им описательный перфект исправляет на имперфект, подражая образцу более древних переводов, а также Вульгаты.

сухую траву, заменен сеном и приближен к сельскохозяйственным реалиям центральной Европы: «*id est fornax vel **cumulus***» [Vocabularius ex quo 1482] — «*ein heuhuff, quia fit ad modum clibani ut in evangelio: fenum cras mittetur ad clibanum. Sed proprie ein back ofen*» [Vocabularius praedican-tium 1479/82].

Мф 6:30 Si autem foenum agri, quod hodie est, et cras in clibanum mittitur... — Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь...
BiblMuzMlNZ, BiblLobk: A poněvadž trávu polní, kteráž dnes jest, a zajtra **v koupu** bývá složena...

BiblPraž: A poněvadž trávu polní, kteráž dnes jest, a zajtra **v kupu** bývá složena...

BiblDrážď: A když seno polské, ještě dnes jest, a zajtra bude u pec umetáno...

BiblOl, BiblMlyn: A když seno polské, ještě dnes jest, a zajtra bude v pec uvrženo...

BiblLit, BiblBoč: Neb poněvaž seno polské, kteréž dnes jest, a zajtra u pec bývá uvrženo...

BiblMik: Nebo poněvadž seno rolné, kteréž dnes jest, a zajtra do peci vrženo bývá...

BiblPad: A poněvadž seno polské, kteréž dnes jest, a zajtra v pec puštěno (alias **v kuopu sennú** shromážděno — приписано на полях другой рукой) bývá...

BiblLupNZ, BiblCist: A poněvadž seno polské, jenž dnes jest a zajtra do peci puštěno bývá...

2.2. Уточнение значения латинского оригинала

Еще одним путем стилистической вариативности перевода Лупача является употребление выражений с конкретной семантикой. Речь идет не только о переводе латинских имен, для которых в чешском языке имеется несколько вариантов, но также о переводе многозначных латинских глаголов, которое Лупач переводит в зависимости от контекста. Так, он уточняет, например, лексику из области семейных отношений, подчеркивая разницу между латинским *uxor* ‘жена, супруга’ и *mulier* ‘женщина’, которые в предыдущих редакциях переведены лексемой *žena*, имеющей оба значения. Лупач, а за ним и *BiblPraž* на протяжении всего текста переводит *uxor* — *manželka* и *mulier* — *žena*.

Лк 1:5 uxor illius de filiabus Aaron — и жена его из рода Ааронова

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: **manželka** jeho — BiblPraž: **manželka** jeho — Bibl-Drážď, BiblMlyn, BiblMik, BiblPad, BiblLupNZ: *žena* jeho

Лупач в своем переводе обращает внимание на уточнение глагольного действия в тексте перевода. Уточнение осуществляется путем сужения значения глагольной лексемы. Переводчик выбирает не самое очевидное и прямое соответствие латинскому глаголу, но старается мобилизовать более широкие пласты чешской лексики. Это касается эпизода с помутнением воды в Евангелии от Иоанна, повествующего о

больном юноше у купальни, где вместо более общего выражения *hnutie* ‘движение’ употребляется выражение *zakalenie* ‘помутнение’¹³. Однако *BiblPraž* это нововведение не принимает.

Ин 5:4 Et qui prior descendisset in piscinam post motionem aquae — и кто первый входил в нее по возмущении воды

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *a ktož první sstúpil do rybníka po **zakalení** vody* — BiblPraž: *a ktož první sstúpil do rybníka po hnutí vody* — BiblMlyn, BiblLupNZ, BiblDrážď, BiblMik: *po hnutí vody*

Необходимость уточнения значения является актуальной именно для глаголов движения. В примере Ин 3:26 глагол *venio* с общим значением движения у Лупача переводится как *obrátili se* ‘обернуться’ вместо прежнего перевода *jíti* ‘идти’. Здесь открываются возможности придать тексту Св. Писания больше смысловых и стилистических нюансов.

Ин 3:26 omnes veniunt ad eum — все идут к Нему

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *všickniť sú se **obrátili** k němu* — BiblPraž: *a všickni se **obrátili** k němu* — BiblDrážď, BiblLupNZ, BiblMlyn: *všickni jdú k němu* — BiblMik: *všickni přicházejí k němu*

Данная черта лупачевского переводческого подхода, сужение значения переводных эквивалентов, появляется местами уже в первой редакции, особенно в *BiblDrážď*, самой старой сохранившейся чешской версии полной Библии. Уже раньше исследователи заметили ее стремление использовать ресурсы живого языка, отклоняясь от латинского оригинала, и употребляя стилистически более уместное чешское соответствие. Стиль первой редакции — живой, нарративный, отражающий особый характер некоторых библейских книг; текст местами демонстрирует оригинальность переводческих решений [Vašica 1931: 103]. Исследования подтвердили определенное сходство между первой и четвертой редакциями — с одной стороны, оно проявляется в количестве архаизмов, особенно в случае Пражской Библии [Džunková 2021: 43–49], с другой стороны, проявляется в продолжении традиции обращения к живому языку. И именно в тексте четвертой редакции мы находим совпадения с самым древним переводом в части более конкретного перевода глаголов. Это касается, например, многозначного латинского глагола *mitto* ‘бросать, метать, вводить, впускать, посылать...’ Лупач здесь продолжает традицию перевода первой редакции *BiblDrážď* и *BiblOl* и в нескольких фрагментах переводит *mitto* контекстуально более уместным соответствием *vyлити* (*proliti*) ‘вылить’ или *naliti* ‘налить’, см., например, стихи Мф 26:12 или Ин 13:5.

¹³ В рукописях Вульгаты встречается вместо *motio* также *turbatio* [Wordsworth, Whitney 1889–1954: 533–534].

Ин 13:5 Deinde mittit aquam in pelvim — Потом влил воду в умывальницу
BiblMuzMLNZ: *Potom **nalil** vody do medenice* — BiblPraž: *Potom **nalil** vody do medenice* — BiblDrážď: ***nali** vody* — BiblOl: ***naliv** vody* — BiblMik: *vpustil jest vodu* — BiblLupNZ: *pustil vodu* — BiblMlyn, BiblPad, BiblCist: *pusti vodu*

Мф 26:12 Mittens enim haec unguentum hoc in corpus meum — Возлив мирое на тело Мое

BiblMuzMLNZ: ***Vylivši** zajisté tato mast tuto na mé tělo* — BiblPraž: ***Vylivši** zajisté tato mast tuto na mé tělo* — BiblDrážď: *Nebo tato žena **prolivši** tuto mast na mé tělo* — BiblOl: *Nebo pustivši tuto mast na mě a na mé tělo* — BiblMik: *Půstějící pak tato mast tuto na tělo mé* — BiblMlyn, BiblLit, BiblBoč: *Neb pustivši tato (BiblBoč: ona) mast tuto na mé tělo* — BiblPad, BiblCist, BiblLupNZ: *Pustivši zajisté tato mast tuto na tělo mé*

Совсем иначе, с помощью новой лексики, передается глагол *mitto* при описании бури на Галилейском море, где рукописи Вульгаты дают варианты чтения *fluctus mittebat/mittebant in navem* — *fluctus ascendebant in navi* [Wordsworth, Whitney 1889–1954: 208]. Лупач пользуется глаголом *valiti se* ‘мчаться, валиться’, *BiblPraž* применяет также новый перевод *puditi* ‘гнать, перегонять с места на место’, причем более древние переводы использовали глаголы *padati* ‘падать’, *metati se* ‘метаться’, *pustiti* ‘впустить’.

Мк 4:37 Et facta est procella magna venti, et fluctus mittebat in navim — И поднялась великая буря; волны били в лодку

BiblMuzMLNZ, BiblLobk: *I stala se jest bůře veliká od větru a vlny **valily se** na lodie*
BiblPraž: *I stala se jest bůře veliká ot větru a vlny **pudieše** na lodie*

BiblDrážď, BiblOl: *I sta sě veliký vicher větrový, tak až vlny **padáchu** v lodí*

BiblBoč, BiblLit, BiblPad, BiblCist: *I stale se (BiblPad, BiblCist: jest) veliká vlna větrná a toky **púštiše** do lodie*

BiblMik: *A učiněna jest bůře veliká větru a vlny **metáchu sě** do lodie*

Другой пример более точной переводческой работы в текстах четвертой редакции — это перевод глаголов *transfigo/pungo/compungo* [Wordsworth, Whitney 1889–1954: 636] в тексте Нового Завета, который отсылает нас к книге пророка Захария — Зах. 12:10 et aspicient ad me quem confixerunt — ‘и они воззрят на Него, Которого пронзили’. В то время как все переводы, включая и перевод Лупача, используют в стихе Ин 19:37 videbunt in quem transfixerunt — ‘воззрят на Того, Которого пронзили’ глаголы *probodnúti* или *zakláti* в значении ‘проколоть, пронзить’, переводчики Пражской Библии работают с текстом более точно и переводят этот стих глаголом *ukřižovati* ‘распять’, под чем подразумевается распятие Иисуса: *Uzříteť, kohoť **jsú ukřižovali***.

Однако в книге Апокалипсиса Откр. 1:7 et qui eum pupugerunt / conpunnerunt [Wordsworth, Whitney 1889–1954: 423] — ‘те, которые пронзи-

Остатки таких сигнализирующих выражений, состоящих из указательных местоимений и кратких глосс находим также у Лупача. *BiblPraž* разъяснения опускает, но оставляет местоимение *ten* в анафорической функции. Такие пояснения можно назвать переводческо-интерпретативными [Kreisingerová 2011: 216].

2 Тим 2:17 et sermo eorum ut cancer serpit — и слово их, как рак, будет распространяться

BiblLupNZ, BiblMuzMlNZ, BiblLobk: řeč jich rozlézá se rovně jako ten neduh, ješto slove rak — *BiblPraž: a řeč jich jako rak, ten neduh, rozjiedá se* — *BiblPad: a řeč jich jako rak leze* — *BiblOl: řeč jich jako rak opačící leze* — *BiblMik, BiblTešNZ: řeč jejich iako rak leze* — *BiblKral: řeč jejich jako rak rozjídá se.*

В нижеследующем пассаже Послания евреям видно, как Лупач дополняет подлежащее *řeč* и разделяет сложное предложение на две части. *BiblPraž* возмещает невыраженное подлежащее анафорическим местоимением. Этот стих демонстрирует особый прием, которым Лупач передает сопоставление «души» и «духа» как *duše* и ее *moc* 'мощь, сила, могущество'. Можно также видеть разные возможности обозначения понятий *compages* 'составы, связи, соединения' и *medulla* 'костный мозг', а также замену имени *discretor* 'отделяющий, различающий' придаточным предложением с финитной формой глагола *rozeznávati*. Это грамматическое явление типично для «лупачевской» обработки текста [Джункова 2019: 246].

Евр 4:12 Vivus est enim sermo Dei, et efficax et penetrabilior omni gladio ancipiti : et pertingens usque ad divisionem animae ac spiritus: compagum quoque ac medullarum, et discretor cogitationum et intentionum cordis.

Синод. перевод: Ибо слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные.

BiblMuzMlNZ, BiblLupNZ, BiblLobk: Živát jest zajisté řeč božie a užitečná a hlúbe pronikajíc než žádný meč na obě straně ostrý a dosáhajíc až do rozdělení duše i mocí jejich i do klúbón i do vnitřností kostí. A ta řeč rozeznává myšlenie i úmysly srdečné.

BiblPraž: [...] až do rozdělenie života i ducha a klúbuov i mozkuov, jenž rozeznává myšlenie i úmysly srdečné

BiblDrážď: [...] až do rozdělenie duše i duchu i také do spojení všeliké smahy a rozumněšie nad vše myšlenie i úmysla srdce

BiblOl: [...] až do rozdělenie duše a ducha i také do spojení i všeliké smahy neb střenón a rozeznávedlničě myšlení i úmyslón srdečných

BiblMik: [...] až do rozdělenie duše i duchu i svazkón i mozkvón a rozeznávajícíe myšlenie a úmyslón srdce

BiblMlyn, BiblPad: [...] až do rozdělenie duše a ducha a také do spojení a mozkvón a rozeznávedlnice myšlení i úmyslón srdečných

BiblKladr: [...] *až do rozdelenie duše a ducha, také do spojenie a do mozgov a rozeznávač myšlení a úmyslův srdečných*

BiblKral: [...] *až do rozdělení, i duše, i ducha, i kloubův, i mozků v kostech: a rozeznává myšlení, i mínění srdce*

Некоторые дополнения Лупача также могут заимствоваться из переводческих пособий, в частности, *Glossa ordinaria* 1480/81. Так, для мотивации действия он вводит дополнение *hospoda* ‘трактир’, обусловленное надстрочной глоссой *hospicium* [Džunková 2020: 45]. Это переводческое решение сохраняют *BiblPraž* и *BiblKral*.

Лк 9:52 *et euntes intraverunt in civitatem Samaritanorum ut pararent illi* — и они пошли, и вошли в селение Самарянское, чтобы приготовить для Него

BiblMuzMlNZ: *a jdúce vešli sú do mesta samarského, aby zjednali jemu hospodu* —

BiblPraž: *a jdúce vešli sú do mesta samaritánskeho, aby mu zjednali hospodu* —

BiblDrážď, BiblOl: [...] *chtiere jemu přichystati potřebu* — BiblMlyn, BiblPad:

[...] *aby jemu připravili potřebu* — BiblMik, BiblLupNZ: [...] *aby připravili jemu* —

BiblKral: [...] *aby jemu zjednali hospodu*

Отклонение от буквального перевода латинского оригинала в пользу понятного и стилистически гладкого текста на чешском языке вызывается также добавлением вспомогательных, дополнительных слов. Чаше всего это лексема *věc* ‘вещь’, добавленная к латинским местоимениям. В результате *haec* переводится как *tyto věci*; *ea* как *ty věci*; *bona* как *dobré věci*; *vera* как *pravé věci*; *propria* как *své věci*; *ocultum* как *tajná věc...* Такие разъяснения находим уже в третьей редакции, которая в других случаях точно соответствует Вульгате.

Ин 8: 28 *sed sicut docuit me Pater, haec loquor* — но как научил Меня Отец Мой, так и говорю

BiblMuzMlNZ: *ale jakož mě naučil otec, **tyť věci** mluvím* — BiblPraž: *ale jakož mě naučil otec, **tyť věci** mluvím* — BiblDrážď, BiblOl, BiblMlyn, BiblMik, BiblPad: *ale jakož mě (jest) naučil otec, to mluvím* — BiblLupNZ, BiblCist: *ale jakož naučil mě otec, **ty věci** mluvím*

Мк 14:60 *Non respondes quidquam ad ea?* — Что Ты ничего не отвечаешь?

BiblMuzMlNZ: *Neodpovedáš ničehéhož **k těm věcem?*** — BiblPraž: *Neodpovedáš ničehéhož **k těm věcem?*** — BiblDrážď, BiblOl: *Neod(t)poviedáš ničehož k tomu?* — BiblMik: *Neodpovedáš ničehož k tomu?* — BiblPad, BiblLupNZ, BiblMlyn: *Neotpo-viedáš ničehož **k těm věcem?***

Ин 19:35 *ille scit quia vera dicit* — он знает, что говорит истину

BiblMuzMlNZ: *on vie, že **pravé věci** praví* — BiblPraž: *on vie, že **pravé věci** praví* — BiblDrážď, BiblOl: *a on vie, že pravdu mluví* — BiblMik: *tenť vie, žeť pravé praví* — BiblMlyn, BiblPad: *on vie, že pravdu die* — BiblKladr, BiblLupNZ, BiblCist: *on vie, že **pravé věci** praví*

Ин 16:32 *dispergamini unusquisque in propria* — что вы рассеетесь каждый в свою сторону

BiblMuzMlNZ: *že se rozprchnete jeden každý k svým věcem* — BiblPraž: *že se rozprchnete jeden každý k svým věcem* — BiblDrážď, BiblOl, BiblMlyn, BiblPad, BiblLupNZ, BiblCist: *že se rozprchnete každý z vás / jeden každý do své vlasti* — BiblMik: *abyšte rozprchli se jeden každý do vlastnieho*

Лк 8:17 *Non est enim occultum, quod non manifestetur...* — Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным...

BiblMuzMlNZ: *Neb nenie věc tajná, by nebyla zjevena...* — BiblPraž: *Neb nenie věc tak tajná, by nebyla zjevena...* — BiblDrážď: *Nebo nenie tak tajno, by nebylo zjěveno...* — BiblOl: *Nebo nenie nic tajného tak, by se nezjěvilo...* — BiblMlyn: *Nebo nenie tak tajno, by nebylo zvěděno...* — BiblMik: *Neboť nenie zatajené, jenž nebylo by zjěveno...* — BiblPad: *Neb nenie tak tajné, by nebylo zjeveno...* — BiblLupNZ, BiblCist: *Neb nenie věc tajná, by nebyla zjevná...*

3. Стилистическая диссимилиация

Й. Бартоň приходит к выводу, что все известные редакции древне-чешского библейского перевода колеблются по двум осям с крайними точками — буквальный перевод против свободного перевода и разговорный стиль против книжного [Bartoň 2016]. Разговорный стиль более заметен в первой редакции, которая старалась передать стилевые различия разных библейских книг, что видно, например, в довольно свободном нарративном переводе Песни песней или отдельных эпизодах книги Бытия [Kuys 1953: 296].

Целенаправленное внимание стилю языка Священного Писания и его эстетической стороне уделял Я. Благослав (1523–1571), епископ Чешских братьев, автор перевода Нового Завета 1564–1568 гг. и грамматики чешского языка. Придавая значение эстетической функции Священного Писания, Благослав считал, что литературный, а тем более литургический язык не должен порывать с нормой, установившейся в процессе предшествующего развития письменности, и спорил с авторами грамматики и Нового Завета 1533 г. из среды утраквистов, которые вводили в свой перевод также элементы более современного народного языка. С точки зрения Благослава, язык Священного Писания не должен был отклоняться от переводческой традиции, а лишь углублять и развивать ее. В библейском переводе он отдавал предпочтение высокому стилю¹⁵. Благослав добивался того, чтобы библейский текст читали

¹⁵ Возможно, в этом на него повлияло мнение св. Августина, что речь, выдержанная в высоком стиле, способна воздействовать на слушателя или читателя, растрогать его и побудить его изменить свою жизнь и впредь поступать так, как подобает [Just 2019: 93–96].

не одни только «погонщики на пастбище», но достойно произносили в совместных собраниях богобоязненные люди различных сословий, чтущие Бога как «высочайшего кесаря и господина всего творения»¹⁶.

В переводе Лупача также уделено внимание стилистике текста, хотя и нельзя сказать, что этот подход применяется всегда одинаково. В его тексте иногда можно увидеть переводческое решение, напоминающее процесс так называемой стилистической диссимиляции¹⁷ (синонимическое варьирование) — замены одного слова другим с той же референцией. Выразительным примером может служить Ин 4:38, где встречается три раза корень *labor*, что соответствует также греческой версии текста (κόπος). Лупач передает его тремя лексемами *dělati*, *pracovati* и *úsilě*.

Ин 4:38 Ego misi vos metere quod vos non laborastis; alii laboraverunt, et vos in labores eorum introistis. — Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их.

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *Jáť sem vás poslal, abyste žali, o čem ste vy **nedělali**. Jiníť jsou **pracovali** a vy ste v jich **úsilě** vešli.*

BiblPraž: *Jáť sem vás poslal, abyste žali, o čem jste **nedělali**, jiníť sú **pracovali** a vy ste v jich **úsilě** vešli.*

BiblDrážď, BiblMlyn, BiblPad: *Já jsem vás poslal žat (BiblPad: žieti), ješto jste vy neusilovali; jiníť jsou usilovali a vy jste v jich úsilě vešli.*

BiblMik: *Já poslal sem vás žieti, čehož vy nedělali ste, ale jiníť dělali sú, v diela jich vešli ste.*

BiblLupNZ, BiblCist: *Já sem vás poslal žieti, což ste vy nepracovali. Jiníť usilovali a vy jste v úsilě jich vešli.*

BiblKral: *Jáť jsem vás poslal žíti, o čemž ste vy nepracovali: Jiníť sou pracovali, a vy ste jejich práce vešli.*

Точно так и в Ин 14:4 повторяющийся глагол *scio*, в греческой версии οἶδα, четвертая редакция переводит по-разному. Лупач пользуется глаголами *věděti* и *uměti*, а *BiblPraž* — глаголами *věděti* и *znáti*.

Ин 14:4: Et quo ego vado scitis, et viam scitis. — А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете.

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *kam já jdu, **viете** i cestu **umiete**.*

BiblPraž: *a kam já jdu, **viете** a cestu **znáte**.*

BiblDrážď, BiblMik, BiblPad, BiblKral: *kam já jdu, **viете** i cestu **viете**.*

¹⁶ «Zákon Páně [...] ne k tomu vyložen jest do češtiny, aby jej sobě toliko pohůnkové na pastvisti čtli, v něm sobě obyčejné mluvení majíce, ale více k tomu, aby v společném shromáždění lidí Boha bojících, rozličných stavův, s mnohou vážností jako nejvyššího císaře a pána všeho stvoření, vůle nebo práva, čten byl důstojně v uších jejich vzněl» [Gramatika česká, fol. 120v].

¹⁷ Речь идет о термине в чешском научном дискурсе, подробнее см.: [Jelínek 1996: 134].

Интересный пример стилистического подхода представляет собой перевод слова *eunuchus*. Как известно, кроме мужчины, подвергшегося осклоплению, *eunuchus* в ВЗ означает также придворного, исполняющего широкий круг обязанностей при дворе. В то время первые три редакции избирают перевод, сохраняющий формальное соответствие (*klešťěnes*), четвертая редакция склоняется в пользу функционального значения [см. подробнее Rytlíková 2013]. В евангельском тексте *eunuch* встречается только раз в Мф 19:12. Первые три редакции его переводят одной лексемой *klešťěnes* ‘кастрат’ или *řezanec* ‘скопец’, от которой потом приведены также глаголы: *kleštiti* или *řezati*. Лупач на протяжении одного стиха использует здесь лексемы *panic* ‘девственник’ и *řezanec* ‘скопец’, причем выбор различных лексем мог быть обусловлен либо стремлением к стилистической диссимиляции, либо попыткой дифференцировать по значению лицо, родившееся евнухом, и тем, кто принял осклопление сознательно. *BiblPraž* также пользуется этими двумя возможностями, но в обратном порядке по сравнению с Лупачем. *BiblKutn*, изданная на год позже, использует уже одинаковую лексему *panic*. В НЗ еще в 8-й главе Деяний апостолов *eunuchus* появляется в качестве придворного из Эфиопии, которого Лупач и *BiblPraž* переводят функциональным эквивалентом как *komorník* ‘лакей’.

Мф 19:12 Sunt enim eunuchi, qui de matris utero sic nati sunt : et sunt eunuchi, qui facti sunt ab hominibus : et sunt eunuchi, qui seipsos castraverunt propter regnum caelorum.

Nestle-Aland: εἰσὶν γὰρ εὐνοῦχοι οἵτινες ἐκ κοιλίας μητρὸς ἐγεννήθησαν οὕτως, καὶ εἰσὶν εὐνοῦχοι οἵτινες εὐνοουχίσθησαν ὑπὸ τῶν ἀνθρώπων, καὶ εἰσὶν εὐνοῦχοι οἵτινες εὐνούχισαν ἑαυτοὺς διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν.

Синод. перевод: ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые осклоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного.

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *Neboť jsú **panicové**, kteříž se tak z mateřina břicha narodili, a jsú **řezanci**, kteří učiněni jsú od lidí, a jsú **řezanci**, kteří sú se sami **řezali** pro královstvie božie.*

BiblPraž: *Neboť jsú **řezanci**, kteří sú se tak z mateřina břicha zrodili, a jsú **panicové**, kteří učiněni jsú od lidí, a jsú **panici**, kteří sú se sami v **panictvie** otdali pro královstvie božie.*

BiblKutn: *Neboť jsú **panici**, kteří sú se tak z mateřina břicha zrodili, a jsú **panicové**, kteří učiněni jsú od lidí, a jsú **panici**, kteří sú se sami v **panictvie** otdali pro královstvie božie.*

BiblDražď: *Nebo jsú kleščení, ješto z mateřina života tak jsú sě urodili, a jsú kleščení, jichžto jsú lidé učinili, a jsú kleščení, ješto jsú sě sami kleščili pro královstvie nebeské.*

BiblOl: *Nebo jsú klešťenci, ješto sú sě z života matere tak narodili, a jsú klešťenci, ješto sú lidmi učiněni, a jsú klešťenci, ješto sú učiněni svým povolením a ješto sú sě sami klestili pro králevstvie nebeské.*

BiblBoč: *Neb sú klešťenci, kteřížto z matčina života tak sú sě urodili. A jsú klešťenci, kteřížto učiněni sú od lidí, a jsú klešťenci, kteřížto sú sami se klestili pro královstvie nebeské.*

BiblMik: *Nebo jsú klešťenci, kteříž z matčina břicha tak narozeni sú. A jsú klešťenci, kteříž učiněni sú od lidí. A jsú klešťenci, kteříž sě sami klestili sú pro královstvie nebeské.*

BiblPad, BiblLupNZ, BiblCist: *Neb jsú řezanci, kteříž sú sě z matčina břicha tak urodili, a jsú řezanci, kteříž jsú učiněni ot lidí, a jsú řezanci, kteříž sú sě sami řezali pro královstvie nebeské.*

В переводе Лупача встречается и более сложная стилистическая диссимилиация, когда в соответствии с лат. *occido* ‘убивать’ используются три лексемы: *zhubiti* ‘погубить’, *zmordovati* ‘замучить’ и *zabijěti* ‘убивать’. Пражская Библия в этом месте отклоняется от переводческого решения Лупача — она использует три глагола *zbíti* ‘побить’, *zmordovati* ‘замучить’ и *mordovati* ‘мучить’.

Лк 11:47–49: *Vae vobis, qui aedificatis monumenta prophetarum : patres autem vestri occiderunt illos. Profecto testificamini quod consentitis operibus patrum vestrorum : quoniam ipsi quidem eos occiderunt, vos autem aedificatis eorum sepulchra. Propterea et sapientia Dei dixit : Mittam ad illos prophetas, et apostolos, et ex illis occident...*

Синод. Перевод: Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избили отцы ваши: сим вы свидетельствуете о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними, ибо они избили пророков, а вы строите им гробницы. Потому и премудрость Божия сказала: пошлю к ним пророков и Апостолов, и из них одних убьют...

BiblLobk, BiblMuzMlNZ: *Běda vám, ješto vzděláváte hroby proročské, a otcové vaši jsú je zhubili. Jistě svědčíte, že skutkóm otców vašich povolujete, neb zajisté oni sú je zmordovali, a vy vzděláváte hroby jich. Protožť jest i múdrost božie řekla: Pošliť k nim proroky a apoštolý, a z těch zabújeti budú...*

BiblPraž: *Běda vám, ješto vzděláváte hroby proročské, a otcové vaši sú je zbili. V jistotě svědčíte, že skutkóm otcuov vašich povolujete, neb zajisté oni sú je zmordovali, ale vy zdělávate hroby jich. Protož i múdrost božie řekla jest: Pošliť k nim proroky a apoštolý, a ty mordovati budú...*

BiblDrážď, BiblOl: *[...] vaši otcí zbili. Tiem svědčíte, že povolijete skutkóm vašich otców, nebo jistě oni sú je zbili, a vy děláte jich rovy. [...] ani je ztepú...*

BiblMik: *[...] otcové pak vaši zbili sú je. Zajisté svědčíte, že přivolujete skutkóm otców vašich, nebo zajisté oni je zbili sú, vy pak stavíte jich hroby. [...] z těch zabijí...*

BiblMlyn: *[...] otcové vaši zhubili sú je. Jistě svědci ste, že přivolujete skutkóm otców vašich, neb oni zajisté sú je zhubili a vy pak jich hroby vzděláváte. [...] z těch zhubie...*

BiblPad: [...] *otcové vaši zhubili sú jě. Jistě svědčíte, že přivolujete skutkóm otcón vašich, neb oni zajisté sú jě zhubili, a vy pak jich hroby vzděláváte. [...] z těch zahubie...*

BiblLupNZ, BiblCist: [...] *otcové vaši zhubili sú je. Jistě svědčíte, že přivolujete skutkóm otcón vašich, neb oni zajisté sú je zbili a vy vzděláváte jich hroby [...] z těch zabijí...*

Приведем еще пример использования разных относительных местоимений *jenž, který, ješto* в соответствии с лат. *qui*. В более древних памятниках это латинское местоимение переводилось иногда двумя способами (*jenž, který*), в то время как в переводе четвертой редакции варьируются уже три.

Мк 15:7 *Erat autem qui dicebatur Barrabas, qui cum seditiosis erat vincetus, qui in seditione fecerat homicidium.*

Синод. перевод: Тогда был в узах *некто*, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство.

BiblMuzMlNZ: *I byl jest tu, jenž slul Barrabáš, kterýž s svárlivými vězal, ješto byl v svádě učinil vraždu.*

BiblPraž: *I bieše tu, jenž slul Barabáš, kterýž s svárlivými byl u vězení, ješto v svádě učinil byl vraždu.*

BiblDrážď: *I bieše, jenž slovieše Barrabáš, jenžto s vádcěmi vězieše, že jest v svádě učinil vraždu.*

BiblOl: *I bieše jeden, jenž slovieše Barnabas, jenžto s svádcěmi vězieše, jenž byl v svádě učinil vraždu.*

BiblBoč: *I bieše, jenž slovieše Barabáš, kterýžto s svádcemi vězieše, jenž v svádě bieše učinil vraždu.*

BiblMik: *Bieše pak, jenž slovieše Barrabáš, kterýž s svádlivými bieše vězněm, kterýž v svádě vraždu učinil bieše.*

BiblLit: *I bieše, jenž slovieše Barnabáš, kterýžto s svárlivými vězieše, jenž v svádě bieše učinil vraždu.*

BiblPad: *I bieše, jenž slovieše Barrabáš, kterýžto s svárlivými bieše vězněm, jenž v svádě učinil bieše vraždu.*

BiblCist: *I bieše, jenž slovieše Barabáš, kterýžto s svádcemi bieše vězněm, jenž v svádě učinil bieše vraždu.*

4. Стилистически окрашенные слова

В переводных текстах обычно нетрудно заметить влияние языка подлинника, но не всегда эти особенности носят стилистический характер. В библейском тексте переводчики встречались с новыми явлениями, чуждыми их природной среде, что облегчало влияние латинского, греческого, древнееврейского и арамейского языков в грамматико-синтаксическом или лексическом плане. Языковым нововведениям Лупача на

фоне латинского оригинала мы ранее уже посвятили исследование [см. Джункова 2019], сейчас обратим внимание на набор особой нововведенной лексики, которая поддерживает специфический стиль «лупачевского» перевода.

4.1. Германизмы

В лексике перевода Лупача находим ряд лексем, которые можно причислить к кругу германизмов. Речь здесь идет о словах немецкого происхождения, которые массово вошли в состав лексики чешского и словацкого языков в XIII–XV вв. в связи с так называемой «восточной колонизацией». Этот слой стал полноценной частью чешского языка, обозначая понятия из сфер церкви и религии, рыцарского и придворного быта, феодального управления, военного дела, городского права, обихода, ремесел, земледелия и лесоводства, текстильного производства, развлечений и игр, мошенничества, медицины и ботаники, горного дела и строительства [Newerkla 2004: 68]. Лупач прибегает к германизмам в некоторых случаях специфической библейской лексики, когда другие редакции используют исходные латинские термины. Например, лат. *tribunus* он переводит как *hautman*, тогда как почти во всех прочих рукописях использован латинизм *tribun*, и только *BiblMik* предпочитает *vladař* ‘властитель, правитель’, а *BiblPraž* заменила лупачевское нововведение словом *úředník* ‘чиновник, служащий, должностное лицо’. В следующих примерах мы также приводим перевод Кралицкой Библии конца XVI в., когда этот слой лексики еще более прижился в чешском языке и проник в Библию. Однако во времена Лупача германизмы в библейском тексте были еще настолько необычны, что *BiblPraž* их, как правило, отвергает, и они остаются уникальной чертой лупачевского перевода. Специфические лексические заимствования из немецкого, естественно, существовали и в других библейских переводах, не только в чешском языке. Примеры германизмов в польских библейских переводах XVI в. упоминает в своей монографии Д. Беньковская [Bieńkowska 1992: 112–113], но они не столь специфичны, как лексика Лупача. Нижеуказанные примеры мы сравнили с немецким библейским переводом того времени [*Mentelin 1466*], но совпадений в сфере лексических средств с Лупачем не выявлено.

bárka (свн. *barke*); **marinář** (свн. *marinaere*)¹⁸

Деян. 27:30 Nautis vero quaerentibus fugere de navi, cum misissent scapham in mare, sub obtentu quasi inciperent a prora anchoras extendere... — Когда же ко-

¹⁸ Обе лексемы, *bárka* и *marinář*, восходят к латыни, но в чешском языке с большой вероятностью являются заимствованиями из средневерхненемецкого языка. Лексему *marinář* С. Неверкла в своей монографии относит к свн. *marinaere*, которое на самом деле является заимствованием из лат. *marinarius* [Newerkla 2004: 518].

рабельщики хотели бежать с корабля и спускали на море лодку, делая вид, будто хотят бросить якоря с носа...

BiblMuzMlNZ, BiblLobk, BiblLupNZ: A když **marináři** chtěli utéci z **bárky**, púšťali sú člun korábový do moře pod těm zámyslem, jakoby počínali od předku **bárky** kotvy roztahovati...

BiblPraž, BiblKutn: A když **marináři** chtěli utéci z **bárky**, pustivše člun korábový do moře pod zámyslem, jakoby počínali od předku **bárky** kotvy roztahovati...

BiblDrážď, BiblOl: A když **korábníci** hledáchu, chtiec z **korábu** utéci, a člun korábový u moře biechu upustili, chtiece omluvu nalézt, jako by chtěli kotvy na předku **korábu** pohříziti...

BiblMlyn, BiblMik, BiblPad: A když **plavci** hledáchu utéci z lodie, když biechu vpustili **člun korábový** v moře pod zamyšlením, jakoby počínali od předku **korábu** kotvy roztahovati...

BiblKral: Chtěli pak **Marynáři** utéci z **bárky**, pustivše člun do moře, pod zámyslem jako by chtěli od předku **lodí** kotve roztahovati...

centnéř (свн. zěntner лат. *centenarius*)

Мф 18:24 debekat ei decem millia talenta — должен был ему десять тысяч талантов

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *dlužen bieše deset tisícov centnéřov* — BiblPraž: *bieše dlužen deset tisícov centnéřuov* — BiblDrážď, BiblMik: *dlužen bieše deset tisícov liber* — BiblOl: *dlužen bieše deset tisícov závaží* — BiblMlyn, BiblBoč, BiblLit, BiblPad, BiblLupNZ: *dlužen bieše deset tisícov hriven* — BiblKral: *byl dlužen deset tisíců hriven* (в примечании: **centnéřů**)

hautman (рнвн. *hauptmann*)

Ин 18:12 cohors ergo et tribunus — тогда воины и тысяченачальник

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *tehdy zástup a hautman* — BiblPraž: *tehdy zběř a úředník* — BiblKutn: *tehdy zběř a úředník* — BiblDrážď, BiblOl, BiblMlyn, BiblPad, BiblLupNZ, BiblCist: *tehdy zástup a tribun* (BiblOl: *tribuní*) — BiblMik: *tehda zástup a vladař* — BiblKral: *tehdy zástup, a hejtman...*

Деян. 12:4 quem cum apprehendisset, misit in carcerem, tradens quatuor quaternionibus militum custodiendum — и, задержав его, посадил в темницу, и приказал четырем четверицам воинов стеречь его

BiblLobk, BiblLupNZ: *kteréhož když jest jal, vsadil do žalaře a poručil ho čtyřem hautmanom rytieřským*¹⁹ — BiblPraž, BiblKutn: *kteréhož když jest jal, vsadil do žalaře a poručil jej dvadeceti rytieřom* — BiblOl: *i dal jeho čtyřem rytieřem, jesto každý čtyři rytěře pod sobú jměl* — BiblMik: *poddav čtyřem čtvérníkom rytieřov* — BiblMlyn, BiblPad: *dal jeho čtyřem čtyrním rytieřom* — BiblKral: *poručiv jej šestnácti*

¹⁹ Разумеется, и в более ранних редакциях древнечешского перевода Библии встречаются заимствования из немецкого, которые были полностью освоены чешским языком и органично вписывались в чешскую языковую картину мира того времени, такие как *rytieř* в соответствии с лат. *miles*, но так как они не относятся к нововведениям четвертой редакции, мы их не рассматриваем.

žoldněřům (в примечании: Ř. čtyřikrát čtyřem, t. kteříž se čtyřikrát za den měnili, vždycky čtyři přítomni byli)

húf, hauf (свн. *húfe*)

Лк 21:20 cum autem videritis circumdari ab exercitu Jerusalem — когда же увидите Иерусалим окруженный войсками

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *a když uzříte Jeruzalém, an obležen od **houfu*** — BiblPraž: *a když uzříte, an obležen od vojska Jeruzalém* — BiblDrážď, BiblOl: *sšak když uzříte obleženo jsúce zástupy Jeruzalém* — BiblMik: *když pak uzřeli byste obklíčen býti od zástupů Jeruzalém* — BiblMlyn, BiblPad, BiblLupNZ, BiblCist: *A když uzříte obležen ot zástupův Jeruzalém* — BiblKral: *Kdyžpak uzříte obležený od vojska Jeruzalém...* (в примечании: *ano Jeruzalém vojska oblehla*)

jarmark (свн. *järmarket*)

Иак 4:13 Hodie, aut crastino ibimus in illam civitatem, et faciemus ibi quidem annum, et mercabimur — сегодня, или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год, и будем торговать

BiblLupNZ, BiblMuzMlNZ: *dnes anebo zajtra pójdeme do onoho mesta a uděláme sobě tam **jarmark** a budeme kupčiti* — BiblPraž: *a uděláme sobě tam roční trh* — BiblDrážď, *přebudem tu rok* — BiblOl: *přebudem tu roční trh* — BiblPad, BiblMik, BiblTěšNZ, BiblMlyn: *a učiníme tu zajisté rok*

krumfešt (свн. *gruntveste*)

Евр 6:1 non rursum jacentes fundamentum poenitentiae ab operibus mortuis — и не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел

BiblMuzMlNZ, BiblLupNZ: *nezpoléhajíce opět na **krumfešt** pokánie, kdybychom opět činili skutky mrtvé* — BiblPraž: *nepokládajíce opět založení pokánie ot skutkuov mrtvých* — BiblDrážď, BiblOl: *založení pokánie skutkův mrtvých* — BiblMlyn, BiblPad: *založení pokánie ot skutkuov mrtvých* — BiblMik: *základu pokánie od děl mrtvých* — BiblKral: *gruntu pokání z skutků mrtvých*

mordovati (свн. *morden*)

Мф 2:16 mittens occidit omnes pueros — послал избить всех младенцев

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *poslav **zmordoval** všecky dietky* — BiblPraž: *poslav **zmordoval** všecky dietky* — BiblDrážď: *poslav zbił jest všecky děti* — BiblOl: *poslav své pošly káza všecky dietky zbiti* — BiblBoč: *poslav zahubi všecky děti* — BiblMik, BiblPad: *poslav zbił jest všecky děti* — BiblKral: *poslav služebníky své* (в примечании: *habarty*) **zmordoval** všecky dítky

Мф 23:37 Ierusalem, Ierusalem, quae occidis prophetas — Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *Jeruzaléme, Jeruzaléme, ješto **morduješ** proroky* — BiblPraž: *Jeruzaléme, Jeruzaléme, ješto **morduješ** proroky* — BiblBoč: *hubíš proroky* — BiblDrážď, BiblOl, BiblMik, BiblLit, BiblCist, BiblPad: *zabýješ proroky* — BiblKral: ***morděři** Prorokův* (в примечании: *ješto **morduješ***)

rathúz (свн. *rāthūs*)

Ин 18:28 adducunt ergo Jesum a Caipha in praetorium — от Каиафы повели Иисуса в преторию

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *tehdy přivedechu Ježíše od Kajfáše na **rathúz*** — BiblPraž: *tehdy přivedechu Ježíše od Kajfáše do radného domu* — BiblDrážď, BiblOl: *na súd* — BiblMik: *na radnici* — BiblMlyn: *do domu radného* — BiblPad, BiblLupNZ, BiblCist: *do radného domu* — BiblKral: *do Radného domu...* (в примечании: **rathauzu**)

šafář (свн. *schaffaere*)

Мф 20:8 dicit dominus vineae procuratori suo — говорит господин виноградника управителю своему

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *vece pán vinnice **šafáři** svému* — BiblPraž: *vece pán vinnice **šafáři** svému* — BiblDrážď: *vecě pán té vinnicě svému starostě* — BiblOl: *vecě pán vinnicě svému strójci* — BiblMik, BiblMlyn, BiblPad, BiblCist, BiblLupNZ: *vecě pán vinnicě vladaři svému* (BiblPad, BiblCist: *die*) — BiblKral: *řekl Pán vinnice **šafáři** svému* (в примечании: *vinaři*)

šnóra (свн. *snuor*)

Откр 15:6 praecincti circa pectora zonis aureis — опоясанные по персям золотыми поясами.

BiblLobk: *přepásání na prsech **šnórami** zlatými* — BiblPraž: *přepásání na prsech **šnórami** zlatými* — BiblOl: *opásání okolo prsí tračci zlatými* — BiblTěšNZ, BiblMik, BiblKladr, BiblPad: *opásání súc na prsech provázky zlatými* — BiblKral: *přepásání na prsech pasy zlatými*

4.2. Латинизмы

Древнечешский библейский перевод содержит много латинизмов, включая грамматические и лексические кальки из латинского языка [Bieńkowska 1992: 103–107]. Мы сейчас обратим внимание на нововведенные латинизмы Лупача, которые не заимствованы из предыдущих редакций и где чешский язык уже позволял другие переводческие решения. Именно эти лексические средства представляют собой часть стилистической особенности лупачевского перевода.

Первым примером является слово *kaštel* из лат. *castellum*. Лексема изредка встречается в предыдущих редакциях, но только Лупач употребляет его регулярно на протяжении всего евангельского текста.

Мф 10:11 in quamcumque autem civitatem aut castellum intraveritis — в какой бы город или селение ни вошли вы...

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *a do kteréhož koli města nebo **kaštelu** vejdete* — BiblPraž: *a do kteréhož koli města neb **kaštelu** vejdete* — BiblDrážď: *vesnici* — BiblOl, BiblMik, BiblMlyn, BiblPad, BiblLupNZ, BiblCist: *hrádku* — BiblBoč: **kastelu** — BiblKral: *městečka*

Ин 11:1 Erat autem quidam languens Lazarus a Bethania, de castello Mariae et Marthae sororis ejus — Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа, сестра ее.

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *Lazar od Bethaní z **kaštelu*** — BiblPraž: *Lazar od Bethanie z **kaštelu*** — BiblDrážď: *Lazar z města z Bethanie* — BiblOl: *Lazař z městcě Bethanie* — BiblMik, BiblPad, BiblMlyn, BiblLupNZ, BiblCist: *Lazar od Betanie hrádku* — BiblKral: *Lazar z Betaný* (в примечании: *rodem*) *totiž z městečka...*

В некоторых чтениях Посланий апостола Павла Лупач отклоняется от чешских именовании, принятых в предыдущих редакциях, и воспроизводит латинизмы оригинала, что, вероятно, продиктовано богословскими соображениями.

Еф 1:21 supra omnem principatum, et potestatem, et virtutem, et dominationem — превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *nade všechny **principáty** a **potestáty** **virtuty** i **dominaciony***

BiblPraž, BiblKutn: *nade všechny **princypáty** a **potestáty**, **virtuty** a **dominationy***

BiblDrážď: *nade všecko kněžstvo i nad moc i nad sílu i nad panstvo*

BiblPad: *nade všecko kniežatstvo i nad moc i nad sílu i nad panstvo*

BiblMik: *nade všecko kniežetstvie a moc a sílu a panovanie*

BiblMlyn: *nade všecko kniežatstvo i nad moci i nad sílu i nad panstvo*

Кол 1:16 quoniam in ipso condita sunt universa in caelis, et in terra, visibilia, et invisibilia, sive throni, sive dominationes, sive principatus, sive potestates — ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *všecky věci na nebi i na zemi, vidědlné i nevidědlné, buďto **trónové**, nebo **dominacionové**, buďto **principátové** nebo **potestátové***

BiblPraž: *všecky věci na nebi i na zemi, vidědlne iy nevidědlné, buďto **trónové**, nebo **dominationové**, buďto **principátové**, nebo **potestátové***

BiblDrážď, BiblOl: *leč stolice, leč panstvo, leč kněžstvo, leč moci*

BiblMlyn, BiblTěšNZ, BiblPad: *leč **trónové**, leč panstva, leč kniežatstva, leč moci*

BiblMik: *buďto **trónové**, nebo panovanie, neb kniežetstva, nebo mocnosti*

BiblKral: *buďto **trůnové**, nebo panstva, buďto knížatstva, nebo mocnosti*

5. Конфессиональная принадлежность перевода

В тексте четвертой редакции находим больше черт, демонстрирующих богословские позиции переводчиков, это касается перевода лексем *sinus*, *synagoga*, *signum*, *secta*, *ecclesia* и многих других [Джункова 2018: 95–96]. Здесь мы обратим внимание на лексику, которая могла бы указывать

на принадлежность переводчика общине утраквистов. Ярким примером этого может служить чешская форма *biskup* вместо лат. *episcopus* или *pontifex*. В евангельской части НЗ находим выражение *pontifex*, означающее ветхозаветных церковных иерархов, в т. ч. также Каиафу. Сходный перевод «*eyn bischoff*» приводят также латинско-немецкие словари, например, *Vocabularius ex quo 1482* или *Vocabularius praedicantium 1479/82*. Все редакции *pontifex* в евангелиях одинаково переводят *biskup*.

Ин 18:13 erat enim socer Caiphae, qui erat pontifex anni illius — ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником

BiblMuzMlNZ: *jenž byl test Kajfášův, kterýž byl **biskupem** toho léta* — BiblPraž: *neb byl test Kajfášův, kterýž byl **biskupem** toho léta* — другие ркп.: *a ten/nebo biese test Kajfášiev, jenž/kterýž biese **biskupem** toho léta*

Изменение проявляется в посланиях апостола Павла, где уже встречается понятие «епископа» как предстоятеля христианской общины. Радикальные сторонники утраквистского движения уклонялись от обязательного апостольского преемничества и признания католической церковной иерархии. Потому отпадала необходимость рукополагать в священники посредством епископа, что стало причиной возникновения церкви Чешских братьев (Jednota bratrská) в 1457 г., и вполне очевидно — в 1467 г., когда Чешские братья рукоположили своих священников без санкции Рима. Именно Лупач защищал в сочинении *Quaestio de ordinatione sacerdotum* правомочие священников рукополагать новых священников и совершать таинство конфирмации [Pálka 2014: 30], поддерживая тем самым формирующуюся общину Чешских братьев. Вследствие этого он переводит лат. *episcopus* в Посланиях и Деяниях апостолов при помощи *kněz* ‘священник’ или *zprávrce* ‘администратор, управляющий’, а не как *biskup* [Džunková 2020: 50–51]. Именно это явление служит доказательством того, что авторами «лупачевской» обработки были представители утраквистской среды. *BiblPraž* это переводческое решение местами принимает. Именно в Деян 20:28 *episcopus* переводится с функциональной точки зрения как «надзиратель». Лексему *ecclesia* здесь Лупач переводит как *cierkev* в отличие от *shor*.

Деян 20:28 Attendite vobis, et universo gregi, in quo vos Spiritus Sanctus posuit episcopos regere ecclesias Dei — Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога

BiblLupNZ, BiblLobk: *v němžto duch svatý za **zprávrce** vás ustavil, aby ste spravovali **cierkev** boží*

BiblMuzMlNZ: *v němžto duch svatý za **biskupy** vás vystavil, aby ste spravovali **cier-kev** boží*

BiblPraž: *v němžto duch svatý za **zpráve** vás ustavil, abyste spravovali **cierkev** boží*
 BiblOl: *v němžto jest vás duch svatý ustavil **biskupy**, abyšte spravujíc vládli **sborem***
božím

BiblMlyn, BiblMik, BiblPad: *v němžto jest vás duch svatý ostavil **biskupy** abyšte zpravovali **šbor** boží*

Флп 1:1 Paulus et Timotheus, servi Jesu Christi, omnibus sanctis in Christo Jesu, qui sunt Philippis, cum episcopis et diaconibus — Павел и Тимофей, рабы Иисуса Христа, всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами

BiblMuzMlNZ, BiblLobk, BiblLupNZ: *kteří jsú v Filippí s **kněžímí** i s jáhny* — BiblPraž: *kteří sú v městě Filipis s **biskupy** a s jáhny* — BiblOl: в оригинале фрагмент текста отсутствует — BiblPad, BiblMlyn, BiblMik: *ješto jsú v Filippis s **biskupy** a s jáhny*

В чтении из Первого Послания к Тимофею у Лупача обратим внимание на перевод не только лат. *episcopus* словом *kněz*, но также лат. *irreprehensibilis* выражением *bez smrteľného hriechu*, которое описывает, каким должен быть человек, занимающий епископскую должность. Это отвечает утраквистскому учению о недостойных священнослужителях, потерявших право совершать священные таинства.

1 Тим 3:1–2 si quis *episcopatum* desiderat, bonum opus desiderat. Oportet ergo episcopum irreprehensibilem esse — если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен

BiblLupNZ, BiblLobk, BiblMuzMlNZ: *jestliže kto **kněžstvie** žádá, dobrét práce žádá. Ale musíť **kněz** býti bez **smrteľného hriechu***

BiblPraž: *žádá li kto **biskupstvie**, dobré práce žádá, ale musíť **biskup** býti bez žaloby*

BiblOl, BiblMlyn, BiblMik, BiblPad: *žádá li kto **biskupstvie**, dobré práce žádá, ale musíť **biskup** býti bez žaloby* (BiblPad: *bez tresktánie*)

Исключение находим в Послании евреям, где под словом *pontifex* (употребляемом также в евангельском тексте Вульгаты в отличие от *episcopus*) имеется в виду Иисус как первосвященник и епископ христианской церкви. Лупач переводит *pontifex* как *biskup* на протяжении всего Послания, что соответствует выражению «первосвященник» в указанных отрывках Синодального перевода.

Евр 3:1 considerate Apostolum, et pontificem confessionis nostrae Jesum — уразумеайте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа

BiblMuzMlNZ, BiblLobk: *patřte na apoštola a **biskupa** vyznání našeho, Ježíše*

BiblPraž: *patřte na apoštola a **biskupa** vyznání našeho, Ježíše*

BiblDrážď, BiblOl: *znamenajte posla a **biskupa** poznání našeho, Ježíše*

BiblMlyn, BiblMik, BiblPad: *znamenajte apoštola a **biskupa** vyznание našeho, Ježíše*
 BiblMik: *šetřete apoštola a **biskupa** vyznание našeho, Ježíše*
 BiblLupNZ: *patřte na apoštola a **biskupa** vyznание našeho, Ježíše*

6. Сопоставление лексических элементов так называемого «лупачевского» перевода НЗ с произведениями М. Лупача на чешском языке

При исследовании специфического перевода Лупача, авторство которого не подтверждено окончательно, но весьма вероятно, возникает необходимость сравнить этот перевод с другими произведениями на древнечешском, приписываемыми Мартину Лупачу. Поэтому мы сравнили выбранные лексические и грамматические явления с сохранившимися трудами Лупача на чешском языке — трактатами и посланиями о причастии детей *O přijímání dítek* и о кроплениях верующих *O kropení* в рукописи D 118 в Архиве Пражского града²⁰. Из лексических явлений мы исследовали появление слов немецкого происхождения, упомянутых выше в разделе 4.1. Грамматические явления.

Сравнение с вышеприведенными заимствованиями из немецкого языка в переводе НЗ показывает, что в текстах чешскоязычных трактатов Лупача встречаются такие выражения, как *krumfešt*, *hautman* или *rynek*.

*kdeť zakládají **krumfeštně** to jisté kropení* [*O kropení*, 100v]
***krumfešt** na toto čtení založený* [*O přijímání dítek*, 87b]
*pilně čti a znamenaj toho **hautmana** doktorského* [*O přijímání dítek*, 82a]
*potom i usty na **ryнку** přede všemi* [*O přijímání dítek*, 97a]

В тексте Лупача встречаем также сравнительную степень с употреблением союза *než*, которую находим также в переводе лупачевского НЗ вместо раньше использовавшегося генитива сравнения [Джункова 2019: 247]:

*silnější důvod a hodnější **než** jednoho doktora aneb dvů* [*O přijímání dítek*, 72b]

В тексте Лупача встречаем также итеративные глаголы, которые представляют собой типичное явление в тексте лупачевского перевода [Джункова 2019: 245]:

[*O přijímání dítek*]: *velmi suchá usta **mívá*** (73a); *při smrti mnohých **vídáme*** (73a);
*někdy za starodávna **nekřtívali** jsú* (91a)

²⁰ За предоставление транскрипции упомянутых рукописей искренне благодарю А. Палку с философского факультета Масарыкова университета в Брно.

В лупачевском переводе нам удалось найти также один пример употребления глагольного отрицания после союза *ani* в Лк 14:35 (*neque in sterquilinum utile est — BiblMuzMLNZ, BiblLobk: ani do záchoda se neho-dí; BiblPraž: ani do hnoje se hodí*), который употребляется редко в древнечешском языке. Эту отрицательную конструкцию находим также в произведениях Лупача:

[О *přijímání dítek*]: *ani těla božího nebráníme* (80a)

Сравнение чешскоязычных текстов Лупача с так называемыми лупачевскими переводами демонстрирует определенное сходство, но этого недостаточно для определения авторства, так как упомянутые явления встречаем у разных авторов данного периода. В тексте чешскоязычных произведений Лупача находится также несколько библейских цитат, но они настолько короткие и обычны (например, Мф 9:12 *Není třeba zdravým lékaře, ale nemocným*), что их сравнение с примерами редакции древнечешского библейского перевода не принесло особых результатов. Эти черты помогают нам отнести текст к периоду до середины XV в., но достоверно доказать авторство Лупача мы не можем.

Заключение

Итак, сравнив рукописи НЗ, приписываемых Лупачу, с примерами всех четырех редакций древнечешского библейского перевода, мы пришли к выводу, что так называемую «лупачевскую» обработку древнечешского библейского перевода можно считать первой фазой четвертой редакции — образцом, который служил создателям Пражской Библии (1488), первой печатной Библии на чешском языке и на славянском языке вообще. Более того, мы убедились, что язык перевода Лупача содержит множество нововведений. В грамматическом плане такими нововведениями являются, например, употребление глаголов многократного действия вместо исчезающей категории древнечешского имперфекта, употребление сложных предложений с *verbum finitum* вместо латинских именных конструкций, сравнение при помощи союза *než, nežli* вместо генитива сравнения, применение новых предложных связей глаголов. Если рассматривать эти нововведения вместе с соответствующими лексическими особенностями, то можно сделать вывод о том, что язык перевода ориентирован на современную ему норму больше, чем на письменную традицию, и стремится быть понятен реципиенту своей эпохи. Эти черты хорошо видны на фоне соответствующих особенностей третьей редакции, которая буквально следует латинской Вульгате.

Лексические нововведения показывают нам стремление к актуализации словарного запаса — это касается названий, например, единиц измерения, валют и праздников, а также употребление специфической лексики в чешском языке — закрепившихся германизмов, обозначающих прежде всего лексику, отсутствующую в чешской среде. В этих местах другие редакции иногда использовали прямые заимствования из языка латинского оригинала. Создатель «лупачевского» перевода стремится к более понятному тексту, чего добивается также уточняющим переводом или употреблением дополнительных объяснений прямо в тексте. Дополнительные слова разъясняют латинские местоимения, добавляют не выраженное подлежащее или дополнение или объясняют чешскому реципиенту непонятное выражение. В этих чертах перевод Лупача демонстрирует сходство с первой редакцией (например, точный перевод латинских глаголов *mitto*, *venio* в контексте их конкретного значения в предложении), которая также стремилась к разъяснительному переводу и живому, гибкому, разговорному языку. Более того, создатели «лупачевского» перевода стремятся к стилистической диссимилации — стараются избежать повторения однокоренных слов в одном предложении (например, Ин 4:38 *labor*).

Мы постарались сравнить два сохранившихся трактата Лупача на чешском языке с перечнем особенностей так называемого «лупачевского» перевода. Среди них наиболее интересными являются германизмы, соответствующие выражениям, приведенным в НЗ. Поскольку эти выражения были общепринятыми в середине XV в., и мы находим их также в произведениях других авторов, однако, в связи с недостаточным количеством представленного для изучения материала мы не можем с уверенностью утверждать, что автор новозаветного перевода и автор двух исследуемых трактатов на чешском языке — это один и тот же человек, Мартин Лупач. Сверх того, библейские цитаты в чешскоязычных произведениях Лупача слишком кратки, чтобы выявить их связь с одним конкретным древнечешским библейским переводом.

Однако подробный анализ языка перевода Лупача позволил нам подтвердить употребление переводческих пособий, используемых в Европе того времени. Такими пособиями являются латинские толковые словари (соответствующие переводческие решения мы нашли в нескольких словарях немецкого происхождения), а также толкование *Postilla 1482/83* Николая де Липа, *Glossa ordinaria 1480/81* и *Mammotrectus 1470* итальянского францисканца И. Маркезини.

Некоторые из вышеупомянутых нововведений Лупача *BiblPraž* в свою версию не принимает — такими являются германизмы и некоторые грамматические нововведения, строго отличающиеся от предыдущих

переводов, в этом плане язык *BiblPraž* демонстрирует следы более консервативного перевода. Несмотря на это, большинство нововведений Лупача *BiblPraž* принимает и заимствует для создания более понятного перевода, толкуя дальнейшие специфические понятия (например, *agonia* или *sinus*). Таким образом, перевод четвертой редакции можно считать функциональным переводом. Своим подходом к тексту он соответствует принципам, которыми занималась библеистика и переводоведение гораздо позже. Полезные переводческие решения четвертой редакции подтверждает в некоторых местах Библия Кралицкая, представляющая собой новую традицию перевода с оригинальных библейских языков эпохи гуманизма и церковной среды Чешских братьев.

В так называемом «лупачевском» переводе находим также следы конфессионального подхода (перевод *episcopus* как *kněz* в посланиях апостола Павла или *zprávce* в Деяниях апостолов), что является ценным доказательством влияния утраквистского богословия на текст библейского перевода и подталкивает к дальнейшим исследованиям.

Библиография

Источники

Рукописи

BiblCist

Pierpont Morgan Library (New York City), sign. MS M.752, Bible cisterciácká, 1456.

BiblLit

Litoměřice, Státní oblastní archiv v Litoměřicích, fond Biskupské sbírky (Litoměřice), sign. BIF 2, Bible litoměřická jednosvazková, 1429.

BiblLobk

Moravský zemský archiv (Brno), fond G 10 Sbírka rukopisů Moravského zemského archivu, inv. č. 122, Bible lobkovická, 1479/1480.

BiblMuzMINZ

Knihovna Národního muzea (Praha), sign. I D 13, Nový zákon muzejní mladší, 1485.

BiblTěšNZ

Książnica Cieszyńska (Cieszyn), sign. DD IV 8, Nový zákon těšínský, 1418.

D 118

Archiv pražského hradu (Praha), Knihovna metropolitní kapituly, sign. D 118. O přijímání dítek, fol. 72r–99v. O kropení, fol. 99v–106r., 15. st.

Издания и цифровые копии рукописных текстов

BiblBoč

Moravský zemský archiv (Brno), fond G 10, Sbírka rukopisů Moravského zemského archivu, inv. č. 123/1 (Gn–Ps), č. 123/2 (Pr–Ap), Bible Bočkova, 1430–1450.

BiblDrážď

Kyas V., red., *Staročeská bible drážďanská a olomoucká: kritické vydání nejstaršího českého překladu Bible ze 14. století*, Praha, 1981.

BiblKladr

Národní knihovna České republiky (Praha), sign. XVII A 29, Bible Kladrubská (Bible Bořkova), 1471, Sdružený obrazový repozitář NK ČR (<http://www.manuscriptorium.com>).

BiblLupNZ

Österreichische Nationalbibliothek (Wien), sign. Cod 3304, Nový zákon Lupáčův (vídeňský), po 1468, Digitaler Lesesaal: Testamentum Novum cum prologis Hieronymi in linguam bohemicam translatum (<http://data.onb.ac.at/rec/AC13950338>).

BiblMik

Moravská zemská knihovna (Brno), sign. Mk. 1, Bible mikulovská, 1440-1460, Moravská zemská knihovna — digitální knihovna (<http://www.digitalniknihovna.cz>).

BiblMlyn

Národní knihovna České republiky (Praha), sign. XVII A 10, Bible mlynářčina (Bible tábořská), cca 1475, Sdružený obrazový repozitář NK ČR (<http://www.manuscriptorium.com>).

BiblOl

Kyas V., ed., Staročeská bible drážďanská a olomoucká: kritické vydání nejstaršího českého překladu Bible ze 14. století, Praha, 1981.

BiblPad

Österreichische Nationalbibliothek (Wien), sign. Cod 1175, Bible Padeřovská, 1432-1435, Digitaler Lesesaal: Biblia bohemia, saec. XV (<http://data.onb.ac.at/rec/AC13954505>); Kubík, V. Bible tábořského hejtmana Filipa z Padeřova a knižní malba husitské doby, Praha, 2018.

Издания и цифровые копии печатных текстов

Синодальный перевод

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва, 2017.

Bidlo 1915

Bidlo J., red., *Akty Jednoty bratrské*, I, Brno, 1915.

BiblKral

Bible kralická, Bible kralická šestidílná: kompletní vydání s původními poznámkami, Praha, 2014.

BiblKutn

Bible kutnohorská, 1. vyd. se znakem, 2. vyd. bez znaku, Martin z Tišnova, Kutná Hora, 1489; České muzeum stříbra, sign. ST 1, Bible Kutnohorská, 1489, Sdružený obrazový repozitář NK ČR (<http://www.manuscriptorium.com>); Olesch R., Rothe H., red., *Kuttenberger Bibel = Kutnahorská bible: bei Martin von Tišnov: Nachdruck der Ausgabe Kuttenberg, Tišnov; Paderborn, München, Wien, Zürich, 1989; Kremla, J., ed., Faksimile Bible kutnohorské Martina z Tišnova: doprovodná publikace k faksimile inkunábule Bible kutnohorské*, Praha, 2010.

BiblPraž

Bible pražská, Tiskař Pražské bible, Praha, 1488; Národní knihovna České republiky (Praha), sign. 41 B 19, Bible pražská, 1488, Sdružený obrazový repozitář NK ČR (<http://www.manuscriptorium.com>); Voit P., *Český knihtisk mezi pozdní gotikou a renesancí I, Severinsko-kosořská dynastie*, Praha, 2013; Boldan K. et al., *Příběh Pražské bible*, Praha, 2011.

Glossa Ordinaria 1480/81

Forschungsbibliothek Gotha, sign. Mon. Typ. s. l. et a. 2° 11; *Biblia cum glossa ordinaria*. Pars IV. Kurz nach 23. September 1481, Digitale historische Bibliothek Erfurt/Gotha (<https://archive.thulb.uni-jena.de/>).

Gramatika česká

Moravská zemská knihovna (Brno), sign. RKP2-47.982; *Gramatica česká, od kněze Benesse Optáta, a od kněze Wáclawa Filomátesa predessých Let vydaná, a nyní od J.B.P. powysvětlená, nemalo y naprawená, a porozssjřená*, 1651-1700, Moravská zemská knihovna — digitální knihovna (<http://www.digitalniknihovna.cz>); Čejka, M., Šlosar, D., Nechutová, J., red., *Gramatika česká Jana Blahoslava*, Brno, 1991.

Mammotrectus 1470

Bayerische Staatsbibliothek (München), sign. 2 Inc.c.a. 34, Johannes (Marchesinus), *Mammotrectus super bibliam*, 1470, Digitale Bibliothek — Münchener Digitalisierungszentrum (<https://daten.digital-e-sammlungen.de>).

Mentelin 1466

Bayerische Staatsbibliothek (München), sign. Rar. 285, Biblia. Übers. Aus dem Lat. Mit dt. Tituli psalmorum. Johann Mentelin, Straßburg vor 1466, Digitale Bibliothek — Münchener Digitalisierungszentrum (<https://daten.digital-e-sammlungen.de>).

Nestle-Aland 2011

Řecko-český Nový zákon: Novum testamentum graece: Nestle-Aland, 27. vyd. (Nový zákon: Český ekumenický překlad / původní německý úvod s přihlédnutím k autorizované anglické verzi a latinský výklad zkratk a značek přeložil J. Šimandl), Fryš P., Nápravník P., Petkevič V., red., Praha, Stuttgart, 2011.

Postilla 1482/83

Bayerische Staatsbibliothek (München), sign. 2 Inc.c.a. 1232 a-3; 2 Inc.c.a. 1232 a-4, *Biblia: mit Postilla litteralis von Nicolaus de Lyra, Expositiones prologorum von Guilelmus Brito, Additiones ad Postillam Nicolai de Lyra von Paulus Burgensis und Replica contra Burgensem von Matthias Doering*, Venedig, 1482, 1483, Digitale Bibliothek — Münchener Digitalisierungszentrum (<https://daten.digital-e-sammlungen.de>).

Slovník staročeský

Gebauer, J. *Slovník staročeský*, I–II. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění a Česká grafická společnost Unie, 1903 a 1916; Praha, 1970, *Vokabulář webový*.

Truhllář 1888

Truhllář J., red., *Manuál ník M. Václava Korandy*, Praha, 1888.

Vocabularius ex quo 1482

Bayerische Staatsbibliothek (München), sign. 2 Inc.s.a. 1229, *Vocabularius Ex quo*, nicht nach 1482, Digitale Bibliothek — Münchener Digitalisierungszentrum (<https://daten.digital-e-sammlungen.de>).

Vocabularius praedicatorum 1479/82

Bayerische Staatsbibliothek (München), sign. 4 Inc.s.a. 1260, *Vocabularius praedicatorum*, 1479/82, Digitale Bibliothek — Münchener Digitalisierungszentrum (<https://daten.digital-e-sammlungen.de>).

Vokabulář webový

Vokabulář webový: webové hnízdo pramenů k poznání historické češtiny, Praha, 2006 (<http://vokabular.ujc.cas.cz>).

Wordsworth, White 1889–1954

Wordsworth J., White H. J., eds., *Nouum Testamentum Domini nostri Jesu Christi latine, secundum editionem Sancti Hieronymi*, 1–3, Oxford, 1889, 1941, 1954.

Литература

Джункова 2018

Джункова К., Лексические особенности древнечешского перевода Евангелия от Иоанна в Пражской Библии (1488), *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2018, 1, 92–98.

— 2019

Джункова К., Новый Завет Мартина Лупача как источник четвертой редакции древнечешского перевода Библии, *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2019, 8, 244–249.

Bartoň 2016

Bartoň J., Proměny českého biblického textu v moderní době, Lapko R., red., *K metodice nového překladu Svätého písma do slovenčiny*, Mahtomedi, 2016, 118–148.

Bartoš 1965

Bartoš F. M., M. Lupáč a Jednota bratrská, *Křesťanská revue*, 1965, 32, 89–91.

——— 1967

Bartoš F. M., O rodiště husitského státníka M. Lupáče, *Jihočeský sborník historický*, 1967, 36, 159–163.

Bieńkowska 1992

Bieńkowska D., *Styl językowy przekładu Nowego Testamentu Jakuba Wujka (na materiale czterech Ewangelii)*, Łódź, 1992.

Džunková 2020

Džunková K., Ideové aspekty v prekladateľskom postupe štvrtej redakcie staročeskej Biblie, *Clavibus unitis*, 2020, IX/2, 39–54.

——— 2021

Džunková K., Nový zákon Pražskej biblie (1488): jazyk a štýl, *Clavibus unitis*, 2021, X/2, 33–50.

Freitinger 1989

Freitinger P., Bible české reformace, *Křesťanská revue*, 1989, 56/2, 1989, 41–47.

Jelínek 1996

Jelínek M., Výrazové prostředky koherentnosti textu, *Stylistika*, 1996, V, 128–139.

Just 2019

Just J., *Biblický humanismus Jana Blahoslava*, Praha, 2019.

Kreisingerová 2011

Kreisingerová H., Vysvětlivky ve staročeském biblickém překladu prorockých knih, *Linguistica Copernicana*, 2011, 6/2, 211–220.

——— 2018

Kreisingerová H., Vliv Lupáčova Nového zákona na znění českého převodu Tabulí Mikuláše z Drážďan, *Jazyková euromozaika — místo pro divergenci/konvergenci jazyků: sborník ze 14. mezinárodního setkání mladých lingvistů*, Olomouc, 2018, 10–22.

——— 2019

Kreisingerová H., *Základní problémy II. staročeské biblické redakce* (disertační práce), Olomouc, 2019.

Kyas 1953

Kyas V., *Dobrovského třídění českých biblických rukopisů ve světle pramenů, Josef Dobrovský 1753–1953*, Praha, 1953, 227–300.

——— 1997

Kyas V., *Česká bible v dějinách národního písemnictví*, Praha, 1997.

Newerkla 2004

Newerkla S. M., *Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen*, Frankfurt am Main, 2004.

Pálka 2014

Pálka A., *Super responso Pii pape Martina Lupáče jako historický pramen* (magisterská práce), Brno, 2014.

——— 2020

Pálka A., *Martin Lupáč z Újezda: osobitý myslitel doby interregna a Jiřího z Poděbrad* (disertační práce), Brno, 2020.

Pytlíková 2013

Pytlíková M., Zdroj výkladových vysvětlivek v nejstarší české bibli, *Historie — Otázky — Problémy*, 2013, 5/2, 119–129.

Souček 1967

Souček B., *Česká apokalypsa v husitství*, Praha, 1967.

Vašica 1931

Vašica J., *Staročeské evangeliáře*, Praha, 1931.

Voit 2018

Voit P., Utrakvisté a knihtisk, Boldan K., Hrdina J. red., *Knihtisk, zbožnost, konfese v zemích Koruny české doby poděbradské a jagellonské*, Praha, 2018, 11–27.

Voleková, Svobodová 2019

Voleková K., Svobodová A., Nebiblické texty ve staročeských překladech Bible, Cermanová P., Soukup P., red., *Husitské re-formace. Proměna kulturního kódu v 15. století*, Praha, 2019, 101–143.

——— 2019A

Voleková K., Svobodová A. red., *Staročeské biblické předmluvy*, Praha, 2019.

Zilynská 1985

Zilynská B., *Husitské synody v Čechách 1418–1440: příspěvek k úloze univerzitních mistrů v husitské církvi a revoluci*, Praha, 1985.

References

Bartoň J., Proměny českého biblického textu v moderní době, Lapko R., red., *K metodice nového překladu Svätého písma do slovenčiny*, Mahtomedi, 2016, 118–148.

Bartoš F. M., M. Lupáč a Jednota bratrská, *Křesťanská revue*, 1965, 32, 89–91.

Bartoš F. M., O rodiště husitského státníka M. Lupáče, *Jihočeský sborník historický*, 1967, 36, 159–163.

Bieńkowska D., *Styl językowy przekładu Nowego Testamentu Jakuba Wujka (na materiale czterech Ewangelii)*, Łódź, 1992.

Džunková K., Lexical Peculiarities of the Old Czech Translation of the Gospel of John in the Prague Bible, *Philology. Theory & Practice*, 2018, 1, 92–98.

Džunková K., Martin Lupáč's New Testament as a Source of the Fourth Old Czech Bible Translation, *Philology. Theory & Practice*, 2019, 8, 244–249.

Džunková K., Ideové aspekty v prekladateľskom postupe štvrtej redakcie staročeskej Biblie, *Clavibus unitis*, 2020, 9, 2, 39–54.

Kreisingerová H., The Explanatory Notes in the old Czech translation of the biblical prophetic books, *Linguistica Copernicana*, 6, 2, 2011, 211–220.

Kreisingerová H., Vliv Lupáčova Nového zákona na znění českého převodu Tabulí Mikuláše z Dráž-

ďan, *Jazyková euromosaika – místo pro divergenci/konvergenci jazyků: sborník ze 14. mezinárodního setkání mladých lingvistů*, Olomouc, 2018, 10–22.

Kyas V., Dobrovského třídění českých biblických rukopisů ve světle pramenů, Josef Dobrovský 1753–1953, Prague, 1953, 227–300.

Kyas V., *Česká bible v dějinách národního písemnictví*, Prague, 1997.

Newerkla S. M., *Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen*, Frankfurt am Main, 2004.

Pálka A., *Martin Lupáč z Újezda: osobitý myslitel doby interregna a Jiřího z Poděbrad* (disertační práce), Brno, 2020.

Pytlíková M., Zdroj výkladových vysvětlivek v nejstarší české bibli, *Historie – Otázky – Problémy*, 5, 2, 2013, 119–129.

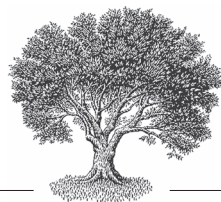
Voit P., Utrakvisté a knihtisk, Boldan K., Hrdina J., eds., *Knihtisk, zbožnost, konfese v zemích Koruny české doby poděbradské a jagellonské*, Prague, 2018, 11–27.

Voleková K., Svobodová A. (eds.), *Staročeské biblické předmluvy*, Prague, 2019.

Katarína Džunková, Mgr. et Mgr.

Karlova univerzita, Filozofická fakulta,
doktorandka Ústavu východoevropských studií
116 38 Praha, nám. Jana Palacha 1/2
Česká republika / Czech Republic
katarina.dzunkova@seznam.cz

Received August 26, 2020

Slavonic Quotations
from Athanasius'
*Orations against the
Arians* in Joseph
Volotsky and
Metropolitan Daniil*

Цитаты из
славянского перевода
Афанасиевых «Слов
против ариан»
у Иосифа Волоцкого
и митрополита
Даниила

Viacheslav V. Lytvynenko

Charles University,
Prague, Czech Republic

**Вячеслав Владимирович
Литвиненко**

Карлов университет,
Прага, Чехия

Abstract

This article identifies a set of Slavonic passages from Athanasius' *Orations against the Arians* quoted by Joseph Volotsky and Metropolitan Daniil in opposition to the heresy of Judaizers. These writers are two of the three men (the third one being Zinoviy Otenskiy who is examined in a separate study) that cited Athanasius' work as originally written in Greek and translated to Slavonic in 907 (today preserved in ten manuscripts of Russian origin). This

* This study represents research funded by the Czech Science Foundation as the project GAČR 22-08389S "Pseudo-Athanasius of Alexandria, *Oration on the Celebration of Easter*: Critical Edition of the Old Slavonic Version", and by the Charles University Research Centre program No. UNCE/HUM/016.

Citation: Lytvynenko V. V. (2021) Slavonic Quotations from Athanasius' *Orations against the Arians* in Joseph Volotsky and Metropolitan Daniil. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 76–96.

Цитирование: Литвиненко В. В. Цитаты из славянского перевода Афанасиевых «Слов против ариан» у Иосифа Волоцкого и Митрополита Даниила // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 76–96.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.4

study is aimed at exploring the significance of this fact, and it also provides a transcription and analysis of all the quotations by comparing them with the text of the *Orations* in all known manuscripts.

Keywords

Athanasius of Alexandria, *Orations against the Arians*, Joseph Volotsky, Metropolitan Daniil, Archbishop Gennady, heresy of the Judaizers

Резюме

Настоящая статья рассматривает выявленные у Иосифа Волоцкого и митрополита Даниила цитаты из Афанасиевых «Слов против ариан». Их сочинения являются двумя из трех источников русского Средневековья (к третьему относится Зиновий Отенский, анализируемый в отдельной работе), в которых цитируется данный текст, переведенный с греческого на славянский в 907 г. и сохранившийся в десяти русских списках. В статье показано, что взятые из него цитаты были использованы в полемике с ересью жидовствующих. Главной целью настоящего исследования является рассмотреть значение этого факта, а также представить непосредственный текст цитат и сопоставительный анализ по всем известным нам спискам, содержащим «Слова против ариан».

Ключевые слова

Афанасий Александрийский, Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил, архиепископ Геннадий, ересь жидовствующих

It is commonly recognized that the Slavonic translation of Athanasius' *Orations against the Arians* in our possession today was first copied to counter the so-called heresy of the Judaizers active in Veliky Novgorod and Moscow in the late 15th and early 16th centuries. It is much less known, however, that there seem to be only three people who cited this writing around that time: Joseph Volotsky (1439–1515), Metropolitan of Moscow Daniil (1492–1522), and Zinoviy Otenskiy (d. 1571/2). Today, Athanasius' *Orations* are preserved in ten MS witnesses ranging from the late 15th to the mid-17th centuries, and this study is aimed at exploring the issue of reception of this writing in Joseph Volotsky's and Metropolitan Daniil's own works. For the reception of *Orations* in Zinoviy Otenskiy, I would like to refer the readers to my other work in co-authorship with Mikhail Shpakovskiy.¹ In the present article, I will examine the context in which Joseph and Daniil used the *Orations* and the purpose for which they quoted this work. In the Appendix, I provide the extensive quotations cited by Daniil next to the Greek text of *Orations* and the specific MS from which he quoted Athanasius.

¹ [Lytvynenko, Shpakovskiy (forthcoming)].

1. *Orations against the Arians* and the Heresy of the Judaizers

Among the many works of Athanasius of Alexandria (ca. 296/298–373), by far the largest and most significant theological work is the *Orations against the Arians*, CPG 2093 (written between 339–345; henceforth CA I, II, III [Metzler, Savvidis 1998; Idem 2000]). In the year 906, this writing, along with Athanasius' *Epistle to the Bishops of Egypt and Libya*, CPG 2092 (written around 356; henceforth *Ep. Aeg. Lib.* [Metzler, Hansen, Savvidis 1996]), was translated from Greek to Slavonic by Constantine of Preslav in Eastern Bulgaria.² Since then these texts circulated in the form of a single corpus and under the same title *Orations against the Arians*,³ in which *Ep. Aeg. Lib.* was given the name of the *Fourth Oration*.⁴

Originally, Athanasius' *Orations* were written to combat the so-called Arian heresy that appeared in Alexandria in the early 4th century. Very soon, that teaching spread throughout the Eastern part of the Roman Empire, denying Christ's divine nature and the Trinity [Behr 2004: 61–122]. In medieval Russia, the same doctrines were rejected by the heretical movement known in the church terminology as the heresy of the Judaizers. According to Alexeyev:

Во-первых, жидовствующие отрицали божественность Сына и Святого Духа и догмат о Святой Троице («Едино господство, едино божество въ Троицы»), но при этом признавали Бога-Отца («да не последуеши тем, иже во Отца веруют, а в Сына не веруют»). Во-вторых, еретики отрицали догмат о боговоплощении Христа в человеческий образ и, следовательно, возможность изображения и почитания иконного образа («и покланяемся иконе Спасове, во плоти написаному человеколюбцу Богу нашему, ни привидением, ни мечтанием, но истинным вочеловечением подобен нам по всему, разве греха») [Алексеев 2012: 285–286].

The fact that both Arians and the Judaizers rejected the same fundamental doctrines led scholars to believe that the initial copying of Slavonic *Orations* in medieval Russia was related to the rise of the heresy of the Judaizers (e. g. [Сморгунова 2001; Горина 2012]). Several facts substantiate this point. First, Athanasius' name figures in the letter of the Novgorodian Archbishop Gennady (1410–1505), in which he inquired of the former Archbishop of

² The *First Oration* (based on two MSS) is published by [Vaillant 1954]. The *Second* and the *Third Orations* (based on two MSS) are published by [Пенкова 2015; Eadem 2016]. The *Second Oration* (based on all known MSS) is published by [Lytvynenko 2019]. One later ms [Sin994] is published by [Weiher et al. 2007].

³ In addition to the four *Orations*, the Old Slavonic corpus includes a pseudo-Athanasian text *Epistle on the Celebration of Easter*, published by [Penkova 2008: 279–303]. This writing is a translation of the *Homily on Easter VII* (CPG 4612) attributed to John Chrysostom. The Greek edition is available in [Floëri, Nautin 1957: 111–73].

⁴ Not to be confused with the disputed Greek *Oration IV* in CPG 2230.

да ѿ ли Ѹ вѣ в кириловѣ, или в фарофѣтовѣ, или на каменнѣ, книги, сеинвестръ папа
 рйскы, да афанаси александѣрискы, да слово кѡмы прозвѣтера, на новонавлышѹ ересь
 на богѹмлюю. да посланіе фотѣа патрїарха, ко кнїю борисѢ болгарьскомѢ. да прѣ-
 чьства. да бѣна. да црѣва, да прїчи. да менадрѣ. да їсѹ сѹраховѣ. да логика. да
 деунисеи дрепаугї. занѣ тѣ книги, оу еретикѢ ѿ [Tro730: 252v].⁵

Second, we have an important piece of information recorded in the colophon of the scribe Timofey Veniaminov, who made another copy of the *Oration*s in Novgorod in the same year, 1489 (preserved in *Vol437*).⁸ It says that the work of copying was occasioned by the rise of heretics that attacked the doctrines related to Christ's deity and the Trinity:

⁶ В лѣтѣ сѣ. цѣ. ѿ зъ при великѣи князе; иваннѣ и иванѣ снѣхъ его. при архіепіскупѣ ноуѣ горуцкоу генадіи. написана бы книга сіа аданасій александарскыи в великомѣ новгородѣ въ владычнѣм дворѣ. повелѣніемъ діакона герасимѣ поповки. а писалъ братъ его митѣ. а писана съ списка съ старыи книги съ болгарскыи. а писати есмь велѣлъ слово въ слово. Въ пречистию шестилѣ прѣтые бѣомѣри, и чюдотворца кирила. гнѣз нгѣменѣ макарію, и зъ вратѣню. герасимецъ поповка чело вію. поманите ма въ сѣтъ свой маѣла а написано в списокъ въ. ѥ. словѣ о празницѣ пасхи. This colophon has been published multiple times (e.g. [Фонский 1977]: 33–34)). For the ms description, see [Vailant 1954: 12–14; Пенкова 2015: 126–145].

⁸ This MS is often inaccurately dated to the year 1488 based on the colophon in [Vol437: 217v], stating that the scribe “wrote it on October 16th in the year 6997” (писѧ послѧнего сѧа зѧ; ѧѧ го октѧврія. іѧ.). However, since besides the year (6997), there is a clear indication of the month (October), our starting point should be the year 5008 = 1489, not 5009 = 1488. On this system of chronology, see: [Бережков 1963: 28–41].

В ТО ЛѢТО ЗДЕСѢ ВЪ ПРИЕМЪНИТѢ ТѢ НЕЗПОЛЕНО(Е) МНОЗИ СЦЕННИКЫ И ДІАКОНИ; И ѿ ПРОСТЫХЪ
ЛЮДІИ ДІАКИ ІАВИЛИСЯ СКВЕРНИТЕЛИ НА ВѢРѢ НЕПОРОЧНЮ ВЕЛИКА БѢДА ПОСТИГЛА ГРѢ СЕИ
И КОЛИКА ТМА И ТѢГѢ ПОСТИЖЕ МѢСТО СЕ СѢДЮ ВѢРѢ ПРАВОСЛАВІА ЧТО ЗАПЕЧАТАВША СѢТИ
ЩІИ СЕДМЪ СЪВЪР; ПРОПОВѢДІЮ ЩІА И СНА И СѢГО ДѢХА ВЪ ТРЦИ ЕДИНО БЖІВО НЕРАЗДѢЛИМО
[Vol437: 237^v].⁹

The passage ends by stating that the heresy was exposed by Gennady who set out to confront it: НѢ ВЪСКОРѢ ИСПЛЪНИСЯ О БѢЗѢ БЛѢТИ; ДѢХА СѢГАГО. ПРЕСЦЕННЫ АРХІЕПИСКОПЪ
ГЕНАДІЕ; ОБНАЖИЛЪ Й ЕРЕТИЧЕСТВА ЗЛОДѢИСТВО [Vol437: 237^v].¹⁰

2. *Orations against the Arians* in Joseph Volotsky's Writings

After Gennady's death, his cause against the Judaizers was taken up by Joseph Volotsky, who is also our main source of information on this movement [Алексеев 2012: 292–382]. He clearly recognized that they considered Christ to be less than God (СОДѢЛАХЪ ХЪЛЕНІ І ОУНИЖЕНІ НА ХЪ БГѢ) and rejected the equality of the persons of the Trinity (САМОПРОИЗВОЛНѢ ѿВЕРГШАСЯ СѢТІА ЕДИНОСЦІННЫА ТРЦЫ) [Просветитель 1896: 516, Слово 15]. Apparently, based on this fact he treated the heretics as new Arians (Аріе новын) [Просветитель 1896: 42, Сказание], complaining that they brought back the old heresy. Taking support from the *Life of St. Anthony* (another major text composed by Athanasius and available in Slavonic as early as the 9th century) [Литвиненко 2017], Iosif sought to condemn the heretics in the same way as Anthony did the Arians in his own time:

ІАКО АЩЕ НЕ ПОДОБАЕТЪ ИНОКѢ ОСЪЖАТИ НИ ЕРЕТИКА НИЖЕ ѿСѢДНИКА, ТО КАКО ВЕЛИКІИ
АНТОНІИ ОСЪЖАШЕ ИХЪ; ГЛАШЕ БО О ЕРЕТИЦѢ, ІАКО СЛОВЕСА ИХЪ ЛЮТВИША ІАДА ЗМІИНА:
ОУЧНИКИ ЖЕ СВОА ВСЕГДА НАКАЗѢА, ІАКО ДА НИ КОЕГО ЖЕ ПРІОБЩЕНІА ИМѢТЬ С МЕЛЕТІАНЫ И
СО АРІАНЫ И С ПРОЧІИМИ ЕРЕТИКИ [Просветитель 1896: 498, Слово 15].

Naturally, Athanasius' *Orations* would have perfectly fit the occasion if Joseph felt the need to use this work as a proof-text against the Judaizers. For what it is worth, he quotes Athanasius fourteen times (of which half is from his genuine texts and half from the pseudographia), and he mentions the name "Athanasius" over thirty times [Lytvynenko 2015–2016]. Yet, he makes only two references to the *Orations*. The first one is rather indirect, retelling the account of Arius' death of which Athanasius writes in his *Fourth Oration* (= *Ep. Aeg. Lib.* 19):

⁹ See the photographs of this colophon in [Фонкич 1977: 32].

¹⁰ See the photographs of this colophon in [Ibid.].

<p>Просветитель 1896: 524–525, Слово 15</p>	<p>Fourth Oration = Ep. Aeg. Lib. 19 (from [Vol437: 212v–213r])</p>	<p>Ep. Aeg. Lib. 19 [Metzler, Hansen, Savvidis 1996: 59]</p>
<p>И свидѣтельствоуетъ блжнныи Алѣксандръ патріархъ Константѣна града, иже баше в постѣ терпѣливъ всегда, и в мѣлтвахъ пребываа вынѣ. Ѣгдаже бысть соборъ на злочестиваго Аріа, и по извержѣніи его на чутъ каагиса лестно, а не истинно, и блгоутиваго цѣра Константина молаше, іако да повелитъ пріати его на покаяніе, цѣрь же повелѣ Алѣксандрѣ пріати Аріа на покаяніе, Алѣксандръ же, вѣдыи Аріево злодѣйственное і злочестивое коварство, не смѣаше пріати его на общеніе и цѣра преслѣшати таковаго не хоташе, и в недоумѣніи баше, і абіе мѣлтвами и вѣднѣмъ и слезами теплѣвишими и постомъ вывлетъ мѣлтвеникъ ко бѣцѣ хѣд, іако да сотворитъ полезное, оуслышана же бысть мѣлтва его, і абіе разсѣдеса Аріе.</p>	<p>кончина же аріева. елмаже не въ простѣ бы. того дѣлама и повѣсти достойна ѣ. еусевіевъ во чѣ прѣтацимъ вѣвести его въ цѣрков. еписко же константина града алѣксандръ прѣаше. аріи же повааше нѣжею; и преценми еусевіевыми. сѣбота же вѣаше; и надѣашеса на ѣтрѣа в литѣргію пріити. многа ѣбо тѣга. ѡ нѣмъ ѣбо престацимъ. алѣксандрѣ же молацѣса. нѣ гѣ сѣдѣи бывъ; вѣзрѣ на вѣидашѣ. не ѣбо сѣлѣнцѣ зашло вѣаше. и въ едѣно шѣ захода дѣлама тѣ спадѣса. и ѡбоего. комканѣа же и живота; абіе лишенъ бысть.</p>	<p>τὸ δὲ τέλος Ἀρείου, ἐπεὶ μὴ ἀπλῶς γέγονε, διὰ τοῦτο καὶ διηγήσεως ἀξίον ἐστὶ. τῶν γὰρ περὶ Εὐσέβιον ἀπειλούντων εἰσαγαγεῖν αὐτὸν εἰς τὴν ἐκκλησίαν ὁ μὲν ἐπίσκοπος τῆς Κωνσταντινουπόλεως Ἀλέξανδρος ἀντέλεγεν. ὁ δὲ Ἀρείος ἐθάρρει τῇ βίᾳ καὶ ταῖς ἀπειλαῖς Εὐσεβίου· σάββατον γὰρ ἦν, καὶ προσεδόκα τῇ ἐξῆς συνάγεσθαι. πολὺς τοῖνυν ἄγων ἦν ἐκείνων μὲν ἀπειλούντων, Ἀλεξάνδρου δὲ εὐχομένου· ἀλλ' ὁ κύριος κριτὴς γενόμενος ἐβράβευσε κατὰ τῶν ἀδικούντων. οὕτω γὰρ ὁ ἥλιος ἔδυ καὶ χρεῖας αὐτὸν ἐλκυσάσης εἰς τόπον ἐκεῖ κατέπεσε καὶ ἀμφοτέρων τῆς τε κοινωνίας καὶ τοῦ ζῆν εὐθὺς ἐστερέθη.</p>

From the above table, it is clear that Joseph's account is lacking the fact that the story took place on Saturday and that Alexander was threatened by the Eusebians who intended to force Arius back into the church. On the other hand, Joseph's version adds a few elements that are missing in the *Oration*: it says that the event took place immediately after the Council's condemnation and that Arius repented (though not sincerely), pleading to the Emperor Constantine to restore him. The motif of repentance is also missing in the classical patristic descriptions of Arius' death: Athanasius' *Epistle to Serapion on the Death of Arius* [Opitz 1940: 178–180], *Panarion* of Epiphanius of Salamis [Holl 1933: 146–147], and Rufinus' *Church History* [Schwartz 1908, 1.13–14]. Nothing is said of Arius' repentance in the two *Lives of Athanasius*, of which at least one was familiar to Joseph, who directly mentions it [Просветитель 1896: 442, Слово 11]. The one

text that does refer to Arius' repentance is the *Chronicle* of George Hamartolos [Истрин 1920: 344] (available in Slavonic since the 11th century), but there is no evidence that Joseph used it for his account of Arius' death.

Another reference to the *Orations* comes when Joseph considers the issues of biblical interpretation. This time, Joseph clearly refers to the statement from the *First Oration* 1.54, but instead of giving a direct quote, he paraphrases it:

<i>Просветитель</i> 1896: 406–407, Слово 15	<i>First Oration</i> (from [Vol437: 54r])	<i>First Oration</i> 1.54 [Metzler, Savvidis 1998: 164]
Пѡтребнѡ оубо естъ. иже божественѡа писанїѡа разжмѣти хотѡща. глѣтъ великїи аѡнонасе, истѡзати съ многымъ впѡдствомъ плоды и лица и оумъ глѡющаго. сего ради глѣтъ бжтвенныи аплѣтъ, іако писмѡ змрыцьвлѣтъ.	пѡбаеѣт же іакоже. о всѣхъ бжїѡхъ книгѣхъ. аѡпо ѣ творити. и нѣжа ѣ. такоже и в се мѣсто в неже время рѣ аплѣ. и лице и притѣмъ. еже рѣхъ написалъ ѣ вѣрно разжмѣвати.	δεῖ δέ, ὡς ἐπὶ πάσης τῆς θείας γραφῆς προσήκει ποιεῖν καὶ ἀναγκαῖόν ἐστιν, οὕτω καὶ ἐνταῦθα καθ' ὃν εἶπεν ὁ ἀπόστολος καιρὸν καὶ τὸ πρόσωπον καὶ τὸ πρᾶγμα διόπερ ἔγραψε πιστῶς ἐκλαμβάνειν.

Joseph modifies Athanasius' triplet время и лице и притѣмъ (καιρός, πρᾶγμα, πρόσωπον) by changing the first and the third words to his own: плоды и лица и оумъ. Whether deliberately adjusting this passage or borrowing an already revised version from elsewhere, it is evident that Joseph had the same concern as Athanasius: ignoring these three aspects could lead one to heresy.

While the evidence that Joseph used the *Orations* is quite scarce, we do know that one of the ten mss containing this text (i. e. Vol437, copied in 1489)¹¹ used to belong at some point to the Iosifo-Volokolamsky Monastery directed by Joseph from 1479 to 1515. Written initially in Novgorod, this very ms was later used by Joseph's disciple and successor in the Iosifo-Volokolamsky Monastery, Daniil, who later became the Metropolitan of Russia (1522–1539).

3. *Orations against the Arians* in Metropolitan Daniil's Writings

Sometime either in the 1520s¹² or 1530s,¹³ Daniil composed the so-called *Sobornik* in which he placed five extensive quotations from Athanasius' *Third Oration* (see Appendix, col. 3). In the year 1531, he used the same quotations to draw up a polemical writing, conventionally called *Sudnoe Delo Vassiana Patrikeyeva* (see Appendix, col. 4). The context in which Daniil quoted Athanasius was his polemic with Vassian Patrikeyev (ca. 1470—after 1531), whom

¹¹ First described by [Иером. Иосиф, 1882: 73–74], and later by [Фонкич 1977: 26–37].

¹² This date is suggested by [Журова 2020: 145].

¹³ This date is suggested by [Стариков 2014а: 12, п. 13] and [Жмакин 1881: 321].

he accused of teaching a heresy that believed Christ's body to be immortal before his resurrection (ересь неѣтлѣнноимію). According to Daniil, that heresy undermined the reality of Christ's Incarnation, and he argued for a doctrine that recognized Christ as fully God and man: да никтѣмъ боудѣ еретикъ. и да никтѣмъ прїимѣ зложу и пагоубноую ересь. неѣтлѣнноимію. но да всакъ вѣроуѣ и исповѣдает, съвершена тѣ бѣа, и съвѣршена тѣ ѣлка [Sob197: 121v].

Today, Daniil's *Sobornik* is preserved in nine MSS, of which the best one is Sob197, and it is available in the edition by Zhurova [Журова 2020: 471–836]. The text of *Sudnoe Delo* was published by Kazakova from Sud17 [Казакова 1960: 285–318], and it is our only source that contains this text. Even though Daniil's quotations are too fragmentary for a thorough collation, they have given me enough evidence to establish the fact that he cited them from Vol437.

As it is shown in the first set of examples marked with the MSS sigla for the twelve witnesses that contain Athanasius' *Orations*,¹⁴ Daniil's quotations (MN) follow the group DEFGHKL, in which D is the MS from the Iosifo-Volokolamsky Monastery:

Quot. 2	ѣако въ овои сиѣ] ABC, ѣако omitted in DEFGHKL MN , ὅτι ἐν ἑκατέρῳ τούτων
Quot. 2	писано естъ] ABC, естъ писано DEFGHKL MN , γέγραπται
Quot. 2	си аже] ABC, сѣа DEFGHKL MN , ταῦτα ἅπερ
Quot. 3	творашѣ дѣла отъ ѣа] ABC, ѡѣа творашѣ дѣла DEFGHKL MN , ποιῶντος ... τὰ ἔργα τοῦ πατρὸς
Quot. 4	Слово бо плзѣтъ быѣтъ] ABC, бо omitted in DEFGHKL MN , “ὁ” γὰρ “Λόγος σὰρξ ἐγένετο” γινώσκετε
Quot. 5	тѣ бо паѣе достоинѣ] ABC, бо omitted in DEFGHKL MN , ἀξιόπιστος γὰρ οὗτος γινώσκετε

Whenever D offers readings that are different from EFGHKL, Daniil's quotations keep following D:

Quot. 1	κ τοιμъ вестѣтна] ABCD MN , κτο вестѣтна EFGHKL, λοιπόν ἀπαθής
Quot. 1	по своємѣ сѣтѣтѣтѣтѣ] ABCEFGHKL , по своємѣ сѣтѣтѣтѣтѣтѣ DMN , κατὰ τὴν ἐαυτῆς φύσιν
Quot. 3	миѣ не вѣроуѣте] ABC, не вѣрѣте ми DMN , не вѣроуѣте EFGHKL, ἐμοὶ μὴ πιστεύετε
Quot. 4	аште лѣ творѣтѣ] ABCD MN , аще лѣ творѣ EFGHKL, εἰ δὲ ποιῶ
Quot. 4	видите] A, видѣте BHL, видите CD MN , видѣт EGK, видит F, γινώσκετε
Quot. 5	ѣаша] ABCD MN , ѣаши EFGHKL, τὸ ποτήριον γινώσκετε

¹⁴ Pog968 (A); Ovč791 (B); Nik59 (C); Vol437 (D); Sin20 (E); Sol63 (F); Sof1321 (G); Tsa180 (H); Sin994 (K); Ovč99 (L); Sob197 (M); Sud17 (N).

This situation reflects the results of my fuller collation of the entire *Third Oration*, from which Daniil borrows the quotes. First of all, my collation shows that *ABCD* were independently copied from the now lost Old Bulgarian protograph, and second—of these four, *D* is the protograph for *E*, and *E* is the ms that forms the group of five other witnesses that ascend from it: *FGHKL* (Lytvynenko 2019: 37–48). When we add Daniil's quotations to the picture, we find the material that is of secondary importance for establishing the protograph (due to it being a descendant of *D*), but of vast importance as a witness to the history of the text. To appreciate Daniil's quotations as this type of witness, we should briefly look into the way they function in his *Sobornik* and *Sudnoe Delo*.

In *Sobornik*, the quotations appear within the *Oration on the Incarnation of Christ* (ω ἐκπλοσμένη ἡ γὰρ τοῦ ἱεροῦ ἱεῖα χῆ), which is the fifth and largest *Oration* out of the other sixteen in that writing (ff. 119–204). According to Starikov, this *Oration* can be divided into three major sections [Стариков 2014а: 10–16]. It begins with the idea that Christ assumed true human nature as opposed to a belief that he only seemed to be human. This point is supported with biblical and patristic texts that speak about Christ having a true human soul and the fact that his body was mortal before he was raised from the dead, yet immortal immediately after. This is followed by the second section, where Daniil offers a detailed analysis of various heretical movements, in particular, Gnostics, Marcionites, Manicheans, Arians, and Monophysites. They are said to have distorted the doctrine of Christ's Incarnation and for that were condemned by the conciliar decisions of the Church. In the concluding section, Daniil discusses the so-called hypostatic union (a Christological formula concerning Christ's two natures united in one person from the Chalcedonian Definition in 451), as well as the Incarnation, with relevant support from the Church Fathers.

Within this structure, Athanasius is quoted twice, and all the passages come from the *Third Oration* (see Appendix, col. 3). First, we have a passage from *CA III.57.30–58.1–8* (ff. 129r–129v) in the first section of Daniil's writing. Here, he uses Athanasius to argue that resurrection rendered Christ's human body immortal. The next place where Daniil quotes Athanasius is in the third section. This time, he cites a set of passages placed one after another in the following sequence: *CA III.56.1–11* (ff. 176r–176v); *CA III.55.11–16* (ff. 176v–177r); *CA III.32.1–19* (ff. 177r–177v); *CA III.34.1–14* (ff. 177v–178v). These quotes are employed to explain how Christ, being God, could experience bodily passions and undergo sufferings necessary for the salvation of man. In this scheme, Daniil appropriates the Athanasian texts with a twofold purpose: first, to affirm the traditional doctrine of Christ's two natures united in one person; and second, to explain how this relates to the doctrine of salvation. In short, Daniil wanted his opponents to realize that incorrect Christology (first quotation block) inevitably led to an incorrect soteriology, making the salvation of man impossible (second quotation block).

In a simplified form, the same motifs that we find in Daniil's *Oration on the Incarnation of Christ* are reiterated in his *Sudnoe Delo*. He changes the order of his arguments and shortens the quotations from the Scriptures and Church Fathers, though not from Athanasius. It is possible that such modifications had to do with the nature of this work written as a type of stenographical record from the court trial against Daniil's opponent Vassian Patrikeyev [Стариков 2014a: 19–21]. He cites the same passages as in his *Sobornik* but arranges them differently (see Appendix, col. 4). The first set of quotations appears in the midst of other patristic texts directed against the heresy of monophysitism: CA III.56.1–11 (ff. 355v–356v); CA III.55.11–16 (f. 356v); CA III.32.1–19 (ff. 356v–357v); CA III.34.1–14 (ff. 357v–358v). The second passage quoted from Athanasius is CA III.57.30–58.1–8 (f. 423v). It comes in the very last folio of the codex and ends abruptly, preserving only part of the text. Daniil uses this passage to support his claim that Christ possessed two natures united in one person.

It is worth noting that Daniil consistently selects the quotations from Athanasius' *Third Oration*, and not from either the *First* or the *Second Orations*. In contrast to the first two *Orations*, whose emphasis is distinctly Trinitarian, the *Third Oration* is much more focused on the issues of Christ's Incarnation. During the Christological controversies in the 5th and 7th centuries, chapters 25–56 of the *Third Oration* circulated in Byzantium as a separate writing [Mereschini, Norelli 2005: 34]. Therefore, the fact that Daniil drew from the same chapters for his own Christology should not be surprising. Rather, in citing these passages, Daniil followed a well-established tradition that saw Athanasius as a helpful resource for resolving the Christological issues.

In conclusion, both Joseph Volotsky and Metropolitan Daniil provide some beautiful examples of the reception of Athanasius' *Orations against the Arians* in medieval Russia. Their careful selection of quotes from the *Orations* shows that a 4th-century text was able to serve the purposes of the new context, in which the heresy of the Judaizers undermined the same doctrines that were denied by the Arians. My collation of Daniil's quotations has shown that he drew them from the Volokolamsky MS, which was probably available to him during the time he served as abbot at the Iosifo-Volokolamsky Monastery. Be it as it may, the fact that both Joseph and Daniil found it helpful to employ the *Orations* shows that Gennady's desire to make Athanasius available in the first place proved to be highly effective.

Appendix

The table below offers five quotations from Athanasius' third *Oration* in two works of Metropolitan Daniil: *Sobornik* and *Sudnoe Delo*. They are placed in col. 3 for *Sobornik* (marked as M) and in col. 4 for *Sudnoe Delo* (marked as N). For comparison, the same passages are also given from the Metzler–Savvidis

Greek edition in col. 1, and from *Vol437* in col. 2, which I believe to have been the codex from which Daniil copied his quotations. Unlike Zhurova [Журова 2020: 571–572, 603–605] and Kazakova [Казакова 1960: 302–304, 318], who published Daniil's texts in modern Russian script, I transcribed Daniil's quotations in Slavonic, keeping them exactly as they appear in the manuscripts.

QUOTATION 1

CA III.57.30–58.1-8 [Metzler, Savvidis 2000: 370]	Vol437(D): 185v–186r	Sob197(M): 129r–129v [Журова 2020: 1–572]	Sud17(N): 423v [Казакова 1960: 318]
<p>Περὶ τούτου καὶ Δαβὶδ φάλλει: “οὐκ ἐγκατα- λείψεις τὴν ψυχὴν μου εἰς ᾧδην οὐδὲ δώσεις τὸν ὅσιόν σου ἰδεῖν διαφθοράν”. Ἐπρεπε γάρ, φθαρτὴν οὖσαν τὴν σάρκα, μηκέτι κατὰ τὴν ἑαυτῆς φύσιν μένειν θνητὴν, ἀλλὰ διὰ τὸν ἐνδυσάμενον αὐτὴν Λόγον ἀφθαρ- τον διαμένειν. Ὡς γὰρ αὐτὸς, γενόμενος ἐν τῷ ἡμῶν σώματι τὰ ἡμῶν ἐμιμήσατο, οὕτως ἡμεῖς δεξάμενοι τοῦτον τῆς παρ' ἐκείνου μεταλαμ- βάνομεν ἀθανασίας. Μάτην τοίνυν σκανδαλί- ζεσθαι προσποιῶνται καὶ μικρὰ νοοῦσιν οἱ Ἀρειομανῖται περὶ τοῦ Λόγου, εἰ γέγρα- πται, “ἐταράχθη” καὶ “ἐκλαυσεν”. Ἐοίκασι γὰρ μηδὲ ἀνθρωπίνην αἰσθησὶν ἔχειν, ἀγνοοῦ- ντες τὴν τῶν ἀνθρώπων φύσιν καὶ τὰ τούτων ἴδια· διὸ καὶ μᾶλλον ἔδει θαυμάζειν, ὅτι ἐν τοιαύτῃ πασχούσῃ σαρ- κὶ ἦν ὁ Λόγος, καὶ οὕτε ἐκώλυε τοὺς ἐπιβου- λεύοντας οὕτε ἐξεδίκει.</p>	<p>[185v] О том же и дѣлѣ поѣ не оставиши дѣла моа въ адѣ нѣ даси же прѣбнѣмоу своему видѣти истлѣнїа. побаше бо тлѣннѣ сѣщи плоти; ѡ же не оставати еи по своему сѣщїствѣ смѣртнѣ. но за облещаго са в нѣ словесе, все тла прѣбывати. іакѡ бо сѣ бывѣ в наше тѣлѣ; наше все дѣражалъ ѣ. та коже мы приемише его; всемѣртїа его приѣмаемса безъ ѡма ѡбо творатса блзнь прїимати. и хѡдѣ разѡмѣнѣ арїоненствнїи в словеси аще писано ѣ взметеса и пакаса. мнѣ ли бо сѣ. ни ѡлѣскаа естества имѣща; не разѡмѣнѣюще стрѣти ѡлѣскїа. и своа н. иже дѣлама паче достоиаше чюдїтїса іакѡ въ та кон страждѣщи плоти, бѣаше слово. и не възбранилъ ѣ въстающїм на нь; нѣ.</p>	<p>[129r] велѣ кѣ афанасїа ѡ слова ѣ на арїанѣ О том же и дѣлѣ поѣ. не оставиши дѣлѣ мою въ адѣ. ни даси же прѣбнѣ моу своему видѣти истлѣнїа. побаше бо тлѣнне соущї плоти, оужѣ не остати еи по своему сѣщїствѣ смѣртнѣ. но за облещагоса в ню словесе вѣ тла прѣбывати. іакѡн бо [129v] самъ бывѣ в наше тѣлѣ наше все по дражалъ естъ. такоже и мы прїем ше его. всемѣртїа его приѣмаемса. ве з оума оубо творатса блзнь прїима ти, и хоудѣ разѡмѣнѣ арїане злѡ чїтїи в словеси. аще писано ѣ. въз матеса и пакаса. мнѣли бо соут ни ѡлѣскаа ѣтѣ имѡуща. не разѡмѣнѣюще стрѣти ѡлѣскїа; и своа ихъ. иже дѣлама паче дстоиаше чюдї тїса. іакѡ в такоуѣи страждѣщї плоти бѣаше слово. и не възбрани естъ</p>	<p>[423v] Великѣ афанасїа ѡ слова еже на арїанѣ ны Дѣлѣ поетъ. не ѡтганиши дѣлѣ моу мою во адѣ ни даси же прѣ подѣнѣмоу своемѣ вїтїи нѣ тлѣнне. Подобаше бо тлѣннѣ соущї плоти оуже не ѡтати еи по ѡмоу сѣщїствѣ смѣртнѣ но за ѡлѣсшгѣ а в ню словесе. вѣ тла прѣбыва етъ. іакѡже бо самъ бывѣ в нашемъ тѣлѣ нїше все пѣрѣ жало ѣтъ такѡдѣ и мы прїе мише его всѣмртїе его приѣ маемъса вѣ оума оубо тво ратса блзнь прїимати и хѡдѣ разѡмѣнѣ арїанѣ</p>

CA III.57.30–58.1-8 [Metzler, Savvidis 2000: 370]	Vol437(D): 185v–186r	Sob197(M): 129r–129v [Журова 2020: 1–572]	Sud17(N): 423v [Казакова 1960: 318]
κατὰ τῶν ἀναιρούντων καίπερ δυνάμενος ὁ ἄλ- λους κωλύσας ἀποθα- νεῖν, καὶ ἀποθανόντας ἐγείρας ἐκ τῶν νεκρῶν, ἀλλ' ἤνειχετο πάσχειν τὸ ἴδιον σῶμα. “Διὰ τοῦτο γὰρ καὶ ἐλήλυ- θεν”, ὡς προεῖπον, ἵνα σαρκὶ πάθῃ καὶ λοιπὸν ἀπαθῆς καὶ ἀθάνατος ἡ σὰρξ κατασκευασθῇ	мишше ѡбыва ициѣ, а и могоу възвранивыи ниѣмь ѡмерѣти; и ѡмерши възставиѣ из мѣртвыѣ. нѡ поплѣциаше [186r] страдаѣти своемѡ тѣлѡ. того бо дѣла ма и приде іакѡ рекѡ: Да плотѣю постраждет. и к томѡ бѣсѣртна и бесмѣртна плѡ сзтворена бѡде	взстаюцимъ на нь. ни мица ше оубываюциѣ, а и могои. вѣбра нивыи ниѣмъ оумрѣти. и оумрѣ ши възставиѣ из мѣртвыѣ. но поплѣциаше страдаѣти своегоу тѣлѡ. тѡ дѣлама и приде іакѡ рекѡ. да плотѣю постраждѣ. и к томуоу бѣсѣртна и бѣсмѣртна плѡ сзтворена бѡдѣ.	[MS abruptly ends here].

QUOTATION 2

CA III.56.1–11 [Metzler, Savvidis 2000: 367–368]	Vol437(D): 183v–184r	Sob197(M): 176r–176v [Журова 2020: 603–604]	Sud17(N): 355v–356v [Казакова 1960: 302–303]
Ἦδει δὲ ἀκούοντας μὲν αὐτοὺς, “Ἐγὼ καὶ ὁ Πατὴρ ἓν ἐσμεν”, μίαν ὁρᾶν τὴν θεότητα καὶ τὸ ἴδιον τῆς οὐσίας τοῦ Πατρὸς, ἀκούοντας δὲ τὸ, “ἐκλαυσε” καὶ τὰ ὅμοια ταῦτα τοῦ σώματος ἴδια λέγειν, μάλιστα ὅτι ἐν ἑκατέρῳ τούτων ἔχουσι τὴν ἀφορμὴν εὐλογον, ὅτι τὸ μὲν ὡς περὶ Θεοῦ γέγραπται, τὸ δὲ διὰ τὸ ἀνθρώπινον αὐτοῦ σῶμα λέγεται. Οὐ γὰρ ἐν ἀσωμάτῳ τὰ τοῦ σώματος ἂν ἐγεγόνει, εἰ μὴ σῶμα λαβὼν ἦν φθαρτὸν καὶ θνητόν – θνητὴ γὰρ ἦν ἡ ἁγία Μαρία, ἐξ ἧς ἦν καὶ τὸ σῶμα. Διὸ καὶ ἀνάγκη ἐν πάσχοντι σώματι καὶ κλαίοντι, καὶ κάμνοντι γενομένου αὐτοῦ αὐτοῦ	[183v] Пѡбаше же им слышашем. азъ и ѡцѣ еди но есѣѣ. еди но бѣтѣво видѣти по своиствоу естества ѡцѣ. слышаше же. еже плакала са; и пѡбныѣ. тѣ своѣа телеси глѣати пачѣ въ ѡ бой сѣ имѡтъ винѡ іакѡ и погодиѡ іакѡ ѡво іа коже ѡ бѣѣ ѣ писано. ѡвоже за члѣскаго тѣлаа его глѣтса. не бываѡ ѡ въ бесплотѣе; плѡскаа. аще не бы тѣло взалъ тлѣнно и смѣртно. смѣрт тнаа ѡ бѣаше еѣаа ма ріа; ѡ неа же бѣ и тѣ ло. тѣмже и нѡжа ѣ. въ страждѣци тѣлѣѣ и плѣцѣи и трѣжаициса бывшѡ	[176r] Подобаше же им слышашѣ, азъ и ѡцѣ еди но есѣѣ. еди но бѣтѣво вѣдѣти, по своиствоу ества ѡцѣ. слышашѣ еже плакала са и подобныѣ тѣ своа тѣлеси глѣтѣ . пачѣ въ обоѣ си хъ имѡѣ виноу іакѡ по добноу. Понеже ѡво іакѡ ѡ бѣѣ пѣ сано ѣ. ѡвоже за члѣскаго тѣлаа его глѣтса. не бываѡ ѡ в бесплотѣи плѡскаа. аще не бы тѣло взалъ [176v] тлѣнно, и смѣртно. смѣртнаа ѡ бѣ аше еѣаа мѣ ріа. ѡ неа же бѣ и тѣло хѣо тѣмже и ноу жа еѣ в страждѣиѣ	[355v] Велико афонасна ѡ сѡ іже на а рианы. Подобашѣ имъ слыше циѣ. азъ ѡцъ еди но еѣѣ еди но бѣтѣво вѣтѣ по бѣист вѣ [356r] ѡцѣ слышашѣ. еже плакала. и пѡбныѣ тѣ своа тѣлеси глѣти. паче же ѡ ѡбой сѣ имѡтъ винѡ іакѡ пѡбнѡ. пѡнѣ ѡво іакѡ ѡ бѣѣ писано ѣтъ, ѡво же за члѣскаго тѣлаа. его глѣтѣѣ. не бываѡ ѡ ѡ бѣплотѣи плѡскаа. аще нѣ бы тѣло взалъ тлѣнно і смѣртно смѣртное ѡ баше еѣаа ма ріе дѣца ѡ неѣѣ бѣ і тѣло хѣо тѣмъ ѣ и ноу жа ѣ ѡ тѣра жѣиѣ ѣ.

CA III.56.1–11 [Metzler, Savvidis 2000: 367–368]	Vol437(D): 183v–184r	Sob197(M): 176r–176v [Журова 2020: 603–604]	Sud17(N): 355v–356v [Καζακοβα 1960: 302–303]
λέγεσθαι μετὰ τοῦ σώματος καὶ ταῦτα, ἅπερ ἐστὶν ἴδια τῆς σαρκός. Εἴ τε τοίνυν ἔκλαυσε καὶ ἐταράχθη, οὐκ ἦν ὁ Λόγος, ἢ Λόγος ἐστὶν, ὁ κλαίων καὶ ταρασσόμενος, ἀλλὰ τῆς σαρκὸς ἴδιον ἦν τοῦτο· εἰ δὲ καὶ παρεκάλεσε “παρελθεῖν τὸ ποτήριον”, οὐκ ἦν ἡ θεότης ἡ δειλιῶσα, ἀλλὰ τῆς ἀνθρωπότητος ἦν ἴδιον καὶ τοῦτο τὸ πάθος.	емѣ. того ꙗ҃латиса и сѣ тѣломъ; и сѣ сѣтъ плоти своа. а҃ще ѡво [184г] или плакаласа ѣ и сматеса. не бѣаше слово. а҃ ще слово ѣ смѣцѣаемо и пла҃гаса; но плоти тѣ бѣаше свое. а҃ще ли же и молиласа ѣ прѣити ꙗ҃а ши не бѣ бѣ҃тво боацѣѣа; но ꙗ҃л҃г҃тсѣа бѣ своа и та ст҃рѣтъ.	тѣлѣ, и пла҃гуюци, и трѣ҃жаюцисѣа бывши емоу. тогѡ ꙗ҃латиса и с тѣлѣ. и сѣ соу҃ плоти своа. а҃ще оу҃во или пла кал҃са естѣ и сматеса. не бѣаше сло во смѡу҃цѣаемо и пла҃гаса. но плоти то бѣаше свое. а҃ще л҃и и молиласа ѣ. прѣити ꙗ҃аши. не бѣ бѣ҃тво боацѣ. но ꙗ҃лв҃҃г҃тсѣа бѣ своа та ст҃рѣтъ.	тѣле. И пла҃гуюци и трѡу҃жаюци҃а бывз ше емоу того гл҃а҃т҃и и сѣ тѣ лѣомъ. I сѣа соу҃ плоти своа. а҃ще оу҃во или плаа҃кѣса еси. не баше слово смѡу҃цѣаемо I пла҃гѣ но плоти то бѣаше. свое а҃ще ли же и моли҃сѣа ѣи. прѣиди ти ꙗ҃аши. не бе бж҃е҃тво боацѣѣа но ꙗ҃лв҃҃г҃тсѣа бѣ своа [356v] та ст҃рѣт

QUOTATION 3

CA III.55.11–16 [Metzler, Savvidis 2000: 366–367]	Vol437(D): 183r	Sob197(M): 176v–177r [Журова 2020: 604]	Sud17(N): 356v [Καζακοβα 1960: 303]
ὁ καὶ τὸ σῶμα παθητὸν δεικνὺς ἐν τῷ ἀριέναι κλαίειν καὶ πεινᾶν αὐτὸ καὶ τὰ ἴδια τοῦ σώματος ἐν αὐτῷ φαίνεσθαι. ἐκ μὲν γὰρ τῶν τοιούτων ἐγνώριζεν, ὅτι Θεὸς ὢν ἀπαθὴς σάρκα παθητὴν ἔλαβεν, ἐκ δὲ τῶν ἔργων ἐδείκνυσεν ἑαυτὸν Λόγον ὄντα τοῦ Θεοῦ καὶ ὑπερὸν γενόμενον ἀνθρωπον λέγων· κἂν ἐμοὶ μὴ πιστεῦητε βλέποντες ἀνθρώπινόν με περιβεβλημένον σῶμα, ἀλλὰ κἂν τοῖς ἔργοις πιστεῦσατε, ἵνα γνῶτε, ὅτι ἐγὼ ἐν τῷ Πατρὶ, καὶ ὁ Πατὴρ ἐν ἐμοί.	[183г] и пока завый тѣло ст҃г҃тно; еже пошѣцати емѣ. пла ка҃тиса и алка҃ти. и своа телеси на нем пока зова҃тиса. сими во знаемъ бываше. іако бѣ сы вѣст҃г҃тенъ; плоть ст҃г҃тнѣю прѣа҃тѣ. ѿ дѣла же плоть ст҃г҃тнѣ прѣа҃тѣ; ѿ дѣла же показашесѣ слово сѣще бж҃їа. и посла҃ѣже бывша ꙗ҃л҃ка гл҃а. а҃ще не вѣрѣете ми; видѣце ма вѣ ꙗ҃л҃г҃еское тѣ ло wobл҃кѣшасѣ. но по҃нѣ дѣлѡ момѣ вѣрѣ нимѣте. да разѡмѣете іако азъ вѣ ѡцѣ; и ѡцѣ вѣ мнѣ.	[176v] тогѡ: показави и тѣло ст҃г҃тно, еже пла ка҃тиса и алка҃ти. и своа тѣлеси на нѣ показова҃тиса. сими во знаемъ бываше. іако бѣ҃гъ сынѣ бѣст҃г҃тенъ, плѡ ст҃г҃тноу҃ прѣа҃тѣ. ѿ дѣла же показовашесѣ плѡ ст҃г҃тноу҃ прѣа҃. ѿ дѣла же показовашѣ слово соу҃цѣ бж҃їе. и посла҃ѣже бывша ꙗ҃л҃ка. гл҃а. а҃ще не вѣрѣете мнѣ видѣце ма [177г] вѣ ꙗ҃лв҃҃г҃кое тѣло wobл҃кѣшѣа. но по дѣ лѡ момѣ вѣрѣ нимѣте. да разѡмѣѣте іако азъ вѣ ѡцѣ и ѡцѣ вѣ мнѣ.	[356v] То҃гѡ. Показа҃вѣи тѣ тѣло ст҃г҃тно еже попоу҃ца ти емоу плака҃тѣа I ал҃кѣа ти. и своа тѣлеси. на мнѣ по каза҃ва҃тѣа. сими во знаемъ бываше іако бѣ сынѣ бѣт҃рѣа тенъ. плоть ст҃г҃а҃тнѣю҃ прѣа҃тѣ. ѿ делѣ же показова шѣа плоть ст҃г҃а҃тнѣю҃ прѣа҃тѣ ѿ дѣла же показова шѣа. слово соу҃цѣе бж҃їе. и полѣ же бывѣшѣа ꙗ҃л҃ка гл҃а а҃ще нѣ вероуѣтѣ мнѣ. видѣце ма. во ꙗ҃лв҃҃г҃ское тѣло wobл҃з кѣшѣа. но по делѡмъ моѣ вероу нимѣтѣ. и разѡмѣи҃те іако азъ во ѡцѣ. и ѡцѣ во нѣ.

QUOTATION 4

CA III.32.1–19 [Metzler, Savvidis 2000: 342–343]	Vol437(D): 165r–165v	Sob197(M): 177r–177v [Журова 2020: 604]	Sud17(N): 356v–357v [Казакова 1960: 303]
<p>τῆς σαρκὸς πασχούσης οὐκ ἦν ἐκτὸς ταύτης ὁ Λόγος· διὰ τοῦτο γὰρ αὐτοῦ λέγεται καὶ τὸ πάθος· καὶ θεϊκῶς δὲ ποιούντος αὐτοῦ τὰ ἔργα τοῦ Πατρὸς οὐκ ἦν ἔξωθεν αὐτοῦ ἡ σάρξ, ἀλλ’ ἐν αὐτῷ τῷ σώματι ταῦτα πάλιν ὁ Κύριος ἐποίει. Διὰ τοῦτο γὰρ καὶ ἄνθρωπος γενόμενος ἔλεγεν· “εἰ οὐ ποιῶ τὰ ἔργα τοῦ Πατρὸς μου, μὴ πιστεύτε μοι· εἰ δὲ ποιῶ, κἀν ἐμοὶ μὴ πιστεύητε, τοῖς ἔργοις μου πιστεύτε καὶ γινώσκετε, ὅτι ἐν ἐμοὶ ὁ Πατὴρ καὶ γὰρ ἐν αὐτῷ”. Ἀμέλει ὅτε χρεῖα γέγονε τὴν πενθερὰν Πέτρου πυρέσσουσαν ἐγείρει, ἀνθρωπίνως μὲν ἐξέτεινε χεῖρα, θεϊκῶς δὲ ἦν παύων τὴν νόσον. Καὶ ἐπὶ μὲν τοῦ ἐκ γενετῆς τυφλοῦ ἀνθρώπινον ἀπὸ τῆς σαρκὸς ἡφίει· πτύσμα, θεϊκῶς δὲ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἤνοιγε διὰ τοῦ πηλοῦ· ἐπὶ δὲ τοῦ Λαζάρου φωνὴν μὲν ὡς ἄνθρωπος, ἀνθρωπίνην ἡφίει, θεϊκῶς δὲ ὡς Θεὸς τὸν Λάζαρον ἡγειρεν ἐκ νεκρῶν. Ταῦτα δὲ οὕτως ἐγίνετο καὶ ἐδείκνυτο, ὅτι μὴ φαντασία ἀλλὰ ἀληθῶς ἔχων ἦν σῶμα· ἔπρεπε δὲ τὸν Κύριον ἐνδιδυσχόμενον ἀνθρωπίνην σάρκα, ταύτην μετὰ τῶν ἰδίων</p>	<p>[165r] плоти страждущи; не бѣ кромѣ еа слово. того ради того глѣтца и стрѣтъ. и бжескы же томоу ѿ ѿа творацѣ дѣла не бѣ свѣне его плотъ. нѣ в томъ тѣлѣ иже пакы гѣ твораше того бо дѣлама и ѣлкѣ бывъ глѣше. аще не твора дѣла ѿца моего; не имѣ те ми вѣры. аще ли же твора аще мнѣ не имете вѣ ры; дѣла мои вѣрѣ имете. и видите іако вѣ мнѣ имете. и видите іако вѣ мнѣ ѿцы; и азъ в нѣ: Тѣмже потреба бы теицѣ петровѣ волѣицѣ вгнемъ вѣстави. члѣскы же простеръ рѣ коу; бжескы же хстави не дѣл. и о роженнѣмъ слѣ пѣ плоти испѣциаше плеваніе. бжескы же ѿверзаше брениемъ. о лѣзари же глѣ ѣлкѣ; члѣскы же испѣциаше; бжескы же іако бѣ лѣ зара вѣздвиже из мѣртвѣ. сеже сице бы и показано бываше. іако не приви дѣнїе; но по истиннѣ бѣ имѣа тѣло. пѣбашѣ гѣ вѣ члѣскѣ плѣ вѣла ца вѣ вѣ</p>	<p>[177r] То҃ѡ: плоти оубо страждѣщи, не бѣ кромѣ еа слово. того рѣ того глѣтца и стрѣт. и бжескы томоу ѿ ѿа творацѣ дѣла. не бѣ кромѣ его плѣ. но в тѣ тѣлѣ іаже пакы гѣ твораше. тогѣ бо дѣ лама и ѣлкѣ бывъ. глѣше аще не твораю дѣла ѿца моего, не имѣте ми вѣры. аще ли же твораю. аще мнѣ не имѣте вѣры, дѣла мои вѣроу имѣте. и видите іако вѣ мнѣ ѿцы и азъ в немъ. тѣмже потреба бы теицѣ петровѣ волацѣ вгнѣ вѣста вѣти. члѣскы прострѣ роукоу. бжескы же оустави недоу гѣ. и о роженѣ слѣ пѣ члѣскоу ѿ плоти испѣциаше плеваніе. бжескы же ѿверзаше брениемъ. о лѣзари глѣ іако ѣлкѣ члѣскы [177v] испѣциаше. бжескы же іако бѣ лѣ зара вѣздвиже из мѣртвѣ. сеже си це бысть. и показано бываше. іако не приви дѣнїемъ, но по истиннѣ бѣ имѣа тѣло. пѣбашѣ гѣ члѣскоу плѣ обла ца вѣ вѣ</p>	<p>[356v] То҃ѡ. Плоти оубо страждѣщи не бе кромѣ слова. того ради глѣтѣа. и стрѣтъ. и бжески томоу ѿ ѿа творацѣ [357r] дѣло не бѣ кромѣ его плѣ но вѣ тѣ тѣлѣ. іаже пакы гѣ твораше. того бо дѣла. и члѣскѣ бывъ глѣше аще не твораю дѣла ѿца моего не имете ми веры аще ли же твораю аще мнѣ не имѣте вѣры. дѣла мои вероу имѣте. и видѣте. іако во мнѣ ѿцы и азъ в немъ темъ потреба бы теи члѣскоу петрѣ роукоу волацѣ огнемъ вѣта вѣти члѣскы прѣ трѣ роукоу бжески іаже оустави недоу гѣ. на роженѣ слѣ пѣ члѣскоу ѿ плоти. испѣциаше плѣва нїе. бжески же ѿверзаше брениемъ о лѣзари же глѣ іако члѣскѣ члѣскы же іако бѣ лѣзари вѣдѣ же мѣртвѣ се же сице бы теи и показана бываше. іако не при вѣнїемъ. но по истиннѣ бѣ имѣа тѣло пѣбаше же дат и пропат и члѣскоу и роукоу немоу тѣлѣныа.</p>

CA III.32.1–19 [Metzler, Savvidis 2000: 342–343]	Vol437(D): 165r–165v	Sob197(M): 177r–177v [Журова 2020: 604]	Sud17(N): 356v–357v [Казакова 1960: 303]
<p>παθῶν αὐτῆς ὅλην ἐνδύσασθαι, ἵνα ὥσπερ ἴδιον αὐτοῦ λέγομεν εἶναι τὸ σῶμα, οὕτως καὶ τὰ τοῦ σώματος πάθη ἴδια μόνον αὐτοῦ λέγεται, εἰ καὶ μὴ ἦπτετο κατὰ τὴν θεότητα αὐτοῦ. Εἰ μὲν οὖν ἐτέρου τὸ σῶμα, ἐκείνου ἂν λέγοιτο καὶ τὰ πάθη· εἰ δὲ τοῦ Λόγου ἡ σὰρξ – “ὁ” γὰρ “Λόγος σὰρξ ἐγένετο”, – ἀνάγκη καὶ τὰ τῆς σαρκὸς πάθη λέγεσθαι αὐτοῦ, οὗ καὶ ἡ σὰρξ ἐστίν. Οὗ δὲ λέγεται τὰ πάθη, οἷά ἐστι μάλιστα τὸ κατακριθῆναι, τὸ μαστιγωθῆναι, τὸ διψᾶν καὶ ὁ σταυρὸς καὶ ὁ θάνατος καὶ αἱ ἄλλαι τοῦ σώματος ἀσθένειαι.</p>	<p>сѣ своими еа стрѣми вблещиса. да ѿ коже своемѣ глѣмо сѣще тѣло; такоже и тѣла стрѣти. своа емѣ тоуѣно глѣотса. аще и не касачѣса емѣ; по бжѣтвѣ его. аще ѡбо иного бѣ тѣло; того да глѣотса и стрѣти. аще ли плѣ словеси; слово плѣ бы. нѣжа ѣ и плотскѣа стрѣсти; того глѣотса. егѣ и плоть бегоже ли глѣотса стрѣти каковы [165v] сѣ. еже вѣдженѣ быти. еже вѣненѣ быти еже жадати; и пропатѣе и смѣртѣ. и дрѣгѣа немощи телесныа.</p>	<p>сѣ своими еа стрѣтѣми вблещиса. да ѿкоже свое емѣ глѣмо соуще тѣло. такоже и тѣла стрѣти своа емоу тоуѣно глѣотса. аще и не касачѣса емѣ по бжѣтвѣ его. аще оубо иного бѣ тѣло. того да глѣотса и стрѣти. аще ли плѣ словеси. слово плѣ высть. ноужѣа есть и плѣтскѣа стрѣти того глѣотса егѣ и плѣ есть. егоже ли глѣотса стрѣти. какиа же соу^т еже ооуженѣ быти, еже оубѣноу бы ти. еже жадати. и пропатѣе, и смѣртѣ. и друугѣа немощи тѣлѣсныа.</p>	<p>же гѣи во ѣлѣѣоу во плѣν ѡлоуѣиоуѣа во всю своимѣ стрѣтѣми ѡлѣ ѣиѣа. даа же свое емоу глѣмо соуще тѣло. такоже же и тѣло стрѣти своа емоу тоуѣно глѣотѣа. аще и не касачѣоу емѣ по бжѣтѣоу его аще инѣ бе тѣла. того да глѣотѣа стрѣтѣ. аще ли плѣ словеси. слово плоть бы. ноужѣа егѣ и плѣтскѣа стрѣти. того глѣ тѣи егѣ же и плѣ еѣт егѣ ли глѣ отѣа стрѣти. какиа же соу^т еже вѣоуженноу быти. и ѣ вѣноу быти. еже</p>

QUOTATION 5

CA III.34.1–14 [Metzler, Savvidis 2000: 345]	Vol437(D): 156r–157v	Sob197(M): 177v–178v [Журова 2020: 604–605]	Sud17(N): 357v–358v [Казакова 1960: 303–304]
<p>Ἴνα δὲ καὶ τὸ ἀπαθὲς τῆς τοῦ Λόγου φύσεως καὶ τὰς διὰ τὴν σάρκα λεγομένας ἀσθενείας αὐτοῦ γινώσκειν τις ἀκριβέστερον ἔχη, καλὸν ἀκοῦσαι τοῦ μακαρίου Πέτρου· ἀξιόπιστος γὰρ οὗτος γένοιτ’ ἂν μάρτυς περὶ τοῦ Σωτῆρος· γράφει τοίνυν ἐν τῇ Ἐπιστολῇ λέγων· “Χριστοῦ οὖν παθόντος ὑπὲρ ἡμῶν σαρκί”. Οὐκοῦν καὶ ὅταν λέγεται</p>	<p>[156r] да вѣдѣтѣи вѣзнѣ всакѣ вѣ стиннѣ. и вѣстрѣстное сѣтѣтѣа словесе; и глѣ мыа плотню немощи его. добро ѣ слышати блага женаго петра. тѣ паѣе достонинѣ свѣдѣте лъ о вѣдѣ сѣсѣ. пишет же ѡбо вѣ епистоли глѣа хѣ оубо пострадавшѣ насѣ дѣлаа плотнѣо. тѣмже и егда глѣтса</p>	<p>[177v] да вѣдѣтѣи же вѣзнѣ всакѣ [178r] вѣз истиннѣ и вѣстрѣтное соуществѣ словесе. и глѣмыа плотню немощи его. добро ѣ слышати блженнаго петра. тои паѣе доствиннѣ свѣдѣтель боу дѣ о сѣсѣ. пише бо вѣ епистоли глѣа. хѣ оубо пострадавшѣ нѣ дѣлаа плѣотнѣо. тѣмже и егда глѣтса</p>	<p>[357v] ведати же иматѣ всакѣ войти нноу и вѣстрѣтное соущѣ тѣво словеси глѣмыа плотнѣо [358r] немощи его. дѣро ѣ слышетѣ блжнного петра тои паѣе дѣто итѣ свѣтель о сѣсе пишетѣ бо во епѣстоли глѣа. хѣ оубо пѣстра давѣшмоу нѣ дѣлыа плотню темѣ же и егда глѣтѣ</p>

CA III.34.1–14 [Metzler, Savvidis 2000: 345]	Vol437(D): 156r–157v	Sob197(M): 177v–178v [Журова 2020: 604–605]	Sud17(N): 357v–358v [Казакова 1960: 303–304]
<p>πεινᾶν καὶ διψᾶν καὶ κάμνειν καὶ μὴ εἰδέναι καὶ καθεῦδειν καὶ κλαίειν καὶ αἰτεῖν καὶ φεύγειν καὶ γεννᾶσθαι καὶ παραιτεῖσθαι τὸ ποτήριον καὶ ἀπλῶς πάντα τὰ τῆς σαρκὸς, λεχθεῖη ἂν ἀκολούθως ἐφ’ ἐκάστου· Χριστοῦ οὖν πεινῶντος καὶ διψῶντος ὑπὲρ ἡμῶν σαρκί· καὶ μὴ εἰδέναι λέγοντος καὶ ῥαπιζομένου καὶ κάμνοντος ὑπὲρ ἡμῶν σαρκί· καὶ ὀφουμένου πάλιν καὶ γεννωμένου καὶ αὐξάνοντος καὶ φοβουμένου καὶ κρυπτομένου σαρκί· καὶ λέγοντος, Εἰ δυνατόν, παρελθέτω τὸ ποτήριον καὶ τυπτομένου καὶ λαμβάνοντος ὑπὲρ ἡμῶν σαρκί· καὶ ὅλως πάντα τὰ τοιαῦτα ὑπὲρ ἡμῶν σαρκί. Καὶ γὰρ καὶ αὐτὸς ὁ Ἀπόστολος διὰ τοῦτο οὐκ εἶρηκε· Χριστοῦ οὖν παθόντος θεότητι, ἀλλ’ “ὑπὲρ ἡμῶν σαρκί”, ἵνα μὴ αὐτοῦ τοῦ Λόγου ἰδία κατὰ φύσιν, ἀλλ’ αὐτῆς τῆς σαρκὸς ἰδία φύσει τὰ πάθη ἐπιγνωσθῇ.</p>	<p>ἀλλ’ αὐ καὶ ἰαждα и τρѣди тиса и не вѣдѣти и спати и плакатиса и просити и вѣгати и раждатиса и ѿмета тиса γаша. и просто всемѣ плотскѣмѣ речениѣ вываиѣмѣ пороѣ алыѣмѣ и жажаѣмѣ за нѣ плотию и не вѣдѣти гл҃июѣ и зашашаѣмѣ. и трѣдаѣмѣ за нѣ плотию и възносимѣ пакы. и раждаемѣ и растѣмѣ и воаѣмѣса и кр҃поѣмѣ са плотию и гл҃июѣ аѣме моѣно ѣ да прѣиѣ γаша сѣа и вѣемѣ и прѣѣмаиѣмѣ за ны плотию. и ѡтнѣ все таковое за нѣ плотию. нево но самѣ а҃лѣз того дѣла не рече х҃д же по страдаѣмѣ [157v] насѣ дѣла бж҃тѣѣ; но за ны плотию. да не самого словесе свое вѣдѣ все то сѣтѣтѣѣ. но самаа плоти своа сѣтѣтѣмѣ; сѣтѣти ѡвѣтса.</p>	<p>ἀλλ’ αὐ, и жажа, и трѣдѣтиса, и не вѣдѣтѣ, и спати, и плакатиса, и просити, и вѣгати, и ражатиса, и ѿмѣта тиса γаша. и просто всемоу плѣско мѣ речениѣ вываиѣмѣ о немѣ алыѣ мѣ и жажаѣмѣ за ны плотию. и не вѣдѣти гл҃ѣиѣж. и зѣоушаемоу, и трѣдаѣмѣса за ны плотию. и вѣз носимѣ пакы, и ражаемѣ, и раста ѣмѣ, и воаѣмѣса. и кр҃поѣмѣса плотию. и гл҃ѣиѣж, аѣме моѣно ѣ да прѣ иѣѣ γаша сѣа. и вѣемѣ за ны плотию. и ѡноѣ все таковое прѣѣмаиѣмѣ за нѣ [178v] плотию. нево, но самѣ а҃лѣз того дѣ ла не рече х҃д пострадаѣмѣ нѣ ради бж҃тѣѣ. но пострадаѣмѣ за ны плотию. да не самого словесе свое вѣдѣ все то соѣместѣѣ ѡвѣтса.</p>	<p>ἀλλ’ αὐ и жѣда и троѣѣа не вѣдѣти. и спати. и плакатѣна. и прѣсѣ и рожатѣна. и ѡмѣтаѣна. γаша. и прѣто всемоу. плѣ скомоу рѣнноу вываиѣмоу ѡ не мѣ алыѣиѣшоу, и жаѣоуѣмѣ за ны плотию не вѣтѣи гл҃ѣиѣмѣ и зѣоушаемоу и трѣдаѣиѣѣа за ны плотию и възносимѣ пакы. и рожаемоу и рѣтѣ ѣиѣу и воаѣиѣѣ. и кр҃поѣмѣ плотию и гл҃ѣиѣмоу аше мо ѣиѣно ѣтѣ. да прѣнѣтѣ γашѣ сѣа. и вѣнѣиѣу за ны плотию и ѡноѣ все таковое прѣѣмѣзѣиѣѣ [358v] за ны плотию нѣво но самѣ а҃лѣз того дѣѣла не рѣ хѣу прѣрада ѣѣшмоу наѣрадаѣѣшмоу [sic] за ны плѣ тѣи, да не самого слове свое вѣѣтѣ тѣ все то соѣместѣѣмѣ но са мѣиѣа плѣтѣи своѣа соѣмѣтѣѣ сѣтѣти ѡвѣтѣа.</p>

Bibliography

Abbreviated Names of Libraries, Archives, and Depositories

- BAN** Библиотека Российской академии наук—Library of the Russian Academy of Sciences
GIM Государственный исторический музей—State Historical Museum, Moscow
RGB Российская государственная библиотека—Russian State Library, Moscow
RNB Российская национальная библиотека—Russian National Library, Saint Petersburg

Manuscripts

Nik59

RGB, Collection of N. P. Nikiforov, F. 199, No. 59, late 15th century and early 16th century; described in an unpublished RGB catalog, p. 20 (<http://new.search.rsl.ru/ru/record/004724331>).

Ovč99

RGB, Collection of P. A. Ovchinnikova, F. 209, No. 99, mid-17th century; described in an unpublished RGB catalog, p. 21 (<http://dlib.rsl.ru/viewer/01004724424>).

Ovč791

RGB, Collection of P. A. Ovchinnikova, F. 209, No. 791, 15th century; described in an unpublished RGB catalog, p. 169 (<http://dlib.rsl.ru/viewer/01004724424>).

Pog968

RNB, Collection of M. P. Pogodin, No. 968, 1489; described in [Vaillant 1954: 12–14; Пенкова 2015: 126–145]; various parts of the codex are published in [Vaillant 1954 (*First Oration*); Пенкова 2015 (*Second Oration*); Eadem 2016 (*Third Oration*); Lytvynenko 2019 (*Second Oration*)].

Sin20

GIM, Synodal collection, No. 20, late 1480s and early 1490s; described in [Горский, Невоструев 1859: 31–41; Фонкич 1977: 32–34].

Sin994

GIM, Synodal collection, Usp. No. 994, VMČ, no later than 1552; described and published in [Weiher et al. 2007].

Sob197

RGB, Collection of Moscow Theological Academy, F. 173.1, No. 197, 1520s; most of the codex is available at <http://old.stsl.ru/manuscripts>.

Sof1321

RNB, Sofiyskoe Collection, No. 1321, VMČ, no later than 1541; described in [Абрамович 1907: 94–95].

Sol63

RNB, Collection of the Solovetsky Monastery, No. 63, 16th century; [Порфирьев, Вадковский, Красносельцев 1881: 224–225].

Sud17

BAN, Osnovnoe collection, No. 17.13.11, late 16th century; published in [Казакова 1960: 285–318].

Tro730

RGB, Collection of the Troitse-Sergiev Monastery, F. 304, No. 730, 1489; described at <http://old.stsl.ru/manuscripts>.

Tsa180

GIM, Synodal collection, Tsa. No. 180, VMČ, no later than 1554; described in [Горский, Невоструев 1886: 170].

Vol437

RGB, Collection of the Iosifo-Volokolamsky Monastery, F. 113, No. 437; described in [Иером. Иосиф, 1882: 73–74; Фонкич 1977: 26–37].

Editions

Floëri, Nautin 1957

Floëri F., Nautin P. (ed.), *Homélie pascales III. Une homélie anatolienne sur la date de Pâques en l'an 387* (= Sources Chrétiennes, 48), Paris, 1957.

Holl 1933

Holl K. (Hrsg.), *Epiphanius: Ancoratus und Panarion* (= Die griechischen christlichen Schriftsteller, Band 3), Leipzig, 1933.

Lytvynenko 2019

Lytvynenko V. (ed.), *Athanasius of Alexandria, Oratio II Contra Arianos: The Old Slavonic Text and English Translation* (= Patrologia Orientalis, Tome 56, Fascicule 3, No. 248), Brepols, 2019.

Lytvynenko, Shpakovskiy (forthcoming)

Lytvynenko, Shpakovskiy, (eds.) *Zinoviij Otenskiy as a Source on the Trinitarian Polemic in Sixteenth-Century Russia: Introduction, Texts, and Translation* (forthcoming in Brill).

Metzler, Savvidis 1998

Metzler K., Savvidis K., Hrsg., *Orationes I et II contra Arianos Libyae* (= Athanasius Werke, Die dogmatischen Schriften, Band I, Teil 1, Lieferung 2), Berlin, New York, 1998.

——— 2000

Metzler K., Savvidis K., Hrsg., *Oratio III contra Arianos Libyae* (= Athanasius Werke, Die dogmatischen Schriften, Band I, Teil 1, Lieferung 3), Berlin, New York, 2000.

Metzler, Hansen, Savvidis 1996

Metzler K., Hansen U., Savvidis K., Hrsg., *Epistula ad episcopos Aegypti et Libyae* (= Athanasius Werke, Die dogmatischen Schriften, Band I, Teil 1, Lieferung 1), Berlin, New York, 1996.

Opitz 1940

Opitz H.-G., Hrsg., *Epistula ad Serapionem de morte Arianorum* (= Athanasius Werke, Die Apologien, Band 2, Lieferung 5), Berlin, New York, 1940.

Penkova 2008

Penkova P., ed., "On the Authorship of *Създание о празднице Пасхи* Attributed to Athanasius of Alexandria", *Scripta & e-Scripta*, 6, 2008, 279–303.

Schwartz 1908

Schwartz E., Hrsg., *Eusebius Werke 2: Die Kirchengeschichte, die lateinische Übersetzung des Rufinus*, Leipzig, 1908.

Vaillant 1954

Vaillant A. (ed.), *Discours contre les Ariens de Saint Athanase, Version slave et traduction en français*, Sofia, 1954.

Weiher et al. 2007

Weiher E., et al., Hrsg., *Die Großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij: Uspenskij spisok, 1.–8. Mai* (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, fontes et dissertationes 51, Band I), Freiburg, 2007.

Журова 2020

Журова Л. И., ред., *Даниил, Митрополит Московский. Сочинения*, Москва, 2020.

Истрин 1920

Истрин В. М., ред., *Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола. Текст, исследование и словарь, том 1–2*, Петроград, 1920.

Казакова 1960

Казакова Н. А., ред., Вассиан Патрикеев и его сочинения, Москва, Ленинград, 1960.

Казакова, Лурье 1955

Казакова Н. А., Лурье Я. С., ред., *Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV — начале XVI вв.*, Ленинград, 1980.

Пенкова 2015

Пенкова П., ред., *Св. Атанасий Александрийски, Второ Слово против арианите в старобългарски превод*, Том 1, София, 2015.

— 2016

Пенкова П., ред., *Св. Атанасий Александрийски, Трето Слово против арианите (изследване и издание на текста)*, Том 2, София, 2016.

Просветитель 1896

Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих, Казань, 1896.

Literature

Behr 2004

Behr J., *Formation of Christian Theology: The Nicene Faith*, vol. 2, part 1, New York, 2004.

Lytvynenko 2015–2016

Lytvynenko V., Anti-Arian Arguments in Iosif Volotskij's Polemic against the Judaizers, *Parrésia Revue pro východní křesťanství*, 2015–2016, 9–10, 53–75.

Mereschini, Norelli 2005

Mereschini C., Norelli E., *Early Christian Greek and Latin Literature. A Literary History: From the Council of Nicea to the Beginning of the Medieval Period*, trans. from Italian, Peabody, MA, 2005.

Абрамович 1907

Абрамович Д. И., *Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека*, 2, С.-Петербург, 1907.

Алексеев 2012

Алексеев А. И., *Религиозные движения на Руси последней трети XIV в. — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие*, Москва, 2012.

Бережков 1967

Бережков Н. Г., *Хронология русского летописания*, Москва, 1967.

Горина 2012

Горина Л. В., Болгарские книги во владычном дворе архиепископа Геннадия, *Almanach 'Via Evrasia'*, 2012, 1, 79–89.

Горский, Невоструев 1859

Горский А. В., Невоструев К. И., *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отдел 1, часть 2*, Москва, 1859.

— 1886

Горский А. В., Невоструев К. И., *Описание Великих четых миней Макария митрополита всероссийского, с предисловием и дополнениями Е. В. Барсова*, книга 1, отделение 2, Москва, 1886.

Жмакин 1881

Жмакин В. И., *Митрополит Даниил и его сочинения*, Москва, 1881.

Иером. Иосиф 1882

Иером. Иосиф, *Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии*, Москва, 1882.

Клосс 1980

Клосс Б. М., *Никоновский свод и другие русские летописи XVI–XVII вв.*, Москва, 1980.

Литвиненко 2017

Литвиненко В. В., Рецепция антиарианской тематики Афанасия Александрийского в славянской средневековой традиции. Часть 2: Житие Антония Великого, *Palaeobulgarica*, 2017, 4 (41), 27–54.

Порфирьев, Вадковский, Красносельцев 1881

Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф., *Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии*, часть 1, Казань, 1881.

Сморгунова 2001

Сморгунова Е. М., Составители и писцы Геннадиевской Библии, *Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира. К 500-летию Геннадиевской Библии. Приложение к журналу «Страницы», Сборник материалов международной конференции. Москва, 21–26 сентября 1999 г.*, С.-Петербург, 2001, 92–118.

Стариков 2014a

Стариков Ю. С., Приемы литературной антиеретической полемики в иосифлянкой книжности (на примере «Слова о воплощении» митрополита Даниила), *Вестник ПСТГУ. Серия II: История*, 2014, 2 (57), 9–22.

——— 2014b

Стариков Ю. С., *Литературное наследие митрополита московского Даниила в идейно-политической борьбе первой половины XVI века*, диссертация на соискание степени кандидата исторических наук, Москва, 2014.

Томеллеры 1999

Томеллеры В. С., Заметки о деятельности Геннадиевского кружка, *Russica Romana*, 1999, 6, 11.

Фонкич 1977

Фонкич Б. Л., *Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (греческие рукописи в России)*, Москва, 1977.

References

Alekseev A. I., *Religioznye dvizheniia na Rusi poslednei treti XIV v. — nachala XVI v.: strigol'niki i zhidovstvuishchie*, Moscow, 2012.

Behr J., *Formation of Christian Theology: The Nicene Faith*, vol. 2, part 1, New York, 2004.

Berezhkov N. G., *Khronologiiia russkogo letopisaniia*, Moscow, 1967.

Fonkitch B. L., *Grechesko-russkie kul'turnye sviazi v XV–XVII vv. (grecheskie rukopisi v Rossii)*, Moscow, 1977.

Gorina L. V., Bolgarskie knigi vo vladychnom dvore arkhiepiskopa Gennadiia, *Almanach 'Via Eurasia'*, 2012, 1, 79–89.

Kloss B. M., *Nikonovskii svod i drugie russkie letopisi XVI–XVII vv.*, Moscow, 1980.

Lytvynenko V., Anti-Arian Arguments in Iosif Volotskij's Polemic against the Judaizers, *Parrésia Revue pro východní křesťanství*, 2015–2016, 9–10, 53–75.

Lytvynenko V., Reception of Athanasius of Alexandria's Anti-Arian Motifs in the Old Slavonic

Medieval Tradition (Part 2: Orations against the Arians), *Palaeobulgarica*, 2017, 4 (41), 27–54.

Mereschini C., Norelli E., *Early Christian Greek and Latin Literature. A Literary History: From the Council of Nicea to the Beginning of the Medieval Period*, trans. from Italian, Peabody, MA, 2005.

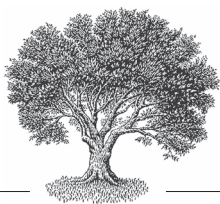
Smorgunova E. M., Sostaviteli i pistsy Gennadiievskoi Biblii, *Biблия v dukhovnoi zhizni, istorii i kul'ture Rossii i pravoslavno slavyanskogo mira. K 500-letiiu Gennadiievskoi Biblii. Prilozhenie k zhurnalul Stranitsy Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii. Moskva, 21–26 sentiabria 1999 g.*, St. Petersburg, 2001, 92–118.

Starikov Iy., The Reception of Literary Disputes against Heretics in Josephite Literature (based on "The Word about the Incarnation by Daniel Metropolitan"), *St. Tikhon's University Review. Series II: History*, 2014, 2 (57), 9–22.

Tomelleri V. S., Zаметki o deiatel'nosti Gennadiievskogo kruzhka, *Russica Romana*, 1999, 6, 11.

Литвиненко Вячеслав Владимирович, Ph.D.,
Evangelická Teologická Faculta,
Univerzita Karlova
Pilařská 123/2, Satalice, 19015
Praha 9, Czech Republic
vyacheslav.lytvynenko@gmail.com

Received July 17, 2019

Кого хоронят
мыши?
К интерпретации
лубочной картинки
«Мыши кота
погребают»

**Александра Андреевна
Плетнева**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Whom Are the Mice
Burying?
The Interpretation
of the Lubok Print
*The Mice Are Burying
the Cat*

Aleksandra A. Pletneva

Vinogradov Institute of Russian
Language (Russian Academy of
Sciences),
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена интерпретации одной из самых популярных лубочных картинок «Мыши кота погребают», которая в разных редакциях и вариантах печаталась с начала XVIII до середины XIX в. Сюжет этой картинки является предметом дискуссии. Одни исследователи видят в ней пародию на похороны Петра I, а другие обращают внимание на то, что стилистические особенности части изображений и язык подписей указывают на более раннее происхождение.

Предпринятый нами анализ показал, что эпитеты «казанский», «астраханский» и «сибирский» по отношению к коту явным образом отсылают к царскому титулу. Это указывает на то, что картинка пародирует именно царские похороны. При этом подписи при изображении мышей отсылают к развлекательной смеховой культуре второй половины XVII века. Показательно, что мыши несут скоморошьи музыкальные инструменты, они танцуют, употребляют спиртные напитки и курят табак. Атрибуты скоморошья

Цитирование: Плетнева А. А. Кого хоронят мыши? К интерпретации лубочной картинки «Мыши кота погребают» // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 97–123.

Citation: Pletneva A.A. (2021) Whom Are the Mice Burying? The Interpretation of the Lubok Print *The Mice Are Burying the Cat*. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 97–123.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.5

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

культуры и веселья, с которыми при поддержке патриарха Никона боролся царь, позволяют соотнести прототекст лубочной картинки с пародией на похороны Алексея Михайловича.

В более поздних картинках сюжетообразующим элементом становятся указания на то, с какими местностями связаны мыши. Введение новой топонимики, как и изменение ряда изображений, отсылает зрителя и читателя к похоронам Петра I, церемониал которых включал шествие с гербами провинций. Предложенная интерпретация позволяет примирить две концепции и доказать, что этот лубок представляет собой шутовские похороны царя, но на старших гравюрах похоронная процессия состоит из скоморохов, а на более поздних — из представителей разных частей империи. В первом случае царь — это Алексей Михайлович, а во втором — Петр I.

Ключевые слова

лубок, народная гравюра, смеховая культура XVII века, раннее Новое время, скоморохи, погребальный обряд, народная письменность

Abstract

The article is devoted to the interpretation of one of the most famous lubok prints (cheap popular prints) *The Mice Are Burying the Cat*, which was printed in different editions and versions from the beginning of the 18th century to the middle of the 19th century. The plot of this picture is under discussion. Some researchers view it as a parody of the funeral of Peter I, while others draw attention to the fact that the stylistic features of the early images and the language of captions indicate an earlier origin.

Our analysis showed that the epithets of *Kazan* (Rus. *казанский*), of *Astrakhan* (Rus. *астраханский*) and of *Siberia* (Rus. *сибирский*) used with regard to the cat clearly refer to the title of the tsar. This points to the fact that it is a tsar's funeral that the picture parodies. The captions depicting mice reflect the entertaining laughter culture of the second half of the 17th century. It is significant that the mice are carrying buffoonery musical instruments, they are dancing, drinking alcohol and smoking tobacco. The attributes of buffoonery culture and fun, which the tsar used to combat with the support of Patriarch Nikon, make it possible to bring the prototext of the popular print into correlation with a parody of Alexei Mikhailovich's funeral.

In later pictures, the plot-forming element is constituted by the indication of the areas the mice are associated with. Changes in a number of images, as well as the introduction of new toponymy, refer the viewer and reader to the funeral of Peter I, the ceremony of which involved a procession with the coats of arms of provinces. The proposed interpretation makes it possible to reconcile the two concepts and prove that this lubok represents a caricatural funeral of the tsar. However, in older engravings the funeral procession consists of buffoons, and in the later ones, it features representatives of different parts of the empire. In the first case, the tsar is Alexei Mikhailovich, and in the second case, Peter I.

Keywords

Lubok, folk engraving, laughter culture of the 17th century, early modern times, buffoons, funeral rites, folk writing

Лубочная картинка «Мыши кота погребают» является одной из самых известных и популярных. На ней изображен лежащий на дровнях умерший кот. Его идет хоронить процессия мышей, которые несут поминальную еду, выпивку и музыкальные инструменты. Мыши пляшут и поют и, очевидно, радуются смерти кота. Над его изображением помещена надпись «кот казанский, ум астраханский, разум сибирский»¹. Картинка послужила источником для создания другого лубка, где изображен сидящий на задних лапах кот, подписанный аналогичным образом. Обе картинки (и погребение кота, и сидящий кот) являются лубочной классикой и помещаются во все антологии и каталоги русского лубка. Издатель и популяризатор лубочной продукции И. А. Голышев писал, что «Погребение кота» было востребовано народом и печаталось во множестве экземпляров в разных типографиях Москвы [Голышев 1878: 5–8].

«Погребение кота» известно в оттисках начиная с первой трети XVIII до середины XIX в. Лубок существует в разных вариантах, причем изменениям подвергались как изображение, так и текст. Исследователи не обошли вниманием эту картинку, в первую очередь потому, что ее смысл нуждался в интерпретации. Издатель и исследователь лубка Д. А. Ровинский полагал, что она является карикатурой на похороны Петра I [Ровинский, 4: 256–269]. Эта точка зрения стала общепринятой и повторялась в разных работах до тех пор, пока ее не подвергла критике М. А. Алексеева. Достаточно подробно разобрав текст, исследовательница показала его сходство с другими сатирическими произведениями, созданными в допетровскую эпоху. Опираясь на стилистические и языковые критерии, М. А. Алексеева предположила, что первоначальный, не дошедший до нас вариант этого сюжета относится к последней четверти XVII в. Вопрос о том, что представлял собой этот первый вариант — гравированное изображение, сатирическую повесть, интермедию или что-то еще, остается открытым [Алексеева 1983].

Вообще говоря, датировка лубка представляет собой сложную задачу. Время создания народной картинки и время ее бытования нетождественны. Тот факт, что с досок можно было делать несколько тиражей, а в перерывах между использованием эти доски могли долгое время храниться, сильно затрудняет датировку народной гравюры [Хромов 1998: 73–75]. Когда невозможно сказать что-либо убедительное о времени создания изображения, исследователи имеют возможность обратиться непосредственно к тексту. Именно поэтому стилистические и языковые критерии оказываются столь важными для датировки исходного текста.

¹ В некоторых картинках эта подпись представлена в расширенном варианте. Подробнее об этом см. раздел 3.1.

Если мы считаем гипотезу о том, что первоначальная версия этого сюжета относится к концу XVII в., доказанной, нам следует найти в «Погребении кота» элементы, соотносимые с этим временем. В частности, встает вопрос о том, какое именно событие XVII в. пародируется в лубочной картинке. Ведь большинство сатирических произведений XVII в. связано с понятной и хорошо считываемой исторической ситуацией или же является пародией на формуляр документа [Лихачев et al. 1984: 11–21]. Так, «Калязинская челобитная» — пародия на жанр челобитных, «Азбука о голодном и небогатом человеке» — пародия на толковые азбуки, по которым учили детей, «Повесть о Ерше Ершовиче» — на процедуры судопроизводства и т. п. Для понимания сатирических текстов XVII в. кажется чрезвычайно важным найти то явление или тот текст, которые пародируются. На какую узнаваемую ситуацию или на какой формуляр является пародией лубочная картинка? Попробуем ответить на этот вопрос.

В данной работе мы будем опираться на текстологические выводы Алексеевой, но для простоты обозначим рассматриваемые картинки цифрами. К первой редакции относятся: K1 (т. е. картинка 1) — гравюра на дереве, в классификации Алексеевой имеет индекс Ш², в издании Ровинского имеет номер 167; K2 — гравюра на дереве, в классификации Алексеевой O₁³, в издании Ровинского имеет номер 168; K3 — гравюра на дереве, в классификации Алексеевой С⁴. Вторая редакция: K4 — гравюра на дереве, в классификации Алексеевой O₂⁵, в издании Ровинского имеет номер 166; K5 — гравюра на меди⁶, в издании Ровинского имеет номер 170. Картинку K4 Алексеева относит ко второй редакции, однако она, скорее, является промежуточным вариантом между первой и второй редакцией. По изображению она ближе ко второй редакции, но содержит текст во многом архаичный. Поэтому мы можем привлекать материал этой картинки как при анализе текста конца XVII в., так и при анализе текста 30–50 гг. XVIII в.

1. Поиск источника заимствования

При исследовании русского лубка продуктивным оказывается сравнение изображений и текстов с европейской гравюрой и иными иностранными источниками. Д. А. Ровинский и М. А. Алексеева искали

² Была куплена Я. Я. Штелиным в 1766 г. в Москве, хранится в Отделе эстампов РНБ.

³ Хранится в Отделе эстампов РНБ в собрании Олсуфьева.

⁴ Один экземпляр хранится в РГИА (лист находился среди бумаг Синода), фонд 835, второй экземпляр — в Отделе эстампов в РНБ.

⁵ Хранится в Отделе эстампов РНБ в собрании Олсуфьева.

⁶ Хранится в ГМИИ в собрании Ровинского.

параллели для «Погребения кота» среди изображений и текстов, принадлежащих к разным культурным традициям. При этом было обнаружено огромное количество параллелей в искусстве разных регионов — от Индии до Испании [Ровинский, 4: 158–159; Алексеева 1983: 64–69]. Само многообразие предполагаемых источников сюжета и их широкая географическая распространенность указывают на то, что поиск параллелей в данном случае не особо перспективен. Поскольку очевидный прообраз обнаружить не удалось, можно заключить, что мы имеем дело с чем-то вроде бродячего сюжета, когда невозможно установить, что является непосредственным источником для заимствования. Несомненно лишь то, что погребение кота мышами — частный случай общего сюжета о войне кошек и мышей, где мыши одерживают верх. Этот сюжет благополучно дожил до XX в. и представлен, например, в мультипликации («Том и Джерри»).

Единственным произведением, повлиявшим на «Погребение кота», следует считать басню Эзопа «Кошка и мыши», где кошка прикинулась мертвой, чтобы выманить мышей из нор, но мыши ей не поверили. На эту параллель обратила внимание М. А. Алексеева [1983: 65–66]. Учитывая распространенность басен Эзопа в России в XVII–XVIII вв.⁷, легко предположить связь лубочной картинки с басней «Кошка и мыши», тем более что на некоторых картинках (К3, К4, К5) лапы кота связаны: мыши допускают, что кот не мертвый, а только притворяется, поэтому принимают меры безопасности. При этом сам текст лубка так же, как изображение, безусловно, оригинален.

2. С событиями какой эпохи можно соотнести лубочную картинку «Мыши кота погребают»?

В литературе было предпринято довольно много попыток связать те или иные детали картинки «Мыши кота погребают» с реалиями конкретной эпохи. Попробуем суммировать эти наблюдения.

2.1. События времен царствования Ивана Грозного. Присоединение татарских ханств в правление Ивана Грозного исследователи соотносят с титулом кота: «кот казанский, ум астраханский, разум сибирский». Впервые предположение, что этот лубок является карикатурой на похороны Ивана Грозного, высказал М. Н. Макаров. В его статье упоминается карикатура с сюжетом погребения кота, выпущенная лютеранами

⁷ Басни Эзопа существовали в рукописной традиции. Первый перевод был осуществлен в 1607 г. толмачом Посольского приказа Федором Гозвинским. Во второй половине XVII в. было сделано еще два перевода: в 1674 г. перевод с немецкого А. Винниуса, а в 1675 г. — перевод с польского Петра Каминского [Гудзий 1941: 385].

по поводу смерти Папы Пия V. По мнению Макарова, именно она была источником русской картинки, где кот — это уже не Папа, а русский царь [Макаров 1821: 53–54]. Однако ссылка Макарова на «Чешскую хронику» Гаека, где говорилось об этой карикатуре, не была подтверждена другими исследователями, которые не нашли ни самой ссылки, ни карикатуры [Ровинский, 4: 257]. Современный исследователь С. Ф. Фаизов также связывает сюжет погребения кота с эпохой Ивана Грозного, рассматривая его в несколько иной перспективе. Для него похороны кота не являются карикатурой на похороны Ивана Грозного или какого-то другого русского царя. Для него кот — это собирательный образ татарина, а сама картинка, соответственно, отсылает к непростым русско-татарским отношениям. В качестве источника сюжета он рассматривает марийскую легенду о казанском коте⁸:

У Кота были свои фольклорные и литературные предки и родственники. Ближе всех к герою лубка находится Кот казанского царя (хана) из марийской легенды «Как марийцы перешли на сторону Москвы», рассказывающей об осаде Казанского кремля в 1552 г. войсками Ивана Грозного. Придворному коту из этой легенды удалось подслушать, как осаждающие крепость марийские цари Ыыланда и Акпарс ведут подкоп под кремлевской стеной, и он предупредил хана об опасности. Хан, его жена, дочь и кот по тайному ходу вышли к реке Казанке, сели в лодку и благополучно отплыли от Казани [Фаизов 2006: 153].

2.2. События времен царствования Алексея Михайловича. Исследователи картинки упоминают о гравюре Вацлава Холлара «*Le vray portrait du Chat grand Duc de Moskow*» (1661), где был изображен любимый кот Алексея Михайловича. И. М. Снегирев полагал, что именно это изображение послужило толчком к созданию русской лубочной картинки [Снегирев 1861: 130]. Учитывая, что во время царствования Алексея Михайловича были созданы многие сатирические произведения, являющиеся репликой на конкретные тексты, артефакты и изображения, эта гипотеза кажется довольно убедительной.

2.3. События времен царствования Петра I. Одна из картинок (K5) содержит слова, отсылающие к северной столице России и сопредельным с ней территориям, что соотносится с царствованием Петра I. В ее тексте упоминаются «охтенская переведенка» (т. е. переселенка с Охты), «мыши олонки», «мыши корелки». Конечно, катойконим «олонка» и этноним «корелка» существовали и до Петра I. Однако эти территории

⁸ На наш взгляд, это предположение неубедительно, поскольку картинка «Мыши кота погребают» бытовала среди русского населения, которое едва ли знало марийскую легенду о Казанском коте.

стали актуальными для российского общества во времена строительства Петербурга и Северной войны. Именно тогда подобные названия стали узнаваемыми для широкого круга лиц. То же самое касается и слова «чухонка». Названия северных угро-финских народов начинают звучать все чаще именно в связи с освоением северных территорий и переноса столицы в Петербург. В тексте картинки дважды упоминаются чухонки: «мышь ѿчухонки маланьи везеть полны сани оладьевъ», «две мыши срожновой горы ѿчухонки вдовы тащатъ изшинка ушатъ мерзлова пива». И даже кота везут хоронить на «чухонских дровнях». Обращает на себя внимание и «мышь шушера», которая «бежить изшлюшенанесетъ сладоги сиги ешь даплотно сиди». Шлюшен, или Шлюшин, — это народное название крепости Шлиссельбург [Фасмер, Трубачев, 4: 454], запирающей вход в Неву со стороны Ладожского озера. Северная топонимика является для Д. А. Ровинского одним из аргументов в пользу того, чтобы связать эту картинку с похоронами Петра I. Это звучит весьма убедительно, за исключением того, что северные топонимы и этнонимы присутствует только в гравюрах на меди, в то время как в гравюрах на дереве, которые появились раньше, они отсутствуют.

2.4. События времен царствования Елизаветы. Популярность лубочной картинки могла быть обусловлена тем, что казанские коты были известны в империи. Объясняется это то ли ходившими о них легендами, не имеющими отношения к реальности, то ли тем, что в Казани в XVI–XVIII вв. действительно была особая порода котов, которые считались хорошими охотниками на мышей. Что бы ни было причиной их известности, в 1745 г. по указу Елизаветы Петровны тридцать казанских котов были доставлены в Петербург, чтобы ловить мышей в недостроенном Зимнем дворце.

Сего ноября 2-го дня [1745 г.], в указе ея императорского величества из высочайшаго ея императорского величества кабинета в казанскую губернскую канцелярию, писано: октября 13-го дня ея императорское величество указала: сыскав в Казани здешних пород кладеных самых лучших и больших тридцать котов, удобных к ловлению мышей, прислать в С.-Петербург ко двору ея императорского величества с таким человеком, который бы мог за ними ходить и кормить, и отправить их, дав под них подводы и на них прогоны и на корм сколько надлежит немедленно. Того ради, по указу ея императорского величества и по определению генерала-лейтенанта кавалера и Казанской губернии губернатора Артемья Григорьевича Загряжского с товарищем, велено об оном в Казани в народ публиковать, и опубликовано, и выставлены листы [Пупарев 1871: 642].

Каждый из этих сюжетов мог бы стать основанием для того, чтобы отнестись к времени появления картинки «Мыши кота погребают» к соответствующей эпохе. Но в силу того, что этих сюжетов оказывается более чем один, а надежных критериев для выбора у нас нет, эти наблюдения не помогают нам установить время создания текста и его основную интенцию.

3. Возникновение сюжета и его анализ

Лубок — искусство народное и коммерческое, поэтому сюжеты, обыгрываемые в лубке, должны легко считываться и вызывать у зрителя и читателя одинаковые ассоциации. Мы ожидаем, что так же, как и другие сатирические произведения, лубок «Мыши кота погребают» является непосредственной реакцией на тексты, изображения или события, которые были хорошо известны современникам. Для того чтобы выяснить, когда появился этот лубок (или же его сюжет), нужно понять, с какой эпохой соотносятся события, пародией на которые он является. Попробуем обратиться непосредственно к тексту лубочной картинки, используемым в ней формулам, титулу кота, топонимам, названиям занятий мышей и предметов, которые они держат в руках.

3.1. Кто такой кот? Полный титул кота обозначен в КЗ⁹: «Коть казанской умъ асытраханьской а разумъ сибирьской а усь с уса с терьскава славън жилъ слатько ель слапко ибздель»¹⁰. В остальных гравюрах приведены более короткие варианты, заканчивающиеся словами «разум сибирьской». Очевидно, что титул кота пародирует царский титул, вернее, его элемент. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Наименование русского царя «царем Казанским» и «царем Астраханским» появилось при Иване Грозном после взятия Казани и Астрахани. Иван IV стал именоваться:

⁹ Здесь и далее цитаты из лубочных текстов приводятся в орфографии оригинала, но с разделением на слова.

¹⁰ Этот же титул в несколько измененном виде присутствует в подписи к лубочному листу, на котором изображен кот, сидящий на задних лапах. Б. М. Соколов рассматривает этот текст как темный и не подлежащий осмысленному прочтению. Он пишет: «Знаменитый “Кот Казанский” [...] снабжен надписью-колонкой шириной в семь букв, режущей текст на кусочки (третья строчка, например, читается как МЪАСТРА); “у”, “з” и “и” вырезаны зеркально, а такие комбинации букв, как “сусастерской” и “слапко”, несмотря на все усилия исследователей, не поддаются удовлетворительному прочтению» [Соколов 1999: 106]. В работах по русскому лубку часто преувеличивается степень непонятности лубочных текстов. На самом деле практически все такие тексты поддаются прочтению и внятной интерпретации. Так, объяснение слова «сусастерской» дает Алексеева, возводя его к гравюре КЗ, где отчетливо читается «а усь с уса с терьскава» [Алексеева 1983: 56]. Что касается слова «слапко», то, по нашему мнению, это фонетическое написание наречия «слабо» (слабо), которое фиксируется в словарях [СлРЯ XI–XVII, 25: 51].

Бога в Троицы славимый милостию Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Руси, Владимирский, Московский, Ноугородский, Царь Козанский и Царь Астраханский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вяцкий, Богарский и иных¹¹ [АИ, 1: 396; Лакиер 1847: 29–20].

После того как сибирский хан Кучум признал себя подданным русско-го царя, а также при присоединении ряда северо-западных территорий, титул царя расширился. Однако и в расширенной версии Иван Грозный именовался не «царем Сибирским», а повелителем «всея Сибирския земли и северныя страны» [Лакиер 1847: 40; Пчелов 2010: 6; Каштанов 2006: 7–16] Например, английская королева Елизавета так обращалась в переписке к русскому царю:

The most mightie et puissant Prince ourdeare brother great Lord Emperour et great Duke Ivan Basily of all Russia, Volodemeria, Muscovia, Novogorodia, Emperour of Casantia, Emperour of Astracantia, Lord of Plescovia, great Duke of Smolena, Tueria, Vgoria, Permia, Vatia, Bolgaria and manie other landes, Lord et great Duke of Nowogrodia in the lowe Countries, Cernigovia, Renzantia, Poloscia, Roscovia, Iaroslavla, of the white lake, Ondorsna, Obdorsia, Condintia, and the countries of the north partes and of all Siberia lande Commander, et Lord of the inheritannce of Livonia et of mainie other countries of the South , north, east, et west belonging to his highnes his heires et successors [Тырпнев 1842: 370].

В царском титуле выражение «царь Сибирский» появляется после победы Бориса Годунова над ханом Кучумом в 1598 г. Таким образом, с XVII в. в составе царского титула слова «царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский» стоят рядом вплоть до 1815 г., когда после присоединения Польши «царь Польский» помещается между «царем Астраханским» и «царем Сибирским» [Успенский 2000: 49–52]. Соответственно, теоретически кот может ассоциироваться с любым из русских правителей XVII — начала XIX вв., но не с царями XVI в.

На всех рассмотренных картинках мыши везут хоронить кота на дровнях, а не на телеге¹². Утверждая, что лубок — сатира на похороны Петра I, Ровинский пишет о картинке зимних похорон (Петр умер 28 января 1725 г.) [Ровинский, 4: 263]. Если мы полагаем, что кот однозначно отсылает нас к фигуре русского царя, то логичным будет посмотреть, кто еще из них, начиная с Бориса Годунова, умер зимой. Оказывается, что только Алексей Михайлович. Дата его смерти — 29 января 1676 г. Однако время года здесь не столь уж принципиально. В конце XVII в.

¹¹ В источнике титул употреблен в родительном падеже.

¹² Существуют более поздние картинки, которые мы здесь не рассматриваем, где кота везут на телеге. Об этом см. [Ровинский, 4: 269].

сани были обязательным предметом погребального обряда членов царской семьи и использовались как зимой, так и летом¹³. Открытый гроб (или одр) с телом царя или царицы выносили из покоев и ставили в обитые атласом или бархатом сани. Причем сани с гробом не везли в церковь, а несли на руках. Их сопровождала процессия духовенства с хоругвями, иконами и свечами. В саних могли также нести в церковь или из церкви царицу-вдову. Так, например, несли в церковь при похоронах Федора Алексеевича его вдову Марфу Матвеевну [Анучин 1890: 106].

Вот как описывается погребение Алексея Михайловича:

А из деревянных хором тело блаженные памяти Великого Государя несли в Передние сени на рундук, а с рундука в Проходные сени, что перед Золотой палатой Государыни Царицы, и на Постельное крыльцо, а на Постельном крыльце гроб с его Государевым телом поставлен в сани и на саних несен Постельным и Красным крыльцом, а с Красного крыльца средней лестницей в соборную церковь Архангела Михаила [Строев 1844: 617].

Также известно, что «Государыню Царицу и Великую Княгиню Наталию Кирилловну несли из церкви в верх в саних, рундуком, на среднюю лестницу» [Труворов 1887: 840].

Однако в картинках ранней редакции кота хоронят не в царских саних, обитых черным и золотым бархатом или алым атласом, а на дровнях, простых деревенских саних. Его не несут на руках, как царя, а волочат по земле («макарки тянут лямки»).

3.2. Кто такие мыши? Доказывая, что лубочная картинка является пародией на похороны Петра, Ровинский пишет о мышах-музыкантах и указывает, что инструментальная музыка на похоронах была разрешена только при Петре [Ровинский, 4: 263]. Однако это сомнительный аргумент. На картинках изображены не новые музыкальные инструменты¹⁴, а те, которые ассоциируются с предыдущей эпохой и исчезают в XVIII в. Кроме того, это протонародные инструменты, которые не принадлежат к дворянской культуре.

На картинках К1, К2 и К3 мыши играют на волынке, свирели (как вариант, сурне) и бубне. На картинке К4 мы видим свирель и со-

¹³ Что касается весеннего и летнего погребения, то сани упоминаются, например, при похоронах царицы Агафии Симеоновны (15 июля 1681 г.), царя Федора Алексеевича (28 апреля 1682 г.), царевича Александра Петровича (14 мая 1692 г.), царицы Татьяны Михайловны (24 августа 1706 г.) [Анучин 1890: 105–110].

¹⁴ На похоронах играли военные оркестры, основными инструментами которых были трубы, гобои, литавры, флейты и барабаны [ИРМ, 2: 44]. Впервые музыканты играли на похоронах генерала Лефорта. Церемониал погребения, в котором участвовали три гвардейских полка с 9 флейтистами в каждом, был составлен лично Петром I [Финдейзен 1928: 348].

пель¹⁵, волынку, балалайку и скрипицу. Вот как выглядят подписи, которые сопровождают изображения мышей с музыкальными инструментами: «чюрилко сурначъ всурну игъраеть¹⁶ аладу незнаеть» (К3), «вавилко веселої вволынку игъраеть, песьни напеваеть, кота поминает» (К3), «мышъ вбубунъ бьеть» (К2), «мышъ Аринка играет вволынку» (К4), «вболалайку играет гостей созываетъ» (К4), «мышка изнемецкой лавки всела свире(л) в лапки» (К4), «емелка приспешникъ саткну(в)сапоесь трепицу а са(м) навариваеть вскрипицу» (К4).

Все эти инструменты, кроме балалайки, которая появилась в начале XVIII в. [МЭ, 1: 289–290], — классические инструменты скоморохов. Последний из них — скрипица — традиционно назывался гудком, отсюда название музыканта-скомороха — гудец [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 154]. Мышь-музыкант держит гудок, как и положено, у живота, а не на плече, как скрипку. Именно эти музыкальные инструменты подвергались уничтожению в связи с гонениями на скоморохов при Алексее Михайловиче. Приведем фрагмент соответствующей царской грамоты, которую рассылали в разные города:

[Чтоб православные христиане] от безмернаго пьянаго питья уклонялися и были в твердости, и скоморохов з момрами (sic!), и с гуслиями, и с волынками, и со всякими игры, и ворожей, мужиков и баб к болным и ко младенцом в дом к себе не призывали [...]. А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гуденные бесовские сосуды, и ты б те бесовские велел вынимать и, изломав, те бесовские игры, велел жечь. А которые люди от того ото всего богомерского дела не отстанут и учнут впредь такова богомерскаго дела держатся, и по нашему указу тем людям велено делать наказанье: где такое безчиние объявится или кто на кого такое безчиние скажут, и вы б тех велели бить батоги (Царская грамота 1648 года Т. Ф. Бутурлину в Белгород об исправлении нравов и уничтожении суеверия) [Иванов 1850: 298].

Такие грамоты рассылались в разные места и адресовались разным государственным людям. При этом основной текст оставался неизменным, менялся лишь адресат. Об оповещении жителей о царском указе составляли ответы с мест, в них также упоминаются музыкальные инструменты скоморохов.

А которые люди в городе, и на посаде, и в уезде держали бесовских игр, и у тех людей игры: домры, и гудки, и волынки, и сурны, и всякие гудебные сосуды взяты и, изломав, сожжены (отписка Дмитровского воеводы) [Харузин 1897: 149].

¹⁵ Надо отметить, что сурна, сопель и свирель на картинках ничем не отличаются. Эти названия вариативны для духовых инструментов типа дудки.

¹⁶ Вариант К4: «в сопел играет».

А которые, Государь, люди Бога боятся и, видячи такое великое безчиние, и беззаконие, и пьянство — и от них плач и рыдание велие. А от того безчиния, и пьянства, и бою отстать безчинником им не уметь без твоего государева указу и без наказания, потому что торговым людям — торг, а безчинником и беззаконником — пьянство, и бой, и бесовская игра. Веселые с медведи, и с бубны, и с сурнами, и со всякими бесовскими играми, с иных городов торговые люди и веселые приезжают на тот великий день, а от безчиния великаго и пьянства многие крестьянския души от пьянства и от убойства умирают. (извещение Варлаама, архимандрита Дмитриевского монастыря в г. Кашине) [Харузин 1897: 150].

Мы видим, что мыши держат в руках те музыкальные инструменты, с которыми в царствование Алексея Михайловича боролись как с атрибутами скоморохов. При этом у нас нет данных, что скоморохи во второй половине XVII в. играли на похоронах. Однако известно, что они играли в дни поминовения усопших. Об этом свидетельствует запрещение этих действий Стоглавым собором. Вполне вероятно, что подобная практика могла в том или ином виде сохраняться и в XVII в.

Вопрос 23. В Троецкую субботу по селом и по погостом сходятца мужи и жены на жалниках и плачутца по гробом с великим кричанием. И егда начнут играти скоморохи, гудцы и пригудницы, они же, от плача преставше, начнут скакати и плясати, и в долони бити и песни сотонинские пети — на тех же жалниках оманщики и мошенники.

И о том ответ. Всем священником по всем градом и по селом, чтобы дети своих духовных наказывали и поучали: в кои время на родителей своих поминают, и они бы нищих поили и кормили по своей силе, а скоморохом и гудцом, и всяким глумцом запрещали и возбраняли, чтобы в те времена, коли родителей поминают, православных христиан не смущали и прелщали теми бесовскими своими играми [Емченко 2015: 124].

3.3. Что делают мыши-скоморохи? Употребляя слово «скоморох», мы отдаем себе отчет в том, что содержание этого слова чрезвычайно расплывчато. Ранее мы уже писали, что «скоморох» — это не самоназвание бродячих артистов, а наименование, которое в основном использовалось в текстах, обличающих народную смеховую культуру [Плетнева 2012]. Но более корректного термина у нас нет. При анализе народной смеховой культуры эпохи Алексея Михайловича естественно использовать то наименование, которое встречается в царских указах того времени и употребляется по сей день в соответствующей научной литературе. При этом лубочная картинка «Мыши kota погребают» отсылает нас именно к этой культуре. Так, в цитированной выше подписи, где фигурирует «Вавилко веселой», который «в волюнку играет, песни напевает, kota поминает» речь, несомненно, идет о скоморохе. На это

указывает не только волынка, относящаяся к числу скоморошских инструментов, но также имя и прозвище. Дело в том, что в православных святцах присутствует Вавила Тарсийский или Вавила Скомрах — комедиа́нт из Тарса, который впоследствии принял монашество. О том, что это имя ассоциировалось со скоморошеством не только в византийской культуре (Вавиле Тарсийскому посвящена 32-я глава «Луга духовного» Иоанна Мосха), но и в русской, свидетельствует былина «Путешествие Вавилы со скоморохами» [Григорьев 2002: 377–383].

Прозвище Вавилы — «веселый» относится к числу самоназваний скоморохов [Плетнева 2012: 100–101]. Любопытно, что если в греческом календаре память Вавилы приходится на 28 и 29 декабря, то Русская Церковь празднует его память в Сырную субботу, то есть во время масленичных гуляний [ПЭ, 6: 470].

3.3.1. Танцы. На смеховую народную культуру указывает поведение персонажей, которые нарочито нарушают нормативные предписания. Так, мыши пляшут на похоронах¹⁷. На картинке К4 изображены две танцующие мыши в колпаках («мыши ермаки надели колпаки»). Рядом с ними пляшет мышь в сарафане («мышь срезани всinemъ сарафане горька плачетъ, а сама в присатку плашетъ»). О том, что танцы ассоциировались со скоморошьей культурой и осуждались церковью, свидетельствует помещение греха «плясания» на иконах Страшного суда¹⁸.

Обоснование жесткого осуждения танцев мы находим в церковных и государственных документах XVII в., которые связывают народные развлечения (пляски, игру на музыкальных инструментах и т. д.) с языческими практиками первых веков христианства. Характерные примеры подобной риторики мы обнаруживаем, например, в грамоте патриарха Иосифа, относящейся к 1636 г.:

Такожде и в праздники, [...] вместо духовнаго торжества и веселия восприимше игры и кошуны бесовские, повелевающе медведчиком и скомрахом на улицах и на торжищах и на распутиях сатанинския игры творити, и в бубны бити, и в сурны ревети, и руками плескати, и плясати [...] и о тех празницех сходящися многие люди, не токмо что молодые, но и старые, в толпы ставятя, и бывают бои кулачные великие до смертнаго убойства, и в тех играх многие и без покаяния пропадают и всякаго беззаконнаго дела умножилося, еллинских блядословий и кошун и игр бесовских [ААЭ, 3: 402].

Правила вселенских соборов, которые на Руси были известны в составе Кормчих книг, Стоглава и других канонических сборников, содержат много положений, осуждающих языческие практики поздней

¹⁷ О танцах в лубках см. [Ровинский, 4: 217–223].

¹⁸ Об этом подробнее см. [Фрэнсис 2007].

античности. В процитированном фрагменте патриарх Иосиф соотносит языческие практики Византии (еллинские блядословия) с народными развлечениями современной ему Руси (далеко не всегда имеющими отношение к язычеству) и обличает их в тех же выражениях, что и отцы вселенских соборов¹⁹.

3.3.2. Нечистоты. Изображения нечистот и надписи, связанные с испражнениями, также являются нарушением социальных норм. Мыши несут сосуд нечистот из отхожего места (например, «мыши несутъ ушатъ добраго питья выморознаго заблаго году изпод заходу»²⁰ — К1). С этой темой связаны подписи из разных картинок («мыши блу(д)ницы хотатъ печаль утолить вговенной яме кота утопить» (К4), «куче(р) и(з)наво(з) но кучи» (К4), «бочку везут спивомъ дрисливымъ» (К3), «мышь головна весьма неспорвна оступилась в яму говенну замаралась по горло» (К5).

3.3.3. Антиклерикализм. Характерная черта текстов, которые мы можем ассоциировать с культурой скоморохов, — антиклерикализм. Смеховая культура вышучивает церковные институты, а те, в свою очередь, борются с народными празднествами как с проявлениями язычества. В обострении войны церкви с народной смеховой культурой не последнюю роль сыграла религиозность Алексея Михайловича и желание войти в историю истинным православным царем, решавшим не только государственные, но и церковные проблемы и следившим за благочестием своих поданных. В рассматриваемой нами лубочной картинке встречаются две откровенно антиклерикальные реплики («татарской попь безграмотнаи колотило», «мышька понамаришка тланеть табачишка» — К3). Любопытно, что поп безграмотный Колотило — один из персонажей «Калязинской челобитной» [Алексеева 1983: 70]. Это наблюдение Алексеевой показывает связь лубочных картинок с другими сатирическими произведениями XVII в.

Сюда же можно отнести появление такого персонажа мышинной процессии, как Тренка, про которого говорится, что он «здону изубокова дому». Убогими домами (или же скудельницами, божедомками) назывались особые места, находящиеся около церквей или монастырей, куда складывали трупы людей, которых по той или иной причине не могли похоронить в общем порядке (у покойного не было родственников, которые могли оплатить похороны, человека умер без покаяния и т. п.). Раз в год, в четверг перед Троицей, туда отправлялся крестный

¹⁹ О подобном соотношении античных и местных практик в русских церковных документах см.: [Плетнева 2012: 97–99].

²⁰ Заход — 'отхожее место' [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 333].

ход. Народ приносил гробы и саваны и погребал «заложных покойников» (т. е. тех, которые лежали в общей яме, не присыпанные землей), после чего совершалась панихида. Известно, что Алексей Михайлович занимался устройством убогих домов, а также принимал личное участие в панихидах и погребении мертвецов из убогих домов [Снегирев 1826: 238–239]. Известно также, что вместе с царем в похоронном обряде принимал участие патриарх Никон. Об этом упоминает Павел Алеппский, в 1654–1656 гг. посещавший Москву вместе со своим отцом патриархом Антиохийским Макарием III.

В четверг по Пятидесятнице²¹ наш учитель служил обедню в монастырской церкви [и рукоположил священника и дьякона]. У жителей этого города есть обычай в этот день, четверг по Пятидесятнице, отправляться за город с царем, царицей и патриархом для раздачи милостыни и совершения служб и поминок по всем умершим, утонувшим в воде, убитым, а также по [умершим] пришельцам, с полной радостью и весельем; все торговцы города и рынков переносят свою торговлю за город. [Павел Алеппский 1898: 23].

Мертвец из убогого дома Тренка, идущий в первых рядах мышинной похоронной процессии, на наш взгляд, является сатирической репликой, отсылающей к публичной религиозности Алексея Михайловича.

3.3.4. Табакокурение. Еще раз обратимся к предыдущему примеру, где «мышка пономаришка тянет табачишка», теперь сделаем это в связи с темой курения табака. В царствование Алексея Михайловича борьба с табакокурением проводилась достаточно последовательно. За употребление табака 25-я глава Соборного уложения 1649 г. предусматривала суровые наказания:

14. [...] А за табачную находку бити кнутом на козле. А про неведомой табак спрашивать у пытки [...]

16. А которые стрелцы и гулящие и всякие люди с табаком будут в приводе двожды, или трожды, и тех людей пытать и не одинова и бити кнутом на козле или по торгом, а за многие приводы у таких людей пороти ноздри и носы резати, а после пыток и наказанья ссылатъ в далние города, где государь укажет, чтоб на то смотря иным так неповадно было делать [Соборное уложение 1987: 135].

Обращает на себя внимание жестокость этих статей. Если сравнить законы, связанные с оборотом спиртных напитков (о них речь пойдет ниже), с законами, посвященными употреблению табака, то разница

²¹ Здесь и ниже Павел Алеппский ошибочно пишет про четверг после пятидесятницы, хотя с заложными покойниками был связан четверг перед пятидесятницей (семик).

бросается в глаза. Оборот алкоголя лишь ограничивался, в то время как употребление табака однозначно запрещалось. В конструируемом Алексеем Михайловичем идеальном православном царстве не было места для греха табакокурения²². Судя по всему, во второй половине царствования Алексея Михайловича эти запреты не особенно работали. Англичанин Чарлз Карляйль, который был в Московии в составе посольства с августа 1663 г. до июня 1664 г., утверждал, что в России табак употребляют совершенно свободно:

Прежде они курили табак также чрезмерно, как в настоящее время пьют водку, пока его употребление не было строго запрещено в 1634 г. вследствие многих злоупотреблений. Бедные люди вместо того, чтобы купить хлеба, издерживали свои деньги на табак; были и такие, которые будучи им одурены, оставляли его с огнем в домах. Но что по преимуществу побудило патриарха запретить его употребление — это, что они, накурившись, с дурным запахом, предстояли перед изображением своих святых. В настоящее время табак употребляют свободно, так как за этим мало следят и вовсе не штрафуют за его продажу [Карляйль 1879: 20].

3.3.5. Пьянство. Часть мышей, идущих в составе погребальной процессии, не играют на музыкальных инструментах, но несут в руках вино и пиво: «две мыши пищать, ушатъ мерзлого пива тащатъ» (K4), «мышь едитъ наколесахъ, азаступъ втаракахъ да скланица вина врукахъ» (K1) «мышь едетъ в одноколке на отце кажетъ веселіе быть в ковше» (K4).

Для эпохи Алексея Михайловича тема пьянства была очень актуальной. В нем видели общественной проблему, но запретить его, как это происходило с курением, было нельзя, поскольку доходы от продажи алкоголя составляли заметную часть доходов казны. Соборное уложение (1649 г.) существенно ограничивает частное винокурение, но не содержит ограничений, направленных на борьбу с пьянством как с безнравственным поведением [Соборное уложение 1987: 133]. Решающее влияние на антиалкогольную политику Алексея Михайловича оказал патриарх Никон. В 1651 г., будучи еще новгородским митрополитом, Никон ходатайствовал перед царем о закрытии в Новгородской епархии всех кабаков на Великий пост и Светлую неделю, что и было сделано. Затем кабаки были закрыты, и на смену им пришли кружечные двory, которые торговали только на вынос. При этом Никон просил царя отменить ответственность за недоборы с продажи спиртного [Веселовский 2008: 350]. После того как Никон стал патриархом, отработанная

²² С памятью о борьбе с табаком в начале царствования Алексея Михайловича можно связать свойственное старообрядцам последовательное неприятие табакокурения. Старообрядцы, как известно, возводили в абсолют нравственные нормы середины XVII в.

в Новгороде антиалкогольная программа распространилась на всю страну. Это было закреплено решениями земского собора 1652 г., который вошел в историю как «Собор о кабаках» [Веселовский 2008: 340]. Этот собор запретил торговлю спиртным во время постов, а также по воскресеньям, средам и пятницам. Торговля начиналась после обедни и заканчивалась за час до начала вечернего богослужения, в результате кружечные дворы были закрыты чуть ли не большую часть времени. При этом на кружечные дворы не допускались не только «бражники» и «питухи», но также и «священнический и иноческий чин». Кроме того, количество спиртного, продаваемого одному человеку, ограничивалось одной чаркой на человека. Решение «Собора о кабаках» вызывало всеобщее недовольство и постоянно нарушалось. Особенно недовольны этим решением были те, кто содержал кружечные дворы и отвечал за доходы от продажи спиртного. Таким образом, современники Алексея Михайловича имели все основания для того, чтобы видеть в царе противника спиртных напитков. Целовальники («ермаки»²³), которые отвечали за сбор налогов на спиртные напитки, появляются и среди погребавших kota мышей: «мыши ермаки надели колпаки».

Вполне вероятно, что целовальники — это не только Ермаки, но и мыши Макары (К:1 «мыши ерезани а прозваниемъ они макары ламками kota тануть нотсально работаютъ»)²⁴. В словаре В. И. Даля находим: «Макар — прозвище рязанцев, особенно кадомцев, будто по словам Петра I, встретившего там трех Макаров сряду, и сказавшего шутя: будьте ж вы все Макары! Это лучшие рыболовы и целовальники, почему откупщиков и вообще плутов зовут Макарами» [Даль 2: 290]. В Словаре русских народных говоров в статье Макар находим несколько апеллятивов, среди которых «целовальник, кабатчик, торговец в питейном заведении Ряз., Моск., Нижегород.» [СРНГ, 17: 307–308]. Современники ставили антиалкогольные указы Алексея Михайловича в один ряд с запрещением инструментальной музыки, медвежьей потехи и другого балаганного веселья. Судя по всему, законодатели видели в пьянстве

²³ Ровинский отмечает, что Ермаками называли целовальников [Ровинский, 5: 420].

²⁴ М. А. Алексеева предполагала, что мыши Макары — это бурлаки. При этом она ссылается на исследование И. Корнилова, зафиксировавшего такое название для рязанских бурлаков [Алексеева 1983: 73–74, Корнилов 1862: 6]. Однако сравнение мышей, тянущих сани, с бурлаками вызывает определенные возражения. Во-первых, свидетельство о наименовании бурлаков Макарами относится к XIX в., в то время как самые ранние картинки «Погребения kota» — это конец XVII — начало XVIII вв. Во-вторых, на картинке изображено зимнее погребение, погребение на санях. Вряд ли мы можем называть тех, кто везет сани, бурлаками. И в-третьих, что представляется нам наиболее существенным, бурлаки не вписываются в общий контекст картинки. В последний путь котаря провожает веселящаяся толпа: здесь и музыканты-скоморохи, и мыши с вином и табаком. В этой похоронной процессии, кажется, нет места бурлакам.

и народных развлечениях явления одного порядка. Показательным в этом отношении является текст «Уставной грамоты царя Алексея Михайловича о продаже питий на кружечном дворе на Мологе» (1653 г.), в котором скоморохам запрещается играть на кружечном дворе:

А только на кружечном дворе скоморохи с бубны, и с сурнами, и с медведи, и с малыми собачками учнут ходить и всякими бесовскими играми играть, и ты б тех скоморохов велел иметь и приводить перед себя: и тех людей, которых приведут впервые, велел бить батоги, а будет которые скоморохи с тою бесовскою игрою объявятся в приводе вдругоряд, и тех скоморохов велел бить кнутом, да на них же велел править заповеди по пяти рублей на человеке; а бубны, и сурны, и домры, и гудки велел ломать без остатку, а хари велел жечь [ААЭ, 4: 97].

Возможно предположить, что с темой вина связано и упоминание Терека в наименовании кота на картинке КЗ. О коте говорится, что у него «усь с уса с терьскава». М. А. Алексеева предполагает, что здесь усы кота сравниваются с усами казаков с Терского берега [Алексеева 1983: 56]. Среди документов эпохи Алексея Михайловича есть грамота от 20 декабря 1652 г. астраханским воеводам об изготовлении вина из растущего на Тереке винограда и о разведении этого винограда. Среди прочего в этой грамоте говорилось:

И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы в Астрахани велели выбрать из русских людей одного или дву(х) человек, которые русские люди были питейного дела у мастеров у немец для ученья и работы и которым бы питейное дело было за обычей, и выбрав, послали бы есте тех людей на Терек и велели им из Терского винограду сделать виноградного питья на опыт, сколько доведется...и прислали к тебе в Астрахань. [...] и вы б то виноградное питье прислали к нам, к Москве, с кем пригоже [АИ, 5: 177].

То есть вместе с налагаемыми запретами на продажу водки и пива была попытка освоить виноградарство и изготовление виноградных вин в южных губерниях. Делалось это, вероятно, прежде всего для нужд церкви. Таким образом, упоминание Терека вполне могло быть связано с указами и грамотами Алексея Михайловича, изданными в связи с изготовлением алкогольных напитков.

3.4. Датировка старшей редакции сюжета и ее предполагаемые авторы. Таким образом, все основные темы, связанные с мышами (игра на музыкальных инструментах, танцы, алкоголь, табакокурение, нечистоты, антиклерикализм), отсылают нас к культуре скоморохов. Перед нами шутовские похороны: кота-царя хоронят мыши, демонстрируя при этом атрибуты той самой смеховой культуры, которую преследовал Алексей

Михайлович. Такое прочтение позволяет отнести время появления этого сюжета к концу XVII в. При этом мы не утверждаем, что по горячим следам была создана именно лубочная картинка. М. А. Алексеева предполагала, что основой этой гравюры могло быть какое-то не дошедшее до нас, но известное авторам гравюры устное или письменное литературное произведение: притча, небольшая повесть или интермедия, посвященная похоронам кота [Алексеева 1983: 74].

Встает вопрос о том, кто мог быть автором того гипотетического текста, который, как мы предполагаем, лег в основу «Погребения кота». Вне всякого сомнения, этот прототекст принадлежит к тому жанру, который мы сегодня называем не самым удачным термином «демократическая сатира»²⁵. Известно, что часть этих текстов вышла за пределы рукописного бытования и продолжала тиражироваться в лубках. Другая часть осталась в рукописях, а третья — по всей видимости, не дошла в списках, но сохранилась в народной гравюре.

У нас нет особой надежды на то, что когда-нибудь будут обнаружены документальные свидетельства, проясняющие вопрос об авторстве этих текстов. Однако многочисленные аллюзии к документам и актуальным политическим событиям позволяют сузить круг потенциальных авторов. Что же мы знаем о них? Во-первых, авторы сатирических текстов XVII в. прекрасно знали формуляр юридических документов и охотно пародировали его. Всевозможные «реестры», «описи» и «челобитные» выступали в качестве жанрового определения конкретного текста («Роспись о приданном», «Калязинская челобитная», «Реестр о дамах и прекрасных девицах»). Именно знание протокола делопроизводства имела в виду Адрианова-Перетц, когда писала, что авторами произведений «демократической сатиры» XVII в. являются «площадные подьячие» [Адрианова-Перетц 1954: 160–161]. Во-вторых, авторы некоторых текстов демонстрируют знакомство с документами, которые не имели широкого хождения. Характерным примером здесь является «Реестр о дамах и прекрасных девицах». По всей видимости, его источником является реестр царских невест, который велся в 1669–1670 гг. в связи с намерением Алексея Михайловича вступить во второй брак. В тексте «Реестра о дамах» встречаются практически все имена, имеющиеся в исходном документе, в том числе достаточно редкие. К тому же в «Реестре» особо выделено имя Наталья, что соотносится с именем царской избранницы Натальи Нарышкиной [Плетнева 2015]. Трудно себе представить, что с документами такого рода были знакомы многие.

В этой связи стоит вернуться к упомянутому выше указу астраханским воеводам о разведении винограда на Терском берегу. Обращение

²⁵ Этот термин был введен марксистским литературоведением 30-х годов XX в.

к тексту указа далекому воеводе так же, как и к списку невест, дает основание предположить, что здесь мы имеем дело с творчеством приказных служащих. Это предположение не противоречит тому, что мы знаем о приказах XVII в. С одной стороны, служащие приказов знали тексты государственных актов, с другой — именно они рассматривали обращения, поступающие снизу. Они владели формой государственной документации и представляли, как государственные документы воспринимаются людьми, далекими от канцелярий. Отдельной темой, к которой мы не будем здесь обращаться, является влияние переводов, осуществленных служащими Посольского приказа, на народную литературу. Укажем лишь на переведенные Николаем Спафарием «Книгу о сивиллах» и «Хрисмологион», которые имеют сюжетные параллели в народной письменности [Спафарий 1978: 154–158; Ченцова 2014; Ровинский, 2: 1; 3: 680; 4: 363–364, 368, 609, 774–775].

4. Судьба сюжета в XVIII веке

В первой половине XVIII в. сюжет, связанный с борьбой Алексея Михайловича со скоморохами и игровыми формами народной жизни, был уже не актуален. Петровские преобразования перемешали представления о том, что допустимо, а что нет. Так, курение из уголовно наказуемого деяния превратилось в знак принадлежности к новой европеизированной культуре; музыкальные инструменты (правда, не те, которые по приказу Алексея Михайловича отнимали у скоморохов) стали использоваться во время государственных церемоний, в том числе и официальных похорон; танцы перестали ассоциироваться с язычеством и вошли в придворный быт и т. д. Таким образом, многие сатирические элементы, присутствовавшие в ранних версиях лубка, потеряли свою значимость. Однако «Погребение кота» продолжало печататься вплоть до середины XIX в. При этом в картинке произошли существенные, на наш взгляд, изменения. По-новому стали изображаться мыши, тянущие сани, и значительно расширилась география мест, откуда мыши пришли на похороны.

На наш взгляд, эти изменения связаны с тем, что на позднюю версию лубка оказали влияние особенности похорон Петра I. Обратимся к напечатанному в 1726 г. «Описанию порядка погребения Петра Великого». Согласно этому документу, когда гроб с телом императора был выставлен для прощания, рядом были помещены его регалии:

Во главе было четыре табурета, на которых поставлены были против самой главы императорской корона Императорская, по сторонам оной корона Казанская, корона Астраханская, корона Сибирская. Сии короны золотые, токмо те три короны царств весьма древние, наподобие так как греческие, сверх которых имеются драгоценные камни, чищенные, а не гранены [Описание 1726: 3].

Вокруг помещения, где находился гроб, были поставлены гербы провинций (Черкасский, Кабардинский, Грузинский, Карталинский, Иверский, Кондийский, Обдорский, Удорский, Белоезерский, Ярославский, Ростовский, Рязанский, Черниговский, Нижегородский, Болгарский, Вятский, Пермский, Югорский, Тверской, Ижорский, Корельский, Лифлянский, Эстлянский, Смоленский, Псковский, Сибирский, Астраханский, Казанский, Новгородский, Владимирский, Киевский, Московский). Те же гербы были изображены на военных знаменах, которые несли во время похоронной процессии [Ibid.: 10–11, 15–19]. Отдельно несли и гербы наиболее важных частей империи (бывших самостоятельных государств или бывших столиц), которые были написаны на досках золотой и серебряной краской. Это были гербы Сибирский, Астраханский, Казанский, Новгородский, Владимирский, Киевский, Московский [Ibid.: 20]. Непосредственно перед гробом несли царские регалии: скипетр, державу и короны (императорскую, казанскую, астраханскую и сибирскую) [Ibid.: 22–23].

Мы видим, что ритуал погребения Петра I включает отсылки к названиям частей империи. Изменение царского похоронного обряда объясняет и изменения, произошедшие в лубочной картинке на меди. В новых версиях акцент смещается с атрибутов скоморошье́й культуры (хотя они по-прежнему сохраняются) на географические наименования. Если в К4 «мышь аринка играет вволынку», то в варианте К5 появляется «мышь татарская Аринка тошь наигрывает вволынку». К «Тренке с Дону» и «мыши с Рязани», фигурировавших в деревянных гравюрах, добавились мыши из других мест. В К5 появляются «украинская мышь», «мыши из-исъподъатарской мечети», «мыши татарские ханжи» «сибирские мышки щирь», «мыши алонки», «мыши корелки», «мышь искрыму», «мыши новгородки». Кроме названий регионов и городов, в этой картинке большое количество отсутствующей в деревянной гравюре московской топонимики: «збалчюга старая измушних радовъ крыса», «из рогожской мышь корча тащить бубень скорчасть», «позади бежить изъстаганки самая поганка», «мышь сарбату от ѿстарости очень горбата», «мышь споланки старуха несеть хлеба краюху», «мыши спокровки несуть морьковные похлебкѣ». О новой столице напоминает «мышь охтенская переведенка», «мышь шушера бежить изшлюшена несеть сладогы сиги ешь даплотно сиди» и, вероятно, «коломенская мышь». По всей видимости, эти топонимические игры были связаны с реальными похоронами Петра и демонстрацией в ритуале погребения гербов провинций. Чин погребения являл империю как единство, собранное из разных земель, что опосредованно нашло отражение в поздних версиях лубочной картинки. Кроме того, как мы

видели выше, в похоронной процессии трижды в одном ряду упоминались Казань, Астрахань и Сибирь: в знаменах, гербах и царских коронах. Ошибиться при чтении титула кота было невозможно.

Во время похорон Петра процессия шла по льду Невы. Гроб императора везли на саних, в сани были запряжены 8 лошадей, покрытых черным бархатом с изображениями гербов [Описание 1726: 24]. Это отразилось в лубочной картинке. Если в гравюрах на дереве все мыши изображены идущими на задних лапках, то на картинках К4 и К5 часть мышей идет на четырех лапках, они покрыты попоной и впряжены в сани как лошади. На картинках ранней редакции (К1, К2, К3) мышей-лошадей нет, сани тащат мыши, которые стоят на задних лапках, а передними тянут лямки.

При этом в поздних изображениях народные музыкальные инструменты никуда не исчезли. Наоборот, к ним добавились и другие предметы, производящие звук, например, посуда («украинская мышь братинкой гремитъ», «заними мышь кружкой гремитъ»). Известно, что на похоронах Петра играл военный оркестр, в котором были трубы и литавры [Описание 1726: 14–15]. Можно предположить, что медные ударные инструменты в народном восприятии ассоциировались с посудой. Однако главным в картинке поздней редакции становятся не музыкальные инструменты, а перечисление локации мышей, чего нет (во всяком случае, в таком количестве) в картинках ранней редакции. И это перечисление связано с реальной картиной похорон Петра I и определяет драматургию лубочной картинке второй редакции.

5. Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что две редакции лубочной картинке «Мыши кота погребают» предлагают разные варианты взаимных отношений царя (кота) и участников похоронной процессии (мышей). То, что кот является царем, не вызывает никакого сомнения. Тот элемент царского титула, который был спародирован в сопровождающей кота подписи, не менялся на протяжении долгого времени. Титул был узнаваемым, поскольку звучал в царских указах, зачитываемых в храмах, и в молебнах на царские дни. Все это позволяет связывать картинку с разными царями и разными историческими эпохами.

Такая интерпретация позволяет примирить две противоположные, на первый взгляд, исследовательских позиции. Высказанное Ровинским положение, что в картинке спародированы похороны Петра I²⁶,

²⁶ По многочисленным свидетельствам (И. М. Снегирев, В. В. Стасов и другие) в XIX в. императором, с которым ассоциировался кот, был Петр I. Именно так объясняли эту картинку продавцы лубочных картинок. Исследователи приняли

и аргументированное утверждение Алексеевой, что стилистические и языковые критерии относят ранние картинки к концу XVII в., при предложенном нами прочтении не находятся в противоречии. На картинках К1, К2 и К3 изображение кота отсылает к смерти Алексея Михайловича, на картинках К4 и К5 кот ассоциируется с Петром. В ранних вариантах этой картинки мыши наделены атрибутами скоморошьей культуры (с которой последовательно боролся Алексей Михайлович). В более поздней редакции, относящейся уже к послепетровской эпохе, тема скоморохов потеряла свою актуальность и сюжетный центр картинки сместился к обыгрыванию царского титула. Теперь мыши хоть и держат в руках скоморошьи атрибуты, но поименованы как представители различных территорий империи. Это находит подтверждение в документах, описывающих похороны Петра I, где военные несли знамена с изображениями гербов различных провинций империи. Таким образом, наименование кота, пародирующее царский титул, является сюжетообразующей деталью картинки.

Библиография

ААЭ, 1–4

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедицией Императорской академии наук, 1–4, С.-Петербург, 1836.

Адрианова-Перетц 1954

Адрианова-Перетц В. П., *У истоков русской сатиры, Русская демократическая сатира XVII века*, Москва, Ленинград, 1954, 137–187.

АИ, 1–5

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, 1–5, С.-Петербург, 1841–1842.

Алексеева 1983

Алексеева М. А., Гравюра на дереве «Мыши кота на погост волокут» — памятник русского народного творчества конца XVII — начала XVIII в., *XVIII век*, 14, Ленинград, 1983, 45–79.

Анучин 1890

Анучин Д. Н., Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда, *Древности: Труды Московского археологического общества*, 14, Москва, 1890, 81–226.

Веселовский 2008

Веселовский С. Б., *Московское государство XV–XVII вв. Из научного наследия*, Москва, 2008.

Голышев 1878

Голышев И. А., *Лубочная старинная картинка «Мыши кота погребают» и некоторые прежние народные гравюры*, Владимир, 1878.

это толкование на веру, результатом чего стала гипотеза о том, что картинка «Погребение кота» — это старообрядческая карикатура на похороны Петра [Алексеева 1983: 46–47].

Григорьев 2002

[Григорьев А. Д.] *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа*, А. А. Горелов, ред., 1, С.-Петербург, 2002.

Гудзий 1941

Гудзий Н. К., *История древней русской литературы*, Москва, 1941.

Даль 1–5

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 1–4, Москва, 1994.

Емченко 2015

Емченко Е. Б., подгот. текста, *Стоглав: Текст. Словоуказатель* (= Historia Russica), Москва, С.-Петербург, 2015.

Иванов 1850

Иванов П. И., *Описание государственного архива старых дел*, Москва, 1850.

ИРМ, 2

История русской музыки в десяти томах, 2: XVIII век. Часть первая, Москва, 1984.

Карляйль 1879

Карляйль Ч., *Описание Московии. Описание Московии при реляциях графа Карлейля, И. Ф. Павловский, пер. с фр., подгот. предисл., примеч., Историческая библиотека*, 5, 1879, 1–46.

Каштанов 2006

Каштанов С. М., *Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв., Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв.*, Новосибирск, 2006, 3–21.

Корнилов 1862

Корнилов И. П., *Волжские бурлаки*, Москва, 1862. [Оттиск из: Морской сборник 1862, № 7.]

Лакиер 1847

Лакиер А. Б., *История титула государей России*, С.-Петербург, 1847. [Оттиск из *Журнала Министерства народного просвещения*, 56/10–11.]

Лихачев et al. 1984

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В., *Смех в Древней Руси*, Ленинград, 1984.

Макаров 1821

Макаров М. Н., *О Московских ведомостях, изданных в царствование Государя Императора Петра Великого*, *Вестник Европы*, 9, 1821, 53–54.

МЭ, 1–6

Музыкальная энциклопедия, 1–6, Москва, 1973–1982.

Описание 1726

Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостоинейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великого императора и самодержца всероссийского и блаженныя памяти ея императорского высочества, государыни цесаревны Наталии Петровны, Москва, 1726.

Павел Алеппский 1898

Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном Павлом Алеппским, Г. Муркос, пер. с араб., 4, Москва, 1898.

Плетнева 2012

Плетнева А. А., *Скоморох и скоморошество: к истории слов и понятий*, В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий, отв. ред., *Эволюция понятий в свете истории русской культуры* (= Studia philologica), Москва, 2012, 93–108.

——— 2015

Плетнева А. А., О происхождении лубочного текста «Реестр о дамах и прекрасных девицах», *Slověne*, 5/1, 2015, 366–376.

ПСЗРИ, 1–45

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое, 1649–1825, 1–45, С.-Петербург, 1830.

Пупарев 1871

Пупарев А. Г., Указы императрицы Елизаветы Петровны. Сообщил А. Г. Пупарев, *Русская старина: ежемесячное историческое издание*, 3/6, 1871, 642–643.

ПЭ, 6

О. В. Л., Вавила, прп., *Православная энциклопедия*, 6, Москва, 2003, 470.

Пчелов 2010

Пчелов Е. В., Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования, *Российская история*, 2010, 1, 3–15.

Ровинский, 1–5

Ровинский Д. А., *Русские народные картинки*, 1–5, С.-Петербург, 1881.

СлРЯ XI–XVII вв., 1–31–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–31–, Москва, 1975–2019–.

Снегирев 1826

Снегирев И. М., О скудельницах или убогих домах в России, *Труды и записки Общества истории и древностей российских*, 3, 1, Москва, 1826, 235–263.

——— 1861

Снегирев И. М., *Лубочные картинки русского народа в московском мире*, Москва, 1861.

Соборное уложение 1987

Соборное уложение 1649 года, Текст и комментарии, Л. И. Ивина, подгот. текста, Ленинград, 1987.

Соколов 1999

Соколов Б. М., *Художественный язык русского лубка*, Москва, 1999.

Спафарий 1978

Спафарий Н. Г., *Эстетические трактаты*, О. А. Белоброва, подгот. текста, вступ. ст., Ленинград, 1978.

СРНГ 17

Словарь русских народных говоров, 17, Ленинград, 1981.

Строев 1844

Строев П. М., *Выходы государей царей и великих князей, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича 1632–1682*, Москва, 1844.

Труворов 1887

Труворов А. Н., О саях, употреблявшихся при погребении великих князей, царей и цариц, *Русская старина: ежемесячное историческое издание*, 56/12, 1887, 836–841.

Тургенев 1842

Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым, II. С.-Петербург, 1842.

Успенский 2000

Успенский Б. А., *Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов*, Москва, 2000.

Фаизов 2006

Фаизов С. Ф., Кот Казанский: татарин и царь в восприятии русского после «взятия» Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, *Казань в средние века и раннее новое*

время: Материалы Всерос. научной конференции (Казань, 24–25 мая 2005 г.), Казань, 2006, 149–157.

Фасмер, Трубачев, 1–4

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, 2-е изд., О. Н. Трубачев, перев. с нем., доп., 1–4, Москва, 1986.

Финдейзен 1928

Финдейзен Н. Ф., *Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века*, 1, Москва, Ленинград, 1928.

Фрэнсис 2007

Фрэнсис Е. П., Скоморохи и церковь, *Скоморохи в памятниках письменности*, С.-Петербург, 2007, 463–477.

Харузин 1897

Харузин Н. Н., К вопросу о борьбе московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями в половине XVII века, *Этнографическое обозрение*, 1, 1897, 143–151.

Хромов 1998

Хромов О. Р., *Русская лубочная книга XVII–XIX веков*, Москва, 1998.

Ченцова 2014

Ченцова В. Г., Паисий Лигарид, Николай Спафарий и Франческо Бароцци: эсхатологические идеи при дворе царя Алексея Михайловича, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1(55), 2014, 69–82.

References

Adrianova-Peretts V. P., U istokov russkoi satiry, *Russkaia demokraticheskaiia satira XVII veka*, Moscow, Leningrad, 1954.

Alekseeva M. A., Graviura na dereve «Myshi kota na pogost volokut» — pamiatnik russkogo narodnogo tvorchestva kontsa XVII — nachala XVIII v., *XVIII vek*, 14, Leningrad, 1983, 45–79.

Chentsova V. G., Paisios Ligaridis, Nicolas Spathar and Francesco Barozzi: the eschatological ideas at the Tsar Alexey Mikhailovich's court, *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 1(55), 2014, 69–82.

Emchenko E. B., ed., *Stoglav: Tekst. Slovoukazatel'* (= Historia Russica), Moscow, St. Petersburg, 2015.

Faizov S. F., Kot Kazanskii: tatarin i tsar' v vospriiatii russkogo posle «vztiatii» Kazanskogo, Astrakhanskogo i Sibirskogo khanstv, *Kazan' v srednie veka i rannee novoe vremia: Materialy Vseros. nauchnoi konferentsii (Kazan', 24–25 maia 2005 g.)*, Kazan, 2006, 149–157.

Findeisen N. F., *Schilderungen aus der Geschichte der Musik in Russland von der ältesten Zeit bis zum Ende des XVIII Jahrhunderts*, 1, Moscow, Leningrad, 1928.

Francis E. P., Skomorokhi i tserkov', *Skomorokhi v pamiatnikakh pis'mennosti*, St. Petersburg, 2007, 463–477.

Gorelov A. A., ed., *Arkhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'evym v 1899–1901 gg. s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa*, 1, St. Petersburg, 2002.

Gudzii N. K., *Istoriia drevnei russkoi literatury*, Moscow, 1941.

Ivina L. I., *Sobornoe ulozhenie 1649 goda*, Leningrad, 1987.

Kashtanov S. M., Sibirskii komponent v titulature moskovskikh gosudarei XVI–XVII vv., *Obshchestvennoe soznanie naseleniia Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–KhKh vv.*, Novosibirsk, 2006, 3–21.

Khromov O. R., *Russkaia lubochnaia kniga XVII–XIX vekov*, Moscow, 1998.

Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V., *Smekh v Drevnei Rusi*, Leningrad, 1984.

O. V. L., Vavila, prp., *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 6, Moscow, 2003, 470.

Pchelov E. V., Territorial'nyi titul rossiiskikh gosudarei: struktura i printsipy formirovaniia, *Russian history*, 2010, 1, 3–15.

Pletneva A. A., On the Origins of the Lubok Text *The Register of Dames and Handsome Maidens*, *Slověne*, 5/1, 2015, 366–376.

Pletneva A. A., Skomorokh i skomoroshstvo: k istorii slov i poniatii, V. M. Zhivov, Yu. V. Kagarlitsky, eds., *Evolutsiia poniatii v svete istorii russkoi kul'tury* (= Studia philologica), Moscow, 2012, 93–108.

Sokolov B. M., *Khudozhestvennyi iazyk russkogo lubka*, Moscow, 1999.

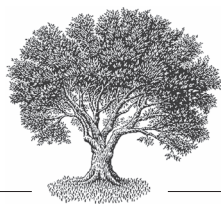
Spathari N. G., *Esteticheskie traktaty*, Belobrova O. A., ed., Leningrad, 1978.

Uspenskii B. A., *Tsar' i imperator*, Moscow, 2000.

Veselovskii S. B., *Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vv. Iz nauchnogo naslediiia*, Moscow, 2008.

Александра Андреевна Плетнева, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
apletneva@list.ru

Received April 7, 2021

«Свет видимый»:
Лейденская
рукопись среди
русских переводов
*Orbis Pictus**

† Виталий Григорьевич
Безрогов

Институт стратегии развития
образования РАО,
Москва, Россия

Ольга Евгеньевна Кошелева

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Екатерина Юрьевна
Ромашина

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия

“The Visible World”:
The Leiden
Manuscript and Its
Place Among the
Russian Translations
of *Orbis Pictus*

† Vitaly G. Bezrogov

Russian Academy of Education,
Institute for Strategy of Education
Development,
Moscow, Russia

Olga E. Kosheleva

Russian Academy of Science,
Institute of World History,
Moscow, Russia

Ekaterina Yu. Romashina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University,
Tula, Russia

* Данное исследование было начато В. Г. Безрозовым (16.09.1959–14.11.2019)
при поддержке Scaliger Institute Visiting Fellows Programme Лейденского

Цитирование: Безрогов В. Г., Кошелева О. Е., Ромашина Е. Ю. «Свет видимый»: Лейденская рукопись
среди русских переводов *Orbis Pictus* // Slověne. 2021. Vol. 10, № 2. С. 124–162.

Citation: Bezrogov V. G., Kosheleva O. E., Romashina E. Yu. (2021) “The Visible World”: The Leiden
Manuscript and Its Place among the Translations of *Orbis Pictus*. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 124–162.
DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.6

Резюме

Статья посвящена хранящейся в Лейдене рукописи — памятнику русско-немецкого языкового, культурного, педагогического трансфера. Манускрипт состоит из трех частей и содержит «лингвистическое» введение, полный текст *Orbis Pictus* Я. Коменского на двух языках и немецко-русский словарь. Авторы систематизировали результаты изучения рукописи зарубежными славистами, выдвинули и обосновали собственные предположения о ее происхождении. На основе палеографического и текстологического анализа лейденской рукописи было определено ее место в ряду других рукописных списков русского перевода *Orbis Pictus*.

Ключевые слова

Ян Амос Коменский, «Свет видимый», Э. Глюк, И. Паус, история учебника, немецко-русский словарь, русско-немецкий культурный трансфер

Abstract

The article focusses on the manuscript stored in Leiden as a witness of Russian-German linguistic, cultural, and pedagogical transfer. The manuscript consists of three parts and contains a “linguistic” introduction, the full text of the *Orbis Pictus* by Jan Comenius in two languages, and a German-Russian dictionary. The authors systematized the results of previous studies of the manuscript by foreign Slavists, put forward and substantiated their own assumptions about its origin. Based on paleographic and textological analysis of the Leiden manuscript, its place among other manuscript copies of the Russian translation of *Orbis Pictus* was determined.

Keywords

Jan Amos Comenius, *Orbis Sensualium Pictus*, E. Glück, J. Paus, textbook history, German-Russian vocabulary, German-Russian cultural transfer

университета (Нидерланды). Осенью 2019 г. рукопись была изучена *de visu*, составлены черновые заметки аналитического характера. К несчастью, завершить работу Виталию Григорьевичу не удалось. В память об ученом рукопись была оцифрована университетской библиотекой г. Лейдена и теперь доступна исследователям: LTK 584 (<http://hdl.handle.net/1887.1/item:2223648>). Мы чрезвычайно признательны сотрудникам библиотеки и лично директору господину Курту де Бельдеру (Kurt De Belder): благодаря их бескорыстной и высокопрофессиональной помощи завершение работы оказалось возможным. Ее финальные выводы — равно как и недостатки — безусловно, на нашей совести (Ольга Кошелева, Екатерина Ромашина).

Уходя, оставить Свет —
Это больше, чем остаться.

Петр Вегин

Controversia, или Изучение Лейденской рукописи

Лейденская рукопись не была обделена вниманием исследователей. За 50 лет знакомства с нею европейским научным сообществом закономерно были сформулированы вопросы, *когда, кем и с какой целью* она была создана, но полученные ответы оказались столь разными, что к настоящему моменту они уже потребовали специальной систематизации, переосмысления и подведения определенных итогов. Настоящее исследование — это *первое* обращение к данному тексту историков образования и носителей русского языка, что определило особенности нашей «оптики взгляда» и методологии анализа.

Несмотря на многочисленность трудов, посвященных наследию Яна Амоса Коменского (*Jan Amos Komenský*, 1592–1670), в педагогической научной сфере Лейденская рукопись до недавнего времени оставалась неизвестной [Ян Амос Коменский 1995]. Наиболее авторитетный исследователь переводов Яна Коменского на русский язык — чешский историк педагогики А. А. Чума — не был с ней знаком, поскольку изначально Лейденская рукопись попала в поле зрения не педагогов, а славистов-лексикографов.

Впервые она была представлена ученому сообществу в докладе голландца Тона ван ден Баара (*Ton van den Baar*) на съезде славистов в Праге в 1968 г. Именно он определил путь, которым рукопись *Ms.LTK 584* попала в Лейден: она входила в обширную библиотеку, собранную юристом из Гааги, членом Нидерландского Литературного общества по имени J. C. W. LeJeune (*Лежен*) (1775–1864). В 1842 г. он начал распродавать свои книги на аукционе, среди них была рукопись, которую приобрела библиотека Лейденского университета [Van den Baar 1968: 13]. Ван ден Баар подробно описал рукопись с палеографической точки зрения [Ibid.:13–14]. Вместе с тем исследователь счел рассматриваемый текст очень странным: он не являлся ни русско-немецким словарем, ни разговорником, но содержал элементы и того, и другого. По его мнению, составляли рукопись немцы, судя по характерным фонетическим и грамматическим ошибкам, плохо знавшие русский язык (автор определил наличие двух писцов, писавших и по-русски, и по-немецки). Характеризуя язык рукописи, Тон ван ден Баар отметил множество противоречий. Писцы работали небрежно — так, как привыкли составлять и копировать документы: наскоро, не прописывая четко окончания слов, используя скорописную графику письма [Ibid.]. При этом он с удивле-

нием отметил чрезвычайное богатство лексики, включавшей рубрики от самых высоких, богословских, до узкоспециальных и самых низких, которые не принято упоминать в литературном тексте, а также подбор очень точных аналогов для реалий, не имевших эквивалентов в Московии. Немецкий перевод неверно передавал значение русских слов, но верно относил их к тематическому «кусту понятий». Приводя примеры того, как происходила путаница паронимов (например, *кролик* и *королек*), Тон ван ден Баар сам иногда впадал в заблуждение: слово *грамотушка*, верно переведенное в рукописи как *Spielzeug*, он счел ошибкой: под *грамотушкой* якобы следовало понимать искаженное *грамотка* [Ibid.: 25]. Однако *грамотка* явно противоречит контексту, в котором речь идет о младенце, держащем данный предмет в руках. Слово *грамотушка* в значении *погремушка* существовало — его фиксирует Словарь русского языка XVIII в. [Словарь 1989: 245], оно написано в рукописи верно. В итоге наблюдений над «странным языком» рукописи голландский исследователь пришел к выводу, что немецкий автор, поверхностно знакомый с русской речью, запоминал услышанные им слова, затем, некоторое время спустя, записывал их и переводил; он придумал такой необычный способ подачи собранного им лексического материала, чтобы закамouflировать не очень литературную запись просторечного языка. Для русской лексикографии такой маловразумительный текст, считал он, совершенно не представляет интереса, но должен привлечь внимание германистов как пример немецкого разговорного языка [Van den Baar 1968: 28]. В заключении статьи были приведены названия всех 150 глав *Orbis Pictus*.

Статья Баара говорит о том, что к 60-м гг. XX в. общеизвестность в Европе учебников Яна Амоса Коменского ушла в прошлое. Если бы исследователь распознал в рукописи *Orbis Pictus*, все его недоумения исчезли бы, однако этого не произошло. Его последователь в изучении Лейденской рукописи немец Харм Клютинг (*Harm Klueting*) продолжил развитие тех же ошибочных идей. Полный текст манускрипта стал доступен широкому читателю в 1978 г.: Х. Клютинг проанализировал рукопись, опубликовал факсимиле нескольких листов и ее полностью транскрибированный текст, а также дал подробное палеографическое описание (бумага, филиграния, почерки) [Klueting 1978]. Хотя Клютинг уделил некоторое внимание особенностям языка рукописи, своей главной задачей он видел ее атрибуцию, т. е. поиск автора и идентификацию того человека, чье имя (Х. Г. Вольф) было помещено на первую страницу вместе с датой 10 ноября 1731 г. Клютинг склонялся к тому, что Вольф — скорее владелец, чем автор манускрипта, возможно, он — ученик, начавший занятия в тот ноябрьский день. Исследователь писал:

Для меня было важнее — помимо доказательства оригинальности частей рукописи и более поздних вставок — разъяснение проблемы надписи на лицевой внутренней стороне обложки и, прежде всего, определение цели разговорного словаря, поставленной неизвестным лексикографом. Я вижу в этом тексте учебник немецкого языка для русских [Ibid.: VII].

Клютинг, как и Тон ван ден Баар, полагал, что перед ним оригинальное сочинение неизвестного автора. Но стоило публикации немецкого исследователя выйти из печати, как на нее сразу откликнулись рецензенты-слависты, все мнения которых мы рассмотрим ниже, и указали, что искомый им автор давно известен: это Ян Амос Коменский, а текст представляет собой список с учебника *Orbis Sensualium Pictus*. Однако ошибка Клютинга привела к положительным последствиям: если бы он знал, что у него в руках знаменитый текст Коменского, вряд ли он стал бы его издавать, а благодаря его заблуждению появилась первая публикация русского рукописного перевода данного сочинения. И вот этот факт слависты оценили весьма высоко: сразу же был поставлен вопрос атрибуции не автора, но переводчика данного текста.

Норвежская исследовательница Сири Свердруп Лунден (*Siri Sverdrup Lunden*) отмечала, что первый перевод *Orbis Pictus* на русский язык, сделанный пастором Э. Глюком в Москве (до 1704 г.), имел иное по сравнению с лейденским текстом название: *Круг вся вселенная в лицах*. Поэтому, полагала она, Клютингом был опубликован другой перевод учебника Коменского. Его автором мог быть тот, кто составил следующий за текстом *Orbis Pictus* «Алфавитный русско-немецкий словарь». Вероятным переводчиком Лейденского списка Свердруп Лунден назвала И. В. Пауса. Она призывала сравнить лейденский перевод с другими русскими версиями, а в качестве печатного оригинала текста, использованного в Лейденской рукописи, видела магдебургское латинско-немецкое издание *Orbis* 1723 г. [Sverdrup Lunden 1980: 91–93].

Английский славист Генри Лиминг (*Henry Leeming*) указал на большое сходство текстов Лейденского манускрипта с главами перевода пастора Глюка, опубликованными В. Н. Перетцем. Г. Лиминг, в отличие от Клютинга, полагал, что рукопись делалась для личного пользования немцем, интересующимся русским языком [Leeming 1980: 273–274].

Славист Эрика Гюнтер (*Erika Günther*) проанализировала язык рукописных текстов перевода *Orbis Pictus*, показав особое с лингвистической точки зрения место Лейденской рукописи среди других списков [Günther 1981: 602–604; Eadem 1984: 42–51]. Она обнаружила существенное совпадение текстов рукописей БАН 1.2.1, Пражской и Чеховской рукописей (подробнее о них см. ниже), что свидетельствовало об их общем протографе, и отнесла Лейденскую рукопись к этой же груп-

пе списков *Orbis Pictus*. Однако она отметила в ней большое количество ошибок, и если некоторые можно было объяснить спешкой, то другие свидетельствовали скорее о том, что писец недостаточно владел русским языком [Günther 1984: 46]. Особенно значимым представляется наблюдение Гюнтер над самостоятельными особенностями языка Лейденской рукописи: в сравнении с тремя другими рукописями она выделила на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях более поздние по времени языковые формы [Ibid.: 47–50] и объясняла это более поздним временем ее возникновения [Ibid.: 51]. Перевод рукописи БАН 26.3.50 и переводы для русско-японской школы (Институт восточных рукописей РАН 1. Оп. 4. Д. 11; Ibid. Д. 6) Гюнтер изначально считала независимыми, не связанными с Лейденской рукописью, а потому их лингвистического анализа не проводила.

К началу 1980-х гг. Лейденская рукопись перестала привлекать к себе внимание исследователей, и до настоящего времени новой литературы о ней не появилось. Остались без ответов вопросы о том, чем же являлась рукопись в целом и с какой целью она была составлена.

О первом русском переводе *Orbis Pictus*

Эта история началась в Москве на Покровке, где в школе, организованной в 1703 г. пастором Эрнстом Глюком (1652–1705), русские ученики осваивали премудрости латинского и немецкого языков [Перетц 1902; Белокуров 1907; Ковригина 1998; Glück, Polanska 2005]. Для нее были закуплены лучшие учебники, снискавшие мировую известность, и в их числе *Januae linguarum vestibulum majus*, *Janua linguarum reserata* и *Orbis Sensualium Pictus* великого педагога и философа Яна Амоса Коменского [Безрогов 2017a]. Экземпляры *Orbis Pictus*, изданные в немецко-латинской версии в Нюрнберге и Бреслау в конце 1660-х — 1690-е гг., сохранились в библиотеке Синодальной типографии и других книгохранилищах¹ и несут на себе следы учебного применения: разнообразные пометы, надписи на немецком, латыни, русском, рисунки, шифры, диаграммы, примеры и т. п. Владельческая запись на одной из таких книг — Иван Хрущев — сделана учеником, значившимся в списках «немецких школ» в 1705, 1708–1711, 1714 гг. [Безрогов 2018]. Но для преподавания в русскоязычной среде необходимо было иметь *Orbis Pictus* на русском

¹ В России подобные экземпляры хранятся в Музее книги Российской государственной библиотеки (РГБ), в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в Отделе редкой книги Научной библиотеки Московского государственного университета (НИИ ОРК НБ МГУ), Российской национальной библиотеке (РНБ), Библиотеке Академии наук (БАН), Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ) и, по-видимому, могут находиться в других собраниях.

языке. Такой перевод был выполнен, вероятно, пастором Глюком и получил название *Круг всея вселенныя в лицах*. Два варианта этой рукописи, переписанные почерком Иоганна Вернера Пауса [Перетц 1902: 74–75; 159–161], заменившего Глюка в школе после его неожиданной смерти, хранятся в Библиотеке Академии наук (БАН): 26.3.50 и 1.2.1. Тексты не совпадают между собой: по мнению чешского исследователя Чумы, «это объясняется тем, что первый вариант был составлен Глюком раньше (может быть, еще в Лифляндии)» [Чума 1970: 32].

Глюк хорошо знал русский язык. Живя в Лифляндии, он трудился над русским переводом Библии, погибшим в пламени Северной войны; в 1704 г. подготовил особую *Грамматику русского языка* [Glück 1994] и перевел *Vestibulum* и *Janua linguarum reserata* Коменского. Перевод *Orbis Sensualium Pictus* не составлял для него трудновыполнимой задачи, хотя, думается, он обращался за консультациями к русскоговорящим людям. Однако никакого текстологического или палеографического анализа указанных рукописей БАН до сих пор не было произведено, а атрибуция текста Глюку [Winter 1953: 204; Перетц 1902: 155–161] хотя и весьма правдоподобна, но является гипотетической, поскольку нет никаких *прямых* указаний на него как на переводчика [Glück, Polanska 2005: 116–120; Безрогов 2017а: 12–13; Idem 2018: 224]. Возможно, это два разных перевода, сделанные разными людьми, а переписанные — одним.

Отметим, что в основу труда Коменского была положена идея преподавания латыни как базового языка для единого образования полилингвальной и разнородной Европы XVII в. Написанный в 1653 г., но не изданный в одноязычной латинской версии, *Orbis* вышел в 1658 г., обретя параллельный немецкий текст, а с ним — возможность освоения учеником латыни через родной язык. В 150 текстах и рисунках автор показывал ребенку мир как единое целое — пространство, раскрывающееся человеку через его чувства (зрение, слух, обоняние, осязание) и осваиваемое через язык — поименование всего сущего [Bezrogov 2017: 113–114]. К началу XVIII в. учебник был переведен на английский, французский, итальянский, польский, венгерский, датский и другие языки, издан в двух-, трех-, четырех-, пяти- и даже шестязычных версиях и использовался в образовательных практиках большинства европейских стран [Ibid.].

В России европейские издания пособий Коменского применялись в частном обучении в Немецкой слободе, затем — в появившихся московских школах. Однако пастору Глюку не удалось осуществить свои планы и опубликовать русский перевод *Orbis*. Единственный типографский орган — Печатный двор в Москве — не имел латинских шрифтов

и не мог воссоздать сложные иллюстрации². Более того, последующие попытки выпустить учебник Коменского для нужд учащихся университетских гимназий тоже не осуществились по техническим причинам [Безрогов 2018: 242–243], а появившееся наконец в 1768 г. московское издание *Orbis* не имело картинок. Начало издания светской учебной литературы Петр I предпринял в Амстердаме, а не в Москве, поскольку

[...] в московской типографии печатались книги почти исключительно духовного содержания, причем с обязательного благословения Патриарха. Соответственно, издание в ней целой серии светских учебников, причем составленных по книгам ученых-иноверцев, было явно неуместным [Зарецкий 2020: 266–267].

Думается, что типографские трудности [Починская 2011] Глюк хорошо представлял и потому шел другим путем: максимально использовал западноевропейские печатные издания *Orbis* вместе с его русским рукописным переводом. Расплести печатную книгу и вставить в нее чистые листы для вписывания русского текста [Безрогов 2018: 231–232], а также французского [Ibid.: 237] или японского [Чума 1970: 57–61] было возможным, но весьма сложным делом. Гораздо проще положить рядом с русской рукописью европейское издание и учиться одновременно по обоим — «синтетическим» способом. Подчеркнем, что в этом случае не утрачивалось и значение иллюстраций, неизбежно отсутствовавших в рукописных вариантах пособия.

Рукописные списки перевода *Orbis Pictus*

Лейденская рукопись содержит в себе перевод *Orbis Pictus* на русский язык. В первую очередь следует понять, что это за перевод, кем и когда он был сделан. Далее нужно прояснить, какие существовали еще (помимо работы Глюка) переводы *Orbis* на русский, выполненные до московского издания 1768 г. (пер. И. М. Шадена). Для этого необходимо сделать сравнение всех русских рукописей *Orbis*. К настоящему времени известно 7 полных списков³ и несколько фрагментарных [Чума 1970; Günther 1984; Безрогов 2017a; Idem 2018]. Все они изучены недостаточно — как текстологически, так и палеографически⁴.

² Отметим, что иллюстрированный Букварь Кариона Истомина печатался в 1694 г. целногравированными листами и малым тиражом [Лукьяненко 1981: 5].

³ 1) БАН 26.3.50; 2) БАН 1.2.1; 3) Библиотека Национального музея Праги IX.E 41; 4) частное собрание Н. В. Чехова (утрачена); 5) Институт восточных рукописей РАН Р. 1. Оп. 4. Д. 11; 6) Ibid. Д. 6; 7) Maatschappij Nederlandse Letterkunde (KL) Ms. LTK 584 Ch. G. Wolf, Russisch-hochdeutsches Wörterbuch, Leiden.

⁴ За помощь и консультации по рукописям и текстам благодарим Т. В. Костину, П. И. Прудовского, А. В. Толстикова, Н. В. Назарова.

За рукописями БАН (26.3.50 и 1.2.1), созданными ранее 1705 г., хронологически следует Пражская рукопись *Orbis Pictus* (IX.E.41), датируемая первым десятилетием XVIII в. [Яцимирский 1921]: «Начало учения. Учитель ученик беседует. *Orbis Pictus*. Я. Амос Comenii». Рукопись содержит только русский текст, написанный многими небрежными (возможно, ученическими) почерками, главы даны без названий, лишь с обозначением их номеров кириллическими цифрами, т. е. прослеживается определенное сходство с рукописью БАН 1.2.1 (в БАН 26.3.50 названия глав есть и текст расположен иначе).

Еще одна рукопись — Чеховская (находилась в личной библиотеке Н. В. Чехова) — в настоящее время утрачена, но работавший с ней Чума выполнил ее краткое описание и опубликовал фото нескольких страниц. Этот русский перевод был написан на чистых листах, вплетенных в издание *Orbis*, напечатанное в Магдебурге в 1714 г., следовательно, список не может быть датирован ранее этого года, но почерк и владельческие записи определенно относятся к петровскому времени.

Далее назовем рукопись библиотеки Лейденского университета (Ms. LTK 584). Именно ей посвящена данная статья, и потому опишем ее подробнее. Манускрипт содержит в себе 237 листов размером 19,5 × 16 см. Филигрань — «герб города Амстердама» — относится к 1716 и 1729 г. [Klueting 1978: XXII–XXIII; Van den Baar 1968: 13–14]. Переплет рукописи — кожа коричневого цвета. Содержание, в отличие от всех других рукописей, расширено дополнениями и выглядит следующим образом: 1) молитва «Отче наш» на разных языках и алфавиты нескольких языков; 2) полный русский перевод 150 тематических глав *Orbis Sensualium Pictus* Я. А. Коменского (русский заголовок: «Свет видимый»)⁵ с параллельным немецким переводом и тематическими словариками; 3) немецко-русский «Алфавитный словарь». На оборотном листе переплета — запись с именем некоего Христиана Готлиба Вольфа с датой: ноябрь 1731 г.

Еще две рукописи, несколько более поздние, чем Лейденская, хранятся в Институте восточных рукописей РАН (Р. 1. Оп. 4 Д. 6 и Д. 11). По некоторым гипотезам, они подготовлены в 1736–1739 гг. А. И. Богдановым (1692–1766) для учеников, изучающих японский язык: в этих манускриптах он дан параллельно русскому тексту [Чума 1970: 55–59].

⁵ Заголовок выглядит так: «СВѢТЪ ВИДИМЫ звание», т. е. «название "Свет видимый"». Это перевод с немецкого заглавия изданий Коменского: DIE SICHTBARE WELT.

Пилотное сравнение рукописных списков с переводом *Orbis Pictus*

Автор основополагающего труда по русским переводам сочинений Яна Амоса Коменского — чешский исследователь Чума — полагал, что каждый из перечисленных выше списков содержит самостоятельный перевод *Orbis Pictus* [Чума 1970], и это мнение никем не подвергалось сомнению. Так, относительно Чеховского списка он писал: «Кто является переводчиком, установить невозможно. По всей вероятности, Смирнов или Константинов, фамилии которых написаны на книге» [Чума 1970: 41]. Однако очевидно, что это имена владельцев рукописи, а не переводчиков. Гипотеза Чумы о самостоятельном переводе *Orbis* А. И. Богдановым также спорна и не имеет серьезного обоснования [Ibid.: 55–59]. Сравнение списков Чумой не было проделано, что заставляет серьезно усомниться в его представлениях.

Вероятно, из-за того, что ни одна из этих рукописей не была опубликована, при этом они находятся в архивах разных городов и стран, их сопоставление до сих пор не было произведено в полной мере⁶. Теперь же компьютерные технологии весьма упростили эту задачу: тексты могут быть оцифрованы (как это сделано Лейденской библиотекой в отношении рукописи *Ms. LTK 584*) и их сравнение окажется посильным. В рамках нашей статьи основательный текстологический анализ рукописей неосуществим, но пилотный вариант такого исследования необходим: без него все дальнейшие рассуждения о Лейденской рукописи будут некорректны.

Мы имеем тексты Пражской, Лейденской и частично Чеховской рукописей, а также фрагменты рукописи *БАН 1.2.1* [Перетц 1902: 159–161], что дает возможность сделать ряд чисто «механических» сравнений⁷.

Глава 97. Школа

Современный перевод

Ю. Н. Дрейзина [Коменский 1941]

Школа есть мастерская, в которой юные души воспитываются в добродетели; она разделяется на классы. Учитель сидит на кафедре, ученики — на скамьях. Учитель учит, а ученики учатся. Кое-что пишется для них мелом на доске. Некоторые ученики сидят за столом и пишут. Учитель исправляет ошибки. Некоторые стоят и читают вслух то, что они выучили на память. Некоторые разговаривают и ведут себя как шаловливые и небрежные ученики. Они наказываются лозой и розгой.

Пражский список (л. 28об.)

Школа есть делателище, в котором молодые души к благочестию привыкают (обыкаются) и разделяется во училище учитель сидит на кафедре (здесь текст главы 97 обрывается).

⁶ Исключение составляет статья Э. Гюнтер [Günther 1984], о ней см. выше.

⁷ Тексты рукописей здесь и далее приводятся в современной транскрипции.

Чеховский список [Чума 1970: 40]

Школа есть делание в которой младыя смысли ко благочестию обыкаютца и разделяютца во учении. Учитель сидит на катедре ученики на лавках он учит сии учатца некоторое им предпишетца мелом на таблице некоторые сидят за столом и пишут он поправляет описки. Некоторые стоят и сказывают что училися некоторые памятливы и ставят себя резвыми и неприлежными и смиряютца палкою и лозою.

Лейденский список (лл. 109об.–110)

Школа есть делателище, [в котором — пропуск — В. Б., О. К., Е. Р.] млады души к благочестию обыкаются и разделяется во училище учитель сидит на катедре ученики на лавках он учит сии учатся некоторое им препишется мелом на таблице некоторые сидят при столе и пишут он поправляет описки некоторые стоят и прослушают что училися некоторые беседуют и ставят себя резвыми и неприлежными и посмиряются палкою и лозою.

Глава 101. Философия

Современный перевод

Ю. Н. Дрейзина [Коменский 1941: 40]

Естествоиспытатель наблюдает все дела Божьи в мире. Философ исследует причины и следствия вещей. Математик высчитывает числа при помощи сложения, вычитания, умножения, деления. Он делает это или посредством цифр на счетном пергаменте, или счетными фишками на счетном поле. Крестьяне считают десятками и пятками «дюжинами, по пятнадцати и по шестидесяти.

Пражский список (л. 30)

Фусик испутует вси твари божия на свете. Местафюзик испутует веще и причины и деиства счотны мастеръ сочтет числа когда их собираетъ отнимаетъ умножаетъ разделяетъ и тое или цифрами такоже на коже или чотными пенязями на столе цифирным хрестяны сочтот десятками и пятками, и дюжинами пятьюнадеятками шестидесятками.

Чеховский список [Чума 1970: 40]

Натуры физик разсмотрят все сотворение божие в свете. Физик испытует вещей причины и действа. Щетный мастер щитает числа. Когда их собирает от одного отнимает умножает и разделяет и тако цифарми на коже счетными пенязями на столе цифирном. Крестьяне щитают крестами (X) и полукрестами (V) дюжинами, пятнадцатками и шестидесятками.

Лейденский список (лл. 115об.–116)

Фисик испитует вся твари божия на свете. Метафисик испитует веще и притчины и деиства, щетный мастер щитаает числа, когда их собирает, отнимает, умножает и разделяет и тое или цифрами на коже или четными пинязями на столе цифирном крестьяня щитаают десятками [X] крест десятков [X] и пятками [V] пол креста пятак, дюжинами пятьнадесятками и шестидесятками.

Можно сопоставить разделенные четвертью века списки БАН.1.2.1 и Лейденский.

Глава 91. Наука письма

Список БАН.1.2.1 [Перетц 1902: 160]

Древные писали на воощеных дщицах медяною спичкою, его же острым концем буквы тянулися, плоским же концем паки очернилися потом писали буквы тонкою тростою; мы употребляем [уживаем] гусиное перо, его перочин мы чиним перочинником, потом обмакиваем рощеп в чернилницу, которая покрыта есть покрывкою [заверткою] и перья кладем в трубку. Писмо сушим сушительною бумагою. Или песком из песочницы. Мы же пишем от левыя к правой, Евреяны от правыя к левой руке. Китайские люди и другие индейны сверху вниз.

Лейденский список (л. 103об.–104об.)

Писательное художество.

Древные писали на воощаних дщицах медною спичкою, его же острым концем паки очернилися, потом писали буквы тонкою тростою; мы употребляем гусиное перо, его перочин мы чиним перочинником, потом обмакиваем рощеп в чернилницу, которая покрыта есть покрывкою [заверткою] и перья кладем в трупку. Писание сушим сушительною бумагою. Или песком из песочницы. Мы же пишем от левыя к правой, Евреяне от правыя к левой руке, китайские люди и другие Индейны сверху вниз.

Глава 92. Бумага

Список БАН.1.2.1 [Перетц 1902: 160]

Древные люди употребляли буковыя таблицы или листы, иаякоже и корки древес, наипаче египетскаго древца, что назывался папирус, ныне употребляемая есть бумага, которою бумажник в мельнице бумажной из всяких трепиц делает, которыя в кашу стираются, ею же во образцы черпаную, он распространит в листы, на воздух вешивает, чтобы сушилися, их же ке делают десть, ке дестей — стопу. Что долго будет постояти, пишется на пергаменте.

Лейденский список (л. 105об.–106)

Древния люди употребляли буковыя таблицы или листы, иаякоже и корки древес, наипаче египетскаго древца, что назывался папирус, ныне употребляемая есть бумага, которою бумажник в бумажной мельнице из ветхих трепиц делает, которыя в кашу стираются, его же во образцы черпаную, он распространит в листы, и на воздух вывешивает, чтобы сушилися, их же двадцать пять, делают десть, двадцать дестей — стопу. Намень долго будет постояти, пишется на пергаменте.

Глава 95. Переплетчик

Список БАН.1.2.1 [Перетц 1902: 161]

В древних временах клеили одну бумагу к другои и свертывали в один сверток; ныне переплетет переплетчик, когда листы, клеиною водою укрепленных, сушит, потом съложит и биет, когда же сшивает, жмимает в тисках, которая имеет два шурупа на хребте, клеит, резцем обрезывает. Напоследок пергаментом или кожею навлечет, изобразует и им прибиет засташки.

Лейденский список (л. 109)

В древних временах клеили одну бумагу к другои и свертывали в един сверток; ныне переплетет книги переплетчик, когда листы, клеиною водою укрепленных, сушит, потом слагает и биет, когда же сшивает, жмимает в тисках, которой имеет два шурупа на хребте, клеит, реском обрезывает. Напоследок пергаментом или кожею навлекает, и им прибывает засташки.

Аналогичные сходства мы видим и при сравнении других глав. Даже небольшие фрагменты четко демонстрируют одинаковую структуру и лексику текстов разных списков при некоторых пропусках слов и естественных различиях в орфографии [Günther 1984].

Обратим внимание на использование в тексте русского перевода *Orbis* синонимов, вписанных в квадратные скобки. Так, в Лейденской рукописи поясняются некоторые церковнославянизмы: *вертеп* [хлебина] (л. 186); *ад* [зеенский огонь], *шлем* [шелом] (л. 169об.). Такие же варианты слов есть и в других списках, например, в Пражском, но его писцы не любили ставить скобки. Сравним тексты в главах про город (122 и 123) в Пражском и Лейденском списках:

Пражский список

«[...] в город ходят из посада сквозь врата через мост [...]» (лл. 36–36об.)

«гостинный двор стоялой двор харчевни и шинки кабаки» (л. 36об.)

«богаделна божница (sic!)» (л. 36об.)

«река или поток проточина сквоз город текущая» (л. 36об.)

Лейденский список

«[...] в город входят из пасада сквось вратами, чрез мост [мостом] [...]» (лл. 146–146об.)

«гостинный двор [стоялой двор] шинки [кабаки] и харчевни» (л. 147об.)

«богаделна [болница]» (л. 148)

«река или поток [проточина] сквоз город текущая» (л. 148)

Как кажется, писцы Пражской рукописи не понимали значения скобок, мало присущих допетровской письменности и, в отличие от писца Лейденского списка, правильно их копировавшего, скобки пропускали, почему и прочли слово *больница* (синоним богадельни) как *божница*. Но есть примеры, когда квадратные скобки поставлены во всех списках: так, в списках БАН 1.2.1, Пражском и Лейденском сказано одинаково: чернильница *покрыта есть крышкою [заверткою]*. Отсюда ясно, что синонимы в скобках имел первоначальный русский перевод (вероятно, Глюка) к которому и восходят более поздние списки.

Таким образом, даже пилотное сравнение дает достаточно совпадений для того, чтобы прийти к выводу о существовании единого протографа русского перевода *Orbis Pictus* для всех семи его рукописных списков. Косвенным доказательством существования одного, а не нескольких русских переводов *Orbis*, также служит следующий «рациональный» довод: учебник Яна Коменского содержит огромный корпус лексики — достаточно сложной и тематически предельно разнообразной. Выполнять перевод такого сочинения каждый раз заново — огромный и вряд ли оправданный труд.

Разночтения списков связаны с тем, что в процессе копирования первоначальный текст претерпевал изменения, но их не столь много,

чтобы оригинал не был четко узнаваем. Гимназия Глюка успела выпустить немало учеников, в том числе таких известных переводчиков, как братья Веселовские [Серов 2008: 30–31] или А. Ф. Хрущев. Обучаясь в гимназии по *Orbis Pictus*, они знали этот учебник и в собственной преподавательской практике, вероятно, стремились использовать его же. Думается, подобным путем списки *Orbis* получили достаточно широкое распространение — наличие рукописей в Праге и Лейдене свидетельствует о том, что такие тексты покидали пределы России вместе с переводчиками и дипломатами.

Отметим, что аналогичное явление — широкое хождение алфавитных словарей, тематических глоссариев, разговорников, перечней профессиональной лексики и др., переписанных от руки и составленных в учебных целях, — отмечается европейскими славистами, изучающими русско-немецкие, русско-шведские и т. п. тексты конца XVII — начала XVIII в. [Günther 1964: 15–23; Sverdrup Lunden 1975: 47–49]. Исследователи считают, что многие подобные манускрипты восходили к педагогической традиции учебников Коменского (прежде всего *Janua Linguarum*) и часто являлись различного рода списками с общего оригинала [Sjöberg 1966; Birgegård 1971: 84–87; Junson 1975: 102].

Особенности текста Лейденской рукописи, восходящие и не восходящие к протографу

Как отмечалось выше, языковые особенности Лейденской рукописи были описаны Э. Гюнтер. Не претендуя на полное сравнение списков, добавим к ее наблюдениям еще некоторые.

В период формирования русского литературного языка первой половины XVIII в. среди первых кодификаторов русского литературного языка сформировалась идея отмежевания церковнославянского от русского. Петр I сам поддерживал формирование «простого» русского языка. Однако, изучая *Грамматику* пастора Глюка, В. М. Живов и Х. Кайперт пришли к выводу, что в ней «никакого последовательного противопоставления русского и церковнославянского не устанавливается», она «предназначалась для обучения русскому языку в организованной Глюком школе и в силу этого имела “синтетический” характер, соединяя материал традиционного книжного и некнижного языка» [Живов 1996: 198].

Это направление было продолжено Паусом, который полагал, что «славянский и русский образуют своеобразное единство» [Живов 1996: 200]. Анализируя перевод на русский язык антологии Сейбольда (Зейбольда), сделанный Паусом, итальянская исследовательница М. К. Брагоне также заключила, что «в переводе преобладают харак-

терные черты русского языка, рядом с которыми все-таки в определенных случаях встречаются черты, свойственные церковнославянскому» [Брагоне 2018].

В Лейденской рукописи тоже есть незначительное количество церковнославянизмов (*в руце, дщица* (л. 104об.), *пря* (л. 150), *в мгновение ока* (л. 194), *позоры* (т. е. спектакли л. 158), *руда* (кровь) и др.), которые отметили Т. ван ден Баар [Van den Baar 1968: 18] и Клютинг, полагая, что составитель лейденского «словаря» владел и «высоким» и «низким» стилем речи. Клютинг также указал на уже редко встречающиеся к 1730 г. церковнославянские буквы *зело, кси, омегу, ижицу, ипсилон* [Klueting 1978: XXIX]. Однако эти, как и некоторые другие наблюдения над языком Лейденского списка ни в коей мере не могут характеризовать его составителя, как полагали вышеназванные исследователи, поскольку являются лишь повторением языка переводчика, автора протографа. Именно в протографе нашел отражение «гибридный» язык, о котором писали Живов и Кайперт, что подтверждает, или, во всяком случае, не противоречит отнесению создателей перевода к кругу лиц, близких к школе Глюка и Посольскому приказу, при котором она находилась.

Самостоятельны, однако, в Лейденской рукописи русские заголовки глав *Orbis Pictus*, и на них следует обратить особое внимание. Анализ заголовков печатных изданий этого пособия Яна Коменского, проделанный В. Г. Безроговым, показал, что заголовки переводили и подписывали сами ученики школы Глюка, используя при этом разговорный язык [Безрогов 2018: 255–256, 260–274]. В Лейденском списке заголовки совсем иные — понятные, но не свойственные разговорному русскому языку, однако употреблявшиеся в церковнославянском. Например: гл. 45. *Земледяние*, гл. 46. *Скотопитание*, гл. 48. *Мелное дело* (действие), гл. 40. *Хлебопечние*, гл. 43. *«Худообразные и уроды»*, гл. 50. *Рыболовение*, гл. 51. *Птицеловение*, гл. 52. *Ловление*, гл. 55. *Винозбирание*, гл. 89. *Корабль обременённый*, гл. 93. *Книгопечатие* и др.⁸. Это работа человека, который, видимо, полагал, что церковнославянский придаст тексту возвышенность и благочестивость или, говоря словами переводчика того времени Федора Поликарпова, «высоту и красоту латинского оригинала», которая есть только в церковнославянском [Живов 1996: 93]. Заголовки глав на немецком языке соответственно написаны в несколько латинизированной форме — *Capittel*, и только в гл. 2 *Kapittel* (л. 11).

В Лейденском списке сохранился языковой пласт протографа, относящийся еще к XVII в.: в скобках он иногда пояснялся современным

⁸ Названия глав Лейденской рукописи на русском и немецком языках см. [Klueting 1978: XLIII–XLVI].

термином. Так, в главе 138 *Королевске* (sic) *величество* королевский совет возглавляет не секретарь, и не канцлер, а *думный дьяк*. В Пражском списке он управляет со *свойственниками* [много говорящая описка писца. — В. Б., О. К., Е. Р.] и *тайными людьми* (л. 40), в Лейденском — с *советниками и тайными людьми [секретарями]* (л. 167). Ближайшее королевское окружение в переводе дано точно так, как это было в допетровское время и фиксировалось в боярских списках вплоть до 1713 г.: *дворецкой, кравчей, столник, казначей, спалник комнатный и конюший* (л. 167). Немецкие реалии (*die Hoffjuncker Pagen Edelcknaben mit den Kam(m)erdienern und Läufern*, etc.) переводчик максимально приблизил к русским. Интересно, что в Пражском списке эти дворцовые чины пропущены, но есть думные чины: *околничия, бояря* (л. 40), в Лейденском же это: *околничие и бояричи* (видимо, дети боярские), *со спалниками и скороходцами, пратазаничики со гвардиєю* (л. 167). Эти «осколки» терминологии XVII в. говорят о том, что перевод *Orbis Pictus* делался в самом конце этого века или в первые годы следующего.

Характерным для речевого стиля петровского времени было заимствование иностранных слов, к 1730-м гг. оно усилилось. Однако в переводе они используются в исключительных случаях — когда не находилось русского эквивалента — и по возможности было дано разъяснение: *банкет* (л. 69), *авдиенция* (л. 167об.), *шанцы* (л. 174), *пояс или портупей* (л. 170), *баталия* (л. 173), *кометы — хвосточныя звезды* (л. 193).

В переводе широко использовалась и обыденная речь: «[...] пьяницы упиваются, шатаются, блюют, и с пианства похмелье происходит, из него же нечестная жизнь между блядунами и блятками целованием, осязанием, облобызанием и плясанием» (гл. 112 *Воздержание*).

Таким образом, русский перевод *Orbis Pictus* в его лейденской версии сохранил в себе «гибридный» язык петровского времени, в котором сочетались новизна — т. е. установка на «простой русский язык» — и преемственность — формы книжного, церковнославянского языка [Живов 1996: 110–111].

Обратим внимание и на то, какой из видов нумерации использован в разных списках. Писцы ранних рукописей (БАН 1.2.1 и Пражского) свободно и привычно пользовались кириллическим счетом: именно так изначально пронумерованы все главы, но к ним в обоих случаях другой рукой подписаны арабские цифры. В их текстах также использованы кириллические цифры, так в Пражском: *и по ѿ днѣх вознесен* (л. 44), *в ѿ день* (л. 44), *в лето от создания мира зѣо* (л. 43), — без всяких переводов в другую цифровую систему. Писец же русского текста Лейденской рукописи для обозначения глав пользовался арабскими цифрами — кириллическими он определенно владел очень плохо, есть всего

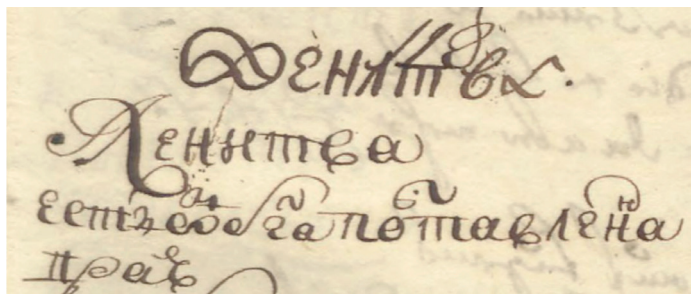
3 примера их употребления: *12 тысяч языческих богов* — цифра вписана другим, нетвердым, почерком (л. 180об.). Также слабо удалась ему попытка написать цифрами сорок (*ṁ*), пришлось поправить на *четыредесяты* (л. 188). В других случаях писец записывал количество словами, а не цифрами: *дюжина, пятьдесят* (л. 147). Дата на л. 186 кириллическими буквами означает 3905 год («гѣ»), но в немецком переводе — 3970 год. Это якобы год рождения Христа в лето от сотворения мира. В тематическом словарики эта дата прописана словами: *тысяща девятсот семьдесят* (в немецком переводе — 1900 и на следующей строке — 70 (л. 189)). Это может быть неправильная датировка по «еврейским мировым эрам», и должно быть 3761 г. Откуда у Яна Коменского взялся 3970 г. (а именно он стоит в оригинале) — неясно.

Есть в Лейденском списке и латинские цифры: XII, XV, LX, к ним дано объяснение: «крестьяня считают десятками [X] крест десяток [X] и пятками [V] пол креста пяток» (л. 116). Таким образом, именно цифры в Лейденском списке являются его особенностью: составитель (писец) знал разные варианты счета — арабский и латинский употреблял безошибочно, кириллический понимал весьма слабо.

Особенности работы писцов Лейденской рукописи

О Лейденской рукописи многое могут сказать наблюдения над работой ее писцов, которые, как увидим далее, являлись также и ее составителями. Писцов было двое; обозначим их, вслед за Клютингом, подтвердившим наблюдения Баара, писец А и писец Б [Klueling 1978: XXVI], поскольку наши выводы с этим полностью совпадают. Эти почерки улавливаются глазом, когда их оба видишь на одной странице. Модификации почерка могут происходить из-за перерыва во времени, из-за смены пера и чернил, из-за физического состояния писца. Поэтому руку одного писца всегда есть опасность принять за несколько. Однако в нашем случае в этих почерках русские буквы «и» и «ж» на протяжении всей рукописи имеют разное начертание: писец А букву «и» писал с петельками снизу мачт, а букву «ж» очень сложным росчерком; писец Б изображал эти буквы иначе. В целом же писец А был склонен к завитушкам и росчеркам пера, писец Б — гораздо более лаконичен в графике букв. Особенно хорошо видны различия в этих двух почерках на л. 140: заголовок *Женитва* написан писцом Б, и вслед за ним идет текст писца А, начинающийся с этого же слова — *Женитва*, которое к тому же содержит обе буквы — «ж» и «и» — в их характерном для каждого из писцов начертании (ил. 1)⁹.

⁹ Здесь и далее все иллюстрации даны с официального сайта библиотеки Лейденского университета: <https://digitalcollections.universiteitleiden.nl>.

Ил. 1. Лейденская рукопись, л. 140

Но при этом оба почерка в целом похожи, что может говорить об общей «школе» русского языка (о почерках разных школ см. [Мошкова 2014]). Хотя массовое издание «типовых» прописей в России началось только с 1782 г., ранее «единой структуры азбук и прописей не существовало» [Белоконь 1988: 10], самодельные «учительские» прописи, использовавшиеся до этого времени, «содержат в себе “модель” будущего типа письма, который будет во множестве вариантов развит в индивидуальных почерках [учеников. — В. Б., О. К., Е. Р.]» [ibid.: 11]. В Лейденской рукописи представлен, на наш взгляд, пример именно такой общей «модели» в двух развившихся из нее индивидуальных вариантах почерка. Это могли быть два ученика одного учителя или учитель и ученик — в том числе старший родственник, обучавший младшего.

Оба писца могли свободно писать и по-русски, и по-немецки. Однако писец А владел русским языком намного лучше, чем писец Б. Об уровне владения ими немецким языком судить трудно, так как они списывали немецкий текст *Orbis Pictus* с печатного издания. Поэтому говорить о качестве перевода с русского языка на немецкий — о чем рассуждал Тон ван ден Баар — просто невозможно, поскольку перевода как такового не было: писцы лишь более-менее механически сводили воедино два текста — русский и немецкий.

Проанализируем, как создавалась Лейденская рукопись. До л. 47 страницы были расчерчены на колонки для русского и немецкого текстов глав и тематического словарика к каждой из них, приблизительно так, как это мы видим в печатном издании. Далее от разлиновки отказались, очевидно, потому, что точно уместить текст в колонки было трудно.

Сначала над текстом работал в основном писец А: с 8 по 43 лист он заполнял обе колонки и на русском, и на немецком языке, в том числе записывал более крупным почерком названия глав¹⁰. Рука писца Б по-

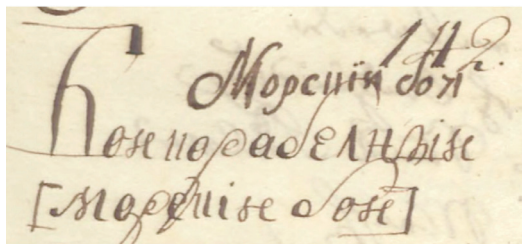
¹⁰ О распределении почерков А и Б в рукописи подробнее см. [Klueting 1978: XXVI].

является здесь лишь изредка в немецком тексте (лл. 9, 14, 16об. и др.).

С главы 42 писцы перестали помещать русское слово *Глава*, оставив только цифру, по-немецки же продолжали писать *Capittel*, но писец А делал это с двумя tt, а писец Б — с одним и в более развернутом варианте: *Das 38te Capitel*. Начиная с л. 43, писец А стал воспроизводить только русский текст, а писец Б — только немецкий.

Сначала писцы заполняли колонку с русским текстом, потом к нему приписывали немецкий перевод так, чтобы немецкое слово шло рядом с русским — в одну строку. При такой записи немецких слов требовались внимание и понимание русского языка.

Помещенный за *Светом Видимым* немецко-русский словарь целиком составлен и переписан писцом Б. Словник был взят из тематических словариков к главам *Orbis Pictus*. Отчетливо видно, как писец Б работал по русскому тексту в связи с составлением алфавитного словаря: писец А помещал в тематические словарики далеко не все слова из глав, писец Б дотошно «вылавливал» эти пропущенные слова и дописывал их в каждый словарь по-русски, переводя тут же на немецкий (см., например, лл. 120, 124об.). Но иногда писец Б тоже допускал небрежность: так, в главах 125 *Казнь* и 126 *Товар и Купец* его приписок в тематический словарь нет, хотя возможности его дополнить были. Поскольку писец Б работал по уже заполненным страницам, места для его дополнений не хватало, и он вписывал их на все свободные места, какие только мог найти. Попутно он исправлял разные «технические» недочеты, допущенные писцом А. Так, писец Б восполнил те русские заголовки глав, которые писец А почему-то стал пропускать ближе к завершению работы¹¹. Например, почерком писца Б написаны: гл. 130 *Позорне (sic) месте* [позорное место, т. е. сцена. — В. Б., О. К., Е. Р.]; гл. 133 *Мячем игра*; гл. 134 *Шахма* (шахматы); гл. 136 *Отрочныя игра*; гл. 137 *Королевство и циема* (нем. *Das Reich und die Landschafften*); гл. 140 *Лагерь*; гл. 141 *Батал*

Ил. 2. Лейденская рукопись, л. 175

лие, гл. 142 *Морских бои*. Некоторые заголовки буквально втиснуты писцом Б между номером главы и ее текстом, так как писец А даже не оставлял между ними места (ил. 2). В основном педантичный Б брал названия заголовков из русского текста, но в нескольких случаях

¹¹ Х. Клютинг считал, что все заголовки выполнил писец А. Это не так, но большинство заголовков сделано им.

латинский заголовок с трудом переводил сам: в гл. 147 *Христианизм* он транслитерировал латинский заголовок, в гл. 148 *Махметския веру* (sic! — см. далее) он первоначально написал *вору*, затем исправил. Две главы остались без названия — это гл. 132 *Die Fechtschul* (в одном из списков ее перевели как *Школа шурмованная* (*шурмование* — фехтование шашкой) [Безрогов 2018: 269]) и гл. 145 об античных богах. Проблема с заголовками, видимо, возникала потому, что русский текст копировался с рукописи типа Пражской, где они отсутствовали.

Как видим, писец Б не просто переписывал текст, его работа имела иной уровень: он редактировал всю рукопись, стараясь привести ее в законченный вид, сам переводил некоторые слова, другие исправлял в основном тексте (его перо было более жирное, чем у писца А). Писец Б был заинтересован в качественном исполнении всей работы, в том числе и Алфавитного словаря, над составлением которого он трудился.

Писец Б знал русский язык, без сомнения, хуже, чем писец А. Об этом говорят характерные ошибки в написании им русских слов, которых у писца А значительно меньше. Уже по приведенным выше заголовкам, исполненным рукой писца Б, видно его нетвердое владение языком. Выписывая русские слова в тематические словарики, он затруднялся ставить их в инфинитив или в именительный падеж, поэтому давал их в той форме, в которой они стояли в тексте. Получалось, например, не *грамотка*, а *грамотку* (л. 112). Алфавитный словарь показывает, что писец Б плохо различал звуки «с» и «з», «б» и «п», «д» и «т», причем не только в позиции оглушения или озвончения, но и перед гласными и сонорными: *асбука* (л. 199), *береса* (л. 202об.), *кваз* (л. 210), *слии ангел* [злой ангел. — В. Б., О. К., Е. Р.], но *злой дух* (л. 207), *семля* (исправлено на *земля*) (л. 210), *желесной гвосдь* (л. 213, 234), *прасдный* (л. 216), *кразильник* (л. 217об.), *свежда утренняя* (л. 231об.), *мызьль* (л. 219), *саец* (223об.), *помасаник* (л. 223); *поярин* (лл. 213, 216об.), но есть и *боярин* (лл. 201об., 212об.), *испранный* (л. 211об.), *клатпище* (л. 222), *панкет* (л. 223), *пуква питагорская* [буква пифагорская. — В. Б., О. К., Е. Р.] (л. 128), *трупка* (л. 215об.) и здесь же *трубка зрительная* (л. 215) и мн. др.¹² Такие ошибки рождались, как кажется, потому что писец Б списывал слово, не имея его перед глазами непосредственно, а переносил с другой страницы, писал по памяти, опираясь на произношение; для носителя немецкого языка мена глухих и звонких характерна даже в сильных позициях, поэтому ошибки писца Б сродни тем, которые допускали немецкие переводчики, работавшие в России. Например, в текстах Пауса происходило смешение звуков «п» и «б» (*брямо*), «ш» и «ж» (*брижол*), «с» и «з» (*змерть*) и т. д. [Перетц 1902: 132–133].

¹² Еще примеры см. [Kluebing 1978: LVIII].

Затруднялся писец Б и с буквами «щ» и «ю», помещая в словарь слова *училище* (л. 208), *конушня* (236об.). Путал он иногда род и падеж: *торгованного человек* (л. 229), *пулечка железный* (л. 212), *слоновие кость* (л. 213), *оселный ленивство* (л. 212) (ослиное упрямство); *духа смрад* (л. 118об.) (смрадный дух), *гусная нога* (л. 118об.) (гусиная нога). Но ошибок не так уж много по сравнению с правильно написанными словами.

Тем не менее писец Б был убежден в том, что хорошо знает русский язык, поскольку уверенно исправлял в тексте писца А: *трубка* на *трупка* (л. 105), *вожжами* на *вожшами* (л. 97об.), *кладези* на *кладеси* (л. 148), *телега* на *делега*, причем букву «е» в этом и в других словах исправлял верно на «ять» (л. 96об.). Возможно, он проверял написание слов по пособию, с которого и переписывался русский текст. Делал он это в тот момент, когда приписывал к русским словам немецкий перевод. Например, он заметил ошибочное слово *похор*, зачеркнул его, рядом поправил на *порох* и тут же написал по-немецки — *Pulver* (л. 171об.) (Рис. 3).

Писец А тоже делал ошибки в словах, например, писал *прадет* (л. 142), *прикас* (л. 147об.), *хрех* (л. 198), но эти случаи единичны и возможны для носителей русского языка. Ему было свойственно написание союза «и» слитно с идущим за ним словом: *ивежливые* (л. 201), *ивнуки* (л. 142об.) и даже *прикоторых* (л. 170об.), но немецкий перевод от этого не страдал, поскольку опирался на немецкий печатный текст. Свои описки при копировании текста писец А тут же исправлял. Например, он написал: *Возглашается одним глазом*, но затем переправил — *гласом* (л. 113), вместо *чело* дважды написал *село*, но оба раза исправил (лл. 129об.–130), неправильно им списанное слово *вымышляет* как *вымляет* замалевано и сразу же выправлено (л. 113). Иногда писец А пропускал или путал строку копируемого текста. Например, слово *приданое* попало не в ту строку текста, его писец обвел рамкой (не зачеркнул) и чуть ниже написал его на нужном месте (л. 140об.). Точно так же на л. 152об. во фразе *Продавец / показывает товар / и сказывает цену*, писец, ошибившись, написал *продавец / показывает цену*, заметил это, *показует цену* зачеркнул и далее написал правильно, в нужной последовательности.

Исправляя ошибки, писец А их удалял так, чтобы слова в колонке не изменили своего порядка. Это было важно для припи-

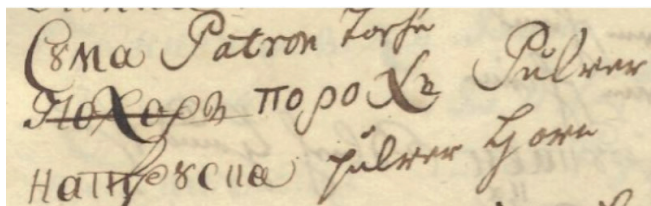
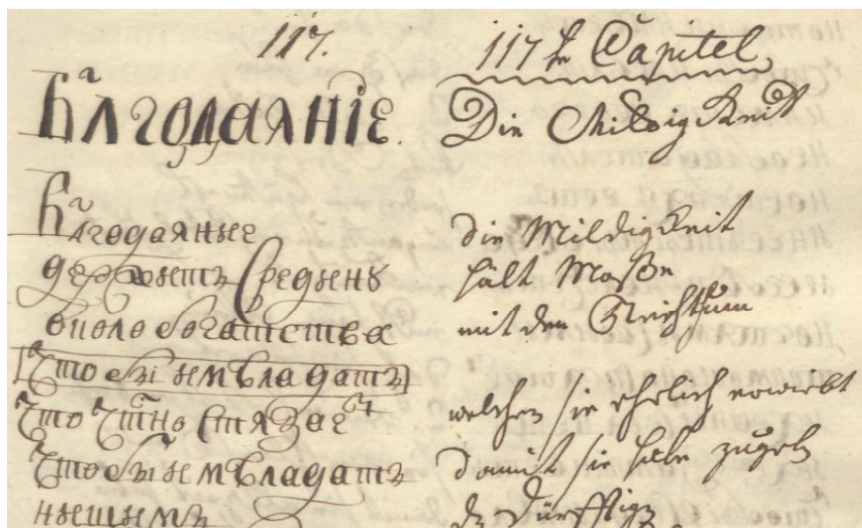

Рис. 3. Лейденская рукопись, л. 171об

Ил. 4. Лейденская рукопись, л. 139

ски немецкого перевода к русским фразам, дабы писец Б не сбился. Очевидно, что писцы А и Б работали вместе, помогая друг другу. Например, к словам *чтобы им владеть* пропущен немецкий перевод (л. 139), писец А эти слова обвел, тем самым указав на этот просчет писцу Б (ил. 4).

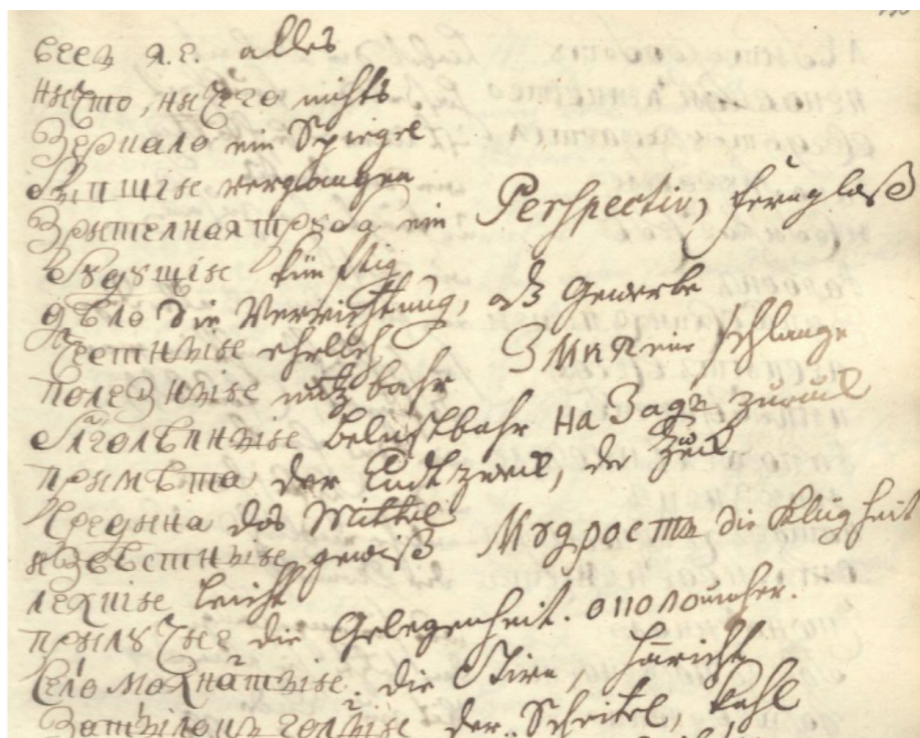
Писец А, в отличие от писца Б, умел правильно переводить для словарика русские глаголы в форму инфинитива, существительные ставить в именительный падеж, а для прилагательных указывать изменения окончаний по родам. При некоторых словах (например, оканчивающихся на -ьи, им поставлены парадигмы склонений «я, е»), иногда «ьи, я, е» показываются отдельно от какого бы то ни было слова как парадигмы словоизменения.

В некоторых случаях писец А пропускал слова. Так, на л. 125об., где написано *и в южную землю которая есть*, писец немецкого текста, следуя смыслу, завершил фразу: *...so noch unbekandt*, «которая есть неизвестная». Слово *неизвестная* помещено в тематическом словаре к этой теме, писец А там его воспроизвел, но утрату смысла не заметил. На л. 137 он написал: *быть неподвижной завязанными* и потерял тем самым смысл, который затем писец Б воспроизвел *mit verbundenen Augen*, «с завязанными глазами» (речь идет о «Правде-Юстиции»). При хорошем знании русского языка такие ошибки не остались бы незамеченными, хотя они могут также свидетельствовать о весьма небрежном отношении писца А к своей работе. Все вышесказанное свидетельствует о достаточно свободном владении писцом А русским языком. Но написанные им части текста на немецком в первой части

рукописи свидетельствуют о том, что он хорошо владел сложным немецким скорописным канцелярским письмом и не делал ошибок в немецком языке. Никто из славистов, занимавшихся языком Лейденской рукописи, даже не заподозрил участия в ее создании носителя русского языка. Отсюда правомерна гипотеза о том, что писец А был билингвом, возможно, «русским немцем», родившимся в Немецкой слободе.

Тематические словарики по главам в Orbis Pictus

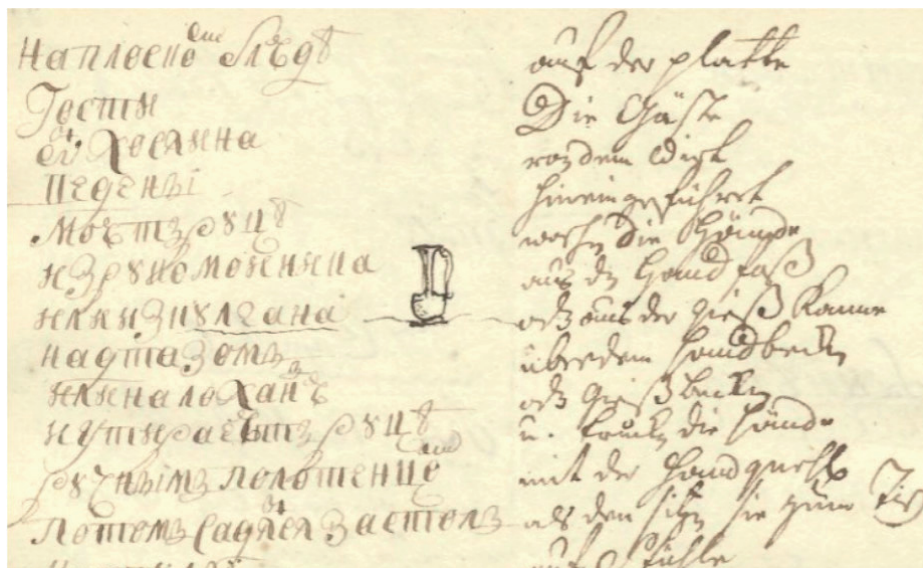
В печатных изданиях *Orbis Pictus* изображения разных предметов имели рядом цифру, по которой легко было найти слово в словарики, находившемся в третьей колонке. Рукописные списки на русском языке картинок не имели, поэтому словарики в главе должны были строиться иначе: в нем выписывались все слова из текста той или иной главы. Писец А, закончив писать текст главы, переходил к работе над словариком, не давая ему никакого заголовка (ил. 5). Составляя словарики, он выписывал слова прямо из текста, а вот для Алфавитного немецко-русского

Ил. 5. Лейденская рукопись, л. 130

словаря нужны были карточки (или отдельные листочки)¹³, иначе систематизировать словник было просто невозможно.

Свердруп Лунден увидела совпадение слов в словариках Лейденской рукописи с третьей (словарной) колонкой в издании *Orbis Pictus* 1723 г., хранящемся в Осло [Sverdrup Lunden 1975: 91–93]. Однако на этом основании делать вывод о том, что Лейденскую рукопись копировали именно с этого издания, все же затруднительно, поскольку в нем не имеется русских слов, а сам словарик обычно привязан к картинкам, которых в Лейденской рукописи нет. В целом же словарный состав не может не совпадать, так как одинаков изначальный текст глав, написанных Яном Амосом Коменским. Ближе к истине был Лиминг, писавший, что таких тематических словариков, как в Лейденской рукописи, нет ни в одном издании *Orbis Pictus* — это инновация [Leeming 1980: 274]. Отсутствие картинок ощущалось писцом А столь остро, что в одном случае он сам нарисовал упоминаемый в русском тексте *кулган* (кумган) — восточный кувшин с длинным носиком, употребляемый при мытье рук (ил. 6). Это тюркское слово давно укрепилось в русском языке, как и

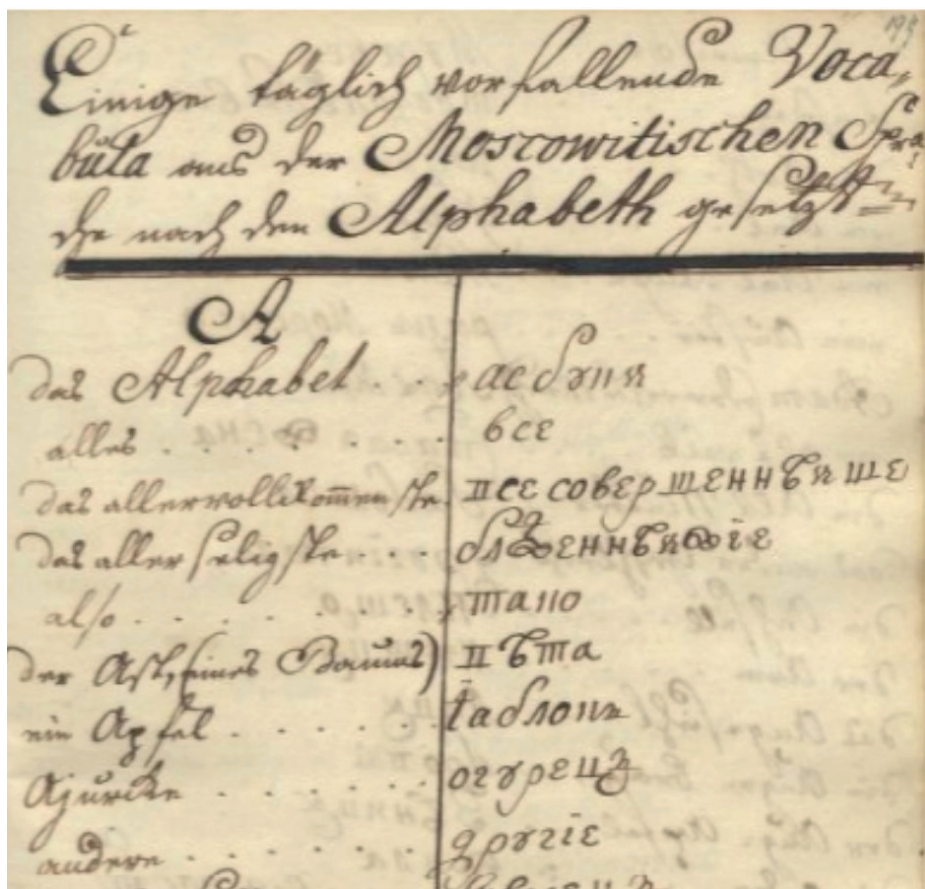
Ил. 6. Лейденская рукопись, л. 69 об.

¹³ Использование листочков бумаги с формализованными записями на них для систематизации большого количества материалов предложил в специальной работе 1548 г. швейцарский ученый Конрад Геснер (1515–1565). Такие записи легко группировались в нужном порядке [Krajewski 2011]. Ко времени работы над Лейденской рукописью эта практика стала уже обычной.

сам сосуд — в московском быту. У Яна Коменского ни такой картинки, ни слова *кумган* нет — речь идет об обычном рукомоинике (по-немецки *aus der Gieß Kanne*). Кумган изображен пером очень точно (л. 69об.) и наглядно демонстрирует, о чем идет речь, для тех, кому этот предмет не знаком (возможно, для писца Б).

Алфавитный немецко-русский словарь

Особой частью Лейденской рукописи является немецко-русский Алфавитный словарь, следующий за 150 главами *Orbis Pictus* (лл. 199–236об). Его название дано только на немецком языке, что указывает на основного адресата: это немецкоговорящий человек, желавший изучать русский язык. Словарь ориентирован на немецкий перечень слов, их 1527. В словнике полностью отсутствуют глаголы — даны

Ил. 7. Лейденская рукопись, л. 199

существительные и изредка прилагательные. Причина этому ясна — писец Б не справлялся с формами русских глаголов.

Немецкие слова написаны почерком четким, но скорописным, что могло создать трудности для тех, кто не знал немецкого языка. Русские же слова — это полуустав, в котором буквы пишутся отдельно (ил. 7), что удобно для чтения и запоминания слов на незнакомом языке. Это еще один аргумент в пользу того, что Лейденская рукопись делалась для обучения немцев русскому языку.

Следует повторить: словарь написан рукою писца Б, который также являлся его составителем. Для него он использовал тематические словарики к главам, в которых слова располагались не по алфавиту. К этой работе возможно было приступить, только закончив переписку *Orbis*, поскольку необходим был полный комплект тематических словариков.

Алгоритм заполнения Алфавитного словаря был иным по сравнению с тематическими словариками: сначала писались немецкие слова на определенную букву алфавита, потом к ним подписывались русские эквиваленты, поэтому немецкие и русские слова соединял пунктир. То, что один человек писал немецкое слово, а затем сразу давал русский перевод, показывают следующие примеры: в разделе буквы В писец по ошибке вписал слева *синии*, а справа *Blau*, тут же зачеркнул и ниже написал, как положено (л. 202об.). Если бы работа была организована иначе, правильный вариант был бы вписан как-то по-другому: глоссой или между строк. Написав *eine Brücke*, писец Б и в русской части написал *eine*, спохватился, зачеркнул, написал *мостъ* (л. 205). А вот на л. 222об. так и оставлено перепутанное *пошлин — Geldstraffe*.

Выбор и группировка немецких слов, начинающихся на одну и ту же букву, из обширного и никак не систематизированного словарного резервуара *Orbis Pictus*, были трудоемкой задачей, невыполнимой без черновиков. Писец Б располагал слова по порядку немецкого алфавита. Иногда он давал русские слова в той форме, как они шли в тематических словариках. Например, русским переводом немецкого *artig* оказалось слово *ивежливый* (л. 201). Другой пример непонимания союза «и»: *и зрительная стеклы* в Алфавитном словаре написаны как *изрительные*, но это странное слово легко переведено — *ein Gesichtsglasß* (л. 220об.).

Так же как в тематических словариках, русские существительные часто давались в той форме, в которой они стояли в тексте *Orbis*: *Blut — руду*; *ein Buch — книгу* (л. 203), *ein Brieff — грамотку* (л. 205об.), *Graß — траву* (л. 218), *die Kreyde — мела* (л. 227об.) и др. Некоторые слова имеют ошибочное написание, и без немецкого перевода их трудно понять: *буболь* (буйвол) (л. 203), *трясосуска* (трясогузка) (л. 203),

кукака (кусака) (л. 205), вкашня (квашня) (л. 203об.), селедена (селезенка) (л. 232) и др.

Словарные эквиваленты в основном однозначны и однословны. Сложносоставные немецкие слова, имеющие более одного корня, а также географические или профессиональные названия, у которых не было однословного эквивалента, переводились описательно, часто несколькими словами: *Böhmen* = Бемская земля (л. 206); *ein Comödiant* = играющая персона (л. 208). Иногда, наоборот, с немецкой стороны даны два слова, а с русской — одно. Например, *anderemehr* — прочіи (л. 201об.). Немецкие слова в процессе этой работы иногда дополнялись пришедшими в голову составителя ассоциациям. Так, рядом с *eine Ameiße* пишется *ämfzig*, и в русском также возникает «микросюжет», но уже без алфавитного соответствия: *муравей трудолюбивый* (л. 199об.), в тематическом словарики сказано иначе — *муравей труждается* (л. 130об.).

К Словарю иногда давались дополнительные разъяснения, отсутствовавшие в русском тексте — *Der Alcoran [türckisch Gesetz]* (л. 202), *der Boden [eines Gemachs]* (л. 204об.), *ein Band [von Bücher]* (л. 205об.), *ein Clausuren [an Bücher]* (объяснение к слову «засдешка», т. е. застёжка книжного переплета) (л. 207об.), *das Cloack [Prevet]* (объяснение к слову «заход», далее *prevet* — нужник (лл. 236об., 208), *Diane [eine Gottin der Jägerey]* (л. 210), *der Eyter [derer Kühe]* (л. 211об.), *das Futter [derer Thiere]* (л. 214), *eine Hechel [zu Flachs]* (л. 225). В первой части словаря таких пояснений достаточно много, далее их почти нет. В этом (как, впрочем, и в части *Orbis Pictus*) проявилась закономерная усталость писца от работы над рукописью и ослабление внимания. «Это явление — уменьшение тщательности копирования к концу рукописи — хорошо известно; оно наблюдается во многих рукописях, — отмечал А. А. Зализняк, — например, во многих акцентуированных рукописях знаки ударения к концу редуют или даже исчезают» [Зализняк 2008: 134]. Действительно, с 220-х листов рукописи некоторые черты ее оформления меняются в сторону упрощения, несколько изменяется и немецкий (но не русский!) почерк. Так, в заключении первых шести словарных разделов писец Б подсчитывал, сколько приведено слов на данную букву (А — 130, л. 202; В — 208, л. 207; С — 47, л. 208об.; D — 72, л. 210; Е — 122, л. 213; F — 168 Stück, л. 217об.); с какой целью делался подсчет слов на каждую букву — для оценки проделанного труда или из любознательности? Однако на букве Н писец Б эти подсчеты прекратил и стал проводить разделительные линии между группами слов на определенную букву. С листа 224 писец Б перестал утруждать себя выписыванием артиклей перед каждым словом: теперь в начале страницы он ставил *ein*, или *eine*, или *die*, или *der*, или *das*, а далее шли только росчерки знака «то же». Он был

уверен в том, что его читатели разберутся, что с *Kater* надо *ein*, а с *Katz* — *eine*. Писец прерывал такой перечень там, где шло слово без артикля (например, *Lauge* — *щелок*, л. 231). Затем снова ставил один артикль на несколько слов. Это еще одно подтверждение тому, что Алфавитный словарь составлялся для лиц, владевших немецким языком.

Алфавитный словарь не был завершен: он обрывается на букве «Р» *Pferdstal... конушня*. После этого с непонятной целью были выписаны из колонки другим пером и в ином порядке (русский — немецкий) два слова: *туфли... die Pantoffeln*, *брус... ein Pfoste*. Может быть, это случайность, а может быть — знак несчастья, вынудившего прервать работу, уже подходившую к финалу.

Между последним листом рукописи и нахзацем помещен листочек, подшитый позднее, со списком из нескольких русских слов: *доходов управлявший... уважение... обрадовано было... улики... щадятъ... в разсказах... туры... врознь... гуртом... подрито...* К каждому слову дано несколько эквивалентов, некоторые на латыни, другие на голландском и немецком. Это, вероятно, свидетельство попыток учить или использовать русский язык владельцами рукописи.

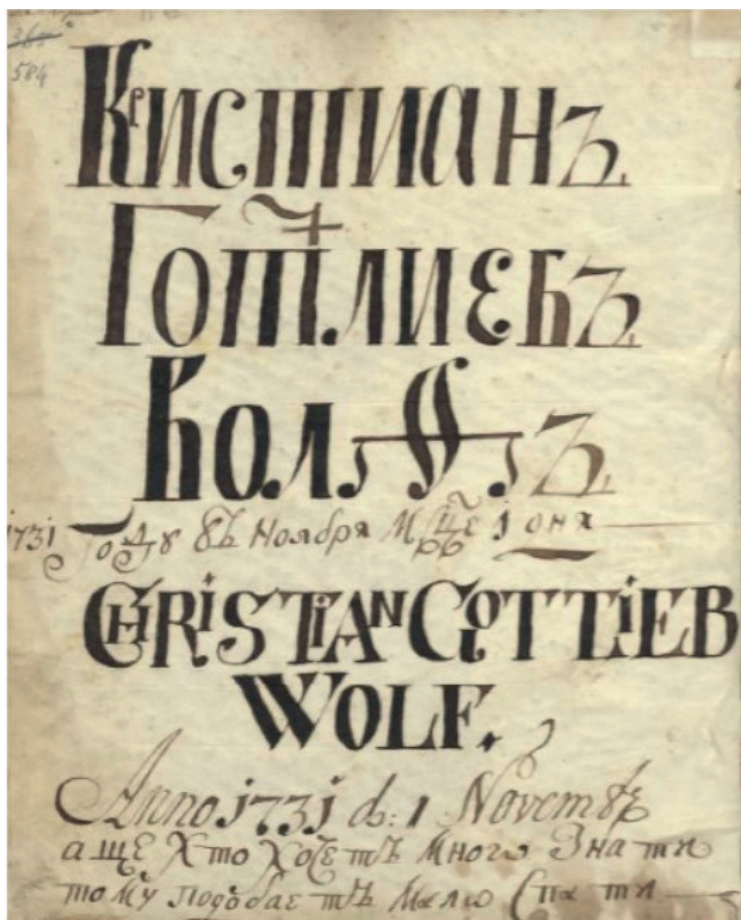
Теперь настало время снова вернуться к ее началу, которое представляет особый интерес.

Первая тетрадь: таинственный Вольф

Первые шесть листов рукописи представляют собой особый раздел, и именно на обороте последнего из них дан титул «СВѢТЪ ВИДИМЫ звание» [т. е. «название». — В. Б., О. К., Е. Р.] заглавными буквами с примитивным орнаментом: таким образом он открывает следующий далее текст *Orbis Pictus* и напрямую с ним связан, хотя эти первые листы писались с использованием иной бумаги [Klueting 1978: XXII].

В каталоге Лейденской библиотеки рукопись обозначена как Chr. Gotl. Wolf. Russisch-Hochdeutsches Wörterbuch. Иначе говоря, она значится под именем некоего Христиана Готлиба Вольфа, поскольку на оборотном листе переплета проставлено это имя на русском и немецком и дата — 1731 год 10 ноября (в латинском варианте 1 ноября) (ил. 8).

Клютинг полагал, что рукопись была написана в течение 1730 г. и получена неким Вольфом в ноябре 1731 г., когда и была сделана запись. Возможно, этот Вольф 1 или 10 ноября начал учебу [Klueting 1978: XXII]. По-русски имя Вольфа написано крупным жирным шрифтом, так, как обычно пишут заглавия книг. Буква «р» в имени *Христиан* была пропущена и затем «втиснута» в надпись, «ъ» в конце слов тоже подписаны позднее. Ниже, но чуть мельче, это же имя дано по-немецки, здесь оно, возможно, содержало ошибку в имени *Gottlieb* — пропущена «l»: это было

Ил. 8. Титульный лист об.

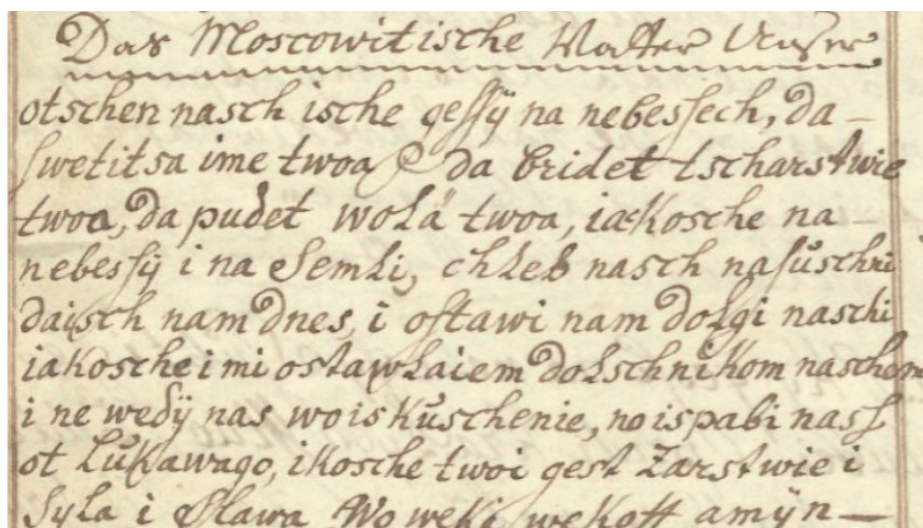
исправлено включением ее в лигатуру (с помощью треугольника ниже буквы «t»). Под записями имени помещены две надписи скорописью на русском и латинском — «1731 году в ноября месяце 1 дня» и «ANNO 1731 d I Novembr». Они сделаны той же рукой, что и имя Вольфа, хотя и с использованием других чернил и другого стиля письма — в латинской фразе дата 1731 орнаментирована такими же черными кружочками, как и в имени Волфъ, также совпадают и точки над цифрой и буквой «i». Обе надписи сделаны почерком писца Б, как и завершающая лист сентенция по нижнему полю: «Аще кто хочет много знати, тому подобает мало спати».

На лл. 3–3об. помещен русский алфавит в том виде, как он давался в прописях: к каждой букве подписано ее название («аз», «буки», «веди»

и т. д.) и дано множество вариантов скорописного написания. Эти прописи также руки писца Б. В финале текста *Orbis Pictus* им же написано ПРОСТИ (вместо «прощай» в отличие от немецкого варианта «будь здоров» / *gehab dich wohl adieu*) тем же крупным почерком, что и запись с именем Вольфа (л. 189об.–190). Таким образом, писец Б работал во всех трех частях Лейденской рукописи.

Обратимся к содержанию первых 6 страниц. Начинаются они молитвой *Отче наш* на венгерском и немецком языках, затем — написанной крупным шрифтом на валашском языке. Заголовок *Das Wallsachische Water Unser* написан почерком писца Б, он подчеркнут волнистой линией, такой же, как разделительные линии в Алфавитном словаре. Далее эта молитва повторена десять раз с написанными мельче, но тем же почерком заголовками на немецком, венгерском, «трансильванском» (*Siebenburgische Teutsche*), валашском, хорватском, далматском, славонском, сербском, московитском и шведском языках (все — латиницей). «Московитский» текст является каноническим текстом молитвы *Отче наш* на церковнославянском, написан с характерными ошибками смешения «п» и «б»: «[...] *da pudet wola twoa*», «*no ispabi naß ot Lukawago*», «*bridet tscharstwie twoa*» (л. 20б.) (ил. 9).

На основе записи этих молитв исследователи пытались определить национальность писавшего. Свердруп Лунден аргументировала свою гипотезу о том, что текст переведен Паусом, наличием шведской молитвы: он какое-то время провел в Швеции, мог знать шведский язык, но писать с ошибками [Sverdrup Lunden 1980: 93]. Ван ден Баар считал,

Ил. 9. Лейденская рукопись, л. 20б.

что автор из Трансильвании, поскольку этот текст написан на разговорном диалекте, а остальные — на литературных языках [van den Baar 1968: 15], Клютинг полагал, что автор — лютеранин из Швабии. Однако все эти догадки ошибочны: молитвы не были самостоятельными записями составителя Лейденской рукописи. Они скопированы из книги «*Oratio dominica in diversas omnium fere gentium linguas versa et propriis cujusque linguae characteribus expressa: una cum dissertationibus nonnullis de linguarum origine*» Joanne Chamberlaynio (John Chamberlayne), вышедшей в 1715 г. в Амстердаме. Книга относится к области сравнительного языкознания, автор сопоставляет в ней молитву *Отче наш* на всех языках мира. Нет ни малейших сомнений в том, что тексты переписаны в нашу рукопись оттуда со страниц 47, 70, 76, 77, 79, 80, 85, 88. Но их заголовки даны самостоятельно по-немецки, а копирование произведено с изрядным количеством ошибок. Так, в тексте *Отче наш* на шведском языке автор написал отдельно приставку *till-* (как предлог *till*), которая является частью глагола *tillkomme* (*da priiudet*), в предлоге *ifrån* (*om*) вместо «п» он поместил «т» и т. п. Сами слова *Отче наш* писались обычно *Fadervår* (или *wår*), но *Vaderwoor* позволяет предположить, что запись сделана носителем немецкого языка.

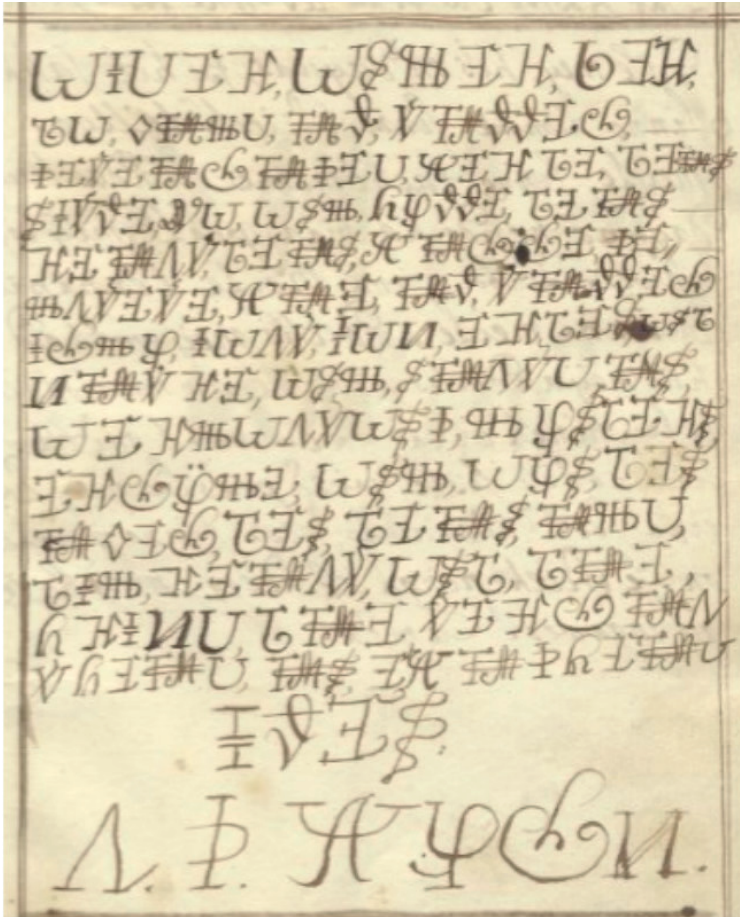
Далее следуют искусственные алфавиты — «египетский», «тартарский» и «индейский». На «тартарском» снова помещена молитва *Отче наш*, выделенная крупным шрифтом. Она не переписана из *Oratio dominica*, а представляет собой зашифрованный текст. Шифр прост: «тартарские» буквы заменяются латинскими, подписанными над каждой буквой выдуманного алфавита, однако U и V обозначены здесь одним знаком — W. Расшифровка с правильным употреблением этих букв дает текст молитвы *Отче наш* на верхненемецком языке:

Vater unser der du bist im himmel. Geheiligt werde dein nahme zu uns komme dein Reich. Dein wille geschese wie im himmel, also auch auf erden, und fihre uns nicht in Versuchung sondern erlöse uns von den ibel den dein ist das reich und die kraft die herlichkeit in ewigkeit. Amen.

Под этим стоит «тартарская» подпись, которая столь же легко расшифровывается: C. G. Wolf (л. 5) (ил. 10).

Таким образом, первая тетрадь рукописи начинается именем Вольфа и заканчивается им же. Видимо, эту подпись следует понимать не только как завершение «псевдотартарского» текста, но и как заключение всей этой «лингвистической композиции». Однако за ее пределами в качестве финального *Отче наш* помещен текст на эстонском языке, который также взят из *Oratio dominica*.

На зашифрованную подпись Вольфа, которую не заметил Клютинг, обратил внимание Г. Лиминг, утверждавший, что Вольф не просто

Ил. 10. Лейденская рукопись, л. 5

владелец, но также составитель и автор первых 6 листов рукописи [Leeming 1980: 274]. Действительно, то, как открывается рукопись его именем на весь лист, заглавными буквами на двух языках, совсем не похоже на владельческие записи: обычно владельцы ведут себя скромнее и ставят свое имя на нижнем поле. Такая форма записи, как здесь, скорее свойственна авторам Нового времени, с гордостью запечатлевающим свое имя.

Таким образом, если на первых 6 листах многое, если не все, написано рукою писца Б и подборку текстов сделал Христиан Готлиб Вольф, то не был ли это один и тот же человек?

Его родной язык явно был немецкий, об этом говорят многие особенности текста (заголовки на немецком, характерные для немца ошибки в

русском тексте, зашифрованная молитва — на немецком языке, единственная, написанная безошибочно). Однако он же неплохо владел русским языком. Этот человек был увлечен лингвистикой, читал такие специальные книги, как *Oratio dominica*. Может быть, записывая молитву *Отче наш* на разных языках, он думал о миссионерстве. Он также имел русские прописи, с которых копировал алфавит; оттуда писец Б, вероятно, заимствовал сентенцию *Аще хто хочет много знати, тому подобает мало спати*. У него было под рукой какое-то печатное издание Яна Коменского и русский рукописный список *Orbis Pictus*. Наш герой имел какое-то близкое к своим интересам окружение, во всяком случае, по рукописи мы видим его помощника или соратника, а может быть и сына в писце А, который владел свободно и русским и немецким языком. Экзотические алфавиты и зашифрованный немецкий текст *Отче наш* писались, возможно, как демонстрация эрудиции. Ван ден Баар полагал, что они составлялись как основа для тайнописи [Van den Baar 1968: 15].

Итак, в появлении на свет Лейденской рукописи видны два возможных сценария. Первый — некий увлеченный изучением языков немец Вольф, неплохо знавший русский язык, имевший у себя русские тексты, решил заняться составлением пособия по изучению русского языка для немцев, и в 1731 г. он осуществил это намерение вместе с помощником. Второй — неизвестный нам немец по заказу некоего Вольфа, интересовавшегося лингвистикой, составил вместе с помощником Лейденскую рукопись в течение 1730 г. и поднес ее ему в ноябре 1731 г. В писце Б хотелось бы увидеть Пауса. Однако сравнение почерков не говорит в его пользу.

Клютингу удалось найти человека, носившего имя Христиан Готлиб Вольф. Так звали доктора юридических наук, специалиста по Священному Писанию и церковному праву (его сочинения по этим дисциплинам выходили в 1720–40-е гг.). Он работал адвокатом в городе Герлиц области Оберлаузиц (она же Верхняя Лужица) и умер в 1757 г. [Kluebing 1978: XXXV]. Однако ничто не говорит о том, что он интересовался языками, знал русский или намеревался его учить. Никто из исследователей не принял эту гипотезу, она остается весьма сомнительной.

Возможно предположить, что Лейденская рукопись представляет собой *учительский «образец»*, т. е. составлявшийся частными учителями учебный материал, который они демонстрировали, дабы показать, чему и как они могут учить. В 1730 г. наступило чрезвычайно благоприятное время для службы в России: к власти пришла императрица Анна Иоанновна, окружившая себя немцами. Так, директор основанного в 1731 г. Сухопутного кадетского корпуса гр. Миних набирал в него преподавателей исключительно из немцев [Федюкин 2020: 278–

288]. Может быть, этим и хотел воспользоваться некий Вольф, решив усовершенствовать свои знания русского языка и найти себе службу в Российской империи или же заняться преподаванием языков, к которым имел склонность. Единственная помета на полях рукописи — это написанное карандашом слово «скола», повторяющее начертание букв заголовка, но не имеющее правильного «ш» (л. 109об.). Возможно, эта помета ничего не значит, а может быть, и указывает на что-то...

Послесловие: *Orbis Pictus* как трансформер

Обычно учебные тексты распространяются в пределах одной страны. Однако в истории образования известны учебники, судьбы которых вписаны в широкий географический и временной контекст. *Orbis Sensualium Pictus*, безусловно, из их числа. Уже в первые полвека своего существования (1653–1703) он превратился в «международный проект»: был переведен на 14 языков (1653 — латынь, 1658 — немецкий, 1659 — английский, 1662 — французский, 1662 — итальянский, 1667 — польский, 1669 — венгерский, 1672 — датский, 1673 — голландский, 1675 — трансильванский, 1680 — шведский, 1682 — литовский, 1685 — немецкий (Zipserdeutsch), 1685 — словацкий, 1703 — русский) [Pilz 1967: 54–55]; стал применяться не только для домашнего обучения (как предполагал Ян Коменский), но и в школьных практиках; позднее он обрел незапланированное автором функциональное разнообразие [Bezrogov 2017b: 114] и многочисленные рецепции¹⁴.

По замыслу педагога, включенный в пособие родной язык ученика должен был послужить для ребенка проводником от национального дома к общеевропейской латинской школе. Но со временем усложнившиеся образовательные практики породили новые векторы движения: в регионе с венгерским или датским родным языком полиязычные версии *Orbis* помогали выучить язык соседей или титульной нации — в этом случае латынь становилась посредником между различными языками.

Русские рукописные переводы *Orbis Pictus* демонстрируют, что путь мог быть еще сложнее: выполненное здесь разделение дидактических функций между латино-немецким печатным изданием и его рукописным переводом позволяло ученикам московских школ освоить

¹⁴ См., например: Зрелище вселенная: на латинском российском и немецком языках, изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второя. В Санктпетербурге, 1788; Des Johann Amos Comenius Orbis Pictus auf Veranlassung der ursprünglichen Verlagshandlung von mehreren Jugendfreunden neu bearbeitet und herausgegeben von Adelbert Müller. Nürnberg, 1835; Die Welt in Bildern. Orbis pictus. Bilderbuch zur Anschauung und Belehrung. Bearbeitet von Dr. Lauckhard / C. F. Lauckhard. Leipzig, 1872; Goldschmidt's Bildertafeln für den Unterricht im Französischen / T. Goldschmidt. Leipzig, 1917, etc.

европейские языки; а перемещение списков за пределы России неожиданным образом превратило их в пособие для освоения русского языка иноземцами. Гениальная учебная форма, придуманная Коменским, оказалась действенной в любых условиях — как восточный кумган в быту европейца, как свет, видимый отовсюду.

Библиография

Источники

Рукописи

Ms.LTK 584

Leiden University Library. Maatschappij Nederlandse Letterkunde (KL) MS LTK 584 Ch.G. Wolf, Russisch-hochdeutsches Wörterbuch, in der Form einer durchgängige Rede [etc.]. Geschreven, c.1731 (цифровая копия <http://hdl.handle.net/1887.1/item:2223648>).

IX.E. 41.

Библиотека Национального музея Праги. Шифр.IX.E. 41. Рукопись перевода на русский язык Orbis Pictus Яна Амоса Коменского.

БАН 26.3.50

Библиотека Академии наук. Шифр БАН 26.3.50. Рукопись перевода на русский язык Orbis Pictus Яна Амоса Коменского.

БАН 1.2.1

Библиотека Академии наук. Шифр БАН 1.2.1. Рукопись перевода на русский язык Orbis Pictus Яна Амоса Коменского под заглавием «Круг вся вселенная в лицах».

Институт восточных рукописей РАН. Оп. 4. Д. 11

Институт восточных рукописей Российской академии наук. Шифр Оп. 4. Д. 11. Рукопись перевода на русский язык Orbis Pictus Яна Амоса Коменского с параллельным японским текстом.

Институт восточных рукописей РАН. Оп. 4. Д. 6

Институт восточных рукописей Российской академии наук. Шифр Оп. 4. Д. 6. Рукопись перевода на русский язык Orbis Pictus Яна Амоса Коменского с параллельным японским текстом.

Издания

Коменский 1941

Коменский Я. А., Мир чувственных вещей в картинках, *Idem*, Ю. Н. Дрейзин, пер. с лат., А. А. Красновский, ред., *Избр. пед. соч.*, 3, Москва, 1941.

Klueting 1978

Klueting H., hrsg., *Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca. 1730* ("Christian Gottlieb Wolf-Lexikon"). Bibliotheca Academiae Lugduno Batavae Msc. LTK 584, Amsterdam, 1978.

Oratio dominica 1715

Oratio dominica in diversas omnium fere gentium linguas versa: et propriis cujusque linguae characteribus expressa, Joanne Chamberlaynio, ed., Una cum Dissertationibus nonnullis de Linguarum Origine, variisque ipsarum permutationibus, Amstelædami, 1715.

Исследования

Безрогов 2017а

Безрогов В. Г., К вопросу о ранних переводах *Orbis sensualium pictus* Я. А. Коменского на русский язык, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия IV: Педагогика. Психология, 45, 2017, 11–30.

——— 2017б

Безрогов В. Г., Торжество разноречия: *Orbis sensualium pictus* в контексте первых переизданий (1653–1703), Марчукова С. М., ред., *Наследие Яна Амоса Коменского: взгляд из XXI века: Мат. междунар. научно-практич. конф.*, С.-Петербург, 2017, 105–117.

——— 2018

Безрогов В. Г., Die un/sichtbare Welt: рецепция *Orbis sensualium pictus* Я. А. Коменского в России 1-й пол. XVIII в.: образовательные практики и ранние переводы, *Детские чтения*, 1(13), 2018, 220–284.

Белоконь 1988

Белоконь Е. А., *Развитие русского письма в конце XVIII — первой четверти XIX в.* Автореф. на соискание ст. канд. ист. наук, Москва, 1988.

Белокуров 1907

Белокуров С. А., *О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.): Документы моск. арх., собр. С. А. Белокуровым и А. Н. Зерцаловым*, Москва, 1907.

Брагоне 2018

Брагоне М. К., Размышления иностранных ученых-переводчиков о церковнославянском и русском языках в начале XVIII в. На примере перевода сочинения И. Г. Сейбольда *Selectiora Quaedam Colloquia Latino-Germanica* Иоганном Вернером Паусом, *Seminar für Slavistik beim XVI. Internationalen Slavistenkongress*, Belgrad, 2018 (www.slavistik.uni-halle.de/16.slavistenkongress/mks18themblockmengel/mks18bragone/).

Живов 1996

Живов В. М., Начало нормализации нового литературного языка. Формирование лингвистических теорий и литературная практика, *Idet, Язык и культура в России XVIII в.*, Москва, 1996, 155–264.

Зализняк 2008

Зализняк А. А., *«Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста*, Москва, 2008.

Зарецкий 2020

Зарецкий Ю. П., Первая русская зарубежная типография: голландские книги для подданных Петра I, *Неприкосновенный запас*, № 133 (5/2020), 257–270.

Ковригина 1998

Ковригина В. А., *Немецкая слобода Москвы и ее жители конца XVII — первой четверти XVIII вв.*, Москва, 1998.

Лукьяненко 1981

Лукьяненко В. И., Букварь Кариона Истомина — произведение графики конца XVII века, *Букварь: Отпечатан в 1694 г. в Москве, сост. Карионом Истоминым*, Ленинград, 1981, 3–8.

Мошкова 2014

Мошкова Л. В., Палеографический анализ автографов М. В. Ломоносова: итоги и перспективы, Гладков А. К., отв. ред., *«Знатный украшением Отечеству послуживший...» Творчество М. В. Ломоносова и культура России Нового времени*, Москва, 2014, 455–468.

Перетц 1902

Перетц В. Н., *Историко-литературные исследования и материалы, 3: Из истории развития русской поэзии XVIII в.*, С.-Петербург, 1902.

Починская 2011

Починская И. В., Московская типография в первой половине XVIII в.: адаптивные процессы в официальном книгопечатании, *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки*, 1(87), 2011, 204–213.

Серов 2008

Серов Д. О., *Администрация Петра I*, Москва, 2008.

Словарь 1989

Словарь русского языка XVIII в., 5, Москва, 1989.

Федюкин 2020

Федюкин И. И., *Прожекторы. Политика школьных реформ в России в первой половине XVIII в.*, Москва, 2020.

Чума 1970

Чума А. А., *Ян Амос Коменский и русская школа (до 70 годов 18 века)*, Bratislava, 1970.

Ян Амос Коменский 1995

Глазкова Н. Л., сост., *Ян Амос Коменский, Указатель русских переводов и критической литературы на русском языке (1772–1992)*, Москва, 1995.

Яцимирский 1921

Яцимирский А. И., Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек, Том I. Вена. Берлин. Дрезден. Лейпциг. Мюнхен. Прага. Любляна, *Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, 9, С.-Петербург, 1921, 850–855.

Bezrogov 2017

Bezrogov V. G., "Homo veste indutus duplici", or Homogeneity in a Heterogeneous Context: Orbis sensualium pictus (1653–1703), Aamotsbakken B., Matthes E., Schütze S., hrsg., eds., *Heterogenität und Bildungsmedien [Heterogeneity and Educational Media]*, Bad Heilbrunn, 2017, 113–120.

Birgegård 1971

Birgegård U., J. G. Sparwenfeld och hans lexikografiska arbeten, Akademisk avhandling, Uppsala universitet, 1971.

Glück 1994

Glück J. E., *Grammatik der russischen Sprache (1704)*, von H. Keipert, B. Uspenskij, V. Živov, hrsg., Köln, Weimar, Wien, 1994.

Glück, Polanska 2005

Glück H., Polanska I., *Johann Ernst Glück (1654–1705). Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland*, Wiesbaden, 2005.

Günther 1964

Günther E., *Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jh.*, Dissertation, Berlin, 1964.

——— 1981

Günther E., Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch, *Zeitschrift für Slawistik*, 26, 1981, 602–604.

——— 1984

Günther E., Zu den russischen Übersetzungen des "Orbis sensualium Pictus" von J. A. Comenius, *Zeitschrift für Slawistik*, Bd. 29, 1984, 42–51.

Junson 1975

Junson B., К истории учебников и словарей, *Slavica Lundensia*, 3: *Kring den svenska slavistikens äldsta historia*. Lund, 1975, 87–112.

Krajewski 2011

Krajewski M., *Paper Machines: About Cards and Catalogs. 1548–1929*, Cambridge, 2011.

Leeming 1980

Leeming H., Review Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca. 1730: ("Christian Gottlieb Wolf-Lexikon" Bibliotheca Academiae Lugduno-Batavae Msc. LTK 584) by Harm Klueting. Amsterdam, 1978.) *The Slavonic and East European Review*, April 2, 1980, 272–274.

Pilz 1967

Pilz K., *Johann Amos Comenius*. Die Ausgaben des *Orbis sensualium pictus*, *Johann Amos Comenius*, Eine Bibliographie, Nürnberg, 1967.

Sjöberg 1966

Sjöberg A., Two unknown translations of Meletij Smotrickij's Slavonic Grammar, *Scando-Slavica*, 12, 1966, 125–128.

Sverdrup Lunden 1975

Sverdrup Lunden S. J. A., Comenius and Russian Lexicography, *Russian Linguistics*, 2, 1975, 47–49.

——— 1980

Sverdrup Lunden S., Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca. 1730 ("Christian Gottlieb Wolf-Lexikon"). Review, *Russian Linguistics*, 5, 1, 1980, 90–93.

Van den Baar 1968

Van den Baar T., Christian Wolf Russian-German Manuscript Lexicon. *Dutch contributions to the Sixth International Congress of Slavists*, Prague, 1968, 12–32.

Winter 1953

Winter E., *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde im 18. Jahrhundert*, Berlin, 1953.

References

Bezrogov V. G., Early Unpublished Russian Translation of *Orbis Sensualium Pictus* by Jan Amos Comenius, *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya*, 45, 2017, 11–30.

Bezrogov V. G., Die un/sichtbare Welt: retseptsiiia *Orbis sensualium pictus* Ia. A. Komenskogo v Rossii 1-i pol. XVIII v.: obrazovatel'nye praktiki i rannie perevody, *Detskie chteniia*, 1(13), 2018, 220–284.

Bezrogov V. G., "Homo veste indutus duplici", or Homogeneity in a Heterogeneous Context: *Orbis sensualium pictus* (1653–1703), Aamotsbakken B., Matthes E., Schütze S., eds., *Heterogenität und Bildungsmedien* [Heterogeneity and Educational Media], Bad Heilbrunn, 2017, 113–120.

Bezrogov V. G., Torzhestvo raznorechiia: *Orbis sensualium pictus* v kontekste pervykh pereizdaniia (1653–1703), Marchukova S. M., ed., *Nasledie Iana Amosa Komenskogo: vzgliad iz XXI veka: Mat. mezhdunar. nauchno-praktich. konf.*, St. Petersburg, 2017, 105–117.

Birgegård U., J. G. Sparwenfeld och hans lexikografiska arbeten, Akademisk avhandling, Uppsala universitet, 1971.

Bragone M. C., Razmyshleniia inostrannykh uchenykh-perevodchikov o tserkovnoslavianskom i russkom iazykakh v nachale XVIII v. Na primere perevoda sochineniia I. G. Seibol'da *Selectiora Quaedam Colloquia Latino-Germanica Iogannom Verne-*

rom Pausom, *Seminar für Slavistik beim XVI. Internationalen Slavistenkongress*, Belgrad, 2018.

Chuma A. A., *Ian Amos Komenskii i russkaia shkola (do 70 godov 18 veka)*, Bratislava, 1970.

Comenius J. A., *The Visible World in Pictures*, *Idem*, Iu. N. Dreizin, trans., Krasnovskii A. A., ed., *Izbr. ped. soch.*, 3, Moscow, 1941.

Fediukin I. I., *Prozhektery. Politika shkol'nykh reform v Rossii v pervoi polovine XVIII v.*, Moscow, 2020.

Glück J. E., *Grammatik der russischen Sprache (1704)*, von H. Keipert, B. Uspenskij, V. Živov, hrsg., Köln, Weimar, Wien, 1994.

Glück H., Polanska I., *Johann Ernst Glück (1654–1705). Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland*, Wiesbaden, 2005.

Günther E., Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch, *Zeitschrift für Slawistik*, 26, 1981, 602–604.

Günther E., Zu den russischen Übersetzungen des "Orbis sensualium Pictus" von J. A. Comenius, *Zeitschrift für Slawistik*, Bd. 29, 1984, 42–51.

Günther E., *Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jh.*, Dissertation, Berlin, 1964.

Junson B., K istorii uchebnikov i slovarei, *Slavica Lundensia*, 3: *Kring den svenska slavistikens äldsta historia*, Lund, 1975, 87–112.

Klueting H., ed., *Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca. 1730 ("Christian Gott-*

lieb Wolf-Lexikon"). Bibliotheca Academiae Lugduno Batavae Msc. LTK 584, Amsterdam, 1978.

Kovrigina V. A., *Nemetskaia sloboda Moskvy i ee zhiteli kontsa XVII — pervoi chetverti XVIII vv.*, Moscow, 1998.

Krajewski M., *Paper Machines: About Cards and Catalogs. 1548–1929*, Cambridge, 2011.

Leeming H., Review Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca. 1730: ("Christian Gottlieb Wolf-Lexikon" Bibliotheca Academiae Lugduno-Batavae Msc. LTK 584) by Harm Klueting. Amsterdam, 1978.) *The Slavonic and East European Review*, April 2, 1980, 272–274.

Lukyanenko V. I., Bukvar' Kariona Istomina — proizvedenie grafiki kontsa XVII veka, *Bukvar' Kariona Istomina : Otspechatan v 1694 g. v Moskve*, Leningrad, 1981, 3–8.

Moshkova L. V., Paleograficheskii analiz avto-grafov M. V. Lomonosova: itogi i perspektivy, Gladkov A. K., ed., «Znatnyi ukrasheniem Otechestvu posluzhivshii...» *Tvorchestvo M. V. Lomonosova i kul'tura Rossii Novogo vremeni*, Moscow, 2014, 455–468.

Pilz K., *Johann Amos Comenius*. Die Ausgaben des Orbis sensualium pictus, *Johann Amos Comenius*, Eine Bibliographie, Nürnberg, 1967.

Pochinskaya I. V., Moskovskaia tipografiia v pervoi polovine XVIII v.: adaptivnye protsessy v ofitsial'nom

knigopechatanii, *Izvestia of the Ural federal university. Series 2. Humanities and Arts*, 1(87), 2011, 204–213.

Serov D. O., *Administratsiia Petra I*, Moscow, 2008.

Sjöberg A., Two unknown translations of Meletij Smotrickij's Slavonic Grammar, *Scando-Slavica*, 12, 1966, 125–128.

Sverdrup Lunden S. J. A., Comenius and Russian Lexicography, *Russian Linguistics*, 2, 1975, 47–49.

Sverdrup Lunden S., Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca.1730 ("Christian Gottlieb Wolf-Lexikon"). Review, *Russian Linguistics*, 5, 1, 1980, 90–93.

Van den Baar T., Christian Wolf Russian-German Manuscript Lexicon. *Dutch contributions to the Sixth International Congress of Slavists*, Prague, 1968, 12–32.

Winter E., *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde im 18. Jahrhundert*, Berlin, 1953.

Zaliznyak A. A., «Slovo o polku Igoreve»: vzglad lingvista, Moscow, 2008.

Zaretskiy Yu. P., Pervaia russkaia zarubezhnaia tipografiia: gollandskie knigi dlia poddannyykh Petra I, *Neprikosnovennyi zapas*, № 133 (5/2020), 257–270.

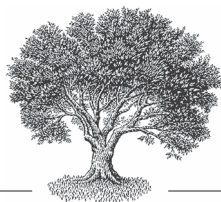
Zhivov V. M., Nachalo normalizatsii novogo literaturnogo iazyka. Formirovanie lingvisticheskikh teorii i literaturnaia praktika, Idem, *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII v.*, Moscow, 1996, 155–264.

† **Виталий Григорьевич Безрогов**, член-корреспондент Российской академии образования,
доктор педагогических наук,
Институт стратегии развития образования РАО
101000, Москва, ул. Жуковского, 16
Россия / Russia
info@instrao.ru

Ольга Евгеньевна Кошелева, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский просп., 32А
Россия / Russia
okosheleva@mail.ru

Екатерина Юрьевна Ромашина, доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики
Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого
300026, Тула, просп. Ленина, 125
Россия / Russia
katerinro@yandex.ru

Received August 29, 2020

Живые и мертвые, или Политическое визионерство Александра Радищева*

The Living and the Dead: Visionary Political Ideas of Alexander Radishchev

**Дмитрий Яковлевич
Калугин**

Национальный исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
С.-Петербург, Россия

Dmitry Y. Kalugin

National Research University Higher
School of Economics,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Статья посвящена использованию понятия *присутствие* в текстах А. Н. Радищева. Как показывает анализ, в этом понятии сходятся три семантических поля: во-первых, оно обозначает «присутствие» Бога в Святых дарах, во-вторых, «совместное нахождение в одном месте» и «судебное заседание» («присутствие») и, в-третьих, в философских текстах указывает на присутствие объекта в сознании (например, у Декарта, Юма, Локка). Творчество А. Н. Радищева, благодаря философской ориентированности, зависимости

* Мне бы хотелось поблагодарить моих друзей и коллег за помощь в работе над статьей: Аркадия Блюмбаума, Екатерину Богач, Юрия Кагарлицкого, Виктора Каплуна, Андрея Костина, Бориса Маслова, Наталью Мовнину. Хотелось бы также выразить благодарность рецензентам этой статьи, чьи замечания были исключительно профессиональны и полезны.

Цитирование: Калугин Д. Я. Живые и мертвые, или Политическое визионерство Александра Радищева // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 163–192.

Citation: Kalugin D. Ya. (2021) The Living and the Dead: Visionary Political Ideas of Alexander Radishchev. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 163–192.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.7

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

от языка европейской философии, а также в силу биографических обстоятельств, дает богатый материал для анализа топики присутствия-отсутствия в разных смысловых оттенках. Несмотря на то что у Радищева это понятие по сути не отрефлектировано, его использование носит системный характер и возникает в особых контекстах. В статье речь пойдет о трех аспектах его употребления: философском, связанном с идеей «персонального тождества», интерсубъективном, связанном с сюжетом присутствующего-отсутствующего друга, и политическом, где формулируется утопическое видение будущего. Можно сказать, что понятием *присутствие* кодируется особый режим отношений с другим человеком, соотносенный в конечном счете с определенным видением политического сообщества.

Ключевые слова

история понятий, присутствие, индивидуальность, педагогика, дружба, мистицизм, эсхатология

Abstract

The article is dedicated to the usage of the concept of *prisutstvie* (presence) in the texts by Alexander Radishchev. As the analysis shows, this concept is the meeting ground of three semantic fields: first of all, it signifies God's presence in the Holy Gifts, secondly, it means 'being together at one place', as well as 'court hearing', and, finally, it is associated with the presence of an object in the mind (for example, in the work of Descartes, Hume, Locke). Thanks to Radishchev's philosophical interests, his dependence on the language of European philosophers, and the circumstances of his biography, Radishchev's works provide abundant material for analyzing the topoi of presence and absence in their different meanings. In spite of the fact that this concept is not essentially reflected by Radishchev, its usage has a systematic character: 'presence' emerges in special contexts. The article discusses three aspects of its usage. The first one is philosophical, linked with the idea of 'personal identity'. The second aspect is intersubjective, connected with the presence-absence of a friend. The last one is political, where the utopian vision of the future is formulated. The conclusion of the article is that the concept of presence denotes a special regime of relations with another person, which is then correlated with the particular perception of the political society.

Keywords

conceptual history, presence, individuality, pedagogic, friendship, mysticism, eschatology

«Умирая, человек перестает быть членом общества», — говорит Давид Ланге. Поэтому, это очень смешно.

А. Пятигорский.

«Реакция философии на тоталитаризм»

Если характеризовать ситуацию в России второй половины XVIII века, то следует отметить, что в результате знакомства с европейской рационалистической философией возник качественно новый синтез, во многом определивший дальнейшее развитие оригинальной русской интеллектуальной культуры. Особенность рецепции западноевропейской мысли состояла в том, что философская традиция (идущая от Античности и Ренессанса к Новому времени) заимствовалась русскими авторами одновременно с ее критическим переосмыслением [Калугин 2019: 232–233]. В России Декарт, например, ценился в первую очередь как родоначальник метода и одновременно оказывался объектом критических инвектив, когда вопрос заходил о врожденных идеях, которые уже интерпретировались через философию Локка. При этом в русской ситуации Декарт не только предшествует (хронологически) Локку, но и в каком-то смысле приходит ему на смену как напоминание о неустрашимой значимости правил и всевидящего разума в эпоху торжества сентименталистской чувствительности.

Синхронизация различных этапов развития философской мысли позволяет, и не без оснований, говорить о философском эклектизме, но, думается, правильнее было бы все же видеть в этой ситуации уникальное свойство, когда, пытаясь проложить свой путь среди многообразия концепций, идей и авторитетных имен, русские авторы по-своему представляли акценты, создавая новые мыслительные конструкции.

Включенность А. Н. Радищева в контекст европейской философии XVII–XVIII веков позволяет разным исследователям с одинаковым успехом (или неуспехом) видеть в нем идеалиста-лейбницианца [Бобров 1907: 206–212], сенсуалиста [Лапшин 1907: VIII], материалиста [Макогоненко 1956: 510], скептика [McConnell 1964: 162] и утилитариста [Page 1979: 1–10] (обзор этих концепций см.: [Богданов 2017: 91–92]). Каждая из интерпретаций может выглядеть убедительной и аргументированной, но при этом следует помнить, что Радищев не только и не столько воспроизводит чужие концепции, сколько ищет формы выражения собственной мысли, творчески преобразуя то, что мог почерпнуть из книг.

Понятие, о котором пойдет речь в настоящей статье, — *присутствие* — не относилось, если говорить о XVII–XVIII веках, к числу обладавших первостепенной значимостью и уж точно не имело философского

значения (см. подробнее: [Калугин 2020]; философское содержание, связанное с деконструкцией европейской метафизики, появится только к середине XX века [Гумбрехт 2006]). В русском языке оно начинает употребляться лишь в XVII веке благодаря влиянию латиноязычной культуры, идущей из Польши и Белоруссии [Алексеев 1990: 49], являясь калькой слов *παρουσία* (греч.), *praesentia* (лат.), обозначающих присутствие бога в святых дарах или второе пришествие (см.: [Моог 1966: 35–67]). В словарях XVIII и XIX веков зафиксированы основные значения этого понятия, связанные с нахождением в едином пространстве, пребыванием «в присутствии друг друга», и наиболее частотное по своему употреблению — «официальное учреждение».

Слово *присутствие* обладает «экзистенциальными» чертами благодаря очевидной соотнесенности с религиозной сферой. В своем «Трехязычном Лексиконе», изданном в самом начале XVIII века, Федор Поликарпов фиксирует раннее, «бытийное», по выражению А. А. Алексеева, значение, делая важное уточнение: «...присутство или близость, **яко при боже** [...] *apud Deum*» [Поликарпов-Орлов 1704: 215; выделено мной. — Д.К.]¹. Словарь Академии Российской дает более широкий спектр значений: «Присутствие: 1. Бытность, пребывание в каком месте. 2. Заседание в судебном месте». Основные примеры использования, которые приводятся в словаре, — «присутствие духа», «присутствие разума» [САР 1790: 1023–1024]. В XIX веке в Словаре церковнославянского и русского языка *присутствие* определяется схожим образом как 1) «состояние присутствующаго, нахождение где-либо», 2) «судейская комната» [Словарь 1847: 497]².

Таким образом, термин *присутствие* может рассматриваться как своеобразный медиатор между различными полями — государственно-бюрократическим (судопроизводство) и религиозно-мистическим, связанным с «присутствием бога». Также оно, о чем пойдет речь ниже, связано с философскими контекстами, актуальными для второй половины XVIII века (эмпиризм, сенсуализм), актуализирующими значение

¹ См. также статью «Присутствие», где это слово соотносится с *παρουσία*, *existentia*, *praesentia*.

² В XVIII веке слово «присутствие» (вар. «присудствие») располагается на пересечении двух семантических полей, одно из которых связано с религией, другое — с судопроизводством, и связь это не случайна, если поместить ее в перспективу христианской эсхатологии и Страшного суда. В этих случаях задействуются разные словообразовательные модели. В первом оно образовано от причастия настоящего времени «ст.-сл. сы, съшши 'сущий'» [Фасмер 1987: 367], а другое возникло как «адвербализованное предложно-падежное сочетание в/при присутствии (лат. *in praesentia*, фр. *en présence*)» [Алексеев 1990: 49]. Дальнейшее семантическое развитие этого слова привело к тому, что оно стало обозначать «учреждение», «судебное место» и использовалось для перевода таких слов, как лат. *magistratura*, фр. *département*, нем. *Gerichtsort* [Алексеев 1990: 50–52].

«нахождение вблизи, в одном месте». Подобный синтез, заданный самим языком, открывает большие возможности для распутывания и перетолкования отдельных аспектов этого понятия, что позволяет формулировать на этом основании персональные мировоззренческие концепции. В полной мере это можно отнести к Радищеву, в текстах которого ключевые философские понятия — «сознание», «разум», «память», «восприятие» и т. д. — взаимодействуют с церковнославянской лексикой, что открывает совершенно новую перспективу для размышлений об обществе и человеке. Можно сказать, Радищев пытается сформулировать собственную систему и предложить новые формы обобщений.

Это вполне соответствует ситуации XVIII века как в Европе, так и в России, где с одной стороны находится распавшаяся на ряд конкурирующих систем религиозная сфера (церковная ортодоксия, деизм, различные версии протестантизма, теизм, масонство, рационализированные версии христианства, эзотерические учения и т. д.), а с другой — квазирелигиозные концепции, порожденные секулярным интеллектуализмом. При этом речь идет не столько о «наивном» и «некритическом» использовании этих доктрин русскими авторами, сколько о вполне сознательных поисках оснований новой морали и критике официальной церкви [Faggionato 2002: 51; Костин 2006: 255–257]. При определении радищевских представлений о религии мы видим, по сути дела, тот же эклектизм, который характерен и для философской мысли, но здесь следует отметить принципиальный момент, связанный с пониманием сути *религиозного* как такового. Говоря словами Клиффорда Гирца, «религиозные представления выходят за границы их особого метафизического контекста и намечают контуры общих понятий, которые могут придавать значимую форму широкому спектру опыта — интеллектуального, эмоционального и морального» [Гирц 2004: 143].

В той мере, в какой религия становится «частным делом», она находит свое место в приватной сфере, за счет чего происходит усиление горизонтальных отношений, где наиболее значимой является дружба. Дружба выступает здесь сильным концептуализирующим моментом, метафорой идеального человеческого существования и подлинного общения — в той мере, в которой дружеские союзы приходят на смену религиозной общине. По словам Юргена Хабермаса,

как только вертикальная ось молитвы смещается в горизонтальные отношения коммуникации между людьми, индивид уже не в состоянии реализовать свою индивидуальность в одиночку через простое восстанавливающее утверждение его жизненной истории; определяющим моментом отныне для этого признания будет позиция, которую занимают другие [Habermas 1992: 167; перевод мой. — Д. К.].

Секуляризирующий импульс, связанный с распадением религиозной сферы, оборачивается сакрализацией социальных связей, другого (друга или множества «других») — тех, кто вовлекается, реально или фантазматически, в жизнь человека.

Анализируя использование понятия *присутствие* (и его вариант «присудствие»), следует отметить, что оно соотносится со многими темами и сюжетами, которые разрабатываются во всем творчестве Радищева. Это механизмы работы сознания и восприятия, проблема памяти и бессмертия души, педагогика с ее формами воздействия и практиками, а также образ политического сообщества и концепция политического в целом. Несмотря на то что у Радищева это понятие по сути не отрефлексировано, его использование нельзя назвать спорадическим: оно, как представляется, носит системный характер и появляется в особых контекстах. Ниже речь пойдет о трех аспектах использования понятия *присутствие*, которое может быть эксплицировано в его текстах: философском, связанном с идеей «персонального тождества», интересубъективном, связанном с топикой присутствующего/отсутствующего друга, и политическом, где формулируется утопическое видение будущего. Иными словами, понятие *присутствие* кодирует особый режим отношений с другим человеком, соотносенный в конечном счете с определенным видением политического сообщества.

* * *

Если перейти от анализа словарных значений к литературным текстам, то мы увидим, что понятие *присутствие* используется в одах (присутствие бога — присутствие императора или императрицы)³, а также в

³ У Ломоносова: «Всех больше красит сей Екатерина край: / При ней здесь век златой и расцветает рай. / Она все красоты присутствием оживляет, / Как свет добротами и славой восхищает» [Ломоносов 1986: 234]; у Державина: «Наполнил грудь восторг священный, / Благоговейный обнял страх, / Приятный ужас потаенный / Течет во всех моих костях; / В весельи сердце утопает, / Как будто бога ощущает, / Присутствующего со мной!» [Державин 1957: 169] В то же самое время монарх может и просто присутствовать вместе со своими подданными и среди них, реализуя значение «[находиться] в присутствии друг друга». Отсутствие сакрального значения хорошо видно в следующем названии: «Слово, провозглашенное в Вяземском Троицком соборе по литургии, после прочтения высочайшего Ея императорского величества манифеста, о учреждении новых наместничеств в России, в присутствии господина генерала аншефа, сенатора, Смоленского наместничества государева наместника, Белогородской губернии генерала губернатора и разных орденов кавалера, Александра Ивановича Глебова, и всего вяземского дворянства, мещанства и народа, Вяземской словесной школы учителем, Николаевский церкви дьяконом Иоанном Третьяковским. Декабря 13 дня, 1775 года. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1776». Этим соображением и примером я обязан одному из рецензентов настоящей статьи.

других жанрах — сатире⁴, медитативной философской и любовной лирике⁵. Все эти контексты предполагают присутствия сверхъестественного, и это вторжение высших сил в человеческую жизнь кодируется различным образом. В оде употребление этого понятия определяется двойственностью фигуры царя, выступающего в качестве посредника между религиозной и светской сферой⁶, *присутствие* которого может схватываться либо непосредственно, либо опосредованно — при помощи различных материальных субститутов (*representation*) [Гинзбург 1998: 5–12]. Основная функция таких «репрезентаций» состоит в том, чтобы установить контакт с миром высших сил, привлечение которых служит легитимации власти. По сути дела, русская ода воспроизводит своеобразную политическую теологию, основанную на тождестве бога и царя [Живов, Успенский 1996: 205–238].

Философская и любовная лирика разрабатывают этот сюжет в плане нового понимания *личности*, реализующей себя через вовлеченность не столько в реальные, сколько в фантазматические отношения с другим человеком (другом, возлюбленным или родственником). Речь идет о новых формах чувствительности, возникающей во второй трети XVIII века, которая основывается на вытеснении реального объекта и помещении его в перспективу *praesentia-in-absentia*. Появление подобной «романтической эмоциональности» стало возможным благодаря культурным и

⁴ Так, Фонвизин, описывая свои французские впечатления, отмечает: «Полиция парижская славна в Европе. Говорят, что полицеймейстер их всеведущ, что он, как невидимый дух, присутствует везде, слышит всех беседы, видит всех деяния и, кроме одних помышлений человеческих, ничто от него не скрыто» [Фонвизин 1959: 489].

⁵ В сентименталистской традиции это понятие связано с возможностью души ощущать и воспринимать присутствие высших сил, воплощенных в фигуре гения (в значении «творец» или «творческий дух»): «Так в остатках нашей древности, в некоторых песнях народных — сочиненных, может быть, действительно во мраке пустынь — видим явное присутствие сего гения» [Карамзин 1964: 237]. В любовной лирике речь может идти о незримом присутствии возлюбленной: «Любовь, поверьте мне, все заменит для вас / Я сам любил: тогда за луг уединенный, / Присутствием моей подруги озаренный / Я не хотел бы взять ни мраморных палат, / Ни царства в небесах...» [Дмитриев 1967: 200].

⁶ Происхождение этого топоса восходит к культу римских императоров, наследующему тем формам обожествления правителя, которые сложились в эллинистической Греции. История вопроса и обзор литературы о римском *adventus* см.: [Lehnen 1997: 17–27]. Преображение пространства в момент прибытия важной персоны широко распространено в панегирических текстах (уже в древнегреческой литературе, см.: [Maslov 2015: 203–212]). Это значение также фиксируется в словарях XVIII века. Ср., например, у Нордстета: «в присутствии короля» (*en presence du Roi*) [Нордстет 1782: 648]; в САР: «Присутствие Государя ободрило воинов. Коль великою радостью восхищаются места священные, посещаемы часто ея богоугодным присутствием» [САР 1790: 1023–1024]; «Корабль спущен в присутствии Государя» [Словарь 1847: 497].

социальным процессам, связанным с переходом от расширенной семьи к нуклеарной, культом дружбы и романтических любовных отношений [Castle 1995: 124–133] и не в последнюю очередь с революцией чтения в сентименталистскую эпоху, задававшей способы отождествления с вымышленными персонажами. Все это вносит сложные дистинкции в приватную сферу, создавая новый вид интимности — с самим собой, где человек, отделяясь от сообщества, становится участником непрекращающегося обмена с «воображаемым другим», присутствие которого поддерживается исключительно силой воображения.

В философских текстах понятие *присутствие* используется для обозначения способности сознания удерживать образы воспринятых предметов. У Локка, например, речь идет о качестве идей (представлений), которые, присутствуя в сознании, становятся объектами его «операций» (Operation), а именно «восприятия, воспоминания, размышления, рассуждением и т. д. (Perception, Remembring, Consideration, Reasoning, etc.)» [Локк 1985: 167–168]⁷. У Адама Смита, где акцент делается на реальном или, что более существенно, воображаемом присутствии человека («другого»), устанавливается сложная экономика «чувствований», поддерживающая равновесие между разрушительными и созидательными страстями, контроль над которыми становится возможным через соотнесение с ответной реакцией. Человеку необходимо присутствие другого, того, кто станет объектом эмоциональных инвестиций и контринвестиций, благодаря которым и будет осуществляться самодисциплинирование субъекта: «Мы легче отдаемся на волю страсти в присутствии друга, чем в присутствии постороннего человека [in the presence of a friend than in that of a stranger], потому что надеемся встретить в первом больше симпатии и снисходительности» [Смит 1997: 206].

Мысль Радищева движется в этом же направлении, что объясняется включенностью в современный ему интеллектуальный контекст и зависимостью от языка европейской философии. Вероятно, именно знакомство с трудами Локка, Смита, Гельвеция и т. д. пробудило интерес к философской антропологии, где сходятся поиски и английской, и континентальной философии, а именно к проблеме человека или

⁷ Слово «присутствие» использовалось в русской философии и до Радищева. Например, в «Слове о мудрости, благоразумии и добродетели», рассуждая о «действиях разума», В. К. Тредиаковский пишет, что иногда «познавает он [человек] чувственностию, коею вещи телесные, присутствующие посредством пятирицы оныя чувств, данных нам от благотельных природы, понимает, как то: свет и цвет оком, глас и звон слухом, сладость и горсть языком, благоухание и зловоние обонянием, хлад и зной прикосновением всего тела он чувствует; иногда, напоследок, изображает себе вещи телесные ж, но отсутствующие и уже прежде от чувств ошущенные, образованием» [Тредиаковский 2009: 285].

личности, — интерес, который в России приходится на вторую половину XVIII века (об истории понятия *личность* в русском языке см.: [Виноградов 1999: 271–309; Сорокин 1965: 201–205; Плотников 2008; Левонтина 2010: 588–606]). Несмотря на то что в это время слово «личность» обозначало скорее «юридическое лицо», показательно, что в трактате Радищева «О человеке, его смерти и бессмертии», написанном в илимской ссылке между 1792 и 1796 годами, оно является уточнением к слову «особенность», что позволяет сделать вывод о своеобразной автономии, где каждый человек рассматривается как носитель *особых* черт, *отличающих* его от других: «Ведаешь ли, от чего зависит твоя особенность, твоя личность, что ты есть ты?» [Радищев 1941: 94–95].

Этот фрагмент трактата «О человеке, его смертности и бессмертии» начинается и заканчивается вопросами, между которыми находятся размышления о том, как, собственно, осуществляется сам процесс мышления и какую роль во всем этом играет память. Задавшись вопросом, как душа, лишенная тела, может ощущать свое тождество с той, которая была в теле человека до его смерти, опознавая, что «ты есть ты», Радищев предлагает задуматься об этом, связывая воедино процесс возникновения представлений и схватывания их сознанием:

Помедлим немного при сем размышлении. Сие мгновение ты, посредством чувств, получаешь извещение о бытии твоём; в следующее мгновение то же чувствуешь; но дабы уверен ты был, что в протекшее мгновение чувствование происходило в том же человеке, в котором происходит в настоящее мгновение, то надлежит быть напоминовению; а если человек не был одарен памятью, то сверх того, чтобы он не мог иметь никаких знаний, но не ведал бы, что он был не далее, как в протекшее мгновение [Радищев 1941: 95].

В этом фрагменте Радищев в общих чертах следует за размышлениями Локка в разделе «О тождестве и различии» («Of Identity and Diversity») «Опыта о человеческом разумении» [Локк 1985: 380–402]. Концепция идентичности или самотождественного *я* у Локка основана на единстве и непрерывности сознания и включает в себя синхронический и ди-ахронический аспект, где акцент делается на «постоянстве пребывания в изменяющихся состояниях сознания, гарантируемого рефлексивным единством памяти» [Плотников 2008: 71; Рикер 2004: 147–149]. Речь в данном случае идет не о воспоминаниях, отдельных фрагментах прошлого, которые, намеренно или нет, возникают в сознании, а скорее о действии или усилиях человека, собирающего свое *я* из элементов, имеющих разную темпоральность. Перед нами некоторое чистое состояние сознания, неподвижность, где стираются различия между настоящим, прошлым и будущим и где объекты сознания со-присутствуют в ненарушимом единстве самосознающего себя субъекта.

Если вернуться к проблеме *присутствия* и того, как используется это понятие в радищевских текстах, то в наиболее развернутом виде оно появляется в размышлениях Федора Ушакова, вызванных книгой Гельвеция «Об уме», которую с увлечением читали русские студенты в Лейпциге [Радищев 1938: 177]. Записи, сделанные Ушаковым, были опубликованы Радищевым в добавление к «Житию Федора Васильевича Ушакова», вероятно, в собственном переводе. Наибольший интерес представляет пятое письмо, где говорится о формировании идей (представлений) и памяти (у Гельвеция это два фрагмента из вводной части к трактату; см.: [Гельвеций 1973: 148–150]). Важно отметить, что Ушаков не просто конспектирует книгу Гельвеция, а относится критически к некоторым его положениям.

Ушаков не соглашается, например, с идеей французского философа о том, что память «есть не что иное, как длящееся, но ослабленное ощущение» [Гельвеций 1973: 148]. Ушаков пишет:

Изъяснение памяти, что она есть чувствование продолженное, но ослабшее, для меня не удовлетворительно. Ибо или чувствование продолжается безостановочно, или когда либо останавливается и возобновляется. Если бы бывало первое, то бы понятия нам были **присутственны** непрестанно, чего однако же нет; ибо тщетно иногда стараемся возобновить иныя понятия, которые мы имели прежде; иногда же со всем их позабываем, но обыкновенно забываем их на половину [Радищев 1938: 207; выделено мной. — Д. К.].

Поскольку представления не могут присутствовать (быть «присутственны») в сознании постоянно, а могут только реактуализироваться различным образом, значит, память имеет другой источник, например душу, которая независима по отношению к телу. «Понимаю я довольно ясно, — размышляет дальше Ушаков, — что понятия памятию произведенныя суть таковы же как и настояция: но сие относится к душе. Что же касается до тела, то всякое настоящее памятию сопряжено с некоторым движением в мозгу, чего не бывает с произведенным памятию» [Радищев 1938: 208].

Ушаков не может разрешить возникшего противоречия и вынужден признать: «...истинной источник памяти от нас скрыт совершенно. Ведаем мы что и тело в оном участвует; но и то верно, что возобновление понятий есть собственное действие души» [Радищев 1938: 208]. В конце этого письма Ушаков предлагает собственное «различие сделанное в воспоминовении» (т. е. выделяет два аспекта проблемы, которой посвящено письмо): «Оно двояко. 1) Сила сохранять на несколько времени понятие настоящее. Локк сие называет *разсмотрение*. 2) Сила возобновлять и оживлять в разуме понятии, которые, родясь в оном, исчезли и из онаго совсем удалилися. Сие собственно назвать можно

памятью» [Радищев 1938: 208; курсив автора. — Д. К.]⁸. На этом письмо обрывается, и вопрос об источнике остается открытым.

Вопрос о памяти является здесь ключевым и не может быть разрешен при помощи Локка, у которого память — одна из функций сознания, участвующая в персональном тождестве, будучи «лишенной воспоминаний». Как мы увидим дальше, у Радищева присутствие строится по другой модели — оно ближе к воспоминаниям, которые спорадически возникают в сознании. Философское объяснение в этом случае таково, что объекты продолжают существовать и помимо воспринимающего субъекта, а их взаимодействие с ним, пересечение двух темпоральностей, и есть момент схватывания и восприятия⁹. Речь идет о сосуществовании, которое происходило параллельно и совпало в определенный момент соприсутствия, представляющий собой точку пересечения, за которой вновь начинается расхождение. И контексты, в которых возникает понятие присутствие, показательны.

В первую очередь понятие *присутствие* возникает в драматические моменты, связанные с тяжело переживаемым отсутствием близких людей, входящих, например, в семейный круг, — родителей, детей. В «Путешествии из Петербурга в Москву» «крестичкой дворянин» (глава «Крестыцы») излагает своим детям целую программу воспитания, положения которой должны «пребывати во внутренности душ ваших». Он вспоминает об их скончавшейся матери, своей жене, которой не довелось видеть «плодов ее насаждений» [Радищев 1938: 284]. Именно здесь и появляется интересующее нас слово:

Она нас оставила, с твердостью хотя духа, но кончины еще нежелала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляясь ей, мы совсем ее непотеем. Она поживет с нами, доколе к ней не отыдем. Ведаете, что любезнейшая моя с вами беседа есть, беседовати о родшей вас. Тогда мнится душа ея беседу-

⁸ Упоминание о Локке в размышлениях Ушакова отсылает нас к разделу 23 второй книги трактата «О человеческом разумении» (глава «Об идеях вообще и их происхождении»), где философ связывает появление идей с ощущениями, и поскольку «оказывается, что в душе не бывает идей до доставления их чувствами», то, рассуждает он, «идеи в разуме одновременны с ощущением [Ideas in the Understanding, are coeval with Sensation], т. е. с таким впечатлением или движением в какой-нибудь части нашего тела, которое производит в разуме некоторое восприятие» [Локк 1985: 167–168]. «Разсмотрение» у Локка — это *Consideration* [Калугин 2020: 14].

⁹ Ср., например, у Юма: «Несомненно также, что этому самому восприятию или же этому объекту мы приписываем постоянное, непрерывное бытие, причем считаем, что объект этот не уничтожается из-за нашего отсутствия и не начинает существовать в силу нашего присутствия [neither to be annihilated by our absence, nor to be brought into existence by our presence]. Мы говорим: в наше отсутствие объект продолжает существовать, но мы его не ощущаем, не видим [we do not feel, we do not see it]. Когда же мы присутствуем, то ощущаем, видим его [we feel, or see it]» [Юм 1996: 256–257].

ет с нами, тогда становится она нам присудственна, тогда в нас она является, тогда она еще жива [Радищев 1938: 285–286].

Детей и родителей, как видно из следующей цитаты, связывают отношения дружбы, а не подчинения и долга. Вспоминая о своей супруге, «кристицкой дворянин» говорит, что она «тщилаяся благою вам дать душу, яко же и сама имела, и в ней хотела насадить дружбу, но необязанность, не должность, или рабское повиновение» [Радищев 1938: 285–286]. Точно так же, размышляя о своей роли в воспитании детей, сам дворянин говорит:

О друзья мои, сыны моего сердца! родив вас, многия имел я должности в отношении к вам, но вы мне ни чем не должны; я ищу вашей дружбы и любви; если вы мне ее дадите, блажен отыду к началу жизни, и невозмущуся при кончине оставляя вас на веки, ибо поживу на памяти вашей [Радищев 1938: 286].

Дети обретают самостоятельность, но отец не исчезнет из их жизни: «Ныне будете сами себе вожди, и хотя советы мои будут всегда светильником ваших начинаний, ибо сердце и душа ваша мне отверсты; но яко свет отдаляясь от предмета менее его освещает, тако и вы отриновенны моего присудствия, слабое ощутите согрение моего дружбы» [Радищев 1938: 289–290]. Таким образом, непосредственное «присудствие» заменяется фантазматическим, более слабым, и будет ощущаться через «продолжающуюся дружбу» в той же мере, в какой умершая мать остается «присудственна» своим детям.

Дружба между родителями и детьми, учениками и учителем вполне соответствует тенденциям в образовании, актуальным во второй половине XVIII века. Эта идея восходит в первую очередь к хорошо известному в России во второй половине XVIII века трактату Локка «Мысли о воспитании» («Some Thoughts Concerning Education», 1693). В разделе 95 английский философ прямо рассуждает о дружеских отношениях, которые должны связывать отца и сына, выражая сомнения в том, что суровый вид (Severity) отца и страх (Awe), который он внушает, являются главным инструментом воспитания [Локк 1988: 493]. Гораздо лучше, считает он, если отец «будет дружески беседовать со своим сыном [to talk familiarly with him], когда тот подрастет и станет способен к этому». В результате, развивая свою мысль Локк в следующем разделе, отец добьется «дружеского отношения к себе», поскольку «ничто так не утверждает и не скрепляет дружбы и расположения, как доверительная беседа [Friendship and Good-will so much as confident Communication of Concernments and Affairs]» [Локк 1988: 494]. Беседа, «дружеский» разговор мыслятся отныне как важный момент педагогического воздействия¹⁰.

¹⁰ О дружелюбии в связи с педагогикой рассуждает автор статьи «О воспитании детей», приписываемой Н. А. Новикову, где, выступая против принуждения в

Визионерский характер размышлений «крестецкого дворянина» с его стремлением представить отсутствующее как присутствующее очевиден, особенно если учесть, что речь идет о разлуке с близкими и одиночестве. Подобная ситуация вообще является определяющей для основных произведений Радищева: в «Путешествии из Петербурга в Москву» герой оставляет своих друзей, тогда как в «Дневнике одной недели» он, наоборот, покинут друзьями, в «Житии Федора Васильевича Ушакова» герой разлучен со своим другом, а в «Житии Филарета Милостивого» заточен в тюрьму и оторван от своих близких¹¹. В этих текстах вполне ожидаемо и будет возникать тема присутствия, медитативного состояния, когда человек остается один на один с собой и воображаемым другим, ведя с ним непрекращающуюся беседу¹².

Если выше речь шла о дружбе родителей с детьми как определенном характере взаимодействия, то персональная дружба, дружба между неродственниками, связана с другими эмоциями и другими сюжета-

обучении, замечает, что учителя должны представлять «не строгого судью, но паче друга приемлющего участие во всем касающемся до его друзей, радующегося вместе с ними о содеянном ими добре и оказывающего сердечное огорчение тогда, когда они имеют несчастье сделать зло» [Новиков 1951: 472]. У Карамзина в тексте «Цветок на гроб моего Агатона» говорится: он мог «научать меня не повелительным голосом учителя, но с любезною кротостью снисходительного друга» [Карамзин 1794: 8].

¹¹ Находясь в крепости, Радищев пишет «Житие Филарета Милостивого», текст, обращенный к своим детям, с которыми он разлучен, но которых хочет, напрягая воображение, сделать присутствующими: «Положив непреоборимую преграду между вами и мною, о возлюбленные мои, преграду которую единое монаршее милосердие разрушить может; лишенный жизнедательного для меня веселия слышать глаголы уст ваших; лишенный утешения вас видеть; не имея даже и той малейшей отрады беседовать с вами в разлучении; я простру к вам мое слово; безнадежен, о бедствие! достигнет ли оно вашего слуха. Всчасию хотя тшуся, напрягая томящееся воображение, сделать вас мысли моей присутственными, всчасию плачевной стон и воскликновение имен ваших ударяет в безчувственные стены моего пребывания; но вся мечта ежеминутно сокрушается, и бедствие умножаясь бедствием, преломляет сердце и терзает душу» [Радищев 1938: 339].

¹² Это можно рассматривать как «эпистолярную ситуацию», где письмо определяется как «разговор с отсутствующим» (либо как «разговор отсутствующего с отсутствующим») [Миллер 1967: 23]. См., например, в письме Дмитрия Ростовского к Стефану, митрополиту Рязанскому: «...не вижуся, и не беседую [с тобою] лицом к лицу; писмом убо хоть наговорюся» [Дневные записи 1781: 74]. Ср. также в письме А. М. Кутузов А. И. Плещеевой: «Письмо есть не что иное, как разговор с отсутствующим» [Барсков 1915: 197]. Благодаря обмену письмами дружба находит опору в воображении, которое делает присутствие друга почти что осязаемым. В этом смысле дружба, включаясь в сложную игру присутствия-отсутствия, мыслится как определенное состояние, в котором пребывает или не пребывает человек. А. М. Кутузов, отвечая на рассказ Е. И. Голенищевой-Кутузовой о том, как постепенно охладела ее детская дружба, пишет о себе: «Я разлучен от моего друга [Радищева. — Д. К.], может быть, навсегда; но дружба его пребывает со мною; вы же потеряли дружбу, хотя друг ваш и благополучен» [Барсков 1915: 81].

ми¹³. Дружба и дружеские отношения — огромная тема, но здесь стоит остановиться на одном моменте, а именно — подлинной дружбе и присутствии/отсутствии друга. Один из наиболее значимых аспектов этого сюжета — противопоставление уникальных отношений с одним человеком дружеским отношениям с большим количеством людей, т. е. возможность «полифилии» — многодружия (*πολυφιλία, polyphilía*), отсюда настойчивые рекомендации иметь друзей «немногих, но преданных» (о количестве друзей см., например, у Аристотеля в «Никомаховой этике»: [Аристотель 1983: 262]). Этот платоновский разрыв между идеей дружбы и ее конкретной реализацией является определяющим для понимания дружбы в европейской традиции, идущей от Аристотеля и Цицерона через Монтеня и вплоть до современности. Подлинная дружба, таким образом, оказывается связана с отсутствующим другом.

В диалоге «Леллий, или О дружбе» Цицерон задает основные обертоны этого сюжета:

Заклячая в себе многочисленные и величайшие преимущества, дружба в то же время, несомненно, вот в чем превосходит все другое: она проливает свет доброй надежды на будущее и не дает нам слабость и падать духом. Ведь тот, кто смотрит на истинного друга, смотрит как бы на свое собственное отображение [*exemplar*]. Поэтому отсутствующие присутствуют [*absentes adsunt*], бедняки становятся богачами, слабые обретают силы, а умершие — говорить об этом труднее — продолжают жить: так почитают их, помнят о них и то-скуют по ним [Цицерон 1974: 37].

Дружба имеет собственную темпоральность, она устремляется в будущее, поскольку в настоящем ей нет места, побеждает смерть и, продлевая человеческое существование, помещает его в модус присутствия, «сущего» (*adsunt*), если воспользоваться церковнославянскими соответствиями. Друг — это отражение, двойник, поселившийся в воображении, *exemplar* — слово, обозначающее одновременно оригинал, модель, а также копию, повтор, «экземпляр» (анализ этого слова см.: [Derrida 1994: 19–20]). Человек, будучи включенным в сложные отношения взаимопроекции и отождествлений, раскрывается в ситуации постоянно идущего

¹³ В XVIII веке родственные связи вполне могут осмысляться как дружеские, что выражается формулой «по родству и дружбе». Например, в письме князя Н. Н. Трубецкого А. М. Кутузову по поводу жены Н. И. Новикова (речь идет о племяннице Трубецкого — А. Е. Новиковой) сообщается, что она находится «в жестокой чахотке, так что они [доктора. — Д. К.] не имеют никакой надежды на ее выздоровление; это его и меня по родству и дружбе моей с ним жестоко оскорбляет» [Барсков 1915: 92]. При этом отношения между друзьями рассматриваются как более высокие, и дружба здесь «гораздо высшее, нежели самая родственные связи, и столь редкое даже между родными — чувство, предполагающее необходимо твердость характера, верность и бескорыстную доброту сердца» [Прокопович-Антоновский 1818: 63–64].

обмена с другим — либо через непосредственное общение, либо при помощи опосредованных форм коммуникации (например, переписки), оказываясь в ситуации фантазматического соприсутствия. Другой превращается в своеобразное зеркало, и поиск своего отражения в другом становится одним из основных механизмов формирования личности¹⁴.

Именно этот коммуникативный модус определяет структуру отношений, через которые раскрывается и главный герой «Жития Федора Ушакова», и тот, кто рассказывает его историю. Автор постоянно соотносится со своим другом Кутузовым и самим Ушаковым, они вовлечены в общий процесс становления, где Ушаков — «учитель в твердости», а Кутузов и сам Радищев — ученики. В «Житии» автор теперь уже «обрел зрелость», стал похож на того, у кого учился в молодости. В самом начале, обращаясь к своему другу, автор говорит о своем замысле: «Я ишу в том собственного моего удовольствия; а тебе, любезнейшему моему другу, хочу отверзсти последния излучины моего сердца. Ибо не редко в изображениях умершаго найдешь черты в живых еще сущаго» [Радищев 1938: 156] (об исповедальных мотивах и эпистолярных установках Радищева см.: [Лазарчук 1972]). «Сущаго» в данном случае означает *присутствующего*: живой друг, которого нет рядом, и умерший «учитель в твердости» и автор «Жития» оказываются в одном пространстве, один хранит черты другого, спроецированные на третьего.

В «Житии Федора Васильевича Ушакова» речь идет о частной истории и личной дружбе, которая тем не менее позволила Радищеву эксплицировать свои политические идеи. Этот текст с его специфическим пространством (с одной стороны, это дом в Лейпциге, где живут русские студенты, с другой — своеобразное не-место, противопоставленное всему остальному миру и ассоциирующееся с закрытыми объединениями наподобие масонской ложи) позволяет видеть в рассказе об Ушакове своеобразную модель нового, воображаемого общества. Очевидно, что видение Радищева было гораздо более широким, и тема присутствия как раз и позволяет выйти на уровень более фундаментальных обобщений. И здесь перед нами открывается третий аспект этого сюжета.

«Слово о Ломоносове», завершающее «Путешествие из Петербурга в Москву», начинается с описания летнего вечера, «приятность» которого после жаркого дня побудила героя отправиться на прогулку. Это

¹⁴ В этом плане показательно, например, использование Дэвидом Юмом метафоры зеркала: «Вообще мы можем заметить, что души людей являются друг для друга зеркалами [minds of men are mirrors to one another], и не потому только, что они отражают эмоции, испытываемые теми и другими, но и потому, что лучи аффектов, чувствований и мнений могут быть отражаемы вновь и вновь [but also because those rays of passions, sentiments and opinions may be often reverberated]» [Юм 1996: 411]; о метафоре зеркала в этом контексте с проекцией на лакановский психоанализ см.: [Kahn 2000: 296].

время элегии — промежуточное между вечером и ночью: «Солнце лице свое уже сокрыло, но легкая завеса ночи, едва, едва ли на синем своде была чувствительна» [Радищев 1938: 379]. Оказавшись на Невском кладбище, герой видит надгробие Ломоносова и обращается с призывом к своему другу (А. М. Кутузову), которому, собственно, и посвящено «Путешествие», явиться: «Где ты, о! возлюбленный мой! где ты? Прииди беседовати со мною о великом муже. Прииди да соплетем венец насадителю Российскаго слова. Пускай, другие раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы, воспоем песнь заслуге к обществу» [Радищев 1938: 379]. Ситуация практически идентична той, которую мы видели в начале «Жития»: призыв к отсутствующему другу беседовать об умершем, где текст «Жития» — точно такой же надгробный памятник Ушакову, как и надгробный памятник Ломоносову и слово о нем в «Слове о Ломоносове»¹⁵.

Элегический настрой, вечер, кладбище — все это придает особое настроение «Слову», которое соответствует в целом образности элог (*éloge*), сочетающих в себе элементы похвалы, надгробного слова (*oraison funèbre*) и биографический рассказ о жизни героя (подробнее о жанре см.: [Bonnet 1998: 53–56]). Для установления особых эмоциональных отношений с читателем/слушателем используются различные изобразительные (вербальные) техники, благодаря чему становятся *присутствующими* те, о ком говорит оратор. В риторике это концептуализируется через понятие возвышенного, и в главе XV трактата «О возвышенном» автор размышляет о качестве «зрительных образов», которые должны предать речи «особую наглядность», вызывая «чувство очевидности» (ἐνάρξεις), когда «мы как бы показываем слушателям то, о чем рассказываем» [О возвышенном 1994: 31]; см. также: [Старобинский 2002: 74]. Схожим образом рассуждает о фантазии и воображении Квинтиллиан в книге VI «Institutio oratoria»¹⁶. Эпидейктическое красноречие в этом плане имеет парадоксальную структуру: оратор наглядно, воочию показывает отсутствующего как присутствующего (об этом см.: [Кассен 2000: 81]), т. е. мертвого как живого.

Радищев стремится создать эту иллюзию, вовлекая читателя через прямые обращения, вопросы, восклицания и другие риторические

¹⁵ О коммеморативных аспектах сентименталистского нарратива см.: [Phillips 2000: 332–337].

¹⁶ Ср., например, этот фрагмент в переводе XIX века: «...то, что Греки называют *φαντασίας*, а мы мечтаниями, которые представляют уму нашему образы вещей отсутствующих, так, как бы мы пред собою их имели и видели: кто образы сии твердо запечатлел в душе своей, тот может сильно возбуждать страсти. Такового и называют иные *εὐφαντασίωτον*, т. е. человеком, который живо представляет вид, голос и действие отсутствующих лиц: и сие, когда захотим, удобно сделать можем» [Квинтиллиан 1834: 447–448].

приемы. Цель всего текста — обосновать право Ломоносова называться «великим мужем», т. е. право продолжать жить в обществе будущего. Исчисляя заслуги своего героя, Радищев противопоставляет привычные формы сохранения памяти (надгробный памятник) тем, которые не связаны с материальностью¹⁷. Речь идет в основном о воздействии и влиянии на людей:

Прияв от природы право неоцененное действовать на своих современников, прияв от нее силу творения, поверженный в среду народных толщи, великий муж действует на оную, но и не в одинаком всегда направлении. Подобен силам естественным действующим от средоточия, которая простирая действие свое во все точки окружности, деятельность свою присну везде соделывают. Тако и Ломоносов действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразны отверзал общему уму стези на познании [Радищев 1938: 388].

Ломоносов, уподобляясь естественным стихиям, «лучезарен», т. е. источает и проливает свет на «мрак будущего» [Радищев 1938: 389], будучи «первым махом» [Радищев 1938: 392] этого созидательного движения.

В трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» Радищев возвращается к теме «великих людей» и рисует совершенно фантастическую картину их участия в жизни общества. Приведем фрагмент целиком:

Великие мужи... суть всегда редки; нужны целые столетия, да родится великий муж. Но то примечания достойно, что великий муж никогда не бывает один. Всегда являются многие вдруг, как будто воззванные паки от мрака к бытию, как будто от сна восстают пробужденные, да воскреснут во множестве.

Если бы произведение великого мужа для природы было дело обыкновенное, то бы равно было для нее, да произведет его, когда бы то ни случилось, и тут и там, одного, двух. Но шествие ее не так бывает. Великий муж один не родится, но если обрели одного, должны быть уверены, что имеет многих спутников. И кажется, иначе тому быть нельзя; они всегда рождаются на возобновление ослабевающих пружин нравственного мира; рождаются на пробуждение разума, на оживление добродетели. Подобно, как то уверяют, что землетрясение есть нужное действие естественного строительства на возобновление усыпляющихся сил природы, так и великие люди, яко могущественные рычаги нравственности, простирая свою деятельность во все концы оныя, приводят ее во благое сотрясение, да пробудятся уснувшие души качества и силы ее да воскреснут [Радищев 1941: 127].

¹⁷ См.: «Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою, в дальнейшее потомство. Не камень со изсечением имени твоего, пренесет славу твою в будущия столетия. Слово твое живущее присно и во веки в творениях твоих, слово Российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных, за необозримый горизонт столетий [...] доколе слово Российское, ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь» [Радищев 1938: 380].

Как показал еще в начале прошлого столетия И. И. Лапшин, весь этот пассаж заимствован из первого из трех диалогов Гердера «Über die Seelenwanderung» («О странствиях души») [Лапшин 1907: XIV–XVI], где речь идет о посмертном существовании и обосновывается идея переселения душ. Вся проблематика, связанная с топикой «великих людей», вписывается здесь не столько в социальный и моралистический, сколько в мистический контекст. Само слово *присутствие* не используется Радищевым, нет его и в гердеровском фрагменте, но благодаря использованию церковнославянизмов у читателя возникают стойкие религиозные ассоциации.

Истоки культа великих людей находятся в римском пантеоне языческих богов, католическом культе святых [Bell 2003: 116–118] и, с другой стороны, в парижском Пантеоне, с его знаменитой надписью на фронте «Aux Grands Hommes la Patrie Reconnaissante», выражающей признание и единство нации¹⁸. Формирование такого рода «воображаемых сообществ», если воспользоваться выражением Бенедикта Андерсона, задействует религиозные паттерны, наполняя их вполне светским содержанием. Это общий для европейских стран процесс, и становится понятным, почему, например, Н. А. Бантыш-Каменский помещает во втором издании своего многотомного биографического «Словаря достопамятных людей русской земли» литографированное изображение Дмитрия Ростовского: составление светского биографического словаря мыслится по аналогии с составлением Четых-Миней, включавших в себя рассказы о жизни святых.

Французская революция, а с ней и формирование гражданского культа «мучеников и святых» представляли собой секуляризованную религиозность нового общества. Но стоит отметить, что, перед тем как стать воплощением лучших людей нации, сама категория «великий человек» (*grand homme*), будучи первоначально синонимичной понятию «герой» (*héros*), в XVIII веке приобрела новое значение. В отличие от героя, качества которого больше зависят от «темперамента» и «сложения органов» (*qualités qui tiennent plus du tempérament & d'une certaine conformation des organes*), великий человек является «в основном гением моральных добродетелей» (*génie la plupart des vertus morales*) [Encyclopédie 1765: 182] (ср. также перевод Маркуса Левитта [Левитт 2015: 44–45]). В своих деяниях он «руководствуется одними лишь прекрасными и благородными помыслами; служит одному лишь публичному благу, славе своего правителя, процветанию государства и счастьем людей» (*il n'a dans sa conduite que de beaux & de nobles motifs ; il n'écoute que le bien public, la gloire de son prince, la prospérité de l'état, & le bonheur des*

¹⁸ О культе великих людей и Пантеоне как метафоре нации подробнее см.: [Bonnet 1986]; о понятии «великий человек» в русском контексте: [Калугин 2018: 43–45].

peuples.) [Encyclopédie 1765: 182; перевод мой. — Д. К.]. Не вдаваясь в подробную историю этих понятий, можно сказать, что они задают общую рамку, при помощи которой конструируются представления о масштабах социального авторитета.

На роль великих людей во второй половине XVIII века претендовали в первую очередь философы, ученые и писатели — все те, кто служит общему благу, чьи труды и открытия помогли людям и кого Мари Жозеф Шенье перечисляет в своей речи перед Национальным собранием (24 августа 1792 г.). Шенье перечисляет полтора десятка имен тех, кто «в разных странах мира [...] проложили пути свободе» [Chénier 1826: 49–50], создавая что-то вроде пантеона интеллектуалов, куда философ и писатель Томас Пейн, государственный деятель Джэймс Мэдисон, английский политический философ и оратор Джозеф Пристли, историк Уильям Робертсон, «ирландский патриот» Джеймс Наппер Танди и многие другие. Эта форма, включавшая в себя перечисление имен предшественников и современников, не была собственным изобретением Шенье. Схожим образом, например, в своем «Discours préliminaire» Даламбер пишет о великих людях, внесших свой вклад в просвещение человечества, и предшественниках Энциклопедии — начиная с философов древности, Сократа и до Бэкона, Ньютона и Декарта. Такое выстраивание генеалогий свидетельствует об историзации сознания и выявлении ценности имен, конститутивных для автономизирующихся полей — политики, науки, литературы¹⁹ и т. д.

Ломоносов и его культ, складывающийся в екатерининскую эпоху, находился в России у истоков этих новых представлений о человеческом величии (*grandeur*). В «Слове» упоминается много имен, с которыми так или иначе сопоставляется его герой (Демосфен, Цицерон, Тацит, Пит, Бурк, Фокс, Мирабо, Рейналь, Робертсон, Франклин и другие), но, в отличие от них, Ломоносов в своей стране одинок, он не столько вписывается в то, что уже существует, сколько начинает, приводит в движение, делает возможным то, что еще только будет. Союз великих людей, «друзей человечества» здесь дело далекого будущего, очертания которого только еще проступают:

Вещайте, как душа действует на душу, какая есть связь между умами? Если знаем, как тело действует на тело прикосновением, поведайте, как неосязаемое

¹⁹ Если перечисления великих людей у Шенье, например, можно возвести к католическим представлениям о лике святых, то в отношении литературы генеалогия подобных перечислений представляется более сложной. В этом плане обоснованно говорить об античной идее классики и перечислении великих авторов, от греков к римлянам и далее, связанных с более ранним топосом *translatio studii* (об этом топосе см.: [Curtius 1953: 29; Буланин 1994]). За это замечание отдельное спасибо Борису Маслову.

действует на неосязаемое, производя вещественность; или какое между безвещественностей есть прикосновение. Что оно существует, то знаете. Но если ведаете, какое действие разум великаго мужа имеет над общим разумом, то ведайте еще, что великий муж может родить великаго мужа; и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвел Сумарокова [Радищев 1938: 446].

Поскольку воображаемые пантеоны «великих людей» в России еще только складываются, статус тех, кто в них входит, как, например, в случае с Сумароковым, проблематичен, а различные поля еще не выделились и не обрели свои границы, выбор их оказывается произволен, и на первый план выходит религиозный компонент. В приведенной цитате из трактата «О человеке» мотив пробуждения, соответствующий воскрешению из мертвых, вызывает, вместе с церковнославянской лексикой и евангельскими цитатами, прямые ассоциации со Страшным судом, а великие люди уподобляются святым, *присутствующим* в человеческой жизни (о роли церковнославянской лексики у Радищева см.: [Алексеев 1977: 104–108]). В этом смысле показательно, что один из первых примеров использования слова *присутствие* в XVII веке в его архаизированной форме находится у Симеона Полоцкого и связан как раз с присутствием святых в человеческой жизни и их заступничеством: «Могут же и души усопших присуществовати нам, яко бе Моисей и Илия на Фаворе, и так знати нужды наша» [Алексеев 1990: 49].

Этот союз живых и мертвых следует рассматривать по крайней мере в двух аспектах. В первую очередь, речь идет об эсхатологии, Страшном суде, где Христос будет «судия живымъ и мертвымъ» (Деян 10:42, см. также: 2 Тим. 4:1; Лк. 20:38), что, как указывалось выше, соответствует одному из значений *παρουσία, praesentia*. Подобное сочетание использовалось вполне ожидаемым образом в учительной и религиозно ориентированной дидактической литературе, но, помимо этого, интересующая нас формула встречается и в литературных текстах, например в повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792), сочинение которой, по словам рассказчика, должна «облегчить немного груз моей памяти» и представляет собой «упражнение в похвальном ремесле мараить бумагу, взводить небылицы на живых и мертвых» [Карамзин 1964: 622–623]. И в этом контексте можно привести пример из мемуарного текста, где герой, терзаемый противоположными чувствами, описывает свой поспешный отъезд из Москвы: «Сели в коляску, и солнцу заходящу выехали мы из Москвы, где все милое мне в живых и мертвых, далеко от меня оставалось» [Долгоруков 2004: 662].

Последний пример особенно показателен, поскольку ситуация разлуки, расставания с наибольшей очевидностью ставит вопрос о мире, в который включен человек, где соединились те, кто находится рядом,

и те, кого уже нет, но кто продолжает составлять окружение человека. Чтобы обозначить этот феномен, можно, например, использовать слово «идентичность», но, в отличие от локковского понимания — где, как уже говорилось, память «лишена воспоминаний» и выступает в качестве механизма (Operation), усилий сознания, связывающего различные временные пласты (настоящее и прошлое), — здесь подчеркивается временная неоднородность человеческой жизни. Это множественное прошлое, где отсутствующие друзья, дети, родители, а кроме того — «друзья человечества», великие люди готовы в любой момент вторгнуться в настоящее, властно заявляют о своем присутствии. Перед нами история, где прошлое не исчезло, а продолжает длиться.

Эта память парадоксальным образом проецируется на будущее, которое только начинает обретать свои очертания. Для его обозначения Радищев использует понятия «отчество» или «общество», как, например, в финале «Жития Федора Ушакова»:

Наконец естественным склонением к разрушению, пресеклась жизнь *Федора Васильевича*. Он был и его не стало. Из миллионов единый изторгнутый, не приметен в обращении миров. [...] Хотя не можно о нем сказать во всем пространстве, как некогда Тацит говорил о Агриколе и Даламбер о Монтескье: «конец жизни его для нас был скорбен, для отечества печален, чуждым и даже неизвестным не без прискорбия». Но то скажу справедливо, что всяк, кто знал *Федора Васильевича*, жалел о безвременной его кончине, тот кто провидит в темноту будущего и уразумеет, что бы он мог быть в обществе, тот чрез многие веки потужит о нем; друзья его о нем восплакали; а ты если можешь днесь внимать гласу стнящаго, приникни о возлюбленный к душе моей, ты в ней увидишь себя живаго [Радищев 1938: 84–85; курсив Радищева]²⁰.

Лишенный непосредственной возможности находиться в этом обществе, Федор Ушаков попадает в него благодаря памяти о нем, запечатленной в его «Житии».

Образ памяти как «соприсутствия» живых и мертвых — римский по своему происхождению (о раннехристианских аспектах этого феномена см.: [Brown 1981: 86–106]). В речах и письмах Цицерона рассеяны замечания, касающиеся этого союза, наподобие знаменитой сентенции

²⁰ Цитату из Тацита Радищев воспроизводит по похвальному слову Даламбера, опубликованному в пятом томе Энциклопедии и включенному впоследствии в собрание сочинений Монтескье [Montesquieu 1764: I–XLVIII]. Как указывает комментатор первого тома собрания сочинений А. Н. Радищева Я. Л. Барсков, Даламбер и, соответственно, вслед за ним Радищев заменяет слово *amicus* словом *patriae* [Радищев 1938: 468]. С одной стороны, можно согласиться с тем, что таким образом Даламбер хотел подчеркнуть «гражданские заслуги Монтескье», но можно также предположить, что дружба понимается здесь в своем расширительном смысле — как принцип существования широкого сообщества тех, кто опечален смертью «великого человека».

«Vita enim mortuorum in memoria est posita vivorum» — «Жизнь мертвых заключается (продолжается) в памяти живых» (Cic. Phil. IX 10 (V)). Можно привести множество вариаций на эту тему, принадлежащих другим эпохам и другим авторам²¹, но стоит отметить, что в ее основании лежит вполне определенная концепция истории и политики: у Цицерона в его поздних текстах память связана в первую очередь с памятью о республике, политической форме, оставшейся в прошлом, но продолжающей незримо присутствовать в настоящем как некоторый идеальный образ политического устройства [Gowing 2005: 1–28]. В этом же ключе, как уже отмечалось выше, интерпретируются Цицероном и дружеские отношения — подлинный друг умирает, но продолжает существовать в памяти, в настоящем как воспоминание о прекрасном прошлом, озаряя жизнь надеждой на встречу в будущем.

В этом ключе следует воспринимать размышления о былой славе Новгорода и его падении в «Путешествии из Петербурга в Москву»:

Гордитесь, тщеславные созидатели градов, гордитесь, основатели Государств; мечтайте, что слава имени вашего будет вечна; столпите, камень на камень до самых облаков; изсекайте изображения ваших подвигов, и надписи дела ваши возвещающие. Полагайте, твердя основания правления, законом непрменным. Время с острым рядом зубов смеется вашему кичению. Где мудрые Солоновы и Ликурговы законы вольность Афин и Спарты утверждавшие? В книгах. — А на месте их пребывания пасутся рабы жезлом самовластия [Радищев 1938: 262].

Новгородская вольность, вече, народные обсуждения остались в прошлом, и, как представляется, это и есть утраченная идеальная политическая форма наподобие древнегреческих полисов и Цицероновского республиканского Рима. В этой главе Радищев не развивает непосредственным образом мысль о ее возвращении или реактуализации, но можно предположить, что будущее, рассматриваемое в этом ключе, составляет предмет его размышлений: «Но, не всё думать о старине, не всё думать о завтешнем дне. [...] Как ни тужи, а Новгорода по прежнему не населиш. Что бог даст в перед» [Радищев 1938: 264]. Фрагмент, посвященный Новгороду, заканчивается в этой неопределенной тональ-

²¹ В дальнейшем этот образ разошелся по разным дискурсам, и в качестве примера можно привести цитату из выступления к «Истории XIX века» Жюль Мишле, где он пишет о «ремесле историка», основная задача которого состоит в том, чтобы «открыть могилы умерших для новой жизни»: «История дает новую жизнь этим мертвецам, воскрешает их. Она справедлива ко всем и объединяет тех, кто жил в разные времена, заставляет явиться вновь тех, кто пришел лишь на одно мгновение, чтобы потом исчезнуть. Все они живут теперь с нами, и мы чувствуем, что мы им родные, друзья. Так создается одна семья, один град общий для мертвых и живых [Ainsi se fait une famille, une cité commune entre les vivants et les morts] [перевод мой. — Д. К.]» [Michelet 1875: IV].

ности, но сопоставление его с другими текстами Радищева позволяет наметить некоторые черты этого утопического будущего.

С определенной долей уверенности можно сказать, что оно мыслится в республиканском духе как сообщество добродетельных мужей, ревнителей вольности и просвещения, благодаря которым поддерживается постоянная борьба с тиранией за права и справедливость, — положение, которое Ю. М. Лотман назвал «превращением революции в институт» [Лотман 1992: 82]. Радищев разделял идею исторических циклов, в соответствии с которой происходит «процесс возвышения и упадка гражданской доблести» [Бугров 2017: 451], и если вспомнить о гердеровских вариациях в трактате «О бессмертии», то ключевым моментом будет покровительство «великих людей», пробуждение которых связано с необходимостью оживлять «разум и добродетели», что должно помочь живым обрести «качества» и «силы»²². В обществе будущего, о котором говорится в финале «Жития», живые и мертвые соприсутствуют друг с другом в нерасторжимом единстве, и в этом обществе найдут свое место и Федор Ушаков, и Ломоносов, и, вероятно, сам Радищев.

* * *

Выше уже отмечалось, что Радищев не разрабатывает последовательным образом понятие присутствия — оно возникает эпизодически, но в важных контекстах. Все они так или иначе связаны с интересубъектным аспектом, воображаемым взаимодействием с другим или другими — родителями, детьми, друзьями или великими людьми прошлого. Можно предположить, что в русской традиции формирование нового значения термина *присутствие* происходило через рецепцию постдекартовской философии, где оно выражало новый тип отношений, связанных со статусом восприятия и функционированием сознания. Это присутствие — неопределенное и зыбкое, лишенное подлинного бытия, существующее благодаря фантазии и воображению — открывало новый путь для концептуализации отношений человека с миром и другими людьми.

При этом необходимо отметить, что *присутствие*, как и многие другие понятия у Радищева, приобретает свою многозначность именно за счет соотносительности с литературой. В качестве примера такой поливалентности можно привести термин «воображение», которое в фило-

²² В «Песне исторической» Радищев сетует на то, что Катон, покончив с собой, лишил граждан своей поддержки: «Ах, Катон, почто исторгнул / Жизнь свою ты столь не кстате? / Ты бы участь зыбку Рима / Укрепить мог духом твердым» [Радищев 1938: 103]. Очевидно, что такая функция присуща не только живым героям, но и мертвым.

софии осмысливается по крайней мере двойственным образом. С одной стороны, вместе с восприятием и памятью оно позволяет «схватывать» объект и создавать ментальные конструкции, с другой — под действием страстей или при неверном функционировании органов восприятия оно создает «смещение понятий», делая невозможным правильное функционирование сознания. В этом плане «мечта», «греза» имеет негативный характер, поскольку представляет собой ошибку и неверное умозаключение. Радищев часто понимает воображение в философском духе, но здесь не менее принципиален и другой, не философский, а литературный аспект, где мечта, греза и, соответственно, заблуждение знаменуют не провал аналитических способностей, а позволяют утешиться в одиночестве и обрести надежду на будущее²³.

Схожим образом тема присутствия раскрывается и как философская («присутствие объектов в сознании»), и как литературная, связанная с присутствием-отсутствием друга, где другой выступает в качестве своего рода собеседника и соучастника работы над собой. Тема дружбы при этом через артикуляцию этических компонентов устанавливает и другую важную связь — между литературой и политикой. Дружба в этом случае мыслится как своеобразная квазиприватность, поскольку, будучи связанной со сферой интимности, она осмысливается как политическая дружба, т. е. как образ частных отношений, расширенных до всего общества. Подключение религиозных контекстов переводит все это на качественно иной уровень, поскольку если в эмпирической философии термин *присутствие* имеет скорее технический характер, то значения, продуцируемые религиозным полем, позволяют интерпретировать его как мистическое единение, которое, в конечном счете, не может быть осмыслено при помощи разума.

Здесь устанавливается третья перспектива, которая связана с процессом автономизации различных полей (например, литературы, науки, политики), требующих исторических обоснований и легитимации через предшественников, и предполагает вовлечение в коммуникацию на равных правах «великих людей» — фантомы, при помощи которых выражаются представления о социальном авторитете. И в этом случае можно говорить о новом понимании личности, широкой вовлеченности в прошлое, которое не ушло, а неизменно находится (присутствует) рядом, задавая образцы для подражания и формируя контуры

²³ Ср., например: «Может быть, я заблуждаю, но блуждание сие меня утешает, подавая надежду соединиться с вами: подобно, как будто привлекательное какое повествование, в истинности никакой основательности не имеющее, но живою своих изображений, блеском картин и сходством своих начертаний удаляя, отгоняя даже тень печального, влечет воображение, а за ним и сердце в царство хотя мечтаний, но в царство веселий и утех» [Радищев 1941: 130].

воображаемого общества будущего. Это можно рассматривать как следствие общего процесса секуляризации, который в эпоху формирования национальных государств после Великой французской революции выступает основанием для сакрализации общества и нации. Человек теперь ощущает себя участником большой общности, где при помощи воображения стягиваются воедино эпохи и территории, живые и мертвые.

Библиография

Источники

Барсков 1915

Барсков Я. Л., *Переписка московских масонов XVIII века*, Петроград, 1915.

Гельвеций 1973

Гельвеций К. А., *Сочинения в двух томах*, 1, Москва, 1973.

Державин 1957

Державин Г. Р., *Стихотворения*, Ленинград, 1957.

Дмитриев 1967

Дмитриев И. И., *Полное собрание стихотворений*, Ленинград, 1967.

Дневные записи 1781

Дневные записи святого чудотворца Дмитрия митрополита Ростовского, с собственноручной писанной им книги, находящейся в Киево-Печерской библиотеке, Москва, 1781.

Долгоруков 2004

Долгоруков И. М., *Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...*, 1, С.-Петербург, 2004.

Карамзин 1794

Карамзин Н. М., *Цветок на гроб Моего Агатона*, Аглая, 1, Москва, 1794, 6–21.

——— 1964

Карамзин Н. М., *Избранные сочинения в двух томах*, 2, Москва, Ленинград, 1964.

Квинтиллиан 1834

Квинтиллиан, *Двенадцать книг риторических наставлений*, 1, С.-Петербург, 1834.

Локк 1985

Локк Д., *Сочинения в трех томах*, 1, Москва, 1985.

Ломоносов 1986

Ломоносов М. В., *Избранные произведения*, Ленинград, 1986.

Нордстет 1782

Нордстет И., *Российский, с немецким и французским переводами, словарь*, 2, С.-Петербург, 1782.

О возвышенном 1994

О возвышенном, перев. с греч., ст. и примеч. Н. А. Чистяковой, Москва, 1994.

Поликарпов-Орлов 1704

Поликарпов-Орлов Ф. П., *Лексикон треязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокровищ из различных древних и новых книг собранное и по славянскому алфавиту в чин расположенное*, Москва, 1704.

Прокопович-Антоновский 1818

Прокопович-Антоновский А. А., *О воспитании*, Москва, 1818.

Радищев 1938

Радищев А. Н., *Полное собрание сочинений*, 1, Москва, Ленинград, 1938.

——— 1941

Радищев А. Н., *Полное собрание сочинений*, 2, Москва, Ленинград, 1941.

САР 1790

Словарь Академии Российской, 2, С.-Петербург, 1790.

Словарь 1847

Словарь церковно-славянского и русского языка, 2, С.-Петербург, 1847.

Тредиаковский 2009

Тредиаковский В. К., *Сочинения и переводы как стихами, так и прозою*, С.-Петербург, 2009.

Фонвизин 1959

Фонвизин Д. И., *Собрание сочинений в двух томах*, 2, Москва, Ленинград, 1959.

Цицерон 1974

Цицерон, *Диалоги*, Москва, 1974.

Юм 1996

Юм Д., *Сочинения в двух томах*, 1, Москва, 1996.

Montesquieu 1764

Oeuvres de monsieur de Montesquieu, nouv. éd., 1, Amsterdam, Leipzig, 1764.

Литература

Алексеев 1977

Алексеев А. А., Старое и новое в языке Радищева, XVIII век, 12: А. Н. Радищев и литература его времени, Ленинград, 1977, 99–112.

——— 1990

Алексеев А. А., Словообразовательная и семантическая структура слова присутствие, Развитие словарного состава русского языка XVIII века: Вопросы словообразования, Ленинград, 1990, 48–57.

Бобров 1907

Бобров Е., *Философия в России*, 3, Казань, 1907.

Богданов 2017

Богданов К. А., *Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры*, С.-Петербург, 2017.

Бугров 2017

Бугров К. Д., *Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в.* (диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, Екатеринбург, 2017).

Буланин 1994

Буланин Д. М., *Translatio studii: Путь к русским Афинам, Пути и миражи русской культуры*, С.-Петербург, 1994, 87–154.

Виноградов 1999

Виноградов В. В., *История слов*, Москва, 1999.

Гинзбург 1998

Гинзбург К., Репрезентация: Слово, Идея, Вещь, *Новое литературное обозрение*, 33, 1998, 5–21.

Гирц 2004

Гирц К., *Интерпретация культур*, Москва, 2004.

Гумбрехт 2006

Гумбрехт Х. У., *Производство присутствия: Чего не может передать значение*, Москва, 2006.

Живов, Успенский 1996

Живов В. М., Успенский Б. А., Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России, Б. А. Успенский, *Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры*, 2-е изд., Москва, 1996.

Калугин 2018

Калугин Д. Я., От Гения-Творца к Гению Нации: репрезентация величия в биографиях М. В. Ломоносова, *Russian Literature*, 99, 2018, 39–70.

— 2019

Калугин Д. Я., Воспитание Проста: трансфер западноевропейского философского языка и практики «заботы о себе» в России второй половины XVIII века, *Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики*, под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, Б. Маслова, Москва, 2019, 225–294.

— 2020

Калугин Д. Я., Между философией и литературой: Понятие присутствие в текстах XVIII века, *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*, 65/1, 2020, 7–17.

Кассен 2000

Кассен Б., *Эффект софистики*, Москва, С.-Петербург, 2000.

Костин 2006

Костин А. А., Религиозные взгляды А. Н. Радищева, *XVIII век*, 24, С.-Петербург, 2006, 255–280.

Лазарчук 1972

Лазарчук Р. М., Проза Радищева и традиция эпистолярного жанра, *XVIII век*, 12: А. Н. Радищев и литература его времени, Ленинград, 1977, 72–82.

Лапшин 1907

Лапшин И. И., Философские воззрения Радищева, Радищев А. Н., *Полное собрание сочинений*, под ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева, 2, С.-Петербург, 1907, VII–XXXII.

Левитт 2015

Левитт М., О «великости» Екатерины, *Литературная культура России XVIII века*, 6: *Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия*, С.-Петербург, 2015, 41–57.

Левонтина 2010

Левонтина И. Б., Словарные статьи полей «личность» и «жалость», Ю. Д. Апресян, отв. ред., *Перспектив активный словарь русского языка*, Москва, 2010, 585–617.

Лотман 1992

Лотман Ю. М., Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века, *Idem, Избранные статьи в трех томах*, 2: *Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века*, Таллинн, 1992, 40–100.

Макогоненко 1956

Макогоненко Г. П., *Радищев и его время*, Москва, 1956.

Миллер 1967

Миллер Т. А., Античные теории эпистолярного стиля, *Античная эпистолография*, Москва, 1967, 5–26.

Новиков 1951

Новиков Н. И., *Избранные сочинения*, подг. текста, вступит. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко, Москва, Ленинград, 1951.

Плотников 2008

Плотников Н. С., От «индивидуальности» к «идентичности» (история понятий персональности в русской культуре), *Новое литературное обозрение*, 91, 2008, 64–84.

Рикер 2004

Рикер П., *Память. История. Забвение*, Москва, 2004.

Смит 1997

Смит А., *Теория нравственных чувств*, Москва, 1997.

Сорокин 1965

Сорокин Ю. С., *Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX в.*, Москва, Ленинград, 1965.

Старобинский 2002

Старобинский Ж., К понятию воображения: вехи истории, *Idem, Поэзия и знание*, 1, Москва, 2002, 69–84.

Фасмер 1987

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, 3, Москва, 1987.

Bell 2003

Bell D. A., *The Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism, 1680–1800*, Cambridge, London, 2003.

Bonnet 1986

Bonnet J.-C., Les morts illustres, *Les Lieux de mémoire*, P. Nora, dir., 2: *La Nation*, Paris, 1986, 217–239.

——— 1998

Bonnet J.-C., *Naissance du Panthéon. Essai sur le culte des grands hommes. L'esprit de la Cité*, Paris, 1998.

Brown 1981

Brown P., *The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity*, Chicago, 1981.

Castle 1995

Castle T., *The Female Thermometer: Eighteenth-Century Culture and the Invention of the Uncanny*, Oxford, 1995.

Chénier 1826

Chénier M. J., Pétition a l'Assemblée Nationale, l'admission d'étrangers aux droits de citoyens français, *Œuvres Posthumes de M. J. Chénier*, 5, Paris, 1826, 49–53.

Curtius 1953

Curtius E. R., *European Literature and the Latin Middle Ages*, Princeton, 1953.

Derrida 1994

Derrida J., *Politiques de l'amitié*, Paris, 1994.

Encyclopédie 1765

Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, 8, Paris, 1765.

Faggionato 2002

Faggionato R., Религиозный эклектизм в России на рубеже 18–19 вв., *Study Group on Eighteenth-Century Russia*, 30, 2002, 49–67.

Gowing 2005

Gowing A. M., *Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture*, Cambridge, 2005.

Habermas 1992

Habermas J., *Postmetaphysical thinking*, Massachusetts, 1992.

Kahn 2000

Kahn A., Self and Sensibility in Radishchev's Journey from St. Petersburg to Moscow: Dialogism, Relativism, and the Moral Spectator, *Self and Story in Russian History*, London, 2000, 280–305.

Lehnen 1997

Lehnen J., *Adventus principis. Untersuchungen zu Sinngehalt und Zeremoniell der Kaiserankunft in den Städten des Imperium Romanum*, Frankfurt am Main, 1997.

Maslov 2015

Maslov B., *Pindar and the Emergence of Literature*, Cambridge, 2015.

McConnell 1964

McConnell A., *A Russian Philosopher. Alexander Radishchev, 1749–1802*, The Hague, 1964.

Michelet 1875

Michelet J., *Histoire du xix siècle jusqu'au 18 brumaire*, 2 éd., Paris, 1875.

Moore 1966

Moore A. L., *The Parousia in the New Testament*, Leiden, 1966.

Page 1979

Page T., Utilitarianism and its Rebuttal in the Thought of A. N. Radishchev, *Western Philosophical Systems in Russian Literature*, ed. by A. M. Mlikotin, Los Angeles, 1979, 1–10.

Phillips 2000

Phillips M. S., *Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820*, Princeton, New Jersey, 2000.

References

Alekseev A. A., Slovoobrazovatel'naia i semanticheskaia struktura slova prisutstvie, *Razvitie slovarnogo sostava russkogo iazyka XVIII veka: Voprosy slovoobrazovaniia*, Leningrad, 1990, 48–57.

Alekseev A. A., Staroe i novoe v iazyke Radishcheva, XVIII vek, 12: A. N. Radishchev i literatura ego vremeni, Leningrad, 1977, 99–112.

Bell D. A., *The Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism, 1680–1800*, Cambridge, London, 2003.

Bogdanov K. A., *Vrachi, patsienty, chitateli: Patograficheskie teksty russkoi kul'tury*, St. Petersburg, 2017.

Bonnet J.-C., Les morts illustres, *Les Lieux de mémoire*, P. Nora, dir., 2: *La Nation*, Paris, 1986, 217–239.

Bonnet J.-C., *Naissance du Panthéon. Essai sur le culte des grands hommes. L'esprit de la Cité*, Paris, 1998.

Brown P., *The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity*, Chicago, 1981.

Bulanin D. M., *Translatio studii: Put' k russkim Afinam, Puti i mirazhi russkoi kul'tury*, St. Petersburg, 1994, 87–154.

Cassin B., *L'effet sophistique*, Moscow, St. Petersburg, 2000.

Castle T., *The Female Thermometer: Eighteenth-Century Culture and the Invention of the Uncanny*, Oxford, 1995.

Curtius E. R., *European Literature and the Latin Middle Ages*, Princeton, 1953.

Derrida J., *Politiques de l'amitié*, Paris, 1994.

Faggionato R., Religiozniy eklektizm v Rossii na rubezhe 18–19 vv., *Study Group on Eighteenth-Century Russia*, 30, 2002, 49–67.

Geertz C. J., *Interpretatsiia kul'tur*, Moscow, 2004.

Ginzburg C., *Reprezentatsiia: slovo, ideia, veshch'*, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 33, 1998, 5–21.

Gowing A. M., *Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture*, Cambridge, 2005.

Gumbrecht H. U., *Production of presence: what meaning cannot convey*, Moscow, 2006.

Habermas J., *Postmetaphysical thinking*, Massachusetts, 1992.

Kahn A., Self and Sensibility in Radishchev's Journey from St. Petersburg to Moscow: Dialogism, Relativism, and the Moral Spectator, *Self and Story in Russian History*, London, 2000, 280–305.

Kalugin D. Ya., Between philosophy and literature: The concept of presence in the texts of the

18th century, *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*, 65/1, 2020, 7–17.

Kalugin D. Ya., From Genius-Creator to National Genius: Representations of Greatness in the Biographies of M.V. Lomonosov, *Russian Literature*, 99, 2018, 39–70.

Kalugin D. Ya., Vospitanie Prosta: transfer zapadnoevropeiskogo filosofskogo iazyka i praktiki «zaboty o sebe» v Rossii vtoroi poloviny XVIII veka, Yu. Kagarlitskiy, D. Kalugin, B. Maslov, eds., *Poniatii, idei, konstruktii: ocherki sravnitel'noi istoricheskoi semantiki*, Moscow, 2019, 225–294.

Kostin A. A., Religioznye vzgliady A. N. Radishcheva, *XVIII vek*, 24, St. Petersburg, 2006, 255–280.

Lazarchuk R. M., Proza Radishcheva i traditsiia epistol'nogo zhanra, *XVIII vek*, 12: A. N. Radishchev i literatura ego vremeni, Leningrad, 1977, 72–82.

Lehnen J., *Adventus principis. Untersuchungen zu Sinngelt und Zeremoniell der Kaiserankunft in den Städten des Imperium Romanum*, Frankfurt am Main, 1997.

Levitt M., *Literaturnaia kul'tura Rossii XVIII veka*, 6: Petra Philologica: professoru Petru Evgen'evichu Bukharkinu ko dnu shestidesiatiletiia, St. Petersburg, 2015, 41–57.

Levontina I. B., Slovarnye stat'i polei «lichnost'» i «zhalost'», Yu. D. Apresyan, ed., *Prospekt aktivnogo slovaria russkogo iazyka*, Moscow, 2010, 585–617.

Lotman Yu. M., Russo i russkaia kul'tura XVIII – nachala XIX veka, Idem, *Izbrannye stat'i v trekh tomakh*, 2: Stat'i po istorii russkoi literatury XVIII – pervoi poloviny XIX veka, Tallinn, 1992, 40–100.

Makogonenko G. P., ed., Novikov N. I., *Izbrannye sochineniia*, Moscow, Leningrad, 1951.

Makogonenko G. P., *Radishchev i ego vremia*, Moscow, 1956.

Maslov B., *Pindar and the Emergence of Literature*, Cambridge, 2015.

McConnell A., *A Russian Philosopher. Alexander Radishchev, 1749–1802*, The Hague, 1964.

Miller T. A., Antichnye teorii epistol'nogo stilia, *Antichnaia epistolografiia*, Moscow, 1967, 5–26.

Moore A. L., *The Parousia in the New Testament*, Leiden, 1966.

Page T., Utilitarianism and its Rebuttal in the Thought of A. N. Radishchev, *Western Philosophical Systems in Russian Literature*, ed. by A. M. Mlikotin, Los Angeles, 1979, 1–10.

Phillips M. S., *Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820*, Princeton, New Jersey, 2000.

Plotnikov N. S., From “individuality” to “identity” (history of personality concepts in Russian culture), *Novoe literaturnoe obozrenie*, 91, 2008, 64–84.

Ricœur P., *La memoire, l'histoire, l'oubli*, Moscow, 2004.

Smith A., *Teoriia nravstvennykh chuvstv*, Moscow, 1997.

Sorokin Iu. S., *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo iazyka. 30–90-e gody XIX v.*, Moscow, Leningrad, 1965.

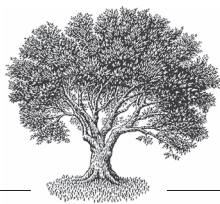
Starobinski J., K poniatiiu voobrazhenie: vekhi istorii, Idem, *Poeziia i znanie*, 1, Moscow, 2002, 69–84.

Vinogradov V. V., *Istoriia slov*, Moscow, 1999.

Zhivov V. M., Uspenskij B. A., Tsar' i Bog: Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii, B. A. Uspenskij, *Izbrannye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury*, 2nd ed., Moscow, 1996.

Дмитрий Яковлевич Калугин, кандидат филологических наук
профессор школы Филологии,
научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований
Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»
190069 С.-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 121, каб. 302–303
Россия / Russia
m.kalugin@gmail.com

Received August 11, 2020

«1866 год» в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: сцена созыва народного ополчения и ее социально-политические источники

Юлия Игоревна
Красносельская

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

“1866” in Leo Tolstoy’s *War and Peace*: The Depiction of Militia Gathering in the Socio-Political Context of the 1860s

Yulia I. Krasnoselskaya

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматриваются главы XXI–XXIII первой части третьего тома «Войны и мира» Л. Н. Толстого, в которых описывается приезд в Москву императора Александра I в июле 1812 г. и его встречи с москвичами незадолго до Отечественной войны. В этих эпизодах Толстой не просто воспроизводит исторические события начала XIX века, но и образно воссоздает разные типы представительства, выражает свое к ним отношение. В эпизоде, описывающем приветствие императора народом в Кремле, можно видеть модель народного представительства совещательного типа, заставляющую вспомнить древнерусские Земские соборы, в то время как сцена встречи Александра с дворянством и купечеством в Слободском дворце моделирует уже законосовещательное представительство по западному образцу и на

Цитирование: Красносельская Ю. И. «1866 год» в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: сцена созыва народного ополчения и ее социально-политические источники // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 193–216.

Citation: Krasnoselskaya Yu. I. (2021) “1866” in Leo Tolstoy’s *War and Peace*: The Depiction of Militia Gathering in the Socio-Political Context of the 1860s. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 193–216.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.10.2.8

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

сословной основе. Интерес Толстого к политической проблематике такого рода был обусловлен спорами о конституции и общественном мнении в пореформенной российской прессе. В качестве непосредственных источников указанных сцен романа мы рассматриваем передовицы М. Н. Каткова в газете «Московские ведомости», посвященные покушению Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г., книгу Б. Н. Чичерина «О народном представительстве», также изданную в 1866 г., и работы славянофилов о характере взаимоотношений верховной власти и народа в допетровской и современной России.

Ключевые слова

Л. Н. Толстой, «Война и мир», представительство, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин, Д. В. Каракозов, славянофилы, Земский Собор

Abstract

In the paper, we examine chapters XXI–XXIII of *War and Peace* Book 3 Part 1, where Tolstoy depicts the preparations of the Russian nation to the war of 1812. He portrays the visit of Alexander I to Moscow and his meeting with people: first in the Kremlin, then in the Sloboda Palace, where nobles and merchants are gathered to define the conditions on which militia should be organized. The political problem stated in these chapters could be formulated as the problem of legitimacy of the supreme power, as well as of its relationship with the citizens. We claim that the Kremlin scene in chapter XXI shows an archaic scenario of power that could remind of the old Russian tradition of the Zemsky Sobor. The next two chapters represent a more modern and more western scenario of power in the form of the advisory assembly with estate representation. In our opinion, Tolstoy, while creating these episodes, was deeply impressed by publications on D. V. Karakozov's attempt on the life of Alexander II and by the Slavophiles' and Westernizers' (mainly B. N. Chicherin's) works on the Ancient Russian and Western models of popular representation.

Keywords

Leo Tolstoy, *War and Peace*, political representation, M. N. Katkov, B. N. Chicherin, D. V. Karakozov, Slavophiles, Zemsky Sobor

В письме А. А. Толстой от 14 ноября 1865 г. Толстой, демонстрируя свое равнодушие к политической публицистике М. Н. Каткова, утверждал: «[...] мне совершенно все равно, кто бы ни душил поляков или ни взял Шлезвиг-Голшт[ейн] или произнес речь в собрании земск[их] учреждений» [Толстой 1953б: 115]. Такое презрение ко злобе дня вроде бы хорошо подтверждает идею Б. М. Эйхенбаума о том, что в 1865 г. «Война и мир», над которой Толстой тогда работал, уже стала превращаться из политического романа в эпопею [Эйхенбаум 2009: 491–492]. Между тем тот факт, что Толстой перечисляет все самые обсуждаемые темы середины 1860-х гг.: и последствия польского восстания 1863 г., и австро-прусскую войну 1866 г., и открытие земских собраний в

1865 г., — подтверждает неплохую осведомленность в актуальных вопросах внешней и внутренней политики. Злободневная полемика национального (кто душит поляков?), внешнеполитического (чей Шлезвиг-Гольштейн?), представительного (кто произнес речь?) характера, как мы полагаем, не просто оказывается внешним фоном, на котором создается «Война и мир», но и используется в качестве сюжетного каркаса отдельных эпизодов романа, становясь тем конструктивным элементом текста, на который в процессе творческой обработки наносится философское, историческое и художественное «напыление». Конstellацию разных пластов авторского сознания, один из которых отвечает за рецепцию современных событий, а другой — за художественное воображение, хорошо демонстрируют письма, в которых Толстой легко переключается со своей писательской работы на политику и обратно. Так, чуть позднее, в мае 1866 г., в письме А. А. Фету он сначала делится радостью от того, что работа над романом идет успешно, а затем переходит к покушению Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. и реакции на него публики и прессы (прежде всего того же Каткова):

Настоящие мои письма к вам это мой роман, которого я очень много написал. [...] Напишите, пожалуйста, свое мнение — откровенно. Я очень дорожу вашим мнением, но, как вам говорил, я столько положил труда, времени и того безумного авторского усилия (к[отор]ое вы знаете), так люблю свое писание, особенно будущее — 1812 год, к[отор]ым теперь занят, что не боюсь осуждения даже тех, кем дорожу, а рад осуждению. Н[а]п[ример], мнение Тургенева о том, что нельзя на 10 страницах описывать, как NN положила руку, мне очень помогло, и я надеюсь избежать этого греха в будущем. — Пожалуйста, скажите поправдивее, т. е. порезче. Что вы говорите о 4-м апреле? Для меня это был *coup de grâse*. Последнее уважение или робость внутреннего суда над толпой исчезла. Ведь это всенародно, с важностью, при звоне колоколов вся Россия, к[отор]ая слышна, делает глупости с какой-то радостью и гордостью, и ведь какие глупости! Глупости, к[отор]ыми я стыдил бы 3-х летне[го] Сережу. Осип Иван[ович] Комисаров член разных обществ, молебствие о том, что в царя стреляли, студенты у Иверской — сапоги в смятку, желуди говели.

А Катков-то ваш погиб. И погиб, знаете чем? Тем, что он осердился: *Il n'y a pas de bonne cause qui ne soit perdue dès qu'on se fâche*. А это особенно правда в литературе, даже в газетной, не говоря уж о нашей. Пушкин умел сердиться особенно. А сердиться в романе или в длинной статье, как вы иногда покушались, не годится [Толстой 1953б: 138].

В настоящей работе мы бы хотели показать, как воздействуют политические процессы и дебаты 1860-х гг. на нарративную организацию «Войны и мира», на примере эпизодов, описывающих приготовления москвичей к войне 1812 г. и созданных, скорее всего, в 1866 г. Даже если

обращение Толстого к теме Отечественной войны и придало его книге более «эпический» характер, писатель тем не менее продолжал переосмыслять в своей книге современные события и дискуссии. Как показала О. Е. Майорова, проанализировав изображение Москвы 1812 г. как «опустевшего улья», в «Войне и мире» очевиден отклик Толстого на злободневные дискуссии о русской нации и государственности, бывшие в центре внимания тогдашней прессы. Реагируя на статьи Каткова и И. С. Аксакова о польском восстании 1863 г., Толстой предлагает свое видение взаимоотношений народа и верховной власти перед лицом общей военной угрозы [Maiorova 2010: 143–154]. Концепция Майоровой важна для нас не только потому, что встраивает «Войну и мир» в контекст публицистики 1860-х гг., но и потому, что затрагивает проблему политического представительства, о которой пойдет речь в нашей статье. Нам уже доводилось писать о том, что вопросы философии истории, поднимаемые преимущественно в двух последних томах и в эпилоге «Войны и мира», нужно рассматривать в том числе в контексте политических дискуссий XVIII–XIX вв. о принципах реальных и идеальных взаимоотношений народа и власти, о сути выборных процедур и конституционализма [Красносельская 2020]. Вопрос о том, какая сила движет народами, сопрягается у Толстого с вопросом о том, в какой степени и какими средствами сам народ движет историю. Интерес к проблеме народовластия и неполитическим формам манифестации народом своей воли отличал и тех мыслителей, которые были значимы для Толстого в эпоху его юности и учебы на юридическом факультете (прежде всего Руссо и Монтескье), и тех, которые попадают в его поле зрения позднее. Так, на рубеже 1850–1860-х гг., в преддверии создания «Войны и мира» и в период увлечения школьным делом, Толстой интенсивно читает труды ведущих европейских социологов, историков, философов, теоретиков права (Бокля, Маколя, Прудона, Рия и многих других), по-разному решавших вопрос о переносе воли граждан на ее политических лидеров и о социальных силах, которые определяют ход истории. Именно в это время Толстой констатирует, что «государство управляется народом, а не владыками» [Толстой 1936: 385]. В случае столь широких обобщений разговор о конкретных источниках политических высказываний писателя должен, конечно, вестись с осторожностью, поскольку эта мысль имела первостепенную значимость для самых разных направлений политической философии XIX столетия. В таких случаях соотносить толстовскую модель государственности и нации с другими авторитетными концепциями было бы уместнее, чем устанавливать прямую зависимость первой от какой-либо из последних. В других же случаях, мы полагаем, следует, напротив, конкретизировать

материал, исследуя, как и когда осуществляется трансфер «больших идей» в поле зрения писателя, как эти идеи приобретают для него живой и значимый смысл. В первую очередь это можно сделать за счет помещения толстовских размышлений и образов в контекст национальных, «локальных» политических дебатов, на которые он в самом деле реагировал. Так, в книге Майоровой было продемонстрировано, что «деимпериализация» Толстым идеи русской нации является в том числе и результатом рецепции им русской публицистики времен польского восстания. Мы же предлагаем с 1863 г. переключиться на события 1866 г., когда автор «Войны и мира» обращается к описанию 1812 г.

Нас будут занимать две сцены, описанные в первой части третьего тома (в шестой части романа — по его первой редакции, или в первой части четвертого тома — по первому его изданию): встреча императора Александра I с народом в Кремле (глава XXI) и собрание дворянства и купечества в Слободском дворце (главы XXII–XXIII). Интересующие нас главы уже в первой редакции были близки к окончательному варианту [Зайденшнур 1966: 59, 86–87; Толстой 1953а: 54–56; Толстой 1955: 87]. Как следует и из письма Фету, Толстой работал над изображением 1812 г. в 1866 г.: рукопись № 89, включавшая описание приезда императора в Москву, была закончена к осени, а дорабатывалась и готовилась к печати соответствующая часть романа в 1867 г. [Гусев 1957: 735; Толстой 1955: 77, 97, 108–115].

Эти главы позволяют Толстому отрефлексировать те сценарии взаимоотношений народа и власти, которые были особенно значимы для российского политического пространства 1860-х гг. и, кроме того, хорошо известны и интересны самому Толстому как помещику, общественному деятелю и человеку, часто общавшемуся в эти годы с главными идеологами различных направлений. В первое пореформенное десятилетие русские публицисты активно дискутируют о политических институтах и принципах межсословных отношений, которые были бы наиболее желательны или пригодны для России эпохи Великих реформ, тем самым пытаясь ускорить их внедрение в жизнь. Как писал К. Д. Кавелин еще в 1862 г. в брошюре «Дворянство и освобождение крестьян», «конституция — вот что составляет теперь предмет тайных и явных мечтаний и горячих надежд дворян; она во всех устах и сердцах; о ней толкуется во всех кружках, в столицах и захолустьях, это теперь самая ходячая и любимая мысль высшего сословия» [Кавелин 1898: 136]. Представления публицистов и общественных деятелей о «конституции» могли быть очень неопределенными, но мысль о той или иной помощи самодержавию со стороны общества, содействии в административных, а то и политических делах после отмены крепостного права витала в

воздухе и в середине десятилетия обсуждалась уже на самом верху, в правительственных кругах и высшем обществе. В 1865–1866 гг., после открытия земских учреждений и до покушения Каракозова, русскими общественными и государственными деятелями разрабатывается ряд проектов, предусматривающих создание в России институтов общегосударственного представительства [Чернуха 1978: 45–67]. 1866 г. в этом смысле оказывается кульминационным: он и подмораживает представительные проекты, и в то же время провоцирует на (пере)осмысление теорий и практик политического представительства. С одной стороны, апрельское покушение на императора усилило реакцию, на время приглушив споры о том, возможны ли в российских условиях западные конституционные практики и органы, ограничивающие автократию. Покушение активизировало критику земских учреждений, в которых видели первый шаг к становлению в России центрального представительства. С другой стороны, выстрелом Каракозова подрывался центральный для русского самодержавия эпохи Александра II миф о любовной связи царя со своим народом [Уортман 2004: 159–163], проблематизировался сам институт абсолютной монархии, что заставляло даже консервативных публицистов вновь обосновывать принципы российской политической системы. Выражение «1866 год» вынесено в название нашей работы как раз потому, что оно аккумулирует комплекс политических вопросов, волновавших русское общество еще с предреформенной эпохи, но обострившихся в середине десятилетия вследствие каракозовского выстрела или синхронно с ним.

Итак, в тот момент, когда Толстой работает над изображением 1812 года в романе, в русском обществе чрезвычайно сильно ощущение кризиса легитимности власти в России. В настоящей работе мы впишем «Войну и мир» в контекст конституционных и представительных дискуссий, показав, как происходит «перекодировка» абстрактных вопросов из области науки права и философии истории в российский политический контекст и дальше — в запоминающиеся художественные образы, политические импликации которых могут исчезать из поля зрения читателя. Как мы полагаем, «посредником» между фундаментальными научными и философскими построениями европейских мыслителей, обращавшихся к проблеме народовластия и представительства, и нарративными решениями Толстого были политические построения русских западников и славянофилов, консерваторов и либералов. Европейским идеям требовалось национальное оформление, традиционная институциональная и культурная форма, благодаря которой они или остраивались, или, наоборот, закреплялись в общественном сознании. Такое оформление придавали им и русские публицисты, стремившиеся

в ситуации Великих реформ спроецировать общеевропейские теории на домашний контекст для ускорения практических преобразований, и писатели, стараниями которых эти идеи и конструкции становились частью национальной мифологии. Поэтому на интересующие нас эпизоды «Войны и мира» мы считаем нужным смотреть не просто как на толстовскую реплику в масштабных европейских дебатах о народе как творце истории, но прежде всего как на воссоздание в символической форме тех моделей взаимоотношений власти и общества, которые чаще всего популяризировались современной писателю русской прессой. Мы полагаем, что сцена в Кремле (глава XXI) иронически переосмысляет, во-первых, славянофильскую теорию Земского собора как места встречи царя и народа, а во-вторых — темы и идеи охранительной публицистики времен каракозовского покушения. В свою очередь, сцена в Слободском дворце (главы XXII–XXIII), о важности которой в свете проблемы представительства нам уже доводилось писать [Красносельская 2020], позволяет писателю с не меньшей иронией воссоздать модель законосовещательного представительства «западного» типа, причем в качестве одного из вероятных источников толстовских знаний о политическом институте такого рода мы рассмотрим книгу Б. Н. Чичерина «О народном представительстве», также вышедшую в 1866 г.

Центральным в интересующих нас главах «Войны и мира» является вопрос о том, в каких формах может осуществляться совещание царя со своим народом, кто может быть допущен до таких совещаний. Напомним вкратце их содержание. Сначала, в главе XXI, изображается приезд в Москву Александра I, на которого идет поглядеть Петя Ростов, мечтающий поступить в армию. Петя направляется в Кремль, где у Успенского собора его теснит собравшаяся поприветствовать государя толпа. По окончании службы в соборе государь возвращается во дворец и после обеда выходит на балкон, роняя кусок бисквита, за который начинается настоящая драка. В итоге Петя возвращается домой в восторге от увиденного, несмотря на то что и ему досталось в потасовке. В следующих двух главах действие переносится в Слободской дворец, куда для совещания с императором относительно организации ополчения (по сути же — рекрутского набора) призваны представители дворянства и купечества. Это собрание увидено глазами Пьера Безухова, который, вдохновленный идеями Руссо, надеется на то, что государь захочет выслушать мнение своих подданных, а не просто инструктировать их. Однако, когда Александр I входит в залу, всех охватывает такая же эйфория, которую испытал при виде царя и простой народ на Кремлевской площади. Дворяне соглашаются на самые грандиозные и невыгодные для них условия сбора ополчения, о чем жалеют уже на следующее утро.

В обоих эпизодах власть сталкивается с народом лицом к лицу, непосредственно, что производит огромное эмоциональное впечатление на тех, кто удостоился чести и радости созерцать императора или даже беседовать с ним. Однако стремление власти пойти навстречу народу, как бы буквально преодолев ту символическую дистанцию, которая отделяет поставленного Богом самодержца от его подданных, может свидетельствовать и о слабости, нестабильности монархии. Напомним, что встречи Александра с представителями различных сословий происходят в тот момент, когда Наполеон открывает военную кампанию против России. Исторический визит Александра I в Москву был задуман не только для реализации прагматических военных задач, но и для того, чтобы продемонстрировать общность судеб представителей власти и граждан перед лицом общего врага, чтобы оживить в народной памяти те национальные мифы, которые строились на идее крепкого союза царя с народом — главным образом, мифологию 1612–1613 гг. (о символическом обрамлении этого визита см.: [Концепт отечество 2012; Зорин 2001; Уортман 2002: 286–308; Wortman 2012]). Хотя внутренне Александр совершенно не был готов к признанию народа в качестве политического субъекта, в виду нашествия наполеоновской армии та пропасть, которая разделяла императорскую власть и народ со времен Петра I, должна была исчезнуть по крайней мере церемониально. Царь в этот момент должен стать для народа своим, чтобы рассчитывать на то, что тот поможет армии, на готовность нации не просто отстаивать русскую государственность, но и подтвердить верность той династии, которая нацией управляет.

Главы «Войны и мира», воссоздающие этот момент консолидации власти и общества, имеют непосредственные исторические и литературные источники: сам Толстой уверял, что при создании этих сцен строго следовал мемуарам С. Н. Глинки. Однако у Глинки, например, отсутствовала сцена с бисквитом, что Толстой позднее отказывался признавать. Таким образом, вольно или невольно писатель корректировал источники, а кроме того, использовал те примеры, которые позволяли провести параллели между 1812 г. и 1860-ми гг. (что особенно заметно в черновых редакциях романа). Кроме того, сцены сбора народного ополчения представляют собой, так сказать, культурную мифологию в квадрате: богатый символический потенциал сцены приезда Александра в Москву основывается и на том, что она отсылала и к предшествующим событиям русской истории (главным образом, к Смутному времени), и к более поздним событиям и текстам. Эта сцена заставляет вспомнить и об исторических и художественных нарративах, при помощи которых оформлялась официальная идеология николаевской эпохи

(о теме Смутного времени в исторической драматургии 1830-х гг. см., например: [Вацуро 2000; Киселева 1997; Серман 1969]), и о суждениях прессы, прежде всего охранительной, 1860-х гг. о польской интриге, нигилистах и противодействии этим враждебным России силам. Как мы полагаем, публикации времен каракозовского покушения, вызывая у Толстого буквальное раздражение, становятся стимулом для «раздражения» его творческого воображения, заставляя в «Войне и мире» на примерах из русской истории проблематизировать миф о неразрывных связях русского монарха с народом.

Напомним, как реагирует Толстой на события 4 апреля 1866 г. Хотя покушение не могло вызвать у него положительных эмоций, его едва ли не больше сердят те патриотические восторги, которые последовали за чудесным спасением императора. Хотя Толстой говорит об общероссийской истерии, указание на московский эпизод празднований (о «студентах у Иверской» см.: [Майорова 1999]) и последующие рассуждения о рассердившемся Каткове дают основания полагать, что запомнились писателю прежде всего публикации «Московских ведомостей»¹. В самом деле, Катков умело воспользовался произошедшим для того, чтобы обосновать свою ключевую политическую мысль, что «государственный смысл» русского народа состоит в защите сильной самодержавной власти. Описание эмоциональной реакции москвичей на промах Каракозова используется им и для сведения счетов с

¹ Сцена в Кремле может быть встроена и в более широкий контекст. Ее можно рассматривать и в свете публикаций, описывавших поведение Александра II сразу после покушения, — ср., например, фрагмент частного письма, опубликованного в «Московских ведомостях» 16 апреля 1866 г.: «Услышав это [что все направляются в Казанский собор, где молится государь. — Ю. К.], и я поспешил в Собор. [...] Когда дьякон произнес слова: “преклонше колена”, вся масса людей, наполнявших церковь, все бывшие на ступенях у церкви и теснившиеся на площади упали на колена, тысячи рук поднялись, чтобы осенить себя крестным знаменем, и потом тысячи голосов присоединились к церковному пению. Я прислонился к колонне у входа, далее пройти было невозможно; все это я видел точно во сне и плакал навзрыд. При выходе Императорской фамилии из церкви раздались иступленные крики ура! и вся масса ринулась вслед за придворными экипажами. [...] Я прибыл на площадь перед Зимним дворцом. Тут происходила овация, которой не предвиделось конца; [...] большая часть народа оставалась на площади до 5–6 часов утра, окружая дворец со всех сторон, как бы составляя почетную его стражу. Государь несколько раз выходил на балкон благодарить народ» [Московские ведомости 1866]. Кроме того, эту сцену можно рассматривать в контексте церемониальных практик общения русских императоров с жителями древней столицы, причем особую значимость приобретает фигура Николая I, во время коронации символически продемонстрировавшего свою связь с народом через трехкратный поклон ему [Уортман 2002: 369–385, 516–527]. Происходившее в Москве весной 1866 г. не было чем-то уникальным или совершенно стихийным; но описание московских событий, как мы покажем ниже, во многом определялось культурной мифологией, которая придавала особую значимость происходившему в Москве.

политическими противниками — не только с радикалами, но и с более умеренными либеральными силами, настаивающими на необходимости развития в России представительных традиций и практик.

В первой половине 1860-х гг. Катков и сам принадлежал к числу сторонников внедрения в России местного самоуправления, которое потенциально могло способствовать созданию политического представительства в английском духе. По его мнению, русские сословия должны были преобразоваться в политические классы, причем наибольшую влияние должен был приобрести класс крупных собственников-землевладельцев. Катков приветствовал земскую реформу и рассуждал об общественном мнении как русском варианте народного представительства. Однако вследствие польского восстания он начнет обосновывать уже иную конфигурацию российской власти, не оставляющую места для политического представительства. Согласно «зрелому» Каткову, самодержавная власть по природе своей не может идти против интересов русского народа, не может не выражать его голоса, поскольку эта власть — русская, т. е. как бы имманентная самому народу. Власть у Каткова обладает поистине фантастическим чутьем и всеведением, не нуждаясь ни в каких посредниках между собой и народом, ни в каком договоре или контракте с народом для того, чтобы уяснить себе общую волю. В сильной центральной власти народ видит гарантию могущества и благосостояния русского государства, а потому в свою очередь не может не подчиняться ей беспрекословно (о политической позиции Каткова в разные годы см., например: [Китаев 1972, Твардовская 1978, Fusso 2017, Maiorova 2010]).

Соответственно, торжества по поводу спасения Александра II от гибели описываются Катковым не столько как импульсивное выражение чувств подданных, сколько как своего рода политическая акция, публичное проговаривание народом принципов своего неписаного, незафиксированного в «конституции», но тем не менее живущего в умах и сердцах основного закона. Спасение царя равнозначно спасению России. Закрепить, упрочить в сознании граждан эту идею, сплотить их посредством ее помогает ее ритуализация, осмысление злободневного события в религиозных формах, требующих коллективного участия и единообразного поведения. Вот как описывается в передовице «Московских ведомостей» от 6 апреля 1866 г. за № 71 благодарственное молебствие в Кремле:

Весть о происшедшем не успела еще облететь город, когда раздался призыв церковного благовеста. [...] Благодарственная песнь раздалась при звоне колоколов. Тысячи народа пали на колени и склонили голову перед благим Промыслом, спасшим Государя для счастья и славы отечества. [...]

Молебствие кончилось, но народ не разошелся, а густыми массами хлынул на Красную площадь. Часовня Иверской Божией Матери была окружена несметными толпами, беспрерывно прибывавшими, беспрерывно наполнялась молящимися. Громкие ликования слышались на улицах. Люди самых разнообразных общественных положений, никогда не встречавшиеся между собою, сходились как старые знакомые, как давние друзья. Громче и чаще всего слышалось в народе восклицание: «Он не Русский, он не может быть Русский». До темных сумерек оживленные толпы народа наполняли площадь присутственных мест [Катков 1897: 199–200; здесь и далее курсив дается по источнику, если не указано иное. — Ю. К.].

Сплоченность жителей Москвы тем значимее для сохранения общероссийского порядка, что именно в этом первопрестольном городе, по словам Каткова, особенно сильно «бьется пульс» государственной и народной жизни. Москва — это центр, где настоящее сходится с прошлым и где объединяются российские регионы: «Как будто вся историческая жизнь России сосредоточилась в этом моменте, как будто вся громадная Россия собралась теперь в Москве» (12 апреля 1866 г., № 76, передовая) [Катков 1897: 209, 282]. Сходным образом самодержавная власть есть сила, исторически обеспечивающая консолидацию русских земель и русских людей в единое государственное целое. Поэтому сообщение о готовящемся приезде государя в свою «старую верную столицу, которая вся исполнена теперь мыслью о Нем» [Ibid.: 209] приобретает особый идеологический смысл. Высочайший визит — это не просто дань признательности подданным, но и способ подновить исторический миф об органичности самодержавной власти народу. Как и в 1812 г., такой миф может быть разыгран только в старой столице, а не в Петербурге. Описывая состоявшийся в июле высочайший визит, Катков рассуждает о плодотворности «непосредственных соприкосновений верховной власти с народною жизнью», подчеркивая их значимость в контексте возможных будущих испытаний и внешних вызовов:

Наступит година этих испытаний, и тогда обнаружится, что значат эти минуты и что они оставляют после себя. И поневоле верится, что накануне событий, которые быть может призовут наше отечество к совершению его судеб, Провидение хотело еще раз собрать весь русский народ в торжественном чувстве, которое никогда не обнаруживалось с такою всеобъемлющей и глубокою силой, как в это последнее время, после опасности, так коварно подкравшейся к самой дорогой для России жизни. Опасностью Государя как бы искупалось спасение государства. Удар, грозивший Государю, был занесен над Россией; но враги, замышлявшие этот удар, не могли, конечно, предвидеть, что им суждено послужить к новому великому возбуждению народного духа в России, лучше всего приготавлиющему ее ко встрече каких бы то ни было испытаний (3 июля 1866 г., № 138, передовая) [Катков 1897: 282].

Политический кризис осмысляется Катковым при помощи культурной мифологии, позволяющей укрепить веру в то, что Россия преодолеет любое испытание благодаря божественному промыслу и крепким связям царя с народом: так, он обращает внимание на то, что «спаситель» царя О. И. Комиссаров оказался «земляком славного Сусанина», и описывает, с каким воодушевлением московская публика слушала 5 апреля оперу М. И. Глинки «Жизнь за царя» (6 апреля 1866 г., № 71, передовая) [Катков 1897: 200]. При этом, как справедливо замечает Уортман, такого рода построения способствовали не только подтверждению, но и формализации сценария любви [Уортман 2004: 162]; так и возмущение Толстого вызвало прежде всего то «сусальное» обрамление, которое придано у Каткова рассказу о смятении и радости москвичей. Колокола, молебны на площади, братания и сплоченность перед внешним врагом, который «не может быть русским», кажутся перешедшими в передовицы Каткова из патриотической литературы, посвященной роковым моментам русской истории, вроде знаменитой драмы Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла» (о «реактивации» культурной мифологии 1612–1613 гг. после каракозовского покушения см.: [Майорова 1999; Уортман 2004: 160–161]). Как мы полагаем, этот контекст не в меньшей степени, чем собственно исторический контекст 1812 г., определил колорит и политический подтекст кремлевской сцены в «Войне и мире», в которой народ встречается с царем-батюшкой под звон колоколов и выражает коллективное умиление и готовность верно служить государю²:

На всех лицах было одно общее выражение умиления и восторга. Одна купчиха, стоявшая подле Пети, рыдала, и слезы текли у нее из глаз.

— Отец, ангел, батюшка! — приговаривала она, отирая пальцем слезы.

— Ура! — кричали со всех сторон [Толстой 1980: 94].

В то же время эта сцена проникнута нескрываемым сарказмом относительно общенародного «единения»: царь не видит ни Пети, ни других участников собрания, а они в свою очередь готовы раздавить друг друга в погоне за куском царского бисквита и заинтересованы прежде всего зрелищной стороной церемониала: бросаются то туда, где стреляют пушки, то туда, где проходит государь, и быстро расходятся после того, как тот уходит. Помимо искусственной оболочки официальных торжеств, Толстому, как мы полагаем, должен был казаться неприемлемым и тот сценарий власти, который был скрыт под этой оболочкой.

² Мы полагаем, что и сцена несостоявшегося покушения Пьера на Наполеона отчасти вызвана к жизни каракозовским покушением, но этот сюжет требует отдельного рассмотрения.

При всей лояльности писателя правящему режиму в 1860-е гг. он уже в первой редакции третьего (изначально четвертого) тома высказывает мысль о том, что царь есть раб истории (см. рукопись № 89 в: [Толстой 1953а: 13]). Катковская теория, согласно которой самодержавный государь является источником силы народа и его руководителем, в «Войне и мире» отвергается как нелепая. Ведущую роль в победе над Наполеоном играет не император, а тот самый народ, который так глупо и бездумно ведет себя на площади. Как бы иронично ни была подана встреча царя и народа в Кремле, именно этот народ возьмет «дубину народной войны» и спасет Отечество. Петя Ростов, зачем-то дерущийся со старушкой за царский бисквит, в итоге пожертвует своей жизнью на благо родины. Власть лишь воплощает народные стремления и настроения, но не определяет их [Красносельская 2020]. Таким образом, кремлевский эпизод оказывается очень сложно устроенным, не сводимым, разумеется, к сатирическому обыгрыванию мотивов современной консервативной прессы. Но то сложное решение проблемы взаимоотношений народа и власти, которое находит Толстой, также было отчасти, на наш взгляд, обусловлено современной публицистикой, но только уже не охранительного направления.

Как уже говорилось, в 1866 г. вышла книга Чичерина «О народном представительстве». Сам автор был убежден, что впервые в истории русского права описал все известные формы представительства. Хотя в 1860-е гг. общение Толстого с Чичериным уже не носило столь близкого характера, как в конце 1850-х гг., книга эта попала в поле зрения писателя. Она имеется в библиотеке Толстого и содержит множество помет, хотя и не все ее страницы разрезаны [Библиотека 1975: 448–450]. Вполне возможно, что Толстой читал ее уже вскоре после выхода, работая над «Войной и миром»: Чичерин имел обыкновение присылать ему свои вновь выходящие труды, не говоря о том, что в 1866 г. им доводилось встречаться [Толстой 1953б: 132]. Как мы полагаем, чичеринская книга стала еще одним стимулом к размышлениям Толстого в «Войне и мире» о видах народного представительства. В частности, при создании сцены в Кремле и в Слободском дворце ему могли пригодиться главы чичеринского труда «Земские соборы в России», «Совещательные собрания» и «Сословные собрания». Заглавия первых двух подчеркнуты в толстовском экземпляре книги.

Совещательные собрания описываются Чичериным как низшая форма представительства: это не постоянные учреждения, а «временные пособия правительству», скорее выражающие общественную мысль, чем представляющие реальную политическую силу [Чичерин 1866: 96–99]. Постановления таких собраний не имеют обязательной

силы, вследствие чего правительство может игнорировать их решения, а обиженные члены совещательных органов в отместку нередко уходят с головой в пустопорожную критику властей. Поэтому Чичерин описывает совещательные собрания как отживающую модель, которая в развитом государстве должна уступить место политическому представительству в форме выборного законодательного органа. К устарелым законосовещательным формам Чичерин относит и русский Земский собор, который, напомним, собирался в наиболее судьбоносные для страны моменты истории. Однако, по мнению Чичерина, этот институт установился сверху, по воле государства, а не народа. Даже избрание на царство Михаила Романова после изгнания народным ополчением поляков в 1613 г. было не осознанным выбором русской землей своего политического лидера, а скорее «угадыванием» Божьего изволения. Другие соборы и вовсе не были всенародными, часто составлялись не из выборных от всего государства, а лишь из московских чинов: «Москва заменяет собою государство, точно так же, как крик народа, собранного на площади, выдается за голос всей земли» [Ibid.: 371]. Русский народ мыслит свою роль прежде всего как обязанность, подчинение, так что по окончании Смутного времени, когда необходимость в живом содействии власти со стороны граждан снизилась, земля «снова улеглась у ног самодержавного государя» [Ibid.: 378]. Поэтому политическая свобода в современной России и настоящее представительство, при котором «государство и общество проникают друг друга» [Ibid.: 386], зная свои границы, кажутся ученому делом отдаленного будущего. Всесословное представительство в настоящее время невозможно также за неимением общих интересов у бывших рабов и их владельцев.

Таким образом, несмотря на научную форму, мысли Чичерина получают злободневную политическую направленность. Его суждения о русских и западных совещательных институтах могут быть спроецированы на пореформенные дебаты о той институциональной форме, в которой могло бы быть осуществлено представительство в России, и о принципах отбора граждан, которые получили бы право избирать и быть избираемыми в представительные органы. Как мы видели, Чичерин третирует законосовещательные собрания как малоэффективные в сравнении с законодательными, однако, в силу лояльности самодержавию почти всех общественных сил 1860-х гг., проекты совещательных институтов были более популярными и реалистичными. Так, буквально накануне 4 апреля великий князь Константин Николаевич пытается добиться утверждения проекта, предусматривающего создание «при Государственном совете двух "съездов" — земского и дворянского». Их члены высказывали бы «пожелания, которые рассматривались бы

затем правительством» [Чернуха 1978: 56–58]. Об умеренности этого проекта свидетельствуют не только его предполагаемые функции, но и строгий отбор участников съездов (земцы и/или дворяне). Даже Чичерин, не жаловавший русскую аристократию и сословные собрания (им посвящена особая глава в его книге), в статье 1862 г. «Русское дворянство» констатировал, что сознание прав и долга, необходимое для полноценного политического представительства, развито пока только в дворянском сословии: «В нем одном есть зародыши политической жизни» [Чичерин 1862: 90]. Консервативно настроенные общественные деятели и публицисты (например, представители так называемой «аристократической оппозиции» реформам) тем паче признавали, что дворянство — наиболее подходящий кандидат на представительство интересов нации, а через дарование ему политических прав правительство сможет компенсировать его имущественные потери в ходе крестьянской реформы.

Дворянское представительство, впрочем, могло вызывать понятное недоверие как не выражающее интересов всего русского народа, тем более что даже в «смешанных» собраниях полного равноправия и взаимного уважения достичь было непросто. Глава славянофильской партии И. С. Аксаков в 1864 г. скептически отзывался об участии крестьян в земских собраниях, сам регламент проведения которых мог, по его мнению, «обессилить народную духовную силу»:

[...] вырвите из *мира* нескольких мужиков, приведите их в великолепную залу с зажженными люстрами, вроде нынешней Шереметевской или Думской, — посадите их между дворянами на обитые сафьяном стулья, заставьте слушать «ораторов» дворянских (без сомнения, у нас на всех земских собраниях явятся тотчас свои домашние Цицероны, у которых теперь уже заранее беспокоится и ворочается язык), — и вы едва ли не обессилите народную духовную силу. Вы не узнаете мужиков — умных, горластых у себя на миру — и безмолвных, может даже робких в зале собрания, частью не понимающих не порядков *поставления вопросов*, ни самого изложения докладов, ни цицероновского красноречия членов (может быть даже со ссылками на Маколея) — частью же сознающих, что пожалуй могли бы и они вернуть свое словцо, да словцо-то это их мужицкое, негладкое, нетесанное, будет в разладе с общим строем дворянской речи, — да и председатель, пожалуй, скажет: «*вы, г. член, уклонились от вопроса*» (День, 20 июня 1864 г., «Чего можно ожидать от земства в современных условиях?») [Аксаков И. 1887: 282–283].

Подчеркивая отчужденность верховной власти и дворянства от народа со времен Петра, славянофилы противопоставляли современному квазипредставительству подлинно народное, существовавшее некогда на Руси в форме описанных выше Земских соборов. Очевидно, что

суждения Чичерина о Земском соборе имели антиславянофильскую направленность, хотя в пореформенной России идея проведения нового собора или Земской думы была популярна в самых разных кругах: к ней обращались и народovolьцы, и представители «аристократической оппозиции», и члены различных политических партий начала XX в., выстраивая на исторической основе разные модели законосовещательного или законодательного представительства, которые, по их мнению, могли быть реализуемы в современной России. Однако прежде всего идея собора заставляет вспомнить именно славянофилов во главе с К. С. Аксаковым, во многом с подачи которого этот термин и закрепился в науке и публицистике [Архипова 2008; Бадалян 2019; Майорова 1999]. Земский собор в трактовке славянофилов был идеальным представительным институтом прошлого, соответствующим самому духу русского народа, однако парадоксальным образом не восстановимым в современности. Главным его достоинством славянофилы считали то, в чем Чичерин видел его главный недостаток, а именно законосовещательный характер. Согласно славянофилам, русский народ вследствие своих христианских убеждений не желает принимать участие в управлении государством и предпочитает довольствоваться выражением своего мнения, доведением его до власти, что и позволяют осуществить всеобщие, нерегулярные законосовещательные институты и практики — в виде не только собора, но и вече, совета дружины, сельских выборов:

[...] Государство никогда у нас не обольщало собою народа, не пленяло народной мечты; вот почему, хотя и были случаи, не хотел народ наш облечься в государственную власть (в республику), а отдавал эту власть избранному им и на то назначенному Государю, сам желая держаться своих внутренних, жизненных начал. Вот почему и Государство наше никогда не боялось народа, но часто и всегда само призывало его на совет. Запад — совершенная противоположность. [...] Республика есть попытка народа быть самому Государем, перейти ему всему в Государство; следовательно, попытка бросить совершенно нравственный свободный путь, путь внутренней правды, и стать на путь внешний, государственный [Аксаков К. 1889: 61].

Но в настоящее время, когда представителей разных сословий связывает скорее вражда, чем общие интересы (в осознании этого были единомышленны, как мы видим, почти все публицисты), собор был бы бессмысленен; его современным аналогом может быть не парламент и не конституция, а выражаемое свободной прессой общественное мнение — по сути, самый мягкий, неполитический вариант представительства.

Как мы полагаем, сцены в Кремле и в Слободском дворце позволили Толстому в художественной форме отобразить две наиболее популярные и обсуждаемые его современниками модели представительства —

общенародную славянофильскую, представленную Земским собором и общественным мнением, и западническую, в виде совещательного собрания на сословной основе. Зеркальность этих сцен в романе, их смежность и внутренняя сопряженность позволяют видеть в них целостную картину возможных вариантов «представительства по-русски», а время создания этих эпизодов подтверждает их политическую заряженность. В середине 1860-х гг. Толстой общается не только с Чичериным, но и с его идейными противниками: он сближается со славянофильским кругом, встречаясь в Москве с И. С. Аксаковым, М. П. Погодиным, С. С. Урусовым, Ю. Ф. Самариным и обсуждая с ними свой роман. При этом его неизменную иронию вызывает та архаическая образность, при помощи которой оформляется славянофильское мироощущение. Узнав о женитьбе И. С. Аксакова на А. Ф. Тютчевой, Толстой в письме А. А. Толстой 26–27 ноября 1865 г. рассуждает о трагикомическом характере подобного идеологического альянса:

Во-первых, брак (не брак, а это надо назвать как-нибудь иначе, надо приискать или придумать слово), пока — брак А. Тютчевой с Аксаковым поразила меня, как одно из самых странных психологических явлений. Я думаю, что ежели от них родится плод мужеского рода, то это будет тропарь или кондак, а ежели женского рода, то российская мысль, а, может быть, родится существо среднего рода — воззвание или т. п. —

Как их будут венчать? и где? В скиту? в Грановитой палате или в Софийском соборе в Царьграде? Прежде венчания они должны будут трижды надеть мурмолку и, протянув руки на сочинения Хомякова, при всех депутатах от славянских земель произнести клятву на славянском языке. Нет, без шуток, что-то неприятное, противуестественное и жалкое представляется для меня в этом сочетании. Я люблю Аксакова. Его порок и несчастье — гордость, гордость (как и всегда), основанная на отрешении от жизни, на умственных спекуляциях. Но он еще был живой человек. Я помню, прошлого года он пришел ко мне и неожиданно застал нас за чайным столом с моими *belles soeurs*. Он покраснел. Я очень был рад этому. Человек, который краснеет, может любить, а человек, который может любить, — все может. [...] Я ему сказал: «Женитесь. Не в обиду вам будь сказано, я опытом убедился, что человек неженатый до конца дней мальчишка. Новый свет открывается женатому». Вот он и женился. Теперь я готов бежать за ним и кричать: я не то, совсем не то говорил. Для счастья и для нравственности жизни нужна плоть и кровь. Ум хорошо, а два лучше, говорит пословица: а я говорю: одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине, а другая в панталонах еще хуже. Посмотрите, что какая-нибудь страшная нравственная *monstruosité* выйдет из этого брака [Толстой 1953б: 120–121].

Итак, Толстого раздражают в славянофилах политические и религиозные спекуляции, вследствие которых живое содержание их миро-

ощущения подменяется идеологией с псевдонародной, выхолощенной формой в виде условных «мурмолок». В кремлевской сцене «Войны и мира», как мы видели, также остраивается и форма, и идеология народных празднеств. Изображенная в главе XXI встреча русского царя с народом, происходящая в самом сердце древней столицы под звон колоколов в судьбоносный для страны момент, когда, как сказал бы И. С. Аксаков, «опасность касается бытия» [Аксаков И. 1887: 265], заставляет вспомнить не только московские торжества по следам 4 апреля 1866 г., но и традицию Земских соборов, которая, как мы показали, должна была в той или иной степени восстанавливаться и в памяти читателя «Московских ведомостей» благодаря разнообразным текстам-посредникам³. Показательно, что спасший Петю из давки дьячок, разговаривая с чиновником о том, кто служит нынче с преосвященным, «несколько раз повторял слово *соборне*» [Толстой 1980: 96]. Хотя это наречие буквально описывает характер проведения церковной службы, в русском журнальном контексте оно было маркировано как славянофильское: как известно, соборность, наряду с общинностью, была тем китом, на котором покоились представления этого лагеря об образе жизни и мироощущении русского народа. Соборность религиозная корреспондирует с присущей Земским соборам социальной всесословностью; так и изображенная Толстым толпа являет собой очень пестрое в социальном смысле образование: на площади сходятся и барчук Петя, и лакей, и купчиха, и дьячок — т. е. по сути все представители русского общества, объединившиеся в чувстве патриотического восторга. Однако Толстой вполне солидарен с Чичериным в том, что толпа на площади скорее издает крики, чем «консультирует» власть или реально совещается с ней.

И все же, как уже отмечалось, смысловой потенциал этой сцены не исчерпывается той мыслью, что массовые собрания хаотичны и лишены общественного значения. Подобно тому, как за умствованиями И. С. Аксакова Толстой был готов разглядеть что-то подлинно живое, трогательное и человеческое, так и за общественно-политической утопией славянофилов, их исторической мифологией и верой в общественное мнение он был готов видеть здоровое зерно, отдавая должное тому сценарию власти, который они отстаивали. Тесное общение Толстого со славянофилами в период разработки философии истории «Войны и мира» и его позднейшие высказывания о Земском соборе подтверждают, что он разделял и считал чрезвычайно важной высказываемую ими идею о том, что именно народ является источником власти и создателем

³ Хотя «энтузиазм Каткова в защите идеи представительства остыл уже к концу 1863 г.» [Твардовская 1978: 36].

русской государственности, передоверившим правление специальным лицам (варягам, царю, правительству) для того, чтобы не загрязнять свою совесть участием в политике [Kolstø 2005; Красносельская 2019]. Как писал Ю. Ф. Самарин, «правительство есть одна из форм, служащих выражением народной жизни» [Самарин 1997: 59]. В неотправленном письме от 10 января 1867 г. Толстой назовет Самарина самым близким себе «в мире нравственном — умственном» человеком, осуждая его в то же время за озабоченность злободневными общественно-политическими вопросами типа земского [Толстой 1953б: 156–158]. Сходным образом «Война и мир» отчетливо демонстрирует, что при всей бессмысленности народных манифестаций, при всей глухоте власти к «общественному мнению», представленному случайными зеваками, народ является подлинно движущей силой истории, обеспечивающей в итоге сохранность русской власти и русской государственности, но оформляющей свои цели и действия неполитически.

Сцена в Слободском дворце, которой Толстой, по собственному признанию, очень дорожил [Толстой 1953б: 190], позволяет отразить сходный по сути — законосовещательный, — но контрастный по форме и составу участников сценарий власти в форме сословного представительства при самодержавии. Еще до открытия собрания во дворце Пьер обращает внимание на то, что в воззвании государя к Москве говорилось о готовности прибыть «для совещания и руководства всеми нашими ополчениями» [Idem 1980: 91]. Пьера поражает непривычная для русского авторитаризма готовность «совещаться» с кем бы то ни было. Эпоха вече и Земских соборов осталась в прошлом, и для воспитанного за границей Пьера идея такого совещания ассоциируется скорее с европейской политической мыслью, с идеей народного суверенитета в духе Руссо. В Слободском дворце он берет на себя смелость заявить, что «государь был бы сам недоволен, ежели бы он нашел в нас только владельцев мужиков, которых мы отдаем ему, и... *chair à canon*, которую мы из себя делаем, но не нашел бы в нас со... со... совета» [Ibid.: 100]. Если формат встречи царя с народом в Кремле предполагает прежде всего эмоциональное и церемониальное единение и не оставляет возможности для серьезного разговора по существу, то собрание с участием представителей более образованных сословий, дворянства и купечества, теоретически позволяет участникам формулировать конкретные вопросы к верховной власти, вступать с ней в дискуссию. Тем не менее реального совещания во дворце, как и на площади, не происходит — недаром Пьер едва находит в себе силы выговорить слово «совет». Более того, собравшиеся в Слободском дворце дворяне не могут быть названы народными представителями, ибо совещаются по

поводу того, сколько мужиков отдать на нужды армии. Народ для них не избиратель, не политический субъект, а их собственность, это они направляют на него свою волю, жертвуя ополченцев, а не наоборот. Перед нами совещательное собрание на сословной основе, члены которого не представляют народ и не способны повлиять на решения верховной власти. Как писал Чичерин, юридический смысл совещательных собраний не определен, поэтому они, подобно народным собраниям на площади, имеют скорее статус силы нравственной.

Но хотя дворяне в Слободском дворце действуют так же стихийно, как и народ в Кремле, они также способны влиять на ход истории. Хотя вся сила политической власти сосредоточена в руках государя и его помощников (отсюда честолюбивые помыслы князя Андрея добиться успеха Сперанского или Чарторыйского), реальной властью обладают все-таки не они. В победу над Наполеоном вносят вклад не только крестьяне, но и Ростовы, Пьер и, очевидно, другие участники собрания в Слободском дворце. Сфера же политики так и остается сферой *формального*, а потому «протопредставительные» институты описаны у Толстого прежде всего через их церемониальную, внешнюю, даже «лубочную» сторону.

Известно, что позднее, в «Анне Карениной», Толстой создаст образ Сергея Ивановича Кознышева «из сочетания Чичерина с Юрием Самаринным» [Эйхенбаум 2009: 371], т. е. путем причудливого соединения западнических и славянофильских идей. Такой принцип работы, по мнению Эйхенбаума, вообще типичен для Толстого, стремившегося не к систематичности, но к самостоятельности суждений [Ibid.: 361–363]. Сходный тип рецепции разнообразных политических идей мы обнаруживаем и в рассмотренных эпизодах «Войны и мира». Так, чичеринское недоверие к совещательному правлению соединяется у Толстого со славянофильской верой в то, что народ определяет контуры власти, даже если прямо не участвует в государственном управлении. Скептически относясь к мнениям современников об общественных и политических каналах коммуникации верховной власти и нации, Толстой в то же время активно использует, переосмысляет их ключевые идеи и концепты (конституции, Земского собора и т. д.), выстраивая на их основе и яркие сюжетные решения, и собственную философию истории и теорию права.

Судя по всему, этот злободневный подтекст романа был воспринят современниками. И Н. С. Лесков, увидевший в «Войне и мире» выражение мысли Монтескье, что «всякое правительство впору своему народу» [Лесков 1958: 147], и П. В. Анненков, обративший внимание на современность скептицизма князя Андрея относительно правительственных

мер и явлений [Анненков 1879: 385–386], близко подошли, при всей кажущейся противоположности их суждений, к пониманию толстовской мысли. Наперекор катковской агитации Толстой описал процесс поиска русским обществом более осмысленных оснований для признания власти «своей», чем через ее априорную богоданность; он показал, что власть делается «своей» постольку, поскольку соответствует ожиданиям самого народа (подобно тому, как Александр I в 1812 г. вынужден назначить Кутузова главнокомандующим вопреки своей нелюбви к нему); он, наконец, вполне в духе 1860-х гг., продемонстрировал, что поиски нацией объединяющего ее начала могут принимать политические и квазиполитические формы — и при всем недоверии к ним смог хорошо воссоздать процесс «институционализации» русского общественного самосознания.

Библиография

Источники

Аксаков И. 1887

Сочинения И. С. Аксакова. Т.5. Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях. 1860–1886, Москва, 1887.

Аксаков К. 1889

Аксаков К. С., Несколько слов о русской истории, возбужденных историею г. Соловьева. По поводу I тома, *Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 1. Сочинения исторические*, Москва, 1889, 44–62.

Анненков 1879

Анненков П. В., Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир», *Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П. В. Анненкова. 1849–1868 гг. Отдел второй*, С.-Петербург, 1879, 364–386.

Библиотека 1975

Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. Т. I: Книги на русском языке, 2, Москва, 1975.

Кавелин 1898

Кавелин К. Д., Дворянство и освобождение крестьян, *Собрание сочинений К. Д. Кавелина: В 2 т. Т. 2. Публицистика*, С.-Петербург, 1898, 106–142.

Катков 1897

Катков М. Н., *Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». 1866 год*, Москва, 1897.

Лесков 1958

Лесков Н. С., Герои Отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому («Война и мир». Соч. гр. Л. Н. Толстого, т. V, 1869 г.), *Idem, Собр. соч.: В 11 т.*, 10, Москва, 1958, 97–150.

Московские Ведомости 1866

Из частного письма, *Московские Ведомости*, 1866, 16 апреля, №80.

Самарин 1997

Самарин Ю. Ф., <На чем основана и чем определяется верховная власть в России>, *Idem, Статьи. Воспоминания. Письма, 1840–1876*, Москва, 1997, 59–68.

Толстой 1936

Толстой Л. Н., *Полн. собр. соч.: В 90 т.*, 8, Москва, 1936.

——— 1953a

Толстой Л. Н., *Полн. собр. соч.: В 90 т.*, 14, Москва, 1953.

——— 1953б

Толстой Л. Н., *Полн. собр. соч.: В 90 т.*, 61, Москва, 1953.

——— 1955

Толстой Л. Н., *Полн. собр. соч.: В 90 т.*, 16, Москва, 1955.

——— 1980

Толстой Л. Н., *Собр. соч.: В 22 т.*, 6, Москва, 1980.

Чичерин 1862

Чичерин Б., *Несколько современных вопросов*, Москва, 1862.

——— 1866

Чичерин Б., *О народном представительстве*, Москва, 1866.

Литература

Архипова 2008

Архипова Е. А., Земский собор как феномен политического дискурса середины XIX в., *Вестник РГГУ, Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки*», 2008, 1/08, 186–201.

Бадалян 2019

Бадалян Д. А. Понятие «Земский собор» в произведениях литературы и публицистики славянофилов, *Исторический опыт Земских соборов и систематизации законодательства в России: к 370-летию принятия Соборного Уложения и 470-летию созыва первого Земского Собора*, Дунаева Н. В., ред. (= Серия «Историческое правоведение», 7), С.-Петербург, 2019, 121–139.

Вацуру 2000

Вацуру В. Э., Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов, *Idem, Пушкинская пора*, С.-Петербург, 2000, 559–603.

Гусев 1957

Гусев Н. Н., *Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год*, Москва, 1957.

Зайденшнур 1966

Зайденшнур Э. Е., «Война и мир» Л.Н. Толстого. Создание великой книги, Москва, 1966.

Зорин 2001

Зорин А., *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века*, Москва, 2001.

Киселева 1997

Киселева Л. Н., Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет), *Лотмановский сборник*, 2, Москва, 1997, 279–302.

Китаев 1972

Китаев В. А., *От фронды к охранительству: Из истории русской либеральной мысли 50–60-х г. XIX в.*, Москва, 1972.

Концепт отечество 2012

Война 1812 и концепт «отечество»: из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России, Строганов М. В., ред., Тверь, 2012.

Красносельская 2019

Красносельская Ю. И., «Тень» К. С. Аксакова в полемике Л. Н. Толстого с панславистами 1877 г., *Складчина: сборник статей к 50-летию профессора М. С. Макеева*, Москва, 2019, 137–157.

——— 2020

Красносельская Ю. И., Война как выборы, выборы как война: Модели представительства в «Войне и мире» и «Анне Карениной» Л.Н. Толстого, *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2020, 5, 125–140.

Майорова 1999

Майорова О., Царевич-самозванец в социальной мифологии пореформенной эпохи, *РОССИЯ / RUSSIA, 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия XVIII — начало XX века*, Москва, 1999, 204–232.

Серман 1969

Серман И. З., Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов, *Пушкин: Исследования и материалы*, 6. Реализм Пушкина и литература его времени, Ленинград, 1969, 118–149.

Твардовская 1978

Твардовская В. А., *Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания)*, Москва, 1978.

Уортман 2002

Уортман Р. С., *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т., 1*, Москва, 2002.

——— 2004

Уортман Р. С., *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т., 2*, Москва, 2004.

Фойер 2002

Фойер К. Б., *Генезис «Войны и мира»*, С.-Петербург, 2002.

Христофоров 2016

Христофоров И. А., Великие реформы: Истоки, контекст, результаты, *Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4 т., 3. Вторая половина XIX — начало XX в.*, Шелохаев В. В., ред., Москва, 2016, 14–183.

Чернуха 1978

Чернуха В. Г., *Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.*, Ленинград, 1978.

Эйхенбаум 2009

Эйхенбаум Б. М., *Лев Толстой: Исследования. Статьи*, С.-Петербург, 2009.

Fusso 2017

Fusso S., *Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy: Mikhail Katkov and the great Russian novel*, DeKalb, IL, 2017.

Kolstø 2005

Kolstø P., Power as Burden: The Slavophile Concept of the State and Lev Tolstoy, *The Russian Review*, 2005, 4/64, 559–574.

Maierova 2010

Maierova O., *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870*, Madison, WI, 2010.

Wortman 2012

Wortman R. S., 1812 in the Evocations of Imperial Myth, *Revue des études slaves*, 4/83, 2012, 1091–1105.

References

Arkipova E. A., Zemsky Sobor as a Phenomenon of Political Discourse in the Middle of the XIXth Century, *RGGU Bulletin. Series Political Science. Social and Communicative Studies*, 2008, 1/08, 186–201.

Badalian D. A., Zemsky Sobor in the 19th and the beginning of the 20th century: history of the concept, *Zemsky Sobor and Systematization of Russian Law in the Historical Retrospection: to the 370th Anniversary of the Council Code of 1649 and 470th Anniversary*

of the *First Zemsky Sobor*, Dunaeva N. V., ed., St. Petersburg, 2019, 121–139.

Chernukha V. G., *Vnutrenniaia politika tsarizma s serediny 50-kh do nachala 80-kh gg. XIX v.*, Lenin-grad, 1978.

Eikhenbaum B. M., *Lev Tolstoi: Issledovaniia. Stat'i*. St. Petersburg, 2009.

Feuer K. B., *Tolstoy and the Genesis of "War and Peace"*, St. Petersburg, 2002.

Fusso S., *Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy: Mikhail Katkov and the great Russian novel*, DeKalb, IL, 2017.

Gusev N. N., *Lev Nikolaevich Tolstoi: Materialy k biografii s 1855 po 1869 god*, Moscow, 1957.

Kiseleva L. N., Stanovlenie russkoi natsional'noi mifologii v nikolaevskuiu epokhu (susaninskii suizhet), *Lotmanovskii sbornik*, 2, Moscow, 1997, 279–302.

Kitaev V. A., *Ot frondy k okhranitel'stvu: Iz istorii russkoi liberal'noi mysli 50–60-kh g. XIX v.*, Moscow, 1972.

Khristorov I. A., Velikie reformy: Istoki, kontekst, rezul'taty, *Reformy v Rossii. S drevneishikh vremen do kontsa XX v.*, 3. Vtoraia polovina XIX — nachalo XX v., Shelokhaev V. V., ed., Moscow, 2016, 14–183.

Kolstø P., Power as Burden: The Slavophile Concept of the State and Lev Tolstoy, *The Russian Review*, 2005, 4/64, 559–574.

Krasnoselskaya Yu. I., "Ten" K. S. Aksakova v polemike L. N. Tolstogo s panslavistami 1877 g., *Skladchina: sbornik statei k 50-letiiu professora M. S. Makeeva*, Moscow, 2019, 137–157.

Krasnoselskaya Yu. I., War as Elections, Elections as War: Public Representation in Leo Tolstoy's *War and Peace* and Anna Karenina, *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, 2020, 5, 125–140.

Maierova O., Tsarevich-samozvanets v sotsial'noi mifologii poreformennoi epokhi, *ROSSIA / RUSSIA*, 3 (11): *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive. Rossiia XVIII — nachalo XX veka*, Moscow, 1999, 204–232.

Maierova O., *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870*, Madison, WI, 2010.

Serman I. Z., Pushkin i russkaia istoricheskaia drama 1830-kh godov, *Pushkin: Issledovaniia i materialy*, 6. *Realizm Pushkina i literatura ego vremeni*, Leningrad, 1969, 118–149.

Stroganov M. V., ed., *Voina 1812 i kontsept "otchestvo": iz istorii osmysleniia gosudarstvennoi i natsional'noi identichnosti v Rossii*, Tver, 2012.

Tvardovskaya V. A., Ideologiya poreformennogo samoderzhavii (M. N. Katkov i ego izdaniia), Moscow, 1978.

Vatsuro V. E., Istoricheskaia tragediia i romanticheskaja drama 1830-kh godov, *Idem, Pushkinskaia pora*, St. Petersburg, 2000, 559–603.

Wortman R. S., *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*, 1, Moscow, 2002.

Wortman R. S., *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*, 2, Moscow, 2004.

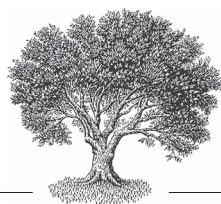
Wortman R. S., 1812 in the Evocations of Imperial Myth, *Revue des études slaves*, 4/83, 2012, 1091–1105.

Zaidenshnur E. E., "Voina i mir" L. N. Tolstogo. Sozdanie velikoi knigi, Moscow, 1966.

Zorin A., *Feeding the Two-headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th — first third of the 19th century*, Moscow, 2001.

Юлия Игоревна Красносельская, кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские Горы, 1-й учебный корпус
Россия / Russia
jullkra@yandex.ru

Received December 25, 2020

Standardization in Balkan Slavic Diachronic Research

Ivan Šimko

University of Zurich,
Switzerland

Стандартизация в историческом исследовании балкано-славянских языков

Иван Шимко

Цюрихский университет,
Швейцария

Abstract

The present paper studies the problem of standardization of Bulgarian within the context of the emergence of the Balkan Sprachbund. Traditionally, standardization is considered to be a part of the nation-building process, understood as the codification of orthographic and other linguistic norms in authoritative documents. As they are legally binding within the national collective, the traditional view distinguishes texts from the era before standardization containing more dialectal phenomena and the standardized literature, where dialectal features are usually suppressed.

This study presents the hypothesis that the codification of the Bulgarian language in the 19th century did not have such an impact on the later development of language norms. Rather, the codification merely led to changes in orthography. Other norms of the literary language gradually developed within the manuscript tradition of the so-called damaskini. This hypothesis is supported by a quantitative analysis of a sample of texts from various centuries and dialectal areas.

Citation: Šimko I. (2021) Standardization in Balkan Slavic Diachronic Research. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 217–251.

Цитирование: Шимко И. Стандартизация в историческом исследовании балкано-славянских языков // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 217–251.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.9

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Keywords

Balkan Slavic, Church Slavonic, damaskini, Canberra distance, orthography

Резюме

Настоящая статья посвящена проблеме стандартизации болгарского языка в контексте конвергентных процессов, приведших к образованию балканского языкового союза. Традиционно стандартизация языка рассматривается как часть процесса становления нации и подразумевает кодификацию орфографических и других языковых норм в авторитетных лингвистических документах. Поскольку эти документы имеют правовое значение для формирования национального коллектива, в истории литературного языка каждой нации обычно принято строго отличать тексты, созданные до стандартизации и сохраняющие различные диалектные явления, от литературы на стандартизированном языке, почти не допускающем появления диалектных черт.

В статье высказывается предположение о том, что кодификация болгарского языка в XIX в. не оказала существенного влияния на последующее развитие языковых норм, изменив всего лишь орфографию. Прочие лингвистические особенности развивались постепенно в рамках рукописной традиции так называемых дамаскинов. Данное предположение основывается на квантитативном анализе избранных текстов, относящихся к разным векам и диалектам.

Ключевые слова

балкано-славянские языки, церковно-славянский язык, дамаскины, канберское расстояние, орфография

1. Problem

When linguists, focusing on synchronic research, take literature as a source for older stages of a language, they tend to follow some presuppositions worth to think about. One is the idea that the scribe or the author can be localized in time and space, writing in the language used in the area under analysis, and thus should be classified as a representative of the variety (e. g. [Friedman 1986: 282; Sonnenhauser 2015: 49]). If not, as for example in the situation of diglossia, there would be at least traces or tendencies of the local vernacular left behind in their literary production (e. g. [Miklošić 1871: 6]).

There are many factors complicating such a simple classification. First, it is not only the vernacular which causes the author to deviate from the literary norm: genre, contents, inspirations, the language of the source or that of the selected audience might have an impact, too. Additional factors might include the author's level of education, preferences, aspirations or actual place in the social hierarchy, and interferences from other languages acquired throughout his life. Second, the language of the literature also may or may not be

represented by a stabilized norm, even if it seems to reflect an older stage of the language. Earlier literary norms often lack explicit formulation (prescription), and thus require reconstruction.

Another problem is the presupposed dichotomy between the pre-standardized and standard languages. The former, but also informal registers of the standardized language, “the vernacular speech of ordinary people”, are considered natural [Milroy 1999: 37]. Their natural character contrasts with that of a standard language, a set of linguistic norms promoted by an authority (e. g. an official prescription or academic consensus). These authorities symbolically evaluate language shifts or individual structural features of spoken or written practices as correct or incorrect (“mistakes”), as signs of corruption (“patois” [Weber 1976: 67f.]), or also as indices of inclusion or exclusion within the political community (“shibboleths”). Whether the norms produced by such an authority differ from other motivations behind the language shifts or not, remains an open question.

The question is about the nature of standardization itself. The emergence of official language norms is usually considered to be an important part of the nation-building processes, spreading either from “above”, by means of the centralized education and mass media within the borders of a state [Weber 1976: 303f.; Anderson 2006], or from “below”, through a network of educators and artists, which could gradually develop into a national political movement [Handelman 1977: 196; Hroch 1985]. There is a less clear consensus regarding the question, whether the standardization follows rather internal or external needs of the language community: whether it answers requirements of its new administrative function in the modern society [Bourdieu 1991: 48], or the need to establish clear boundaries between communities, criteria for membership and inclusion [Barth 1969: 15].

The differences between the individual processes of standardization are likely to be as numerous as those between individual national movements. For that reason, it is also hard to establish a clear boundary between the “natural” pre-standardized variety of a language and its “artificial” standard. Proponents of constructivist views of modern nations describe the emergence of standard languages in constructivist terms, that is, focusing on their artificial features [Hobsbawm 1990: 54], while their opponents stress the importance of features preserved from the pre-standardized literature instead [Hastings 1997: 3].

The problem of standardization has some methodological implications for diachronic studies among the branch of South Slavic showing the features specific for the Balkan area, like the postpositional definiteness marking or the use of the mid vowel (e. g. [Leake 1814: 380; Schleicher 1983: 210; Haarmann 1976: 85; Tomić 2006]). These usually include two literary standards

(Bulgarian and Macedonian), as well as related dialects, like that of the Prizren-Timok area [Friedman 2017: 2]. The diachronic spread of these features is a controversial topic. This can already be seen on the classification of the Prizren-Timok dialects. Although a separate ethnonym (Torlak) is known to both a colloquial use [Skok 1971 III: 484] and linguistic discourse [Vuković 2020], it is not uncommon to classify them as Southeast Serbian [Belić 1905] or Northwest Bulgarian [Стойков 1993: 104]. As the classification of these dialects as Serbian or Bulgarian is not devoid of suspicions of promoting national interests, an umbrella term “Balkan Slavic” was proposed for the whole area (e. g. [Sobolev 1996: 63]), including the Bulgarian and Macedonian standards.

The term “Balkan Slavic” also has been employed in diachronic studies as a label for the transitional literature, which diverges considerably from the Church Slavonic-based literary language in the time when these features were developed, but before the actual standardization of modern Bulgarian and Macedonian (cf. [Sonnenhauser 2015: 50]). The process of their standardization is often described as a set of arbitrary decisions of the state executive concerning the most controversial and symbolically laden features (e. g. [Irvine & Gal 2000: 60f.; Fielder 2019]); thus modern standards tend to be perceived primarily as tools of the language policy and, again, national interests. On the other hand, local scholars (e. g. [Керемедчиев 1943; Конески 1967: 40; Андрейчин 1977: 166]) focus on establishment of a standard by their own predecessors, the grammarians. These include the publication of prescriptive grammar books and dictionaries (e. g. [Рилски 1989; Пуљевски 1875]) and polemical treatises (e. g. [Дринов 1911; Мисирков 1903]). Both these descriptions agree on the role of authoritative prescription in the development of the language standard. However, they both show less interest in the consequent acceptance (or rejection) of the norm in the use of daily communication and literature.¹

Thus, the usual picture of a standardization process is a timeline of prescriptions: discrete steps of introductions of individual norms concerning grammar, lexical items and graphic features. The acceptance of the prescription by the writing (or speaking) public is taken for granted. In this text, we will present an inverse picture: how the said prescriptions reflect the preceding practice in literature. In other words: an evolutionary model of standardization.

¹ Prescriptive decisions lacking appeal may be rejected. One of the possible reasons are political connotations. For example, the use of the letter jat—<ѣ> (cf. below section 3.6.) became an issue in struggle between Bulgarian nationalists and the Agrarian Party in the 1920s [Андрейчин 1977: 168]. The current Bulgarian alphabet (without <ѣ>) was officially established only in February 1945. Bulgaria’s new status as a Soviet satellite simply put an end to the debate.

2. Historical Background

Church Slavonic² must have seemed very archaic and foreign to a 16th–18th century Bulgarian reader. It was accessible only to a limited number of people from an educated audience. The actual number of its active users (i. e. writers, hardly any speakers) was very low in the 18th century even in the countries where it enjoyed a high status, like Wallachia, Moldova and Russia [Trunte 2018: 5]. In these countries it was also used in secular administration, alongside very different vernaculars. But as these countries were replacing it with literary languages based on spoken Romanian and Russian, Bulgarians also asked themselves whether it would not be more adequate to write as they speak. The first attempts to write in a language accessible to the broad audience in post-medieval Bulgaria can be dated to the 17th century. One of the first documents written in such a language can be seen in the Catholic prayer book called *Abagar* from 1651. The language of this booklet with “prayers used by the converted heretical Paulicians as amulets” [Stefanov 2008: 60] reflects the local dialect, but with considerable Croatian and Italian influences [Tsibranska-Kostova 2016: 14]. However, other documents representing the Catholic literature in Bulgarian are scarce.

Another variant of a vernacular-based literary language can be seen in the documents called *damaskini*, translations of the collection of homilies *Thēsauros* by Damaskēnos Stouditēs. Published in print first in the 1560s in Venice, the book became famous for its use of the language of the commoners. It was soon translated into Church Slavonic, but was less accessible to a less educated audience than the original. Early in the 17th century, a new translation into a language called *simple Bulgarian*³ emerged. As its Greek original, it diverges from the usual literary language of its period both from the points of view of stylistics and of grammar. Compare the following sentence from the Church Slavonic hagiography (*Life*) of St. Petka [Vuković 1536: 196v; ex. 1] and its *damaskini* edition [Tixon. d. 56v–57r; ex. 2]:

² The term *Church Slavonic* is used in this article in a broad sense of the term, denoting a supraregional, polycentric literary language (cf. [Кайперт 2017: 23–29]). In a narrower sense of the word, it denotes the norms explicitly described by Constantine of Kostenets [Ягич 1895: 387–487] and Smotrickyj [Смотрицкий 1648]. Such use is not very common in Bulgaria, where the term usually denotes the later Russian redaction (e. g. [Демина 1985: 14]; maybe “Ruthenian” would be more suitable in this aspect). A proper equivalent would be *Middle Bulgarian*, which is, however, ambiguous from the perspective of the relation between spoken and written language.

³ The term is based on the headings of the texts authored by Stoudites: *metaphrastheis eis tēn koinēn glōssan* ‘translated into the common language’ (e. g. [Thēsauros 1751: 5]). Church Slavonic editions translate the phrase *eis tēn koinēn glōssan* literally *ob’shtymъ ѣзыкѣ* (SG.INST ‘[by the] common language’), while their translations into early modern Bulgarian use adjectives *prostymъ* ‘simple’ or *bolgarskymъ* ‘Bulgarian’.

- (1) *stráxomъ ábie óbjetъ bývъ na+⁴ zémľju*
 fear.SG.INST suddenly overtaken.SG.NOM having been.SG.NOM to ground.SG.ACC
sébe povrěže
 REFL.GEN/ACC throw.3SG.AOR
 ‘having been suddenly overtaken by fear, he threw himself on the ground’
- (2) *i+ tói+ se upláši i+ pade ná+ zemľja*
 and M.3SG.NOM REFL.ACC scare.3SG.AOR and fall.3SG.AOR to ground.SG
 ‘and he got scared, and he fell to the ground’

Stylistically, Church Slavonic of example (1) prefers longer, complex sentences with participles in subordinate clauses. Example (2) shows a simplified stylistic structure with two separate sentences with finite verbs. It also reflects the morphosyntactic developments of the local dialects: marking spatial relation (*na zemľja* ‘to the ground’) by the preposition only, without the specific case marker as in Slavonic example (1). Because of their radical break with both grammatical and stylistic norms, the damaskini have been extensively studied by modern linguists since their discovery in the 19th century (e. g. [Jagić 1877; Дринов 1911: 315f.; Агриров 1895; *Kopr. d.*; *Svišt. d.*; Петканова-Тотева 1965; *Trojan d.*; *Tixon. d.*; *Loveč d.*⁵]).

The earliest transcripts are anonymous and practically mechanical, supplementing the lack of printing technology in the area. In the 18th century, many “authored” editions appear. Works of such writers as the monk Josif Bradati (ca. 1714–1757) and priest Stojko of Kotel (1739–1813) are often considered a fusion of Church Slavonic morphology with modern syntax [Вътов 2001: 7]. This is also the case of the *Slavenobulgarian Chronicle* by monk Paisius of Hilendar (1722–1773), which spread in transcripts from the 1760s. In the following example [Иванов 1914: 42], Paisius retains archaic PRS.3SG ending *-tъ* and a F.SG.GEN for the name, as in Church Slavonic, but not the expected locative (**žitü*) after the preposition:

- (3) *kako pišetъ vъ žitiè prepodobnie Paraskevi*
 as write.3SG.PRS in life.NOM/ACC reverend.F.SG.GEN parascheva.GEN
 ‘[...] as it is written in the *Life of St. Parascheva*’

Unlike the *simple Bulgarian* of the damaskini, the language of the *Nedělnik* and the *Chronicle* preserved some of the holy aura of the liturgic language, while being (likely) sufficiently comprehensible to less educated public. The language is sometimes called *Slavenobulgarian* [Керемедчиев 1943: vii],

⁴ The <+> marks tokens which are written together with the following word in the original. See Table 2 below for transcription rules.

⁵ For a more detailed overview of the early history of the damaskini studies, cf. [Демин 1968: 11f].

eponymous with the most famous work written in it, stressing the continuity with the Church Slavonic literature. The grammarians of the early Bulgarian national movement in the 19th century were still torn between the “tyrants”, like Neophyte of Rila, proponents of using *Slavenobulgarian*, who would rather force the common folk to learn the archaisms, on the one hand, and the “demagogues” like Petăr Beron persuading their fellow literates to abandon their idealized inflection markers and write in the *simple* language of the commoners for the sake of contemporary trends, on the other [Ibid.: v].

In short, the situation of the Bulgarian literature of the 16–18th century is not simply one of diglossia. Literature was written in Church Slavonic, *simple Bulgarian* and *Slavenobulgarian*, following various orthographic and grammatical norms, and existing alongside dialects with varying sociolinguistic status. In the words of Marin Drinov [Дринов 1911: 274], the written language from the 16th to the 18th century is ruled by “endless chaos” (*bezkraina bārkanica*). Thus we will look at possibilities of studying the interferences between these norms.

3. Comparison

Our model of *standardization* is based on the gradual adoption of various linguistic practices, which we perceive as features of a historical text. Certain practices are established as a *norm* binding the written (or even spoken⁶) production of the community. For some of these practices we can also find counterexamples of *destandardization*: linguistic practices originally adopted by an earlier standard, which gradually fall out of use due to incompatibility with standardized features, due to alienation by language change or due to its redundant character. A standardized feature does not have to be an *innovation*: a linguistically archaic feature can be adopted or simply withstand attempts for removal. Nor does a linguistic innovation need to be standardized; it may retain the status of a substandard or foreign feature, being systematically avoided in the texts and speech of higher status. Features which are avoided either systematically⁷ or by promoting an incompatible alternative can be dubbed *non-standardized*.

We try to separate the concepts of *codification* and *standardization*—the publication of an authoritative document calling for an adoption of an explicitly formulated linguistic norm, and the adoption itself. But these documents

⁶ Although standardization does effect the spoken practices too (cf. [Milroy 1999: 47–59]), but our study focuses on developments attested only in text sources.

⁷ Fuchsbauer [2010: 177] describes one such case in the Church Slavonic translation of *Dioptra* by Philippos Monotropos, which avoids the postponed demonstratives with the *t*-root (only *on-* and *s-* are used), abundant in other Church Slavonic redactions and the damaskini (cf. below section 3.1.).

are still of great importance for our analysis. On their basis we identify the features, which can be used to illustrate the development of a standard. In the case of Standard Bulgarian, our body of authoritative literature includes early primers and grammar books [Берович 1824; Рилски 1989; Богоров 1844; Хрулев 1859; Момчилов 1868⁸], influential polemics [Дринов 1911], as well as decisions of the state executive [Унѣтване 1899; Наредба 1945]. It is harder to find such documents for older stages. Norms of older literature were not codified in the modern sense, lacking means of enforcement comparable to those of modern standard languages. For this reason, historical grammars [Ягич 1895, Смотрицкий 1648] are only of limited relevance. It is necessary to use secondary descriptions (e. g. [Велчева 1966; Гълъбов 1968; Христова 1991; Вълчев 2007] and modern Church Slavonic grammars issued by ecclesiastical authorities [Бончев 1952; Миронова 2010] for reference as well.

Let us assume that standardization includes both aspects: the grammar is taught together with the orthography. If, on the other hand, orthographic differences are bigger, then it is reasonable to expect more dialectal influence among the linguistic features of a source. For this reason, we will also discuss purely graphic features, like the script, accentuation and abbreviations. Each (grammatical or orthographic) feature can be represented as a variable, a property of an individual text source. These variables then can serve as a basis of comparison between the sources.

Table 1 lists the features represented as variables for our analysis. Standardized features reflect practices codified by Bulgarian grammarians of the 19th–21st century—present-day Standard Bulgarian. The second column lists the features, which are not only present to some degree in the literature of the pre-standardized period (16th–19th century) of all three (Church Slavonic, *simple Bulgarian* and *Slavenobulgarian*) literary traditions, but also mentioned

⁸ The choice tries to focus on influential sources. Keremedčiev designated Neophyte of Rila as the “undoubted leader” [Керемедчиев 1943: xii] of the *Slavenobulgarian* school of grammar. However, he was not the first one publishing a systematic text on the matter. Another *Slavenobulgarian* grammar was published shortly before the Neophyte’s by Emanuil Vaskidovič and Neophyte of Hilandar-Bozveli (cf. [Вълчев 2007: 81]), and there were also other influential texts with similar premises, appearing soon afterwards (e. g. [Павлович 1836, Венелин 1838]). In a similar vein, Bogorov’s grammar from 1844 was described by Keremedčiev as one having a “strong influence on all teachers and grammarians of the period” [Керемедчиев 1943: xxi]. Even contemporary scholars like Vălčev consider it a “landmark” for modern Bulgarian philology and grammar [Вълчев 2007: 222]. The choice of an authoritative grammar for the period after Bogorov is harder due to the sheer number of publications in the period—the availability to the author in the time of writing the article being a major argument. While Xrulev’s grammar more or less reiterates the principles set by Bogorov, it is interesting for us, as our corpus includes a text written by the same person (i. e. [Nedělnik 1856]). Momčilov’s grammar is one of the most voluminous among the grammars of 1860s, and it also receives most attention by Vălčev [Вълчев 2007: 335–356].

by Church Slavonic grammarians. Non-standardized features can be observed in older literature (especially from the *simple* and *Slavenobulgarian* traditions), but are not adopted by today's standard, nor are they present in Church Slavonic.⁹

Table 1

Overview of analyzed features

Standardized innovations	Slavonicisms/archaisms	Not standardized features
1.1. Postnominal article	2.1. CS nominal inflection	3.1. Inflected articles
1.2. Postadjectival article	2.1a. Non-NOM endings	3.2. Articled short form adjective
1.2a. M.SG adjectival ending <i>-ija</i>	2.1b. M.SG <i>-a</i>	3.3. "Future indefinite" tense
1.3. Extended demonstrative	2.1c. F.SG <i>-u</i> , <i>-b</i> or <i>-o</i>	3.4. Differential object marking
1.4. DAT possessive pronoun	2.1d. M.SG <i>-u</i>	3.4a. Object doubling
1.5. <i>šte</i> particle for FUT tense	2.2. Long-form adjective	3.4b. 3SG.ACC for indirect objects
1.6. Analytical infinitive marking	2.2a. M.SG adjectival ending <i>-ij</i>	3.5. Non-Cyrillic script
1.7. Unified orthography	2.3. GEN possessive pronoun	3.6. Specific letter for /dʒ/
1.7a. Non-final/non-palatal /ǃ/	2.4. Proximal deixis marking	3.7. Simplified accentuation
1.7b. /i/ in all positions	2.5. Synthetic infinitive marking	
1.7c. /ja/ and final /ǃ/	2.6. Old 2/3PL aorist forms	
1.8. Separation of unaccented words	2.7. Archaic letters	
1.9. No accent markers	2.7a. Use of <ѣ>	
1.10. Arabic numerals	2.7b. Use of <ы>	
	2.7c. Use of <а> for /ja/	
	2.8. Loanword-specific letters	
	2.9. Word-final jers	
	2.10. CS accentuation	
	2.10a. Use of all four markers	
	2.10b. Breve on syllable-final vowel	
	2.10c. Writing of <i>spiritus lenis</i>	
	2.11. Lexicalized abbreviations	

4.1 Grammatical features

The first variables reflect the most visible difference between Standard Bulgarian and Church Slavonic: the amount of definiteness markers following nouns (1.1), adjectives (1.2), as well as the amount of nouns with non-nominative endings (2.1a). These were intensively debated in the 1830s grammars like

⁹ The choice is roughly based on the lists of features specific for Church Slavonic of the Resava redaction and the language of the *damaskini* employed by Velčeva [Велчева 1966: 117] for their comparison. Non-standardized features were not listed, but they are relevant from the point of view of discussed topics.

that of Neophyte of Rila, who used Smotrickyj's grammar as a model [Рилски 1989: xvii]. Trying to preserve at least traces of old nominal inflection,¹⁰ he introduced dialectal variants of the article for the M.SG animate paradigm, fusing the demonstrative function of the article with the syntactic function of the case ending [Ibid.: 86]:

- (4) N *stáreco*
 G *na-stárca* or *na-stáreca*
 D *na stárecatъ*
 A *stárecatъ*

According to Fielder, Neophyte thought that the case endings and articles would occupy the same morphological slot [Fielder 2019: 46]. He indeed uses terms *člénъ* 'article' and *paděžъ* 'case' interchangeably [Рилски 1989: 163]. His idea of employing dialectal differences in phonetics to mark the case was not accepted by the writers, but nominal inflection can in a limited extent be observed in the literature of the time. The article variant *-a* was homographic with the old animate M.SG.OBL (GEN/ACC) case ending, common at least in literature with proper names and *nomina sacra*. For this reason, the marker is ambiguous. In our study, Variable 2.1b (M.SG *-a*) thus reflects the presence of any *-a* ending in M.SG nouns. Variable 1.1 (postnominal article) reflects only the situation when a token contains the root of a demonstrative pronoun, positioned after the morphological case ending of a noun. It does not include modern Bulgarian suffixes *-t*, *-ta* etc. only, but also Church Slavonic short demonstratives (*съ*, *онъ* etc.) following the noun.

Neophyte did not address the use of articles inflected for case, which can be found in some peripheral (e. g. Rhodopean and Timok) dialects even nowadays, as well as in some lexicalized relics in Standard Bulgarian (e. g. *pettjax* 'about five' [Мирчев 1978: 201]. Such instances are reflected in the Variable 3.1. The variation between nominative and oblique endings is attested in older damaskini, as well as in *PPS* (1796: 11r¹¹) for both MASC and FEM articles:

- (5) *póče* *avrátъ* *da+* *ljúbi* *róbinju+* *tu*
 begin.3SG.AOR abram.NOM to love.3SG.PRS servant.F.SG.ACC DEF.F.SG.ACC
 'Abram fell in love with the servant'

¹⁰ Neophyte's proposal is actually a compromise between the "tyrant" and "demagogic" positions on the matter of cases and articles. Venelin argued against the standardization of articles, because he found them absent in Macedonia [Венелин 1838: 46]. Pavlovič accepted some of the articles, writing them as separate words (e. g. *prostý o ězyk* 'the simple language'), but he argued for more inflection (e. g. in plural), because of many fossilized forms attested in dialects (e. g. *съ боготъ* [Павлович 1836: 8]).

¹¹ Some of our sources show multiple page/folio numberings. In such cases our citations refer to the original page numbering.

Punčo employs the oblique ending *-tu* along the otherwise generalized *-ta* (e. g. *na planináta* ‘on the hill’) for animate feminine nouns. Bogorov [Богоров 1844: 20] introduces a similar marking of F.SG.ACC nouns with *-q* (Cyr. <ж>; e. g. F.SG.NOM/GEN/DAT *dušata* ‘the soul’, ACC *dušqtq*) in his grammar. Although it is not clear whether this variation could be reflected in speech,¹² it was followed in literary practice until the late 1860s, when it was destandardized again by Momčilov and Drinov (Var. 2.1c). These two also remove the marking of M.SG.DAT with *-u* from the standard. In earlier grammars, the dative ending could be attached to names, kinship terms and other nouns, which never carry an article (e. g. *Bogu* ‘to God’ [Рилски 1989: 91; Богоров 1844: 26]), in the grammars. Momčilov [Момчилов 1868: 28] destandardizes these forms as archaisms (Var. 2.1d).

One marker that survived Drinov’s criticism was the m.sg ending *-a*. This ending works like the one defined by Neophyte: it fulfills both the syntactic function of an oblique case ending and the definiteness marking function of an article. Earlier literature still shows examples, where it is used as a general m.sg definiteness marker without the syntactic function [Nedělník 1856: 257]:

- (6) *diavola se prestruvaše na razny zvěrove*
 devil.DEF REFL.ACC change.3SG.IMPF to various.PL beast.PL
 ‘the Devil changed himself to various beasts’

The current rules of its use were adopted into Ivančev’s orthography (1899; cf. [Андрейчин 1977: 166]) and—despite recurring criticism [Fielder 2019]—has remained in written practice until today. Another homographic ending is used in the nominal count form (*brojna forma*), which is used in masculine nouns after numerals. This form is usually considered a fossilized dual nominative (e. g. [Мирчев 1978: 195; Маслов 1981: 149]), and it can be observed already in the damaskini [NBKM 1064 37v]:

- (7) *utíduxa sítzki+ti pisjá du tzétiri pógleda*
 go.3PL.AOR all.PL.DEF by foot to four shot.DL
 ‘all went by foot four shots away’

In Standard Bulgarian, m.sg adjectives do not only express definiteness with the article, but also with an older root extension *-j-*, as it is also seen in Neophyte’s grammar (M.SG.NOM.DEF *světyjo* ‘saint’ vs. indefinite¹³ variants *světž* or *sveti* [Рилски 1989: 102–103]. The extension is based on the old expression of definiteness by the suffixation of the pronoun **jъ* at adjectives—also called compound or long-form [Lunt 2001: 142]. Bogorov’s grammar [Богоров 1844:

¹² For the discussion of F.SG.ACC marking in damaskini, cf. [Велчева 1966: 117, Мирчев 1978: 168, Mladenova 2007: 306].

¹³ Neophyte calls this form *so ousěčéníemъ* ‘with shortening’ (lit. ‘cut’), which is similar to the terminology applied to Serbian adjectival short forms by Vuk [Karadžić 1974: 41].

35] preferred to write—as in Church Slavonic—the M.SG.NOM long-form without the article (e. g. *svetyř*), which was also preferred by Drinov [Дринов 1911: 283]. Although this practice may have been based on some Moesian dialects, where the unarticled m.sg long-form ending functionally fused with the article [Младенов 1963: 404f.], it was destandardized by Ivančev's reform in 1899 [Андрейчин 1977: 166]. Therefore, M.SG adjectives ending with variants of *-ii* are reflected by a separate variable (2.2a).

While the nominal M.SG ending *-a* is hard to distinguish from the short article or count form in a text, an articulated adjective, based on the historical long-form (i. e. with ending *-ija* or *-ijat*), is unambiguous. Such forms, first attested in the 13th century [Мирчев 1978: 205], are avoided in later Church Slavonic redactions, where M.SG.GEN forms would be short *svęta*, long *svęta-go* (cf. [Миронова 2010: 101]). Adjectives with ending *-ija* are thus counted by Variable 1.2a as a standardized innovation. If an article follows an adjectival short form, as it is attested in many dialects across Bulgaria (e. g. *carskăt sîn* 'royal son' [Mladenova 2007: 371]), the form is reflected by Variable 3.2.

Neophyte was indeed aware of the difference between the Church Slavonic long-form endings and the article [Рилски 1989: 170], as he removed long-forms in all positions of his paradigm. In the literature, adjectival long-forms appear in various genders and numbers too (e. g. F.SG.NOM *krasotà rá skaa* 'beauty of the Paradise', [Ljub.d. 97v]), although not very consequently.¹⁴ Nonetheless, the fusion between definiteness marker and inflection, which in principle is not different from that of Church Slavonic and Vuk's Serbian [Karadžić 1974: 41f.], can be seen in other grammars. Bogorov [Боропов 1844: 35] codifies the M.SG oblique ending *-ago* (e. g. *svetago*) as an optional variant and Xrulev [Хрулев 1859: 28] even gives distinct short and long-forms for all three genders in SG (but only M.PL). All these endings were removed from the paradigm in Momčilov's [Момчилов 1868: 34] grammar, so we can consider them a destandardized feature (Var. 2.2).

As already mentioned above, Church Slavonic uses demonstrative pronouns, which can be placed both in front of their head noun (e. g. *v' tói vési* 'in that village' [Rostovski 1689: 282v]) or following it (e. g. *putém' tēm* 'by that road' [Ibid.]). The pronoun can be extended by a relative suffix *-žde* (e. g. *toęžde nošti* 'in the same night' [Ibid.]). Modern Bulgarian uses a similar construction for the adnominal demonstrative, adding suffixes *-zi*, *-va* or *-ja* to the root (e. g. *tazi* F.SG 'that'). Such extended pronouns are already attested in the 12th century [Мирчев 1978: 182], but they are rare in Church Slavonic in the 17th–18th century. Neophyte [Рилски 1989: 116] codified the forms with suffixes *-ja* (M.SG.NOM *onyĩ*, F.SG *onáę*, PL *onýę*) and *-va* (M.SG.ACC *onogó-*

¹⁴ The same passage shows a long form *ráiskaa* in *Tixon. d.* (54v), but short *raiska* in *NBKM 709* (32 r.).

va, N.SG *onovà*), considering forms with *-zi* phonetic variants redundant for the literary language [Рилски 1989: 178]. The *-zi* suffix was codified first by Xrulev [Хрулев 1859: 34]. We consider any variant of such extended pronoun as a standardized innovation (Var. 1.3).

Standard Bulgarian constructs the demonstratives from two roots: deictically unmarked *t-* (e. g. *tazì*) and *on-* (e. g. *onazì*) marked for distal deixis. Church Slavonic also uses a third root *s-*, marked for proximal deixis [Бончев 1952: 29].¹⁵ The proximal root is also occasionally found in the *damaskini*, mostly in fixed phrases (e. g. *sīę staę* F.SG.NOM ‘this saint’ [PPS 66r]). It was not productive anymore in the language [Велчева 1964: 166] and the modern grammars do not even mention it. Proximal demonstratives thus can be considered a destandardized feature (Var. 2.4).

One of the typical balkanisms is the marking of syntactic objects with a second pronoun, although this construction serves different grammatic functions in particular languages (cf. [Tomić 2006: 239]). It is occasionally attested in Church Slavonic sources, but only rarely in *simple Bulgarian damaskini*. Early Bulgarian grammars do not mention this phenomenon at all. Mirčev [Мирчев 1978: 248] states that such marking is confined to Western dialects, and that it is rather avoided in literature. It is, indeed, a feature frequent in Macedonian dialects, and as such it has also been standardized there [Lunt 1952: 38]. According to Tomić [2006: 265, n. 69], Bulgarian grammarians rather tend to restrain the use of the feature. Among our sources, it is indeed most frequent in *NBKM 728* from South Macedonia, but it is also common in later *damaskini* from the East.¹⁶ In *NBKM 1064*, the scribe systematically marks possessors with a second dative pronoun (*NBKM 1064 33r*):

- (8) *fmirisa+ sa paltá+ mu na+ unugós gimitzié*
 Stink.3SG.AOR REFL.ACC Flesh.SG.DEF M.3SG.DAT Of That.M.SG.OBL Sailor.SG.DEF
 ‘the sailor’s flesh started to stink’

Such construction is optional in the present-day standard Bulgarian, occurring in emphatic (cf. [Tomić 2006: 269, example 58b]) or emotional [Маслов 1981:303 §3v] environments. For the purposes of our study, we mark such instances with Variable 3.4a. The variable contains the number of such second pronouns.¹⁷

¹⁵ Similar marking of proximal deixis has been standardized in Macedonian, but with another root (e. g. F.SG *ovaa* [Конески 1967: 342]), which is absent in the *damaskini* sources.

¹⁶ In *NBKM 728* there are 8 instances or 1.67% of the total number of tokens in the text. The frequencies are smaller in *NBKM 1064* (0.51%) and *Berl. d.* (0.32%). A single instance is found in the *PPS* version of *Petka* as well as in [Vuković 1536].

¹⁷ Marked as EXPL (“expletive dependent”) in the Universal Dependencies annotation. The head of the dependency should be a noun (identified by a morphological tag), a syntactic object (UD tags NSUBJ or CSUBJ), oblique (OBL) or a nominal modifier (NMOD).

Although the use of short dative pronouns to mark possession is already attested in Old Church Slavonic [Lunt 2001: 149], it is not common in later redactions. It is mentioned by Bončev [Бончев 1952: 28], but redactions from the East Slavic area preferred either adjectival pronouns based on reflexives like *svo* [Смотрицкий 1648: 297], or genitive forms *ego/eę/ixъ* [Миронова 2010: 84]. The genitive forms are occasionally used in some damaskini sources, and systematically in the original *Nedělnik* (e. g. *živěnie stýxъ egō* ‘lives of His saints’ [Nedělnik 1806: 184v], but they are not mentioned in such role in the grammars (e. g. [Борогов 1844: 47]). Thus, if a DAT pronoun is used to mark possession, it is reflected as a standardized feature (Var. 1.4); GEN pronouns in this role are considered destandardized (Var. 2.3).

Rarely, short accusative pronouns can also be used to mark indirect objects or possessors. As such forms are not discussed in available grammars, we consider them a non-standardized feature (Var. 3.4b). They appear in some damaskini, and most frequently in particular chapters of *PPS* (52v):

- (9) *maikja+* *ju* *pade* *Xrtu* *na* *nozé+te*
 mother.SG F.3SG.ACC fall.3SG.AOR christ.DAT to legs.PL.DEF
 ‘her mother fell to Christ’s feet’

Verb morphology exhibits multiple characteristic changes in modern Bulgarian in comparison to earlier varieties. One is the expression of future tense. Church Slavonic shows two basic constructions: a simple form, formed by a present stem of a perfective verb, which is the only one codified by Smotrickyj (e. g. *pročtoû* ‘I will read’ [Смотрицкий 1648: 197r]); and a complex form, using an auxiliary verb *imati* ‘have’ and an infinitive form of the main verb (e. g. *ímatъ žíti* ‘I will live’ [Миронова 2010: 139]). This form originally expressed an obligation. It gradually replaced other complex forms, which used auxiliary verbs *xotěti* ‘want’ or *načěti* ‘begin’ [Мирчев 1978: 222; Lunt 2001: 154]). In contrast to Church Slavonic, the ‘want’-auxiliary became predominant in the majority of Bulgarian dialects, replacing the simple future form as well. In the damaskini texts up to early 19th century, the future is usually built by a shortened ‘want’-verb *šta* with the analytic infinitive, as in the following sentence from *Berl.d.* (185r):

- (10) *štéte+* *da+* *stánete* *préd’* *sъdóvište+to* *xsvo*
 want.2PL.PRS to stand.2PL.PRS in front judgement seat.SG.DEF christ’s.N.SG
 ‘you will stand in front of Christ’s judgement seat’

The 3SG form of the auxiliary *šte* has been later fossilized. This stage was codified by Neophyte for *a*-stem verbs (e. g. 2PL *šte da dúmate* ‘you will say’ [Рилски 1989: 128]). For *e*- and *i*-stems he presents the present-day variant,

without the marker *da* (e. g. 2pl *šte pišete* ‘you will write’; *šte nosite* ‘you will carry’ [Ibid.: 136–141]¹⁸). Bogorov provides another variant, with an inflected auxiliary and without the *da* marker (e. g. 2PL *štete pišete* [Богоров 1844: 65]). First, Xrulev’s grammar [Хрулев 1859: 44] uses the current variant for all verbs, although he still considers the *da* marker optional. The number of *šte* used as future markers is reflected by Variable 1.5 as a standardized feature.

Use of an analytic construction for infinitive marking is another characteristic feature distinguishing Balkan Slavic from the rest of the Slavic family. Church Slavonic builds the infinitive from aorist stems by attaching a suffix *-ti*, while modern Bulgarian uses the construction similar to the one in Examples (5) and (10): a verb in the present tense following a *da* marker.¹⁹ Such a construction actually does exist in Church Slavonic, too, but with the function of an optative, expressing exhortations and wishes. A classic example can be found in the Lord’s prayer [Mt 6:9; Lunt 2001: 162; Миронова 2010: 171]:

- (11) *da svētītъ sę imę tvoe*
 to hallow.3SG.PRS REFL.ACC name.SG.NOM yours.N.SG.NOM
 ‘hallowed be Thy name’

The old infinitive form does not appear in modern Bulgarian grammars, although it is preserved in some isolated dialects (cf. [Мирчев 1978: 235]). Optative is not seen as a separate category of verbal morphology in present-day grammars, and it was described differently in earlier ones.²⁰ A synthetic infinitive construction does exist in Bulgarian, using an aorist stem without the suffix. Modern grammars agree that the form is only used after specific verbs (e. g. *stiga xodi* ‘stop walking’ [Мирчев 1978: 235]; *ne možeš go pozna* ‘you cannot recognize him’ [Маслов 1981: 284]). In the damaskini, the form is used to form the future tense as well, being placed in front of the auxiliary *šta*. Such sentences express a rather conditional meaning [Tixon. d. 97]:

- (12) *i+ polovina ot+ crstvoto+ sî. dá+ štemъ.*
 even half.SG of kingdom.SG.DEF REFL.DAT give.INF want.1SG.PRS
 ‘we would give a half of our kingdom’

This construction was codified as a specific type of a future tense by Neophyte [Рилски 1989: 129]. Momčilov distinguishes a “future definite” (*bodušte*

¹⁸ Neophyte also defines a fourth conjugation for verbal *ja*-stems [Rilski 1835[1989]: 143–148], which is practically the same as that of *a*-stems, but without the *da* in future tense.

¹⁹ There are different classifications of the *da* marker (cognate of the English conjunction *to*; cf. [Derkson 2008: 94]), e. g. a conjunctive [Маслов 1981: 286], a subordinating or modal particle [Friedman 2006: 661], or a subjunctive marker [Tomić 2006: 414].

²⁰ Optative is described in the earliest grammars: Neophyte provides a construction with marker *danò* and a verb in imperfect tense (e. g. *danò prodúмахъ* ‘may I have spoken’ [Рилски 1989: 130]; cf. also [Богоров 1844: 67, Маслов 1981: 287, 334]).

oprěděleno), denoting events happening in a given future moment, and a “future indefinite” (*neoprěděleno*), when the moment is not given [Момчилов 1868: 52f.]. The former is expressed by the fossilized *šte* followed by the main verb in present tense, the latter by the construction using the synthetic infinitive as in Example (12). Although a similar distinction can be observed in Serbian (e. g. [Tomić 2006: 486]), the specific grammatical function of the indefinite future tense was called into question by Andrejčin [Андрейчин 1944: 252], who considered it an archaic variant of the “definite” future tense. More recent grammars (e. g. [Маслов 1981: 236; Radeva 2003: 74]) describe these forms (if at all) in a similar way.

Thus, Variable 1.6 reflects the presence of *da* markers dependent on auxiliary verbs, after which the use of synthetic infinitive is optional.²¹ The number of old infinitives with the *-ti* suffix is counted by Variable 2.5. Instances of “future indefinite” tense constructions are counted by Variable 3.3 as a non-standardized feature.

Past tenses are morphologically similar in Church Slavonic and the modern standards of Bulgaria and Macedonia. However, generalizations and phonetic shifts levelled the difference between morphemes. Only 2/3SG forms are different between the aorist and imperfect; IMPF.1SG developed secondary forms and IMPF.PL forms were generalized for both tenses [Конески 1967: 420; Мирчев 1978: 212f.]. In the damaskini, verbs in plural already use the imperfect forms only. Specific aorist forms are attested (e. g. *pogrebóste* ‘you buried’ [PPS 67v], but their use is not systematic.²² Neophyte has also codified only the innovative forms (e. g. AOR/IMPF.2PL *dúmáxte* ‘you spoke’ [Рилски 1989: 126]). Thus, old AOR.PL endings are handled as a destandardized feature (Var. 2.6) in our analysis.

4.2. Graphic Features

Alphabets in the damaskini sources slightly differ from the standards of the Church Slavonic and Greek literature. Table (2) show the characters common in this literary tradition, adapted for the Unicode standard. It does not reflect all the regularly employed allographs, like the initial vowel variants (<ѣ>, <ѡ>, <Ѣ>), the broad <м> and the space-saving <7> variants of <т>, nor ligatures and superscript letter variants:

²¹ These include verbs with meanings ‘want’ (*šta, xoštu, xoču*; cf. Mirčev 1978:235), ‘have’ (*ima, nja+ma*) and ‘begin’ (*načena, počna, podbra, vzema*; cf. [Lunt 2001: 154]), as well as negative commands (*nedei, prestana, stiga*).

²² For example, Punčo uses three forms for AOR/IMPF.3PL in the *Legend of Joseph, son of Rachel* (PPS 71r–83r): 83 times *-xu*, 10 times *-xa*, and only twice *-ša*. The two are likely copied from an East Slavic source: Resava orthography used *-še* ending in this position (OCS *-šę*).

Table 2

Damaskini alphabets and Latin transcription²³

a	б	в	г	д	е	ж	s	з	і	ї	и	й	к	л	м	н	о	п
α		β	γ	δ	ε			ζ	ι		η		κ	λ	μ	ν	ο	π
a	b	v	g	d	e	ž	z	z	ι	ĩ	i	ĩ	k	l	m	n	o	p
p	c	т	8	ou	ϕ	x	w	W	ч	ц	ш	шт	щ	ъ	ы	ь	ʸ	ѣ
ρ	σ	τ	8	ou	φ	χ	ω						ς					
r	s	t	u	ou	f	x	w	wt	č	c	š	št	št	ѣ	y	ь	,	ě
ia	ie	ю	ж	л	ž	ψ	θ	v	ц									
ia		u8		ξ	ψ	θ	v											
ja	je	ju	ρ	ε	ž	ψ	θ	v	ц									

Early damaskini show many rules of the above-mentioned Resava orthography. They use both jers: “orthographic” <ь> as the silent marker of word boundary and syllabic resonants, and “phonetic” <ъ> in prepositions, which are written together with the following word. As in this orthography, vowel letters may have an accent and/or spirit, while *pajerčik* (<ʸ> or <’>) may appear above consonants instead of a following jer. Jat <ѣ> is written in its etymological place. Elsewhere, it shows influences of the vernacular: individual scribes sometimes employ their own modifications. The <ы> occurs not only on etymological places, but also as a variant of /i/. The old back nasal is regularly replaced by variants of <8>, and also by both jers (preferably <ь> in the 17th century, <ъ> later) and <a>. The letter <ж>, also called big jus, scarcely appears, as well. For example, the main verb in the following sentence from *Tixon.d.* (95) is reflected in other editions in the following way:

(13)	šte	búde	na+	krásnyi	i+	ne+veštestóvnyi	rái
	FUT	be.3SG.PRS	at	beautiful.M.SG	and	immaterial.M.SG	paradise.SG
	‘[your soul] shall be in the beautiful and immaterial paradise’						

Tixon.d. бѣде
Trojan d. бѣде
Ljub.d. бѣде
NBKM 709 бáде

The same form is written as бѣде and бáде elsewhere in the version of the text in the damaskin of Koprivštica [*Kopr.d.* 11]. All these letters represent the

²³ The character set is also used in the examples in this article, with omegas (ω) replaced by o for reader’s convenience. In this section, transcriptions will reflect the original script.

middle vowel /ǃ/. 19th century grammarians, trying to find an ideal representation of the vowel in the script, introduced various letters—<ǃ> and <ǃ̣> [Берович 1824], big jus <ж> [Рилски 1989: 123], using jers in positions, where they occur in Church Slavonic: e. g. ‘first’ is written as *първо* by Xrulev [Хрулев 1859: 12], but *пжрв-* by Bogorov (e. g. in the very title of [Боропов 1844]). Finally, the reform of 1945 tried to unify its writing in Bulgarian under <ъ>, but the reform stumbled on the decision to discard orthographic jers at the end of words. Therefore, it is written as <a> in word-final positions, and as <я> after palatal consonants. To capture attempts of earlier literature to cope with the middle vowel problem, we reflect the use of a single letter for /ǃ/ in non-final, non-palatal positions as Variable 1.7a.²⁴ The writing of word-final orthographic jers is considered as a destandardized practice (Var. 2.9).

Another orthographic problem was the writing of the phonem /i/. Already Constantine-Cyrril adopted multiple variants rendering this phoneme from the Greek alphabet, which had been preserved as a part of orthographic tradition despite earlier phonetic shifts. A new letter (actually a digraph) has been established to reflect the Common Slavic *y, which in later South Slavic merged with *i. The damaskini literature took no less than four graphemes from the Resava orthography—<и>,²⁵ <ї>, <v> and <ы>—employing them according to the etymologic principle, phonotactic rules or free will. Of these four, the Cyrillic iota or <ї> was traditionally written for /i/ before other vowels and diphthongs [Ягич 1895: 415]. It was simplified to <и> by Bogorov and used up to Drinov’s criticism [Дринов 1911: 285f.], after which it fell out of use. To analyze the practice in earlier literature, we count the writing of /i/ with a single letter as Variable 1.7b. As the writing of <ы> was supported by the East Slavic varieties (including the local redactions of Church Slavonic like that of Smotrickyj), we list it among the destandardized features (Var. 2.7b).

The writing of the sequence /ja/ is another aspect, which distances not only Church Slavonic from Standard Bulgarian, but even more the single redactions of the former. Before the reform of 1945, two letters were used for /ja/: the <я> and the historical jat or <ѣ>. As the post-reform Standard Bulgarian, the Resava system had a single letter for it: the digraph <ја>. Constantine of Kostenets, author of the standard, considered the jat an archaic letter pronounced /e/ or /je/ [Ягич 1895: 402]. It was likely pronounced dif-

²⁴ Only two among our sources fulfill this requirement: Xrulev’s [Nedělnik 1856] and NBKM 1064, which uses the Greek alpha letter for /ǃ/. Still, Xrulev does not write the elsewhere preferred big jus in sequences with resonants (e. g. PRS.3SG *смѣрди* ‘stinks’, *дѣлбоко* ‘deep’), as in his grammar. Since these resonants were likely considered syllabic in Church Slavonic literature (and schooling), such instances were disregarded.

²⁵ Graphemic status of <й>, the “short iže” (*i kratko*), is unclear in earlier texts. Among Bulgarian grammarians, the semivowel character of <й> is mentioned by Bogorov [Боропов 1844: 4], but it was not until Drinov [Дринов 1911: 285] that it was listed as a separate letter.

ferently in the dialect of the damaskini translator, who uses it occasionally on the place of /ja/ or /jǎ/, too (e. g. PRS.3PL *чѣнѣтъ* ‘they cause’ in *Tixon.d.* 95).²⁶ Furthermore, the damaskini use the mentioned small jus or <А> for the same sequences.²⁷ Neophyte’s grammar adopted the practice established by Smotrickyj [Смотрицкий 1648: 46r], using the letter <ѡ> as the initial and <А> as word-internal or final variant of /ja/. The jat was used instead of <А> in etymological positions. With the adoption of the *graždanka* font (also seen in Momčilov’s grammar), <ѡ> and <А> were replaced by the letter <Ѧ>. The 1945 reform replaced the jat <Ѣ>, according to phonotactic rules, by <Ѧ> or <е>.

As according to the 1945 orthography the <Ѧ> in a word-final position can also denote the sequence /jǎ/, we consider the use of a single letter for both /ja/ and final /jǎ/ a standardized feature (Var. 1.7c). The use of both <Ѣ> (Var. 2.7a) and <А> (Var. 2.7c) are measured as two destandardized practices. The use of a single letter for the /o/ phoneme is thus considered a standardized feature (Var. 1.7d). The use of four special letters for Greek loanwords—<Ѡ>, <ѡ>, <Ѣ> and <ѣ>—are taken as a destandardized practice (Var. 2.8). The use of <Ѥ>, which has not been accepted by Church Slavonic grammarians, can be considered non-standardized (Var. 3.6).

Another graphic feature, distancing Standard Bulgarian from Church Slavonic, was the removal of accent markers (Var. 1.8), which can be first seen in Bogorov’s grammar. Earlier literature, written before the Neophyte’s grammar, prefers four different markers for accents (Var. 2.10a) and at least one spirit on word-initial vowels (Var. 2.10c). The writing of breves on syllable-final vowels other than <Ѣ> was a practice already abolished by Neophyte. The use of a simplified accentuation, e. g. with a single accent mark, is considered a non-standardized feature (Var. 3.7).

Earlier literature often writes monosyllabic words, like conjunctions and prepositions, together with longer words, characterized by a single accent per such orthographic “words” (e. g. *и на мѣста* or *i+na+města* ‘and in Moesia’; *Tixon.d.* 94). Most of them were separated, as can already be observed in Neophyte’s grammar (Var. 1.8a). The reflexive pronouns remained to be written together with the preceding verb up to Momčilov’s grammar (Var. 1.8b). As a standardized practice we also reflect the use of Arabic numerals (Var. 1.10).

²⁶ The use of jat reflects the struggle to create a supradialectal norm by the Bulgarian grammarians. The vowel marked by the jat in OCS was reflected as /e/ in the western and as /ja/ in the eastern dialects. The shifts were documented first in the 12th century [Мирчев 1978: 119]. The etymological rule employed by Resava redaction was practically reiterated by Drinov [Дринов 1911: 282].

²⁷ The Greek-script damaskin *NBKM 1064* reflects all three letters with epsilon (e.g. <ѡ> in 3PL *ѡдѡѡтъ* ‘they dig’, *Ljub. d.*: *копѡѡтъ*; <Ѣ> in *по свѣтъ* ‘all over the world’, *Tixon.d.*: *по свѣтъ*; <А> F.3SG.ACC *ѡ*, *Tixon. d./Ljub. d.* F.3SG.ACC *ѡ*).

The use of lexicalized abbreviations (e. g. SG.OBL $\bar{x}\bar{a}$ ‘of Christ’; *Tixon. d.* 99) is considered a destandardized feature (Var. 2.11). The use of a non-Cyrillic (e. g. Greek or Latin) script is reflected in Variable 3.5.

5. Sources

We have analyzed the spread of the aforementioned features on a corpus of twelve texts dated from the 16th to the 19th century, representing two text traditions from the Balkan Slavic linguistic area—*Life of St. Petka* and *Legend of St. Thaïs*. Generally, the texts preserve the content and narrative structure, and thus linguistic differences can easily be compared between separate sources (print editions, manuscript collections) of the text. The sources used are a part of the digital corpus of pre-standardized Balkan Slavic.²⁸ Relations between the sources of the *Life of St. Petka* can be seen in Figure (1):

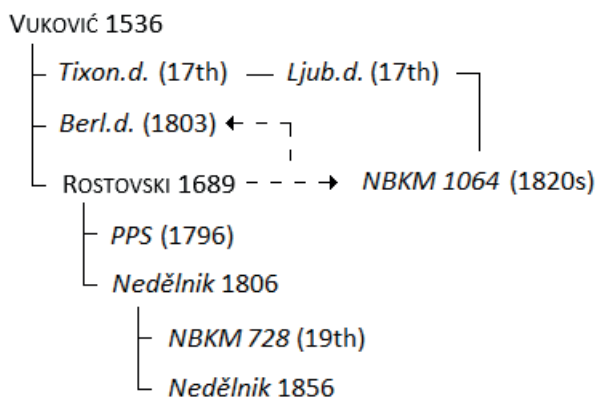

Figure 1. Relations between the sources used for *Life of St. Petka*²⁹

The other text tradition is smaller, comprising only two versions of the *Legend of St. Thaïs*, translated from a Greek text by Josif Bradati in the 1740s. While the first text tradition covers a considerably broad area (including texts from Serbia and Kiev, various damaskini traditions and modern prints, 16th–19th century), the second one includes two sources closer to each other (Bradati writing in Samokov; Punčo in Mokreš near Danube, likely paraphrasing a transcript of Bradati’s translation). The sources are listed with the approximate date of composition or publication, classification of the language (according to the categories defined above), typographic method, text and size in tokens in Table (3).

²⁸ See Šimko 2021 for a detailed description of the sources.

²⁹ Damaskini sources in the figure may represent hypothetical photographs of respective editions.

Table 3

Overview of sources

Source	Date	Language	Type	Text	Size ³⁰
Vuković 1536	1536	CS	printed	<i>Petka</i>	2222
<i>Tixon. d.</i>	early 17th	<i>simple</i> BG	manuscript	<i>Petka</i>	2472
<i>Ljub. d.</i>	late 17th	<i>simple</i> BG	manuscript	<i>Petka</i>	2503
Rostovski 1689	1689	CS	printed	<i>Petka</i>	1336
NBKM 328	1749	<i>Slaveno</i> -BG	manuscript	<i>Taisia</i>	891
PPS	1796	NW-BG dialect	manuscript	<i>Petka</i>	584
				<i>Taisia</i>	984
<i>Berl. d.</i>	1803	<i>simple</i> BG	manuscript	<i>Petka</i>	3120
<i>Nedělnik</i> 1806	1806	<i>Slaveno</i> -BG	printed	<i>Petka</i>	1905
NBKM 1064	1820s	east-BG dialect	manuscript	<i>Petka</i>	3340
NBKM 728	19th	a MK dialect	manuscript	<i>Petka</i>	686
<i>Nedělnik</i> 1856	1856	standard BG	printed	<i>Petka</i>	1249

Orthographic features were based on the analysis of originals or their facsimiles. Grammatical features were studied on annotated transcripts of the sources. As the sources use various scripts, they were transcribed into a diplomatic set of Latin UTF-8-compatible characters. Each token is marked by tags reflecting its morphological structure and syntactic relations.³¹ By comparing both grammar and orthographic features, we can quantify the differences between individual sources. We have focused on two hypotheses:

(I.) First, we assumed the more orthographic rules are copied from an original, the more influence of the original can be expected in the grammar in spite of language change. Works orthographically similar should be grammatically similar, too.

(II.) Second, we assume the modern standard developed from the language of the damaskini. If that is the case, *Slavenobulgarian* sources also should be placed somewhere between the sources representing the modern standard and Church Slavonic.

6. Analysis

In our analysis, the features listed in the Table 1 were represented either as frequencies (counted as absolute number of occurrences divided by the size of the text in tokens) or as binary variables (considered “true” or “false” according to their presence or absence in the whole text). The method of measurement was

³⁰ As mentioned above, some lexical units like articles or negative prefixes were handled as separate tokens as well. Interpunction and similar markers were not considered.

³¹ Also see [Šimko 2021] for a detailed description of the sources.

chosen according to the nature of these features (orthographic or linguistic) and their representation in the corpus. In general, morphologically and syntactically relevant features, which can be identified in the annotation of our source texts (even if their role could not be unambiguously determined), were counted as frequencies: the number of occurrences divided by the length of the text (total amount of tokens). This allows us to compare the sources despite differences in size.

Table 4

Features counted for frequency		
Standardized innovations	Slavonicisms/archaisms	Not standardized features
1.1. Postnominal article	2.1. CS nominal inflection	3.1. Inflected articles
1.2. Postadjectival article	2.1a. Non-NOM endings	3.2. Articled short form adjective
1.2a. M.SG adj. <i>-ija</i>	2.1b. M.SG <i>-a</i>	3.3. “Future indefinite” tense
1.3. Ext. demonstrative	2.1c. F.SG <i>-u</i> , <i>-b</i> or <i>-o</i>	3.4. Differential object marking
1.4. DAT possessive pronoun	2.1d. M.SG <i>-u</i>	3.4a. Object doubling
1.5. <i>šte</i> particle for FUT	2.2. Long-form adjective	3.4b. 3SG.ACC for indirect objects
1.6. Analytical infinitive marking	2.2a. M.SG adj. <i>-ij</i>	
	2.3. GEN possessive pronoun	
	2.4. Proximal deixis marking	
	2.5. Synthetic infinitive marking	
	2.6. Old 2/3PL aorist forms	

Orthographic features were measured on the basis of the whole text as binary variables. The presence of a single instance of specific letters (especially the archaic ones and <ѣ>) suffices for the variable to be “true”:

Table 5

Features reflected as Boolean values		
Standardized innovations	Slavonicisms/archaisms	Not standardized features
1.7. Unified orthography	2.7. Archaic letters	3.5. Non-Cyrillic script
1.7a. Non-final/non-palatal /ǣ/	2.7a. Use of <ѣ>	3.6. Specific letter for /dʒ/
1.7b. /i/ in all positions	2.7b. Use of <ѣ>	3.7. Simplified accentuation
1.7c. /ja/ and final /jǣ/	2.7c. Use of <ѣ> for /ja/	
1.8. Separation of unaccented words	2.8. Loanword-specific letters	
1.9. No accent markers	2.9. Word-final jers	
1.10. Arabic numerals	2.10. CS accentuation	
	2.10a. Use of all four markers	
	2.10b. Breve on syllable-final vowel	
	2.10c. Writing of <i>spiritus lenis</i>	
	2.11. Lexicalized abbreviations	

The classification of individual variables as “standardized” or “archaisms” does not play any role in the analysis itself. Works which we consider as protographs or older sources, as shown in Figure (1), do not necessarily score high among all archaic features (or low among the innovative or non-standardized ones). For example, both our Church Slavonic sources use short demonstratives after adjectives (e. g. *svě́tla ónà* ‘the shiny [queen]’ [Vuković 1536]; Var. 1.2), considered an innovation. The frequency of this feature in [Ibid.] and [Rostovski 1689] is close to earlier damaskini, while also some later sources show lower values.³² Thus any source can be considered a reference point for comparison, in a similar way as a prototypical dialect in dialectology (cf. [Vuković 2020: 3]).

On the basis of our first hypothesis (the assumed relation between orthography and grammar) we would expect small differences between the analyses based on the two groups of variables. If the difference would be big, the standardization of orthography would be a process rather independent of the development of grammar or phonetics. The level of education would presumably be able to diminish the influence of the scribe’s vernacular. On the basis of the second hypothesis (damaskini basis of the modern standard) we would expect results with two poles: Church Slavonic sources [Vuković 1536, Rostovski 1689] and presumably conservative works [*Nedělnik* 1806] on the one side, and works close to the modern standard (e. g. [*Nedělnik* 1856]) on the other.

Two statistical methods were used to measure the mutual distances between our sources. The distance represents the amount of variables with similar (if they are closer) or different (if more distant) values. For the selected features, the sources placed close to each other can be considered similar. They may also form clusters, which can then be interpreted as specific orthographic or linguistic varieties. First, we used the binary distance, using 20 Boolean variables based on graphic features of the texts. The other analysis concerned 22 float variables representing percentual frequencies of occurrence of the selected linguistic features. Since the values of these variables are considerably small, we used the method of Canberra distance, which is based on the sums of series of fraction differences between the particular data sources (Kaur 2014). For our first hypothesis we expected similar results in both analyses: the distances between the sources should not vary much. For the second hypothesis we expected two or more clusters of sources, with works of a transitional or dialectal character in-between in both analyses.

The mutual distances can be represented using two-dimensional diagrams as an abstract map.³³

³² Frequencies given for the Var. 1.2 are: 0.31% in [Vuković 1536], 0.45% in both *Tixon. d.* and [Rostovski 1689], in *Ljub. d.* 0.64%. The values are comparably low in *PPS*: there is only one post-adjectival article in each of the texts from this source.

³³ The study was done in R v3.6.2 using the function *DIST* (URL: <https://www.rdocumentation.org/packages/stats/versions/3.6.2/topics/dist>; 5.5.2020). Diagrams

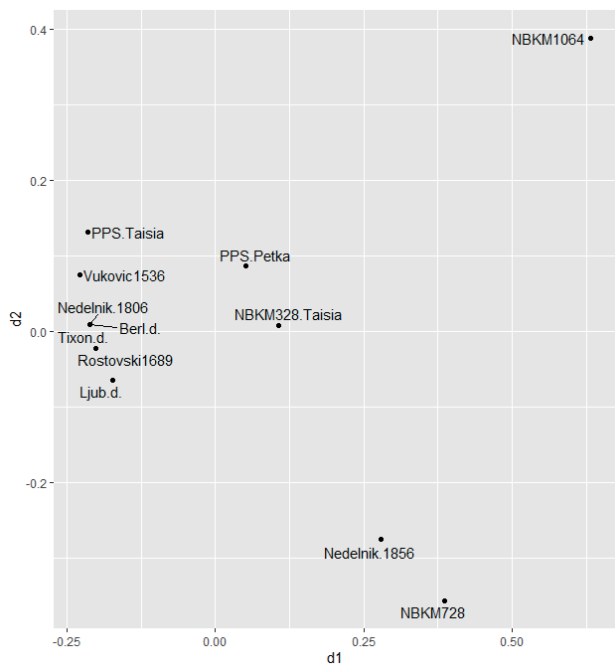

Figure 2.
Binary distances between the sources based on orthographic features

Figure 3.
Canberra distances between the sources based on grammatical features

were produced using the package GGLOT2 v3.3.0 (URL: <https://ggplot2.tidyverse.org/>; 5.5.2020).

Figure (2) shows mutual distances based on similarities and differences in orthography. The damaskin *NBKM 1064* stands isolated from the rest due to its Greek script. The older damaskini (*Tixon. d.*, *Ljub. d.*, but also the later *Berl. d.*) are tightly clustered together with Church Slavonic sources ([Vuković 1536] and [Rostovski 1689]) and the [*Nedělnik* 1806]. Concerning graphic features, the older damaskini and the original *Nedělnik* do not represent a transitional stage between the Middle and Modern Bulgarian literature, but rather between the Resava and East Slavic redactions of Church Slavonic. Bradati's *NBKM 328* and *PPS* show some deviations from the arguably dominant Church Slavonic damaskini orthography, but at least in Punčo's case, these are not very systematic, given the distance between the two *PPS* texts. The orthography is similar between the 1856 edition of the *Nedělnik*, representing Bogorov's standard, and the late Macedonian damaskin *NBKM 728*.

Figure (3) shows the distances based on grammatical features. The sources form three clusters: (a) on the left, including the older damaskini, two later ones (*Berl.d.* and *NBKM 1064*) and the [*Nedělnik* 1856]; (b) one in the upper middle, including the sources from Western Bulgaria (*NBKM 328*, *PPS*) and the [*Nedělnik* 1806]; (c) and, finally, the Church Slavonic sources in the lower right corner. This shows a clear linguistic similarity between the *simple Bulgarian* of the damaskini and later dialects from both ends of the Balkan Slavic area (*NBKM 728* and *1064*), as well as the 1850's Bulgarian standard [*Nedělnik* 1856].

This distribution can be observed in spite of orthographic conservatism of the damaskini and textual relations. But let us compare the respective clusters from Figure (3) to observe mutual distances within them. When we exclude the Church Slavonic cluster (c) from the analysis, two sources become more isolated from respective clusters as shown in Figure (4): *NBKM 728*, our only source from Macedonia, and Bradati's *NBKM 328*. The "standardized" [*Nedělnik* 1856] remains close to most of the damaskini sources from the Eastern Bulgarian dialectal areas. *NBKM 728* also shows itself as linguistically different in Figure (5), where we exclude the cluster (b):

The (I.) first of our hypotheses is not supported by our test. The clusters in both analyses contain different sources. Orthographic similarity does not imply grammatical interferences by the original. The distances between *NBKM 728* and the cluster containing *simple Bulgarian* sources plus the [*Nedělnik* 1856] in Figures (4) and (5) implies stronger influence of dialectal differences. Concerning the (II.) second hypothesis, a striking similarity can be observed between the *simple Bulgarian* damaskini and the 1850's standard of [*Nedělnik* 1856] in the analysis of linguistic features. We can see there is a clear (likely dialectal) similarity between the standard of [*Nedělnik* 1856] and the linguistic norm of *simple Bulgarian*. The texts representing the *Slavenobulgarian* variety are distant from both the Church Slavonic and from the cluster including the other texts.

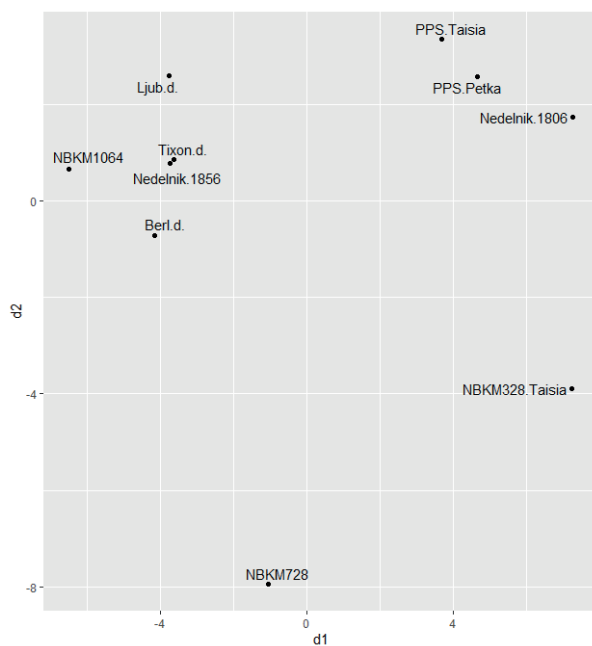

Figure 4.

Canberra distances based on grammatical features (excl. CS sources)

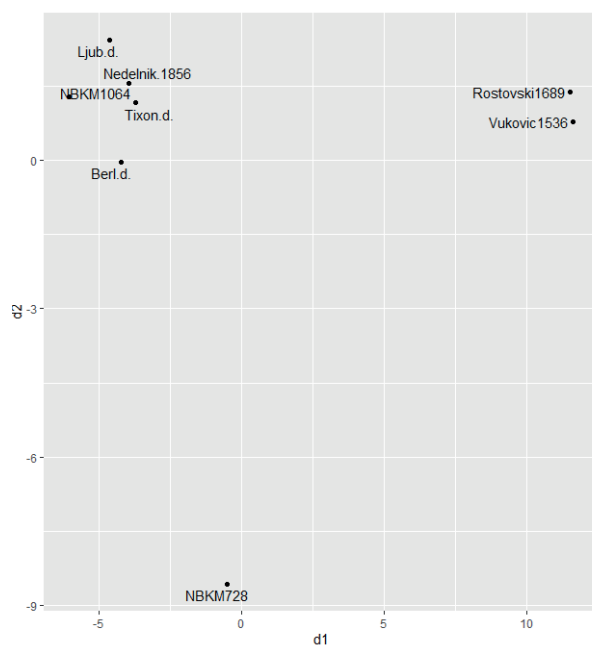

Figure 5.

Canberra distances based on grammatical features (excl. Slaveno-BG sources)

7. Discussion

Our study copes with the question, how prescriptive norms changes the language of the literature. Can we consider works, produced under the influence of an authoritative document (e. g. a grammar used in mass schooling) containing artificial or archaic rules, to be a reliable source for the development of the spoken language as well? Our task was to examine the usefulness of this dichotomy between the pre-standardized and standardized literature: the former reflecting a presumably “natural” language, the other “tainted” by arbitrary decisions of grammarians. This is an important question, especially within the Balkan Slavic area, where polyglossy and multiple literary norms existed along each other for centuries. But did the prescriptivists have the power to shape the grammar of the written language freely, or were they mere students, reiterating the common practice in terms of modern linguistics?

As discussed above in section 2., the Bulgarian national awakening of the 19th century began with a grammarian battle between the faction of “tyrants”, proposing the *Slavenobulgarian* language of Paisius and Josif Bradati, like Neophyte of Rila, against the “demagogic” faction, promoting the *simple Bulgarian* of the damaskini tradition, like Beron and Bogorov. The analysis above aims to shed light on some of the elements mentioned in this conflict, or the possible strategy of the winner. The “demagogues” presented themselves as a movement reflecting the contemporary trends of making the language of literature closer to the vernacular. *Slavenobulgarian*, on the other hand, was considered an artificial variety [Керемедчиев 1943: v], aiming at the preservation of Church Slavonic (or, generally, non-Balkan Slavic) features. Concerning our analysis of the linguistic features, it is rather the faction of “demagogues”, represented here by Xrulev’s [Nedělnik 1856], which follows the older literary tradition, namely that of the damaskini. The relevance of this result is, of course, limited by the size of the sample, as well as the representative value of the selection. Future studies including more texts or text traditions will show relations between literary varieties more clearly. The result also does not say anything about “natural” or “artificial” character of the norm Xrulev followed. The analysis allows us to assume that the *simple Bulgarian* grammatical norm seems to have been quite stabilized even before the codification of the first “modern” grammar by Bogorov. This can be observed in spite of the orthographic variety of the sources following this norm.

What can be said then of this “artificial” *Slavenobulgarian*? Among our sources, this variety is represented by three sources (NBKM 328, PPS and [Nedělnik 1806]), all of which form the cluster (b) in Figure (3) above. Two of them were produced by men from Eastern Bulgarian dialectal areas—Josif Bradati from Elena and Sophronius from Kotel (both in the Eastern Subbalkan area). Yet the dialectal background is only one of the factors. Bradati

travelled extensively in the West, studying (and adapting his texts to) the language of the people around Rila, Vratsa and Eastern Macedonia. Sophronius was educated in Kotel, but most of his literary activity comes from his stays in Vidin and Vratsa in Northwest Bulgaria. Both these areas were parts of the former Peć Patriarchate, where Church Slavonic was likely still used. But it is also reasonable to assume that in their activities both Josif Bradati and Sophronius were influenced by the local dialects of their immediate audience. From the point of view of these dialects, their native Eastern speech likely sounded too foreign to the audience—with all the articles and the lack of inflection. The only one of these authors who wrote in his native dialect was Punčo [Шаяп 1970: 62]. As the sources by Bradati and Sophronius are close to his texts from the linguistic point of view, we may assume the *Slavenobulgarian* may indeed have been based on dialects of the Northwest.

This basis—both from the point of view of geography and the number of potential recipients—was likely much smaller than that of the standard proposed by the “demagogues”. The cluster (a) in the Figure (3) contains sources which can be reliably attributed to the various locations in a wide area from Macedonia (if we include *NBKM* 728) to Sliven—the majority of the whole Balkan Slavic area. Furthermore, the changes the “tyrants” applied to the literary language were actually more innovative than the standard proposed by the “demagogues”. They parted ways both with the *damaskini* and with the Church Slavonic literature. It was not so much a more conservative alternative, but rather a model based on different dialectal area and without an old literary tradition. *Slavenobulgarian* was also not normatively stabilized enough: the linguistic differences between *NBKM* 328 and other sources of this tradition, as seen in Figure (4), are not small. Finally, historical events in the Northwest in the second half of the 18th century (like the abolishment of the Peć Patriarchate in 1767 and the rebellion of Osman Pazvantoglu in 1790s) did not provide good conditions for cultural and political integration, and hence the propagation of an overarching literary norm. Although many cultural centers in the Western area like Samokov, Vratsa or the Rila monastery produced followers for Bradati, in the long run they remained an isolated school. Bradati’s students from the more eastern areas adapted his translations to a language closer to that of the *damaskini*.

8. Conclusion

Our study offers a method for measuring the spread of norms of a literary language among the writing community. The literary networks were likely not based on common schooling or source texts, but rather on mutual comprehensibility. Norms would be accepted so far as the texts produced under their influence were reproducible. When the text started to sound foreign, it

would provoke correctors—like Bradati’s students in the East or Xrulev, when adapting *Nedělník* to a language more similar to his Eastern Bulgarian dialect. The idea of “mistakes” which have to be corrected did indeed exist even before Neophyte’s grammar. From an evolutionary point of view, *Slavenobulgarian* was a new form, which lacked appeal or comprehensibility in the East—at least in comparison to the *simple Bulgarian* texts in the Northwest. While Josif Bradati and Sophronius were certainly very active writers, contributing greatly to the literature and learning of their time, they still remained too regionally inclined. In their time, the *simple Bulgarian* of the damaskini was already a literary norm affecting multiple dialectal areas, even in spite of the lack of schooling and orthographic experiments.

In short, *simple Bulgarian* of the damaskini was indeed a kind of a standardized language. The competing *Slavenobulgarian* did not stand a chance. The standardization in the 19th century was more or less a mere orthographic reform. Thus, newer literature can also be taken as a relevant source for the developments of Balkan Slavic dialects.

Bibliography

Primary sources

Abagar

Станиславов Ф., [Абагар], Свети Град, 1651.

Berl.d.

[Berlin damaskin], Cracow, Library of Jagellonian University, sign. Slav. fol. 36.

Kopr.d.

Милетич Л. (ед.), *Коприщенски дамаскин: новобългарски паметник от XVII век* (= Български старини, 2), София, 1908.

Loveč d.

Ловешки дамаскин, XVII в., Digital edition by National Library of Bulgaria. Available online: https://histdict.uni-sofia.bg/textcorpus/show/doc_192 (accessed 14.10.2021).

Ljub.d.

[Ljubljana damaskin], *Zbornik „Damaskin“, bolgarski*, Ljubljana, National and University Library of Slovenia, sign. NUK Cod. Kop. 21.

NBKM 328

Дамаскин от 1750 г., Sofia, National Library of Bulgaria, sign. НБКМ 328.

NBKM 709

Дамаскин (сливненски) от XVII в., Sofia, National Library of Bulgaria, sign. НБКМ 709.

NBKM 728

Откъсlek от простонароден дамаскин, век XIX, Sofia, National Library of Bulgaria, sign. НБКМ 728.

NBKM 1064

Дамаскин, от края на XVIII или началото на XIX в., Sofia, National Library of Bulgaria, sign. НБКМ 1064.

Nedělnik 1806

Софроний Врачански, еп., *Кириакодромион сиреч Неделник – Поучение*, Римник, 1806.

Nedělnik 1856

Софроний Врачански, еп., *Евангелие поучително*, Т. Т. Хрулев, пр., Нови Сад, 1856.

PPS

Поп-Пунчов сборник от 1796 год., Sofia, National Library of Bulgaria, sign. НБКМ 693.

Rostovski 1689

[Димитрій Ростовскій, еп.] *[Книга житий святых...на три м[е]с[я]цы первыя]*, [Киев], 1689.

Svišt.d.

Милетич Л., ед., *Свищовски дамаскин: новобългарски паметник от XVII век* (= Български старини, 7), София, 1923.

Šimko 2021

Annotated Corpus of Pre-Standardized Balkan Slavic Literature, ver. 1.1. Slovenian language resource repository CLARIN.SI (<http://hdl.handle.net/11356/1368>).

Tixon.d.

Демина Е. И., *Тихонравовский дамаскин: болгарский памятник XVII в.: исследования и текст*, 2, София, 1972.

Trojan d.

Иванова А., *Троянски дамаскин: български паметник от XVII век*, София, 1967.

Thēsauros 1751

Δαμασκηνος Στουδιτης, *Θησαυρος Δαμασκηνον*, Ενετια, 1751.

Vuković 1536

[Zbornik za putnike, Venecia, 1536].

Аргиров 1895

Аргиров С., Люблянският български ръкопис от XVII век, *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*, 12, София, 1895, 463-560.

Иванов 1914

Иванов Й., стък., *История Славяноболгарская*, София, 1914.

Наредба 1945

Наредба-закон за правописа, *Държавен вестник*, 47, 27.2.1945.

Упътване 1899

Упътване за общо правописание, София, 1899.

Literature

Anderson 2006

Anderson B., *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London, New York, 2006.

Barth 1969

Barth F., *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*, Boston, 1969.

Belić 1905

Belić A., *Dijalekti istočne i južne Srbije*, Beograd, 1905.

Bourdieu 1991

Bourdieu P., *Language and Symbolic Power*, tr. by G. Raymond and M. Adamson, Oxford, 1991.

Derksen 2008

Derksen R., *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon* (= Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, 4), Leiden, Boston, 2008.

Fielder 2019

Fielder G. E., The Semiotics of Ideology: The Definite Article Rule in Bulgarian, *Balkanistica*, 32/2, 2019, 45–70.

Friedman 1986

Friedman V. A., Macedonian Language and Nationalism During the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, *Macedonian Review*, 16/3, 1986, 280–292.

——— 2006

Friedman V. A., Balkans as a Linguistic Area, K. Brown, ed., *Encyclopedia of Language and Linguistics*, 2nd ed., 1, Oxford, 2006, 657–672.

——— 2017

Friedman V. A., Language Ideology and Language Change in the Balkans: A View from the Early Twenty-First Century, *Die Welt der Slaven*, 62/1, 2017, 1–21.

Fuchsbaauer 2010

Fuchsbaauer J., *Die Übertragung der Dioptra ins Slavische* (Dissertation, Universität Wien, 2010).

Haarmann 1976

Haarmann H., *Aspekte der Arealtypologie: die Problematik der europäischen Sprachbünde*, Tübingen, 1976.

Handelman 1977

Handelman D., The Organization of Ethnicity, *Ethnic Groups*, 1(3), 1977, 187–200.

Hastings 1997

Hastings A., *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*. Cambridge, 1997.

Hobsbawm 1990

Hobsbawm E., *Nations and nationalism since 1780: programme, myth, reality*. Cambridge, 1990.

Hroch 1985

Hroch M., *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*, B. Fowkes, trans., Cambridge, 1985.

Irvine, Gal 2000

Irvine J. T., Gal S., Language Ideology and Linguistic Differentiation, P. V. Kroskrity, ed., *Regimes of language: Ideologies, politics, and identities*, Santa Fe, 2000, 35–84.

Jagić 1877

Jagić V., Kako se pisalo bugarski prije dvjesti godina, *Starine*, 9, Zagreb, 1877, 137–171.

Karadžić 1974

Karadžić V. S., *Kleine Serbische Grammatik* (= Sagners Slavistische Sammlung, 1), übers. J. Grimm, München, 1974 [repr. 1824].

Kaur 2014

Kaur D., A Comparative Study of Various Distance Measures for Software fault prediction, *International Journal of Computer Trends and Technology*, 17/3, 2014, 117–120.

Leake 1814

Leake W. M., *Researches in Greece*, London, 1814.

Lunt 1952

Lunt H. G., *A Grammar of the Macedonian Literary Language*, Skopje, 1952.

——— 2001

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th ed., Berlin, 2001.

Miklošić 1871

Miklošić F., *Trojanska priča, bugarski i latinski*, Zagreb, 1871.

Milroy 1999

Milroy J., Milroy L., *Authority in Language: Investigating Standard English*, London, New York, 1999.

Mladenova 2007

Mladenova O. M., *Definiteness in Bulgarian: Modelling the Process of Language Change* (= Trends in Linguistics: Studies and Monographs, 182), Berlin, New York, 2007.

Radeva 2003

Radeva V., hg., *Bulgarische Grammatik: Morphologisch-syntaktische Grundzüge*, Hamburg, 2003.

Schleicher 1983

Schleicher A., *Die Sprachen Europas in systematischer Übersicht: linguistische Untersuchungen* (= Amsterdam Classics in Linguistics, 4), Amsterdam, Philadelphia, 1983.

Skok 1971

Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, Zagreb, 1971.

Sobolev 1996

Sobolev A. N., Das Sprachgrenzenproblem im Balkanslavischen, H. Schaller., K. Haralampieff, W. Gesemann, *Sprache und Politik: Die Balkansprachen in Vergangenheit und Gegenwart* (= Südosteuropa-Jahrbuch, 27), München, 1996, 59–74.

Sonnenhauser 2015

Sonnenhauser B., Functionalising syntactic variance declarative complementation with *kako* and *če* in 17th to 19th century Balkan Slavic, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 3, 2015, 41–72.

Stefanov 2008

Stefanov P., The Beginning of Bulgarian Printing (On the Occasion of its 500th Anniversary), *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*, 28/2, 2008, 59–67.

Tomić 2006

Tomić O. M., *Balkan Sprachbund Morpho-syntactic Features* (= Studies in Natural Language and Linguistic Theory, 67), Dordrecht, 2006.

Trunte 2018

Trunte N., *Kirchenslavisch in 14 Lektionen* (= Studienhilfen, 19), Wien, 2018.

Tsibranska-Kostova 2016

Tsibranska-Kostova M., *Абазарът на Филип Станиславов: от артефакта към езиковия ресурс*, *Zeszyty Cyrylo-Methodiańskie*, 5, 2016, 6–23.

Vuković 2020

Vuković T., Degrees of non-standardness. Feature-based analysis of variation in a Torlak dialect corpus, *Journal of Corpus Linguistics*, 2020 (forthcoming).

Weber 1976

Weber E., *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France 1870–1914*, Stanford, 1976.

Андрейчин 1944

Андрейчин Л., *Основна българска граматика*, София, 1944.

——— 1977

Андрейчин Л., *Из историята на нашето езиково строителство*, София, 1977.

Берович 1824

Берович П. X., *Буквар с различни поучения*, 1824.

Богоров 1844

Богоров И., *Първичка българска граматика*, Букурещ, 1844.

Бончев 1952

Атанасий (Бончев), арх., *Църковнославянска граматика*, София, 1952.

Велчева 1964

Велчева Б., Показателни местоимения и наречия в новобългарските паметници от XVII и XVIII в., *Известия на института за български език*, 10, София, 1964, 159–233.

——— 1966

Велчева Б., Норма и традиция в българския книжовен език от XVI-XVIII в., *Български език*, 2, 1966, 110–121.

Венелин 1838

Венелин Ю., *О зародыще новой болгарской литературы*, Москва, 1838.

Вълчев 2008

Вълчев Б., *Възрожденските граматика на българския език* (= Университетска библиотека, 477), София, 2008.

Вътов 2001

Вътов В., *Езикът на Софроний Врачански*, В. Търново, 2001.

Гълъбов 1968

Гълъбов И., Ранни школи за стария български книжовен език, *Български език*, 2–3, 1968, 141–148.

Демина 1968

Демина Е. И., *Тихонравовский дамаскин: болгарский памятник XVII в.: исследования и текст*, 1, София, 1968.

——— 1985

Демина Е. И., *Тихонравовский дамаскин: болгарский памятник XVII в.: исследования и текст*, 3, София, 1985.

Дринов 1911

Златарски В. Н., изд., *Трудове на М. С. Дринова*, 2, София, 1911.

Кайперт 2017

Кайперт Г., Церковнославянский язык: круг понятий, *Slověne*, 1, 2017, 8–75.

Керемедчиев 1943

Керемедчиев Г., *Борба за книжовен език и правопис*, София, 1943.

Конески 1967

Конески Б., *Граматика на македонскиот литературен јазик*, Скопје, 1967.

Маслов 1981

Маслов Ю. С., *Грамматика болгарского языка*, Москва, 1981.

Миронова 2010

Миронова Т. Л., *Церковнославянский язык*, Москва, 2010.

Мирчев 1978

Мирчев К., *Историческа граматика на българския език*, София, 1978.

Мисирков 1903

Мисирков К. П., *За македонските работи*, София, 1903.

Младенов 1963

Младенов М. Сл., Членувани прилагателни форми на -ий в североизточните български говори, *Български език*, 4–5, 1963, 404–410.

Момчилов 1868

Момчилов И., *Грамматика за новобългарския език*, Русчук, 1868.

Павлович 1836

Павлович Х., *Грамматика славено-болгарска*, Будим, 1836.

Петканова-Тотева 1965

Петканова-Тотева Д., *Дамаскините в българската литература*, София, 1965.

Пуљевски 1875

Пуљевски Ђ. М., *Речник од три језика - С. Македонски, Арбански, и Турски*, Београд, 1875.

Рилски 1989

Неофит Рилски, *Болгарска Грамматика*, Крагуевац, 1835. [repr.: R. von Olesch, hrsg., nachdr., Neofit Rilski, *Bolgarska grammatika* (= Slavistische Forschungen, 41), Köln, Wien, 1989].

Смотрицкий 1648

Смотрицкий М. Г., *Грамматика*, Москва, 1648.

Стойков 1993

Стойков Ст., *Българска диалектология*, София, 1993.

Христова 1991

Христова Б., За ресавските български ръкописи от XV–XVIII век, *Старобългаристика*, 4, 1991, 50–56.

Хрулев 1859

Хрулев Т. Т., *Българска грамматица: За ръководство на българските юноши*, Букуреш, 1859.

Шаур 1970

Шаур В., *Поп-Пунчов сборник как источник историко-диалектологических исследований*, Praha, 1970.

Ягич 1895

Ягич И. В., Книга Константина философа и грамматица о писменех, Idem, *Разсуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке* (= Исследования по русскому языку, 1), С.-Петербург, 1895, 366–581.

References

Anderson B., *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London, New York, 2006.

Andreychin L., *Iz istoriata na nasheto ezikovo stroitelstvo*, Sofia, 1977.

Andreychin L., *Osnovna bulgarska gramatika*, Sofia, 1944.

Athanasius (Bonchev), arch., *Tsurkovnoslavianska gramatika*, Sofia, 1952.

Barth F., *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*, Boston, 1969.

Bourdieu P., *Language and Symbolic Power*, tr. by G. Raymond and M. Adamson, Oxford, 1991.

Demina E. I., *Tikhonravovskii damaskin: bolgarskii pamiatnik XVII v.: issledovaniia i tekst*, 1, Sofia, 1968.

Demina E. I., *Tikhonravovskii damaskin: bolgarskii pamiatnik XVII v.: issledovaniia i tekst*, 3, Sofia, 1985.

Derksen R., *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon* (= Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, 4), Leiden, Boston, 2008.

Fielder G. E., The Semiotics of Ideology: The Definite Article Rule in Bulgarian, *Balkanistica*, 32/2, 2019, 45–70.

Friedman V. A., Balkans as a Linguistic Area, K. Brown, ed., *Encyclopedia of Language and Linguistics*, 2nd ed., 1, Oxford, 2006, 657–672.

Friedman V. A., Language Ideology and Language Change in the Balkans: A View from the Early Twenty-First Century, *Die Welt der Slaven*, 62/1, 2017, 1–21.

Friedman V. A., Macedonian Language and Nationalism During the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, *Macedonian Review*, 16/3, 1986, 280–292.

Gulubov I., Ranni shkoli za stariia bulgarski knizhoven ezik, *Balgarski ezik*, 2–3, 1968, 141–148.

Haarmann H., *Aspekte der Arealtypologie: die Problematik der europäischen Sprachbünde*, Tübingen, 1976.

Handelman D., The Organization of Ethnicity, *Ethnic Groups*, 1(3), 1977, 187–200.

Hastings A., *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*. Cambridge, 1997.

Hobsbawm E., *Nations and nationalism since 1780: programme, myth, reality*. Cambridge, 1990.

Hristova B., Za resavskite bulgarski rukopisi ot XV–XVIII vek, *Palaeobulgarica*, 4, 1991, 50–56.

Hroch M., *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*, B. Fowkes, trans., Cambridge, 1985.

Irvine J. T., Gal S., Language Ideology and Linguistic Differentiation, P. V. Kroskrity, ed., *Regimes of language: Ideologies, politics, and identities*, Santa Fe, 2000, 35–84.

Karadžić V. S., *Kleine Serbische Grammatik* (= Sagners Slavistische Sammlung, 1), übers. J. Grimm, München, 1974 [repr. 1824].

Kaur D., A Comparative Study of Various Distance Measures for Software fault prediction, *International Journal of Computer Trends and Technology*, 17/3, 2014, 117–120.

Keipert H., Conceptions of Church Slavonic, *Slovēne*, 1, 2017, 8–75.

Keremedchiev G., *Borba za knizhoven ezik i pravopis*, Sofia, 1943.

Koneski B., *Gramatika na makedonskiot literaturn jazik*, Skopje, 1967.

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th ed., Berlin, 2001.

Lunt H. G., *A Grammar of the Macedonian Literary Language*, Skopje, 1952.

Maslov Iu. S., *Grammatika bolgarskogo iazyka*, Moscow, 1981.

Milroy J., Milroy L., *Authority in Language: Investigating Standard English*, London, New York, 1999.

Mirchev K., *Istoricheska gramatika na bulgarskiia ezik*, Sofia, 1978.

Mironova T. L., *Tserkovnoslavianskii iazyk*, Moscow, 2010.

Mladenov M. Sl., Chlenuvani prilagatelni formi na -ii v severoiztochnite bulgarski govori, *Balgarski ezik*, 4–5, 1963, 404–410.

Mladenova O. M., *Definiteness in Bulgarian: Modelling the Process of Language Change* (= Trends in Linguistics: Studies and Monographs, 182), Berlin, New York, 2007.

Olesch R., von, hrsg., Neofit Rilski, *Bolgarska grammatika* (= Slavistische Forschungen, 41), Köln, Wien, 1989.

Petkanova-Toteva D., *Damaskinite v bulgarskata literatura*, Sofia, 1965.

Radeva V., hg., *Bulgarische Grammatik: Morphologisch-syntaktische Grundzüge*, Hamburg, 2003.

Saur V., *Pop Puncov sbornik kak istocnik istoriko-dialektologiceskich issledovanij*, Praha, 1970.

Schleicher A., *Die Sprachen Europas in systematischer Übersicht: linguistische Untersuchungen* (= Amsterdam Classics in Linguistics, 4), Amsterdam, Philadelphia, 1983.

Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, Zagreb, 1971.

Sobolev A. N., Das Sprachgrenzenproblem im Balkanslavischen, H. Schaller., K. Haralampieff, W. Gesemann, *Sprache und Politik: Die Balkansprachen in Vergangenheit und Gegenwart* (= Südosteuropa-Jahrbuch, 27), München, 1996, 59–74.

Sonnenhauser B., Functionalising syntactic variance declarative complementation with *kako* and *če* in 17th to 19th century Balkan Slavic, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 3, 2015, 41–72.

Stefanov P., The Beginning of Bulgarian Printing (On the Occasion of its 500th Anniversary), *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*, 28/2, 2008, 59–67.

Stoykov St., *Bulgarska dialektologija*, Sofia, 1993.

Tomić O. M., *Balkan Sprachbund Morpho-syntactic Features* (= Studies in Natural Language and Linguistic Theory, 67), Dordrecht, 2006.

Trunte N., *Kirchenslavisch in 14 Lektionen* (= Studienhilfen, 19), Wien, 2018.

Tsibranska-Kostova M., Abagarut na Filip Stanislavov: ot artefakta kum ezikoviia resurs, *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie*, 5, 2016, 6–23.

Velcheva B., Norma i traditsiya v bulgarskiya knizhoven ezik ot XVI–XVIII v., *Balgarski ezik*, 2, 1966, 110–121.

Velcheva B., Pokazatelni mestoimeniia i narechiia v novobulgarskite pametnitsi ot XVII i XVIII v., *Papers of the Institute for Bulgarian Language*, 10, Sofia, 1964, 159–233.

Vülchev B., *Bulgarian language grammar from the period of the national revival* (= Universitetska biblioteka, 477), Sofia, 2008.

Vütov V., *Ezikut na Sofronii Vrachanski*, V. Tar-novo, 2001.

Weber E., *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France 1870–1914*, Stanford, 1976.

Ivan Šimko, Ph.D.

Universität Zürich

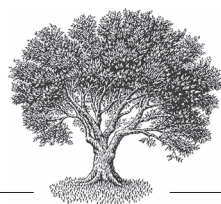
Slavisches Seminar

Plattenstrasse 43,

CH-8032, Zürich

Die Schweiz / Switzerland

Received February 22, 2021

The semantic profile of the verbal prefix *do-* in Bulgarian and Croatian

Svetlana Nedelcheva

Shumen University,
Bulgaria

Ljiljana Šarić

University of Oslo,
Norway

Семантический профиль глагольного префикса *до-* в болгарском и хорватском языках

Светлана Неделчева

Шуменский университет,
Болгария

Лиляна Шарич

Университет Осло,
Норвегия

Abstract

This is a comparative study of the verbal prefix *do-* in two South Slavic languages, Bulgarian (Blg.) and Croatian (Cro.). Although these two languages show many similarities in the meaning of the verb stems and prefixation patterns, there are some unusual differences that may confuse foreign learners of Slavic, who expect identical or similar base verbs to combine with the same prefixes. The cognitive linguistics framework allows us to approach these differences systematically. We apply it to two databases of Blg. and Cro. prefixed verbs developed for the purposes of this research and extracted from reference books, dictionaries, and online corpora.

We systematise *do-* verbs in a semantic network and account for both the overlapping meaning categories and the differences between the two languages studied, taking into consideration prefixes semantically similar to *do-* that

Citation: Nedelcheva S., Šarić L. (2021) The semantic profile of the verbal prefix *do-* in Bulgarian and Croatian. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 252–276.

Цитирование: Неделчева С., Шарич Л. Семантический профиль глагольного префикса *до-* в болгарском и хорватском языках // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 252–276.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.10

combine with the same base verbs to form near-synonyms of *do-* verbs. We point to prefix variation as ensuing from different perspectives on the same event.

Keywords

verbal prefixes, prefixal semantics, the prefix *do-*, Bulgarian, Croatian

Резюме

В статье проводится сопоставительное исследование глагольного префикса *do-* в двух южнославянских языках: болгарском (Blg.) и хорватском (Cro.). Хотя эти два языка обнаруживают много общего в значении основ глаголов и шаблонов префиксов, в них существуют и некоторые специфические различия, затрудняющие иностранцев, изучающих славянский язык, которые ожидают, что идентичные или похожие базовые глаголы будут сочетаться с одинаковыми префиксами. Рамки когнитивной лингвистики позволяют нам систематически подойти к этим различиям. Мы рассматриваем их применительно к двум соответствующим, разработанным для целей данного исследования, базам данных с префиксными глаголами, взятыми из справочников, словарей и онлайн-корпусов.

Глаголы объединяются в семантическую сеть, учитывая как перекрывающиеся смысловые категории в двух исследуемых языках, так и различия, имея в виду префиксы, семантически похожие на *do-*, которые сочетаются с одними и теми же базовыми глаголами, образуя почти синонимические *do-*глаголы. Указывается на вариативность префикса как вытекающую из разных точек зрения одного и того же события.

Ключевые слова

глагольные префиксы, семантика префиксов, префикс *do-*, болгарский язык, хорватский язык

1. Introduction

This study focuses on the verbal prefix *do-* in two South Slavic languages, Bulgarian (Blg.) and Croatian (Cro.), in a cognitive linguistics framework using two databases of prefixed verbs extracted from dictionaries, reference books, and online corpora.

Our interest in the meanings of prefixed verbs in very similar languages, such as those belonging to the South Slavic group, stems from the fact that similar languages do not necessarily follow the same pattern in verbal prefixation. Similar languages exhibit unusual differences in the conceptualisation of space that many prefixed verbs reflect. The systematic approach to these differences that we undertake contributes to understanding the structure and meaning of Slavic prefixed verbs. A comparative approach is also valuable in teaching: students of Slavic languages erroneously expect similar prefixes to combine with similar base verbs across Slavic, and they expect identical “nodes”; that is, meanings in the semantic

networks of prefixes in closely related Slavic languages. However, in our study we found unexpected variation in the prefix choice even with very similar verb stems.

There are a few comparative studies on Slavic prefixes: by Dickey [2011; 2012] on *po-*, [Idem 2005] on *s-/z-*, and [Idem 1999] on *za-*; Mitkovska and Bužarovska [2012] on *nad-*; Šarić and Tchizmarova [2013] on *od-/ot-*; and Šarić and Nedelcheva [2015] on *o(b)-*, and [Eadem 2018] on *u-*. However, *do-* has not been studied in a comparative manner. Nedelcheva [2010] studies the cognate preposition *do* in Blg. using the semantic network of the English preposition *to* as a background reference. Her analysis shows a partial overlap in the networks of the Blg. prefix and the preposition.¹ The prefix's network, however, is further extended in the abstract domain (see Section 3).

Traditionally, *do-* is associated with the 'terminative' meaning, which corresponds to the grammatical meaning (with which the notion of "empty prefixes" is linked) as opposed to the lexical prefixes [Vinogradov 1947; Bogusławski 1960; Isačenko 1962] and similarly to the distinction between modifying (superlexical) and qualifying (lexical) prefixes.² According to this traditional perspective, the fact that the prefix has a clearly aspectual meaning suggests that the prefix is superlexical. Kagan [2012: 207–208] supports this view, claiming at the same time that *do-* in Russian, similarly to lexical prefixes, is perfectly compatible with secondary imperfectivization (e.g., *dočítat'* – *dočítývat'* 'finish reading'). This double function is also perceived by Tatevosov [2008: 425], who argues that *do-* is an intermediate prefix.³

The terminative meaning of *do-* is also acknowledged by Filip [2000: 77], who presents the case of the Russian perfective verb *do-pisat'* PF 'finish writing', formed with the prefix *do-* from the imperfective *pisat'* IMPF 'write / be writing'. In Slavic languages, *do-* 'to' is associated with the terminative meaning due to its relation to the cognate preposition's spatial meaning; that is, indicating a limit on a PATH, as in Blg. *vărvi* IMPF *do dărvoto* 'walk to the tree'.

Focusing on Slavic prefixed verbs, Biskup [2019] attests a common meaning—adding something to something—with some *do-* verbs in Russian and Czech; for instance, *do-kupit'* – *do-koupit'* 'buy in addition / some more', *do-pisat'* – *do-psat'* 'add a line'. Furthermore, he interprets the second example as having the completive superlexical meaning 'finish the / a line'.

¹ From a historical point of view, *do* is a typical example of the grammaticalization process [Halliday 1961] because it has passed from an item with the grammatical function of a preposition (e.g., Blg. *Knigata e do čantata* 'The book is next to the bag') to a spatial prefix (e.g., Blg. *dovleka* 'drag to a certain place'), and it has also developed nonspatial meanings such as ADD (e.g., Blg. *dosolja* 'put more salt in').

² Consider, however, also Maslov [1958], Van Schooneveld [1959], Filip [1999], Endresen et al. [2012], and Janda and Lyashevskaya [2012] for the opposite view.

³ Studying multiple prefixation in Blg., Markova [2011: 244] distinguishes three types of prefixes—lexical (idiosyncratic), inner (argument structure-related), and outer (adverbial)—and shows that they surface in a fixed order: [outer [inner [lexical]]].

Bajec [1994], when describing the Slovenian prefixes *do-* and *pri-*, assign a spatial GOAL (directed-motion) meaning and the terminative meaning to *do-*.⁴ Consequently, they claim that in directed-motion verbs, as in *do-jadrati* ‘finish sailing (by reaching the end; that is, the shore)’, *do-* has more of a terminative meaning than a ‘proper’ productive goal (directed-motion) meaning, such as *pri-jadrati* ‘arrive by sailing’.

Dickey [2010: 97] studies Blg. and BCS verbs of motion prefixed with *do-* ‘up to’ and contrasts them with verbs of motion prefixed with *pri-*, concluding that that *do-* verbs “do not assert contact with the goal, that is, crossing its boundary, but express only the traversal of a trajectory up to the goal.”

Janda [1986] offers an interesting case study of the very productive Russian prefix and suffix combination *do*-verb-*sja*, which expresses the meaning of *excess*. However, similar constructions with *-sja* and other prefixes, such as *za*-verb-*sja*, *pere*-verb-*sja*, and *ot*-verb-*sja*, also denote excess. It occurs that the meaning of the base verb and the surroundings in which it appears (adverbs, complements, and other modifiers) favour the use of one prefix and make the others infelicitous.

We take these insights into consideration in what follows, focusing on *do-* verbs and creating their semantic network, but also pointing out prefix variation in Blg. and Cro. verbs sharing the same meaning.

2. Material and method

We approach prefixes as networks of interrelated meanings, assuming that prefixes’ concrete spatial meanings motivate abstract meanings via different processes, such as metaphorical and metonymic extensions.

We created the semantic networks of *do-* verbs in Blg. and Cro. based on two databases, one for each language. The Blg. verb corpus used in this research was constructed in three stages. First, all the verbs prefixed with *do-* were extracted from the *Bulgarian Dictionary* [Bulgarian Dictionary] and *Eurodict* (an online multi-lingual dictionary containing 60,000 Blg. words) [Eurodict]. Second, the total of 278 *do-* verbs found in the two dictionaries was compared to the verb entries in Pashov’s [1966] comprehensive study on Blg. verbs. As a result, 208 new *do-* verbs were added to the database. In the third stage, the verbs’ frequencies were checked in the Bulgarian National Corpus (BulNC),⁵ but 65 *do-* verbs exhibited zero frequency and were additionally checked on the internet. Ten of these verbs were attested online and the final number of *do-* verbs in the Blg. database grew to 437.

The initial database for Cro. (around 250 *do-* verbs) was collected from the Croatian-English dictionary by Bujas [2001].⁶ A list of *do-* verbs was also

⁴ *Pri-* is only assigned the directed-motion meaning.

⁵ The BulNC core consists of approximately 1.2 billion words and more than 240,000 texts.

⁶ The reason for choosing Bujas was the fact that it provides many more prefixed verbs

generated from the HrWaC corpus⁷ and compared to Bujas. Around 50 verbs from Bujas were not found in HrWaC, but instead additional 104 verbs were found. The frequencies of all the verbs found in HrWaC were examined in August 2018. The final database of Cro. verbs includes 363 verbs:⁸ among these are 119 verbs with more than 50 occurrences, and 90 verbs with fewer than five occurrences in HrWaC.⁹ For a few verbs included in the database, the relation of the prefix and the base verbs originally seemed ambiguous (e.g., Cro. *dobiti* ‘get’); however, the etymological information suggests that *do-* is a prefix¹⁰ in these verbs, and we decided to keep them in the database.

We examined the verbs in both databases in detail to establish both the dominant and less frequent meanings. At the initial stage, in assessing which meanings are represented in a large number of verbs and thus dominant, we used dictionary descriptions of verbs’ meanings, examined corpora and internet examples, and used our own intuition. The Blg. verbs were first divided into dynamic verbs (e.g., *dolazja* ‘crawl to a place’, *dopluvam* ‘swim to a place’) and state verbs (e.g., *dotrjavva mi* ‘feel sth is necessary’, *doiska mi se* ‘want’). In the Blg. database only 23 verbs are state verbs; the remaining 414 denote various kinds of activity.

After examining the Cro. database, we noticed that *do-* attaches to numerous self-motion (locomotion) and caused-motion verbs to denote MOVE UP TO: 133 self-motion verbs (e.g., *dotrčati* ‘run (up) to’ and 31 caused-motion verbs (e.g., *donijeti* ‘bring’) were identified; 11 are both (e.g., *dovući (se)* ‘drag’, which is a self-motion verb when used with the reflexive *se*). Some verbs in these groups express some other meanings as well, but in this rough first classification we concentrated on the dominant meaning (the first one given in dictionary descriptions and/or the meaning attested in the majority of examples in the corpus samples). The Blg. database showed 65 motion verbs, 33 of them self-motion *do-* verbs, 20 caused-motion verbs; among these 53 verbs are 10 verbs that can express either caused motion or self-motion, depending on the presence or absence of the reflexive *se* (e.g., *domākna (se)* ‘tug (oneself) to a certain place’). There are two additional sub-groups in the motion verb group, expressing motion up to a point in time (six verbs) and reaching an abstract goal after overcoming obstacles (six verbs). We consider verbs denoting motion very important because we assume that the meaning of concrete spatial motion affects the abstract meanings of *do-* verbs.

than other one-volume dictionaries, and it also includes colloquial widely used verbs.

⁷ Available at: https://www.clarin.si/noske/_HrWaC consists of over 1.2 billion words.

⁸ A few verbs from Bujas and/or HrWaC were excluded because their relation to the prefix *do-* was rather unclear.

⁹ The number of occurrences for many verbs is approximate because many verb forms with spelling errors are not included in the final count.

¹⁰ See the online dictionary HJP: <http://hjp.znanje.hr/>.

A second important group, ADD (104 Blg. *do*- verbs and 81 Cro. *do*- verbs), contains material process verbs, creation verbs, and base verbs denoting activities requiring agents' (intentional) acting on diverse objects, which leads to changes in these objects (e.g., the material process verb Blg. *stroja*, Cro. *graditi* 'build'). Added to similar verbs, *do*- contributes the meaning 'do some more of *x*, add/increase quantity by doing *x*', where *x* stands for the base verbs' actions (e.g., Blg. *dostroja*, Cro. *dograditi* 'build more'). The third significant group (Blg. 216 verbs, Cro. 54 verbs) indicates ACHIEVE/FINISH the last segment of. The meanings of the second and third group overlap in some verbs (Blg. 27, Cro. nine). Furthermore, 10 Cro. verbs indicate GET HOLD OF and two indicate CONTACT, whereas reaching metaphorical goals (e.g., a solution in a mental activity) and different types of boundaries (e.g., emotional, temporal) are expressed by 32 Cro. verbs. The Blg. database contains 40 verbs that denote ADD to reach different kinds of boundaries (concrete or abstract: temporal, emotional, etc.); five signify GET HOLD OF and five CONTACT.

While working out the semantic network (see Figure 1) in the second stage, we took into consideration the meanings represented by a large number of verbs, as well as those represented by a fair or low number of verbs (these are all included in Figures 2 and 3). By doing this, we aim to systematically account for transformations of the meaning and relations between different meanings no matter how many verbs they are represented in. (The "centers of gravity" of the meaning groups are shown in Figures 3 and 4.)

3. The semantic networks of Bulgarian and Croatian *do*- verbs

The semantic network constructed on the basis of the meanings identified in the two databases in Figure 1 shows the similarities and overlapping categories, as well as the differences between Blg. and Cro. *do*- verbs. The labels of the meanings of *do*- verbs correspond to the meaning contributed by the prefix *do*- in its specific combination with the meaning of the base verb. The lines indicate the interconnectedness of the subcategories; the dashed line marks the experiential correlation between adding up until reaching a boundary and finishing an activity. We find intersecting points between the networks in the categories MOVE UP TO, CONTACT, FINISH, and ADD. In Blg., one more category is attested: FEEL LIKE (see the gray box in Figure 1).

In the following sub-sections, we discuss the differences and similarities between Blg. and Cro. *do*- verbs. We consider prefixes semantically similar to *do*- (in each one of the languages and in both of them) that combine with the same bases to form either prefixed near-synonyms (e.g., Blg. *dočeta* vs. *pročeta* 'finish reading'; Cro. *dospjeti* vs. *prispjeti* 'arrive'). We also pay attention to the prefix variation in seemingly near-synonymous verbs (e.g., Blg. *do-stigam*, *na-stigam* 'reach', *pri-stigam* 'arrive'; Cro. *do-vesti* 'bring', *pri-vesti* 'arrest',

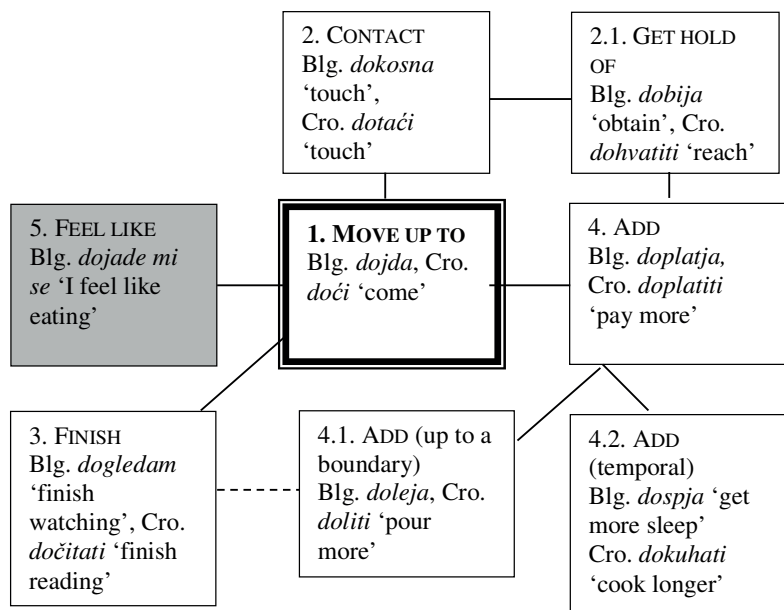

Figure 1. The semantic network of Blg. and Cro. *do-* verbs

na-vesti ‘inveigle; quote; state’). We examine the overlap of the meanings of prefixes semantically related to *do-* (e.g., *na-*, *pri-*) within one language and across the two languages, as well as the prefix variation that we consider to be a result of different construals of the same event.

4. Polysemy and semantic classification of *do-* verbs in Bulgarian and Croatian: discussion

The central spatial schema of the prefix *do-* coincides with the *to* schema as described by Tyler and Evans [2003: 146–150] in their methodological framework of the Principled Polysemy model.

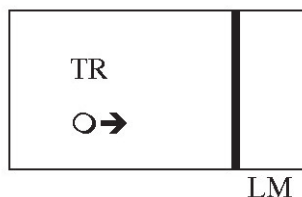
4.1 MOVE UP TO

Tyler and Evans [2003] define *to* as signaling a relation between a TR¹¹ “oriented with respect to a highlighted LM” [Eidem 2003: 149].

Figure 2, adapted from Tyler and Evans [2003: 148], illustrates the proto-scene for *to* that can also be applied to *do-*. The orientation of the TR is represented by an arrow. The functional element of the highlighted LM is a *goal*.¹²

¹¹ The terms *trajector* (TR) and *landmark* (LM) originate from Langacker’s Cognitive Grammar [1987]. A TR is the located object, and the LM is the referent participant.

¹² The GOAL is the endpoint of a PATH and, in most of the cases, it is not equivalent to the other points of the path. It usually designates the motivation for the PATH.

Figure 2. The proto-scene for *to* and *do-*

Similarly, *do-* is attached to verbs expressing *motion up to a certain boundary*, be it an agent's self-motion, an object's motion, or caused motion (an object's motion caused by another entity). The TR progresses on a spatial or other scale and reaches an end point (typically expressed in a prepositional phrase with *do*).

The *do-* pattern is very productive with Cro. self-motion verbs (133 verbs in the database) and less productive with Blg. verbs (33 verbs in the database). In most cases, *do-* attaches to imperfective verbs to form perfective verbs. In both languages, *do-* can combine with almost all types of motion verbs, including verbs expressing a specific manner and speed of motion (e.g., Blg. *dokucam* 'limp to a certain place'; Cro. *doklimati* 'come tottering'). *Do-* in Cro. frequently attaches to sound-emission verbs and transforms these into motion verbs expressing motion up to a boundary and simultaneously producing sound (e.g., *dogrmjeti* 'arrive thundering', *doškripati* 'come creaking'). This pattern is not productive in Blg., but a few examples exist (e.g., *dobrāmča* 'come buzzing'; *dobuča* 'come rumbling').

4.1.1 MOVE UP TO A SPATIAL GOAL

4.1.1.1 CONCRETE, SELF-MOTION

The majority of motion verbs in both Blg. and Cro. can be prefixed with *do-* to express movement toward a GOAL. A few of these verbs have very similar roots; others with (slightly) different roots express the same meaning (see Table 1):

Table 1

Do- verbs of CONCRETE SELF-MOTION, with similar or different roots in Cro. and Blg.

CONCRETE SELF-MOTION		
Blg.	Cro.	English Gloss
<i>doletja</i>	<i>doletjeti</i>	'fly up to'
<i>dopluvam</i>	<i>doplivati</i>	'swim up to'
<i>dotārkaljam (se)</i>	<i>dokotrljati (se)</i>	'roll up to'
<i>dopārham</i>	<i>dolepršati</i>	'flutter up to'

Cro. is more productive in this group of verbs, having such verbs as *doputovati* ‘arrive at’ and *doseliti (se)* ‘move in’, and a relatively large group of verbs whose base verbs denote sound emission (e.g., *doškripati* ‘come creaking’, *dotandrhati* ‘clatter up to’, etc.). The corresponding Blg. verbs combine with different prefixes (*pri-*, *pre-*, *iz-*, etc.) to express similar or slightly different meanings: for instance, *preselja se* ‘move / settle in a new place’ and *zaselja se* ‘settle’, *proskārcam* ‘make a squeak’, and *izskārcam* ‘creak, squeak’. The choice of different prefixes in Blg. is motivated by the different construal of the scene. The focal point of *pri-* is a directed motion to a goal. Unlike *do-*, *pri-* does not suggest contact with the goal. *Pre-* adds the meaning of transfer, whereas *pro-* and *iz-* emphasize a single act when combined with verbs of sound production.

4.1.1.2 CONCRETE CAUSED MOTION

In caused-motion scenarios, one entity causes another entity to move up to an LM. The combination of the prefix and the base verb results in a new meaning, ‘bring’, in most of these verbs; for instance, Blg./Cro. *doveda/dovesti* ‘bring, take along’. Certain verbs express self-caused motion with the reflexive particle *se* (e.g., Blg./Cro. *dovleka se / dovući se* ‘drag oneself up’), whereas when used without *se* these verbs imply caused motion (e.g., *dovleka/dovući* ‘drag, bring forcefully’; see Table 2).

Table 2

Do- verbs of CONCRETE CAUSED MOTION, with similar or different roots in Cro. and Blg.

CONCRETE CAUSED MOTION		
Blg.	Cro.	English Gloss
<i>dokaram</i>	<i>dognati</i>	‘drive up to’
<i>dotārkaljam</i>	<i>dokotrljati</i>	‘roll up to’
<i>doneša</i>	<i>donijeti</i>	‘bring (along)’
<i>dovleka</i>	<i>dovući</i>	‘drag up to, bring forcefully’

In this group, a prefix variation is attested. For instance, *pri-* and *do-* are in an interesting relation in Blg./Cro.; compare *dovleka/dovući* ‘bring with difficulties, bring without permission, drag’ with Cro. *privući* ‘bring closer, attract, persuade, inspire’ and Blg. *privleka* ‘bring closer, attract’. Cro. does not use *dobližiti (se)* but *približiti (se)*, whereas Blg. has both *dobliža (se)* and *približa (se)*. Furthermore, both can be used with the preposition *do* and a LM (i.e., boundary), or with the reflexive *edin do drug* ‘each other’. The difference between *dobliža (se)* and *približa (se)* lies in the fact that the former implies bringing an entity somewhat closer to a LM, whereas the latter implies movement in the direction of the LM.

Cro. *dotegliti* ‘tow, drag’ has no Blg. *do-* analogue. However, Blg. *teglja* ‘drag’ is used in constructions with the preposition *do*. The Cro. verb *dostaviti* ‘deliver; denounce’ undergoes a metaphorical extension just like the Blg. verb *dostavja* (*infomacija* ‘information’); see the abstract meanings (Sections 4.1.2, 4.1.3).

Some Cro. *do-* verbs (e.g., *domamiti* ‘lure’, *dozvati* ‘call, summon’) considered to be part of the caused-motion scenario “*x* makes *y* move up to a boundary by doing something.” Their simplex verbs are not motion verbs: the verbs express, for instance, verbal processes instead. In Blg., the same base verbs choose alternative prefixes, and so the Blg. equivalents of *domamiti* are prefixed with *iz-* or *pri-* (*izmamja* ‘trick’, *primamja* ‘lure’); there is no equivalent with *do-*. The Blg. equivalent of *dozvati* ‘call, summon’ is *prizova* ‘call, summon’. *Prizvati*¹³ is also acceptable in Cro., defined in dictionaries as ‘call someone who is already there to come closer’. In similar scenarios in Blg., verbs prefixed with, for example, *pri-* or *pod-* are used, but not those with *do-*. Blg. *pri-* in, for instance, *primamja* ‘lure’ expresses ‘reaching a goal’ without crossing a boundary. *Pod-*, on the other hand, emphasises the meaning ‘do secretly’, which refers to the actions ‘hard to detect or understand’ [Janda et al. 2013: 76].

4.1.2 METAPHORICAL MOVEMENT UP TO

Self-motion verbs with a very general meaning (e.g., *dojda/doći* ‘come’) tend to develop metaphorical meanings (e.g., *Dojde li veče moeto vreme?* ‘Has my time come?’) more frequently than *do-* verbs that express very specific manners of motion. Motion verbs refer to metaphorical motion when used with abstract agents. Numerous fixed expressions and idioms with these verbs also express metaphorical motion. Metaphorical extensions of concrete motion scenarios are observable with motion verbs used with abstract trajectors: in addition to prototypical human trajectors, some verbs also allow for such trajectors (e.g., *doletja/doletjeti* ‘fly (for news)’).

Some *do-* verbs expressing metaphorical movement (whose simplex verbs are not motion verbs) denote ‘reaching an abstract goal’; that is, Blg./Cro. *dokaža/dokazati* ‘prove’,¹⁴ *dogovorja/dogovoriti (se)* ‘reach an agreement; negotiate’,¹⁵ and Blg. *doverja se na* ‘confide in, trust’. Similar verbs have developed a new, abstract meaning that is not predictable from the combination of the base verbs’ meanings and the meaning of *do-*. For instance, *dopitam se* ‘ask for advice’ not only relates to asking but presupposes asking someone for

¹³ In Cro., *prizvati* is usual in phrases with nouns such as memories: *prizvati sjećanja* ‘remember’. However, it cannot be used in this sense in Blg.

¹⁴ The relation of the Blg./Cro. base verbs *kaža/kazati* and *dokazvam/dokazati* ‘prove’ is semantically somehow complicated; the base verb *kaža kazati* means ‘tell’.

¹⁵ Blg./Cro. *dogovorja/dogovoriti* (pf.) – *dogovarjam/dogovarati* (impf.) ‘negotiate’. For the pf. form, the base verb is *govorja/govoriti* ‘speak’. For the impf., there is no base form.

advice. *Dokaža* is quite different in meaning from the base verb *kaža* ‘say’. It denotes not just saying something but verifying and confirming it. In addition, some of the verbs in this group imply that agents need to overcome some obstacles to reach the goal.

Some verbs expressing caused motion in Cro. such as *dogurati*, *dotjerati* ‘push up to; bring/chase up to’ are also used in the abstract meaning ‘achieve with difficulty’ in objectless constructions (e.g., *on je daleko dogurao* ‘he has done well / gotten far’), whereby an image of moving heavy objects in space maps onto overcoming obstacles of all kinds. Analogously, Blg. *dobera se* ‘get, attain’ suggests that achieving the goal required some efforts.

Caused-motion verbs of concrete bringing are also used in contexts implying metaphorical bringing; for instance, Blg. *doneša (slava)* and Cro. *donijeti (slavu)* ‘bring (fame)’.

The meaning ‘reach a boundary by intellectual activity’ is a metaphorical variant of the MOVE UP TO meaning, which is reflected in eight Cro. verbs (e.g., *dokontati*, *dokučiti*,¹⁶ *domudriti* ‘figure out, understand, grasp’, *dosjetiti se* ‘guess, remember’). This metaphorical extension is not attested in Blg. apart from *dosetja se* ‘guess’.

The meaning ‘reach an emotional boundary’ is expressed by some verbs; for example, Blg./Cro. *dosadja/dosaditi* ‘nag someone, pester, bore’, and the Blg. dative construction *dotjaga mi* ‘I get sick and tired of someone’ (see Section 4.5). Among the 11 Cro. verbs in this group are *dojaditi*, *dopiliti*, *dogustiti* ‘get tired of, get sick of, grow weary of’ used in constructions with dative experiencers (*dojadilo mi je čekanje* ‘I am tired of waiting’).

4.1.3 MOVE UP TO A TEMPORAL GOAL: REACH A TEMPORAL BOUNDARY

Spatial conceptualization is the basis for our understanding of time. The spatial meaning of *do-* extends into the temporal domain: the notion of ‘up to a point in space’ transforms into ‘up to a point in time’ in several Blg. and Cro. verbs. The goal is located on a temporal scale with Blg./Cro. *doživeja/doživjeti* ‘live up to’, *dočakam (do pensija)*, *dočekati (mirovinu)* ‘live up to retirement’. Other verbs in this category include Cro. *dospjeti* ‘have/find time; due, expected’ (the verb’s first meaning is ‘come’), *doteći* ‘be enough, last until’ (the verb’s less frequently employed concrete spatial meaning is ‘flow to’), and *dotrajati* ‘last until’. Blg. has temporal reference in *dosedja*, *dostoja*, *dotraja* ‘sit, stand, last to a certain point in time’ or expresses the same meanings using a different prefix; for instance, *iztraja* ‘last, endure’ (which also exists in Cro., combining with *trajati* ‘last’ – *istrajati* ‘endure, persist’).

¹⁶ The base verb **kučiti* does not exist. HJP relates *dokučiti* to the noun *kuka* ‘hook’: <http://hjp.znanje.hr/>.

4.2 CONTACT WITH THE GOAL

The primary *to* schema seems to have a *touch* sub-scenario because one of the options TRs have when they reach the LM is to touch it. A few verbs in both Blg. and Cro. closely relate to the meaning *MOVE UP TO* (reach) but share the common meaning ‘touch’ as illustrated by Blg. *dokosna/dopra* ‘touch’ and Cro. *dotaknuti/dotaći* (se) ‘touch, come in contact with; mention’. However, the Cro. base verbs already mean ‘touch’, and so this is not a meaning contributed by the prefix. In Blg., the base forms of these verbs do not exist in the modern language (e.g., *dokosna* (**kosna*), *dopra* (**pra*)). They denote ‘touch’ only in combination with the prefix.

With abstract LMs, Blg. and Cro. verbs are metaphorically used; for instance, *dokosvam se do (izkustvoto)* ‘touch, get a taste of (art)’, *dokosna (sārceto/dušata mi)* ‘touched (my heart/soul)’. See also Cro. *dotaknuti srce/dušu* ‘touch (heart/soul)’.

4.2.1 GET HOLD OF

Another possibility when a TR reaches the goal or LM is for the TR to take or get hold of the LM. The verbs in this sub-scenario (five in Blg. and 10 in Cro.) are often reflexive (e.g., Blg./Cro. *dokopam se do (pari) / dokopati se (para)* ‘manage to get, get hold of (money, material possessions)’, Cro. *dočepati se* + GEN ‘get hold of’, *dohvatiti* (se) (without *se*: + ACC, with *se*: + GEN) ‘seize’. In Blg. *preseigna se za* ‘reach up to’ and *natākna se na* ‘come across’ have no equivalents with *do*-.

In Blg. constructions with the verbs from this group, the spatial meaning is even more obvious than in the Cro. constructions (which typically use genitives; e.g., *jučer sam se napokon dočepao cijelog_{GEN} članka_{GEN}* ‘yesterday I finally got hold of the entire article’, HrWaC) due to the preposition *do* used in the prefixed verb’s construction (e.g., *No az ne se domogvam do zlatoto* ‘But I do not try to get to the gold’). A number of verbs within this sub-scenario imply the concrete (spatial) goals, as illustrated in *Ne moga da|dobivam dārven material ot opožareni gori* ‘I cannot get wood from burned forests’.

Detaching *do*- from these verbs does not result in existing simplex verbs in both Blg. and Cro. (**čepati se*,¹⁷ **mogvam se*). Furthermore, in a few cases, base verbs seemingly exist, but the combination of *do*- and these base verbs does not yield a predictable meaning (e.g., *dokopam se / dokopati se* ‘get hold of’ versus *kopaja / kopati* ‘dig’).

Some of these verbs can be used with abstract goals; for instance, Blg./Cro. *dokopam se / domogna se do vlast nad tezi, koito preziram* ‘to gain power over those I despise’, *dokopati se / domoći se (vlasti)* and *dobivam (izvestnost), domoći se (slave)* ‘get (fame / become famous)’.

¹⁷ HJP relates the verb to the combination of *do*- and *čepati*: <http://hjp.znanje.hr/>. *Čepati* is attested in HrWaC in the meaning ‘catch, capture by force’.

Other verbs denote reaching abstract goals through different senses; namely, hearing, smell, and touch (e.g., *dočuja/dočuti* ‘hear’ in Blg. *dočuvam sluhove* ‘I hear rumors’; Cro. *teta [je] Kata dočula glasine o svom suprugu* (INT) ‘Aunt Kata has heard some rumors about her husband’). Cro. has only three such verbs (*dočuti*, *domirisati* ‘smell’, and *dodirnuti* ‘touch’, whose base already means ‘touch’). Some other verbs related to senses are Blg. *dolovja* ‘perceive’¹⁸ and *dosetja se* ‘guess, it comes to my mind’. These last two can also be interpreted from the perspective of METAPHORICAL MOVEMENT UP TO.

4.3 FINISH (the last segment of)

Reference works and research literature [Vinogradov 1947; Bogusławski 1960; Filip 2000; Kagan 2012] sometimes describe the meaning of some *do-* verbs as ‘completion/termination’. This would imply that *do-* is a pure perfectivizer in these verbs (e.g., in Blg./Cro. *dočeta/dočitati*). However, in both Blg. and Cro. there are other prefixes such as *na-* and *pro-* that, in our view, are much better “perfectivizers” in terms of expressing completion. For instance, there is a difference between Blg./Cro. *pročeta/pročitati* and *dočeta/dočitati*. The verbs with *pro-* present the event as a whole (in its entirety) and may be considered the perfective form of *četa/čitati* ‘read’. Here, the prefix *pro-* comes the closest to pure perfectivizers or “empty” prefixes. In contrast, the verbs with *do-* do not focus on the entire event, but only on the last segment of the event. This was pointed out in earlier works [Comrie 1976: 18–19] and is more in line with recent cognitive linguistic works [Lakoff and Johnson 2003 (1980): 31–32] that interpret completion as resulting from a focus on the end of a (metaphorical) path, motivated by the conventional metaphors AN ACTIVITY IS A JOURNEY and AN ACTIVITY (OR EVENT/STATE) IS A CONTAINER. For perfective and imperfective events, Janda [2006: 249] proposes the metaphors A PERFECTIVE EVENT IS A SOLID OBJECT, AN IMPERFECTIVE EVENT IS A FLUID SUBSTANCE. She differentiates between perfective and imperfective aspectual forms on the basis of fourteen parameters that exhibit isomorphism between properties of substances and uses of aspect. Another metaphor outlining the distinction between completable and non-completable actions is A COMPLETABLE ACTION IS TRAVEL TO A DESTINATION. Based on this metaphor, Janda [2007a: 93] interprets each completable goal-directed activity as a trip to a destination; for instance, for the Russian *pisat’ dissertaciju* ‘write one’s dissertation’; when the dissertation is finished, the destination is reached. A large group of *do-* verbs in Blg. and Cro. express the meaning ‘achieve’, ‘finish *x*’, or, more precisely, ‘finish the last segment of something’, which we call the *achievement* scenario (see Table 3).

¹⁸ *Dolovja* (impf. *lovja* ‘catch, seize’) is not related to catching something. It refers to something that is not clearly said but was perceived by the listener.

Table 3

Do- verbs expressing FINISHING (the last segment of)

Verbs expressing FINISHING (the last segment of)			
Blg.	Cro.	English Gloss	Natural perfectives
<i>dočeta</i>	<i>dočitati</i>	'finish reading'	Blg./Cro. <i>pročeta/pročitati</i>
<i>dogorja</i>	<i>dogorjeti</i>	'burn down, go out'	Blg./Cro. <i>izgorja/izgorjeti</i>
<i>dopuša</i>	<i>dopušiti</i>	'finish smoking'	Blg./Cro. <i>izpuša/popušiti</i>
<i>dopija</i>	<i>dopiti</i>	'finish drinking, finish a drink'	Blg./Cro. <i>izpija/popiti</i>

In this group, some other prefixes added to the same base verbs form more frequent “natural perfectives” [Janda 2007b], and we have listed some of them in the rightmost column in Table 3.

Some Blg. *do-* verbs (17) in this group can also belong to the ADD group (see Section 4.4); for instance, *dobagrja*, *dobojadisam*, *dovapcam* ‘finish coloring by adding more color’. The same is true for eight Cro. verbs (e.g., *dosoliti* ‘finish salting by adding more salt’).

Some verbs of achieving occur with abstract TRs, abstract LMs, or imply metaphorical paths. For instance, Blg./Cro. *dorasta/dorasti*¹⁹ and *dozreja/dozreti* (*za što*)²⁰ can all mean ‘become a match for someone, be ready for...’. *Tova me dovārši / To (me) je dokrajčilo*,²¹ literally, ‘this was the end of me’, is used when some news, actions, or words are too much for someone to handle; for example, much too bad or much too funny.

4.4 ADD

The verbs in this group denote actions that either result in additional quantity of objects, or in the implication of an extension of an earlier action, or both. In all these cases, the existence of a contextually relevant border is assumed.

Janda [1986: 190, 191] explains that the meaning ADD in Russian verbs is dependent on the absence of a limit in the given context; there is no “realistic absolute terminus” of the activity in question. The verbs in this group signal “a small increment along the LM axis” [Ibid.: 189]. The prototypical verb in this group is Blg./Cro. *dodam/dodati* ‘add’; literally, ‘do-give’. The general sense that the verbs in this group share is ‘add by performing an activity; do some more’ (see Table 4).

¹⁹ Frequent constructions for Cro. are: *dorastao je / nije dorastao funkciji/situaciji*_{DAT}. ‘He is / is not up to that function/situation’. The dative nominals are frequently names of persons.

²⁰ [...] *čovjek koji očito nije dozreo za ozbiljnu politiku* (INT) ‘a man who is obviously not ripe for serious politics’.

²¹ In the constructions with *him/her/them* as the direct objects, the verb in very many Cro. usage examples implies death. With *me/us* as the direct object, the verb is used somewhat hyperbolically, as in Blg.

Table 4

Do- verbs expressing ADDING in Blg. and Cro.

Verbs expressing ADDING		
Blg.	Cro.	English Gloss
<i>dopiša</i>	<i>dopisati</i>	'add (in writing)'
<i>doplatja</i>	<i>doplatiti</i>	'make an additional payment'
<i>dosolja</i>	<i>dosoliti</i>	'add some more salt'

The Blg. equivalents of some Cro. *do-* verbs belonging to this group use different prefixes (e.g., *pod-*) to express the same meaning; for instance, Blg. *Podsladja* – Cro. *dosladiti* 'add some more sugar'. Nonetheless, the meaning ADD is more frequently represented among Blg. *do-* verbs (104 verbs) than Cro. ones (54 verbs) in the database.

As with other *do-* verbs, some of these verbs occur with abstract TRs or LMs and may acquire metaphorical meanings; for instance, *dobavja komentari* 'add comments, remarks', *dopālnja vpečatlenija* 'add/complete impressions'.

4.4.1 ADD UP TO A BOUNDARY

A subgroup of the verbs belonging to the ADD scenario (see Table 5) shares the meaning of ADD UP TO A BOUNDARY OF A CONTAINER, a sub-sense of ADD. The LM is regarded as a container whose exterior edges serve as boundaries. Before the activity is performed, one of these boundaries is not reached; that is, the container is not entirely full but, after the activity denoted with the *do-* verb, the TR approximates the boundary. This sense relates to the proximity sense, "close to a border" of the preposition *do* in both Blg. and Cro.

Table 5

Do- verbs of ADDING UP TO A BOUNDARY in Blg. and Cro.

Verbs of ADDING UP TO A BOUNDARY		
Blg.	Cro.	English Gloss
<i>doleja</i>	<i>doliti</i>	'fill up (liquids), add by pouring'
<i>dopālnja</i>	<i>dopuniti</i>	'fill up, become filled up'
<i>dosipja</i>	<i>dosuti</i>	'fill up (solids), pour some more'

There is a slight difference between the verbs in the general ADD category and the verbs expressing ADD UP TO A BOUNDARY. The former implies doing more without the end boundary of the activity being defined clearly—for instance, *doupražnja* 'exercise more', *dopālnja* 'fill up'—whereas the latter implies a specific and well-defined boundary; for instance, the top edge of a bowl, as in *da dopālnja kupata / dopuniti zdjelu* 'to fill up the bowl'. The ADD UP TO A

BOUNDARY sense also relates metaphorically to the FINISH sense. When the boundary/goal is reached the activity terminates; for instance, Blg. *dopālnja* ‘put some more so that the container is full’.

4.4.1 ADD IN A TEMPORAL SENSE (INCREASED QUANTITY, EXTENDED DURATION)

Table 6 includes some verbs implying adding an extra quantity to an existing one and/or prolonged duration. This meaning is closely related to the ADD sense; however, the verbs in this group are different from those discussed in Section 4.4.1 since their scenarios do not include the idea of spatial LMs (containers) or their borders, but instead imply an additional resulting quantity and temporal extension of the original action expressed by the base verb. For instance, *dokuhati još pekmeza* ‘make some more jam’ implies producing an additional quantity on top of the existing quantity of jam by, among other things, investing some more time in making jam. With *dokuhati*, the same action type is performed after the earlier *kuhati* ‘cook, make’, but the resulting additional quantity is smaller than the earlier one, and the time invested is shorter than that invested in the earlier action. Conceptualized as a whole, cooking is temporally extended in the additional action. Verbs such as Blg. *dovarja/dovra* ‘boil longer’ and Cro. *dokuhati* ‘cook longer’ imply additional duration of an activity or prolongation of the initial action, which is explicit in the constructions with temporal adverbials (*dokuhajte smjesu još 2–3 minute* ‘cook the mixture for two to three more minutes’) in addition to increased quantity. Because adding a quantity or doing some more implies duration, this meaning has a clear experiential basis and is expressed by, for instance, Blg./Cro. *dokvalificiram (se)* / *dokvalificirati se* ‘earn additional qualifications’ and *doobuča (se)* / *doškoloovati (se)* ‘study longer’.

Table 6

Do- verbs expressing EXTENDED DURATION / PROLONGATION in Blg. and Cro.

Verbs implying EXTENDED DURATION / PROLONGATION		
Blg.	Cro.	English Gloss
<i>dopeka</i>	<i>dopeći</i>	‘bake some more; bake a little longer, bake some more until fully baked’
<i>dogotvja</i>	<i>dokuhati</i>	‘cook some more, cook longer’
<i>dokvalificiram (se)</i>	<i>dokvalificirati se</i>	‘earn additional qualifications’

A number of Blg. verbs (25 verbs) belonging to this group also have the FINISH sense—for instance, *dokompoziram* ‘compose more’ and *dovarja* ‘boil longer’—whereas in the Cro. database only nine verbs with both these senses were identified. These borderline cases are included in the ADD group.

4.5 FEEL LIKE

This meaning is expressed in a specific type of constructions with Blg. *do-* verbs, but not in Cro., except perhaps in constructions with a single verb, *dopasti se*²² ‘like’. This is the main difference between the two languages in the domain of *do-* verbs. In Blg., desires and emotions are conceptualized as metaphorically *coming up to a border* (of a human who experiences them). The prefixed verb alone does not convey this meaning, but the construction as a whole does. In Blg., the construction’s structure is reflexive third-person singular *do-* verb + *experiencer*, represented by a short-form personal pronoun in the dative (e.g., *dospi mi se* ‘feel like sleeping, feel sleepy’, *dopie mi se* ‘feel like drinking, feel thirsty’, etc.). Alternatively, similar constructions use simplex verbs (e.g., *spi mi se*, *pie mi se*, *jade mi se*, *gleda mi se*, etc.). The difference between the two constructions is that the first one, with *do-* verbs, sounds as if one has suddenly realized that he or she feels sleepy/thirsty/hungry, whereas the second does not have such an implication of suddenness, and simply states that one feels sleepy/thirsty/hungry. A less frequent structure conveying the same meaning is third-person singular *do-* verb + *me* (ACC); for instance, *dognevee me* ‘get angry’, *domārzi me* ‘start feeling lazy’. The two variants of the FEEL LIKE construction differ in the type of verb, reflexive versus non-reflexive, and the case of the pronoun following the verb, dative versus accusative. Therefore, two distinct slots open in the two structures: for an indirect object (*mi*, DAT) and for a direct object (*me*, ACC).

In contrast, Cro. expresses the same meaning only with the first construction, using a reflexive third-person singular base verb and an experiencer in the dative (e.g., *spava (mi) se* ‘(I) feel like sleeping, (I) feel sleepy’, *pije (mi) se* ‘(I) feel like drinking, feel thirsty’), not *do-* verbs.

A number of Blg. verbs (25 verbs) belonging to this group also have the FINISH sense—for instance, *dokompoziram* ‘compose more’ and *dovarja* ‘boil longer’—whereas in the Cro. database only nine verbs with both these senses were identified. These borderline cases are included in the ADD group.

4.5.1 DESIRES METAPHORICALLY COMING TO SOMEONE

Table 7 presents some of the most common examples with desires. The LMs are animate beings: humans or animals.

Some of the constructions expressing desires relate to base verbs of sound production. Only three are attested in the Blg. database; for instance, *doblee mi se* ‘feel like bleating’, *doreve mi se* ‘feel like roaring’, *dopee mi se* ‘feel like singing’—but the construction is productive and can be applied to any verb denoting sound production (e.g., *doskimti mi se* ‘feel like whimpering’, *dosumti mi se*, *dogruhti mi se* ‘feel like grunting’). All of them express the same meaning ‘feel like doing *x*’.

²² The HJP dictionary relates this verb to the prefix *do-*: <http://hjp.znanje.hr/>.

Table 7

Do- constructions expressing FEELING LIKE; DESIRES METAPHORICALLY COMING TO SOMEONE

Constructions expressing FEELING LIKE; DESIRES METAPHORICALLY COMING TO SOMEONE			
Blg.	Cro.	English Gloss	Cro. equivalent construction
<i>dojade mi se</i>	–	‘feel like eating, feel hungry’	Cro. <i>jede mi se</i>
<i>dopie mi se</i>	–	‘feel like drinking, feel thirsty’	Cro. <i>pije mi se</i>
<i>dospi mi se</i>	–	‘feel like sleeping, feel sleepy’	Cro. <i>spava mi se</i>

4.5.2 EMOTIONS METAPHORICALLY COMING TO SOMEONE

Table 8 presents some common examples with emotions of animate beings. These feelings are frequently negative, but not necessarily; for instance., *dopadne mi* ‘I like *x*, *x* appeals to me’.

Table 8

Do- constructions expressing FEELING LIKE; EMOTIONS METAPHORICALLY COMING TO SOMEONE

Constructions expressing FEELING LIKE; EMOTIONS METAPHORICALLY COMING TO SOMEONE			Cro. equivalent construction
Blg.	Cro.	English Gloss	
<i>doplače mi se</i>	–	‘feel like crying, be about to cry’	<i>plače mi se</i>
<i>dokrivee mi</i>	–	‘feel hurt’	<i>boli me, pogađa me</i>
<i>dopadne mi</i>	<i>dopasti se</i>	‘I like <i>x</i> / <i>x</i> appeals to me’	

A subset of this group includes six verbs related to human senses: touch, sight, hearing, and taste; for instance, *dogorči mi* ‘taste bitter’, *dokiselee mi* ‘taste sour’, *dosmādi me* / *dosārbi me* ‘feel itchy’. A common meaning of the subset is ‘taste/feel like’. Smell, however, has no representative in the group. The corresponding verb is prefixed with *za-*: *zamirisa mi* ‘smell / sense a smell’. *Za-* emphasizes the initial stage of the perception. The doer is not an actor in this situation, but an experiencer. The subject of the *do-* verbs that refer to senses is also an experiencer because seeing and hearing may happen involuntarily. As for touching and tasting, the sensations that follow them are unintentional; for instance, *dogadi mi se* ‘start feeling sick’, *doteži mi* ‘feel heavy’. Again, not only the verbs but all the elements in the construction contribute together to its meaning.

The last example in the table, Blg./Cro. *dopadne mi* / *dopasti se*, is one of the several verbs for which the relation of the base (*padam/pasti* ‘fall’) and the prefix is not straightforward due to the fact that some of the prefixed forms have undergone meaning extensions. These prefixed forms are part of our databases because the prefix *do-* stands in opposition to other prefixes added to

the base verbs (e.g., Blg. *izpadna* ‘drop (out of)’, *pripadna* ‘faint’; Cro. *ispasti* ‘fall out’, *prepasti* ‘frighten’).

5. Final remarks

Our contrastive analysis has revealed four corresponding meaning categories (see Figures 3 and 4):

Figure 3. Blg. *do-* verbs

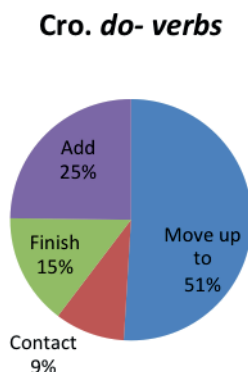

Figure 4. Cro. *do-* verbs

1) MOVE UP TO (self-motion or caused motion; abstract motion). In Cro. the self-motion verbs are the most productive group (133 verbs). In Blg., only 33 of all 65 verbs attested in this group are self-motion verbs. Nonetheless, this meaning is considered to be the central (prototypical) one in the network since it is semantically related to all the other categories. This research is synchronic, and so we do not claim that this is the oldest meaning of the prefix. However, bearing in mind that the PROXIMITY SENSE is central for its cognate preposition [Nedelcheva 2013], we can suggest that there is analogy with the prefix. Cro. has a somewhat higher number of verbs (31) expressing caused motion up to a certain point in space than Blg. (20 verbs). Some of these verbs can express either self-motion or caused motion (10 in Blg.,²³ 11 in Cro.) depending on whether they are used as reflexives or not. In addition, there are six Blg. *do-*verbs and four Cro. verbs expressing motion up to a point in time, or progress in time to a certain temporal boundary. Six additional Blg. verbs and six Cro. verbs denote reaching an abstract goal (after overcoming obstacles).

The share of Blg. and Cro. verbs in this category (see Figures 3 and 4) also includes verbs expressing abstract motion because in many cases the same

²³ For Blg., these 10 verbs are included in the sum of the 53 verbs mentioned, and for Croatian these are calculated as a separate category in the motion verbs group.

verb is used in concrete and metaphorical scenarios (with concrete and abstract agents).

2) CONTACT WITH THE GOAL and GET HOLD OF is represented by 12 verbs in Cro. In addition, in this group there are 22 Cro. verbs expressing metaphorical GET HOLD OF (reaching an emotional or other abstract boundary).

In Blg., this is the smallest group, as well, with only 10 verbs, and half of them belong to the GET HOLD OF schema.

3) FINISH. This is the most numerous group of Blg. verbs (216 attested), approximately 50% of all *do-* verbs. It is represented by a significantly smaller number of verbs in Cro. (54).

4) ADD. In Blg., this is the second most numerous group (104 verbs attested). Most of the verbs in this category are process verbs that evolve up to a certain limit by addition of materials and effort. In some cases, the progress is extended in time. This group encompasses 90 verbs in Cro.

The meanings of the categories FINISH and ADD overlap in some verbs (Blg. 25, Cro. nine), which are included in the ADD category. This coincidence is due to the experiential correlation of adding more in order to reach a boundary and achieve a goal, which in turn corresponds to the last segment of the activity.

5) FEEL LIKE is represented in the Blg. database but not in the Cro. database. All the verbs in this group (42 verbs attested) take part in the same construction: third-person singular *do-* verb + *experienter*, and 16 of them are reflexive. Two subcategories are distinguished with reference to the denotation of the base verb: DESIRES (11 *do-* verbs attested) and EMOTIONS METAPHORICALLY COMING TO SOMEONE (31 *do-* verbs in the database).

In general, individual verbs in both languages may belong to more than one category: for instance, Blg. *domarkiram* expresses (4) ADD some more (marks), but also (3) FINISH (marking); Cro. *doguliti* 'get tired/sick of' expresses (1) METAPHORICAL MOTION UP TO an emotional boundary, but also (3) FINISH (peeling). Interestingly, the metaphorical meaning is the only one attested in the corpus. This polysemy illustrates close relations between the nodes in the meaning network and paths of semantic extensions. In Figures 3 and 4, we counted similar verbs only once, depending on the most frequently realised meaning.

The distribution of *do-* verbs shows that the centers of gravity in the semantic networks are different in the two languages: in Blg. half of all attested verbs express the FINISH sense. This prefix is very productive, especially with process verbs. One-fourth of the rest have the meaning ADD, whereas the last fourth is divided between MOVE UP TO, FEEL LIKE, and CONTACT. The meaning of SPATIAL MOTION UP TO is dominant in the Cro. network because the prefix *do-* can be added to any self-motion verb or caused-motion verb, no matter how

specific the manner of motion is. The second-largest group in Cro. is ADD, followed by FINISH and CONTACT. The last is attested in a limited number of verbs.

The only formal difference between Blg. and Cro. is the number of nodes (i.e., meaning categories) in the semantic network: Blg. has an additional salient category, FEEL LIKE. However, the large share of *do-* verbs expressing concrete spatial motion in Cro. as compared to Blg., and the large share of *do-* verbs expressing FINISH in Blg. as compared to a much smaller number of such verbs in Cro., indicates meaning differences between the two languages. Cro. *do-* verbs expressing concrete spatial motion often correspond to Blg. *pri-* verbs, or verbs prefixed with some other prefix. This suggests that the verbal prefix *do-* in Cro. denotes some spatial meanings covered by other spatial prefixes in Blg. These issues require further research, along with some others that remained unaddressed in this study; for instance, the preference of the identical or similar base verbs for different prefixes in the two languages or the effects of prefixation on the Slavic aspectual system.

Bibliography

Bajec 1994

Bajec A., ed., *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, Ljubljana, 1994.

Biskup 2019

Biskup P., *Prepositions, Case and Verbal Prefixes: The Case of Slavic*, Amsterdam, 2019.

Bogusławski 1960

Bogusławski A., Prefiksalne pary aspektowe a semantyka prefiksalna czasownika rosyjskiego, *Slavia Orientalis*, 9, 1960, 139–175.

Comrie 1976

Comrie B., *Aspect*, 1976.

Dickey 1999

Dickey S., Expressing ingressivity in Slavic: The contextually-conditioned imperfective past vs. the phase verb *stat'* and procedural *za-*, *Journal of Slavic Linguistics*, 7 (1), 1999, 11–44.

——— 2005

Dickey S., S- / Z- and the grammaticalization of aspect in Slavic, *Slovene Linguistic Studies*, 5, 2005, 3–55.

——— 2010

Dickey S., Common Slavic 'indeterminate' motion verbs were really manner-of-motion verbs. Driagina-Hasko V., Perelmutter R., eds., *New Approaches to Slavic Verbs of Motion*, Philadelphia, Amsterdam, 2010, 67–109.

——— 2011

Dickey S., The varying role of PO- in the grammaticalization of Slavic aspectual systems: Sequences of events, delimitatives, and German language contact, *Journal of Slavic Linguistics*, 19 (2), 2011, 175–230.

——— 2012

Dickey S., Orphan prefixes and the grammaticalization of aspect in South Slavic, *Jezikoslovlje*, 13 (1), 2012, 71–105.

Endresen et al. 2012

Endresen A., Janda L., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Russian 'purely aspectual' prefixes: Not so 'empty' after all?, *Scando-Slavica*, 58 (2), 2012, 231–291.

Filip 1999

Filip H., *Aspect, Eventuality Types and Noun Phrase Semantics*, New York, London, 1999.

——— 2000

Filip H., The quantization puzzle, Tenny C., Pustejovsky J., eds., *Events as grammatical objects: The converging perspectives of lexical semantics, logical semantics and syntax*, Stanford, 2000, 39–96.

Halliday 1961

Halliday M. A. K., Categories of the theory of grammar, *Word*, 17 (3), 1961, 241–292.

Isačenko 1962

Isačenko A. V., *Die russische Sprache der Gegenwart*, Formenlehre, Halle (Saale), 1962.

Janda, Lyashevskaya 2012

Janda L. A., Lyashevskaya O., Semantic profiles of five Russian prefixes: *po-*, *s-*, *za-*, *na-*, *pro-*, *Journal of Slavic Linguistics*, 21, 2012, 211–258.

Janda et al. 2013

Janda L. A., Enderesen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S., *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty. Prefixes as Verb Classifiers*, Bloomington, 2013.

Janda 1986

Janda L. A., *A Semantic Analysis of the Russian Verbal Prefixes za-, pere-, do-, and ot-*. Munich, 1986.

——— 2006

Janda L. A., A metaphor for aspect in Slavic, Henrik Birnbaum in Memoriam. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 44–45, 2006, 249–260.

——— 2007a

Janda L. A., What makes Russian bi-aspectual verbs special?, Divjak D., Kochanska A., eds., *Cognitive Paths into the Slavic Domain. Cognitive Linguistics Research*, Berlin, New York, 2007, 83–109.

——— 2007b

Janda L. A., Aspectual clusters of Russian verbs, *Studies in Language*, 31/3, 2007, 607–648.

Kagan 2012

Kagan O., Degree semantics for Russian verbal prefixes: the case of *pod-* and *do-*, Grønn A., Pazelskaya A., eds., *The Russian Verb, Oslo Studies in Language*, 4 (1), Oslo, 2012, 207–243.

Lakoff, Johnson 2003

Lakoff G., Johnson M., *Metaphors We Live By*, 2nd ed., Chicago, London, 2003.

Langacker 1987

Langacker R. W., *Foundations of Cognitive Grammar. Volume I. Theoretical Prerequisites*, Stanford California, 1987.

Markova 2011

Markova A., On the nature of Bulgarian prefixes: Ordering and modification in multiple prefixation, *Word Structure*, 4, 2011, 244–271.

Maslov 1958

Маслов Ю. С., Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида, *Доклады IV Междунар. съезд славистов*, Москва, 1958.

Mitkovska, Bužarovska 2012

Mitkovska L., Bužarovska E., The preposition and prefix *nad* in South Slavic languages with emphasis on Macedonian, *Jezikoslovlje*, 13 (1), 2012, 107–150.

Nedelcheva 2010

Nedelcheva S., The LCCM theory applied to the Bulgarian preposition DO (a comparison with English TO), *Contrastive Linguistics*, 2, 2010, 40–53.

——— 2013

Nedelcheva S., *Space, Time and Human Experience: A Cognitive View on English and Bulgarian Prepositions*, Shumen, 2013.

Pashov 1966

Пашов П., *Българският глагол*, София, 1966.

Šarić, Nedelcheva 2015

Šarić L., Nedelcheva S., The verbal prefix *o(b)-* in Croatian and Bulgarian: The semantic network and challenges of a corpus-based study, *Suvremena lingvistika*, 40, 2015, 149–179.

——— 2018

Šarić L., Nedelcheva S., The verbal prefix *u-* in Bulgarian and Croatian, *Languages in Contrast*, 18 (2), 2018, 252–282.

Šarić, Tchizmarova 2013

Šarić L., Tchizmarova I., Space and metaphor in verbs prefixed with *od-/ot-* ‘from’ in Bosnian / Croatian / Serbian and Bulgarian, *Oslo Studies in Language*, 5 (1), 2013, 7–33.

Tatevosov 2008

Tatevosov S., Intermediate prefixes in Russian, Antonenko A., Bailyn J. F., Bethin Ch. Y., eds., *Proceedings of the Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics*, 16, 2008, 423–445.

Tyler, Evans 2003

Tyler A., Evans V., *The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning and Cognition*, Cambridge, 2003.

Van Schooneveld 1959

Van Schooneveld C. H., *A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System*, Mouton, 1959.

Vinogradov 1947

Виноградов В. В., *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Москва, Ленинград, 1947.

Corpora

BulNC

Bulgarian National Corpus (<http://search.dcl.bas.bg/>).

HrWaC

Croatian Web Corpus (http://nl.ijs.si/noske/all.cgi/first_form?corpname=hrwac;align=).

Dictionaries

HJP

Hrvatski jezični portal (<http://hjp.znanje.hr/index.php?show=search>).

Bujas 2001

Bujas Ž., *Veliki hrvatsko-engleski rječnik*. Zagreb, 2001.

Bulgarian Dictionary

Bulgarian Dictionary (*Rečnik na bălgarskija ezik*) (<http://ibl.bas.bg/rbe/>).

Eurodict

Eurodict (<http://www.eurodict.com/>).

References

- Biskup P., *Prepositions, Case and Verbal Prefixes: The Case of Slavic*, Amsterdam, 2019.
- Bogusławski A., Prefiksalne pary aspektowe a semantika prefiksalna czasownika rosyjskiego, *Slavia Orientalis*, 9, 1960, 139–175.
- Comrie B., *Aspect*, 1976.
- Dickey S., Expressing ingressivity in Slavic: The contextually-conditioned imperfective past vs. the phase verb *stat'* and procedural *za-*, *Journal of Slavic Linguistics*, 7 (1), 1999, 11–44.
- Dickey S., Common Slavic 'indeterminate' motion verbs were really manner-of-motion verbs. Driagina-Hasko V., Perelmutter R., eds., *New Approaches to Slavic Verbs of Motion*, Philadelphia, Amsterdam, 2010, 67–109.
- Dickey S., Orphan prefixes and the grammaticalization of aspect in South Slavic, *Jezikoslovlje*, 13 (1), 2012, 71–105.
- Dickey S., S- / Z- and the grammaticalization of aspect in Slavic, *Slovene Linguistic Studies*, 5, 2005, 3–55.
- Dickey S., The varying role of PO- in the grammaticalization of Slavic aspectual systems: Sequences of events, delimitatives, and German language contact, *Journal of Slavic Linguistics*, 19 (2), 2011, 175–230.
- Endresen A., Janda L., Kuznetsova J., Ljashchinskaya O., Russian 'purely aspectual' prefixes: Not so 'empty' after all?, *Scando-Slavica*, 58 (2), 2012, 231–291.
- Filip H., *Aspect, Eventuality Types and Noun Phrase Semantics*, New York, London, 1999.
- Filip H., The quantization puzzle, Tenny C., PSTejovsky J., eds., *Events as grammatical objects: The converging perspectives of lexical semantics, logical semantics and syntax*, Stanford, 2000, 39–96.
- Halliday M. A. K., Categories of the theory of grammar, *Word*, 17 (3), 1961, 241–292.
- Isačenko A. V., *Die russische Sprache der Gegenwart*, Formenlehre, Halle (Saale), 1962.
- Janda L. A., Enderesen A., Kuznetsova J., Ljashchinskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S., *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty. Prefixes as Verb Classifiers*, Bloomington, 2013.
- Janda L. A., A metaphor for aspect in Slavic, Henrik Birnbaum in Memoriam, *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 44–45, 2006, 249–260.
- Janda L. A., *A Semantic Analysis of the Russian Verbal Prefixes za-, pere-, do-, and ot-*, Munich, 1986.
- Janda L. A., Aspectual clusters of Russian verbs, *Studies in Language*, 31/3, 2007, 607–648.
- Janda L. A., What makes Russian bi-aspectual verbs special?, Divjak D., Kochanska A., eds., *Cognitive Paths into the Slavic Domain. Cognitive Linguistics Research*, Berlin, New York, 2007, 83–109.
- Janda L. A., Ljashchinskaya O., Semantic profiles of five Russian prefixes: *po-, s-, za-, na-, pro-*, *Journal of Slavic Linguistics*, 21, 2012, 211–258.
- Kagan O., Degree semantics for Russian verbal prefixes: the case of *pod-* and *do-*, Grønn A., Pazelskaya A., eds., *The Russian Verb, Oslo Studies in Language*, 4 (1), Oslo, 2012, 207–243.
- Lakoff G., Johnson M., *Metaphors We Live By*, 2nd ed., Chicago, London, 2003.
- Langacker R. W., *Foundations of Cognitive Grammar. Volume I. Theoretical Prerequisites*, Stanford California, 1987.
- Markova A., On the nature of Bulgarian prefixes: Ordering and modification in multiple prefixation, *Word Structure*, 4, 2011, 244–271.
- Maslov Ju. S., Rol' tak nazyvaemoi perfektivatsii i imperfektivatsii v protsesse vozniknovenia slavianskogo glagol' nogo vida, *Doklady IV Mezhdunar. s'ezd slavistov*, Moscow, 1958.
- Mitkovska L., Bužarovska E., The preposition and prefix *nad* in South Slavic languages with emphasis on Macedonian, *Jezikoslovlje*, 13 (1), 2012, 107–150.
- Nedelcheva S., The LCCM theory applied to the Bulgarian preposition DO (a comparison with English TO), *Contrastive Linguistics*, 2, 2010, 40–53.
- Nedelcheva S., *Space, Time and Human Experience: A Cognitive View on English and Bulgarian Prepositions*, Shumen, 2013.
- Pashov P., *Bulgarskiiat glagol*, Sofia, 1966.
- Šarić L., Nedelcheva S., The verbal prefix *o(b)-* in Croatian and Bulgarian: The semantic network and challenges of a corpus-based study, *Suvremena lingvistika*, 40, 2015, 149–179.
- Šarić L., Nedelcheva S., The verbal prefix *u-* in Bulgarian and Croatian, *Languages in Contrast*, 18 (2), 2018, 252–282.
- Šarić L., Tchizmarova I., Space and metaphor in verbs prefixed with *od-/ot-* 'from' in Bosnian / Croatian / Serbian and Bulgarian, *Oslo Studies in Language*, 5 (1), 2013, 7–33.
- Tatevosov S., Intermediate prefixes in Russian, Antonenko A., Bailyn J. F., Bethin Ch. Y., eds., *Proceedings of the Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics*, 16, 2008, 423–445.
- Tyler A., Evans V., *The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning and Cognition*, Cambridge, 2003.
- Van Schooneveld C. H., *A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System*, Mouton, 1959.
- Vinogradov V. V., *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*, Moscow, Leningrad, 1947.

Светлана Неделчева, доцент, доктор

Шуменски университет

9700 Шумен, улица Университетска 115

България / Bulgaria

s.nedelcheva@shu.bg

Ljiljana Šarić, prof., PhD

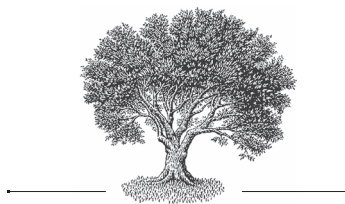
Universitetet i Oslo

1003 Blindern, 0316, Oslo

Norge / Norway

ljiljana.saric@ilos.uio.no

Received July 29, 2020

Конструкция
с предлогом *на*
и винительным
падежом в
значении адресата
при глаголах
говорить и *сказать*
в некоторых
южнорусских и
западнорусских
говорах

Na with the
Accusative:
Marking the
Addressee of
Speech in some
Western and
Southern Russian
Dialects

Роман Витальевич Ронько

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» / ИРЯ РАН им.
В. В. Виноградова,
Москва, Россия

Roman V. Ronko

National Research University Higher
School of Economics / Vinogradov
Institute of Russian Language of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Цитирование: Ронько Р. В. Конструкция с предлогом *на* и винительным падежом в значении адресата при глаголах *говорить* и *сказать* в некоторых южнорусских и западнорусских говорах // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 277–296.

Citation: Ronko R. V. (2021) *Na* with the Accusative: Marking the Addressee of Speech in some Western and Southern Russian Dialects. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 277–296.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.11

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Резюме

В литературном русском языке адресаты речи маркируются дательным падежом, в центре нашего исследования конкуренция между конструкциями со «стандартным» маркированием адресата и конструкциями с предложом *на*, сочетающимся с адресатом в винительном падеже. Исследование базируется на материале трех диалектных корпусов. Это данные из корпуса говора села Роговатое (Старооскольский район, Белгородская область), корпуса говора села Малинино (Хлевинский район, Липецкая область) и Опочецкого корпуса (Опочецкий район, Псковская область). Также к исследованию привлекаются данные из литературы, доступных сборников текстов и корпусов, которые позволяют получить карту и сделать некоторые лингвогеографические выводы. Для анализа в статье используется идея О. Н. Селиверстовой о «компоненте агрессии» как свойстве предлога *на*. Для рассмотренных говоров в конструкции с предложом *на* выделяется две группы значений: «побуждение к действию» и «брань, неодобрение». Эти две группы значений мы можем рассматривать как стадии семантического сдвига. По сравнению со стандартным маркированием адресата данная конструкция способна выражать не исключительно передачу информации. Стандартная конструкция с дательным падежом в свою очередь обычно не выражает самое агрессивное значение «брань, неодобрение».

Ключевые слова

предлоги, аккумулятив, датив, падеж, адресат, лингвистические карты

Abstract

In this paper we will consider a construction with a preposition *na* (on) and an addressee of speech with verbs *govorit'* (to speak) and *skazat'* (to say) in some Southern Russian and Western Russian dialects. In standard Russian, the semantic role of the addressee of speech is marked with the dative case. We will focus on the examples from Russian dialects that use a different marker of the addressee of speech: the preposition *na* with the accusative case. The research is based on the data extracted from several dialectal corpora, including the Rogovodka corpus (Starooskolsky district, Belgorod region), the Malinino corpus (Khlevinsky district, Lipetsk region), and the Opochka corpus (Opocheky district, Pskov region). Thus, we analyzed Western Russian (Opochka corpus) and Southern Russian data (Rogovodka and Malinino corpus). Constructions with the preposition *na* can have several meanings that can be distinguished into 2 groups: contexts with invectives and contexts that contain an impulse (motivation) to action. In the paper, we will consider these two groups of meanings as three stages of a semantic shift. We can suggest that the metaphorical transition of the construction occurs as follows: 1. A surface of a real physical object; 2. A sound wave on a surface, in which the addressee of speech acts with a component of aggression; 3. Influence and control of this addressee.

Keywords

prepositions, accusative, dative, case, addressee, linguistic maps

1. Введение

В данной работе мы рассмотрим одну конструкцию с предлогом *на* и адресатом при глаголах говорения в некоторых южнорусских и западно-русских диалектах. В литературном русском языке семантическая роль адресата при глаголах говорения маркируется дательным падежом:

- (1) *Я ему говорю: ты же нерусский, Чуйкин! Смеется...* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001), НКРЯ).

Объектом нашей работы будут диалектные примеры, в которых адресат говорения выражен конструкцией предлог *на* + винительный падеж (далее *на+ВП*).

Иллюстрацией данной конструкции служат примеры 2–4:

- (2) *А на Михалыча говорит: «Иди домой за ножиком»* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область);
(3) *Переводчик на меня и говорит, их пятнадцать человек вот так выстроили и спрашивают меня: «Что? Какие?»* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область);
(4) *А я на супругу говорю: давай ка перякроем крышу* (деревня Пуршево, Опочецкий район, Псковская область).

Необходимо заметить, что те же информанты используют и «стандартный» дательный падеж для обозначения адресата при глаголах речи:

- (5) *Ну а мальчишки нам сказали: вы, — говорят, — садитесь на дровни сзади, как будем под гору спускаться, вы свалитесь в снег, а мы когда к кустам будем подъезжать, тогда свалимся* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область);
(6) *Вот она приехала, нам сказала* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область);
(7) *А он, ничаво не говоря нам, пошел* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область).

Цель нашей работы — изучение конструкций с предлогом *на* и адресатом при глаголах речи в западных¹ среднерусских и южнорусских говорах.

А. М. Пешковский описывает 4 функции конструкций с предлогом *на+ВП*: пространственную (поверхность предмета), временную, цели и средства действия [Пешковский 1938: 287]. Основное значение предлога

¹ Все единицы диалектного членения даются в соответствии с классификацией, содержащейся в работе [Захарова et al. 1970].

на — пространственное, а именно «функция опорной поверхности» [Селиверстова 2000; Кустова 2001].

Связь пространственного значения предлога *на* со значением, которое выражено в примерах 2–4, принято рассматривать как семантический переход, метафору, см., например: [Lakoff, Johnson 1980/2003, Talmy 2000]. Метафоре пространственных показателей посвящена обширная литература. Особенно тщательно рассматривается временная метафора пространственных показателей [Haspelmath 1997]. «Одна из задач когнитивного анализа семантики предлогов — проследить, как исходная пространственная схема распространяется (“расширяется”) на непространственные ситуации и метафорические пространства» [Кустова 2001: 141].

Употребление предлога *на* в русском литературном языке рассматривалось в различных работах по семантике предлогов, см., например: [Селиверстова 2000; Кустова 2001]. В частности, в этих работах утверждается, что некоторые глаголы имеют в семантике компонент «агрессивность», другие его не имеют. Глаголы, которые имеют подобный компонент, часто способны сочетаться с предлогом *на*. Вследствие этого можно считать, что этот компонент может входить в семантику предлога *на* [Селиверстова 2000: 213]. О. Н. Селиверстова утверждает, что, вероятно, компонент «агрессивность» у предлогов *на*, *оп*, *sur* связан с тем, что в их семантике заложено представление о функции опоры, что предполагает действие траектора (субъекта движения или местонахождения) на ориентир [Ibid.: 214]:

(8) *Бросился на нее с кулаками* [Ibid.: 213];

(9) *Бросился в ее объятия* [Ibid.: 213].

В восьмом и девятом примере употребляется один и тот же глагол, однако в примере 8, по мнению Селиверстовой, «она» выступает опорой для кулаков, что объясняет необходимость предлога *на* в данном контексте. В примере 9 отсутствует идея опоры и присутствует идея окружения ориентиром. Кроме того, данный контекст не подразумевает агрессии, для него предлог *на* не подходит.

В русском литературном языке существуют лексемы передачи информации, которые позволяют использовать конструкцию с предлогом *на*. Это лексемы с общим значением ‘ругаться’ (*ругаться*, *кричать*, *материться*, *орать*, *блехать* и др.). Например:

(10) Он краснеет весь. **Кричит на меня:** «Это что, взятка? Взятка, да?!»
А сам слюну глотает... (Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962)).

В данных лексемах реализуется компонент «агрессивность». Селиверстова рассматривает глагол *кричать* как «глагол движения, предполагающий перемещение звуковой волны, несущий определенную информацию, но при этом цель действия не передача информации, а «нападение» на Y [Y — ориентир. — Р.Р.]» [Селиверстова 2000: 214].

В НКРЯ встречаются редкие употребления конструкции с предложением *на* и адресатом при глаголах говорения, в семантике которых не содержится компонент «агрессивность»:

- (11) *И что бы ты ни говорил на меня на суде, что бы ты ни свидетельствовал* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).

В примере 11 в глаголе говорить содержится значение ‘наговаривать’. Здесь местоимение *меня* — не адресат, а объект или ориентир, на который совершается наговор. Такие примеры содержатся во многих русских говорах (см. примеры в [Малышева 2018]). В примерах 12–14 мы видим более экзотические конструкции, речь о которых пойдет дальше.

- (12) *Старик первый вылез помолиться, пошел в какую-то комнату, женщины тоже. Хозяин говорит на меня: «Ты сиди, пока я встану». Налил еще вина, выпил сам, налил и мне поднес: «Пей, спать лучше будешь». Я немножко глотнул и отказался.* (В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 3–4 (1983)).

Здесь Лихоносов, проживший большую часть жизни в Краснодаре и Краснодарском крае, демонстрирует интересующую нас диалектную конструкцию.

Примеры 13–14 принадлежат С. Т. Семенову, произведения которого посвящены описанию крестьянского быта и содержат попытки имитации диалектной речи. В примере 13 пытается воспроизводить диалектную речь, эту же конструкцию в четырнадцатом примере мы таким же способом объяснить не можем:

- (13) *Ну-ка, говорит на меня, поди сюда. Я подошел.* (С. Т. Семенов. Катюшка (1899));
- (14) *Что ты орешь-то, аль плохо наелся за завтраком? — сказал на него Машистый. — Я-то всегда хорошо ем, вот ты-то под старость без хлеба не насидись, — огрызнулся Восьмаков. — Авось бог милостив.* (С. Т. Семенов. Односельцы (1917)).

В задачи нашего исследования входит: 1) провести корпусное исследование конструкции с адресатом при глаголах говорения в некоторых

южнорусских и западных среднерусских диалектах; 2) описать механизм выбора между данными конструкциями. Дальнейшее изложение в данной статье будет устроено следующим образом: в разделе 2 мы приведем обзор данных, на которых строится наша работа. В разделе 3 мы анализируем конструкции с адресатом, маркированным дательным падежом при глаголах *говорить*, *сказать* или с эллипсисом глагола в диалектных корпусах. В разделе 4 мы рассматриваем конструкции с адресатом, маркированным предлогом *на* и винительным падежом. В разделе 5 мы говорим о распространении данной конструкции, и в заключении мы обобщаем результаты исследования.

2. Данные

Настоящая работа основана на данных, извлеченных из диалектных корпусов, созданных на базе международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ и отдела диалектологии и лингвистической географии ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова. В этих разных по объему диалектных корпусах представлены образцы среднерусских и южнорусских говоров в их современном состоянии.

1. Корпус говоров деревень, расположенных к северу от города Опочка [Ронько et al. 2019], объемом 49654 токенов (Опочецкий район Псковской области). Данные говоры относятся к среднерусским говорам Псковской группы.

2. Корпус говора с. Роговатое объемом 100047 токенов [Тер-Аванесова et al. 2018] (Старооскольский район Белгородской области). Данный говор относится к южнорусскому наречию, Оскольской подгруппе межзональной группы Б.

3. Корпус говора с. Малинино [Тер-Аванесова et al. 2019] объемом 139039 токенов (Хлевенский район Липецкой области). Данный говор относится к южнорусскому наречию, восточной (рязанской) группе говоров.

Кроме корпусов, рассмотрены материалы из сплошной расшифровки аудиозаписи речи двух информантов объемом 4747 словоформ, являющихся носителями опочецких говоров, речь которых в настоящий момент не входит в упомянутый корпус, а также материалы работы [Дьяченко et al. 2018], посвященной описанию говоров Опочецкого района.

Важно отметить, что материал говора села Роговатое, рассмотренный в данной статье, отличается от материала, рассмотренного А. В. Малышевой в статье [Малышева 2018], в которой исследуется корпус расшифрованных текстов говора с. Роговатое объемом около 80000 словоформ (на данный момент не опубликован).

Из этих корпусов были извлечены конструкции с адресатом при глаголах говорения, а именно: *говорить, сказать*.

Сначала был осуществлен поиск примеров, где адресат был выражен предложом *на* и именем в ВП, а после — «стандартных» конструкций, в которых адресат маркирован дательным падежом без предлога. Полученные данные представлены в следующей таблице.

Таблица 1

Распределение адресатов, маркированных предложом *на+ВП* и дательным падежом

Источник	<i>на+ВП</i>	ДП
Опочка (информанты НИМ 1934 и ИВЕ 1949, [Дьяченко et al. 2018])	6	4
Опочецкий корпус	3 (27%)	8 (73%)
Малинино (корпус)	9 (30%)	21 (70%)
Роговатое (корпус)	3 (12%)	22 (88%)

В таблице 1 представлен весь релевантный материал, который был извлечен нами из трех корпусов и двух источников по опочецким говорам. Этих данных не хватает для статистического анализа, однако мы можем убедиться, что в одних и тех же диалектных системах сосуществуют два варианта маркирования адресата речи.

В нашей работе мы собираемся сравнить контексты, в которых адресат маркирован дательным падежом, и контексты, в которых адресат маркирован предложом *на* и показателем винительного падежа. В свете работы Селиверстовой и идеи о семантическом компоненте воздействия, заложенном в предложе *на*, мы предполагаем наличие семантической разницы между этими конструкциями. Мы рассмотрим несколько значений, которые могут выражать глаголы *говорить* и *сказать* в сочетании с адресатом (который может быть выражен двумя указанными способами): значение, в котором компонент агрессии доминирует (брань, неодобрение, ирония, увещевания и проч.), значение побуждения к действию или воздействия (приказы, просьбы...), и основное значение — значение передачи информации без компонента агрессии и побуждения к действию.

3. Конструкции с адресатом, маркированным дательным падежом, при глаголах *говорить, сказать*

3.1. Данные опочецкого корпуса

Данные рассмотренных диалектных корпусов подтверждают распределение, описанное Малышевой. В Опочецком корпусе встретилось 8 примеров с адресатом в дательном падеже. В примерах 15–20 глаголы

сказать и *говорить* употреблены в значении «передача информации» и не содержат семантического компонента агрессии или побуждения:

- (15) Девочки, ну почему против, я же **вам** ничего плохое не **сказал**, то, что есть в жизни, было, что я знал, то **сказал**² (т. е. не сказал глупости или неправды).
- (16) я выхожу и **говорю ему**: приехали до Опочки.
- (17) Коренных жителей нет. Нет, я **вам говорю**.
- (18) Время помирать. Я когда **Вите говорю**, я говорю: «Время помирать».
- (19) Сынок, что ты сделал, что тебя с границы отпустили? Он никого **ему** не **сказал**. Не положено.
- (20) Я даже не видала — **мне** цыганка **сказала**. «Баб, ты погляди, помойку притащили тебе!»

В примерах 21–22 глаголы *сказать* и *говорить* помимо «передачи информации» выражают «воздействие на адресата». Это выражается императивом в прямой речи (21) и частицей *ну-ка* (22):

- (21) А я сюда приехал, **мне сказали** врачи: «Уезжай».
- (22) Быстро домой, я **тебе говорю!** Ну-ка иди на кресло, место!

3.2. Данные малининского корпуса

В корпусе села Малинино содержатся примеры при глаголах *говорить* и *сказать*, в котором адресат маркирован дательным падежом.

Так же, как и в Опочке, некоторые контексты содержат глаголы *сказать* и *говорить*, которые не выражают дополнительных значений, только «передачу информации».

- (23) Ну и Надя сказала: я лошадь продам, **ему сказала**³.
- (24) Да. Пойти **Наде сказать** (о том, что приехал ее родственник).
- (25) А я **ему говорю**, я говорю: «Я и этой Ире», — сказала, я говорю, «не посоветовался — не приехала», — я говорю, встретила его.

В примере 25 женщина сообщает своему знакомому о том, что она сообщила его жене о том, что тот с ней (с говорящей) не посоветовался.

Всего в корпусе содержится 18 подобных примеров.

² Все примеры из корпусов даны в том виде, в котором они содержатся в корпусах.

³ Контекст: жена говорит мужу, который лежит в больнице в тяжелом состоянии после аварии, о его лошади. Он ей отвечает: «Не продавай, я отдохну». Помимо передачи информации в этом примере содержится попытка посоветоваться и, возможно, просьба.

В следующих примерах глаголы *сказать* и *говорить* употреблены во втором значении: конструкция с дательным падежом может выражать воздействие, которое заложено в форме императива: в (26) примере дочь оказывает давление на мать навязчивой просьбой купить ей одежду, просьба выражена императивом глагола купить, мать на эту просьбу не отвечает. В (27) мать пытается повлиять на действия дочери, в примере (28) содержится настойчивый совет.

- (26) Уходили, и кто пришел с войны. Отец мой не пришел. А они носят, мне хочется поносить — а мне не дают. А я, это, я говорю: «Мам, купи мне, купи!» А она ничего **мне не скажет**, а потом, когда я подросла, я говорю: «Мам, а почему ты не родила? Ты бы родила — либо брат или сестра были у меня».
- (27) Вот **дочери я ей говорю**: я тебе лучше денежку дам, только мне, я говорю, это... звони каждый день.
- (28) Возьми, я **тебе говорю**, полотенце.

3.3. Данные корпуса села Роговатое

Далее мы приведем контексты из корпуса говора села Роговатое, которые содержат адресат, маркированный дательным падежом. Девять примеров содержатся в составе идиоматического выражения «как вам сказать», приведем один пример:

- (29) Это вот отсюда где, как **вам сказать**, не могу тебе точно, ну...

В десяти примерах глагол *говорить* употреблен в первом значении передачи информации, приведем два из них:

- (30) Вот и ... ну бывает, а я **ей тоже скажу**: «Полин, ну милая, ну всю жизнь не бывает, что все как тебе клеилось».
- (31) А невестка не пошла, я ж **тебе сказала**.

Также есть два примера, в которых глагол употреблен во втором значении (значении воздействия). В примере 33 содержится требование сменить одеяло:

- (32) Ну приглашают, **мне сказали**: найди хорошую, только путевую.
- (33) А я **ей говорю**: да, мама, да смени одеяло, тянула, вещьвала.

И пример со значением передачи информации. Информантка уточняет, что употребила матерную брань в разговоре с колдуньей.

- (34) Я говорю: да! Я говорю: да — опять же матом **ей сказала**, я говорю, — да я ж не знала, что ты, я говорю, колдунья, я говорю, ну, козырнула опять.

4. Конструкции с адресатом, маркированным винительным падежом и предлогом *на* при глаголах *говорить*, *сказать* или без глагола

Опираясь на понятие «компонент агрессии» из работы Селиверстовой, мы выделяем в полученных данных два разных типа конструкций с адресатом, маркируемым падежом и предлогом *на*, которые имеет смысл различать:

1. Контексты, в которых содержится элемент агрессии, где за глаголами *говорить* и *сказать* содержится прямая речь с бранью, упреком, или разговор на повышенных тонах.

2. Контексты, в которых компонент агрессии отсутствует, но есть компонент мягкого воздействия (побуждения к действию): примеры с императивной семантикой.

Нейтральных, не экспрессивных употреблений *сказал на меня* в литературном значении *сказал мне* в нашем материале не встретилось.

В корпусе опочецких говоров содержится три примера с конструкцией *на+ВП*:

(35) *Чего это ты такую рань, думаю, уехала. — Ты ошалела, — она на меня. — Ты не даешь спать, ходишь — блудишь.*

(36) *Я, как мой сын на меня говорит: ты цистерну выпила корвалолу.*

(37) *Когда чай пить: — Мам, пойдем чай пить. Ну не пройдет так, чтоб он не пригласил или не сказал грубо на меня.*

В примере 35 отсутствует глагол говорения, однако контекст и наличие прямой речи его подразумевает. В данном примере содержится «компонент агрессии».

В примере 37 компонент агрессии содержится в самой конструкции глагол *сказать* в *опред. значении* + *на* + *ВП*. Он подчеркивается наречием *грубо*.

Примеры 35 и 37 относятся к первой группе контекстов, пример 36 ко второй. Примеры 2–4, также порожденные опочецкими информантами (но не входящие в корпус), не содержат компонента агрессии:

(2) *А на Михалыча говорит: «Иди домой за ножиком»* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область);

(3) *Переводчик на мяня и говорит, йих пятнадцать человек вот так выстроили и спрашивают мяня: «Что? Какие?»* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область)⁴;

⁴ Контекст примера: от девочки требуют указать на конкретных людей, стоящих в шеренге.

- (4) А я **на супругу говорю**: давай-ка перякроем крышу (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область).

В примере 2 и 4 содержится побуждение к действию, выраженные глаголами в форме императива, в примере 3 глагол в форме императива отсутствует, однако ситуация подразумевает побуждение к действию.

В работе [Дьяченко et al. 2018], которая посвящена описанию говоров вокруг Опочки, есть три релевантных примера с исследуемым типом маркирования:

- (38)⁵А В'эра **на нáз**: «Зóлушк'и, а, Зóлушк'и! С'áд'ит'и вы ай н'é?» [Ibid.: 302];
 (39)А ад'ин падхóд'а и **гъвар'йт' на мáмку**: хаз'áйк, быд' дабрá, ид'и гъвар'йт', т'иб'é х'ичás фс'ó аб'эрут', ф т'еб'á в'íжу р'аб'áт мнóга. Гъвар'йт' уже двá м'ашкá наклáд'енъ, абирáют' с той пълав'ин'е, ф т'аб'á фс'ó шшас с'в'азут' [Ibid.: 302];
 (40)И патóм вот ат'е́ц **на мáт' сказáл**, што ты ъставáйс'а дóма, а йа пайéду ъдган'áт' скот, а патóм в'арнус' дамóй [Ibid.: 302].

В примере 38 содержится настойчивое предложение сесть. В 39 транслируется мягкое предложение хозяйке пойти домой. В примере 40 есть распоряжение оставаться дома. Во всех трех примерах в отрывке с передаваемой речью содержится императив и воздействие на собеседника.

В корпусе говоров села Малинино содержится 9 примеров с исследуемой конструкцией. Примеры 41–46 относятся к группе 1. В них отражена брань, неодобрение, упреки, насмешки и разговор на повышенных тонах.

- (41)Да Витък, — мы **на него**, — да когда ж ты бороду отрежешь, да что ж ты такой.
 (42)А мы **на нее скажем**: Валя, на кого ж ты похож?⁶
 (43)**На кого-нибудь** вон: ты что, безмозгая, наплела? **На кого-нибудь, на чего-нибудь** вот так-то называешь иной раз.
 (44)Больная, вот эта Шурка **на нее говорит**: больная, блинцов по какой стопе печешь!
 (45)Она, энта **на нее говорит**: ты притворяешься.
 (46)**Говорит**, будь ты проклята, **на сестру** на свою, **говорит**, будь ты проклята, **говорит**.

⁵ Примеры приведены в таком же виде, как в цитируемой работе.

⁶ Контекст: маленькая девочка, рожденная вне брака, говорила вслед за своими родными по матери, что она похожа на мать своего отца, на бабушку. И у ее подруг постарше было такое развлечение: спрашивать ее, на кого она похожа? «Похож» здесь — предикатив.

В следующем примере с помощью формы глагола в императиве и предложной конструкции выражается значение побуждения:

(47) *Маруся, ступай, полведерка водички принеси, а куст подкопает, картошку вынет, а **на меня скажет**: а ты кружку воды влей под куст.*

В данном примере значение побуждения к действию сопряжено с другим тонким значением, со злоупотреблением доверчивостью ребенка: картофельный воришка взял в сообщники маленькую девочку.

Также три примера содержится в корпусе села Роговатое, примеры 48 и 49 попадают в группу контекстов 1:

(48) *А я, мадьяра-то ушел, а мы, а я **говорю на него**: пан, чтоб тебя сибирка съела, откуда (откуля) вы взялись на нашу голову.*

(49) *А она **на меня так**: ты, **говорит**, что, гребанулась? — прям вот так. — Далеко ты, грит, давала ей молоко? Я говорю: а кто знал?*

Пример 50 содержит значение схожее с примерами из второй группы. Здесь строгий отказ от действия, к которому побуждают адресата:

(50) *И **говорит на меня**: я не буду с тобою, я боюсь.*

Следует отметить, что в работе [Малышева 2018] отмечаются для данного говора и конструкции из группы 2.

На наш взгляд, эти две группы значений связаны между собой. Вторая отличается от первой тем, что компонент агрессии в ней скрыт, но тем не менее все же присутствует.

5. Географическое распространение конструкций с предлогом *на* и винительным падежом в значении адресата при глаголах *говорить*, *сказать*

Конструкции с предлогом *на* и ВП являются специфичными и встречаются только в некоторой части русских говоров. Необходимо оговориться, что в данной работе и, в частности, в этом разделе мы не рассматриваем конструкции со значением наговора, которые присутствуют в большом числе говоров и в литературном русском языке. Конструкции, рассмотренные выше, т. е. конструкции *на+ВП* со значением брани и др. с одной стороны и со значением побуждения к действию с другой, являются специфичными и редкими. Данные конструкции распространены на территории говоров южнорусского наречия и некоторых среднерусских говоров. Это явление в говорах неоднократно упомянуто в литературе. Необходимо упомянуть работу [Дурново 1903], который отмечал данную конструкцию в говоре д. Парфенки Рузского уезда Московской

губернии. Подробный обзор литературы содержится в статье Анны Малышевой [Малышева 2018], посвященной данной конструкции при глаголах говорения в говоре села Роговатое Старооскольского района Белгородской области. Данная конструкция была зафиксирована на территории калужских [Чернышев 1900: 32], курских [Солодовников 1867: 70], воронежских [Гринкова 1947: 109] и межзональных говорах группы Б [Малышева 2018] на юге, смоленских [Расторгуев 1960: 154–155] и Псковских [ПОС 7: 34–35] на западе. Примеры данной конструкции обнаружены в расшифровке текстов донских говоров Волгоградской области [Касаткина 2012]. Кроме того, она типична для юго-западных говоров украинского языка, но встречается и в некоторых юго-восточных украинских говорах [Історія української мови 1983: 190–191; Добош 1978: 18–19], а также отмечена в брестско-пинских, например, в говоре д. Субботы Дрогичинского района Брестской области (в текстах Ф. Д. Климчука, цит. по [Barszczewska, Jankowiak 2012: 261]). Нормативные грамматики белорусского языка не отмечают подобные конструкции [Бірыла, Шуба 1985], опрос информантов, владеющих литературным белорусским языком, тоже не дал результатов⁷; однако данная конструкция встречается в записях текстов белорусских говоров, например в говорах Краславского р-на Латвии [Янковяк 2012: 205]. Однако в «северско-белорусском» [Расторгуев 1927] говоре села Спиридонова Буда Брянской обл. (корпус объемом 70564 словоформы [Гардер et al. 2018]), который тоже является белорусским говором, а именно северско-белорусским, таких конструкций обнаружено не было.

На карте (1) мы попытались показать территорию распространения конструкции *на+ВП* с компонентом воздействия⁸.

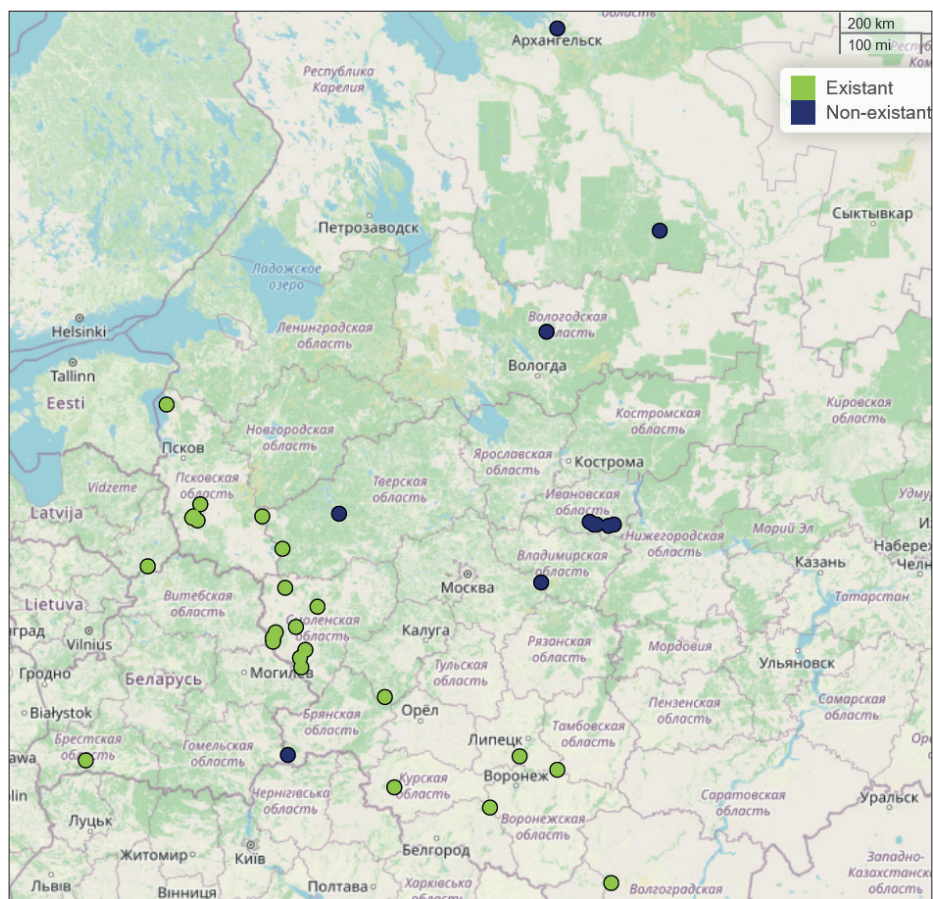
На данную карту нанесено 27 точек, которые указывают на населенный пункт, в котором была зафиксирована изучаемая конструкция, и 11 точек, для которых данная конструкция не зафиксирована. В тех случаях, где у нас нет информации о конкретном селе, но есть информация о районе, в котором зафиксирована конструкция, отмечены районные центры. Это три точки: Гдов [ПОС 7: 34–35], [Barszczewska, Jankowiak 2012: 261], Краслава [Янковяк 2012: 205], Пушкинские Горы [ПОС 7: 34–35]. Синими точками помечены места, где данная конструкция нами не встречена. В качестве «отрицательного материала» были

⁷ Несмотря на нормативные грамматики и опрос двух носителей белорусского языка, родившихся в Минске, поиск примеров в поисковых системах «Яндекс» и «Google» по запросам «гавариць на яго», «гавариць на мяне» дает результат: в «Яндексе» 5 примеров «гавариць на мяне», два из которых содержатся в фольклорных текстах.

⁸ Карта сделана с помощью пакета R “lingtypology: easy mapping for Linguistic Typology” [Moroz 2017].

Карта 1

Распространение конструкции с предложением *на* и винительным падежом в значении адресата (с компонентом агрессии) при глаголах *говорить*, *сказать*

отмечены точки, для которых существует большое количество опубликованных текстов (преимущественно корпуса). Так, в национальном корпусе русского языка в материалах архангельских говоров (архангельский материал НКРЯ на карте обозначен точкой в Архангельске), в Устьянском корпусе (Устьянский район, Архангельская область, объем корпуса 864057 словоформ) [Даниэль et al. 2013–2018], в базе данных по харовским говорам (Харовский район, Вологодская область, объем корпуса 3070 словоформ) [Крылов, Тер-Аванесова 2012a], в базе данных по русским говорам (село Пустоша, Шатурский район, Московская область, объем корпуса 99630 словоформ) [Крылов, Тер-Аванесова

20126] и в корпусе говоров бассейна рек Лух и Теза (Ивановская область) [Кувшинская 2020] не нашлось данных конструкций. Также не нашлось данных конструкций в собрании образцов текстов Селижаровского района Тверской области (примерно 9300 словоформ) [Николаев, Толстая 2008] и в корпусе говора села Спиридонова Буда. Отсутствие конструкций в собрании текстов Селижаровского района может быть объяснено характером текстов: описание процедуры выгона скота и сопутствующих обрядов предполагает малое количество цитации и диалогической речи, где чаще всего можно задокументировать изучаемые конструкции. Нужно сказать, что корпусный метод не дает нам возможности задокументировать отсутствие того или иного элемента языка, только наличие. Отсутствие материала в относительных корпусах может максимум сказать о статистических предпочтениях употреблять тот или иной вариант. В связи с этим особенно критично нужно отнестись к отсутствию необходимого материала в корпусе села Спиридонова Буда, которое со всех сторон окружено точками, в которых исследуемые конструкции содержатся. Карта построена по материалам обсуждаемых корпусов, указанной литературы, корпусов говора села Нехочи [Тер-Аванесова et al. 2020] (Калужская область, Хвастовичский район), говоров Хиславичского района Смоленской области [Рыко, Спиричева 2021], а также по данным диалектного подкорпуса НКРЯ, в котором было обнаружено шесть примеров конструкций *на+ВП* в Липецкой, Курской, Тамбовской, и Тверской областях. Приведем здесь весь материал диалектного подкорпуса НКРЯ:

- (51) «Ну, — **говорит на солдата**, — иди, пусть девчат кормит, что ж они голодные?» Ну, пришел, полез к ней на потолок, поскидал мясо, тогда немцы убивали скот, уводили. Ну, не поунесли, а они его сами поподбирали (НКРЯ, село Широково, Львовский район, Курская область);
- (52) Сеяли свяклу. Да. **Говорим на тракториста**: «Сломай его» (НКРЯ, село Кужное, Мордовский район, Тамбовская область);
- (53) «У нас ноги поотнялись!» Ну-ка по снегу в тех, в онучках в одних. Ну, и **он на военного говорит**: «Проводи их!» Он нас, правда, проводил на Ширекино, путями мы чтоб пошли. Ну мы и пошли (НКРЯ, село Широково, Львовский район, Курская область);
- (54) А **на маму говорит**: «Ты, щас будешь нам готовить». Мама... Говорять резать, значит, надо искать, кто резать будет (НКРЯ, село Широково, Львовский район, Курская область);
- (55) [э-э] **нѣ меня скажыть** / Нюр / иди / дочынка / пѣмаги мне там // мам / ну я никаво ни пѣнимаю (НКРЯ, село Уварово, Торопецкий район, Тверская область).

Примеры 51–55 относятся к контекстам, содержащим побуждение к действию. В примерах 51–53 и 55 содержится императив в прямой речи, в примере 54 побуждение к действию совмещено с компонентом агрессии (это видно из контекста) и выражается с помощью указания действия, которое должен совершить адресат сообщения в будущем времени.

Помимо примеров из корпусов и исследовательских работ на карту нанесена точка в деревне Шетнево Западнодвинского района Тверской области, в которой необходимые примеры нашлись в ходе полевых исследований автора:

(56) *Да, и это самое, и пришел и **говорит на мамку**, собирались на утро с ней идти и снесем было эту самогонку, а он пришел и говорит: «Ой тетя Рита, поедем», говорит, «сейчас поеду в Торопу, я тебя и свезу заодно».*

Глядя на карту, можно заключить, что данная конструкция находится на территории южнорусского наречия, а также на территории западной части среднерусских говоров. Большая часть точек на территории русского языка связана с территорией русско-украинско-белорусского пограничья.

Заключение

В рассмотренных говорах содержатся две модели маркирования адресата при глаголах *говорить*, *сказать*: адресат может маркироваться дательным падежом, а также конструкцией с предлогом *на*+ВП.

Эти две модели имеют нестрогое семантическое распределение, а именно конструкция с глаголами *говорить*, *сказать* и адресатом в дательном падеже выражает стандартное значение передачи информации и значение побуждения к действию, а конструкции с предлогом и винительным падежом выражают значение «побуждение к действию» или группу значений «брань, неодобрение». Оба значения конструкции *на*+ВП базируются на компоненте агрессии.

Две группы значений, которые выражаются конструкциями с предлогом, мы можем рассматривать как стадии семантического сдвига. Мы можем сформулировать следующую гипотезу: метафорический переход происходит следующим образом: Опора на поверхность реального физического объекта — опора звуковой волны на поверхность, в роли которой выступает адресат с компонентом агрессии — влияние и управление этим адресатом (при снижении агрессии). Обобщая наши материалы и материалы Малышевой, можно заключить, что по крайней мере в говорах деревень Опочецкого района, говоре села Малинино и говоре села Роговатое распределение исследуемых конструкций базируется на одинаковых принципах.

Конструкции *на+ВП* в русских говорах связаны с территорией белорусско-русско-украинского пограничья. Корпусных данных с материалом среднерусских говоров, которые позволили бы сделать строгое утверждение такого рода, на данный момент недостаточно, однако те, которые есть (данные говоров в Ивановской области, данные говора села Пустоша и малые данные по среднерусским говорам из НКРЯ), дают возможность сформулировать подобную гипотезу.

Библиография

Источники

Гардер et al. 2018

Гардер М. О., Петрова Н. С., Мороз А. Б., Панова А. Б., Добрушина Н. Р., *Корпус говора села Спиридонова Буда*, Москва, 2018 (<http://linghub.ru/spiridonovabuda>).

Даниэль et al. 2013–2018

Даниэль М., Добрушина Н., фон Вальденфельс Р., *Говор бассейна Устья. Корпус севернорусской диалектной речи, 2013–2018*. Берн, Москва (www.parasolcorpus.org/Pushkino).

Крылов, Тер-Аванесова 2012a

Крылов С. А., Тер-Аванесова А. В., *База данных по харовским диалектам* (<http://starling.rinet.ru>).

Крылов, Тер-Аванесова 2012b

Крылов С. А., Тер-Аванесова А. В., *Электронные базы данных по русским народным говорам* (<http://starling.rinet.ru>).

Кувшинская 2020

Кувшинская Ю. М., *Корпус говоров низовья рек Лух и Теза*, Москва, 2020 (<http://lingconlab.ru/lukhteza>).

НКРЯ

Национальный корпус русского языка, (<https://ruscorpora.ru/>).

Ронько et al. 2019

Ронько Р. В., Вольф Е. А., Гребенкина М. Ю., Ершова М. Ю., Охупкина А. В., Хадасевич А. С., Морозова В. А., *Корпус опочецких говоров*, Москва, 2019 (<https://linghub.ru/opochka>).

Рыко, Спиричева 2021

Рыко А. И., Спиричева М. В., *Корпус Хиславичского района Смоленской области*, Москва, 2020 (<http://lingconlab.ru/khislavichi>).

Тер-Аванесова et al. 2018

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Колесникова Е. В., Малышева А. В., Игнатенко Д. И., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. *Корпус говора села Rogovatka*, Москва, 2018 (<http://www.parasolcorpus.org/Rogovatka>).

Тер-Аванесова et al. 2019

Тер-Аванесова А. В., Балабин Ф. А., Дьяченко С. В., Малышева А. В., Морозова В. А., *Корпус говора села Малинино*, Москва, 2019, (<https://lingconlab.ru/malinino/>).

Тер-Аванесова et al. 2020

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Корпечкова Е. В., Малышева А. В., Пекунова И. С., Толстая М. Н., *Корпус говора деревни Нехочи*, Москва, 2020 (<http://lingconlab.ru/nekhochi/>).

Литература

Бірыла, Шуба 1985

Бірылая М. В., Шуба П. П., рэд., *Беларуская граматыка ў 2 ч., 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне*. Націск, Мінск, 1985.

Гринкова 1947

Гринкова Н. П. Воронежские диалекты, *Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. И. Герцена*, 51, Ленинград, 1947.

Добош 1978

Добош В. И., Синтаксис южнокарпатских говоров украинского языка (синтаксические функции падежей), автореф. дисс. докт. филол. наук, Ужгород, 1978.

Дурново 1903

Дурново Н. Н. *Описание говора д. Парфенок Рузского уезда Московской губернии*, Варшава, 1903.

Дьяченко et al. 2018

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Малышева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В., Экспедиция в Опочецкий район Псковской области, *Русский язык в научном освещении*, 2 (36), 2018, 257–312.

Захарова et al. 1970

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Сологуб А. И., Строганова Т. Ю., *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров*, Москва, 1970.

Історія української мови 1983

Історія української мови: Синтаксис, Київ, 1983.

Касаткина 2012

Касаткина Р. Ф., ред., *Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие*, Москва, 1999.

Кустова 2001

Кустова Г. И. Семантическая сеть предлога НА, *Труды Международного семинара «Диалог-2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям*, Москва, 2001, 141–150.

Малышева 2018

Малышева А. В., Маркирование семантических ролей при глаголах речи в южнорусском говоре, *Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов*, Москва, 2018, 108–130.

Николаев, Толстая 2008

Николаев С. Л., Толстая М. Н., Домашний скот в обычаях восточных славян. 2 (из диалектных записей Селижаровского р-на Тверской обл.), *Исследования по славянской диалектологии*, 13: *Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем)*, Москва, 2008, 312–347.

Пешковский 1938

Пешковский А. М., *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва, 1935.

ПОС

Псковский областной словарь с историческими данными, 7, Ленинград, 1986.

Расторгуев 1927

Расторгуев П. А., *Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров*, Ленинград, 1927.

——— 1960

Расторгуев П. А. *Говоры на территории Смоленщины*, Москва, 1960.

Селиверстова 2000

Селиверстова О. Н., Семантическая структура предлога на, *Исследования по семантике предлогов*, Москва, 2000, 189–247.

Солодовников 1867

Солодовников Ф. О старооскольском народном говоре, *Филологические записки*, Воронеж, II, III–IV, 1867.

Ходова 1971

Ходова К. И., *Падежи с предлогами в старославянском языке: Опыт семантической системы*, Москва, 1971.

Чернышев 1900

Чернышев В. И., Дополнения к сведениям о говоре г. Мещевска, *Сб. ОРЯС АН*, С.-Петербург, 68, 6, 1900.

Янковяк 2012

Янковяк М., *Беларускія гаворкі ў Краслаўскім раёне Латвіі. Сацыялінгвістычнае даследаваньне*, Беласток, Вільня, 2012.

Barszczewska, Jankowiak 2012

Barszczewska N., Jankowiak M., *Dialektologia białoruska*, Warszawa, 2012.

Haspelmath 1997

Haspelmath M., *From space to time: temporal adverbials in the world's languages*, München, 1997.

Lakoff, Johnson 1980/2003

Lakoff G., Johnson M., *Metaphors we live by*, 2nd ed., Chicago, 1980/2003.

Talmy 2000

Talmy L., *Towards cognitive semantics, II: Typology and process in concept structuring*, Cambridge, 2000.

Ресурсы для построения карт

Moroz 2017

Moroz G (2017). *_lingtypology: easy mapping for Linguistic Typology_* (<https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology>).

References

Barszczewska N., Jankowiak M., *Dialektologia białoruska*, Warsaw, 2012.

Birylaja M. V., Šuba P. P., red., *Bielaruskaja hramatyka ў 2 č., 1: Fanalohija. Arfaepija. Marfalohija. Slovaŭtvarennie. Nacisk*, Minsk, 1985.

Dyachenko S. V., Zhidkova E. G., Malysheva A. V., Ronko R. V., Ter-Avanesova A. V., *Dialectological expedition to Opochka district, Pskov region, Russian Language and Linguistic Theory*, 2(36), 2018, 257–312.

Grinkova N. P. Voronezhskie dialekty, *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 51, Leningrad, 1947.

Haspelmath M., *From space to time: temporal adverbials in the world's languages*, Munich, 1997.

Jankowiak M., *Bielaruskija havorki ў Kraslaŭskim rajenie Latvii. Sacyjalinhvistyčnaje dašledavaŭnie*, Bialystock, Vilnius, 2012.

Kasatkina R. F., red., *Russkie narodnye govory. Zvuchashchaia khrestomatiia. Iuzhnorusskoe narechie*, Moscow, 1999.

Khodova K. I., *Padezhi s predlogami v staroslavianskom iazyke: Opyt semanticheskoi sistemy*, Moscow, 1971.

Kustova G. I. Semanticheskaja set' predloga NA, *Trudy Mezhdunarodnogo seminaru «Dialog–2001» po komp'iuternoj lingvistike i ee prilozhenijam*, Moscow, 2001, 141–150.

Lakoff G., Johnson M., *Metaphors we live by*, 2nd ed., Chicago, 1980/2003.

Malysheva A. V., Semantic roles marking of speech act verbs in the South Russian dialect, *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii* 19–20. *Slavianskie dialekty v sovremennoi iazykovoj situatsii. Dialektnyi slovar' kak sposob issledovaniia slavianskikh dialektov*, Moscow, 2018, 108–130.

Nikolaev S. L., Tolstaya M. N., Cattle in traditions of East Slavs. II (dialectal records from Tver' region), *Research on Slavic Dialectology*, 13: *Slavian-skie dialekty v situatsii iazykovogo kontakta (v proshlom i nastoiashchem)*, Moscow, 2008, 312–347.

Peshkovsky A. M., *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii*, Moscow, 1935.

Rastorguev P. A. *Govory na territorii Smolenshchiny*, Moscow, 1960.

Rastorguev P. A., *Seversko-belorusskii govor: Issledovanie v oblasti dialektologii i istorii belorusskikh govorov*, Leningrad, 1927.

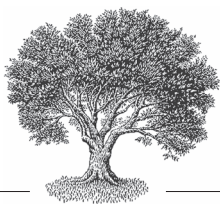
Seliverstova O. N., *Semanticheskaya struktura predloga na, Issledovaniia po semantike predlogov*, Moscow, 2000, 189–247.

Talmy L., *Towards cognitive semantics, II: Typology and process in concept structuring*, Cambridge, 2000.

Zakharova K. F., Orlova V. G., Sologub A. I., Stroganova T. Yu., *Obrazovanie severnorusskogo narechiia i srednerusskikh govorov*, Moscow, 1970.

Роман Витальевич Ронько, кандидат филологических наук,
старший преподаватель
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
научный сотрудник
ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
romanronko@gmail.com

Received December 6, 2020

Три стратегии коартикуляции по голосу в русском языке

**Сергей Владимирович
Князев**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук,
Москва, Россия

Three Different Strategies of Voice Coarticulation in Modern Standard Russian

Sergey V. Knyazev

V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Результаты описанного в данной статье экспериментально-фонетического исследования коартикуляции по голосу в консонантных кластерах [сонорный + шумный + сонорный] на материале 384 слов, полученных от 24 информантов, подтверждают обоснованное ранее положение о том, что в современном русском литературном языке существует зависимость наличия или отсутствия аккомодации по типу фонации от места и способа артикуляции контактирующих согласных: близость по этим фонологическим признакам между интерсонантным взрывным согласным и окружающими его сонорными в сочетаниях [зубной носовой + зубной взрывной + альвеолярный вибрант] ведет к озвончению (смычной части) глухого взрывного и удлинению его послевзрывной фазы. При этом в позиции между идентичными носовыми сонантами, гоморганными взрывному, где степень

Цитирование: Князев С. В. Три стратегии коартикуляции по голосу в русском языке // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 297–320.

Citation: Knyazev S. V. (2022) Three Different Strategies Of Voice Coarticulation In Modern Standard Russian. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 297–320.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.12

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

коартикуляции должна быть максимальной, озвончение смычки взрывного блокируется вследствие того, что фонологический контраст не может более поддерживаться из-за отсутствия послевзрывной фазы. В сочетании [зубной носовой + зубной взрывной + зубной/альвеолярный боковой] фиксируется как озвончение (смычной части) глухого взрывного, так и коартикуляционное оглушение конечного в кластере мягкого бокового вследствие увеличения продолжительности послевзрывной фазы предшествующего ему взрывного. Таким образом, в зависимости от степени артикуляционной близости зубного взрывного окружающим его переднеязычным сонорным согласным в литературном русском языке наблюдается три разных стратегии коартикуляции по типу фонации. При этом полученные в ходе настоящего исследования экспериментальные данные позволяют утверждать, что коартикуляционные изменения по голосу осуществляются в сочетаниях [нтл'] последовательно от предшествующего сегмента к последующему, то есть коартикуляция является прогрессивной — в отличие от процессов ассимиляции по глухости/звонкости в русском языке, всегда характеризующейся регрессивной направленностью.

Ключевые слова

фонетика, коартикуляция по голосу, место и способ образования, нейтрализация, фонетическая структура фонологического признака

Abstract

The paper reports some new data based on an experimental study in voice coarticulation of voiced and voiceless obstruents adjacent to sonorants as a function of place and manner of articulation of these consonants in Standard Modern Russian. The results of the experiment based on the 384 tokens collected from 24 participants confirm once again that in word internal clusters of [sonorant + obstruent + sonorant] coronal consonants the voice coarticulation of the obstruent is observed; it may be determined by the surrounding sonorants. The coarticulation in question may be realized in three different ways. In the case of sonorants not identical in place and manner of articulation [dental nasal + dental voiceless stop + alveolar vibrant] the closure part of the dental stop becomes voiced throughout, but this accommodation in phonation type does not lead nevertheless to the voiced/voiceless phonemes' neutralization since the contrast in question is still maintained by means of phonetic parameters other than voice (phonation itself), such as closure duration, burst duration (being significantly higher in underlyingly voiceless stops) and relative overall intensity (being noticeably higher in underlyingly voiced obstruents). On the other hand, in the case of dental sonorants identical in place and manner of articulation [nasal + voiceless stop + nasal], where the maximum effect of coarticulation for an homorganic stop was expected, the contrast in burst duration is eliminated since no burst of dental stop is found in the position before an homorganic nasal, but the closure part of the stop does not acquire voicing in order to prevent the voiced/voiceless phonemes' neutralization. Finally, in the case of [dental nasal + dental voiceless stop + dentalveolar lateral] consonantal clusters the closure part of the dental stop is voiced throughout and the increased burst duration leads to (generally complete) devoicing of the

following lateral. The direction of coarticulation in [ntlj] clusters is progressive, it is carried out gradually, left to right.

Keywords

phonetics, voice coarticulation, place and manner of articulation, neutralization, voiced and voiceless obstruents, phonetic structure of phonological feature

В подавляющем большинстве славянских языков фонологические правила, регулирующие взаимодействие согласных по глухости/звонкости, действуют в пределах класса шумных согласных и имеют регрессивную направленность: полное озвончение и оглушение (смена значения фонологического признака) происходит в позиции шумного перед шумным, ср. чешск. *prosba* ['prozba] 'просьба', *lebka* ['lɛpka] 'череп'; польск. *prośba* ['prozba] 'просьба', *ryska* ['riska] 'царапинка' и т. п. [Бернштейн 1961: 264]. Однако и в тех случаях, когда ассимиляция по голосу в качестве фонологического правила отсутствует (например, для звонких шумных в позиции перед глухим в украинском (*швидко* ['ʃvidko] 'быстро'), в случае контактного расположения двух шумных, отличающихся по глухости/звонкости, наблюдаются адаптационные процессы, приводящие к частичному озвончению или оглушению контактирующих согласных в результате одновременного осуществления движений, относящихся к разным артикуляционным жестам, для облегчения артикуляционного перехода от одного сегмента к другому. Эти явления не регулируются лингвистическими правилами, а являются следствием функционирования моторной программы высказывания, в результате чего осуществляется *коартикуляция* (или *аккомодация*). Обычно при этом первый термин употребляется в широком смысле — как для характеристики взаимодействия сегментов внутри одного класса (например, согласных), так и для описания приспособления артикуляции гласных и согласных, во втором случае чаще употребляется термин *аккомодация*¹.

В истории языка коартикуляция обычно является этапом, предшествующим формированию соответствующего фонологического правила, то есть ассимиляция возникает из явлений коартикуляции. Так, данные современных славянских языков свидетельствуют о том, что, например,

¹ Однако иногда разграничивают *собственно коартикуляцию*, которая «имеет место в тех случаях, когда положение или состояние некоторого речевого органа при реализации данного звукового жеста задается не им, а соседними звуками, не затрагивая при этом центральных, опорных параметров этого звука» [Кодзасов, Кривнова 2001: 117], и *аккомодацию*, которая «имеет место тогда, когда положение (состояние) некоторого речевого органа, основного с точки зрения производства данного звука, определяется одновременно не только этим звуком, но и его звуковыми соседями» [Ibid.].

- в польском оглушение [v] в позиции после глухого шумного уже стало лингвистическим правилом, в то время как, например, в болгарском оно является коартикуляционным процессом: «Сравнение, напр., русского “свой”, “творить” и под. или болгарского “свой” с польским произношением “swój” освещает это. В польском, w, по потере голосности, перешло в f: “sfuj”; в болгарском, безголосное v, “v”, такого сочетания не совпадает с f, а сохраняет качество “lenis”, независимо от употребляемого при произношении такого слова выдыхательного давления» [Брок 1910: 50];

- конечное оглушение шумных в польском, чешском, русском, болгарском является фонологическим правилом, а в сербскохорватском — фонетическим процессом: «в [...] наречияхъ южной Сербии [...] различается, напр., -đ (безголосное d) от -t, -z от -s, и т. д. И в образованной сербской речи можно наблюдать оттенок “lenis”; особенно, по-видимому, в случаях, где голосность конечного звонкого, -ž, -d и под., сохраняется в первой части согласного, а теряется до отбора его; получается тогда условная звуковая картина -đđ и под. Однако, и при таком развитии я отмечал также полный переход в типичный глухой, т. е. -đt и под. Вообще, ясное категорическое, традиционное различие “fortis”: “lenis” и в таких наречиях по-видимому не развилось» [Брок 1910: 50];

- озвончение шумного перед шумным в русском — лингвистическое правило, а в украинском — аккомодация;

- частичное оглушение носовых и плавных в позиции после глухого шумного — коартикуляционное явление во всех славянских языках, где оно отмечается²: «Следы прогрессивного уподобления в артикуляции гортани встречаются повсюду в славянской речи, в сочетаниях безголосного шумного со следующим сонорным согласным; именно, первая часть сонорного становится часто безголосною. Какое-нибудь чешское *spaña*, *krastí*, *klatí*³ представляет в сущности *ɲ + n*, *ʁ + r*, *l + l*; подобно в малорусских примерах *слава*, *слина*, *тлум*, *трав*, *треба*, *сну* и т. д. Но так как безголосная часть часто лишь минимальна, а решающим для слуха моментом становится в таких случаях последняя часть сонорного согласного, [...] то этот початок уподобления остается без заметного значения для звукового строя» [Брок 1910: 169].

² Чешский согласный [ř] следует, по-видимому, считать шумным: «The sound /ř/ is usually paired off with the alveolar trill /r/ in tables of Czech consonant phonemes. However, it is in fact an obstruent. Phonetically it is a trilled fricative... phonologically, it does not behave as a sonorant in that it cannot occupy the position of a syllable nucleus, and unlike /r/ and other sonorants which do not devoice contextually, it loses voicing word-finally and when it is adjacent to a voiceless obstruent... In addition, /ř/ triggers voicing agreement across a word boundary in both Czech varieties» [Šimáčková at al. 2012]

³ Так в цитате; по-чешски правильно будет *krástí*, *klástí*.

В отличие от ассимиляции, в результате коартикуляции не происходит смены значения признака, ведущей к нейтрализации фонологического контраста по голосу. Это оказывается возможным потому, что фонологический признак глухость/звонкость (напряженность/ненапряженность, *fortis/lenis, tense/lax*) на фонетическом уровне представляет собой сложную иерархическую структуру фонетических параметров, причем взаимнооднозначного соответствия между значением признака и каким-то одним акустическим явлением нет [Кодзасов 1982]. Глухие (напряженные) согласные отличаются от звонких тем, что 1) у них отсутствует голос (фонация, колебания голосовых связок), 2) дольше смычка (взрывного) или шумовая часть (фрикативного), 3) больше продолжительность послевзрывной фазы (аспирация), 4) выше интенсивность шума, 5) выше частота основного тона на соседнем гласном, 6) короче сами эти гласные, 7) более «сильным» является примыкание согласного к гласному (наблюдается более резкий спад интенсивности на предшествующем гласном, а формантный переход начинается позднее) и др. [Ohman 1966, Slis & Cohen 1969, Malecot 1970, Lisker 1978, Kohler 1979, Idem 1982, van Dommelen 1983, Ohde 1984, Kohler 1984, Idem 1985, Kohler & van Dommelen 1987]. Иерархическая структура фонологического признака может быть устроена по-разному: в случае максимального веса параметра [наличие/отсутствие голоса] признак обычно называется <глухостью/звонкостью>, в остальных случаях — обычно <напряженностью/ненапряженностью> (*fortis/lenes, tense/lax*). Более того, существует возможность некоторой «компенсации» фонетических параметров; если носитель языка не имеет возможности принять решение на основании наиболее важного параметра (например, по наличию голоса в шепотной речи на русском языке), он может основываться на значениях других параметров. При коартикуляции чаще всего происходит не смена значения всех параметров одновременно (как при ассимиляции), а изменение фонетической характеристики одного (или нескольких) фонетических параметров, обычно не ведущее к нейтрализации фонологического противопоставления.

В типологическом отношении коартикуляция по голосу (типу фонации) является более распространенным явлением, чем ассимиляция: она имеет место не только в языках без ассимиляции, но и в тех языках, где есть и фонологические правила, регулирующие чередования звуко-типов по глухости/звонкости. Очевидным образом, в этом случае она может наблюдаться, например, в случае соседства шумного согласного с сонорным (или с согласным, имеющим некоторые признаки сонорного, каковым в славянских языках может быть губно-зубной спирант или аппроксимант [v] [Jakobson 1956: 98]). Направление коартикуляции

при этом может быть различным как в плане ее линейного направления (регрессивная или антиципирующая — от последующего сегмента к предшествующему, прогрессивная или персервативная — от предшествующего к последующему), так и в отношении того, сегменту какого класса принадлежит определяющая роль в этом взаимодействии (оглушение сонантов в соседстве с глухими шумными или озвончение глухих шумных в соседстве с сонорными).

В славянских языках влияния типа основной артикуляции (места и способа образования) на характер ассимиляции согласных по глухости/звонкости не наблюдается: так, в русском зубной взрывной [т] озвончается и перед гомоганным [д] (*от дома*), и перед губным взрывным [б] (*от бани*), и перед передненебным фриктивным [ж] (*от желчи*), и перед заднеязычным смычным [г] (*от города*), то есть перед любым звонким шумным вне зависимости от места и способа и его артикуляции⁴. В противоположность этому, в случае коартикуляционных взаимодействий по типу фонации, связанных с действием моторной программы высказывания, тип основной артикуляции согласных, участвующих в этих изменениях, может быть важен. Так, в позиции внешнего сандхи начальный в слове [в] может оглушаться после гомоганного глухого согласного предшествующего слова (*штоф водки, Сивцев Вражек*) [Князев, Petrova, Vorontsova 2007; Князев 2016], а при наличии после него сонорного — и после негомоганных, но перед смычными (смычно-проходными) [н] и [л] (например, *страх внука, мох влажный*) значительно чаще, чем перед щелевым [й] (*пух вьюнка*) [Князев, Красько 2019].

Внутри фонетического слова коартикуляционное озвончение шумного может происходить в контакте с сонорным согласным, причем его наличие и частотность зависят от способа и — в большей степени — места образования соседнего сонорного. Так, в сочетаниях согласных сходного места образования [зубной носовой + зубной взрывной + передненебный вибрант] (например, *контракт*) полное озвончение смычной части взрывного [т] происходит приблизительно в 90% всех случаев, а в контакте с негомоганными [передненебный вибрант + зубной взрывной + губной носовой] (*портмоне*) — менее чем в 10% случаев [Князев 2021a] (осциллограмма и динамическая спектрограмма слова *контролёр* с аналогичным сочетанием приведены ниже на ил. 2). При

⁴ В других языках такая зависимость иногда встречается: так, в нидерландском щелевые оглушаются после любого шумного и все шумные озвончаются перед звонкими взрывными: «Dutch has the following two rules of voice assimilation, traditionally called Progressive Assimilation and Regressive Assimilation respectively. The rule of Progressive Assimilation says that a fricative is devoiced after a voiceless obstruent... The second rule of voice assimilation is that of Regressive Assimilation. It says that voiceless obstruents become voiced before a following voiced stop» [Booij 1995: 58–59].

этом носители языка надежно отличают [т] от [д] (например, в слове *Кондра́т*) в той же позиции: контраст по голосу (основному параметру, реализующему фонологическое противопоставление по глухости / звонкости) в этом положении нейтрализован, но различие возможно за счет значений других параметров — интенсивности (у фонологически звонкого она выше) и длительности послевзрывной фазы (у глухого она не только существенно продолжительнее, чем у звонкого, но и — для поддержания надежного контраста — становится значительно дольше (различие достигает значения в 400%), чем у того же глухого в позиции между гласными, где эти различия не превышают 200%) [Ibid.].

Подобная реализация шумных согласных в позиции между сонорными того же места образования может быть охарактеризована как *неполная нейтрализация* (incomplete neutralization) фонологического противопоставления. Изначально это явление было описано на материале реализации шумных согласных в конце фонетического слова в немецком языке [Port, Mitleb, O'Dell 1981], а затем и во многих других, в том числе, польском [Slowiaczek & Dinnsen 1985] и русском [Dmitrieva, Jongman, Sereno 2010]. В таких случаях тщательный акустический анализ дает основания заключить, что в реализации физических параметров, реализующих дифференциальный признак, наблюдаются незначительные (лишь в редких случаях статистически значимые), но последовательные различия, а носители языка могут, хоть и очень ненадежно, но отличать глубинные глухие шумные от звонких [Kohler 2012]. Соответствующий тип противопоставления называется иногда полуконтрастом (semicontrast) [Winter and Roettger 2011: 56]. Однако описанный в [Князев 2021a] тип неполной нейтрализации существенно отличается от охарактеризованного выше: в консонантных кластерах [сонорный + шумный + сонорный] фиксируются перцептивно значимые различия в реализации второстепенных параметров при условии нейтрализации главного (для фонетической системы данного языка), а не минимальные (не используемые для восприятия) отличия по всем параметрам, реализующим фонологический признак.

Итак, в позиции между сходными, но не идентичными сонантами [зубной носовой + зубной взрывной + переднеязычный вибрант] полное озвончение смычки взрывного не приводит к нейтрализации фонологического противопоставления глухих и звонких шумных согласных. Они продолжают различаться за счет других артикуляционных и перцептивных параметров: общей интенсивности (большей в случае фонологически звонких сегментов) и длительности послевзрывной фазы (большей (и увеличенной по сравнению с интервокальным положением) в случае фонологически глухих).

Иначе реализуется коартикуляционная стратегия в позиции взрывного согласного между сонорными, идентичными как друг другу (полностью), так и взрывному (по месту артикуляции при максимальной близости по способу) [зубной носовой + зубной взрывной + зубной носовой]. В этом случае (перед гоморганным [н]) в литературном русском произношении размыкания смычки взрывного обычно не происходит [Панов 1979: 19, 22–23], так что слушающий не может принять решения о глухости или звонкости шумного согласного по длительности послевзрывной фазы, а также по всем параметрам, связанным с соседними гласными, так как анализируемые согласные не находятся с этими гласными в непосредственном контакте. Нет в данной позиции и возможности основываться на длительности смычки взрывного, поскольку практически невозможно провести границу между ним и предшествующим носовым. Таким образом, можно предполагать, что из доступных слушающему параметров для принятия решения о глухости или звонкости взрывного согласного в окружении гоморганных носовых остается только интенсивность смычной части этого взрывного. Однако, как показывают данные проведенного исследования [Князев 2021б], в позиции между идентичными сонантами, где степень коартикуляции должна быть максимальной, озвончение смычки взрывного блокируется вследствие того, что фонологический контраст не может более поддерживаться из-за невозможности реализации такого существенного параметра, как длительность послевзрывной фазы. Озвончение смычки приводило бы к утрате в данной позиции смыслоразличительного противопоставления по глухости / звонкости, поскольку различия по параметру [интенсивность смычки] в описанной позиции хоть и сохраняются, но используются для манифестации контраста между [т] и [д] с окружающими их носовыми — иначе взрывной в этом положении вообще не мог бы быть воспринят слушающим. Иллюстрирующие этот факт осциллограмма и динамическая спектрограмма слова *галантный* приведены ниже на ил. 3.

Таким образом, стратегия коартикуляции по голосу между переднеязычными взрывным и соседними сонантами может существенно различаться в зависимости от места и способа артикуляции сонорных. Настоящая работа посвящена изложению результатов экспериментально-фонетического исследования коартикуляции зубных взрывных сонантам по типу фонации в еще одной фонетической позиции — **после носового перед мягким боковым [л']**. Эта позиция идентична описанным выше тем, что зубной взрывной [т] находится после гоморганного [н], но отличается от них типом сонорного после сочетания [тн]: в этом случае последний сонант [л']⁵ не полностью идентичен первому,

⁵ Мягкий [л'] был выбран для исследования в силу отсутствия в русском языке освоенных слов с сочетанием [нтл].

но в то же время является более близким зубному взрывному по типу основной артикуляции: он, как минимум, отличается от [p] наличием продолжительного смыкания между средней частью ламины (переднего края языка) и альвеолами или зубами, то есть занимает промежуточное положение между [h] и [p] по степени близости своей артикуляции способу образования зубного взрывного [t]. Более того, в русской фонетической традиции сочетания [t'л'] и [tl] (как и сочетания [tn]) зачастую трактуют как единую консонантную артикуляцию: один — взрывно-боковой — согласный. «Взрывно-боковые произносятся так: язык примыкает к зубам и одновременно отщелкивается боковая сторона языка от боковой части резонатора (т. е. от зубов и щеки); в это время слышим [t]-образную часть звука (первая часть артикуляции), затем — второй момент артикуляции — в образовавшуюся сбоку щель протекает воздух, создается “элевая” часть артикуляции. Естественно, если боковая часть языка отщелкивается от зубов (от стенки резонатора), то воздух неизбежно будет протекать в образовавшуюся боковую щель — неизбежно после щелчковой части будет звучать часть [-л] или [-л']: [t'л'эт']» [Панов 1979: 23].

Материалом для исследования служили слова:

- *галантный* (2)⁶, *пикантно*, *элегантный* (2) с сочетаниями -нтн-;
- *контроль*, *контролируй*, *контролер*, *контраст*, *мантра*, *контрибуции*, *антрепренер* с сочетаниями -нтр^(ч)- для сопоставления реализации глухого взрывного в позициях между идентичными и неидентичными сонорными;
- *талантлив* (2), *талантливо* (2), с сочетаниями -нтл'-.

Примеры из русских стихотворных текстов XIX–XX вв. были отобраны из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Служившие материалом исследования стихотворные отрывки с тестовыми словами (выделенными полужирным шрифтом) приводятся ниже:

Для сердца нежного ужасен

Контраст клоаки и депа...

Смирись! Закон природы ясен,

Хоть наша мудрость и слепа.

(В. С. Соловьев. Размышление о неизменности законов природы)

Так вот — напомнить сыном он хотел

о том, как сам когда-то был **талантлив**,

⁶ Цифра (2) после слова означает, что соответствующее слово встречалось в экспериментальном материале дважды.

чтобы других и сына убедить
в том, что **талантлив** сын благодаря
отцовским генам, а не материнским.

(Е. А. Евтушенко. Голубь в Сантьяго)

Скрывая власти глад, тогда морочил вас
Он звонкой пустотой революционных фраз.
Народ ему зажег приветственные плошки;
Но ты, ты не забыл серебряные ложки,
Которые, среди блестящих общих грез,
Ты **контрибуции** назначенной принес:
Едва ты узнику печальному британца
Простил военную систему Корсиканца.

(Е. А. Баратынский. Дядьке-итальянцу)

Шли дни. Король шалил. **Талантливо**-блестяще
Лишь над поверхностью гнилых болот скользя,
Он их не осушал и в гиблой дикой чаще
Не вешал вывесок: «Друзья, здесь жить нельзя».

(В. В. Князев. Аркадий Лейкин)

Сўтра с утра; **мантра** днем; дань молчаний;
В мантии майи мир скрыт ли, где скит?
Сутки в седле! перьев сорок в колчане!
Вскачь за добычей! тебе степи, скиф!

(В. Я. Брюсов. Тетрадь)

Когда при помощи Пановских
Догадливый **антрепренер**
И вождь «Ведомостей московских»,
Почуяв время и простор,
Катков, прославленный вития,
Один с Москвою речь ведет,
Что предпринять должна Россия,
И гимн безмолвию поет...

(Н. А. Некрасов. Вступительное слово
«Свистка» к читателям)

Друг другу, так сказать, насупротив
(как требуют инструкций незабудки),
контроль над телеграфом учредив
в глуши, не помышляющей о бунте,
они расположились над крыльцом,
возвысаясь над околицей белёсой,

над сосланным в изгнание певцом,
над спутницей его длинноволосой.

(И. А. Бродский. Развивая Крылова)

Достиг, увы... Никто из писарей
Не сочинил подобного «изыска»...
Поверьте мне, **галантный** брадобрей, —
Теперь не миновать вам обелиска.

(Саша Черный. Игорь Северянин [Эпиграммы, 3])

Юность расшумелась по вагонам,
Что это творится поутру?
Контролер отшельником казенным
Ходит в распевающем миру.

(М. А. Светлов. «Музыка ли, пенье, что ли, эхо ли ...»)

Разве могут быть где-то и толпа, и эстрада?
Разве может даваться **элегантный** концерт?
Сердце бьется спокойно, сердце сельному радо,
Сердцу здешнему чужды и Вильгельм, и Альберт...

(И. Северянин. Поэза маленькой дачи)

Сторожи, **контролируй** —
Эка невидаль, вишь,
Своевременной лирой
Потрясает малыш...

(Г. Н. Оболдуев. Муза)

Склонив хребет, **галантный** дирижер
Талантливо гребет обеими руками.
То сдержит оком бешеный напор,
То вдруг в падучей изойдет толчками...

(Саша Черный. На музыкальной репетиции)

Мы выпили по сто грамм,
включили телеэкран,
со всех четырех программ
вопил Франсуа Легран.
Парижский простой певец,
он был такой молодец,
такой **элегантный** стервец,
такой талант, наконец.

(Е. Б. Рейн. Мастерская)

И едкий сэр ответил с сердцем
 (Какие мудрые слова!):
 «**Пикантно** мясо с красным перцем,
 Но голый перец... черта с два!»
 (Саша Черный. «Бернарда Шоу раз спросили...»)

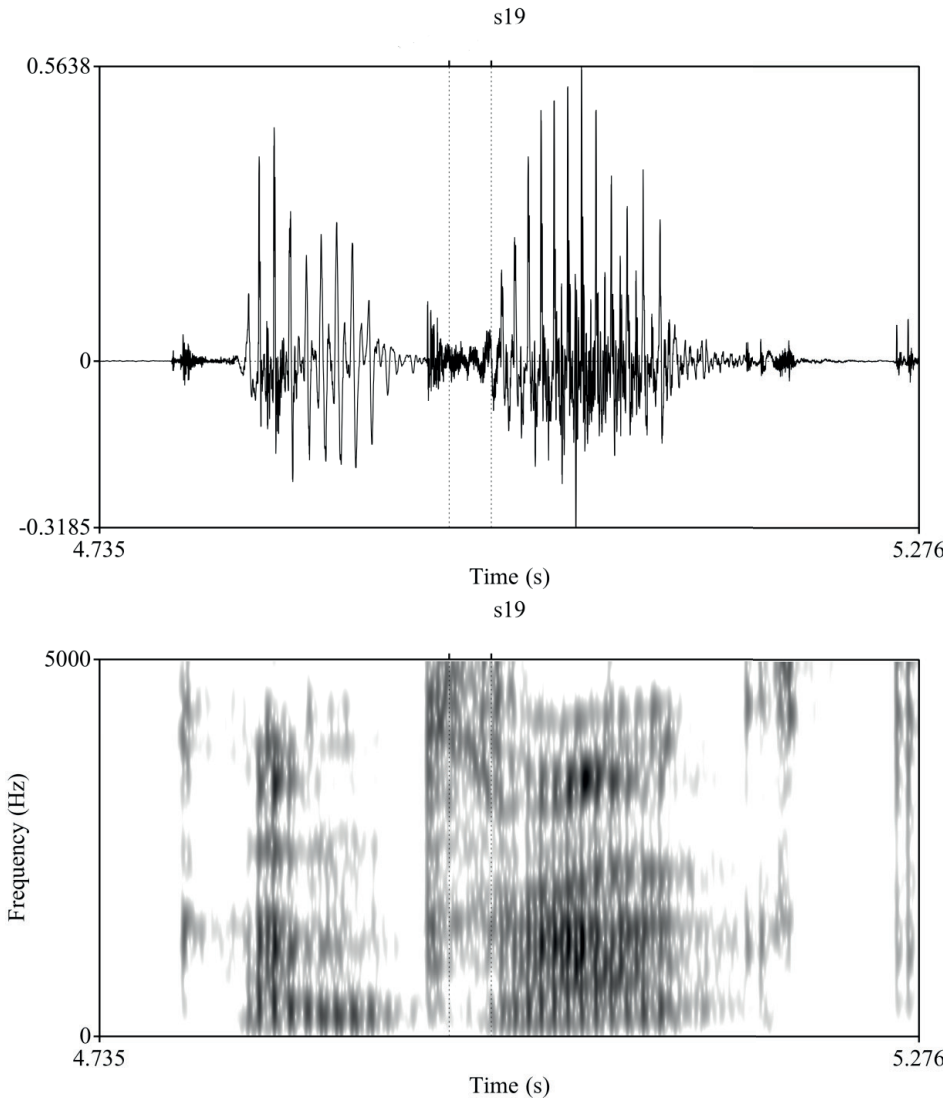
Некоторые слова (см. выше) встречались в текстах дважды; всего было проанализировано 16 тестовых слов.

Четырнадцать стихотворных отрывков, приведенные выше, (а также три филлера) были прочитаны 24 **информантами** с высшим и незаконченным высшим образованием (15 женщин и 9 мужчин) в возрасте 22–30 лет с целью устранить возможное влияние возрастных различий. Все дикторы являлись носителями современного русского литературного произношения: родились в Москве или проживают в ней не менее чем с двух лет. Все информанты имели возможность предварительно ознакомиться с текстами, которые им предстояло прочитать. Перед началом эксперимента информанты были проинструктированы читать тексты как можно естественнее, т. е. не стараться делать это театрально, «с выражением». Таким образом, всего было получено и проанализировано $16 \cdot 24 = 384$ тестовых примера.

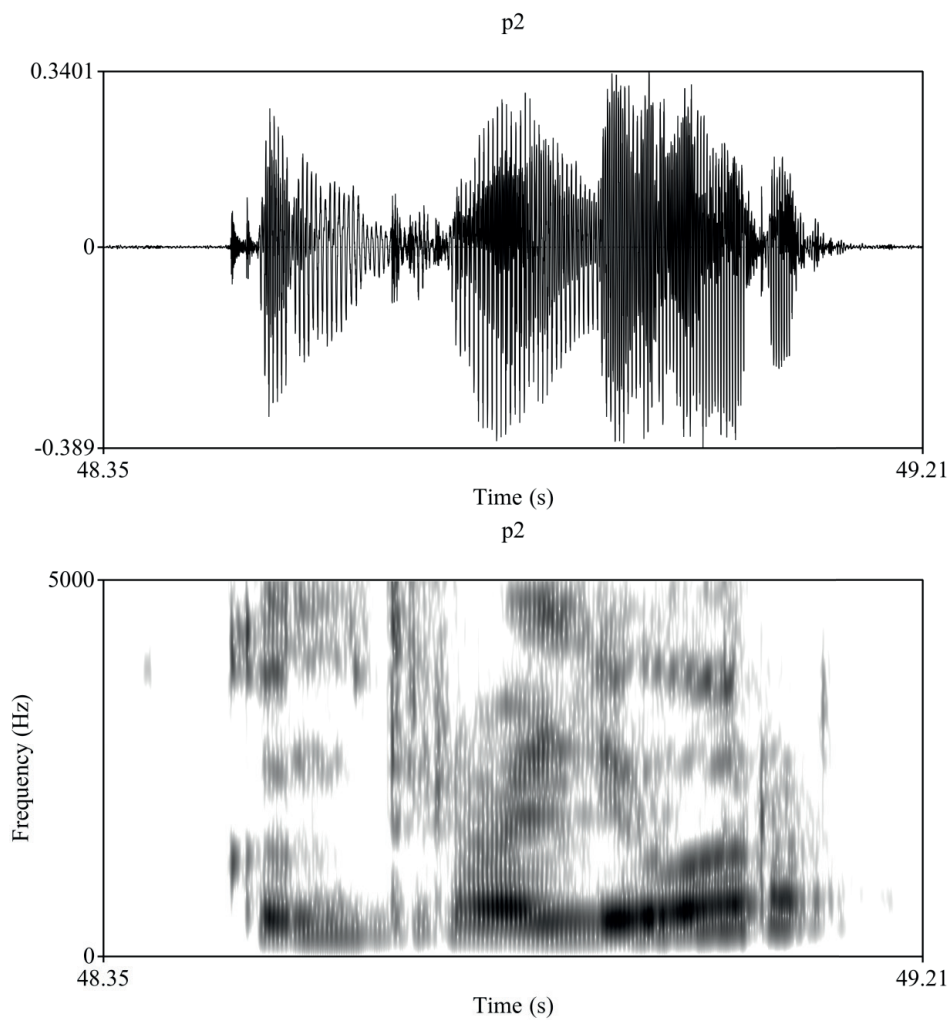
Процедура анализа заключалась в том, что в программе PRAAT по осциллограмме и динамической спектрограмме была измерена длительность глухого участка на месте смычки и продолжительность после-взрывной фазы согласного [т], а также определено, глухим или звонким является конечный сонорный в сочетании. Шумный согласный считался звонким, если длительность глухого участка его смычки не превышала 25 мс, боковой и носовой сонорный считались звонкими, если длительность их звонкого участка превышала 25 мс; для вибранта было определено наличие или отсутствие голоса на первой открытой фазе, при его наличии дрожащий считался звонким, при отсутствии — глухим.

Ниже на ил. 1–5 приведены осциллограммы и динамические спектрограммы слов *контракт* в произношении информанта 19, *контролер*, *галантный* в произношении информанта 2, *талантливо* в произношении информанта 12 и *талантлив* в произношении информанта 11. На ил. 1 можно наблюдать взрыв и наличие периодических колебаний на месте смычки [т] в положении между неидентичными сонорными и оглушение первой открытой фазы вибранта (выделена курсорами) в слове *контракт*. На ил. 2 хорошо видны взрыв и наличие периодических колебаний на месте смычки [т] в положении между неидентичными сонорными и отсутствие оглушения первой открытой фазы вибранта в слове *контролер*. На ил. 3 ясно виден глухой участок смычки [т] и отсутствие взрыва у глухого в позиции между носовыми

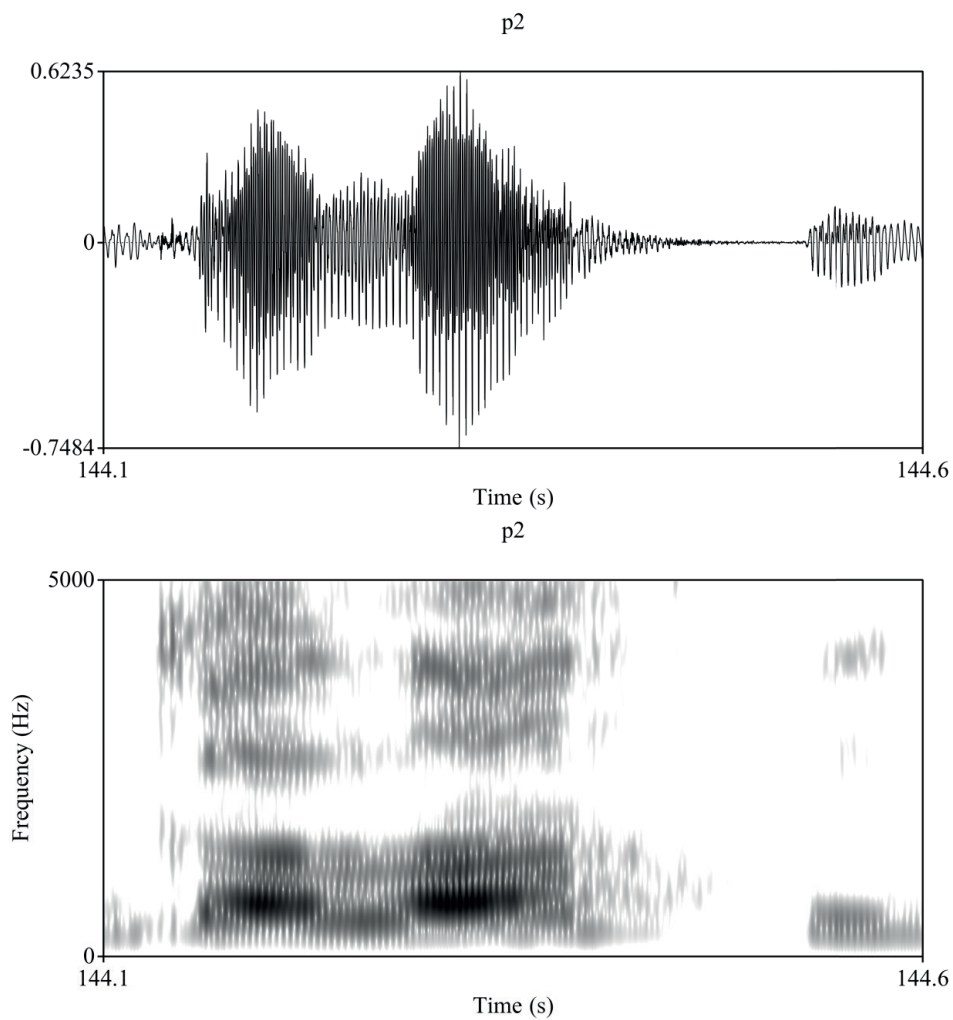
в слове *галантный*. На ил. 4 отчетливо видны звонкая смычка [т], его взрыв и две части (глухая первая и звонкая вторая) согласного [л'] в слове *талантливо*. Наконец, на ил. 5 можно наблюдать полностью звонкий участок смычки [т], его взрыв и полностью глухой боковой в слове *талантливо* (на этом рисунке курсорами отмечены взрыв [т] и размыкание [л']).

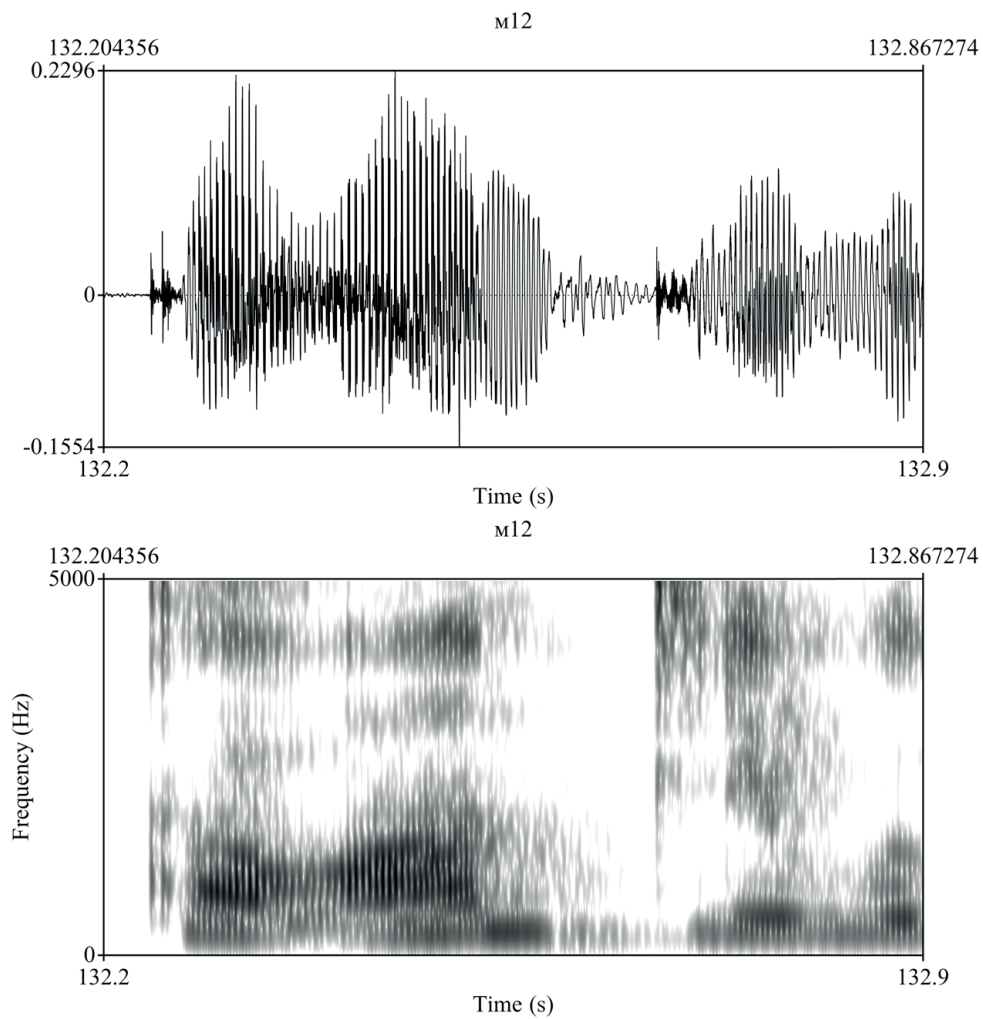
Ил. 1. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слова *контракт*, информант 19»

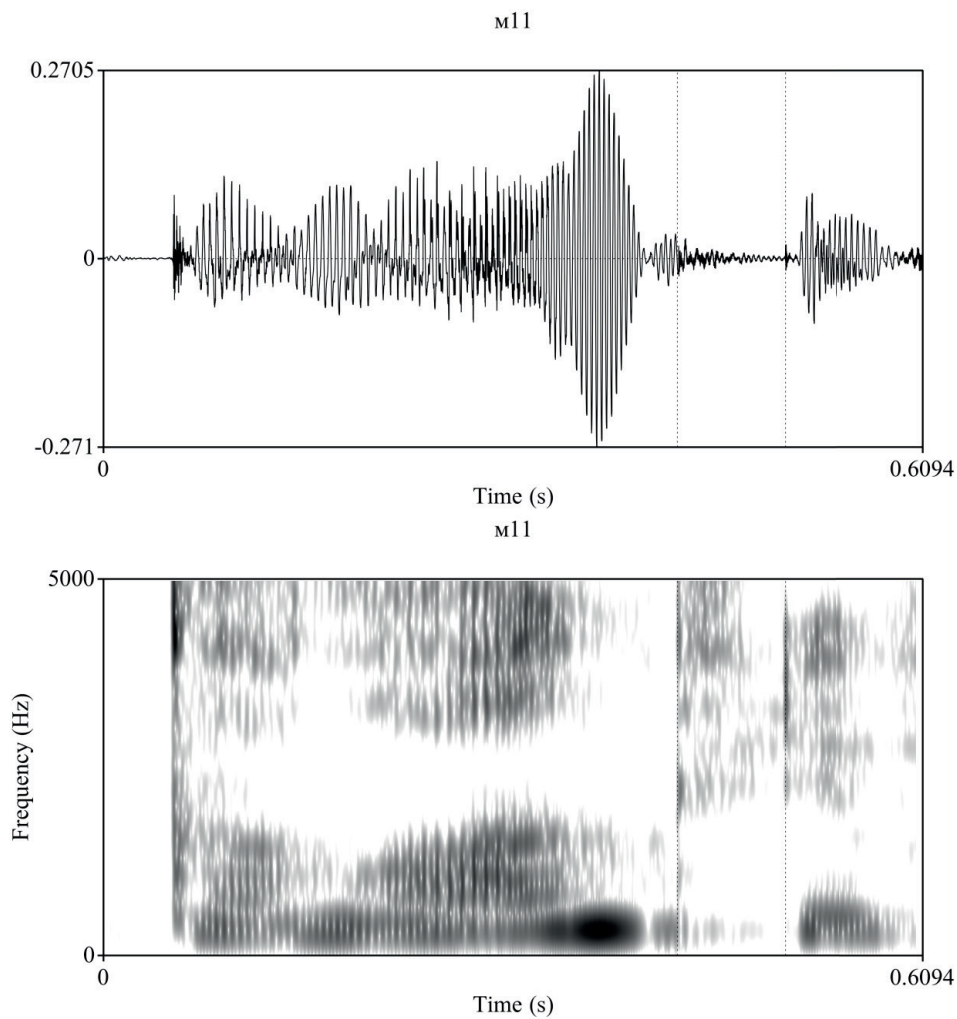
Ил. 2. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу)
слова *контролёр*, информант 2»

Ил. 3. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу)
слова *галантный*, информант 2»

Ил. 4. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слова *талантливо*, информант 12»

Ил. 5. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу)
слова *талантлив*, информант 11»

Основные **результаты** исследования обобщены ниже в табл. 1, в которой представлены усредненные по всем информантам данные о количестве (в процентах от общего числа исследованных случаев) и длительности глухого отрезка смычки и послевзрывной фазы *т* в сочетаниях с гоморганным носовым, а также о количестве оглушенных конечных в кластере сонорных (в процентах от общего числа исследованных случаев).

Таблица 1

Глухой отрезок смычки и послевзрывная фаза *т* в сочетаниях с гоморганным носовым: количество (в процентах от общего числа исследованных случаев) и длительность (мс); наличие полностью оглушенного конечного сонорного (в процентах от общего числа исследованных случаев); усреднено по 24 информантам

Сочетание (всего примеров)	Глухой отрезок смычки: кол-во (% от общего числа) / средняя длительность (мс)	Послевзрывная фаза: кол-во (% от общего числа) / средняя длительность (мс)	Наличие оглушенного конечного сонорного: кол-во (% от общего числа)
<i>нтл'</i> (96)	2% / 0,8 мс	100% / 54,7 ⁷ мс	92%
<i>нтр</i> (168)	11% / 7,1 мс	100% / 26,9 ⁸ мс	7%
<i>нтн</i> (120)	96% / 67,4 мс	4% / 1,2 мс	1%

Приведенные в Табл. 1 данные свидетельствуют о том, что:

- после сочетания *-нт-* латеральный плавный оглушается в 92% всех случаев, а вибрانت — только в 7%, носовой — практически никогда;
- смычка [т] в позиции между носовыми практически всегда (96% всех случаев) является глухой, а между носовым и плавным — в 93% случаев звонкой;
- в положении после носового перед плавным взрыв [т] фиксируется во всех 264 тестовых словах, а перед носовым — только в 3 из 120;
- в позиции после носового перед боковым длительность послевзрывной фазы [т] более чем в два раза превышает значение того же параметра в позиции после носового перед дрожащим.

В качестве одного из объяснений последнему факту можно предположить, что в словах *талантливо*, *талантлив* интерсонантный глухой взрывной согласный может быть мягким, а палатализованный [т'] в произношении большинства носителей русского языка в значительной части позиций является аффрикатой [Кузнецова 1969], т. е. характеризуется очень продолжительной шумовой частью после взрыва. Однако в положении перед мягким боковым смягчение это не является обяза-

⁷ С оглушенной частью [л'].

⁸ При наличии глухого отрезка смычки средняя длительность послевзрывной фазы составляет 16,4 мс; при отсутствии — 31,3 мс.

тельным. Для того чтобы определить, твердым или мягким является [т'] в произношении информантов, принимавших участие в описываемом эксперименте, в ходе исследования было измерено значение второй форманты гласного (являющееся основным акустическим ключом твердости/мягкости согласного в современном русском литературном языке) в конце одного и того же гласного [а] в первом предударном слоге в слове *талантливо*, а также в словах *галантный* (с твердым [н]) и *склонив* (с мягким [н']) в составе одной и той же фразы *Склонив хребет, галантный дирижер / Талантливо гребет обеими руками* (см. выше фрагмент 12 в списке тестовых стихотворений). Смягчение [н] в позиции перед [т'] является в русском языке обязательным, поэтому по произношению (твердому или мягкому) носового в слове *талантливо* можно с уверенностью судить о твердости/мягкости последующего интерсонантного взрывного. Результаты соответствующих измерений приведены ниже в табл. 2. На основании этих данных можно с полной уверенностью утверждать, что [т] в слове *талантливо* в произношении информантов (несомненно, носителей младшей орфоэпической нормы), участвовавших в эксперименте, является твердым: значение F_2 в конце предударного [а] в слове *талантливо* не отличается от того же значения в слове *галантный*, в то время как это значение в слове *склонив* составляет 124% от значений в словах *талантливо* и *галантный*, разница составляет около 340 Гц. Таким образом, взрывной в данном случае не является аффрикатой (как, собственно, это обычно и бывает даже с мягким [т'] в позиции перед гоморганным сонорным [Князев 2016]), поэтому для понимания двукратного превышения длительности послевзрывной фазы интерсонантного [т] в позиции перед боковым по сравнению с положением перед носовым требуется иное объяснение.

Таблица 2

Значение второй форманты в конце предударного гласного [а] (Гц) в словах *галантный*, *талантливо*, *склонив*; усреднено по 24 информантам

	<i>галантный</i>	<i>талантливо</i>	<i>склонив</i>
F_2 [а]	1399 Гц	1395 Гц	1738 Гц

Данный факт может быть связан с тем, что — при сходном месте образования (мягкий [л'] в произношении большинства носителей русского языка является, как и дрожащий согласный, альвеолярным [Князев, Пожарицкая 2020: 38–39]) — плавные сонанты различаются способом образования: при артикуляции вибранта чередуются открытая (вокалическая) и закрытая (смычка или существенное сужение) фазы, и это

весьма существенное отличие его от смычно-взрывного [т], в то время как при артикуляции бокового осуществляется смыкание центральной части ламины (передней части языка) и альвеол или зубов, как это происходит и при образовании [т], что способствует коартикуляции по голосу между глухим взрывным и боковым, результатом которой является оглушение латерального согласного.

Таким образом, полученные в ходе настоящего исследования экспериментальные данные позволяют сформулировать **вывод** о том, что в современном русском литературном языке существует **зависимость наличия или отсутствия аккомодации по типу фонации от способа артикуляции** контактирующих согласных: близость по этим фонологическим признакам между глухим шумным и сонорным способствует ее осуществлению, если же способы образования согласных принципиально различны, уподобления по голосу не происходит.

Важная особенность описанного выше явления заключается еще и в том, что характер его реализации позволяет судить о последовательности осуществления коартикуляционных процессов: в сочетаниях [нтл'] сначала происходит озвончение смычки интерсонантного взрывного, затем — компенсационное удлинение его послевзрывной фазы, что ведет к последующему оглушению конечного в кластере бокового плавного. Тем самым, коартикуляция является 1) прогрессивной — в отличие от процессов ассимиляции по глухости/звонкости в СРЛЯ, всегда характеризующейся регрессивной направленностью, и 2) последовательной (от одного сегмента к другому) в отличие от одновременной (от конечного согласного в кластере ко всем предшествующим сегментам) ассимиляции, результатом которой является полная смена значения признака всех согласных, ей подверженных, независимо от их количества [Hayes 1984: 318], (напр., *спуск с гор* [згзг]).

Итак, в трехкомпонентных кластерах переднеязычных согласных [носовой + зубной + сонорный] наблюдаются три разных стратегии коартикуляции по типу фонации в зависимости от места и способа образования конечного сонанта:

1. В сочетаниях [зубной носовой + зубной взрывной + альвеолярный вибрانت] имеет место озвончение смычной части глухого взрывного и удлинение его послевзрывной фазы без оглушения последующего плавного.

2. В консонантных кластерах [зубной носовой + зубной взрывной + альвеолярный боковой] фиксируется как озвончение смычной части глухого взрывного, так и коартикуляционное оглушение конечного в кластере мягкого бокового вследствие увеличения продолжительности послевзрывной фазы предшествующего ему взрывного.

3. В группе [зубной носовой + зубной взрывной + зубной носовой], где степень коартикуляции должна быть максимальной, озвончение смычки взрывного блокируется вследствие того, что фонологический контраст не может более поддерживаться из-за отсутствия послевзрывной фазы.

Библиография

Литература

Бернштейн 1961

Бернштейн С. Б., *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, Москва, 1961.

Брок 1910

Брок О., *Очерк физиологии славянской речи*, *Энциклопедия славянской филологии*, под ред. И. В. Ягича, 5.2, С.-Петербург, 1910.

Князев 2016

Князев С. В., Коартикуляция на стыках слов как показатель наличия просодического шва в русском языке, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июня 2016 г.)*, 15 (22), Москва, 2016, 237–247.

——— 2021a

Князев С. В., Фонационное варьирование согласных в связи с их способом и местом образования в русском языке, *Вопросы языкознания*, 3, 2021, 7–25.

——— 2021b

Князев С. В., О взаимодействии фонетических параметров, реализующих фонологический контраст по голосу в русском языке, *Сибирский филологический журнал*, 4, 2021, 137–153.

Князев, Красько 2019

Князев С. В., Красько А. В., Коартикуляция по голосу в сочетаниях «велярный + звонкий губно-зубной спирант» внутри и на стыках фонетических слов в современном русском языке, *Русский язык в научном освещении*, 2, 2019, 9–24.

Князев, Пожарицкая 2020

Князев С. В., Пожарицкая С. К., *Современный русский язык. Фонетика*, Москва, 2020.

Кодзасов 1982

Кодзасов С. В., Об универсальном наборе фонетических признаков, *Экспериментальные исследования в психолингвистике*, Москва, 1982, 69–82.

Кодзасов, Кривнова 2001

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф., *Общая фонетика*, Москва, 2001.

Кузнецова 1969

Кузнецова А. М., Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости-мягкости согласных в русских говорах, *Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров*, Москва, 1969, 35–137.

Панов 1979

Панов М. В., *Современный русский язык. Фонетика*, Москва, 1979.

Booij 1995

Booij G., *The Phonology of Dutch*, Oxford, 1995.

Dmitrieva et al. 2010

Dmitrieva O., Jongman A., Sereno J., Phonological neutralization by native and non-native speakers: The case of Russian final devoicing, *Journal of Phonetics*, 38, 2010, 483–492.

Hayes 1984

Hayes B., The phonetics and phonology of Russian voicing assimilation, *Language sound structure*, Cambridge, Massachusetts, 1984, 318–328.

Jakobson 1956

Jakobson R., Die Verteilung der stimmhaften und stimmlosen Gerauschlaute im Russischen, *Festschrift für Max Vasmer*, Berlin, 1956, 199–202.

Knyazev 2016

Knyazev S., Affricated dental plosives in Russian: phonological status and perceptual cues as a trigger of sound changes, *Linguistica Lettica*, 24, Riga, 140–149.

Knyazev et al. 2007

Knyazev S., Petrova I., Vorontsova I., Voice Coarticulation Across Word Boundaries in /v/+v/ Sequences in Standard Russian, *AFCP Workshop «Coarticulation: cues, direction, and representation»*, Montpellier, le 7 decembre 2007, Montpellier, 2007, 247–251.

Kohler 1979

Kohler K. J., Dimensions in the perception of fortis and lenis plosives, *Phonetica*, 36, 1979, 332–343.

——— 1982

Kohler K. J., F₀ in the Production of Lenis and Fortis Plosives, *Phonetica*, 39, 1982, 199–218.

——— 1984

Kohler K. J., Phonetic Explanation in Phonology: The Feature Fortis/Lenis, *Phonetica*, 41, 1984, 150–174.

——— 1985

Kohler K. J., F₀ in the perception of lenis and fortis plosives, *Journal of the Acoustical Society of America*, 78(1), 1985, 21–32.

——— 2012

Kohler K. J., Neutralization.?! The phonetics-phonology issue in the analysis of word-final obstruent voicing, *Speech and Language Technology*, 14/15 (=D. Gygbon, D. Hirst, N. Campbell, eds., *Rhythm, melody and harmony in speech: Studies in honour of Wiktor Jassem*), 2012, 171–180.

Kohler, van Dommelen 1987

Kohler K. J., Dommelen W. A., van, The effects of voice quality on the perception of lenis/fortis stops, *Journal of Phonetics*, 15, 1987, 365–381.

Lisker 1978

Lisker L., Rapid vs. Rabad: A catalogue of acoustic features that may cue the distinction, *Haskins Laboratories. Status Report on Speech Research SR-54*, 1978, 127–132.

Malecot 1970

Malecot A., The Lenis-Fortis opposition: its physiological parameter, *Journal of the Acoustical Society of America*, 47/6, 2, 1970, 1588–1592.

Ohde 1984

Ohde R. N., Fundamental frequency as an acoustic correlate of stop consonant voicing, *Journal of the Acoustical Society of America*, 75/1, 1984, 224–230.

Ohman 1966

Ohman S. E. G., Coarticulation in VCV utterances: spectrographic measurements, *Journal of the Acoustical Society of America*, 39, 1966, 151–168.

Port et al. 1981

Port R., Mitleb F., O'Dell M., Neutralization of obstruent voicing in German is incomplete, *Journal of the Acoustical Society of America*, 70, 1981. S13, F10.

Slis, Cohen 1969

Slis I. M., Cohen A., On the complex regulating the voiced-voiceless distinction I & II. *Language and Speech*, 12, 1969, 80–102; 137–155.

Slowiaczek, Dinnsen 1985

Slowiaczek L., Dinnsen D. A., On the neutralizing status of Polish word final devoicing, *Journal of Phonetics*, 13, 1985, 325–341.

Šimáčková et al. 2012

Šimáčková Š., Podlipský V. J., Chládková K., Czech spoken in Bohemia and Moravia, *Journal of the International Phonetic Association*, 42/2, 2012, 225–232.

van Dommelen 1983

Dommelen W. A., van, Parameter interaction in the perception of French plosives, *Phonetica*, 40 (1), 1983, 32–62.

Winter, Roettger 2011

Winter B., Roettger T., The Nature of Incomplete Neutralization in German: Implications for Laboratory Phonology, *Grazer Linguistische Studien*, 76, 2011, 55–74.

References

Bernstein S. B., *Očerki sravnitel'noi grammatiki slavianskikh iazykov*, Moscow, 1961.

Booij G., *The Phonology of Dutch*, Oxford, 1995.

Dmitrieva O., Jongman A., Sereno J., Phonological neutralization by native and non-native speakers: The case of Russian final devoicing, *Journal of Phonetics*, 38, 2010, 483–492.

Dommelen W. A., van, Parameter interaction in the perception of French plosives, *Phonetica*, 40 (1), 1983, 32–62.

Hayes B., The phonetics and phonology of Russian voicing assimilation, *Language sound structure*, Cambridge, Massachusetts, 1984, 318–328.

Jakobson R., Die Verteilung der stimmhaften und stimmlosen Geräuschaute im Russischen, *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Berlin*, 1956, 199–202.

Knyazev S., Affricated dental plosives in Russian: phonological status and perceptual cues as a trigger of sound changes, *Linguistica Lettica*, 24, Riga, 140–149.

Knyazev S. V., On the interaction of phonetic parameters implementing the voiced / voiceless phonological opposition in standard modern Russian, *Siberian Journal of Philology*, 4, 2021, 137–153.

Knyazev S. V., Voice coarticulation across word boundaries as a cue for detecting prosodic breaks in standard Russian, *Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the International Conference "Dialogue 2016". (Moscow, 1–4 June 2016 z.)*, 15 (22), Moscow, 2016, 237–247.

Knyazev S. V., Voice coarticulation as a function of place and manner of articulation in Russian, *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 2021, 7–25.

Knyazev S. V., Krasjko A. V., Voice coarticulation in nonhomorganic [velar # (/v/ + sonorant)] clusters in external sandhi and within phonological

words in modern standard Russian, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2, 2019, 9–24.

Knyazev S., Petrova I., Vorontsova I., Voice Coarticulation Across Word Boundaries in /v/+ /v/ Sequences in Standard Russian, *AFCP Workshop «Coarticulation: cues, direction, and representation», Montpellier, le 7 decembre 2007, Montpellier*, 2007, 247–251.

Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K., *Sovremennyy russkii iazyk. Fonetika*, Moscow, 2020.

Kodzasov S. V., Krivnova O. F., *Obshchaia fonetika*, Moscow, 2001.

Kodzasov S. V., Ob universal'nom nabore foneticheskikh priznakov, *Eksperimental'nye issledovaniia v psikholingvistike*, Moscow, 1982, 69–82.

Kohler K. J., Dimensions in the perception of fortis and lenis plosives, *Phonetica*, 36, 1979, 332–343.

Kohler K. J., Dommelen W. A., van, The effects of voice quality on the perception of lenis/fortis stops, *Journal of Phonetics*, 15, 1987, 365–381.

Kohler K. J., F₀ in the perception of lenis and fortis plosives, *Journal of the Acoustical Society of America*, 78(1), 1985, 21–32.

Kohler K. J., F₀ in the Production of Lenis and Fortis Plosives, *Phonetica*, 39, 1982, 199–218.

Kohler K. J., Neutralization?! The phonetics-phonology issue in the analysis of word-final obstruent voicing, *Speech and Language Technology*, 14/15 (= D. Gygbon, D. Hirst, N. Campbell, eds., *Rhythm, melody and harmony in speech: Studies in honour of Wiktor Jassem*), 2012, 171–180.

Kohler K. J., Phonetic Explanation in Phonology: The Feature Fortis/Lenis, *Phonetica*, 41, 1984, 150–174.

Kuznetsova A. M., Nekotorye voprosy foneticheskoi kharakteristiki iavleniia tverdsti-miagkosti

soglasnykh v russkikh govorakh, *Ekspperimental'no-foneticheskoe izučenie russkikh govorov*, Moscow, 1969, 35–137.

Lisker L., Rapid vs. Rabad: A catalogue of acoustic features that may cue the distinction, *Haskins Laboratories. Status Report on Speech Research SR-54*, 1978, 127–132.

Malecot A., The Lenis-Fortis opposition: its physiological parameter, *Journal of the Acoustical Society of America*, 47/6, 2, 1970, 1588–1592.

Ohde R. N., Fundamental frequency as an acoustic correlate of stop consonant voicing, *Journal of the Acoustical Society of America*, 75/1, 1984, 224–230.

Ohman S. E. G., Coarticulation in VCV utterances: spectrographic measurements, *Journal of the Acoustical Society of America*, 39, 1966, 151–168.

Panov M. V., *Sovremennyy russkiy iazyk. Fonetika*, Moscow, 1979.

Port R., Mitleb F., O'Dell M., Neutralization of obstruent voicing in German is incomplete, *Journal of the Acoustical Society of America*, 70, 1981, S13, F10.

Šimáčková Š., Podlipský V. J., Chládková K., Czech spoken in Bohemia and Moravia, *Journal of the International Phonetic Association*, 42/2, 2012, 225–232.

Slis I. M., Cohen A., On the complex regulating the voiced-voiceless distinction I & II. *Language and Speech*, 12, 1969, 80–102; 137–155.

Slowiaczek L., Dinnsen D. A., On the neutralizing status of Polish word final devoicing, *Journal of Phonetics*, 13, 1985, 325–341.

Winter B., Roettger T., The Nature of Incomplete Neutralization in German: Implications for Laboratory Phonology, *Grazer Linguistische Studien*, 76, 2011, 55–74.

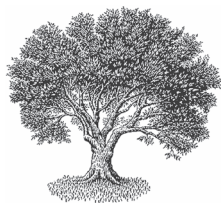
Князев Сергей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук 119019, Москва, Гоголевский бульвар, дом 2/18/1, строение 1,3

Россия / Russia

svknia@gmail.com

Received August 4, 2020

Грамота патриарха
Константинополь-
ского Дионисия
Новгороду (1467):
судьба славянского
перевода*

The Letter of
Patriarch Dionysius
of Constantinople
to Novgorod (1467):
Fate of the Slavic
Translation

Мария Владимировна
Корогодина

С.-Петербургский государственный
университет,
С.-Петербург, Россия

Maria V. Korogodina

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Грамота патриарха Константинопольского Дионисия, отправленная в Новгород в 1467 г. и утверждавшая Григория Болгарина в качестве единственного законного Киевского митрополита, сохранилась в двух списках, вклеенных в одно рукописное Евангелие. Исследование этих списков показывает,

* Исследование выполнено при Санкт-Петербургском государственном университете, при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Moscovia & Ruthenia XV–XVII вв.: взаимовлияние письменных традиций в сфере богослужения, канонического права, системы образования и богословия», № 20-18-00171.

Автор выражает сердечную благодарность Николаосу Хриссидису (Nicolao Chrissidis) за помощь в поиске библиографии и атрибуции лиц и топонимов, связанных с Кизической митрополией.

Цитирование: Корогодина М. В. Грамота патриарха Константинопольского Дионисия Новгороду (1467): судьба славянского перевода // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 321–337.

Citation: Korogodina M. V. (2021) The Letter of Patriarch Dionysius of Constantinople to Novgorod (1467): Fate of the Slavic Translation. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 321–337.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.13

что один из них датируется временем посольства и оформлен как грамота, а не как книжная копия. Это позволяет предположить, что перед нами список перевода, бывший в руках у послов. В приложении приведена публикация грамоты по старшему списку с разночтениями по копии XVII в.

Ключевые слова

Киевская митрополия, Григорий Болгарин, патриарх Константинопольский Дионисий, Новгород, славянские рукописи

Abstract

The Letter issued by the Patriarch Dionysius of Constantinople was sent to Novgorod in 1467 and affirmed Gregory Bulgarian as the only legal Kiev Metropolitan. It is known in two handwritten copies, glued into the same Gospel of 16th century. The research of these copies let us ascertain that one of them was written in 1460th and had the form of the document, not of the bookish copy. We can suppose that ambassadors had this Slavic version of the Letter with them in Lithuania. The Supplements include the text of the Letter according to the oldest copy with alternative readings according to the copy of 17th century.

Keywords

Kiev Metropolis, Gregory Bulgarian, Patriarch Dionysius of Constantinople, Novgorod, Slavic manuscripts

Грамота Константинопольского патриарха Дионисия была отправлена в Новгород в самый сложный период, когда дальнейшая судьба православной церкви в Греции и на Руси была неопределенной. После Ферраро-Флорентийского собора 1439 г. Константинопольские патриархи Митрофан II Митрофон и Григорий II Мамма, пытаясь сохранить целостность церкви, принимали унию с Римом. Это стало основанием для московских властей, чтобы отказаться от подчинения патриарху как нелегитимному и таким способом обосновать отделение от Константинопольской патриархии. Раскол в Киевской митрополии, поставление двух митрополитов, один из которых сидел в Киеве, а другой в Москве, частая смена Константинопольских патриархов, которые то подчинялись Риму, то настаивали на независимости — все это сказалось на поведении светских властей северо-западных русских земель: в середине XV в. правители нередко колебались, лавируя между двумя политическими центрами — Москвой и Вильно. Особенно важным был вопрос, касавшийся такого сильного и своенравного соседа, как Новгород. Только в 1477 г. колебания новгородцев были пресечены великим князем Иваном III, присоединившим Новгород к Москве. За десять лет до этого, в середине 1460-х гг., архиепископ Новгородский Иона не был столь уверен в том, что московский

путь — единственно верный. В 1459 г. он не подписал письмо к литовским епископам, осуждавшее митрополита Григория Болгарина [РИБ, 6, 1880: 631–634, № 84], рукоположенного на Киевскую митрополию патриархом-униатом Григорием Маммой в 1458 г., и не поехал в Москву на поставление митрополитов Феодосия и Филиппа в 1461 и 1464 гг.

После того как в 1467 г. митрополит Григорий Болгарин получил поддержку Константинопольского патриарха Дионисия, отказавшегося от унии с Римом, формально не осталось причин не признавать его в качестве Киевского митрополита. Эта поддержка была выражена в грамоте, отправленной тогда же на Русь патриархом Дионисием [Шапов 1976, 2: 145–147, № 52]¹. Грамота утверждала митрополита Григория в качестве единственного законного архипастыря Киевской митрополии, отказывая в правах митрополиту Ионе и его преемникам. Легитимность митрополита Григория, очевидно, не вызывала вопросов у властей Великого княжества Литовского и Королевства Польского и до благословения патриарха; в то же время патриаршая грамота не могла поколебать московские власти в решении дать отпор ученику митрополита Исидора. Утверждение патриархом Дионисием Григория Болгарина на Киевской митрополичьей кафедре вызвало обострение отношений между Москвой, Константинополем и Вильно и повлекло за собой появление послания великого князя Ивана III Васильевича архиепископу Новгородскому Ионе, где великий князь не только решительно отказывался признать Григория действующим митрополитом, но и доказывал, что Константинопольская патриархия потеряла право называться христианской церковью².

Таким образом, демонстративная поддержка Константинопольским патриархом митрополита Григория была рассчитана не на польские и литовские власти (они и так поддерживали Григория Болгарина) и не на московские власти (их невозможно было бы переубедить), а на такие церковные центры, которые могли колебаться в выборе церковного подчинения. К ним относились в первую очередь Новгород, Псков, Смоленск, которые еще недавно соперничали с Москвой и заключали договоры с литовскими князьями. Именно поэтому грамота патриарха Дионисия адресована «до всея Русское земли и до великого Новагорода». Впрочем, Новгород появляется в грамоте только в виде уточнения в середине текста; в начале же грамоты говорится, что она обращена к «благородным и благовѣрным и христолюбивым князям и княгиням, и боярам, и детям

¹ Текст грамоты также переиздан по публикации Я. Н. Шапова в статье архим. Макария (Веретинникова), причем воспроизведен только основной список без разночтений [Макарий (Веретинников) 2013: 43–44].

² Предпосылки и последствия отправления патриархом Дионисием грамоты в Новгород подробно рассмотрены в исследовании [Тарасов 2011: 71–109].

боярским, и купцам, и всему христоимѣнному господне людству». Патриарх апеллирует не к епископам и не к светским властям Литовской или Московской Руси, а к православному населению Киевской митрополии, так что выражение «всее Русское земли» в его грамоте аналогично выражению «всая Руси» в титуле митрополита, охватывающее Киевскую митрополию, независимо от государственных границ.

Между тем опубликованный текст грамоты содержит в себе противоречия, касающиеся адресата. Я. Н. Щапов, обнаруживший два списка грамоты в одной рукописи [Акс64, л. 1об. и 2–2об.], датировал обе копии XVII веком и издал текст по наиболее сохранным спискам [Щапов 1976, 1: 134–136, № 88; 2: 145–147, № 52]. Благодаря исследователю грамота вошла в научный оборот [Аποστολοπούλος, Παῖζη-Αποστολοπούλου 2013: 141–142, п. 45]; но, несмотря на свое значение, со времен издания Я. Н. Щаповым не удостоивалась специального исследования. Греческий оригинал грамоты не разыскан; иных списков, кроме обнаруженных Я. Н. Щаповым, не найдено; две указанные рукописные копии грамоты с тех пор, как они были описаны исследователем, не изучались. Отчасти это объясняется их трудной доступностью: ученый археограф открыл грамоту в рукописи из коллекции графов Тарновских, находившуюся в 1970-х гг. в Ягеллонской библиотеке в Кракове. Несколько лет назад коллекция была перемещена в г. Тарнобжег, родовое имение графов Тарновских, где и хранится в настоящее время.

Список, положенный Я. Н. Щаповым в основу издания, имеет заголовки, согласно которому, грамота («лист») патриарха Дионисия написана «до Москвы». Такое назначение грамоты вызывает удивление: в первых строках грамоты Москва не упоминается никоим образом, а патриарх обращается к православным мирянам; в середине же грамоты адресатом выступает Новгород. В довершение патриарх пишет о Москве как о месте, далеком и чуждом для его читателей:

А што дѣлали на Москвѣ, аж бы того перестали дѣлати, как же указуеть и приказуеть святая головнаа великая церква сборнаа, то бо есть противъ правилъ и противъ закону Божьего. Елико имѣновали на Москвѣ от Ионы и до сихъ часовъ митрополитовъ, тыхъ всихъ великая зборная наша свята церковь не имаеть, а ни держить, а ни имѣнуеть за митрополитовъ, а про то ж бы есте вси приняли и держали.

Очевидно, что, если бы послание было адресовано в Москву, этот пассаж патриарха должен был бы содержать прямое обращение к московским властям.

Еще большее удивление вызывает рукописная традиция грамоты, как она описана Я. Н. Щаповым. Оба списка сохранились в одной рукописи, Евангелии первой половины XVI в., происходившем из Волыни.

Появление такого документа в напрестольном Евангелии для польско-литовских земель кажется естественным, поскольку сохранение в Евангелиях важных документов (преимущественно вкладных грамот) является характерной чертой книжной культуры данного региона [Груша 2015: 84–93; Корогодина 2016; Микульский 2016а]. Однако оба списка грамоты, вклеенные в рукопись одна за другой, были отнесены Я. Н. Щаповым к XVII в., и это обстоятельство требует особого объяснения: зачем понадобилось включать в кодекс две копии одного документа практически одновременно?

Обращение к рукописи, в которой находятся списки грамоты, позволяет решить эти загадки. Первый список вклеен перед началом книжного блока, подобно защитному листу. Лицевая сторона бумаги чистая, текст находится на обороте. Он написан мелким полууставом, ничего общего не имеющим с почерками XVII в. В списке не использована кинжаль. Изначально лист был больше форматом, чем Евангелие *in folio*, он едва поместился целиком, только края строк вместе с боковыми полями оказались утрачены. Утрачено также верхнее поле. Документ начинается с первой строки, находящейся у самого края листа, так что неизвестно, предшествовал ли ей заголовок. Не считая утрат, возникших из-за ветхости бумаги и угасания чернил, пострадавших от воды, а также мелких утрат на краях строк, грамота сохранилась полностью и завершается переводом подписи патриарха, под которой уцелело широкое нижнее поле. Несомненно, такие же поля были и с других трех сторон; следовательно, лист изначально был некнижного формата. До того как оказаться в рукописи, документ хранился сложенным продольно несколько раз — на это красноречиво указывают четыре сгиба, идущие параллельно строкам. Возможно, пятый сгиб утрачен вместе с заголовком и широким верхним полем. Такие сгибы наводят на мысль, что документ был изначально свернут в свиток, а затем смят, сплюснен, что и привело к возникновению продольных сгибов при отсутствии поперечных.

Большой формат листа с крайне широкими полями, текст только с одной стороны бумаги, характерные сгибы, указывающие на то, что лист хранился свернутым, — все это свидетельствует о том, что документ не был записан в тетрадь или книгу, а имел форму грамоты.

Почерк списка представляет собой характерный западнорусский полуустав XV в. Эта датировка подтверждается водяным знаком, который относится к 1460-м гг.³ Следовательно, перед нами не поздняя копия грамоты, а список, возможно, сделанный во время самого посольства.

³ Филигрань — Виноградная лоза с листьями. Близко: [Piccard, 14, I: 774], 1460 г. Вид: [Ibid: 773], 1459 г. Тип: [Briquet 1968: 13055, 13056], 1453, 1460 гг.; [Шварц 1989: 309–312], 1460-е гг.

Второй список вклеен в рукопись сразу вслед за первым. Он переписан характерным западнорусским полууставом XVII в. Лист не имеет следов сгибов, значительных загрязнений и потертостей, а его формат и поле текста соответствуют основному блоку рукописи; следовательно, он предназначался специально для этого кодекса. Текст открывается крупным киноварным заголовком с элементами поздней вязи. Филигрань свидетельствует о том, что список был сделан в первой четверти XVII в.⁴ Конец текста утрачен; возможно, он находился на следующем, потерянном в настоящее время листе. Можно полагать, что в 1610-х гг. сохранность раннего списка грамоты, долгое время бытовавшего в виде самостоятельного документа, вызвала тревогу, и владелец решил скопировать текст на случай, если оригинал будет утрачен или совсем перестанет читаться. Так в одном кодексе оказалось два списка документа: оригинал и копия. Поздний список отличается рядом разночтений от более раннего, которые объясняются отчасти плохой сохранностью раннего текста, отчасти, вероятно, невнимательностью писца.

Это не единственное послание патриарха Дионисия в славянские страны: в сербской рукописи XVI в. сохранилось начало его грамоты некоему митрополиту [Обол88, л. 218об.; Мошкова 2016; Eadem 2020: 326–335]. Учитывая происхождение сербского списка, маловероятно, чтобы грамота предназначалась Киевскому митрополиту. Таким образом, грамота в Новгород — единственное известное послание патриарха Дионисия на Русь.

Грамота патриарха Дионисия, несомненно, написанная по-гречески, была привезена митрополитом Кизическим Неофитом и архимандритом Христофором, возглавлявшим монастырь святых великомучеников Феодора Тирона и Феодора Стратилата. Митрополит Кизический Неофит впервые упоминается перед самой поездкой на Русь как участник соборных заседаний в Константинополе в первой половине января 1467 г. и 15 числа того же месяца; Д. Апостолопулос и М. Пайзи-Апостолопулос предполагают, что он был поставлен на кафедру незадолго до этого [Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου 2011: 111–114; Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου 2013: 137, 138].

Архимандрит Христофор возглавлял монастырь с необычным посвящением обоим мученикам Феодорам. Известно несколько подобных обителей, в том числе в Константинополе, Иерусалиме и на Афоне [Walter 2003: 63]. Прояснить вопрос о местонахождении монастыря помогает послание инок Афанасия к русскому митрополиту, сохранившееся в сборнике митрополичьих грамот *Увар512*, л. 323–325 [РФА, 3:

⁴ Герб Погоні (всадник в круге). Вид: [Laucevičius 1967: 3508, 3509], 1614–1621 гг. Тип: [Siniarska-Czaplicka 1969: 820, 821], 1619, 1621 гг.

598]. На необычное послание некоего Афанасия, попавшего в плен путешественника («странного и плененного»), оправдывавшегося в связи с обвинениями в ереси и называвшего себя постриженником монастыря святых Феодоров («въ святѣи Кизитѣской божествѣи обители святых и славных великихъ мученикъ Федоровъ»), обратил внимание Е. Е. Голубинский [1905: 206]. Исследователь отождествил автора послания с участником полемики с псковичами о двоении аллилуйи. Н. И. Серебрянский, отвергнув атрибуцию Е. Е. Голубинского, опубликовал послание Афанасия по рукописи *Увар512* [Серебрянский 1908: 537–538], указал на расположение монастыря Феодора Тирона и Феодора Стратилата в Кизической епархии и принял предположение архимандрита Леонида (Кавелина) о том, что адресатом послания был митрополит Иона [Леонид 1894, 4: 38; Серебрянский 1908: 505–506].

Наблюдения исследователей можно дополнить. Почти невероятно, чтобы русский язык был для кизического инока родным; можно с уверенностью предположить, что оригинал послания был написан по-гречески. С переводным характером текста связаны неточности словоупотребления, в том числе «проповедник» в значении «доносчик»; или «держю, укрепляю» в значении «крепко придерживаюсь». В отличие от грамоты патриарха Дионисия, перевод послания Афанасия выполнен на древнерусский язык без признаков «русской мовы»; с учетом «аканья» («лжасловесника», «понежа») перевод можно предположительно отнести к московскому региону. Это свидетельствует о том, что послание адресовано митрополиту, сидевшему в Москве, а не в Киеве. Леонид (Кавелин) полагал, что послание предназначалось митрополиту Ионе, исходя из атрибуции текстов, соседствующих с посланием в рукописи *Увар512*. Однако посланию сопутствуют также сочинения митрополита Феодосия; несомненно, адресатом мог являться один из преемников митрополита Ионы.

В горестном воззвании обвиняемого к митрополиту удивляет, прежде всего, умолчание Афанасия о причинах его приезда в Московию из весьма далекой Кизической митрополии и об обстоятельствах пленения, как и отсутствие ссылок на имена спутников и благодетелей, столь обычные для заезжих греков. Редкое посвящение монастыря святым Феодору Тирону и Феодору Стратилату в сочетании со столь же редким появлением в восточнославянских землях представителей Кизической митрополии заставляет предполагать, что Христофор, игумен монастыря двух святых Феодоров, спутник митрополита Кизического Неофита, и Афанасий, инок кизического монастыря двух святых Феодоров, были насельниками одной обители. Их появление в близкое время в восточнославянском регионе может означать, что инок Афанасий

являлся неизвестным ранее участником посольства, отправленного в Новгород в 1467 г. патриархом Дионисием. Возможно, он отбился от своих спутников и попал в плен. Это объясняет нежелание Афанасия упоминать об обстоятельствах приезда в русские земли и вспоминать имена своих спутников, ведь патриарх Дионисий и участники посольства отказывались признать сан московских митрополитов и призывали новгородцев подчиниться единственному истинному пастырю — Григорию Болгарину. Этого было достаточно для обвинений в ереси; и стремлением разубедить адресата объясняется неумеренное восхваление Афанасием московского митрополита, в котором следует видеть Филиппа (1464–1473), ко времени которого относится посольство греков с грамотой патриарха Дионисия.

Сочетание этих указаний позволяет считать, что речь идет о монастыре святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата в Кизической митрополии. Н. И. Серебрянскому не удалось разыскать такой монастырь. Новейшие исследования подтверждают выводы ученого: в Кизической митрополии неизвестен монастырь святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата, но есть сведения о соименной церкви, расположенной в городе Артаке [Μακρίης 1955: 159; Janin 1975: 194], который стал центром митрополии в XV столетии [Kiminias 2009: 76]. Поскольку сообщения об архимандрите Христофоре и иноке Афанасии независимо свидетельствуют о существовании монастыря святых Феодоров, можно предположить, что церковь в Артаке — все, что осталось от небольшой обители, запустевшей во время владычества Османской империи.

О посольстве митрополита Неофита и архимандрита Христофора известно только из самой грамоты. Успешность переговоров и путь, который они проделали, остаются неизвестными. Судя по раздраженной отповеди архиепископу Ионе, которая последовала со стороны великого князя Ивана Васильевича, он был хорошо осведомлен о намерениях послов отправиться в Новгород: «[П]осла патреарша, ни Григорьева, и въ землю свою впускать не велѣтъ. [...] Которыми дѣлы, отче, тотъ посоль патреяршъ пойдет к тобѣ, [...] никоторому посланью патрияршу, ни Григорьеву не вѣрили» [РИБ, 6, 1880: 711–712, № 100]. Впрочем, великий князь сообщал, что узнал о готовящемся посольстве в Новгород от Иосифа, митрополита Кесарии Филипповой, который в это время находился в Константинополе. Неизвестно, видел ли Иван III грамоту патриарха Дионисия. Ко времени написания послания архиепископу Новгородскому Ионе, великий князь знал только о подготовке греческого посольства.

Таким образом, имеющиеся источники не позволяют ответить на вопрос, какой была судьба посольства, добрался ли Кизический митрополит со своим спутником до далекого Новгорода. Несомненно, что

глава посольства благополучно вернулся обратно: митрополит Неофит упоминается в платежных документах Константинопольской патриархии в 1474 г., его подпись стоит под резолюцией собора 1484 г. [Ζαχαριάδου 1996: 132; Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου 2011: 125–129, 195–197; Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου 2013: 152–154, 201–202]. Поездка с новгородской грамотой, судя по всему, была единственным эпизодом, связывавшим митрополита Неофита со славянскими землями.

Можно предположить, что митрополит Неофит и архимандрит Христофор прибыли в Великое княжество Литовское через православное Молдавское княжество, сохранявшее связи с Константинопольским патриархатом⁵. Возможно, перевод грамоты был сделан вскоре после пересечения границы. Перевод был необходим как властям Великого княжества Литовского для понимания, каковы цели необычного посольства; так и самим послам. Учитывая, что грамота была адресована православным «всёя Руси», им предстояло показывать ее и объяснять свои намерения по пути к Новгороду. Несомненно, перевод грамоты должен был значительно упростить общение послов с властями во время их путешествия, поскольку знатоки греческого языка могли встретиться им далеко не везде.

Грамота переведена на «руську мову», и это убеждает нас в том, что перевод подготовлен не в Новгороде, причем его автором вероятнее всего был канцелярист, а не клирик, который мог бы изложить грамоту на церковно-славянском языке. В тексте присутствует целый ряд лексем, характерных для «руської мовы» и не употреблявшихся в московских или новгородских землях: *щкота, ужиток, пеклование, звичаи, до сих часов, подлуг* и многие другие. Это язык документов, выходивших из-под пера писарей, служивших при канцеляриях в Великом княжестве Литовском и использовавших «руську мову» в качестве обиходного языка, понятного основной части населения [Груша 2015: 294–295; Темчин 2020: 100–101].

Учитывая язык перевода и особенности раннего списка грамоты (его датировку, формат, хранение в свитке), можно полагать, что он был подготовлен во время самого посольства и должен был служить официальным переводом послания патриарха, который послы имели при себе или который был представлен в качестве официального документа в канцелярию великого князя Литовского и короля Польского Казимира.

⁵ После падения Константинополя митрополит в Сучаву начал ставиться без участия Константинопольского патриарха, что фактически означало автокефалию [Драгнев 2017: 407]. Однако неверно было бы говорить о полном разрыве Молдавских митрополитов с греческим миром и Константинопольской церковью, учитывая сохранение связей с книжными и духовными центрами.

Рукописная традиция грамоты не позволяет ответить на вопрос, попала ли она в Новгород или в иные земли Московского государства. Неизвестно ни списков, ни упоминаний грамоты в рукописях и сочинениях, созданных в землях, подчинявшихся Московскому митрополиту. Евангелие первой половины XVI в., в которое вклеены оба списка, было вложено в 1549 г. в церковь Николая Чудотворца в Милецком монастыре на Волыни, отстраивавшемся под покровительством маршалка Волынской земли Федора Андреевича Сангушко [Акс64, л. 22об.; Щапов 1976, 1: 134; 2, № 22]. Кроме того, грамота дважды упоминается в «Обороне унии» Льва Кревзы, изданной в 1617 г. [РИБ, 4, 1878: 235, 270]⁶. Кревза сообщает, что грамота патриарха Дионисия была приписана в конце принадлежащего ему списка «Правил»⁷ и пересказывает ее. Таким образом, еще одна копия грамоты находилась в рукописи, бытовавшей на территории Великого княжества Литовского. Судя по водяным знакам второго списка грамоты из волынского Евангелия, эта копия была снята с обветшавшего оригинала в конце 1610-х гг. Возможно, именно «Оборона унии» привлекала внимание владельца к ценной грамоте и побудила его скопировать документ в рукопись.

Это показывает, что, несмотря на редкость списков, грамота не осталась лишь историческим курьезом. Она имела значение для утверждения Киевских митрополитов в Великом княжестве Литовском и Королевстве Польском и служила обоснованием их легитимности. Можно предполагать, что, даже если грамота не дошла до Новгорода, она способствовала попыткам включить Новгородскую епархию в сферу влияния Киевского митрополита. Об этом косвенно свидетельствует необычная Кормчая книга [Акс71; Щапов 1976, 1: 136–154; Микульский 2016б; Stradomski 2018a; Idem 2018б], составленная вскоре после 1476 г. (т. е. накануне взятия Новгорода войсками Ивана III) для управления Киевской митрополией. Нижняя граница создания Кормчей определяется чином освящения антиминса, в котором сохранилась дата 6985 (1476/1477 г.) [Акс71, л. 367]. В рукописи есть существенно более поздние материалы [Акс71, л. 393–395]: формулярное послание, основанное на послании 1493 г. митрополита Ионы Глезны [Турилов 2003], а также перечень податей Киевского Софийского собора. Однако эти материалы написаны на вставном двойном листе [Микульский 2016б: 61, 62], поэтому их датировка и связь с Киевом не может иметь значения для решения вопроса о времени и месте создания рукописной книги. В Кормчей

⁶ На упоминание грамоты в сочинении Льва Кревзы обратил внимание Ю. Н. Микульский [2016б: 66].

⁷ Список Кормчей книги («Правил»), в который была бы включена грамота патриарха Дионисия, остается неизвестным.

представлены новгородские материалы: «Вопрошание Кирика» и «Проскумисание святым Гурию, Самону и Авиву». Если первый памятник, хотя и не потерял связь с Новгородом, все же вышел далеко за его пределы и переписывался вне новгородских рукописей, то особый чин «Божиего суда» для поимки воров по молитве трем исповедникам был утвержден в 1410 г. архиепископом Новгородским Иоанном и использовался только в новгородских землях [Макарий (Булгаков), 3, 1995].

Включение этих материалов в официальную Кормчую книгу показывает, что до 1476 г. светские и церковные власти Великого княжества Литовского и Королевства Польского продолжали надеяться, что Новгород войдет в Литовскую, а не Московскую Русь, подобно тому, как на это рассчитывал патриарх Дионисий и митрополит Григорий Болгарин, отправляя в Новгород грамоту в 1467 г.

В ходе дальнейшего формирования двух сильнейших государств — Московского и Речи Посполитой — судьба Новгорода была решена, а митрополия окончательно разделилась на две независимые части. К первой четверти XVII в., когда неизвестный владелец копировал ветхий документ, трудно было вообразить, что патриарх когда-то мог призывать Новгород к самостоятельному выбору. Для копии грамоты в начале XVII в. был подготовлен новый заголовок, взамен утраченного в оригинале, согласно которому грамота была адресована в Москву — столицу княжества, отказывавшегося признать легитимность Киевского митрополита Григория Болгарина.

Ниже публикуется текст грамоты по старшему списку: [Акс64, л. 1об.], обозначенному **Ст.** Разночтения подведены по младшему списку: [Акс64, л. 2–2об.], обозначенному **Мл.** Текст воспроизводится гражданским шрифтом, титла раскрываются, выносные литеры вносятся в строку. Знаки препинания соответствуют современным правилам пунктуации. Утраты и нечитаемые места реконструируются в квадратных скобках [] по младшему списку или по смыслу, если в младшем списке отсутствует данный фрагмент текста. Чтения, которые присутствуют только в младшем списке, но по нашему предположению не принадлежат первоначальному тексту, а были добавлены в XVII в., отмечены фигурными скобками { }.

[Лист Дионисия Патриархи Константинопольского до {Москвы}⁸ писаны.

Которые велико наиденные] в богоспасаемой и богохранимой во всеи земли Русской благороднии и благовѣрнии и христор[убивые князи и]

⁸ Так в Мл. Предположительно, в оригинале перевода не было указания на Москву; обоснование см. в исследовании.

княгини, и⁹ бояре, и [дети] боярские, и купци, и все христоимѣнитое господне людство, о светѣмъ Дусѣ возлю[бленные ча]да нашего смирънія, благодать вамъ всимъ и миръ и милость и благословение¹⁰ от вседержителя Бога. Светая головная [апостолская] церковь имаючи потрѣбно всихъ православныхъ христианъ напоминати и научати оными, [которые] суть ко ужитку душъ ихъ, и тако жь осмотрѣла у великои земли Русской покоя и миру нѣтъ у [духо]венствѣ, а погоршения за правду и раздѣления умножилася. Ино церковь Божия не судила тому [подо]бно быти, абы пеклования не имѣти, аж бы за правду погоршения и соромоты перестали, а покои [и е]днѣсть бы ся вернула, занже¹¹ Богъ миръ есть¹², а где два, а¹³ любо три в мирѣ, тамъ Богъ межи ими есть¹⁴. [И] святыи апостолъ вспоминаючи глаголетъ: на всякомъ мѣстѣ¹⁵ покоя и миру¹⁶ ищите¹⁷. Тако же вы какъ добрыи и благовѣрные] христиане заповѣди Божия многия исполняйте и вчините в томъ Господа Бога волю¹⁸ и покой и миръ, [ко]торые же есте имѣли первыхъ старыхъ часовъ. А имѣли бы есте одну церковь, а одного митропо[ли]та, а про то же бы ся есте приложили к нему в годность¹⁹, аж бы была одна церковь, а в ней одинъ пастырь²⁰, [абы с того панъ] Богъ похваленъ былъ, которые же рушаютъ все погоршение и раздѣление, а диаволъ²¹ прогнанъ [бы]ваетъ. [А] того жь для шлемъ до всея Русское земли и до великого Новагорода наши послы, митропо[лита] Кизицкого, о святомъ Дусѣ возлюбленного брата и сослужбника нашего смирънія киръ Неофита, и че[ст]нейшого инокa и игумена и архимандрита честного монастыря святыхъ²² великомученикъ Феодоровъ Ти[рона] и Стратилата, о святомъ Дусѣ возлюбленного сына нашего смирънія киръ Христофора, иж бы полную [вѣ]ру дали вамъ всимъ о пресвященного митрополита Киевского и всея Руси киръ Гри-

⁹ нет **Мл.**

¹⁰ написано над строкой и благословение **Ст.**

¹¹ за иже **Мл.**

¹² 1Кор 14:33.

¹³ нет **Мл.**

¹⁴ Мф. 18: 20.

¹⁵ мѣстѣ **Мл.**

¹⁶ нет и миру **Мл.**

¹⁷ Ср. 1Тим 2:2.

¹⁸ вм. волю Господа Бога **Мл.**

¹⁹ еднѣсть **Мл.**

²⁰ Ин 10:16.

²¹ испр. из дѣволъ **Ст.**

²² монастыря святыхъ утрачено в **Мл.**

гориа, ижъ есть [бла]годатию Божьею к вѣрѣ и к полности²³ и в законѣ и обычаи наше святое зборное великое церкви Цареграда, [и к вам] даетъ общующии. В годности с нами брать и сослужебникъ нашего смирънія, про то же годно е[сть то]лько бы тотъ одинъ былъ митрополитъ истинный и²⁴ правый на всей Русской земли, подлугъ старого [обычая] и звычая Русского неподобно²⁵ бо²⁶ есть, абы старыи обычаи и извычаи изламанъ былъ старыи. [А есть то]тъ митрополитъ истинно Киевский и всея Руси киръ Григории, человекъ навелеумны, наро[женъ] и вскормленъ и наученъ во Цариградѣ великими добротами и духовными щедротами освѣ[щенъ]. А што дѣлали на Москвѣ, аж бы того перестали дѣлати, как же указываетъ и приказуетъ святая [го]ловнаа великая церква сборнаа, то бо²⁷ есть противъ правилъ и противъ закону Божьего. Ели[ко] имѣновали на Москвѣ от Ионы и до сихъ часовъ митрополитовъ, тыхъ всихъ великая зборная [н]аша свята церковь не имаеть, а ни держить, а ни имѣнуеть за митрополитовъ²⁸, а про то ж бы есте в[си пр]иняли и держали, бы есте и послушни были его и имѣли его правого и истинного митрополита [пред]реченного преосвященного митрополита Киевского и всея Руси киръ Григория, о святомъ Дусѣ возлюбленого [бр]ата и сослужебника²⁹ нашего³⁰ смирънія, иж бы былъ весь миръ и покои, иж бы на первыи обычаи ин[о звы]чаи и на уставленье закону обернулася вся Русская земля. А хто бы хотѣлъ свою волю дѣ[я]ти, а не быти послушонъ наше святое великое зборное церкви, а не всхочеть принять, а ни им[ѣт]и его, а ни послушонъ быти во всемъ дѣлѣ духовномъ, тотъ имаеть быти у винѣ, подлугъ правил [п]риказаниа святыхъ отецъ, супротивление дѣлающии святой церкви и в ней погоршение и раздѣление, [то] бо есть великая щкота души. Достоино есть всякому стеречися от тое вины, абы не впал [в] тую вину. А благодать и миръ и милость вседержителя Господа Бога да будетъ со всѣми вами. Писано в Цариградѣ месяца февраля 18, индикта 15.

Дионисие, милостью Божьею архиепископъ Костантия града Новаго Рима и вселенский патриархъ.

²³ *повинности Мл.*

²⁴ *нет Мл.*

²⁵ *буквы бно написаны над строкой.*

²⁶ *нет Мл.*

²⁷ *вм. бо то Мл.*

²⁸ *пропущены буквы то Мл.*

²⁹ *вм. сослужителя Мл.*

³⁰ *на этом обрывается список Мл. Дальнейшие утраты в Ст. восстанавливаются по смыслу.*

Библиография

Источники

Рукописи славянские

Обол88

РГАДА, ф. 201, собр. М. А. Оболенского, № 88, Сборник смешанного содержания, первая четверть XVI в.

Увар512

ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 512, Сборник, вторая четверть XVI в.

Акс64

Исторический музей (Тарнобжег), Акс. 64/1952, Евангелие, первая половина XVI в.

Акс71

Исторический музей (Тарнобжег), Акс. 71/1952, Кормчая книга, последняя треть XV в.

Издания

РИБ, 4, 1878

Памятники полемической литературы в Западной Руси (= Русская историческая библиотека, 4, 1), П. Гильтенбрандт, ред., С.-Петербург, 1878.

РИБ, 6, 1880

Памятники древнерусского канонического права (= Русская историческая библиотека, 6, 1: Памятники XI–XV в.), 1-е изд., А. С. Павлов, ред., С.-Петербург, 1880.

РФА, 3, 1987

Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века, А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьмина, подгот. текста, В. И. Буганова, ред., 3, Москва, 1987.

Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου 2011

Αποστολοπούλος Δ.Γ., Παϊζη-Αποστολοπούλου Μ., *Επισήμα κείμενα του Πατριαρχείου Κωνσταντινουπόλεως. Τα σωζόμενα από την περίοδο 1454–1498*, Αθήνα, 2011.

Αποστολοπούλος, Παϊζη-Αποστολοπούλου 2013

Αποστολοπούλος Δ.Γ., Παϊζη-Αποστολοπούλου Μ., *Οι πράξεις του Πατριαρχείου Κωνσταντινουπόλεως. Έπιτομή – Παράδοση – Σχολιασμός*, 1: 1454–1498, Αθήνα, 2013.

Литература

Голубинский 1905

Голубинский Е. Е., *К нашей полемике со старообрядцами (дополнения и поправки к полемике относительно общей ее постановки и относительно главнейших частных пунктов разногласия между нами и старообрядцами)*, Москва, 1905.

Груша 2015

Груша А. И., *Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XV – первая треть XVI в.)*, Минск, 2015.

Драгнев 2017

Драгнев Э., Молдавская митрополия, *Православная энциклопедия*, 46, Москва, 2017, 399–422.

Корогодина 2016

Корогодина М. В., Евангелие Пинского Лещинского монастыря 1506–1513 годов, *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII международной научной конференции. 14–16 апреля 2016 г.*, Москва, 2016, 292–295.

Макарий (Булгаков), 3, 1995

Макарий (Булгаков), митр., *История русской церкви*, 4, 3: *История Русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589)*, 1: *Состояние*

- Русской церкви от митрополита Кирилла II до митрополита св. Ионы или в период монгольский (1240–1448)*, Москва, 1995.
- Макарий (Веретенников) 2013
Макарий (Веретенников), архим., Роль и значение митрополита Филиппа I в русской церковной истории, *История и культура Ростовской земли. Материалы научной конференции*, Ростов, 2013, 21–54.
- Микульский 2016a
Микульский Ю. М., Граматы з напастольнаго Евангелля Лешчанскага манастыра ў Пінску пачатку XVI ст., *Беларуская даўніна. Studia et fontes*, 3, Мінск, 2016, 201–219.
- 2016b
Микульский Ю. Н., Кормчая книга XV в. из коллекции графов Тарновских: к истории архива западнорусских митрополитов, *Беларуская даўніна. Studia et fontes*, 3, Мінск, 2016, 57–66.
- Мошкова 2016
Мошкова Л. В., Долгие путешествия сербского сборника, *Вестник Альянс-Архео*, 16, Москва, С.-Петербург, 2016, 38–58.
- Серебрянский 1908
Серебрянский Н. И., *Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории псковского монашества*, Москва, 1908.
- Тарасов 2011
Тарасов А. Е., Церковь и подчинение Великого Новгорода, *Новгородский исторический сборник*, 12, Москва, С.-Петербург, 2011, 71–109.
- Темчин 2020
Темчин С. Ю., Языки восточнославянской культуры Великого княжества Литовского и Польского королевства и религия, *Религия и русь, XV–XVIII вв.*, А. В. Доронин, ред., Москва, 2020, 93–106.
- Турилов 2003
Турилов А. А., «Правило и наказание о душегубстве» и Послание митрополита Ионы Глезны вяземскому попу Давыду, *От Древней Руси к России нового времени: Сб. ст.: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич*, Москва, 2003, 101–107.
- Janin 1975
Janin R., *Les églises et les monastères des grands centres byzantins: Bithynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique*, Paris, 1975.
- Kiminas 2009
Kiminas D., *The Ecumenical Patriarchate. A History of Its Metropolitanates with Annotated Hierarchy Catalogs* (= Orthodox Christianity, 1), San Bernardino, California, 2009.
- Μακρίης 1955
Μακρίης Κ., Κυζικηνή χερσόνησος. Η παρούσα κατάστασις της, *Μικρασιατικά Χρονικά*, 6, 1955, 149–188.
- Stradomski 2018a
Stradomski J., Dwie nietypowe redakcje Kormczej Św. Sawy w zbiorach rękopisów cerkiewnych w Polsce, *Scala paradisi. Академику Димитрију Богдановићу у спомен. 1986–2016*, Београд, 2018, 357–373.
- 2018b
Stradomski J., Dzikowskie księgi Kormcze jako część spuścizny kulturowej prawosławia w państwie polsko-litewskim, *Dzikoviana. Rocznik Muzeum Historycznego miasta Tarnobrzega*, 4, Tarnobrzeg, 2018, 37–54.
- Walter 2003
Walter Ch., *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*, Ashgate, 2003.

Заχαριάδου 1996

Заχαριάδου Ε. Α., *Δέκα τουρκικά έγγραφα για την Μεγάλη Εκκλησία (1483–1567)*, Αθήνα, 1996.

Словари, справочники, каталоги

Леонид, 4, 1894

Леонид (Кавелин), архим., *Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова*, 4, Москва, 1894.

Мошкова 2020

Мошкова Л. В., *Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов*, 3: *Сборник аскетический — «Священные параллели» Иоанна Дамаскина*, И. Л. Жучкова, Б. Н. Морозов, Л. В. Мошкова, сост., Л. В. Мошкова, ред., Москва, 2020.

Шварц 1989

Шварц Е. М., *Новгородские рукописи XV века: кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина*, Москва, Ленинград, 1989.

Щапов 1976

Щапов Я. Н., *Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской народной республики*, 1–2, Москва, 1976.

Briquet 1968

Briquet Ch., *Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600*, 1–4, Amsterdam, 1968.

Piccard, 14, 1983

Piccard G., *Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart*, 14, Wasserzeichen Frucht, von Gerhard Piccard, bearb., 1983.

Laucevičius 1967

Laucevičius E., *Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.*, Vilnius, 1967.

Siniarska-Czaplicka 1969

Siniarska-Czaplicka J., *Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1969.

References

Dragnev E., *Moldavskaia mitropolia, Pravoslavnaia entsiklopediia*, 46, Moscow, 2017, 399–422.Grusha A. I., *Dokumental'naia pis'mennost' Velikogo kniazhestva Litovskogo (konets XV – pervaya tret' XVI v.)*, Minsk, 2015.Janin R., *Les églises et les monastères des grands centres byzantins: Bithynie, Hellespont, Latros, Galésios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique*, Paris, 1975.Kiminas D., *The Ecumenical Patriarchate. A History of Its Metropolitanates with Annotated Hierarchy Catalogs* (= Orthodox Christianity, 1), San Bernardino, California, 2009.Korogodina M. V., *Evangelie Pinskogo Leshchinskogo monastyrja 1506–1513 godov, Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXVIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 14–16 aprelya 2016 g.*, Moscow, 2016, 292–295.Makarii (Bulgakov), mitr., *Istoriia russkoi tserkvi*, 4, 3: *Istoriia Russkoi tserkvi v period postepenno perekhoda ee k samostoiatel'nosti (1240–1589)*, 1: *Sostoianie Russkoi tserkvi ot mitropolita Kirilla II do mitropolita sv. Iony ili v period mongol'skii (1240–1448)*, Moscow, 1995.Makarii (Veretennikov), arch., *Rol' i znachenie mitropolita Filippa I v russkoi tserkovnoi istorii, Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli. Materialy nauchnoi konferentsii*, Rostov, 2013, 21–54.Mikulski Yu. N., *Kormchaia kniga XV v. iz kollektsii grafov Tarnovskikh: k istorii arkhiva zapadnorusskikh mitropolitov, Belaruskaja daŭnina. Studia et fontes*, 3, Minsk, 2016, 57–66.Mikulski Yu. N., *Hramaty z naprastoŭnaho Jehvanhiellia Lieščanskaha manastyrja ŭ Pinsku pačatku XVI st., Belaruskaja daŭnina. Studia et fonties*, 3, Minsk, 2016, 201–219.

Moshkova L. V., Dolgie puteshestviia serbskogo sbornika, *Vestnik Al'ians-Arkheo*, 16, Moscow, S.-Petersburg, 2016, 38–58.

Stradomski J., Dwie nietypowe redakcje Kormczej Św. Sawy w zbiorach rękopisów cerkiewnych w Polsce, *Scala paradisi. Akademiku Dimitriju Bogdanoviču u spomen. 1986–2016*, Beograd, 2018, 357–373.

Stradomski J., Dzikowskie księgi Kormcze jako część spuścizny kulturowej prawosławia w państwie polsko-litewskim, *Dzikoviana. Rocznik Muzeum Historycznego miasta Tarnobrzega*, 4, Tarnobrzeg, 2018, 37–54.

Tarasov A. E., Tserkov' i podchinenie Velikogo Novgoroda, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 12, Moscow, S.-Petersburg, 2011, 71–109.

Temchin S. Iu., Iazyki vostochnoslavianskoi kul'tury Velikogo kniazhestva Litovskogo i Pol'skogo korolevstva i religii, *Religiia i rus'*, XV–XVIII veka, A. V. Doronin, ed., Moscow, 2020, 93–106.

Turilov A. A., «Pravilo i nakazanie o dushegubstve» i Poslanie mitropolita Iony Glezny viazemskomu popu Davydu, *Ot Drevnei Rusi k Rossii novogo vremeni: Sb. st.: K 70-letiiu Anny Leonidovny Khoroshkevich*, Moscow, 2003, 101–107.

Walter Ch., *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*, Ashgate, 2003.

Мария Владимировна Корогодина, доктор исторических наук

С.-Петербургский государственный университет

199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Россия/Russia

mvmkorogod@gmail.com

Received September 23, 2020

Латынь vs русский: языки класса риторики в русских семинариях XVIII века*

Latin vs. Russian: the Languages of Rhetoric Classes in 18th Century Russian Seminaries

**Екатерина Игоревна
Кислова**

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Ekaterina I. Kislova

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Резюме

В статье на материале архивных и опубликованных источников рассматривается употребление русского и латинского языков в классах риторики в русских семинариях XVIII века. На протяжении столетия положение русского языка существенно изменилось, что может быть связано с целым рядом факторов (развитием художественной литературы, увеличением объемов книгоиздания, поощрением проповедничества и т. д.). Однако, несмотря на появление пособий по риторике на русском, языком риторической теории в семинариях остается латынь. Эти процессы иллюстрируют как сохранившиеся сборники выписок и образцовых текстов, так и каталоги семинарских библиотек.

* Статья написана при поддержке Фонда развития ПСТГУ в рамках проекта Лаборатории исследований церковных институтов «Парадигма христианского священства и ее трансформации в истории и современности».

Цитирование: Кислова Е. И. Латынь vs русский: языки класса риторики в русских семинариях XVIII века // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 338–352.

Citation: Kislova E. I. (2021) Latin vs. Russian: the Languages of Rhetoric Classes in 18th Century Russian Seminaries. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 338–352.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.14

Ключевые слова

семинарии XVIII века, русский язык, латынь, риторика, поэтика, библиотеки

Abstract

The article focuses on the use of Russian and Latin in rhetoric classes in Russian seminaries of the 18th century, based on published and archival documents. Over the course of the century, the status of the Russian language changed significantly, which may be attributed to a number of factors: the development of belletristic literature, an increase in book publishing, the encouragement of preaching, etc. However, despite the fact that rhetorical textbooks began to be published in Russian, Latin remained the language of rhetorical theory in seminaries. These processes are illustrated both by surviving collections of extracts and exemplary texts, and catalogs of seminar libraries.

Keywords

18th century seminaries, Russian language, Latin, rhetoric, poetics, libraries

Петровская эпоха стала переломной в истории русской православной церкви: фактически именно в течение XVIII в. духовенство окончательно оформилось как закрытое сословие. Огромную роль в этом процессе сыграло создание специальной системы образования (см. [Владимирский-Буданов 1874; Смолич 1996; Сухова 2013; Манчестер 2015] и др.) — семинарий и духовных академий, созданных по модели *Ratio studiorum* и имевших следующие классы¹: низшие (грамматические), средние (поэтики и риторики) и высшие (философии и богословия). Низшие — начальные — классы были посвящены изучению и совершенствованию латыни, средние и высшие — изучению «профильных» гуманитарных предметов, преподававшихся преимущественно или исключительно на латыни [Смолич 1996: 409; Суториус 2008].

Появление и закрепление «латинских наук» в епархиях зависело напрямую от удаленности от центра и богатства епархии, но в первую очередь — от заинтересованности правящего архиерея [Знаменский 1881: 155–172]. Г. Фриз относит окончательное закрепление латинской модели к 1760-м гг. [Freeze 1977: 94], однако показательно, что уже в 1739 г. латынь отсутствовала в школах только четырех епархий: Рязанской, Суздальской, Тобольской и Иркутской; в остальных епархиях архиерейские школы с латинскими классами уже функционировали, как минимум, ученики начинали осваивать «элементарии» — латинские буквы (в [Описание... XIX 1913: 616–620] даны сведения о 17 школах

¹ До Устава духовных школ 1798 г. различия между духовными академиями и семинариями были скорее в статусе, нежели в программе [Смолич 1996: 411], причем некоторые семинарии (Троицкая, Александро-Невская) могли иметь лучший уровень преподавания и большее финансирование, нежели академии.

в «великорусских» епархиях и о 3 украинских; при этом из некоторых епархий — в том числе из Пскова и Новгорода — Синод не получил ответа на запрос о состоянии латинских школ). В 1740-х гг. 8 из 17 духовных учебных заведений имели полную учебную программу, включавшую класс богословия, и еще 3 доходили до класса философии [Знаменский 1881: 450–451]. К 1760 г. в России насчитывалось 26 семинарий, а к концу XVIII в. — 4 духовных академии с полным курсом наук и 46 семинарий, как с высшими классами, так и без [Ibid.: 185; Смолич 1996: 394–397].

Историками церковного образования XIX в. изучение «латинских наук» православным духовенством традиционно оценивалось как положительная тенденция, свидетельствующая о просвещении духовного сословия под руководством государственной власти (см.: [Смирнов 1855; Idem 1867; Чистович 1857; Титлинов 1905] и др.). Однако к концу XIX в. появляется резко негативная оценка этой «латинизации» (см. в первую очередь труды [Знаменский 1881] и затем [Флоровский 2009, первое издание — 1937]). Но, независимо от оценки, до сих пор общим остается представление о незыблемом положении латыни в семинариях XVIII в. — и как языка преподавания наук, и как языка общения, и как «внутреннего», «корпоративного» языка духовенства. Исключением является позиция М. Окенфусса [Okenfuss 1995], который считает, что значение латыни в семинариях падает уже во второй половине XVIII в., объясняя этот процесс сменой национальных групп интеллектуалов: «украинских гуманистов» — русскими по происхождению выпускниками светских и церковных учебных заведений.

Вопрос о распределении языков в рамках семинарского преподавания оказывается одним из ключевых для понимания того, как духовенство формировалось в качестве единого сословия, как развивалось его самосознание. Отношение к латыни и ее знание становилось маркером принадлежности к культуре: либо к новой — модернизированной, либо к старой — «традиционной» [Флоровский 2009: 111–112, 135–137; Живов 1996: 79–88]. В последней четверти XVIII в. ситуация усложняется: «Устав народным училищам Российской Империи» 1786 г. закреплял русский язык в качестве языка обучения; описанные в нем методы и принципы распространялись и на семинарии. Хотя, как считается, в них этот устав не вызвал существенных изменений [Смирнов 1855: 314–315], идеи о возможности преподавания русского языка и на русском языке начинают обсуждаться среди церковных иерархов.

Тем не менее идущие в светском обществе процессы осознания ценности «природного языка» не могли не затрагивать духовенство. В настоящей статье мы рассмотрим, каким образом менялось взаимное

положение латыни и русского языка в классе риторики в «великорусских» семинариях².

К последней четверти XVIII в. в общем виде распределение языков в рамках классов семинарий выглядело следующим образом. В семинарию принимали только уже умеющих читать и писать детей (обычно 7–11 лет), этот навык дети получали «от отцов», т. е. дома. В некоторых епархиях существовали «русские» или «писцовые» школы, где могли обучать начальным навыкам чтения и письма сирот или недостаточно хорошо обученных детей, но обязательного требования организовывать такие школы не было (см. [Kislova 2015]). Обучение велось традиционно: дети осваивали чтение на церковнославянском языке по азбуке, Часослову и Псалтыри. Судя по редким сохранившимся собственноручным записям будущих учеников на прошениях о принятии в учебные заведения, навык письма в досеминарском обучении был ориентирован на скоропись до конца века³. Можно предполагать, что в качестве ориентира могли выступать канцелярские документы и соответствующий тип письма. В последней четверти века появляются печатные прописи с гражданским курсивом, однако у нас нет данных, использовались ли они на досеминарской стадии обучения письму.

В начальных классах (количество которых зависело от наличия учителей и числа учеников) принятые студенты могли оттачивать навыки чтения и письма на русском языке (в том числе осваивать гражданский курсив), однако их основной задачей было как можно скорее перейти к обучению латыни и довести ее до уровня, достаточного для продолжения обучения на этом языке. По сохранившимся отчетам учителей Московской академии можно увидеть, что именно латынь занимала большую часть учебного времени в классах информатории, грамматики и синтаксисы. Например, в феврале 1789 г. в классе информатории Московской академии обучение состояло из изучения латинской грамматики Лебедева и упражнений в латыни; в субботу утром учили и толковали сокращенный катехизис [РГБ, ф. 277, ед. хр. 17, л. 290]. В классе грамматики в это же время к латыни и катехизису добавляется 2 занятия арифметикой; в остальное время до и после обеда ученики изучали латинскую грамматику, разбирали и учили наизусть

² Мы оставляем за рамками настоящей статьи учебные заведения Украины и Сибири, так как в этих регионах социальная и национально-языковая ситуация существенно отличалась от европейской части Российской империи.

³ Например, [РГБ, ф. 277, ед. хр. 18, л. 5]: личная подпись Андрея Хрусталева на прошении о принятии в число учеников Московской академии (январь 1791 г.); [РГБ, ф. 277, ед. хр. 19, л. 160]: подпись 11-летнего Андрея Грачев[в]ск[ого] вместо не умеющей писать матери (сентябрь 1792 г.) — и под.

«Видимый мир» Я. А. Коменского на латыни и делали «из латинских писателей экзерциции»⁴ [РГБ, ф. 277, ед. хр. 17, л. 227]. Таким образом хорошо успевающие ученики уже к классу риторики приобретали хорошее знание латинского языка.

Центральное положение класса риторики в системе семинарского образования объясняется тем, что он часто становился для студентов выпускным: до конца XVIII в. «риторы» имели право получить место в церкви (причем не только дьячка, но и священника), поэтому не все студенты продолжали обучение в классах философии и богословия, даже если эти классы были открыты [Смолич 1996: 409]. В рамках курса риторики могли изучаться отдельные положения из философии и богословия (в первую очередь это элементы диалектики и логики), могли также читаться некоторые богословские трактаты. Особенно это было распространено в том случае, если высшие классы в семинарии отсутствовали и риторика оказывалась последней ступенью духовного образования в епархии [Знаменский 1881: 448].

Класс поэтики не был регулярным, что позволяет нам рассматривать его комплексно с классом риторики. «Пиитика» считалась этапом, предшествующим риторике и по уровню знаний, и по содержанию обучения [Колосов 1889: 75–76]. Этот курс мог быть редуцирован до одного дня в неделю или выделен в качестве дополнительного предмета для студентов риторики или даже разных классов, «способных к стихосложению» [Знаменский 1881: 444–445, 747–748; Агнцев 1889: 99–100]. В одной и той же семинарии на протяжении времени статус этого класса мог меняться. Например, в Воронежской семинарии класс поэтики был открыт в 1768 г., через год объединен с классом риторики, в 1782 г. соединен с синтаксисом, в 1783 г. выделен в отдельный класс, в 1798 г. вновь соединен с риторикой, в 1799 г. снова выделен как отдельный «низший риторический» класс [Никольский 1898: 148].

Действительно, поэтику можно было преподавать в рамках риторики, но распространенное выделение ее в отдельный класс было оправдано прагматическими причинами: нужно было, чтобы ученики не приходили «в риторику» (т. е. в класс риторики) слишком юными для возможного рукоположения в сан. Хотя ограничения «канонического возраста» для поставления в сан к выпускникам семинарии не применялись [Цыпин 2019], существовало представление о приличном для духовного лица возрасте. Поэтому отдельный класс поэтики «задерживал» учеников на год или два, чтобы к концу следующего класса они максимально приближались к 20 годам [Надеждин 1876:

⁴ Все цитаты из документов здесь и далее приводятся в современной орфографии.

101]⁵. Эта причина восстановления класса поэтики была заявлена наряду с другими в Новгородской семинарии в 1799 г.: «...ученики из синтаксического прямо поступают в риторический класс, будучи все еще непредуготовлены ко оному, как то: ни со стороны знания в латинском языке, нужного к чтению и разумению риторики и образцовых писателей, ни со стороны чтения книг, необходимого для сочинения школьных задач, ни даже со стороны самого возраста, относительно к занятиям, а еще более к предназначаемому для них званию, к которому, однако ж, они очень близки при настоящем числе классов...» [РНБ, ф. 522, д. 209, л. 32].

Именно в средних классах у учеников появляется возможность слушать «экстраординарные» предметы. Обычно их набор зависел от возможностей семинарии и наличия преподавателей, привязка к конкретным уровням обучения не была жесткой: теоретически один класс могли посещать ученики разных уровней обучения, но обычно это были ученики класса риторики и выше. Так, в Рязанской семинарии в разные годы преподавались как отдельные предметы хронология, пасхалия, «учение о раскольнических толках», архитектура, живопись и музыка [Агнцев 1889: 112, 123]. В Тверской семинарии в 1788 г. был введен отдельный класс русской и латинской элоквиции (в дополнение к классам риторики и философии), а в 1792–1800 гг. — отдельный класс латинского, греческого и русского чистописания [Колосов 1889: 239–240].

В последней трети XVIII в. произошло движение в сторону унификации преподаваемых предметов: с середины века стали появляться классы французского и немецкого языков, причем основной их аудиторией стали ученики средних и высших классов (см. [Кислова 2015а; Кислова 2015б]). В 1784 г. указом Синода был введен во всех семинариях как обязательный греческий язык [Чистович 1857: 22] (хотя во многих семинариях он преподавался и раньше), с 1786 г. — после распространения на семинарии «метода народных училищ» — стало обязательным преподавание географии и истории и расширилось изучение математики [Никольский 1898: 159–160; Знаменский 1881: 461–462].

Набор, содержание и язык преподавания «экстраординарных» предметов не были жестко определены: при занятиях географией и историей могли использоваться учебники и материалы как на латыни, так и на русском языке; распространение последних также было связано с появлением Комиссии по делам народных училищ.

⁵ Возраст 20 лет фигурирует как граница «младых лет» в инструкции епископа Парфения (Сопковского), данной Смоленской семинарии в 1761 г. [Сперанский 1892: 82].

Таким образом, «языковой ландшафт» класса риторики мог быть довольно пестрым, а языковые компетенции ученика этого класса — довольно широкими: он мог изучать греческий, французский и немецкий, в отдельных семинариях фигурировали древнееврейский, польский⁶ и даже «миссионерские языки» — татарский, башкирский и т. д. Однако минимальный набор включал в себя латынь и русский⁷.

Какое практическое применение имел курс риторики для представителей духовенства? Одной из важнейших обязанностей священников считалась проповедь (это неоднократно декларировалось в указах Петра и затем Синода [Кислова 2011]), однако теоретические положения церковного красноречия до второй половины века предъявлялись студентам в рамках латинской риторической традиции (в которой сама проповедь находилась на периферии жанровой системы) и — следовательно — на латинском языке. Несмотря на существование уже в начале XVIII в. некоторого количества риторик на русском или гибридном церковнославянском языках (М. И. Усачева, Стефана Яворского, Георгия Данилевского — см. [Вомперский 1988]), в семинариях они, видимо, были распространены крайне мало — или вообще не употреблялись: они не упоминаются в учебных материалах, не встречаются в описях библиотек.

Курсы риторики и поэтики базировались на традиционных курсах украинских и польских учебных заведений и в качестве опорных текстов использовали как римскую классику, так и польских новолатинских авторов (см. [Łużny 1996; Lewin 1972; Николаев 2004]). Тексты на «природном языке» учащихся в них могли быть представлены примерами-иллюстрациями к латинским тропам и фигурам или в виде приписок к основному тексту риторики. Так, учебники Московской академии «Архиа туллия младаго информатор» 1706 г. [РНБ, ф. 577, ед. хр. 70], «*Officina praestantissimae artis poeticae*..» 1726 г. и «*Viridarium Excellentissima Artis Oratoria*..» 1727–1728 гг. [РГБ, ф. 299, ед. хр. 603], «*Phaebus poeticus*» 1748 г. [РГБ, ф. 173.1, ед. хр. 529] содержат единичные записи и примеры-иллюстрации на русском или гибридном церковнославянском языке, а также на польском. Учебник «*Praecepta de arte rhetorica*...» [РГБ, ф. 173.1, ед. хр. 357] — запись курса, прочитанного в Коломенской семинарии в 1761 г. Парфением, епископом Коломенским, — не содержит ни одного примера на русском или гибридном церковнославянском.

⁶ О польском в «великорусских» семинариях см. подробнее [Кислова 2015в].

⁷ Хотя этот вопрос требует еще отдельного исследования, по сохранившимся документам семинарий можно утверждать, что церковнославянский до XIX в. не встречается как отдельно преподаваемый язык.

Во второй половине XVIII в. в семинариях начали распространяться печатные учебники на латыни: «*Elementa oratoria*» И. Ф. Бургия, «*Rhetorica Ciceroniana*» Г. Ф. Леже, «*Commentariorum rhetoricorum sive oratoriarum institutionum*» Г. И. Воссия и др. Традиция преподавать риторику «по Бургию» была наиболее сильной: он был издан под редакцией Н. Бантыш-Каменского «*nunc vero juventutis rossicae revisa, aucta et emendata*» («ныне для российской молодежи пересмотренный, дополненный и исправленный») в 1776 г. в типографии Московского университета и переиздавался типографией Синода в 1811 и 1823 г. Учебник Леже на латыни был рекомендован Комиссией об учреждении народных училищ в 1785 г. как основное пособие по этому предмету [Чистович 1857: 77], хотя к этому моменту давно существовали признанные риторические пособия на русском языке.

В семинариях «Риторика» М. В. Ломоносова (1748 г.), «Краткое руководство к оратории российской» (1778 г.) Амвросия Серебренникова и «Опыт риторики» И. С. Рижского (1796 г.) могли использоваться как дополнительный материал. Например, в 1804 г. в Новгородской семинарии риторику учат «по Бургию» с дополнениями из Леже и Ломоносова [РНБ, ф. 522, ед. хр. 209, л. 93об]. В Московской академии в 1785 г. занятия по риторике описывались так: «Во все дни по утрам читана была Бургиева риторика с дополнением из Воссия, “Краткаго руководства к оратории” и риторики г. Ломоносова, из которой прочитано и учениками выучено начиная от главы *de elocutione* до части, что называется *pars practica*» [РГБ, ф. 277, ед. хр. 12, л. 229]. Мы видим, что названия глав риторики, написанной полностью на русском языке, в отчете учителя автоматически переданы на латыни. Точно так же даже в конце XVIII в. при риторическом анализе речей и проповедей, на полях подписывая композиционные элементы и риторические фигуры, студенты используют латинские термины [РГБ, ф. 173. II, ед. хр. 49, лл. 4–17]. Сходное употребление латинских терминов в риторике, написанной на русском языке, представлено в рукописной «Священной риторике в тропах и фигурах» 1798 г. (см.: [Маркасова 2021]). Возможно, разрабатываемая Ломоносовым, Амвросием Серебренниковым и другими авторами система риторических терминов на русском языке проигрывала латинской терминосистеме с точки зрения универсальности и общепонятности [Лемешев 2014], поэтому массовая практика преподавания риторики в семинариях оставалась латинской.

При этом в качестве образцовых текстов в семинариях начинают активно распространяться произведения на русском языке — в первую очередь поэтические (оды Ломоносова, Сумарокова, Державина,

«Россиада» Хераскова и др.) и ораторские (речи Ломоносова, проповеди Платона Левшина, Илии Миняitia, произведения Карамзина и др.). Они отмечены в отчетах учителей и инструкциях руководства и мыслятся как обязательные для ознакомления учеников ([РНБ, ф. 522, ед. хр. 209, лл. 89об., 90, 94об., 140об.] и т. д.).

В классах риторики и поэтики мы также отмечаем повышенное внимание руководства семинарий к качеству русского языка. Так, еще в 1766 г. Платон Левшин отдельно указывал на необходимость упражнений в риторике не только на латыни, но и на русском, «ибо нелепо приучать к языку латинскому, а родную речь бросать» [Знаменский 1881: 744]. Существенное внимание уделялось правильному произношению [Знаменский 1881: 753].

Однако, несмотря на наличие печатных руководств и признанных образцовых текстов, чтение всего курса риторики на русском даже в конце века встречалось крайне редко. В Тверской семинарии в 1775–1783 гг. при наместничестве Арсения Верещагина курс риторики (а также философии и богословия) преподавался не только на латыни, но и на русском [Колосов 1889: 174–175], однако при смене епископа высшие предметы на русском были отменены. В 1792 г. в Александро-Невской семинарии М. М. Сперанский читал курс риторики на русском, но опубликован он был только в 1844 г. Примечательно, что само «Краткое руководство к оратории российской» Амвросия Серебренникова в предисловии декларируется как помощь тем учащимся, которые лишены знания языков и «принуждены или против воли быть незнающими, или от чужих уст зависеть, дабы хотя некоторое иметь просвещение» [Амвросий 1778: 1], — что заведомо не могло быть отнесено к ученикам класса риторики семинарий.

Даже на рубеже веков общественно признанным образцом для духовенства остается риторика на латыни, поэтому учебники на латыни оказываются более распространены. Кроме общепризнанных Бургия и Леже, на латыни публикуются и новые пособия для семинарий: «*Rhetoricae sacrae de inventione argumentorum et movendis affectibus libri duo: Conscripti in usum studiosorum Seminarii Petropolitani Alexandro-Neven-sis*» Иннокентия Дубравицкого (1790), учебник церковного красноречия Анастасия Братановского «*Tractatus de concionum dispositionibus formandis in usum juventutis, ad sacra Graeco-Russicae Ecclesiae munia ambienda obeundaque formandae*» (1806) и др.

Параллельно с распространением печатных учебников в семинариях мы наблюдаем увеличение количества сохранившихся рукописных ученических сборников, состоящих из своих и чужих образцовых текстов — выписок, цитат, подборок фактов, стихов, речей, проповедей,

пъес и т. д.⁸ Требование наблюдать, чтобы ученики делали выписки из читаемых русских и латинских книг «как касательно свойства языка, так [и] риторических украшений, полезных нравоучений» прямо содержится в инструкции учителю риторики Новгородской семинарии рубежа веков [РНБ, ф. 522, ед. хр. 209, л. 138об.].

В результате с середины века единый учебный текст рукописной латинской риторики, в которой теория и примеры объединялись под одной обложкой, начинает распадаться на два относительно независимых — и по структуре, и по языку — элемента: печатную риторическую теорию (преимущественно на латыни) и рукописный сборник актуальных для студентов образцов.

Неудивительно, что в таких сборниках латинских текстов намного меньше, чем русских, или они не встречаются совсем: сборники составлялись учениками для последующего использования в послесеминарской жизни — в первую очередь как набор материалов для создания собственных проповедей и поздравительных стихов.

Материалы этих сборников показывают, что интересы студентов в современной им русской литературе выходят за границы представленных в программах риторики и поэтики текстов, определенных руководством семинарий. Кроме «программных» од Ломоносова, произведений Сумарокова, Хераскова, Державина и др., ученики на рубеже веков переписывают из журналов и альманахов произведения входящих в моду сентименталистов. Например, в сборнике «Оды, выбранные из лучших стихотворцев...» из Переславской семинарии [РГАДА, ф. 188, ед. хр. 756] скопирована существенная часть из первого тома альманаха «Аониды» и одно стихотворение из второго тома (1796–1797).

С этими процессами коррелируют изменения в составе семинарских библиотек. До 1760-х гг. ядром обязательного семинарского чтения была художественная литература на латыни (см.: [Хотеев 1993: 35–48]), четко отделявшая представителей образованного духовенства не только от «неученых», но и от людей, получивших светское образование. Именно античную классику в первую очередь закупали вместе с

⁸ Например: «Сатиры Кантемира и сборник ученических переводов и упражнений по стихосложению и риторике Василия Романова, выполненные под руководством Гедеоны Слонимского» (1744–1750 гг., [РГБ, ф. 299, ед. хр. 505]); «Сборник образцов приветственных речей и стихотворений, составленный в Троицкой духовной семинарии» (не ранее 1762 г., [РГБ, ф. 173.Ш, ед. хр. 32]); Сборник нравоучительных выписок учеников Переславской семинарии (1770–1772 гг., [РГБ, ф. 299, ед. хр. 107]), «Сборник проповедей, учебных переводов Семена Павлова» (посл. четверть XVIII в., [РГБ, ф. 173.Ш, ед. хр. 49]); «Сборник проповедей, похвальных слов, стихотворений, поздравлений и др.» [РГБ, ф. 299, ед. хр. 606]; «Сборник стихотворений, составленный студентами Славяно-греко-латинской академии» (кон. XVIII — нач. XIX в., [РГБ, ф. 299, ед. хр. 565]) и др.

основными церковными книгами при организации семинарий в конце 1730-х — 1740-х гг.: так, для Александро-Невской семинарии в 1738 г. были выписаны из Лейпцига 200 экземпляров латинских книг: «географий Целяриевых 50, Цицероновых Епистоларум адфамилиарес 50, Виргилиев 50, Овидиевых Тристиум 50 же» [Чистович 1857: 33]. Для сравнения: на русском языке было куплено 25 атласов. Для организации Рязанской семинарии после покупки букварей, учебных церковных книг и «латинских элементарей» были куплены две книги — Овидия и Вергилия, а затем как «нужнейшие» приобретены сочинения Горация, Цицерона, Тита Ливия, Квинта Курция и др. [Агнцев 1889: 34–35].

С середины 1760-х гг. в семинарские библиотеки поступают целые подборки актуальной литературы на русском языке (оригинальной и переводной). Например, в описи библиотеки Троицкой семинарии 1761–1763 гг. [РГБ, ф. 173.I, ед. хр. 585.I], составленной в 1761 г., содержится 1685 пунктов в основном разделе (богословские, исторические, философские и художественные книги на латыни, а также единичные издания на немецком, французском, польском). Раздел «Реэстр всех книг русских...» (всего 502 номера) составляют церковные издания и рукописи на церковнославянском языке (евангелия, псалтыри, четьи минеи, патерики, шестодневны, произведения отцов церкви и т. д.). В этой части каталога на русском языке представлены книги, имевшие практическую ценность («Духовный регламент», «Флоринова экономия», географические атласы, отдельные учебные пособия, описания коронаций и фейерверков, «Ведомости» разных лет и т. д.).

С 1763 по 1780 г. в этот экземпляр каталога записывали новые поступления книг: подборками покупают издания од, театральные сочинения, партиями поступают книги на французском и немецком языках (см. [Kislova 2020]). Книги на латыни в последующие части каталога входят крупными комплексами только тогда, когда в библиотеку поступает личное собрание умершего церковного иерарха. Учебная литература на латыни (грамматики, словари) продолжает поступать, реже встречаются научные и богословские издания, но доля латинских книг по сравнению с книгами на русском (а также немецком и французском) в новых поступлениях заметно уменьшается.

Связь художественной литературы в библиотеках семинарий с курсами риторики и поэтики вполне прозрачна и отражает включенность образованных церковных иерархов в текущий литературный процесс. Например, весной 1779 г. была опубликована «Россияда» Хераскова, уже 9 сентября 1779 г. ректор и префект Московской академии направили митрополиту Платону (Левшину) предложение о покупке ряда книг для обучения студентов, в том числе в списке была указана

«Россиада» [РГБ, ф. 757, к. 41, ед. хр. 7]. После одобрения Платона «Россиада» появляется в каталоге библиотеки Троицкой семинарии — и впоследствии она попадает в число образцовых текстов, которые изучаются в курсах поэтики и риторики. Библиотеки также наполняются разнообразными моралистическими и назидательно-развлекательными сборниками коротких историй типа «Спутник и собеседник веселых людей...», «Товарищ разумной и замысловатой...» П. Семенова, журналами типа «Полезное увеселение», «Утренний свет», «Вечерняя заря» и т. д. Они не отмечались в репортах учителей, но списки невозвращенных учениками книг (например, [РГБ, ф. 277, ед. хр. 16, лл. 169–171]) показывают, что они были вполне доступны студентам и популярны как книги для самостоятельного чтения именно в старших классах семинарий.

Можно ли видеть в качестве причины распространения русского языка в классах риторики во второй половине века усиление практической направленности обучения в семинарии (необходимость составления речей и поздравительных стихов, активизацию проповедничества)? Казалось бы, перед учениками первой половины века после окончания семинарий ставились те же самые задачи, однако объем текстов на «природном» языке даже в сохранившихся сборниках выписок намного меньше, а образцы «на природном языке» в рукописных учебниках занимают более маргинальную позицию. Скорее мы имеем дело со сложным комплексом причин и следствий, которые усиливали позиции русского языка, поддерживая друг друга. Развитие русской литературы приводило к появлению популярных в светском обществе образцов; в моду входили публичные праздники, на которых произносились речи и читались стихи на русском языке; развивалось книгоиздание, становилось все больше книг на русском языке — и библиотеки семинарий пополнялись литературой на русском, которая оказывалась доступна ученикам. В то же время правительство регулярно требовало активизации проповедничества — и с середины века проповеди на гибридном церковнославянском вытесняются проповедями на русском языке [Живов 1996: 377–400; Кислова 2011]. Все это в целом повышало статус русского языка в семинариях, однако пока не приводило к ослаблению позиций латыни: она оставалась языком риторической теории и общепризнанных образцов.

Библиография

Агнцев 1889

Агнцев Д. И., *История Рязанской духовной семинарии*, Рязань, 1889.

Амвросий 1778

Амвросий (Серебренников), *Краткое руководство к оратории российской*, Москва, 1778.

Владимирский-Буданов 1874

Владимирский-Буданов М. Ф., *Государство и народное образование в России XVIII-го века*, I, Ярославль, 1874.

Вомперский 1988

Вомперский В. П., *Риторика в России XVII–XVIII вв.*, Москва, 1988.

Живов 1996

Живов В. М., *Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996.

Знаменский 1881

Знаменский П. В., *Духовные школы в России до реформы 1808 года*, Казань, 1881.

Кислова 2011

Кислова Е. И., Издание придворных проповедей в 1740-е годы, XVIII век, 26: *Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века*, С.-Петербург, 2011, 52–72.

——— 2015a

Кислова Е. И., Французский язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов, *Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия III: Филология*, 2015, 4 (44), 16–34.

——— 2015б

Кислова Е. И., Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов, *Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия III: Филология*, 2015, 1 (41), 53–70.

——— 2015в

Кислова Е. И., Польский язык в российских семинариях XVIII в.: из истории культурно-языковых контактов, *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2015, 3, 155–170.

Колосов 1889

Колосов В. И., *История Тверской духовной семинарии. Ко дню 150-летнего юбилея семинарии*, Тверь, 1889.

Манчестер 2015

Манчестер Л., *Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России*, Москва, 2015.

Лемешев 2014

Лемешев К. Н., Наименования фигур предложений в Риторике М. В. Ломоносова, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 10/1, 2014, 629–663.

Маркасова 2021

Маркасова Е. В., «Священная риторика о тропах и фигурах» (1798) из собрания Российской национальной библиотеки, *Chinese Journal of Slavic Studies*, 1, 1, 2021, 122–136.

Надеждин 1876

Надеждин К. Ф., *История Владимирской духовной семинарии (с 1750 года по 1840 год)*, Владимир, 1876.

Николаев 2004

Николаев С. И., *От Кохановского до Мицкевича. Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX в.*, С.-Петербург, 2004.

Никольский 1898

Никольский П. В., *История Воронежской семинарии*, 1, Воронеж, 1898.

Описание... XIX 1913

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, XIX (1739 г.), С.-Петербург, 1913.

Смирнов 1855

Смирнов С. К., *История Московской Славяно-Греко-Латинской академии*, Москва, 1855.

——— 1867

Смирнов С. К., *История Троицкой лаврской семинарии*, Москва, 1867.

Смолич 1996

Смолич И. К., *История русской церкви. 1700–1917*, 1, Москва, 1996.

Сперанский 1892

Сперанский И. П., *Очерки истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ со времени основания семинарии до ее преобразования по уставу 1867 года (1728–1868)*, Смоленск, 1892.

Суториус 2008

Суториус К. В., *Источники по истории преподавания православного латиноязычного богословия в России в первой половине XVIII века*, дисс. ... к. и. н., С.-Петербург, 2008.

Сухова 2013

Сухова Н. Ю., *Духовные школы и духовное просвещение в России (XVII – начало XX в.)*, Москва, С.-Петербург, 2013.

Титлинов 1905

Титлинов Б. В., *Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви*, Вильна, 1905.

Флоровский 2009

Флоровский Г. В., *Пути русского богословия*, Москва, 2009.

Хотеев 1993

Хотеев П. И., *Книга в России в середине XVIII века. Библиотеки общественного пользования*, С.-Петербург, 1993.

Цыпин 2019

Цыпин В., прот., *Канонический возраст*, *Православная энциклопедия* (<http://www.pravenc.ru/text/1470249.html>).

Чистович 1857

Чистович И. А., *История С.-Петербургской духовной академии*, С.-Петербург, 1857.

Freeze 1977

Freeze G., *The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century*, Cambridge, London, 1977.

Kislova 2015

Kislova E. I. "Latin" and "Slavonic" Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century, *Slověne*, 2015, 4/2, 72–91.

——— 2020

Kislova E. I., What, how and why the Orthodox Clergy read in 18th-Century Russia, *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*, 1, Milano, 2020, 179–218.

Lewin 1972

Lewin P., *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie*, Wrocław, 1972.

Łużny 1966

Łużny R., *Pisarze kręgu akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polskowschodniosłowiańskich XVII–XVIII w.*, Krakow, 1966.

Okenfuss 1995

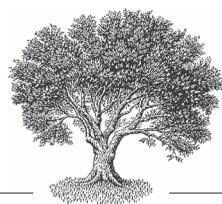
Okenfuss M. J., *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-modern Russia. Pagan authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy*, Leiden, New York, Köln, 1995.

References

Florovskij G. V., *Puti russkogo bogoslovija*, Moscow, 2009.Freeze G., *The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century*, Cambridge, London, 1977.Khoteev P. I., *Kniga v Rossii v seredine XVIII veka. Biblioteki obshchestvennogo pol'zovaniia*, St.-Petersburg, 1993.Kislova E. I., *Izdanie pridvornyh propovedei v 1740-e gody, XVIII vek, 26: Staroe i novoe v russkom literaturnom soznanii XVIII veka*, St.-Petersburg, 2011, 52–72.Kislova E. I. "Latin" and "Slavonic" Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century, *Slověne*, 2015, 4/2, 72–91.Kislova E. I., The French Language in Russian Seminaries of the 18th Century: From the History of Cultural Contacts, *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 2015, 4 (44), 16–34.Kislova E. I., The German Language in Russian Seminaries of the 18th Century: From the History of Cultural Contacts, *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 2015, 1 (41), 53–70.Kislova E. I., Pol'skij jazyk v rossijskikh seminar'jah XVIII v.: iz istorii kul'turno-jazykovykh kontaktov, *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2015, 3, 155–170.Kislova E. I., What, how and why the Orthodox Clergy read in 18th-Century Russia, *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*, 1, Milano, 2020, 179–218.Lemeshev K. N., Denomination of the Figures of Thought in Lomonosov's Rhetoric, *Acta Linguistica**Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 10/1, 2014, 629–663.Lewin P., *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie*, Wrocław, 1972.Łużny R., *Pisarze kręgu akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polskowschodniosłowiańskich XVII–XVIII w.*, Krakow, 1966.Manchester L., *Holy Fathers, Secular Sons. Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*, Moscow, 2015.Markasova E. N., *The Sacred Rhetoric of Tropes and Figures (1798) from the Collection of the Russian National Library*, *Chinese Journal of Slavic Studies*, 1, 1, 2021, 122–136.Nikolaev S. I., *Ot Kohanovskogo do Mickevicha. Razyskaniia po istorii pol'sko-russkikh literaturnykh svjazej XVII – pervoj tretej XIX v.*, St.-Petersburg, 2004.Okenfuss M. J., *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-modern Russia. Pagan authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy*, Leiden, New York, Köln, 1995.Smolich I. K., *Istorija russkoj cerkvi. 1700–1917*, 1, Moscow, 1996.Sukhova N. Ju., *Duhovnye shkoly i duhovnoe prosveshchenie v Rossii (XVII – nachalo XX v.)*, Moscow, St.-Petersburg, 2013.Vomperskij V. P., *Ritoriki v Rossii XVII–XVIII vv.*, Moscow, 1988.Zhivov V. M., *Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996.

Екатерина Игоревна Кислова, кандидат филологических наук,
доцент филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных
факультетов
Россия / Russia
e.kislova@gmail.com

Received January 15, 2020

Литературный трансфер Н. М. Карамзина

[Рец.: Кафанова О. Б. *Переводы
Н. М. Карамзина как культурный
универсум*. СПб.: Алетейя, 2020.
356 с.]

N. M. Karamzin's Literary Transfers

[Rev. of: Kafanova O. B.,
*Perevody N. M. Karamzina
kak kul'turnyi universum*. St.
Petersburg: Aleteiia, 2020. 356 p.
(in Russian)]

Константин Юрьевич Лаппо- Данилевский

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

Konstantin Yu. Lappo- Danilevskii

Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Монография О. Б. Кафановой «Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум» (2020) рассматривает период с 1783 по 1800 г. Книге предшествовали многочисленные статьи, рассматривавшие отдельные аспекты темы. Поначалу Карамзин располагал хорошими знаниями лишь французского и немецкого языков, поэтому он использовал многочисленные посредники на этих языках, знакомя русскую аудиторию с произведениями мировой литературы (древняя и восточная поэзия, драмы Шекспира, Оссиан и проч.). Лишь в 1790-е гг. он стал привлекать для своей работы издания на английском и итальянском языках. Помимо прочего, в рецензии на монографию устанавливается ряд источников переводов Карамзина. Дополнения В. И. Симанкова преследуют ту же цель.

Ключевые слова

Литературные переводы Н. М. Карамзина, интертекстуальность, западно-европейское влияние на русскую литературу в XVIII столетии.

Цитирование: Лаппо-Данилевский К. Ю. Литературный трансфер Н. М. Карамзина // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 353–366.

Citation: Lappo-Danilevskii K. Yu. (2021) N. M. Karamzin's literary transfer. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 353–366.
DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.15

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Abstract

O. B. Kafanova's monograph «N. M. Karamzin's translations as a cultural universe» (2020) is the result of many years of comparative studies. Numerous articles on the topic preceded this book, which covers the period from 1783 to 1800. In the beginning Karamzin had good knowledge of French and German only so that he used numerous intermediaries in these languages to acquaint the Russian audience with world literature (ancient and eastern poetry, dramas of Shakespeare, Ossian etc.). Only in the final decade of the eighteenth century did Karamzin begin to draw on texts in English and Italian for these purposes. Among other things, the review establishes some previously unknown sources of Karamzin's translations. V. I. Simankov's supplemental list pursues the same objective.

Keywords

Nikolaj M. Karamzin's literary translations, intertextuality, West European influence on the Eighteenth-century Russian literature

Всякий, кто знаком с биографией Карамзина, знает, сколь важную роль в формировании писателя сыграли переводы. Первоначально они предпринимались Карамзиным под влиянием Н. И. Новикова и его единомышленников, отражали царившие в этом кругу настроения, затем же с течением времени и в подборе авторов, и в тематике все больше проявлялись интересы самого Карамзина, его приоритеты и ценности. При этом подавляющее число публикаций, особенно журнальных, Карамзин не подписывал, и не одно поколение ученых, опираясь на упоминания в переписке, мемуарах, материалах новиковского процесса и иные данные, потрудились над выявлением корпуса карамзинских переводов, а также их источников. Рассматриваемая монография О. Б. Кафановой «Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум» продолжает эту традицию, являясь синтезом многочисленных статей самой исследовательницы, а также работ ее предшественников (П. Н. Берков, П. А. Гринцер, Р. Ю. Данилевский, П. Р. Заборов, Ф. З. Канунова, Н. Д. Кочеткова, Э. Г. Кросс, Ю. Д. Левин, В. И. Маслов и др.). В книге рассмотрены первые восемнадцать лет переводческой деятельности Карамзина — с 1783 по 1800 г.

В первой части монографии, озаглавленной «Годы учения», лишь вскользь упомянуты сочинения К. Х. Штурма и И. Ф. Тиде (степень участия Карамзина в их переводе до конца не ясна), а также прозаический перевод поэмы С. Геснера «Деревянная нога». При этом подробнее, в соотнесении с подлинником, рассматриваются «Вечера в замке» («*Les Veillées du château*») С. Ф. де Жанлис, переводы которых названы Кафановой «переводами для сердца»; они были напечатаны в 1787–1788 гг. в журнале «Детское чтение для сердца и разума». Действительно, этот перевод с элементами переделки предоставляет исследовательнице благодарный материал для сопоставлений. Рамочное повествование «Вечеров в замке» перенесено Карамзиным в подмосковное село Уединенное, где встречаются и беседуют госпожи Добролюбова и Правосудова, «пожилой студент» Своемыслов, господа Любов, Сохин и др. А в «Истории герцогини Ч***» Карамзин позволяет себе даже переменить концовку: герцогиня Ч***, выйдя из заточения, проводит свои последние годы в уединении, довольствуясь дружбой с графом

Бельмиром. «Для разума» же Карамзин переводил, по мнению Кафановой, отрывки из «Созерцания природы» Ш. Бонне, их подбор исследовательница подробно анализирует, полагая не без оснований, что Карамзин выбирал то, что ему было особенно созвучно, и что он таким образом солидаризировался с особенно близкими ему размышлениями. Стоит пожалеть, что в главе не фигурирует имя А. А. Плещеева, о сотрудничестве с которым при переводе этой книги Карамзин сообщал самому Бонне в письме от 21 января 1790 г. (в «Письмах русского путешественника» приведен его текст с датой «22 января» и без раскрытия имени Плещеева) [Gellerman 1991: 79–80].

Кафановой удалось установить, что Карамзин переводил «Юлия Цезаря» У. Шекспира с немецкого перевода И. И. Эшенбурга, а не с французского П. Латурнера, как считалось ранее. Ей также принадлежит наблюдение о том, что в предисловии к трагедии русским писателем была использована статья К. М. Виланда. Кафанова выявляет «карамзинскую составляющую» этого текста, делает существенные наблюдения о «шекспиризме» писателя. Завершает первую часть монографии глава об «Эмилии Галотти» Лессинга — единственном переводе, который делался для постановки на московской сцене.

Часть вторая «“Московский журнал”: переводы в роли отсутствующих сотрудников» читается с неизменным интересом, хотя ее название вызывает некоторое удивление. Карамзин, конечно же, был душой и главным вкладчиком этого эпохального издания, но он не был одинок. Его поддерживали своим участием в журнале Г. Р. Державин, Д. И. Дмитриевский, А. И. Дмитриев, И. И. Дмитриев, В. В. Капнист, П. М. Карabanов, Ф. П. Ключарев, Н. А. Львов, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, А. А. Петров, В. С. Подшивалов, И. П. Тургенев, М. М. Херасков и ряд других литераторов. Убедителен общий вывод Кафановой о том, что ориентирами при создании журнала нового типа были для Карамзина «два Меркурия» — «*Mercure de France*» (1724–1820) и «*Der Neue Teutsche Merkur*» (1773–1810); второй из этих журналов издавался К. М. Виландом. Эти два журнала, как и ряд других западноевропейских печатных органов, были фронтально просмотрены Кафановой на предмет выявления источников карамзинских переводов. Исследовательница, вооруженной этой информацией, удается сделать ряд важных наблюдений о приемах и вкусах русского писателя. Весьма показательно, например, что, переводя из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна историю Марии [Стерн 1791], Карамзин сознательно опустил имя несимпатичного ему «грубого» Рабле, а также придал повествованию «сентиментально-меланхолическую тональность», изначально тому не свойственную. К знаменитой иронии Стерна Карамзин оказывается маловосприимчив. В то же время весьма существенно, что именно симпатия к Стерну побуждает Карамзина все чаще переводить с английского, совершенствуясь в этом языке. В целом же Кафанова не без оснований видит в переводах из европейских авторов развернутое широким фронтом утверждение эстетики сентиментализма: это и «слезные повести», и «нравоучительные сказки» (Ж. Ф. Мармонтель, Ж. П. К. Флориан, А. Ф. Коцебу), и статьи по эстетике (Ф. Л. Бутервек, Х. Гарве, К. Ф. Мориц, И. А. Эберхард), и портреты «чувствительных авторов» (К. М. Виланд, С. Геснер, Ф. Г. Клопшток и др.), заимствованные у Л. Мейстера, и рецензии на представления западноевропейских театров. Не лишен пикантности шиллеровский сюжет, ибо известно о

прохладном отношении Карамзина к немецкому классику: из журнала «Талия», издававшегося Ф. Шиллером, Карамзин выбирает пьесу, которую представляет читателю как «Юлиану, Шиллерову драму» (подлинный ее автор — Л. Ф. Губер [Губер 1792; Данилевский 1972: 30–32]; переведен был лишь первый акт), но которая весьма далека от драматических открытий Шиллера. Тяга к экзотике, желание представить чувствительность как универсальное свойство всех народов сказывается в интересе к литературе путешествий как подлинных (И. В. Архенгольц, Ф. Ле Вейьян, К. Ф. Морич), так и вымышленных (Ж.-Ж. Бартеlemi), в выборочном переводе из «Саконталы» Калидасы (с немецкого комментированного издания Г. Форстера), в оссианических темах, заявляющих о себе на страницах «Московского журнала». После обзора переводов, помещенных в «Московском журнале», этом вполне зрелом предприятии молодого Карамзина, Кафанова высказывает свое мнение о сложившемся к тому времени переводческом методе писателя, соотнося его с высказываниями и практикой наиболее влиятельных европейских предшественников — Д. Драйдена, Д. Локка, А. Тайтлера, А. Поупа, П. Д. Юэ, Анны Дасье, А. Удара де Ламотта, Ж. Ф. Мармонтеля, П. Летурнера, Й. Я. Брейтингера, Ф. Г. Клопштока, И. Г. Гердера и др.

Две заключительные части монографии — «Переводы в кризисные годы (1793–1798)» и «Пантеон иностранной словесности» (1798): межкультурный дискурс — посвящены переводческой деятельности Карамзина в годы, когда он после якобинского террора производил пересмотр прежних политических идеалов. Вряд ли можно согласиться с оброненным вскользь суждением Кафановой о том, что «переводы в это время стали своего рода прибежищем Карамзина, особенно в период наиболее острого разочарования в культурно-исторических событиях 1793 г.» [Кафанова 2020: 200]. Достаточно упомянуть, что альманах «Аглая» (1794–1795; кн. I–II) создавался как печатный орган, в котором должны были выходить «одни лишь русские сочинения» [Карамзин 1794: 144; ср.: Idem 1795: 6], и что Карамзин поместил в нем немало собственных произведений. Скорее из изложения Кафановой напрашивается вывод о том, что и в эти годы переводческая деятельность Карамзина остается важнейшей составляющей его творчества, а отбор авторов и специфика их сочинений дают важный материал для характеристики его умонастроений этого периода. Конечно, и сами переводческие предприятия этих лет были весьма различны: ведя в 1795 г. раздел «Смеси» в «Московских ведомостях», Карамзин обращался к газетам и журналам, извлекал из них нечто броское, яркое, запоминающееся, но в то же время и информативное, и, по возможности, забавное. Задачи создания художественной психологической прозы нового типа, как и в его собственных повестях, решались писателем при работе над двухтомником Ж. Ф. Мармонтеля [Мармонтель 1794] и над «Зюльмой» Ж. де Сталь [Сталь 1796; ср.: Заборов 1972]. Берясь за «Пантеон иностранной словесности» (М., 1798. Кн. 1–3), Карамзин стремился расширить горизонты русских читателей, не обладавших необходимыми знаниями иностранных языков, и сделать для них доступными, хотя бы отчасти, сочинения авторов различных эпох и народов. О последнем из этих замыслов Карамзин весьма подробно писал И. И. Дмитриеву 1 марта 1798 г., в том числе упоминая и денежную заинтересованность. Для Кафановой это становится отправным пунктом при анализе «Пантеона» [Карамзин 1866: 92–93].

Третья и четвертая части монографии предлагают, на мой взгляд, материал различной степени увлекательности, причиной чему тот факт, что не все источники, не все конкретные издания, с которыми работал Карамзин, установлены Кафановой и ее предшественниками. В тех случаях, когда они известны, исследовательница выступает во всеоружии, сопоставляя разноязычные тексты и демонстрируя особенности обращения Карамзина с претекстами. Так, с неизменным интересом читается глава о «Зюльме» госпожи де Сталь, подвергнутой Карамзиным разного рода «корректировкам» и переименованной в «Мелину». С воодушевлением пишет Кафанова о «Новых Мармонтелевых повестях», полагая, что сам их отбор, не говоря о других аспектах, приводит к возникновению в переводной книге иного цикла, с иной типологией любовных ситуаций, с иными акцентами, с ослабленной нравоучительностью. Куда более эмоционален и стиль Карамзина. В ряде случаев Кафанова позволяет себе экскурсы. Тот, что находится в главе о Мармонтеле и связан с рассуждениями о влиянии французского писателя на Карамзина, особенно удачен. Исследовательница цитирует предисловие к переводу одной из повестей Карамзина на французский язык, сделанному А. Куафье де Версероном, в котором тот утверждает, что у произведений русского писателя есть национальное лицо («physiognomie nationale»). Куафье де Версерон сравнивает Карамзина с Мармонтеlem и приходит к выводу, что чувствительность русского писателя более нова («plus neuve») и более близка к природе («plus près de la nature») [Karamzin 1802: 1; этот перевод, как установлено Кафановой, был, в свою очередь, сделан с немецкого перевода И. Г. Рихтера (1764–1829)]. Это свидетельство современника Кафанова противопоставляет суждениям В. Н. Топорова, писавшего в связи с «Бедной Лизой», что перевод ее на французский язык, если отвлечься от русских реалий, будет мало чем отличаться «от французской прозы соответствующего типа» [Топоров 1995: 45–46].

Выявив значительное число конкретных публикаций, ставших источниками переводов в «Пантеоне иностранной литературы» из европейских литератур Нового времени, в частях «античной» и «восточной» Кафанова не имеет возможности проследить, какие именно издания были под рукой у Карамзина, что лишает изложение детальности и убедительности, которые видим в тех случаях, когда она подобными знаниями обладает. Заводя речь о переводах из древних (Цицерон, Саллюстий, Тацит), исследовательница высказывает лишь следующее предположение: «При переводе Карамзин, по-видимому, пользовался готовой антологией (немецкой или французской?)» [Кафанова 1989: 244].

Кафанова выявляет отдельные самоценные «сюжеты» в «Пантеоне». Одна из глав четвертой части озаглавлена «Дискуссия об Оссиане», хотя эта «дискуссия» была особого рода: Карамзин перевел анонимную рецензию из «Энциклопедического журнала» («Magasin encyclopédique»), содержащую критический разбор перевода на французский язык сборника «Гэльские древности» («Galic antiquities», 1780) известного английского филолога Д. Смита (1747–1807). При этом он внес в текст рецензии ряд изменений, отражавших его разочарование в «оссианической поэзии». Особое внимание уделено опубликованным в «Пантеоне» сочинениям Б. Франклина, интерес к личности которого проходит через все творчество Карамзина. В заключительной главе четвертой части «Век Просвещения в Европе: Франция и Англия» делается вывод о правомерности рассмотрения

трехтомного «Пантеона» как «своего рода журнала одного автора», вступавшего в диалог с читателем посредством переводов из других авторов. Вопрос стиля при этом был одним из центральных, «Пантеон» был своеобразной хрестоматией слога, учившей мыслить и чувствовать по-новому.

Замыкает монографию раздел приложений, включающий: библиографию переводов Карамзина с 1783-го по 1800 год, список использованной научной литературы и именной указатель. Первый из этих материалов, опубликованный еще в 1989 году [Кафанова 1989], является ключом к книге, его концентрацией *in puse*, почему и заслуживает специального разговора. В сравнении с первой публикацией библиография дополнена всего одной позицией — в ней теперь учтен прозаический перевод эпиграммы П. Д. Э. Лебрена, служащий эпиграфом к первой книге «Пантеона иностранной словесности» (1798), а также расширена первая сноска за счет позднейших работ Кафановой по теме. Кажется, более изменений нет.

Библиография переводов Карамзина содержит разделы: 1. Отдельные издания; 2. Журнальные публикации¹; 3. Сборники переводов. В третьем из них всего одна позиция: «Новые Мармонтелевы повести» (М., 1794–1798. Ч. 1–2), которую, на мой взгляд, было бы уместнее поместить в разделе первом, ведь это тоже «отдельное издание».

Наибольшей научной заслугой Кафановой следует признать составление второй части библиографии переводов Карамзина — многие годы она потратила на поиск источников, предприняв фронтальный просмотр ведущих франко- и немецкоязычных журналов за релевантные годы («Allgemeine Deutsche Bibliothek», «Bibliothèque Britannique», «Deutsche Monatsschrift», «Magasin encyclopédique», «Mercure de France», «Der Neue Teutsche Merkur» и др.). Как признается сама исследовательница, ею не были учтены «некоторые мелкие статьи и отрывочные цитаты без ссылок на источники из отдела “Смесь” (в “Московском журнале” и “Московских ведомостях)». Об этом, конечно, нельзя не пожалеть, ибо фиксация подобных переводов была бы небесполезна, так как мотивировала бы поиск их источников.

В самих описаниях Кафанова скрупулезно фиксирует указания (порой весьма расплывчатые) на источники, имеющиеся в подзаголовках, сносках или в самом конце публикаций. В связи с такой детальностью подачи материала нельзя не пожалеть, что не приведены подписи или не сделаны отметки об их отсутствии под публикациями — так, в журнале «Муза» все три перевода Карамзина подписаны литерой «Ц. Ы.», что исключало их восприятие в качестве отсылки к инициалам и было сродни его криптонимам в «Московском журнале»². В редких

¹ Здесь находим следующие подразделы: «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), «Московский журнал» (1791–1792), «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» (1796–1799), «Московские ведомости» (1795), «Муза» (1796), «Пантеон иностранной словесности» (1798). Строго говоря, вряд ли к журналам можно причислить газету «Московские ведомости», альманах «Аониды», сборник «Пантеон иностранной словесности», поэтому этот раздел, скорее, заслуживал названия «Публикации в периодике».

² Возможно, заслуживало упоминания в книге и то, что с переводами связана мистификация Н. М. Карамзина, к которым он не был склонен в своих изданиях. Во второй части «Аонид» как переводы с французского с подписью «О. О.» были опубликованы два стихотворения, обращенных к П. Ю. Гагариной, в которую

случаях у переводов Карамзина имеются и посвящения — так, например, публикация «Сельмских песен» имеет подзаголовок: «Гаврилу Романовичу Державину посвящает переводчик» [Макферсон 1791: 134–149]. Учет посвящений был бы также весьма желателен.

С номерами 26 и 27 (повесть «Пустынник» и краткий моралистический рассказ «Благодеяние») в разделе, посвященном «Детскому чтению для сердца и разума», связана известная сложность, о чем Кафанова пишет лишь в основном тексте монографии. Дело в том, что, примыкая к переводам Карамзина из Жанлис в «Чтении», они долго как таковые и воспринимались³, однако схожие сочинения у французской писательницы не находятся. Э. Кросс, большой знаток творчества писателя, полагает, что повесть «Пустынник» — произведение Карамзина [Cross 1972]. В любом случае помещение этих двух публикаций в данной росписи в высшей степени оправданно. Прибавлю также, что весьма уместным, на мой взгляд, было бы небольшое уточнение относительно «Аркадского памятника» (№ 29), переведенного Карамзиным для «Детского чтения» из журнала Х. Ф. Вейссе «Друг детей» («Der Kinderfreund»), ибо это не оригинальное произведение немецкого писателя, но свободный перевод пьесы Д. Кита с английского языка [Keate 1773]; отсылая к работам Томаса Баумана, на это недавно указал В. И. Симанков [Симанков 2015: 372–373].

Опираясь на собственные изыскания, я хотел бы сделать несколько предварительных уточнений и дополнений к «Библиографии переводов Н. М. Карамзина (1783–1800)», составленной Кафановой, ибо многие тексты, необходимые для окончательных выводов, были мне пока недоступны. Уточняющим пассажирам ниже предпосланы номера в библиографии, к которым они относятся. Кроме того, в ходе дружеского обсуждения текста настоящей рецензии В. И. Симанков поделился со мной сведениями еще о ряде источников карамзинских переводов; они публикуются ниже в приложении отдельным списком.

№ 41. Автором книги «Жизнь и похождения Бедного человека из Токкенбурга» является Ульрих Брекер, прозванный «Бедный человек из Токкенбурга» (Ulrich Bräker, genannt «Der arme Mann aus dem Toggenburg» (Tockenburg), 1735–1798), швейцарский писатель-самоучка, чья автобиография была впервые напечатана в 1788–1789 г. в «Швейцарском музее» («Schweizerisches Museum»; отд. изд.: [Bräker 1789]) и вызвала широкий резонанс как свидетельство простого, «естественного» человека. Карамзин перевел из «Всеобщей немецкой библиотеки» Фридриха Николаи («Allgemeine Deutsche Bibliothek») рецензию, подписанную криптонимом «Тм.». В эти годы так обозначал здесь свое авторство Иоганн Готтлоб Шнейдер (Johann Gottlob Schneider, 1750–1822) — филолог-классик и натуралист [Parthey 1842: 27, 69].

Карамзин в это время был влюблен: «К неверной» и «К верной» [Аониды 1797: 247–257, 259–268].

³ Эта традиция «повинна» в том, что в авторитетнейшем каталоге, где представлено содержание второго издания «Детского чтения», повесть «Пустынник» описана как перевод из Жанлис [Сводный каталог 2000: 69; № 13897]. Вслед за «Благодеянием» в первом издании «Детского чтения» имеется указание «Конец сочинениям госпожи Добролюбовой», именно под этим именем, как писалось выше, выступает повествовательница «Вечеров в замке» у Карамзина [Карамзин 1788: 96].

№ 44. При описании рецензии на книгу «Романтические картины прошедших времен» («*Romantische Gemälde der Vorwelt*». Leipzig, 1789), как и в «Московском журнале», отсутствует указание на ее автора, им был Иоганн Эрнст Фридрих Вильгельм Мюллер (Johann Ernst Friedrich Wilhelm Müller, 1764–1826), как явствует из росписи «Библиотеки немецкой литературы» [Frey 1999: 535; Goedeke 1893: 517]. Во «Всеобщей немецкой библиотеке» рецензия подписана криптонимом «Ag.», которым в то время пользовался Вильгельм Фридрих Герман Рейнвальд (Wilhelm Friedrich Hermann Reinwald, 1737–1815) [Parthey 1842: 55].

№ 55. Кафановой учтен непосредственный источник перевода «Жизни и дел Иосифа Бальзамо, так называемого графа Калиостро» в «Московском журнале» в 1791 г. — это публикация в «Немецком Меркурии», где указаны инициалы того, кто перевел этот текст с итальянского на немецкий — «С. J. J.». Они принадлежат Кристиану Йозефу Ягеману (Christian Joseph Jagemann, 1735–1804). Сочинена же эта книжка была итальянским иезуитом Стефано Антонио Морчелли (Stefano Antonio Morcelli, 1737–1822). В том же году в Веймаре вышел отдельный полный перевод его книги [Morcelli 1791].

№ 61. Литера «К» под статьей о смерти английского короля Якова II в журнале «Немецкий ежемесячник» («*Deutsche Monatsschrift*». 1791. Bd 1. März. S. 310–312) указывала на авторство Карла Сигизмунда Крамера (Karl Sigismund Kramer, 1759–1808) [Elwert 1799: 314–317].

№ 71. Прозаический перевод «Шотландской баллады», напечатанный в «Московском журнале» в 1792 г., скорее всего, был заимствован из январского номера журнала «Французский Меркурий» за 1791 г. («*Mercure de France*». 1791. Janvier. P. 41–44), где в разделе литературных новостей содержится краткая информация о сборнике «Сентиментальные подарки на Новый год» [Etrennes 1790] и из него приведен с похвалами текст этой баллады («*Ballade écossoise*»; также в прозе; автор не указан).

№ 96. Трогательная история «Дамон и Питиас нашего времени»⁴ о дружбе между мусульманином Фезулой и христианином Лоренцо почерпнута, на мой взгляд, напрямую из травелога Томаса Уоткинса (Thomas Watkins, 1769–1829) [Watkins 1792]. Поэтому можно сделать вывод, что заключительные строки в ней принадлежат Карамзину:

Когда англичанин Ваткинс был в Сицилии, любезный музульманин не мог еще расстаться со своим Лоренцом и жил с ним вместе в загородном доме. Святое чувство! Кто дерзнет назвать тебя неблагоприятием? Низкие души! будьте вечно идолами для самих себя; не жертвуйте ничем для дружбы и не знайте никогда, что есть дружба! [Ваткинс 1795: 596].

Карамзин, по своему обыкновению, довольно вольно перевел отрывок, «эмоционализируя» его; ему же принадлежит и название, отсылающее к известному античному преданию.

⁴ В полном виде название выглядит следующим образом: «Дамон и Питиас нашего времени (из Ваткинсонова путешествия, напечатанного в Лондоне в 1793 году)». В подзаголовке содержится явная опечатка, ибо первое издание книги Уоткинса вышло в 1792 г., а второе — в 1794 г.

№ 144. В публикации сообщается о путешествии в Персию Пьера-Жозефа де Бошана (Pierre-Joseph de Beauchamp, 1752–1801), имя которого в библиографии не упомянуто; о подробном описании его путешествия говорится в основном тексте книги [Кафанова 1989: 259–261], хотя Карамзин явно опирался на журнальную публикацию (см. ниже в приложении).

№ 154. Довольно объемная сентиментальная повесть «Аделаида и Монвиль: Истинный анекдот» в третьей книге «Пантеона иностранных авторов» является переводом сочинения Клода Жозефа Руже де Лиля (1760–1836), которое было опубликовано в его сборнике «Опыты в стихах и прозе» 1796 г. [Rouget de Lisle 1796]. Тот факт, что Руже де Лиль был не только литератором, но и композитором, а к тому же автором текста и музыки знаменитой «Марсельезы» (она также воспроизведена в «Опытах в стихах и прозе»), еще требует своего осмысления.

Уточнения, сделанные выше, показывают, что изучение переводов Н. М. Карамзина — процесс живой, до конца не завершённый, где еще возможны определенные уточнения, корректировки, открытия. При этом книга Кафановой, в основу которой положены многолетние разыскания, — несомненно определенный рубеж, завершающий длительный период изучения этой грани литературной деятельности выдающегося русского писателя. Благодаря монографии Кафановой наглядно предстает круг литературных приоритетов Карамзина, его переводческие и переложительские техники и стратегии, его просветительские интенции, его широкая осведомленность в западноевропейской словесности, его интерес к Востоку, Африке и Новому Свету, а также те пути, на которые он устремлял отечественную литературу, и те горизонты, которые перед ней открывал.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. И. Симанков

Дополнения к «Библиографии переводов Н. М. Карамзина (1783–1800)»
О. Б. Кафановой

№ 87. Надежда. (С немецкого) // Московский Журнал. 1792. Ч. 8. № 12 (Декабрь). С. 206–208.

= Ein Fragment aus dem noch ungedruckten dritten Theil des Wurmsaamen und Wurmfeld / Jünger [= Johann Friedrich Jünger, 1756–1797] // Thalia. 1787. Bd. 1. Ht. 2. S. 129–131. — В качестве третьей главы вошло в кн.: Huldreich Wurmsamen von Wurmfeld. Leipzig, 1787. Th. 3. S. 5–8.

Другой перевод Карамзина из И. Ф. Юнгера («Колодез истины»: Вестник Европы. 1802. Ч. 6. № 24. С. 261–289) см.: Drews 2008: 255.

№ 115. Перевод из Библиотеки светских людей («Я был недавно в гостях у одного автора, поэта, романиста, сентименталиста, трагика, комика и проч. ...») // Московские Ведомости. 1795. № 99. С. 1876.

= Sur les spectacles // Bibliothèque des gens du monde. Paris, 1788. T. II. P. 114–117. — Перепечатка из: Pot-Pourri [Éd. par Jean-Pierre-Louis, marquis de Luchet]. [Francfort sur le Mein], 1782. № 5. P. 292–299.

№ 122. Цицерон о боге. Мысли, выбранные по большей части из его книги о Натуре богов // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 1. С. 1–17.

= Sur la Religion // Pensées de Cicéron, traduites pour servir à l'éducation de la jeunesse. Par Mr. l'Abbé d'Olivet. Paris, 1744. P. 21–47. — (многочисленные переиздания).

Карамзин выполнил свой перевод фрагментов из сочинений Цицерона по учебному пособию аббата д'Оливе (1682–1768), где латинский оригинал сопровождался французским переводом. Ср. более ранний перевод Ивана Шишкина, исправленный и отредактированный М. В. Ломоносовым, в кн.: Мнения Цицероновы, из разных сочинений его собранные для наставления юношества аббатом Оливетом. [СПб.,] 1752. С. 1–11.; Изд. 2-е. [СПб.,] 1767. С. 2–21.

№ 124. Последние слова Козроэса-Парвиса, сказанные им сыну своему. Перевод из Персидской книги Бостана, сочиненной поэтом Сади // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 1. С. 42–46.

= Dernières paroles de Khosroës-Parviz à son fils; Tirées du livre Persan, appelé *Bostan*, ouvrage en vers, composé par Sadi // Nouveaux Mélanges de Littérature Orientale <...>. Ouvrage posthume de M. Cardonne. Paris, L'An V [= 1796/1797]. T. 2. P. 159–163.

№ 125. Мысли об уединении, переведенные из той же Садиевой книги // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 1. С. 47–50.

= Pensées sur la Solitude; Tirées de même livre Persan de Sadi // Nouveaux Mélanges de Littérature Orientale <...>. Ouvrage posthume de M. Cardonne. Paris, L'An V [= 1796/1797]. T. 2. P. 163–166.

№ 126. Бюффон перед концом жизни. Из записок Эро-Сешеля // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 1. С. 51–128.

= Voyage à Monbart en 1785, par Hérault-Séchelle // Magazin encyclopédique. 1795. T. III. P. 372–413.

Отрывки из «Путешествия в Монбар» Эро-Сешеля были помещены не только в журнале «La Décade» (1797), но и в журнале «Magazin encyclopédique» (1795), и отрывки эти не вполне идентичны: так, фрагмент, образующий второй абзац публикации в «Magazin encyclopédique» («Il est à propos, comme on le verra dans un moment, que je fasse ici mention de la lettre...»), отсутствует в «La Décade», но имеется у Карамзина. Судя по отмеченным расхождениям, можно заключить, что при переводе отрывков из Эро-Сешеля Карамзин работал непосредственно с журналом «Magazin encyclopédique».

№ 127. Письмо из Лондона («Наш славный пешеходец, г. Спилард...») // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 1. С. 129–132.

= Nouvelles littéraires («M. Spillard, le célèbre voyageur à pied...») // Magazin encyclopédique. 1795. T. VI. P. 131–134.

№ 129. Просвещение // Пантеон иностранной словесности. 1798. Ч. 1. С. 136–138.

= Les Lumières // L'Esprit des Journaux. 1796. Т. II (Mars et Avril). P. 196–197.
— Перепечатка из «Les Saisons» (1795) Сен-Ламбера.

№ 134. Армидин сад. Перевод из Тассова Освобожденного Иерусалима // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 1. С. 229–252.

= Jérusalem délivrée, ou Cours de langue italienne, à l'aide duquel on peut apprendre cette langue chez soi, sans maître, et en deux ou trois mois de lecture. Par M. Luneau de Boisjermain. Lausanne, 1795. Т. 3. P. 36–61.

В учебном пособии П.-Ж. Люно де Буажермена (1731–1801) итальянский оригинал сопровождался французским подстрочным переводом.

№ 137. Две арабские оды // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 2. С. 33–37.

= [1.] Gazel de Saib; [2.] Ode Arabe sur le Vin // Nouveaux Mélanges de Littérature Orientale <...>. Ouvrage posthume de M. Cardonne. Paris, L'An V [= 1796/1797]. Т. 2. P. 210–214.

№ 144. Новейшее известие о Персии, из путешествия г-на Бошана Вавилонского генерал-викария // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 2. С. 228–288.

= Relation d'un voyage en Perse, fait en 1787 par M. de Beauchamp, vicaire-général de Babylone, & correspondant de l'Académie des sciences // L'Esprit des Journaux. 1791. Т. VI (Juin). P. 263–297. — (Перепечатка из «Journal des Savans»).

№ 148. Мысли восточных мудрецов // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 2. С. 308–310.

= Morale des Orientaux, ou maximes et pensées diverses <...>; par le cit. M. P. A. Miger <...> // L'Esprit des Journaux. 1796. Т. III (Mai et Juin). P. 12–13.

№ 149. Катон в Ливии. Перевод из Лукановой Фарсалии // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 3. С. 1–23.

= La Pharsale de Lucain, traduite en François par M. Marmontel, de l'Académie Française. Paris, 1766. Т. 2. P. 259–274.

В использовании данного посредника убеждает анализ отклонений от оригинала, наличествующих и у Мармонтеля, и у Карамзина. Ср.: 1) у Лукана (9.379–380): «O quibus una salus placuit mea castra secutis / indomita cervice mori...» (букв. «О вы, которые положили своим единственным спасением — притекши к моему лагерю, умереть без ярма на шее...»); 2) у Мармонтеля: «O vous qui en suivant mes drapeaux, ne demandez qu'à mourir libres, & qu'à dérober votre tête au joug...»; 3) у Карамзина: «О вы, следующие за моими знаменами единственно для того, чтобы умереть истинными Римлянами и не чувствовать ига Цесарева!..»

Библиография

Аониды 1797

Аониды, или Собрание разных новых стихотворений, 2, Москва, 1797.

Ваткинс 1795

Дамон и Питиас нашего времени (из Ваткинсонова путешествия, напечатанного в Лондоне в 1793 году), *Московские ведомости*, № 24, 1795, 596.

Губер 1792

[Губер Л. Ф.], Юлиана, Шиллерова драма, *Московский журнал*, 7/2, 1792, 122–155.

Данилевский 1972

Данилевский Р. Ю., Шиллер и становление русского романтизма, М. П. Алексеев, отв. ред., *Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы*, Ленинград, 1972, 5–95.

Заборов 1972

Заборов П. Р., Жермена де Сталь и русская литература первой трети. XIX в., М. П. Алексеев, отв. ред., *Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы*, Ленинград, 1972, 168–202.

Карамзин 1788

[Карамзин Н. М.], Благоедеяние, *Детское чтение для сердца и разума*, 15, 1788, 94–96.

Карамзин 1794

[Карамзин Н. М.], От сочинителя, *Аглая*, 1, 1794, 144.

Карамзин 1795

[Карамзин Н. М.], Посвящение, *Аглая*, 2, 1795, 3–6.

Карамзин 1866

[Карамзин Н. М.], *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с примеч. и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским*, С.-Петербург, 1866.

Кафанова 1989

Кафанова О. Б., Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783–1800) // *XVIII век*, 16: *Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века*, Ленинград, 1989, 319–337.

Кафанова 2020

Кафанова О. Б., *Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум*. С.-Петербург, 2020.

Макферсон 1791

[Макферсон Д.], Сельмские песни. Из творений Оссиановых, *Московский журнал*, 3/2, 1791, 134–149.

Мармонтель 1794

Мармонтель Ж. Ф., *Новые Мармонтелевы повести, изданные Н. Карамзиным, пер. с фр.*, 1–2, Москва, 1794–1798.

Сводный каталог 2000

Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825), 2: *Журналы (Г–Ж)*, С.-Петербург, 2000.

Симанков 2015

Симанков В. И., Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), *XVIII век*, 28, Москва, С.-Петербург, 2015, 323–374.

Сталь 1796

[Сталь А. Л. Ж.], *Мелина, пер. с фр.*, Москва, 1796.

Стерн 1791

Стерн Л., Мария (отрывок из Стернова Путешествия), Н. М. Карамзин, пер. с англ., *Московский журнал*, 2/2, 1791, 179–189.

Топоров 1995

Топоров В. Н., «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения / к 200-летию со дня выхода в свет, Москва, 1995.

Bräker 1789

[Bräker U.], *Lebensgeschichte und natürliche Ebentheuer des Armen Mannes im Tockenburg*, Zürich, 1789.

Cross 1972

Cross A. G., Karamzin's First Short Story?, Lyman H. Legters ed., *Russia: Essays in History and Literature*, Leiden, 1972, 38–55.

Drews 2008

Drews P., *Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850*, München, 2008.

Elwert 1799

Elwert J. K. P., ed., *Nachrichten von dem Leben und den Schriften jeztlebender teutscher Aerzte, Wundärzte, Thierärzte, Apotheker und Naturforscher*, Hildesheim, 1799.

Etrennes 1790

Etrennes sentimentales, ou Choix de prose et de poésie, propres à former les qualités du cœur, Falaise; Paris, 1790.

Frey 1999

Frey A., ed., *Bibliothek der deutschen Literatur. Bibliographie und Register. 2. vollständig überarb. und erweitert. Ausg., bearb. unter der Leitung von Axel Frey*, München, Leipzig, 1999.

Gellerman 1991

Gellerman S., Karamzine à Genève. Notes sur quelques documents d'archives concernant les Lettres d'un Voyageur russe, M. Bankowski, P. Brang, C. Goehrke, R. Kembal, eds., *Fakten und Fabeln: Schweizerisch-slavisches Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert*, Basel, Frankfurt am Main, 1991, 73–90.

Goedeke 1893

Goedeke K., *Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen... fortgeführt von E. Goetze / 2., ganz neu bearb. Aufl., 5: Vom siebenjährigen bis zum Weltkrieg. 2. Abt.*, Dresden, 1893.

Karamzin 1802

Karamzin N., Natalie, ou La Fille du boïard, conte traduit du russe, *Nouvelle bibliothèque des romans. 4-me année*, 11, Paris, 1802, 1–80.

Keate 1773

Keate G., *The Monument in Arcadia: A Dramatic Poem, in two acts*, London, 1773.

Morcelli 1791

[Morcelli S. A.], *Leben und Thaten Josephs Balsamo, des so genannten Grafen Cagliostro, gezogen aus dem wider ihn zu Rom im Jahr 1790 angestellten Prozess: worin zugleich auch Nachrichten von der Freymäurerrey gegeben werden, aus dem Italiänischen übersetzt von C. J. J.*, 1–2, Weimar, 1791.

Parthey 1842

Parthey G. F. C., *Die Mitarbeiter an Friedrich Nicolai's «Allgemeiner Deutscher Bibliothek» nach ihren Namen und Zeichen in zwei Registern geordnet. Ein Beitrag zur deutschen Literaturgeschichte*, Berlin, 1842.

Rouget de Lisle 1796

Rouget de Lisle J., Adélaïde et Monville, anecdote, *Essais en vers et en prose par Joseph Rouget de Lisle*. Paris, 1796, 61–98.

Watkins 1792

Watkins T., *Travels through Switzerland, Italy, Sicily, the Greek islands to Constantinople: through part of Greece, Ragusa, and the Dalmatian isles: in a series of letters to Pennoyre Watkins, in the years 1787, 1788, 1789*, 1–2, London, 1792.

References

- Cross A. G., Karamzin's First Short Story?, Lyman H. Legters ed., *Russia: Essays in History and Literature*, Leiden, 1972, 38–55.
- Danilevsky R. Yu., Shiller i stanovlenie russkogo romantizma, M. P. Alekseev, ed., *Rannie romanticheskie veianiia: Iz istorii mezhdunarodnykh sviazei russkoi literatury*, Leningrad, 1972, 5–95.
- Dreus P., *Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850*, München, 2008.
- Frey A., ed., *Bibliothek der deutschen Literatur. Bibliographie und Register. 2. vollständig überarb. und erweit. Ausg., bearb. unter der Leitung von Axel Frey*, München, Leipzig, 1999.
- Gellerman S., Karamzine à Genève. Notes sur quelques documents d'archives concernant les Lettres d'un Voyageur russe, M. Bankowski, P. Brang, C. Goehrke, R. Kemball, eds., *Fakten und Fabeln: Schweizerisch-slavishe Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert*, Basel, Frankfurt am Main, 1991, 73–90.
- Kafanova O. B., Bibliography of translation by N. M. Karamzin (1783–1800) // *XVIII century*, 16: *Results and problems of studying Russian literature of the XVIII century*, Leningrad, 1989, 319–337.
- Kafanova O. B., *Perevody N. M. Karamzina kak kul'turnyi universum*, St. Petersburg, 2020.
- Simankov V. I., Istochniki zhurnala «Detskoe chtenie dlia serdtsa i razuma» (1785–1789), *XVIII century*, 28, Moscow, St. Petersburg, 2015, 323–374.
- Toporov V. N., «Bednaia Liza» Karamzina: opyt prochteniia / k 200-letiiu so dnia vykhoda v svet, Moscow, 1995.
- Zaborov P. R., Zhermena de Stal' i russkaia literatura pervoi treti XIX v., M. P. Alekseev, ed., *Rannie romanticheskie veianiia: Iz istorii mezhdunarodnykh sviazei russkoi literatury*, Leningrad, 1972, 168–202.

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский, доктор филологических наук,
Dr. habil.,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Отдел по изучению русской литературы XVIII века
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4,
Россия / Russia
yurij-danilevskij@yandex.ru

Received June 24, 2021

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 10. № 2
Институт славяноведения РАН, 2021

Подписано в печать 22 • II • 2022 г. Формат 70×100/16.
Объем 23 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.